

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 38

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1953 — ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С. Н. БИБИКОВ

**РАННЕТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
ЛУКА-ВРУБЛЕВЕЦКАЯ
НА ДНЕСТРЕ**

**К ИСТОРИИ РАВНЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-СКОТОВОДЧЕСКИХ ПЛЕМЕН НА ЮГО-ВОСТОКЕ
ЕВРОПЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1953 — ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

А. Я. БРЮСОВ

О Т А В Т О Р А

В течение шести летних сезонов 1945—1950 гг. на Днестре проводились широкие полевые археологические исследования Среднеднестровской экспедицией Института истории материальной культуры Академии Наук СССР и Института археологии Академии наук УССР. Эти работы явились продолжением исследований, начатых в 1940 г. и прерванных в результате нападения фашистской Германии на нашу Родину.

Особое внимание при проведении работ было уделено изучению раннеземледельческого поселения трипольского типа в Луке-Врублевской на Днестре, где и развернулись большие стационарные раскопки. Выбор этого памятника для детального археологического исследования был неслучаен. Почти полное отсутствие материалов, рисующих наиболее раннюю ступень в развитии земледельческо-скотоводческих обществ на юге и юго-западе Европейской части СССР, заставило сосредоточиться именно на этом памятнике.

Предлагаемая вниманию читателей работа представляет публикацию материалов, добытых экспедицией при раскопках 1945—1950 гг. в Луке-Врублевской. Вместе с тем в работе на основании анализа археологического материала делаются выводы, касающиеся некоторых существенных исторических проблем.

Наш труд является опытом монографической публикации памятника. Подготовка и издание такого рода работы продиктована тем обстоятельством, что в советской литературе при наличии многочисленных отчетов о раскопках и обобщающих исследований нет ни одной монографической публикации хотя бы одного из многих сотен трипольских поселений. Зарубежные публикации таких выдающихся по своему

значению памятников, как, например, Кукутены или Фрумушица, не могут удовлетворить научные требования, так как освещены с буржуазных методологических позиций. Буржуазные исследователи игнорируют археологический материал как исторический источник. Одностороннее увлечение керамикой в плане формально-типологических классификаций, отсутствие интереса к исследованию жилищ и поселений в целом, неглубокое изучение орудий труда и экономики, идеалистическое освещение социальной организации и мировоззрения древних обществ — с этими пороками буржуазной археологической науки мы постоянно встречаемся в работах по изучению раннеземледельческих культур юго-восточной Европы. Отсутствие подлинно исторического подхода к изучению археологических памятников привело даже к тому, что зарубежные монографические публикации, как правило, не сопровождаются сколько-нибудь удовлетворительной полевой документацией.

В нашей работе мы стремились наряду с археологическим анализом дать историческую трактовку памятника, чтобы показать характер земледельческо-скотоводческой культуры на ранних ступенях ее развития в юго-восточной Европе.

Чтобы уяснить себе культурно-хронологическое положение Луки-Врублевской среди других раннеземледельческих поселений и тем самым подойти к вопросу о генезисе трипольской культуры, мы рассматриваем наш материал в трех главных направлениях: во-первых, отношение Луки-Врублевской к современным ей или близким к ней по времени памятникам трипольского типа, во-вторых, — к раннеземледельческим памятникам в пределах широкого

ареала расселения племен — на юго-востоке Европы, Балканах, в Передней Азии и на Среднем Востоке, в-третьих, — к местным дотрипольским культурам.

При построении работы мы остановились на рубрикации глав по категориям археологического материала — жилища, орудия, керамика, органические остатки и т. п., хотя и предугадывали возражения по этому поводу. Сделано это, во-первых, потому, что основной задачей мы все же ставим публикацию самого археологического материала, и, во-вторых, потому, что широкое и всестороннее освещение отдельных проблем раннетрипольской культуры выходит за рамки настоящей работы и требует дальнейшего накопления фактов. Из сказанного вовсе не следует, что, описывая те или иные категории археологического материала, мы обошли ряд крупных исторических проблем. В главах I—IV рассматриваются вопросы хозяйства и быта ранних земледельцев Луки-Врублевецкой; глава V посвящена некоторым чертам их мировоззрения и том виде, как эти черты вырисовываются по археологическим остаткам. Мы сочли также удобным каждую главу заключать выводами о том, что дает охарактеризованный в ней конкретный археологический материал для общей проблематики, связанной с изучением триполья. В заключительной главе (VI) нашли отражение вопросы происхождения трипольской культуры, хозяйственного и социального устройства трипольского общества.

Гениальные произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР», означающие новый этап в развитии марксизма, оказали свое благотворное влияние на укрепление идейно-теоретических основ всей советской науки и открыли новые перспективы для прогресса всех отраслей знания. Замечательные труды великого корифея науки помогли и советским археологам раскрыть вредоносное значение вульгарно-материалистических взглядов Н. Я. Марра, проникших в археологическую науку и тормозивших ее развитие. Труды И. В. Сталина указали единственно правильный путь к решению больших проблем, стоящих перед советскими археологами.

Сталинское указание на то, что исторический процесс связан с дроблением и расхождением, смешиванием и скрещиванием пле-

мен и народностей, ставит проблему происхождения трипольской культуры на прочную основу исторического материализма. С этих позиций становится ясной научная несостоятельность идущего от Марра вульгарного автохтонизма в объяснении возникновения трипольской культуры как выросшей якобы лишь на основе предшествующих ступеней развития местных европейских племен. В свете сталинских положений опровергаются и антинаучные взгляды, рассматривающие трипольскую культуру только как пришлую из древневосточных или средневропейских первоначальных ареалов расселения раннеземледельческих племен и не учитывающие культурно-исторической роли местных племен в сложении трипольской культуры.

В нашей работе мы сделали попытку, руководствуясь основополагающими указаниями И. В. Сталина, глубже рассмотреть и обобщить небольшую часть из огромного материала, накопленного советской археологической наукой.

Мы, естественно, не затрагиваем проблемы языка у трипольцев, но чем полнее будет изучена история трипольского общества, тем ближе советская наука подойдет к решению и этой проблемы. И. В. Сталин учит нас: «Язык относится к числу общественных явлений, действующих за всё время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка».¹

Если сейчас на основании анализа трипольской скульптуры с привлечением этнографических данных можно определенно говорить о ряде конкретных элементов мировоззрения древних земледельцев — о некоторых, в частности, религиозных представлениях, доживших до современности, то в языке как наиболее стойком общественном явлении могут быть раскрыты древние, например, лексические формы, восходящие еще к эпохе триполья. Таким образом,

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 22.

и проблема языка ранних земледельцев при комплексном подходе к изучению истории трипольского общества может оказаться не такой уж безнадежной.

Автор надеется, что настоящая работа окажется полезной не только нашей отечественной археологии, но будет способствовать укреплению связей советских археологов с археологами стран народной демократии.

Проблема раннеземледельческих и скотоводческих племен трипольской культуры давно привлекает внимание исследователей Румынии, Болгарии, Чехословакии и Польши. Она является общей для нас темой археологической науки и может быть успешно решена совместными усилиями советских археологов и археологов стран народной демократии.

ВВЕДЕНИЕ

Памятники раннеземледельческих племен на юге и юго-западе Европейской части СССР известны под названием трипольских. В течение многих десятилетий они являются предметом исследований, привлекая к себе внимание широкого круга специалистов. Интерес к трипольским памятникам, конечно, не случаен и объясняется не только эффективностью самих памятников и вещественных остатков, которые собираются при раскопках.

Еще первый исследователь трипольских местонахождений Викентий Вячеславович Хвойко, изучая многочисленные поселения триполья, пришел к интересному, но уже устаревшему выводу о принадлежности их пра- или протославянам, что уже само по себе не могло не привлечь внимания научной общественности. В. В. Хвойко попытался исторически осветить трипольскую культуру и найти ей место в исторической хронологии южных племен.¹ Серьезный вклад в исследование памятников триполья был сделан Э. Р. Штерном, сумевшим на широком сравнительном материале показать тесную связь трипольской культуры с домикенской культурой южной Европы.² После работ В. В. Хвойко и Э. Р. Штерна изучением трипольской культуры занялись Н. Ф. Беляшевский, А. А. Спицын, С. С. Гамченко, В. А. Городцов и многие другие. Разгорелась оживленная споры по поводу объяснений отдельных сторон этой культуры и в особенности о назначении постоянно открываемых на поселениях глинобитных площадок. Однако надо сказать, что за

это время, вплоть до советского периода, новых теоретических работ, связанных с исследованиями трипольских памятников, не появилось. Тем не менее интерес к этим памятникам не ослабевал и был направлен главным образом по линии накопления вещественных материалов и публикаций их, преимущественно в украинских изданиях.

По-иному изучение трипольской культуры было поставлено в советское время. Широкие полевые работы, предпринятые Академией Наук СССР и Академией наук УССР, развернулись в бассейне Днестра, южного Буга и Днестра и позволили собрать много нового материала, значительно пополняющего наши сведения о трипольской культуре. Экспедиционные исследования были подчинены широкому научному замыслу: разработать историческую периодизацию трипольских памятников, т. е. расположить их во времени, установить локальные варианты трипольской культуры и синхронизировать их между собой, раскрыть социально-экономический уклад общества, оставившего трипольские памятники, и, наконец, выяснить проблему происхождения трипольской культуры, равно как и процесс исчезновения ее. Такие широкие и планомерные работы могли быть осуществлены только потому, что в нашей стране наука стала важнейшим государственным делом.

Невольно, как резкий контраст с нашей советской действительностью, вспоминаются слова пионера в области изучения трипольских памятников В. В. Хвойко, с горечью сказанные им в одной из работ: «Не могу при этом пройти молчаливым и тех препятствий, с которыми при исследовании площадок приходилось встречаться на каждом шагу и которые в значительной степени

¹ В. Хвойко. Каменный век Среднего Поднепровья. Тр. XI археологического съезда, т. I, М., 1901.

² Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII археологического съезда, т. I, М., 1907.

затрудняли окончательное решение интересовавшего меня вопроса. Например, в с. Веремье, где площадки были открыты мною впервые, мне пришлось, кроме немалого труда, сделать еще и весьма чувствительные в материальном отношении затраты на вознаграждение деньгами всех без исключения владельцев, в усадьбах которых я производил далеко не всегда успешные раскопки. . .».

Подобные серьезные затруднения, порожденные дореволюционной действительностью, общей приниженностью науки в условиях капиталистического строя, приходилось преодолевать на каждом шагу В. В. Хвойко — ученому, на много опередившему западноевропейских исследователей не только в методическом отношении.¹

Совершенно иные условия работы сложились в советское время, которое характеризуется подлинным расцветом науки, посвятившей себя интересам народа и получившей от народа мощную идейную и материальную поддержку. Новые возможности открылись и для советских археологов. Широкий размах работ, передовые научные методы исследований, новые методические приемы раскопок продвинули, значительно вперед изучение вопроса об историческом месте и значении трипольской культуры — вопроса, ставшего в науке крупной исторической проблемой.

Еще не все поставленные вопросы нашли свое разрешение, не все выводы остаются бесспорными, но уже многое прояснилось и находится близко к тому, чтобы стать исторической истиной. Следует подчеркнуть, что из всех вопросов, связанных с трипольем, особо важное значение имеют два вопроса, верешенность которых придает трипольской культуре некоторую изолированность по восходящему и нисходящему путям развития. Имеется в виду происхождение трипольской культуры и процесс исчезновения или дальнейшей связи ее с другими, более поздними культурами. Многочисленные попытки выяснить первый вопрос уже дают возможность заменить различные догадки и гипотезы более позитивными взглядами. Что же касается второго вопроса, то здесь еще сделано немного, хотя и в этом направлении в по-

следнее время достигнуты некоторые успехи.

В настоящей публикации мы не ставим себе цели дать сводку проделанной в советское время исследовательской работы по изучению триполья. Это уже сделано в трудах ныне покойного талантливого ученого Е. Ю. Кричевского и в исследованиях доктора исторических наук Т. С. Пассек. Результаты этих работ дают нам возможность анализировать археологические собрания, добытые Среднеднестровской экспедицией в Луке-Врублевецкой, на большом сравнительном материале.

Территория Поднестровья издавна привлекала внимание историков и археологов. Здесь, на стыке древних цивилизаций юго-восточной Европы с южной и центральной Европой, искали они ответов на волнующие вопросы, связанные с изучением древнейших периодов истории человека, античности, средневековья и, особенно, возникновения и развития славянских племен. Насыщенность Поднестровья памятниками различных эпох делает эту территорию своеобразным богатейшим музеем, фонды которого еще в значительной части скрыты в земле. Даже те небольшие по своему размаху дореволюционные исследования, проводившиеся Хвойко, Штерном, Гамченко, Спичным, Сецинским, показали, какие огромные возможности открывает нам почва Поднестровья, сколько новых, ярких страниц по дописьменному и письменному периодам истории нашей Родины можно раскрыть, археологически изучая широкие просторы Подолья и более южных областей.

Долгие годы Среднее Поднестровье оставалось довольно слабо изученным в археологическом отношении. Захват Бессарабии королевской Румынией прекратил доступ советским исследователям на правобережье Днестра и затруднил производство археологических работ на левобережье. Несмотря на эти обстоятельства, археологическая работа в этом юго-западном крае Советского Союза все же продолжалась. Украинские археологи Е. Сецинский и М. Рудянский значительно приумножили то, что было сделано дореволюционными исследователями, особенно в области изучения первобытного Подолья.

После воссоединения Бессарабии с Советским Союзом открылись возможности для проведения широких археологических исследу-

¹ В. В. Хвойко первый применил систему раскопок палеолитических памятников большими площадями с изучением раскрытых объектов на месте.

лований в Поднестровье. Академия Наук СССР и Академия наук УССР организовали специальную археологическую экспедицию для выяснения объектов, на которых в первую очередь должны быть произведены археологические исследования. Автором этой работы совместно с Е. Ю. Кричевским и А. М. Стронгиним в летний сезон 1940 г. был проведен ряд разведок по маршрутам от Каменец-Подольского вниз по Днестру почти до Могилева-Подольского, по реке Смотрич на значительной части ее течения и на небольшом участке между реками Смотрич и Збруч, севернее Каменец-Подольского. Археологические обследования 1940 г. проводились только на левобережье Днестра, где в отдельных пунктах вместе с разведочными работами велись и стационарные раскопки. Удачно начатые полевые исследования вскоре пришлось прервать.

Наступил 1941 г. Мирный труд советских людей был нарушен вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз. Подолье оказалось временно оккупированным. Богатые собрания Каменец-Подольского, Проскуровского и других музеев были разграблены и уничтожены, погибла и часть коллекций, собранных в 1940 г.

После окончания Великой Отечественной войны Институт истории материальной культуры АН СССР совместно с Институтом археологии АН УССР вновь приступил к организации археологической экспедиции. Летом 1945 г. в Среднее Поднестровье направилась объединенная экспедиция в составе П. П. Ефименко, М. Я. Рудянского и С. Н. Бибикоаа, при участии сотрудников Института археологии и студентов Киевского университета. Экспедиция обследовала ряд памятников между Каменец-Подольским и селом Дымшии того же района. В дополнение к маршрутам 1940 г., проходившим по левобережью Днестра, прибавились и маршруты на правобережье, главным образом в Кельменецком районе Черновицкой области, между селами Грушки и Нагоряне. Этим было положено начало планомерному и систематическому археологическому изучению Подолья, впоследствии ежегодно осуществлявшемуся силами двух названных институтов.

Вскоре в изучении археологии юго-западных земель Советского Союза кроме Среднеднестровской экспедиции приняла

участие еще одна экспедиция, направленная в южную Подолию теми же двумя институтами, возглавляемая проф. М. И. Артамоновым. Наконец, Институт истории материальной культуры АН СССР совместно с Институтом археологии АН УССР снарядил экспедицию в северные районы Молдавии, а затем и на Подолье под руководством Т. С. Пассек, тоже сосредоточившей внимание на памятниках в бассейне Днестра. Таким образом, в последние годы в Поднестровье работали и продолжают работать уже три археологические экспедиции центральных археологических учреждений, добившиеся очень серьезных результатов в области исследований памятников палеолита, трипольских поселений, остатков культуры скифов и древних славян.

Даже самый краткий перечень экспедиционных археологических исследований, проводящихся в Подолии академиями наук и музеями, свидетельствует об огромном внимании к этой территории, о том широком размахе работ, который присущ советским исследователям. Об этом мог только мечтать В. В. Хвойко: «Подольская губерния, — писал он, — весьма богата и интересна хранящимся в ее земле археологическим материалом. Последний лежит почти нетронутым и ожидает того счастливого времени, когда лица, занимающиеся наукой, обратят на него надлежащее внимание».

В 1945 г. Среднеднестровская экспедиция, как сказано выше, начала свои планомерные работы в Каменец-Подольском районе. Одновременно были произведены разведочные поиски по Днестру и по его левым притокам от Збруча до Калюса и на правобережье, главным образом в Черновицкой области.¹

¹ В работах экспедиции основным ядром ее оставались сотрудники Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) и Института археологии АН УССР. Широко организованные работы привлекли к себе и другие учреждения, которые посылали своих сотрудников для прохождения полевой археологической практики. Ленинградский, Киевский, Черновицкий университеты, Киевский исторический музей, Одесский исторический музей, музей Каменец-Подольского и Черновиц в той или иной мере участвовали в работах экспедиции. Могли постоянными спутниками, возглавлявшими ответственные участки работ, всегда оставались старшие научные сотрудники ИИМК АН СССР П. И. Борисковский и М. А. Тиханова. Из числа наших помощников, особенно много сделавших для успеха в работе и непамятно участвовавших в экспедиции, следует отметить сотрудника Инсти-

Основной район работ Среднеднестровской экспедиции лежал к востоку и юго-востоку от Каменец-Подольского. Ландшафтные условия здесь отвечают тем описаниям Среднего Днестра, которые неоднократно приводились в научной и художественной литературе для отрезка от Каменец-Подольского до Могилева-Подольского.¹ Почти на всем этом протяжении Днестр течет в узкой долине, местами принимающей вид каньона. Крутые, высокие скалистые берега нередко вертикально обрываются к реке, оставляя, и то не всегда, лишь узкую полосу бечевника, скрывающуюся под водой в период высокого стояния воды. Коегде обрывистые обнажения берега отступают от Днестра, тогда к ним примыкают небольшие площадки с террасообразными уступами, на которых располагаются села. Нередко площадки связываются также с устьями впадающих в Днестр рек.

Район этот относится к зоне Прикарпаття; он довольно горист, обширные плато его прорезаны глубокими и узкими долинами рек и ручьев с сильно развитой сетью оврагов. На плато, а еще чаще на склонах балок постоянно встречаются лесные массивы лиственных пород — дуба, граба и других, представляющих реликты крупных лесных площадей, еще сохранившихся в Буковине.

Геологические условия правого и левого берегов Днестра ничем существенным не отличаются. Прибрежные возвышенности сложены здесь из известняков и сланцев с прослоями песчаников. Отложения эти

тута археологии АН УССР И. Г. Шовкопляса, сотрудника Государственного Эрмитажа Э. А. Сымаповича и сотрудников экспедиции Е. А. Векилову, А. А. Спарбера, М. Н. Трусову, К. В. Берняковича, А. М. Шовкопляса, К. В. Павлову, Л. Г. Коршунову, Т. А. Сорокину, О. А. Введенского. Весьма существенную помощь в полевой и камеральной работе оказали палеонтологи В. М. Бибикова и И. Г. Лидопличко.

Большая роль в работе экспедиции принадлежит действительному члену АН УССР, заведовавшему в течение многих лет Сектором палеолита и неолита ИИМК АН СССР Н. П. Ефименко. Принимая участие в полевых исследованиях на Днестре, П. П. Ефименко первый оценил научную значимость памятника в Луке-Врублевецкой и ему принадлежит инициатива производства раскопок этого поселения.

¹ Афанасьев-Чужбинский. Поездка в южную Русь, ч. II. — Гросул Толстой. Замечательные места Днестровского побережья. — К. М. Путевые очерки Подолья. Киевская старина, тт. IX и X, 1884.

перекрыты суглинками, а местами и выходами галечников древних террас.

Одна любопытная особенность отличает левобережье Днестра от правобережья на значительном протяжении — это развитие гидрографической сети. Для левобережья на этом участке характерно значительное число рек, впадающих слева в Днестр — Збруч, Жванец, Смотрич, Мукша, Тернава, Студеница, Ушица, Калос и ряд мелких речек и ручьев. Со стороны же правого берега на том же отрезке, если не считать небольшой речки Сурши с притоком Сары-Лунга, в Днестр впадают лишь редкие ручьи.

При сравнении правого и левого берегов Днестра бросается в глаза и другое отличие — левобережье значительно богаче кремневыми месторождениями, чем правобережье. Кремневые породы на левом берегу Днестра распространяются примерно от Ямполья на северо-запад по течению реки до Станислава и далее широкой полосой уходят на север. Выходы этой породы очень интенсивны и встречаются в виде плиточного серого крупнозернистого кремня, залегающего целыми массивами.

Надо сказать, что на левобережье Днестра повсюду встречаются иногда занимающие огромную площадь россыпи кремня, в основной своей части представляющие отходы кремнеобрабатывающего производства, существовавшего преимущественно в трипольскую эпоху. Места эти известны под ошибочным названием «раннеэнеолитических местонахождений» и распространены от Днестра вглубь материка, главным образом на плато возвышенностей.

Обратившись к карте Е. Сединского,¹ можно заметить, что Подолье, в том числе и его приднестровская часть, буквально насыщены древними памятниками. Многие из них еще слабо изучены. Любопытно, что на левобережье они располагаются часто не у крупных водных магистралей, а на высоких плоскогорьях коренного берега, естественно, там, где имела родниковая вода. На правом берегу древние поселения отмечаются и аналогичных условиях, но поскольку гидрографическая сеть правобережья выражена слабее, здесь селились и на берегу главной артерии — Днестра. Едва ли

¹ Е. Сединский. Археологическая карта Подольской губ. Тр. XI археологического съезда в Киеве, т. I, М., 1901.

высокое положение поселений вызывалось только соображениями защиты. Здесь имела место и экономическая незаинтересованность в рыбных богатствах Днестра, видимо, никогда не игравших серьезной роли в экономике древнего человека.

Для того чтобы представить себе, насколько богато памятниками Среднее Поднепровье, приведем небольшой пример. Между селом Студеница и устьем реки Смотрич на площади менее чем 350 км², с юга ограниченной Днестром, с севера линией Каменец-Подольский—Выхватинцы, Е. Сецинский отметил около 25 археологических пунктов. В последующие после составления карты годы количество открытых памятников увеличилось более чем в три раза. Даже в самой непосредственной близости от Луки-Врублевцевой, расположенной на повороте Днестра, в районе, где река, прокладывая себе путь в скалистом массиве, особенно причудливо изгибается четырьмя крутыми петлями, в радиусе на 2 км зарегистрированы: одно местонахождение с остатками древнепалеолитического возраста, два пункта со следами позднепалеолитических стоянок, один пункт залегания костей мамонта, два пункта со стоянками трипольского типа, остатки двух скифских стоянок, раннескифский могильник, поселение времени «полей погребений», славянское городище и так называемые римские валы. К этому необходимо прибавить раннетрипольское поселение, на котором производились нами раскопки, и перекрывающие его слои, содержащие остатки поселений «полей погребений» и средневековой славянской культуры. Все названные местонахождения не отмечены в литературе и обнаружены при разведочных работах Среднеднестровской экспедицией.

В 20 км к юго-юго-востоку от Каменец-Подольского на крутом изгибе левого берега Днестра, на самой южной его оконечности, расположено поселение Лука-Врублевцевая (рис. 1 и 2). Поселение занимает первую надпойменную террасу, или высокую пойму, представляющую собой почти ровную террасу, постепенно расширяющуюся к северо-западу от околицы селения, а затем вновь суживающуюся. Длина этой площадки не более 2 км, ширина едва достигает 0,5 км. К юго-западу от окраины села расположена овално вытянутая возвышенность — «бугор» 20-метровой высоты над Днестром.

Эта наиболее высокая часть террасы морфологически как-то не связывается с довольно ровным рельефом всей террасы. Бугор производит впечатление скорее искусственного сооружения; тем не менее его происхождение безусловно связано с естественными факторами, оставшимися геологически пока необъясненными. Вся терраса с северо-востока прикрыта высоким скалистым обнажением, являющимся продолжением берегового скалистого обрыва, тянущегося почти непрерывно на десятки километров, отходящего у Луки-Врублевцевой от береговой линии и уступающего место террасовидной площадке.

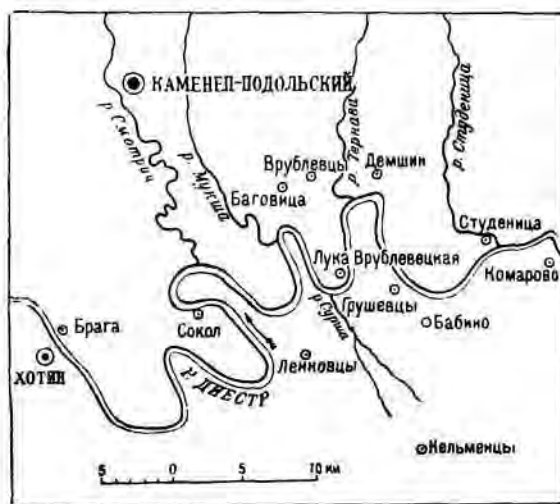

Рис. 1.

Сама терраса обрывается уступом в 2—4 м высотой к Днестру и отделена в летнее время от реки 10—15-метровой полоской каменистого пляжа. Именно с этой частью террасы (площадки), которая с юга примыкает к селу и использована под сады и огороды, связаны стационарные раскопки.

Противоположный, правый берег Днестра представляет отвесный скалистый обрыв, обнажающий свиту отложений известняков и сланцев, прорезанных водами Днестра. Почти напротив места, где производились раскопки, высокий берег прорезывается узкой долиной речки Сурши, сливающейся около устья с речкой Сары-Лунга.

Береговой левобережный уступ, обращенный к реке и обнаженный на несколько сот метров, дает вполне отчетливую картину отложений. В основном это суглинок, кото-

рый подстилается речным галечником. Последний интересен тем, что вглубь материка от береговой линии на протяжении 100 м дает повышение более чем на 10 м. Можно предположить, что это размытая древнечетвертичная терраса, с которой, вероятно, связаны находки древнепалеолитических орудий, подобранных на пляже.¹ Кое-где на срезе заметны включения овраж-

определять их как делювиально-аллювиальные. Остатки речных отложений — это результат разливов Днестра, отлагающих, хотя и немного, мелкие отмученные частицы пород на площадке. Терраса в настоящее время нередко заливается водами Днестра.

Современное село Лука-Врублевецкая расположено на высоте примерно 11—12 м над летним уровнем Днестра. Раннетриполь-

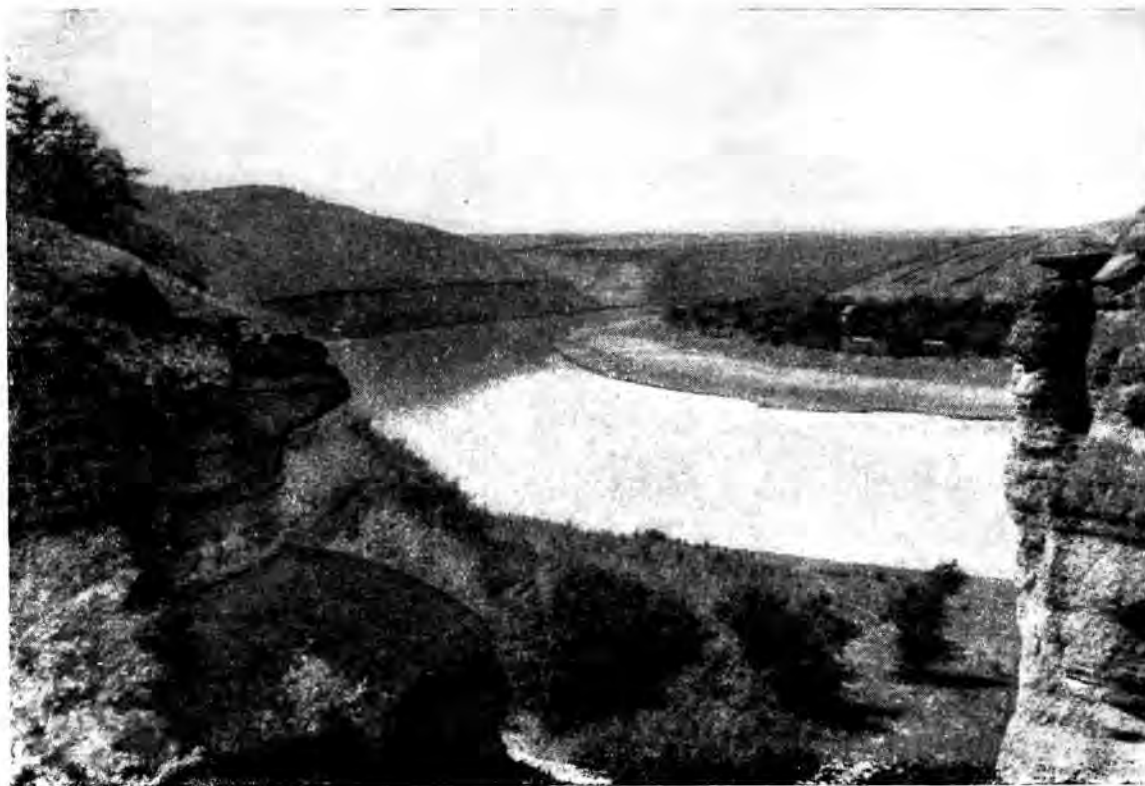

Рис. 2. Вид на Лука-Врублевецкую с юго-востока (с плато правого берега Днестра).

ного гравия, занесенного водами с возвышенности, с севера ограничивающей площадку. В главной своей части отложения на площадке делювиального происхождения, но редкие и слабо выраженные следы речных отложений в виде включений линз песка и других отмученных пород дают основание

¹ П. Борисковський. Работа в галузі вивчення палеоліту на Середньому Дністрі в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 315—319. — П. Борисковський. Древнепалеолитические местонахождения Среднего Поднестровья. Сов. археолог., т. XI, М.—Л., 1949, стр. 103—112.

свое поселение залегало на высоте 2—2.5 м. Таким образом, раннетрипольское поселение, как и современное село, подвергалось затоплениям, что, естественно, наложило свой отпечаток на сохранность и общий вид культурных остатков.

Литологический разрез на одном из участков раскопа следующий:

1-й слой — темный пахотный, рыхлый, мелкозернистый, поросший корнями растительности, мощностью 15—20 см;

2-й слой — серо-желтый суглинок средней плотности, комковатый, деградировав-

ный корнями растительности, мощностью до 1.1 м;

3-й слой — желтый суглинок, плотный, с редким включением аллювиальных отложений, местами прорезан кротовинами, мощностью до 2—2.5 м;

ского материала залегала на глубине 0.4—0.8 м. За этими находками, с глубины 1.2 м, начинается стерильный в археологическом отношении слой суглинка, в нижнем отделе которого находились остатки раннетрипольской культуры, отмеченные по-

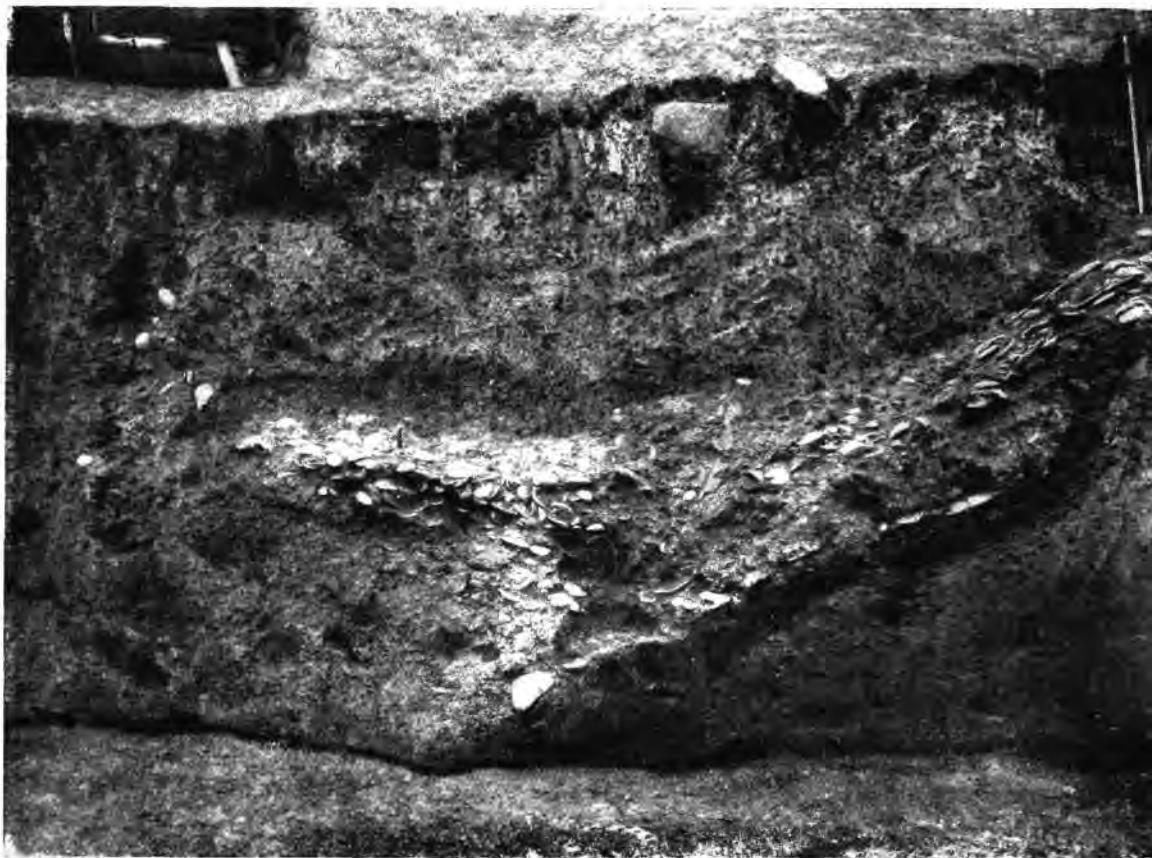

Рис. 3. Выходы культурного слоя на срез берегового обнажения.

4-й слой — речной галечник.

Залегание слоев на всей площадке почти горизонтальное (кроме галечников).

Приведенный разрез характерен для всех участков площадки, и если иногда и варьирует, то только в мощности напластований.

В 1-м и во 2-м слоях отмечаются находки, относящиеся ко времени бытования культуры «полей погребений» и средневековой славянской.¹ Основная масса археологиче-

темнением слоя вследствие содержания золы и угля, скопившихся на древней дневной поверхности.

На срезе обнажения особенно выделяется нижний раннетрипольский слой. В ряде пунктов обнажения легко прослеживаются корытообразные углубления, заполненные углем, золой, створками речных моллюсков, кремнем, керамикой, костями животных и т. д. (рис. 3). В целях спасения от дальнейших размывов наиболее угрожаемых участков на них в первую очередь и были организованы раскопочные работы. Раскопками и разведочными шурфами были установлены

¹ М. Тиханова. Разкопки верхних горизонтов поселения в с. Лука-Врублевецка. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Киев, 1949, стр. 177—184.

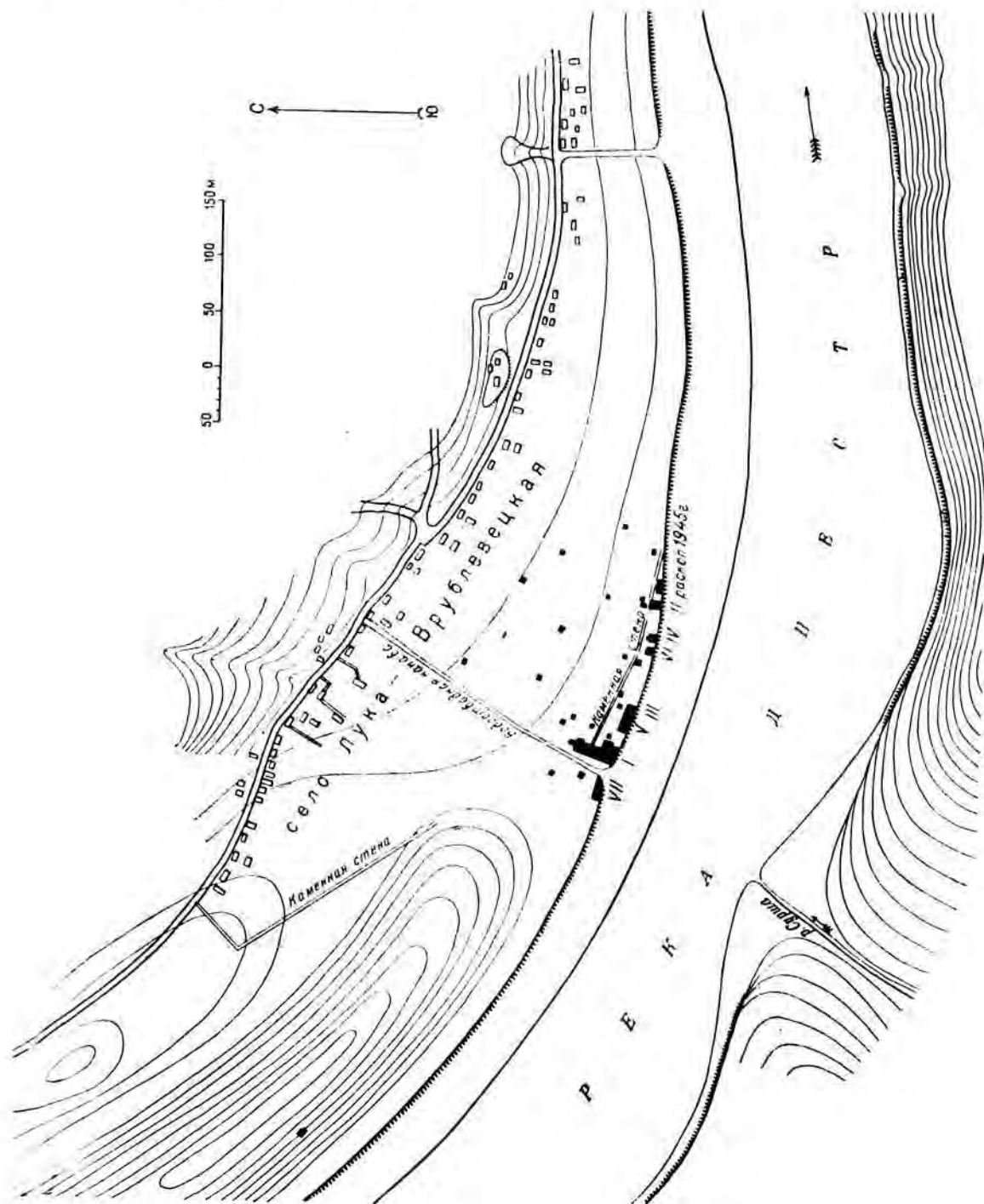

Рис. 4. План Луки-Врублевцевой с размещением пунктов раскопок.

примерные границы раннетрипольского поселения. Жилые комплексы располагались на самом берегу Днестра, на протяжении около 200 м. В глубине площадки кое-где встре-

чаются отдельные находки, но скопления остатков, равно как и углублений в слоях, не замечено.

Таким образом, само поселение занимало

бровку невысокого берегового уступа, а жилища располагались в один ряд (рис. 4).

Границы поселений времени «полей погребений» и культуры средневековых славян не совпадают с раннетрипольским поселением. Поселение времени «полей погребений» распространяется также по краю площадки, но заходит и на «бугор», где, видимо, был центр поселения, если судить по очень плотной концентрации жилых сооружений и количеству находок. Поселение средневековых славян тоже занимало площадку, но несколько отступая от берегового уступа, вглубь площадки. Отдельные находки остатков славянской культуры встречаются и на бугре. Одно сооружение в виде остатков землянки с печью, полуразрушенное течением реки, подходит, однако, к самому срезу.

Параллельно с раскопками на относительно больших площадях на всей террасе в шахматном порядке закладывались шурфы разных размеров — от 1×2 м до 2×3 м в зависимости от встречающихся культурных остатков в верхних горизонтах, иногда требующих расширения шурфов. Всего было заложено 23 шурфа, давших довольно ясную картину распределения культурных остатков по всей площадке и отчасти на бугре.

Методика раскопок по вертикали строилась на выделении стратиграфических признаков, т. е. по слоям. Однако имея в виду, что процесс отложений однородного слоя и культурных остатков в нем мог быть достаточно длительным и содержать разновременные комплексы, мы применили метод расчленения слоев на горизонты. Мощность горизонтов в зависимости от необходимости колебалась в пределах от 20 до 30 см.

Трассировка участков производилась с помощью обычно принятой поквдратной сетки, каждый квадрат которой равнялся 1 м^2 . Мы прибегли также к смотровым, или контрольным шурфам, представляющим собой небольшие выемки, не более 30—40 см по длине стороны квадрата. Эти шурфы закладывались на уже расчищенной жилой площадке или на периферии («крыльях») жилых углублений, чтобы выяснить мощность культурного слоя или его границы. Этот прием вполне оправдал себя, так как служил дополнительным ориентиром при установлении залегания культурного слоя в плоскостном и вертикальном направлениях в жилом углублении и на его окраинах. Глубина закладки контрольных шурфов

обычно не превышала 40—50 см. Все вертикальные отсчеты велись от нулевой горизонтальной с помощью подвешенного портативного нивелира.

За шесть сезонов раскопок в Луке-Врублевецкой раскрыто более 800 м^2 площади (вместе с шурфами более 850 м^2). Если учесть, что глубина залегания раннетрипольского слоя от современной поверхности доходит до 3 м, то масштаб произведенных работ становится ясным.

Последовательная нумерация раскопок не отвечает расположению их с запада на восток, а дана в той очередности, в которой проводились работы.

Первым по времени, т. е. в 1945 г., был заложен небольшой раскоп, отвечающий участкам 169—177 (жилище № 1); незначительный по своим размерам, он носил скорее разведочный характер и был закончен в том же году по завершению исследования заполнения остатков культуры в древнем жилье. (Ввиду слишком небольшой величины раскопа и исчерпания культурного слоя он не отмечен нумерацией).

Раскопы I, II и III были начаты в 1946 г., причем только раскоп III был закончен в этот сезон работы.

В 1947 г. раскопки продолжались на раскопах I и II (жилища №№ 2 и 3).

В 1948 г. был закончен раскоп II, заложены: раскоп IV — небольшой (жилище № 6), скорее записка для будущих раскопок, раскоп V, соединившийся с раскопом III (жилой комплекс № 4), и тоже небольшой раскоп VI (жилище № 7).

В 1949 г. исследовалась площадь раскопа I (жилище № 3), кроме того, по соседству с ним был начат раскоп VII (жилище № 5). Работами в 1949 г. руководил И. Г. Шовкопляс.

В 1950 г. работы сосредоточились на раскопе VII (жилище № 5) и было произведено небольшое по объему исследование на раскопе V.

Самым крупным являлся раскоп I площадью 417 м^2 ; раскоп II имел площадь 85 м^2 , раскопы III и V — 130 м^2 , раскоп VII — около 100 м^2 . Названные раскопы служили основными пунктами работ. Раскопы IV и VI имели вспомогательное значение и преследовали скорее цели сохранения культурных остатков от размыва и выветривания; площадь обоих раскопов не больше 25 м^2 .

Чтобы не возвращаться к вопросам методического характера, укажем на следующие обстоятельства. Сопоставление материала из разных раскопов не выявляет слишком заметных различий в комплексах. Распределение находок по горизонтам, т. е. по вертикали, тоже не дает оснований к разграничению их во времени по каким-либо устойчивым признакам. Следовательно, мы вправе с полным основанием отнести все находки из нижнего раннетрипольского слоя к одному возрасту. Этому не противоречат и наблюдения над культурным слоем, залегающим на древней дневной поверхности. Он очень тонок (в среднем 10—12 см), в отличие от довольно мощных (до 100 см) отложений, составляющих заполнение жилых комплексов, и не показывает стратиграфических различий.

Трудности, связанные с раскопками в Луке-Врублевецкой, отнюдь не были следствием неясности в стратиграфии, нечеткости которой, кстати, весьма часто затрудняет ведение полевой работы на Днестре. Наоборот, с точки зрения стратиграфической в Луке-Врублевецкой никакие затруднения перед нами не вставали. Зато изучение жилых комплексов и особенно их конструктивных деталей потребовало большого внимания, так как паводки, естественно, привели к некоторой деформации углубленных в землю жилищ и, тем более, различных мелких архитектурных деталей их, важных для понимания конструкции жилищ, но утраченных вследствие разрушительного действия воды, — например, ямки от столбов, ниши, ступеньки и иные детали.

В жилых углублениях на раскопах I, II, III, V и VII нетрудно было установить если не три, то во всяком случае два цикла заселения жилищ. Это четко прослеживалось по вертикальному распределению материала и по включениям речных отложений. Обильные входы в одном горизонте сменялись почти полным отсутствием их в другом, лежащем ниже, и затем обнаруживались вновь в следующем нижнем горизонте в том же обилии. Обычно прослойки, разделяющие богатые находками горизонты, заключали примесь речного песка. В глубоких ямах на раскопах V и VII такое чередование выступало особенно четко. Здесь в очажных ямах горизонты прокаливания пола разделялись речным наносом, маскирующим первоначальное дно ям.

Длительность периодов между высокими паводками, заливающими не только саму площадку, но и село, в настоящее время, исчисляется примерно в 15—20 лет. Древняя же дневная поверхность проходила ниже горизонта современного берегового уступа (обнажения) на 2 м (т. е. на 2—2.5 м над летним уровнем Днестра) и сейчас ежегодно заливается водой в периоды весенних и летних разливов. Казалось бы, что столь низкое положение древнего берега исключало возможность заселения прибрежной полосы. Однако при выяснении вопроса, почему поселение располагалось именно у самой воды, нельзя не считаться с очень существенными различиями в режиме реки в древнее и в настоящее время. На основании ряда фактов можно установить, что значительно большая облесенность Поднепровья в раннетрипольское время являлась стойким защитным средством против наводнений. Таким образом, низкое положение берега в Луке-Врублевецкой компенсировалось наличием крупных лесных массивов, сокращавших возможность высоких паводков.

Остатки фауны из Луки-Врублевецкой, включающие таких типичных представителей леса, как медведь, лось, рысь, белка, свидетельствуют о наличии в Поднепровье в раннетрипольское время больших лесов, которые не могли не влиять на режим гидрографической сети во всем Поднепровье.

Итак, низкое положение поселения в Луке-Врублевецкой объясняется тем, что наличие в древности сильно развитого лесного покрова в Подоллии создавало определенный режим рек, при котором не грозила опасность постоянных высоких паводков. Они безусловно были и следы их могут быть установлены, как сказано выше, и в самих отложениях в Луке-Врублевецкой, но были довольно редкими и не столь интенсивными, как в настоящее время.

Несмотря на эти, казалось бы, неблагоприятные для поселения обстоятельства, древний человек все же избрал местом своего постоянного обитания эту низко расположенную по отношению к уровню Днестра площадку. В выборе места безусловно сыграли свою роль прежде всего хозяйственные соображения. Площадка представляет собой очень удобный для земледелия участок с плодородной почвой и ровным рельефом. Кроме того, она хорошо защищена скалистой возвышенностью от хо-

лодных северных ветров. Окружающие поселения плато возвышенностей служили прекрасными угодьями для выпаса скота. Ловля рыбы в реке и сбор речных ракушек тоже в какой-то мере пополняли хозяйственные запасы человека, поселившегося на берегу реки. В выборе именно этого участка для поселения, повидному, имели место и соображения оборонительного порядка. Площадка очень хорошо укрыта скалистыми обнажениями и не сразу обнаруживается даже с ближайших высот.

Несколько слов о продолжительности существования раннетрипольского поселения в Луке-Врублевской.

Мы не располагаем такими фактами, которые дали бы повод сделать окончательные выводы. Но приняв во внимание синхроничность всего добытого раннетрипольского материала, можно в плане чисто предположительном подойти к этому вопросу. Допустим, что собственно культурный слой, отложившийся на древней поверхности и имевший в среднем толщину 10—12 см, мог образоваться в течение 30—40 лет. Предполагая, что жилища заселялись по меньшей мере дважды, можно принять эту цифру как близкую к действительности, учитывая небольшие перерывы, вызванные паводками, когда поселение оставлялось. Но интересно то, что жители возвращались

в те же дома, существенно не видоизменяя их облика. Это видно на примере жилищ №№ 4 и 5, сохранивших свои очертания, хотя в заполнении жилища и наблюдались переслаивания культурных остатков речным навесом. Трудно допустить, чтобы углубленное в землю жилище могло быть использовано очень долгое время, больше 30—40 лет, так как непрочность земляных жилищ едва ли это позволяла.

Раннетрипольское поселение в Луке-Врублевской было оставлено не вдруг, не в результате какого-то стихийного бедствия. Мы тщетно будем искать, например, следов пожара или каких-либо других стремительных разрушений. Сам археологический материал, собранный здесь, в основном представляет собой вышедший из обихода инвентарь и в этом смысле очень отличается от того, что часто наблюдают на трипольских площадках, где внезапное оставление жилищ способствовало сохранению бытовой обстановки и инвентаря в более полном и целостном виде. Может быть, уже после того, как поселение в Луке-Врублевской было оставлено, сюда еще являлись прежние обитатели для рыбной ловли и сбора речных моллюсков. Об этом говорят находки в уже заливших жилых углублениях раковин моллюсков.

Глава I

ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Одним из вопросов, стоявших несколько десятилетий в центре внимания исследователей, являлся вопрос о формах домостроительства в трипольскую эпоху. Только в последние годы благодаря работам Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевского мы получили представление о трипольском жилище, его внешнем и внутреннем устройстве и убранстве, а также о строительной технике, применявшейся при постройке глинобитных жилищ. Но если проблема трипольского жилища разрешена для этапов развитого и позднего триполья, то для ранних ступеней триполья данных для реконструкции жилища еще недостаточно. Дело в том, что в прежних раскопках на раннетрипольских поселениях слишком мало уделялось внимания выявлению жилых комплексов. Поэтому сведения о жилых сооружениях на относительно ранних трипольских поселениях носят очень смутный характер, а иногда и вовсе не приводятся. Именно потому, что материалы по раннетрипольским жилищам более чем ограничены, мы и постараемся с возможной полнотой дать описание жилищ из Луки-Врублевцевой.

ЖИЛИЩЕ М 1

В 1945 г., выбирая место для пробных раскопок, мы остановились на одном пункте, отмеченном на береговом обнажении выходами интенсивных углистых прослоек и включений керамики, кости и т. п. Как выяснилось при раскопках, в этом пункте, видимо совпадающем с восточной границей поселения, находилось жилое углубление в виде полуземлянки вместе с горном, пред-

назначенным для обжига посуды. Эта полуземлянка, в отличие от других, была вытянута вдоль берега с востока на запад. Воды Днестра смыла часть жилья по продольной оси почти наполовину. Однако то, что осталось, дает достаточно данных для выяснения общей конфигурации жилого углубления и горна (рис. 5).

Глубина залегания жилища от современной поверхности около 1,6 м, глубина самого углубления до 1,4 м, длина жилища вместе с горном около 8 м, ширина в сохранившейся части до 2 м. Учитывая относительную симметричность жилья, можно сказать, что ширина его не превышала 4 м. Пол жилища с запада на восток идет сначала в виде ровной небольшой площадки, затем плавными уступами понижается к восточной границе жилья и достигает здесь максимальной глубины, отвечающей расположению ямы в полу жилища. От восточного края ямы пол постепенно повышается и, закругляясь, переходит в отвесную стенку. С юга на север пол также повышается, переходя в отлогую стенку жилища.

Горн расположен в западной части полуземлянки и вырезан в суглинке. Он, так же как и жилище, сохранился наполовину по продольной оси, что дает возможность полной его реконструкции.

Находку обжигательного горна в Луке-Врублевцевой можно объяснить как случайную находку, тем не менее следует помнить, что полуземлянка с горном обнаружена на периферии поселения, т. е. именно в таком пункте, который реже всего исследуется при раскопках. Следует предпола-

гать, что вынос гончарной мастерской на край поселения обуславливался противопожарными мерами, которые и сейчас учитываются в деревнях и селах, где гончарные и кузнечные мастерские обычно размещаются на периферии. Возможно, что дальнейшие исследования раннетрипольских поселений на их периферии сделают находки обжигательных керамических печей не столь уже редкими.

ший заполнение, к северу заметно выклинивался. То же самое можно было заметить и в восточном углу жилища, контур которого хорошо обрисовывался золистыми отложениями и наличием культурных остатков. Жилище имело вид овальной в плане ямы с покатыми стенками, т. е. представляло собой корытообразное углубление (рис. 5). Близок к такому же очертанию и продольный профиль его.

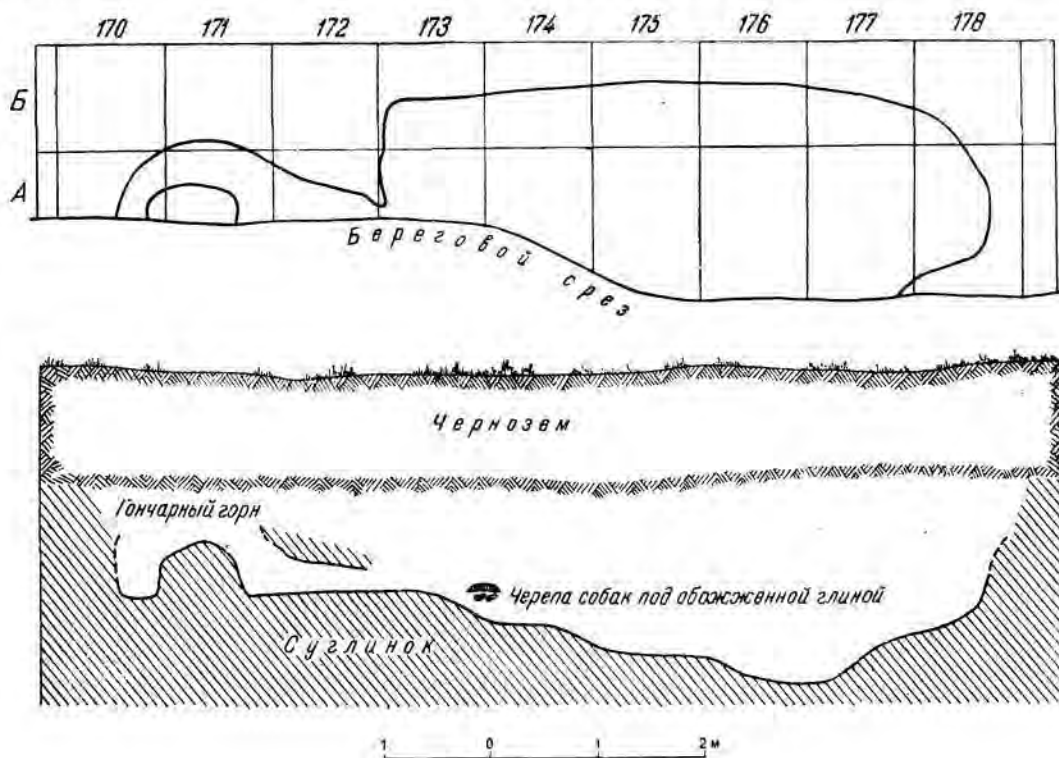

Рис. 5. План и разреза жилища № 1.

Возвратимся к описанию жилища и к находкам в нем.

Заполнение жилого углубления состоит из мощных отложений золистой массы, покрывающей пол жилища. В нижнем и верхнем горизонтах золистых отложений находок почти не было, зато в среднем горизонте отмечается их обилие.

Наблюдение над распределением культурных остатков показывает, что наибольшая часть их сконцентрирована на участках, расположенных ближе к центру жилища, расположенных ближе к центру жилища. Значительно беднее находками были участки, примыкавшие к северной стенке жилого углубления, причем весь слой, составля-

Об ориентировке входа в жилище можно говорить лишь предположительно. Скорее всего вход находился в южной части жилища, обращенной к реке и разрушенной паводком. Следов от столбов, поддерживающих кровлю над жилым углублением, ни в самом углублении, ни на участках, прилегающих к нему, не обнаружено. Быть может, эти следы не сохранились из-за разрушений, вызванных размывом, но, возможно, столбов и не было, а легкое перекрытие жилища поддерживалось каркасом, опиравшимся лишь на тонкие жерди.

Несмотря на незначительную площадь раскопок, едва превышающую 12 м², в за-

полнении полуземлянки собрана довольно большая археологическая коллекция. Извлечено много керамики и обломков костей,

Рис. 6. Статуэтка из жилища № 1. $\frac{4}{5}$ н. в.

кремня, несколько обломков костяных орудий и «наконечник мотыжка» из сланца. Особенно любопытны находки четырех глиняных статуэток. Пластические фигурки, изображающие женщин, встречены в зольном заполнении жилища. Одна из них составила из двух частей, найденных на разных участках, и передает сидящую женщину с тонким торсом и массивной нижней половиной тела (рис. 6; табл. 95). От трех других фигурок обнаружены лишь фрагменты.

Среди подъемного материала, собранного в основании берегового обнажения, у пункта раскопок, следует отметить три обломка орнаментированных глиняных фигурок и одну целую фигурку без орнамента, сильно стилизованную и небрежно выполненную (табл. 86, 2). Таким образом, в 1945 г. в Луке-Врублевцевой найдено семь статуэток, из них две целые

К числу пластических произведений следует отнести крупный фрагмент сосуда с изображением верхней половины туловища человека. Сам сосуд, видимо, имел форму большой вазы, поддерживаемой фигуркой человека с поднятыми и согнутыми в локтях руками; сосуд заканчивался столбчатой полой ножкой. Сохранилась сравнительно небольшая часть сосуда с лепным изображением лица, части груди и руки фигурки, поддерживающей днище (рис. 7).

Рис. 7. Фрагмент антропоморфного сосуда. $\frac{2}{3}$ н. в.

В толще культурного слоя жилища, в 1 м от устья обжигательного горна было найдено захоронение двух целых черепов собак без нижних челюстей.¹ Оба черепа

¹ По определению И. Г. Пидопличко, черепа собак принадлежат породе шпицев.

лежали рядом (один несколько выше другого) в небольшой ямке с трудно прослеживаемыми контурами и были перекрыты толстой плиткой из сильно обожженной глины: диаметр плитки около 45 см, толщина 6—7 см. Нет сомнений, что здесь мы имеем дело с ритуальным погребением, может быть, преследующим апотропические цели. Находка черепов собак в жилищах не единична. В жилище № 5 при раскопках заполнения также был найден целый череп собаки, но вследствие его изолированного положения в слое говорить о преднамеренности захоронения этого черепа трудно.

Заканчивая обзор результатов раскопок первого жилища, раскрытого в Луке-Врублевской, следует сказать, что жизнь в нем прекратилась не в результате какого-то стихийного бедствия, оно было оставлено скорее всего преднамеренно. Культурные остатки, собранные в жилище, представляют по существу лишь бытовые отбросы, непригодные к употреблению предметы. Ни целых сосудов, ни каких-либо других признаков внезапного оставления жилья не отмечено. Жилье было докинуто и затем частично использовано как мусорная яма. В верхнем горизонте заполнения в жилище была раскрыта небольшая прослойка раковин *Unio*; вероятно их сбрасывали сюда как пищевые отходы жители, приходившие на старое пепелище для сбора *Unio*.

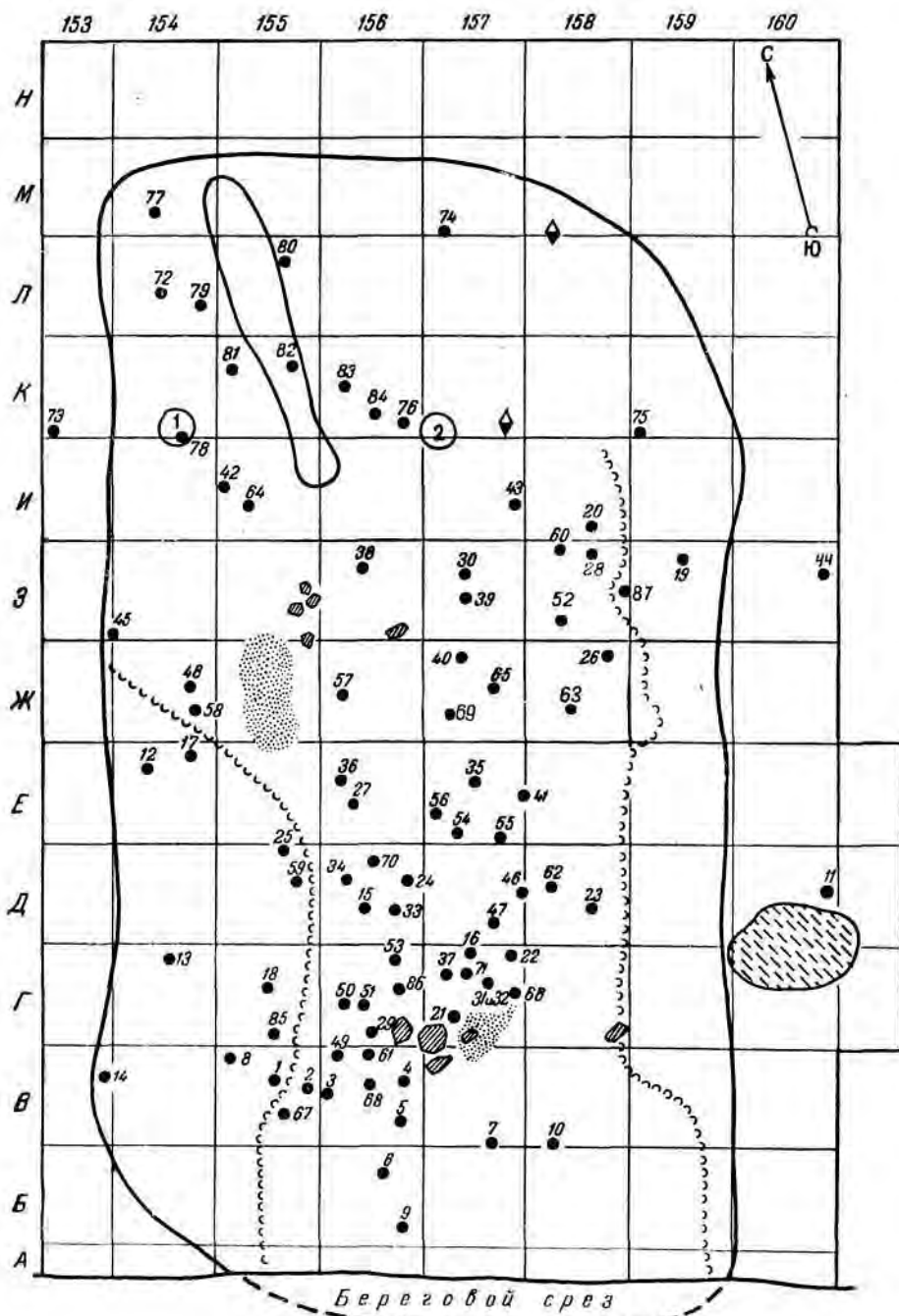
ЖИЛИЩЕ № 2 (РАСКОП II)

В нескольких метрах к западу от жилища № 1 в 1946 г. был заложен раскоп II (участки 153—160 А—Н). В этом пункте на срезе отчетливо вырисовывалась темная линза корытообразной формы, заполненная керамикой, костями животных, кремнем и створками *Unio*. Эти культурные остатки залегают в золистых прослоях, подстилаемых докрасна прокаленным суглинком, составлявшим явную границу корытообразного углубления.

В отличие от жилища № 1 жилище № 2 было вытянуто с юга на север, перпендикулярно берегу Днестра (рис. 8). Оно также представляло собой длинное овальное углубление. Южный конец жилья был размыт, однако не настолько, чтобы нельзя было восстановить его очертания. Длина жилого углубления 11 м, с реконструируемыми частями — около 12 м, ширина до 6 м.

Толщина очажного слоя с находками достигает в южной половине жилища примерно 90 см, что соответствует глубине жилья. Пол жилища плавно покат к длинной оси ямы, причем эта покатость наиболее резко профилирована в южной части жилища. В северной половине жилья также наблюдается резкая профилировка углубления, вызванная наличием там небольшого ровика. Степень покатоности пола жилища в поперечном направлении неодинакова: в восточной части пол на 45 см выше чем в западной (рис. 9). В продольном направлении пол жилища имеет тенденцию к повышению с юга на север в пределах отметок 145—210, т. е. 55 см на 11 м (считая по центральной продольной оси).

Толщу заполнения жилья примерно в средней ее части пререзает плотно слежавшийся слой раковин *Unio* мощностью до 10 см. На срезе он имеет форму корытообразного углубления, несколько повторяющего общий профиль жилой западины и заходящего даже на боковые покатые части жилища. В плане слой ракушек распределяется почти по всему углублению, залегая в ширину более чем на 4 м. В северной части жилья он прослеживается не так четко, как в южной, и не представляет сплошного массива. Если следовать за распределением находок и нивелировочными отметками, то план жилища можно определить с достаточной точностью. Большая часть находок ввиду покатоности пола жилого углубления, естественно, скатывалась к центру жилья. На периферии наблюдается значительно меньше находок, и сам культурный слой, выклиниваясь, очерчивает границы жилого углубления, различимые по переходу от темного очажного слоя к светлому суглинку. При расчистке заполнения юго-западной части жилой западины выяснилось, что здесь, на ограниченном участке, имеет место повышение пола к западу и югу. Эти данные позволяют уверенно говорить о том, что этот участок (154Б) близок к периферии жилья, т. е. представляет угол его. Несколько в более смягченном виде то же самое отмечено и в северо-западной, юго-восточной и северо-восточной частях жилища. Таким образом, в плане жилище представляло длинное и большое помещение площадью не менее чем 66 м², с полом, слегка повышающимся с юга на север и покатым к центральной оси. Углы жилища

Граница жилого углубления	Ямы от столбов
Граница ракушняка	1-87 Статуэтки
Очаги	Обломки медных изделий
Камни	Обожженная глина

Рис. 8. План жилища № 2.

были сильно сглажены, что придавало ему овальную или близкую к четырехугольнику форму.

В отличие от жилища № 1 здесь можно было установить некоторые конструктивные детали. На участках 154К и 157К в полу жилища встретились два округлых углубления, представлявшие собой, скорее всего, ямки для больших опорных столбов. Одно углубление (участок 154К) имело круглую в плане форму, суживающуюся книзу, — диаметр его 35 см, глубина 25 см. Второе

Однако это предположение не оправдалось. После разведочных шурфов, заложенных на северной периферии жилища, выяснилось, что в непосредственной близости к северному краю жилья никаких следов сооружений нет. Этим исчерпываются наблюдения над конструктивными деталями жилища.

Несмотря на относительную однородность заполнения жилого углубления по цвету и содержанию слоя, в жилище установлено наличие двух очагов. Места эти отмечены наибольшим включением в слой угля, золы

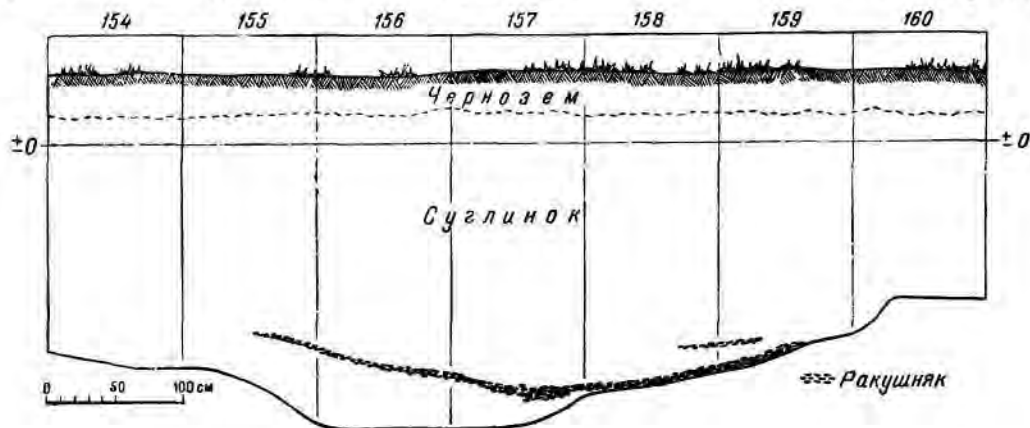

Рис. 9. Жилище № 2. Разрез жилища по линии В.

углубление (участок 157К), аналогичное первому, но менее отчетливо суживающееся книзу, имело диаметр 35 см и глубину 28 см. Обе ямки были расположены почти в одной плоскости и отстоят друг от друга на 2,2 м.

Остается непонятным наличие в северной половине жилища узкого ровика, идущего с юга на север. Можно было предположить, что этот ровик представляет собой переход в следующее жилище или в какое-нибудь хозяйственное сооружение, как это наблюдается на некоторых первобытно-общинных поселениях, обнаруженных в СССР.¹

¹ В отношении трипольских памятников В. В. Хвойко глухо говорит о каком-то вырытом в земле переходе между двумя частями жилищ, обнаруженных им в усадьбе Светославского (В. Х в о й к о. Каменный век. . . , стр. 767). Очень неопределенные сведения о трипольских жилищах, особенностью которых является наличие переходов, изложены в отчете С. С. Гамченко о работах в Подоллии. По Гамченко, такие переходы в подземных жилищах соединяли от 4 до 10 камер. Несмотря на неопределенность предложенных Гамченко реконструкций трипольского жилья не только с точки

и сильной прокаины суглинка под очагами. Первый очаг размещался на участках 157В—Г. Небольшой по диаметру (до 80 см) очажок имел почти овальную форму и был насыщен золистой массой и угольками. Несколько большим был второй очаг, также овальной очертания. Основной своей частью он располагался на участке 155Ж и имел те же признаки, что и первый. Вокруг обоих очагов и в самих очагах обнаружены неокатанные обожженные камни, видимо, служившие как опора для неустойчивой посуды, которую ставили на очаги. Конечно, число очагов в жилище не исчерпывается двумя названными. Мощный слой заполнения жилища содержит весьма значительное количество золы и угольков и позволяет предположить, что на площади жилья были

зрения восстановления формы их, но и техники сооружения, какие-то элементы истины в наблюдаемых им переходах все же вполне вероятны (С. С. Гамченко. Подольская губ. Исследования. Отчет Археолог. комиссии за 1909 и 1910 гг., СПб., 1913, стр. 176—177).

еще очаги, не сохранившие своих очертаний, но придавшие самому слою очажный характер и оставившие прокалину в верхнем горизонте подстилающего жилища суглинка.

У самой периферии жилого углубления была расчищена небольшая площадка овальной формы, представляющая собой как бы глиняный под печи. Площадка эта состояла из докрасна обожженной и растрескавшейся глины, ровным слоем (толщиной 4—5 см) покрывающей поверхность суглинка. Диаметр площадки $1,3 \times 0,9$ м. Никаких развалов камня или глины, т. е. следов разрушения свода печи, вокруг площадки не установлено. Можно думать, что это был открытый очаг, вероятно, связанный с углубленным в землю жилищем.

Как видно из приведенного описания этого жилого углубления, планировка его напоминает жилище № 1. Несмотря на остатки некоторых конструктивных деталей (ямки от столбов), полностью реконструировать надземную часть жилища все же затруднительно. Можно, однако, предположить, что жилище № 2 имело вид полужемлянки с невысокой двухскатной кровлей, поддерживаемой по главной оси столбами и подпираемой боковыми жердями. Вход в жилище определять не удалось. Скорее всего он располагался в южной части жилища, т. е. в части, обращенной к реке, хотя нельзя не учитывать наблюдений, сделанных в жилище № 3 (раскоп I) и позволяющих выдвинуть иное предположение, речь о котором будет идти ниже.

Археологические остатки, собранные внутри жилища, весьма богаты и разнообразны. Сланцевые и кремневые орудия, изделия из кости и рога, украшения из глины, раковин и просверленных зубов, множество керамических изделий и, наконец, редчайшие для триполья украшения из меди составляют основное содержимое заполнения жилища. Сланцевые орудия представлены миниатюрными трапециевидными наконечниками мотыг,¹ умело изготовленными и тщательно отшлифованными. Обращает на себя внимание сланцевый шестигранный молот — уникальный предмет, служивший оружием (табл. 20, б). Из найденных кремневых орудий наибольшее число составляли концевые скребки (многие десятки экземпляров).

¹ Определение наконечника мотыги дается условно.

К группе каменного инвентаря должна быть отнесена зернотерка, обнаруженная в восточной окраине жилища. Зернотерка представляет собой плотную песчаниковую плитку размером 25×15 см, с хорошо сглаженной и несколько вогнутой рабочей поверхностью, на которой четко прослеживаются продольные бороздки — следы трения песком. Зернотерка была обращена сглаженной поверхностью кверху, как бы находясь в рабочем положении.

Рис. 10. Жилище № 2. Штампы из клыка кабана для орнаментации керамики. Н. в.

Обильно представлены и костяные изделия. В основном это шилья разной величины и оформления. Любопытны находки гребенчатых штампов для орнаментации керамики, сделанные из пластинок, сколотых с клыка кабана (рис. 10; табл. 26, ж).

Выдающиеся значение имеют находки медвых изделий. Одно из них представляет собой сильно патинизированное, довольно массивное височное кольцо, другое — видимо, часть колечка из тонкой медной проволоки (рис. 51, д, к).

Керамические остатки в жилище № 2 представлены многими сотнями фрагментов. По технологическим, типологическим и орнаментальным признакам эта керамика ничем не отличается от керамики, собранной в жилище № 1. Правда, кера-

из жилища № 2 много богаче и разнообразнее, но это стоит в связи с тем, что площадь раскопок на этом жилище значительно больше, чем на жилище № 1, поэтому и сборы материала здесь более многочисленны.

В жилище № 2 находки почти целых, а тем более совсем не поврежденных сосудов составляли редкое исключение. Однако крупные керамические обломки и подбор фрагментов сосудов в камеральных условиях позволяют выявить с достаточной полнотой основные керамические типы. Один небольшой сосуд в виде горшочка был найден почти в целом виде (табл. 38, *д*) сразу же под поверхностью пола в северной части жилища. Аналогичный крупный фрагмент горшочка был найден и в другом месте жилища (табл. 37, *а*). Целой оказалась и миниатюрная мисочка, высотой не более 3 см, с толстыми, довольно небрежно оформленными стенками; найдена она в заполнении жилого углубления.

Богатейшую коллекцию, собранную в заполнении жилища, составляют глиняные терракоты. 84 статуэтки были рассеяны почти по всей площади жилища и находились на разных уровнях в заполнении. Обращаясь к плану (рис. 8), можно заметить, что основная масса их сосредоточена на участках 156—157 В—Е, т. е. там, где более всего был выражен очажный слой. Подавляющее большинство статуэток найдено во фрагментарном состоянии, причем лишь в исключительных случаях удалось подобрать отдельные детали от одних и тех же скульптур.

Обращает на себя внимание почти целая, гладкая статуэтка (составлена из трех частей), не лишенная изящества и относительной гармоничности в пропорциях тела (рис. 11, *а*). Стилистически она не выходит из ряда схематизированных фигурок, изображающих женщин.

В основной массе фигурок из жилища № 2 проявляются черты сходства, однако среди них есть статуэтки, наделенные индивидуальными особенностями. К таким статуэткам принадлежат две. От первой сохранилась верхняя половина туловища без конической головки. Руки переданы не в обычной манере изображения их, а в виде двух валиков, направленных книзу под тупым углом, пересекающихся на груди и сливающихся в один валик (рис. 11, *б*;

табл. 80, *в*). Вторая статуэтка представлена более крупным фрагментом, передающим всю верхнюю часть тела. В общем построении эта фигурка близка к первой,

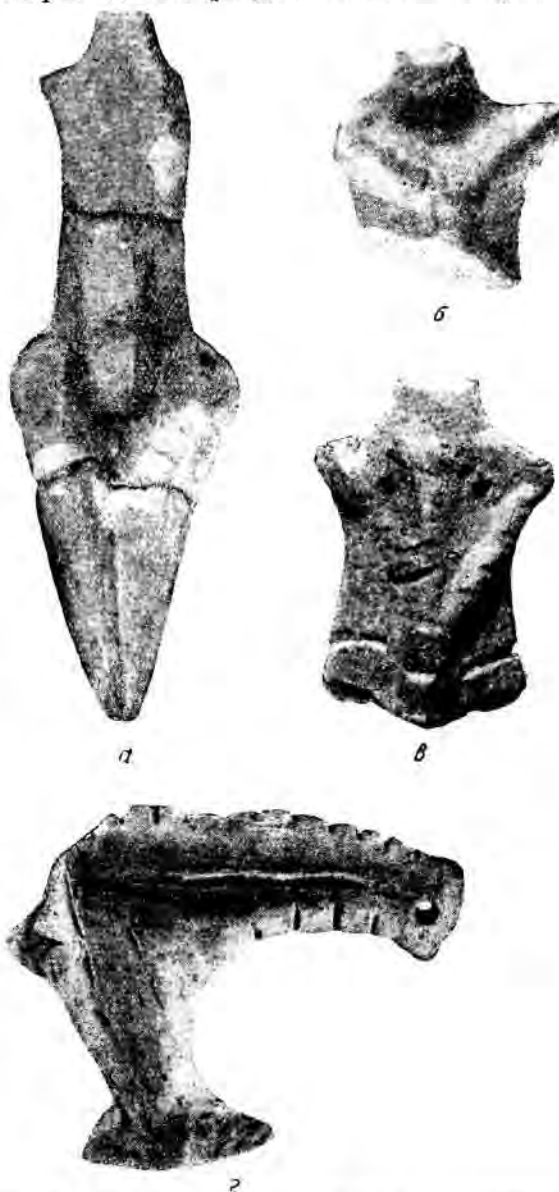

Рис. 11. Жилище № 2. Скульптурные изображения. *а—в* — антропоморфные фигурки; *г* — изображение птицы. 7/8 н. в.

но отличается и существенными деталями. Руки статуэтки в виде валиков направлены книзу под острым углом и, опять-таки сливаясь, переходят в один валик в самом низу живота. Интересно, что между руками

у статуэтки помещен какой-то предмет, имеющий вид конического валика, обращенного раструбом кверху (рис. 11, а; табл. 80, б). Может быть, это спеленутый ребенок, находящийся на руках матери, а возможно, и сноп.

В связи с первым предположением о значении конического валика хотелось бы сослаться на одну находку, опубликованную Н. Макаренко, которая передает женщину с ребенком на руках.¹ Однако изображение, приведенное Н. Макаренко, слишком натуралистично, чтобы можно было настаивать на этой аналогии. На спине фигурки имеется одна важная деталь — короткая врезная линия в области лопатки с тремя тоже короткими линиями, направленными перпендикулярно к первой. Сам по себе этот рисунок мог бы остаться непонятным, если бы на другом раскопе в Луко-Врублевецкой не была бы найдена статуэтка с двумя такими же симметрично расставленными изображениями, не оставляющими сомнений в том, что так передавались крылья.

Кроме пластических фигурок, изображающих людей, в жилище № 2 найдены ручки от сосудов, очень схематично передающие головки животных. Одна фигурка представляет скорее всего птицу (рис. 11, з). По общему облику фигурка птицы на Луки-Врублевецкой очень напоминает глиняные терракоты, изображающие птиц, найденные в Городнице (раскопки М. Ю. Смишко),² Фрумушице³ и Гумельнице II⁴ (Румыния), хотя в то же время и отличается от них большей стилизованностью.

Характер собранного инвентаря в жилище № 2 позволяет сделать то же заключение, что и в отношении жилища № 1, т. е. что оно было покинуто преднамеренно, а не в результате какого-то бедствия. Не только обилие, но и фрагментарность архео-

логических объектов, отсутствие следов быстрых разрушений дают основания для такого вывода.

ЖИЛИЩЕ № 3 (РАСКОП I)

Жилище № 3 (раскоп I) располагается почти напротив впадения реки Суриш в Днестр. По величине это самый большой раскоп, площадь его 417 м². Раскоп I глубоко врезается в террасу и значительно перекрывает величину жилого комплекса, раскрытого в самом раскопе (рис. 12—14). В 3—4 м от западного края раскопа проходит водосточная канава, собирающая дождевые и талые воды, сбегаящие с возвышенности. Водоотводная канава в устье своем расширяется в довольно глубокий овражек с крутыми стенками высотой 2—3 м.

Место для закладки раскопа было определено по тем же признакам, какими мы руководствовались и при раскопках жилищ №№ 1 и 2, т. е. по выходу культурных остатков на срез обнажения и наличием ясно выраженного корытообразного углубления (рис. 3).

В этом пункте раскопок в верхних слоях обильно представлены культурные остатки первых веков нашей эры, так называемого времени «полей погребений», и позднесредневековой славянской культуры. Ряд сооружений жилого и хозяйственного назначения,¹ относящихся к первым векам нашей эры, был раскрыт в черноземном слое и заходил в слой серого лёссовидного суглинка. Мощность отложений, содержащих культурные остатки раннетрипольского возраста, заключенные в корытообразном углублении (или линзе), доходит до 110 см. Выходя же за пределы углубления, культурный слой едва достигает толщины 10—15 см. Заполнение корытообразного углубления по содержанию слоя и по распределению культурных остатков в нем неоднородно и прослеживается не на всех участках раскопа достаточно четко. Возьмем для примера поперечный разрез линзы по линии Б. Здесь стратиграфия линзы представлена наиболее полно

¹ М. Макаренко. Этюды в обсягу Трипольської культури. Сб. «Трипольська культура на Україні», вып. 1, Киев, 1926, табл. I, внизу.

² М. Смишко. Tunczasowe sprawozdanie z badań na osadzie, neolitycznej w Horodnicy, pow. Horodenka. Extrait du Bulletin de l'Académie Polonaise des sciences et des lettres, Краков, 1939, стр. 71, рис. 5.

³ С. Матасă. Frumușica. Бухарест, 1946, табл. LVIII.

⁴ Dinu Rosetti. Steinkupferzeitliche Plastik aus einem Wohnhügel bei Bukarest. Jahrb. f. prähist. u. ethnogr. Kunst, т. XII, Берлин, 1938, табл. 20.

¹ М. А. Тиханова. Раскопки верхних горизонтов поселения в с. Лука-Врублевецка, стр. 177—184. — Е. А. Сямонович. Про культуру полів поховань на Поділлі. Археологія, т. V, Киев, 1951.

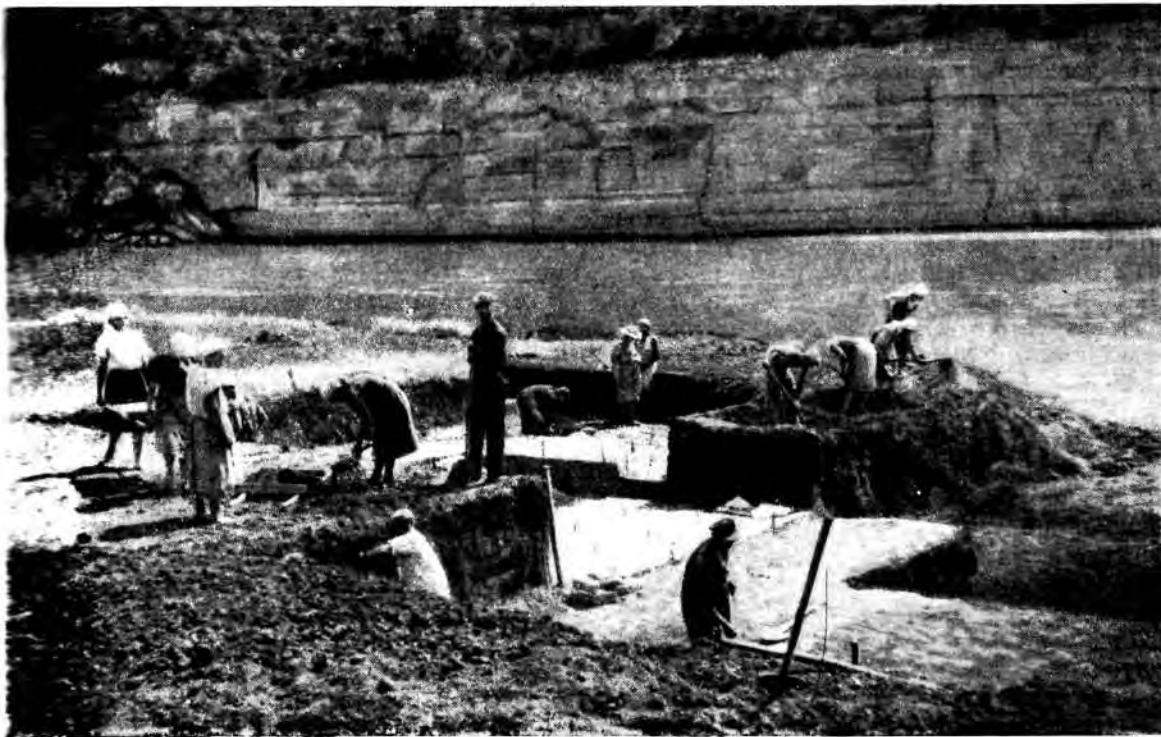

Рис. 12. Раскоп I. Раскопки жилища № 3.

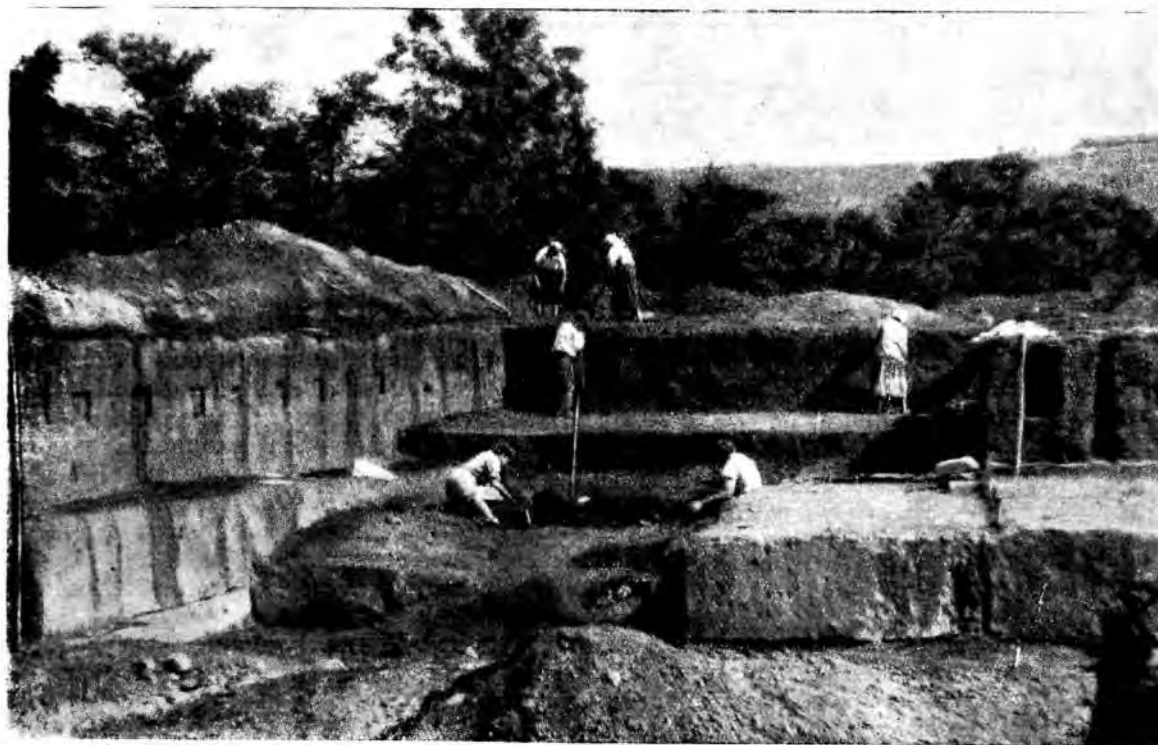

Рис. 13. Раскоп I. Раскопки жилища № 3.

(рис. 15). На почти горизонтальной древней дневной поверхности располагается небольшой очажок, вокруг которого найден ряд раздавленных сосудов. Под очажком на глубину 10—15 см следует красноватая прокалиная слюя. На глубине 180—185 см линзу прорезает тонкий слой раковин *Unio* (3—4 см); затем, с глубины 205 до 220 см (в центральной части линзы), находки особенно часты и, следуя изгибу распространения раковин, соответствующему очертанию корытообразного углубления, обнаруживаются на боковых «крыльях» его. Эта вторая прослойка из раковин *Unio* значительно толще (10—20 см) и состоит сплошь из плотно слежавшихся створок этих моллюсков. В самой раковинной прослойке находки почти не встречаются. Под прослойкой залегает рыхлый зольный слой с примесью угля. В верхней части этого горизонта археологические находки очень редки. Наибольшее их количество отмечается ближе к полу углубления, где также наблюдается скопление створок *Unio* в виде тонкой прослойки.

Что касается археологического материала, собранного здесь, то сохранность его, несмотря на неблагоприятные условия залегания, вполне удовлетворительная. Культурные остатки не вымывались и не выносились за пределы жилого углубления, в котором остались даже мелкие обломки керамики, кости животных, кремь и небольшие угольки из кострищ.

Совершенно так же, как и жилище № 2, жилище № 3 в южной своей части было повреждено подмывом Днестра. Можно думать, что утраченная часть его очень невелика, едва ли превышает 2—3 м.

Жилище № 3 значительно отличается от жилища № 2 и всех других раскопанных нами жилищ. Это отличие более всего выступает в пропорциях сооружения. Достаточно сказать, что жилище № 3 имеет в длину более 43 м (подсчет дается по центральной осевой линии). Ширина жилого углубления колеблется от 2.5 до 3.5 м. Таким образом, жилище № 3 представляет собой подобие длинного и узкого коридора, идущего в направлении с юга на север, т. е. перпендикулярно к Днестру. Поперечный профиль жилого углубления отчетливо вырисовывается контрастными контурами линзы, особенно хорошо выраженными, вследствие сильной прокаленности пола кострами в наиболее углубленной части

жилия. Западное крыло углубления располагается ниже восточного примерно на 35—40 см¹ (рис. 15).

Наблюдения за расположением материала по горизонтам позволило сделать заключение о цикличности заселения жилища в связи с паводками Днестра, заставлявшими население на время покидать обжитые места. Два таких цикла мы установили по густоте расположения материала в слоях и наличию следов речного наноса, переслаивающего горизонты; третий цикл, представленный самым верхним горизонтом, являлся заключительным этапом жизни на поселении и опять-таки, быть может, связан с особенно сильным паводком, заставившим уйти отсюда жителей, но уже навсегда.

Что же представляет собой самый верхний горизонт культурных отложений на раскопе I?

На глубине 130—140 см от современного уровня почвы на участках 1—6 А—Г определилась древняя дневная поверхность. Установить ее не представляло никаких затруднений, так как культурные остатки размещались вполне отчетливо и компактно. В центре южной части раскопа на участках 3—4 Б—В располагался очажок в виде ровной глиняной площадки, аккуратно сглаженной и растрескавшейся от огня (рис. 16). Цвет обмазки очажка, имеющей толщину не более 2 см, желтовато-красный, форма его недостаточно выражена, размер 175×160 см. В трещинах обмазки часто встречаются угольки, впрочем, так же как и вокруг очажка. Никаких следов развала свода или стенок печи вокруг очажка, равно как и на самой обмазке, не установлено. Можно думать, что это был открытый очаг, аналогичный обнаруженному на раскопе II у восточной окраины жилого углубления. С западной стороны к очажку примыкает скопление крупных обломков глиняных сосудов (не менее чем от семи экземпляров). С юго-восточной стороны у очажка располагается второе скопление черепков, по меньшей мере, от трех раздавленных сосудов. Таким образом, вокруг очажка группируются обломки не менее десяти глиняных сосудов. Все они принадлежат кухонным сосудам, по

¹ Ср. с данными жилища № 2, в котором повышение восточного крыла над западным составляет 45 см (стр. 23).

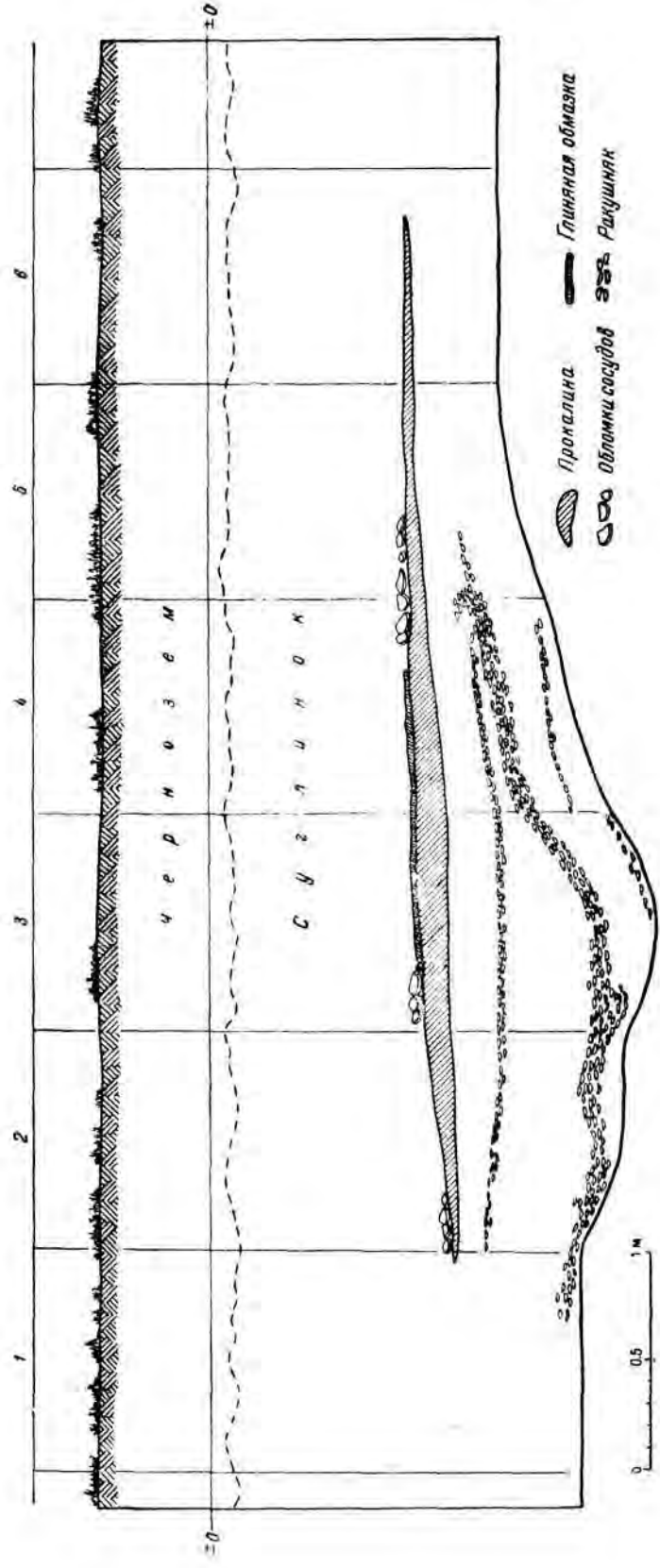

Рис. 15. Жилце № 3. Разрез по линии Б.

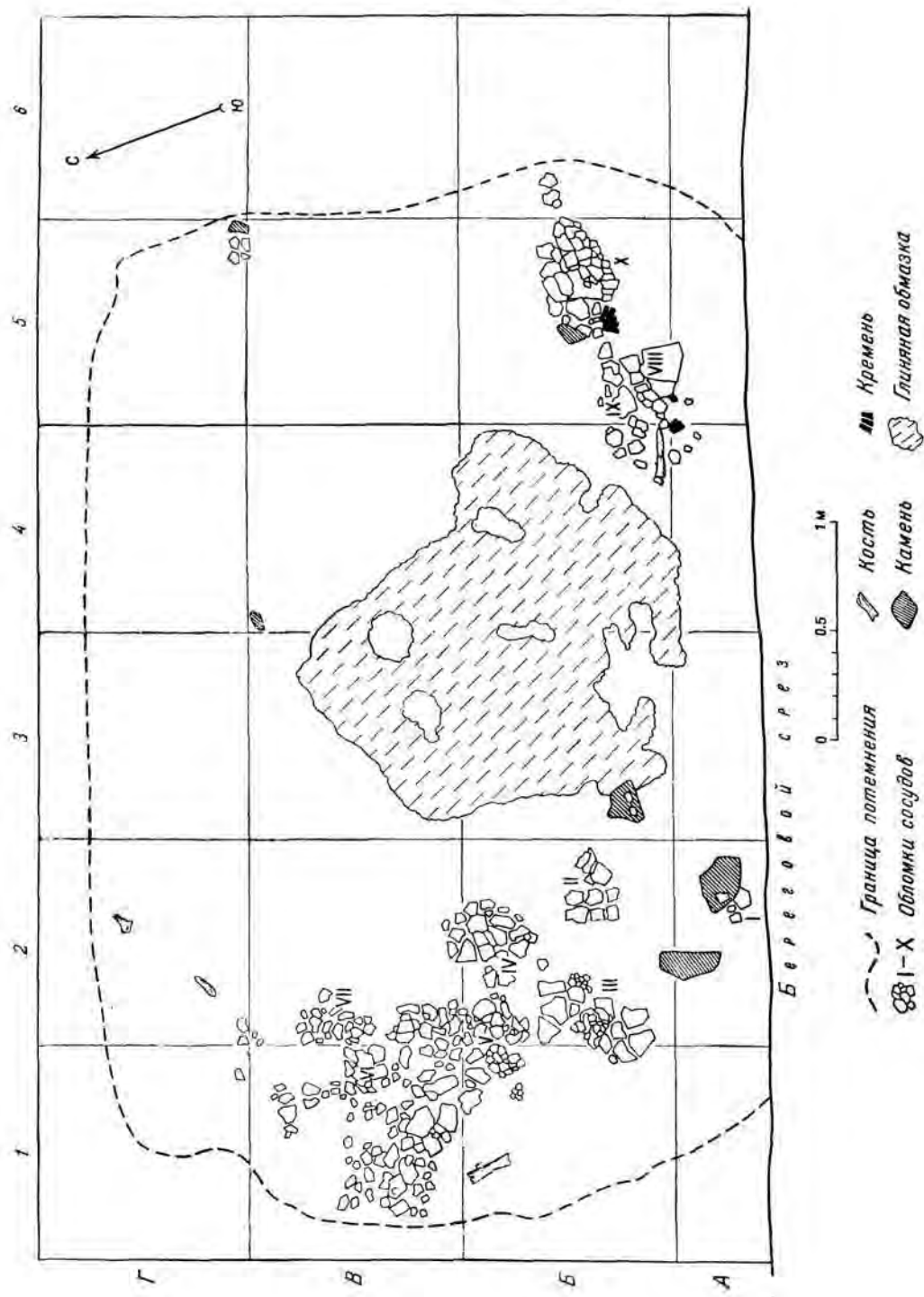

Рис. 16. Раскоп I. План жилища в верхнем горизонте.

преимуществу горшкам. Некоторые из них орнаментированы прочерченными линиями и ямками. Кроме сосудов, в окружении глиняной обмазки найдено несколько обломков костей животных и редкие осколки кремня. Интересно другое наблюдение: среди скопления раздавленных сосудов с юго-восточной стороны очажка были встречены два крупных призматических нуклеуса, лежавших рядом и сопровождавшихся находками множества кремневых осколков и отщепов, среди которых находился один законченный концевой скребок. Не остается сомнений в том, что здесь мы имеем хорошо выраженный бытовой комплекс, связанный с местом изготовления пиши и производства орудий из кремня. Надо сказать, что очертить контуры жилища удалось по очень слабо выраженному потемнению поверхности на более светлом окружающем фоне материка (рис. 16). Считать же этот контур абсолютно достоверным все же не приходится. Ясно, что над жилым углублением, после того как оно было оставлено, разместилось другое наземное жилище, принадлежавшее той же культуре, но несколько более позднее по времени. В ширину оно имело примерно те же размеры, что и собственно жилое углубление. В этом нетрудно убедиться по разрезу, показывающему прокалуну и несколько увеличенную плотность слоя, идущего на запад и восток от глиняного очажка и постепенно выклинивающегося от центра к периферии. К северу от очажка, за пределами потемнения поверхности слоя находок почти не отмечено.

Конструкцию жилища на поверхности первого горизонта по полученным в результате раскопок данным представить вполне определенно трудно. Однако по некоторым признакам можно предположить, что это было легкое наземное жилье, видимо, небольших размеров, с открытым очагом внутри, может быть, представляющим собой прообраз известных глиняных площадок триполья.

Близкую картину дает Т. С. Пассек, описывая жилища №№ 28, 34, 38, 39 в Коломийщине, где встречены «площадки» чаще всего размером 1×1 м.¹ Пять таких же «площадок» были обнаружены и в центре поселения. Т. С. Пассек полагает, что они

¹ Т. С. Пассек. Трипольская археологическая экспедиция в 1938 г. Вестн. древн. истор., № 1 (6), 1939, стр. 270.

входили в постройку жилища, занимая участок пола. Сам пол в таких жилищах был земляной. Интересно, что описание находок, встреченных вокруг небольших площадок, и размещение их во многом совпадает с тем, что мы наблюдали у глиняного очажка в Луке-Врублевецкой.

В связи со сказанным полезно вспомнить, что при раскопках в Сабатиновке была раскрыта небольшая глинобитная площадка, входившая в обширное жилище. А. В. Добровольский, изучавший Сабатиновское селище, также отмечает там настилы из глины размером 1×2 м.¹ Не оставил вне поля зрения небольшие глиняные настилы и Е. Ю. Кричевский.² Можно полагать, что жилище на поверхности первого горизонта было оставлено в результате какого-то неожиданного происшествия, не исключено, например, что вследствие наводнения. Иначе трудно объяснить наличие раздавленных сосудов вокруг очага. Другие же предметы домашнего обихода, видимо, все же были взяты с собой обитателями, покинувшими свое жилье.

После того как были расчищены и разобраны остатки сооружения на поверхности первого горизонта, продолжено углубление линзы. До глубины 140—150 см отмечались лишь очень редкие и невыразительные находки. Тонкая прослойка раковин *Unio* являлась как бы границей между очень слабым и интенсивным насыщением заполнения линзы археологическими остатками. Ниже этой тонкой прослойки отмечалось нарастание количества находок, достигающих наибольшей численности в горизонте, соприкасающемся с нижележащим прослоем раковин *Unio*. Можно с уверенностью сказать, что прослой этот отложился на второй, более древней жилой поверхности, но уже в самом углублении. На срезе он выглядел в виде дугообразно вогнутого мощного прослоя, состоявшего из ракушек *Unio*. Раковины плотно слежались, образуя сплошную массу, с трудом поддающуюся разборке. Дугообразный изгиб линзы в общем соответствует контуру

¹ А. В. Добровольский. Сабатиновское селище трипольского типа. Тезисы доклада, стеклограф. изд., Киев, 1940.

² Трипільська культура, т. I, Киев, 1940, стр. 561. — Е. Ю. Кричевський. Ранній неоліт і походження Трипільської культури. Палеоліт і неоліт України, т. I, Киев, 1947, стр. 389.

жилого углубления; прослой Unio располагается не только в центре углубления, но и заходит на боковые «крылья» его, т. е. уже на периферийные участки.

Следуя по поверхности распространения раковин Unio на площадки углубления, можно заметить, что наиболее четко прослойка их выступает на участках А—К (рис. 14). На этой площади раковины

далее к северу, до конца раскопа распространение створок Unio в виде прослоя со сплошной поверхностью значительно слабее, чем на начальных (южных) участках. Тем не менее, они постоянно сопутствуют при раскопках в виде отдельных и значительных по размеру скоплений и составляют весьма многочисленные включения в культурный слой. Есть бесспорные осно-

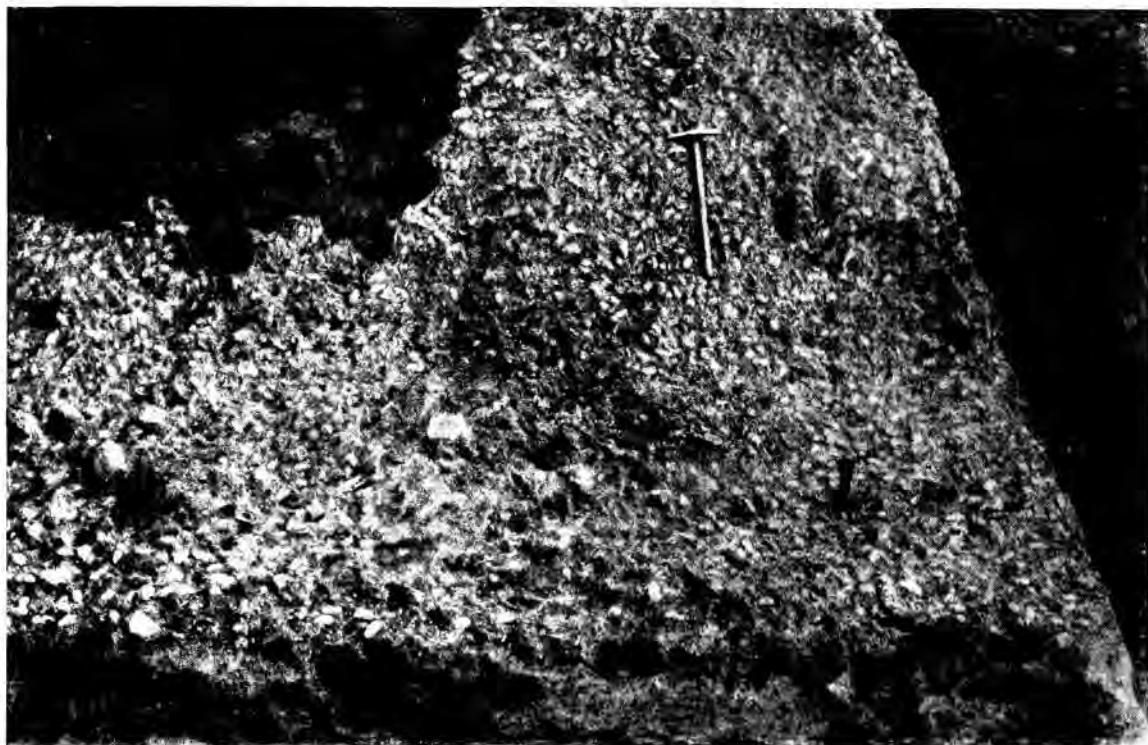

Рис. 17. Жилище № 3. Слой ракушек Unio на полу жилища.

занимают значительную часть углубления и выклиниваются на участке К. Далее, к северу отмечаются разрозненные находки раковин, иногда составляющие небольшие группы, но не образующие сплошной поверхности. На участках О—С раковины Unio опять составляют сплошную площадку и залегают в толще заполнения углубления прослойкой мощностью 8—10 см, выклиниваясь острым углом к южной стенке жилой западины. Вслед за участком С, на участках Т и У опять наблюдается пере-рыв в сплошном распространении Unio, хотя отдельные находки их встречаются часто и в большом числе. С участка Ф,

вания принять поверхность прослоя Unio за древнюю жилую поверхность или пол углубленного жилища.

Интересно отметить одно явление. Кроме того, что само положение прослоя, обрисовывающего контур углубления, несколько необычно для естественного отложения, замечено, что на верхней границе его примерно до 90% ракушек лежали выпуклой стороной кверху, в плоскости представляя собой довольно ровную вогнутую площадку с прочной поверхностью (рис. 17). Именно на этой площадке располагались очаги и различные фрагменты утвари. В толще раковинного прослоя почти не встречается

культурных остатков, кроме просыпавшихся по щелям угольков и очень немногочисленных небольших фрагментов керамики. Отмеченные наблюдения (поперечный абрис прослоя U10, оконтуривающий жилую западину, расположение на поверхности прослоя очагов и бытовых отбросов, отсутствие находок в самом прослое) заставляют задуматься над вопросом: не является ли этот прослой из U10 какой-то искусственной вымостки или субструкцией, быть может, в известной мере предохраняющей от сырости пол жилья, или же имеющей какое-то другое назначение? Мы не настаиваем на предложенном объяснении назначения прослоя U10, но все вышеописанные наблюдения над особенностями залегания ракушечного слоя не позволяют нам видеть в подобном скоплении ракушек случайность.

В связи со сказанным нельзя пройти мимо любопытного сообщения А. П. Черныша, сотрудника Трипольской экспедиции. В селе Наславча на правом берегу Днестра в одном дворе, находившемся на берегу разделяющей село речушки, была устроена выкладка из ракушек U10 шириной 2—3 м и длиной до 10 м, образующая дорожку, ведущую от сарая к дому. Ракушки были плотно уложены одна к другой и обращены выпуклыми сторонами кверху. На вопрос А. П. Черныша, обращенный к владельцу усадьбы, для каких удобностей устроена дорожка из раковин, хозяйка ответила, что дорожка из раковин устроена для того, чтобы не ходить по грязи. Такие вымостки из раковин имеются и в других дворах. А. П. Черныш отмечает полное сходство современной вымостки из раковин U10 с ранне-трипольской, замеченной в четких формах по меньшей мере в двух жилых углублениях. Наблюдение А. П. Черныша, может быть, свидетельствует о древних традициях использования ракушек, удержавшихся еще в современной среде. Кроме того, оно рассеивает всякие сомнения в возможности использования ракушняка как прочного материала для вымостки.

Установив, таким образом, пол в жилище № 3, попытаемся дать характеристику жилого углубления в целом. Условимся при этом считать поверхность прослоя U10 вторым горизонтом, принимая за первый более поздние остатки, расположенные выше

и выделенные нами в самостоятельный комплекс (рис. 15).

Мы говорили уже о том, что по форме жилище имело вид корытообразного углубления длиной до 43 м и шириной от 2.5 до 3.5 м (рис. 14). Длинная сторона жилища в основном идет параллельно, иногда несколько сближаясь или, наоборот, расширяясь. Поперечный вогнутый контур сохраняется на всей площади жилища, но не на всех участках имеет одинаковый вогнуто-дугообразный изгиб.

Пол жилого углубления имеет некоторые особенности, на которые нельзя не обратить серьезного внимания (рис. 14). Прежде всего, уровень пола второго горизонта жилища на всем его протяжении с юга на север дает превышение его крайней северной точки над южной около 180 см. Правда, для столь длинного жилища эта линия уклона, составляющая падение на 1 м около 4—5 см, едва ощутима, тем не менее все же с этим нельзя не считаться. Главное же заключается в том, что продольный разрез по всей протяженности жилища дает кривую, позволяющую считать это жилище трехчастным сооружением. Следуя по магистральным линиям продольного профиля пола (взятым на участках 3 и 4), нетрудно заметить следующее: в пределах участков А—Ж по линии разреза I пол идет в виде несколько понижающейся с юга на север поверхности, затем полого поднимается, образуя перегиб между участками К—Л. Разность отметок между крайней южной точкой и точкой на перегибе составляет 54 см. Далее линия поверхности пола опять идет на понижение, достигающее наибольшей величины (131 см от нулевой горизонтали) между участками Н—О, и снова плавно повышается до своего максимума, образуя опять-таки перегиб между участками Ц—Э, соответствующий отметке 27. Таким образом, разность между высшей точкой перегиба на участке К—Л и перегиба, отмеченного на участке Ц—Э, составляет 67 см. Разность между наибольшей отметкой углубления (участки Н—О) и точкой перегиба на участках Ц—Э выражается в 104 см. Далее, к северу от перегиба, на участках Ц—Э, профиль пола довольно резко снижается до отметки 79 на участке Ю и, снова повышаясь, выходит на древнюю дневную поверхность, пересекая условную нулевую горизонталь и возвышаясь над

последней на 30 см. Итак, разность точек превышения между перегибом на участках Ц—Э и точкой выхода на древнюю дневную поверхность составляет 57 см. Разность между наибольшей частью углубления и точкой выхода на древнюю дневную поверхность равна 109 см.

Профиль поверхности пола, взятый на линии разреза 2, т. е. восточнее на 100 см, дает примерно ту же картину, с несколько более подчеркнутым перегибом на участках Ц—Э и слегка ослабленным рельефом на участке А—К.

При анализе нивелировочных данных под углом зрения корреляции отдельных точек едва ли остаются сомнения в трехчастном построении жилого углубления. Этому заключению не противоречат и размещенные находки. Замечено, что преобладающее количество археологических остатков обычно встречается в наиболее углубленных частях жилища. На перегибах профиля пола и на боковых скатах количество находок заметно уменьшается.

Сопоставляя ширину жилища в разных пунктах его, нужно отметить, что там, где наблюдается перегиб в профиле пола на участках К—Л, края жилища несколько сближаются, образуя небольшой перехват, как бы отчленяющий одну часть жилья от другой. На перегибе профиля пола, на участках Ц—Э это почти не заметно.

После установления, что жилище № 3 состоит из трех примыкающих друг к другу частей, естественно, возникает вопрос, одновременно или разновременно существовала каждая из этих частей? Можно было бы искать объяснения трехчастности жилища в разновременности их построения. Тогда перед нами весь этот процесс рисовался бы следующим образом: раньше всего была сооружена южная половина жилища, представлявшая собой самостоятельное жилье. Так как оно располагалось у самого края берегового уступа, то могло быть затоплено одним из высоких подъемов воды в Днестре. Вследствие этого жители перенесли свое жилище несколько дальше от берегового среза, но вплотную к первому. Затем было отстроено третье жилище, может быть, в силу тех же причин. Искусственность такого предположения становится сразу же очевидной при внимательной оценке фактов. Прежде всего нужно иметь в виду, что при относительно

ровной древней дневной поверхности перенос жилища даже на несколько десятков метров от берега никакого значения как предохранительная мера от затопления при высоком паводке иметь не мог. К тому же характер отложений в жилом углублении вполне аналогичен во всех трех частях его, т. е. залегание горизонтов с археологическими остатками вполне координируется в разных частях жилища. И, наконец, конструктивная связанность всех трех частей и последовательность в расположении не дают никаких оснований к расчленению жилого сооружения на разновременные бытовые комплексы.

Резюмируя наблюдения над планировкой длинного жилища № 3, можно высказать уверенность в том, что жилище было трехкамерным большим домом, вполне соответствующим социальной организации родового общества. Высказанные соображения подкрепляются наблюдениями над размещением очагов на полу длинного жилища. По длинной оси жилого углубления располагалось 11 очагов, разных по величине и интенсивности золистых отложений, но расположенных с более или менее равномерными интервалами. Приведем краткую характеристику очагов в длинном жилище (рис. 14). Очаг 1 (участки 3 Б—В) имеет овальную форму; размер его 95×50 см; выражен он вполне отчетливо. В нем и вблизи него найдено несколько камней, сильно обожженных и кеокатанных. Очаг 2 (участки 2—3 Д—Ж) по форме также близок к овалу; размер его 155×80 см. По краю очага располагалось более 25 камней, обрисовывающих контур его; он выглядит как мощное скопление золы и угля. Очаг 3 (участки 3 З—И) овально вытянутый; размер его 110×55 см. К северо-западному краю его примыкают три крупных камня; он хорошо заметен на поверхности пола. Очаг 4 (участок 3К) представляет собой небольшое углисто-зольное пятно с недостаточно ясными очертаниями; размер его 70×50 см. Очаг 5 (участки 3 Л—О) имеет размер 260×90 см; форма его близка к овально вытянутой. Очаг этот интенсивнее всего выражен в восточной стороне, где отмечается значительное скопление золы и угля. В западной части очажное потемнение распространяется на боковой скат жилого углубления, где теряет ясность очертания. Очаг 6 (участки 4—5 О—П)

по отношению к группе очагов 1—5 несколько смещен к западной половине жилого углубления, совпадая с линией участков 4 и 5; диаметр его 135 см. Он правильной круглой формы, очень хорошо прослеживается на поверхности пола. Внутри очага расположено несколько небольших камней. Очаг 7 (участок 4Т) также почти правильно круглый, границы его ясные; диаметр 95 см. Очаг 8 (участки 4Ф—Ц) вытянутой формы, размером 200×75 см; выражен недостаточно отчетливо. Очаг 9 (участок 4Ш) почти правильно круглой формы, с хорошо заметными границами; диаметр его 70 см. Очаг 10 (участки 4—5 Ю—а) мощный, интенсивно выраженный. Округлых очертаний, диаметром до 150 см. Внутри очага много обожженных и неокатанных камней. Очаг 11 (участки 5—6 Я—л) такой же мощный, как и очаг 10; насыщен золой и угольками, имеет овально вытянутую форму; длина его 280 см, ширина до 140 см.

В северной части очага размещено несколько довольно крупных камней со следами сильного обжига.

Все очаги не размещаются по одной линии, а следуют направлению жилого углубления, которое в северной части несколько отклоняется к востоку. В общем очаги располагаются по линии участков 2 и 6 (один очаг на линии участков 2—3, пять очагов на линии участка 3, два очага на линии участка 4, два очага на линии участков 4—5 и один очаг на линии участков 5—6), в пределах примерно двухметрового бокового смещения.

Кроме очагов следует указать на некоторые детали, связанные с конструктивными особенностями постройки жилища. Прежде всего, на участках 6—8 Я—а имеются следы боковой пристройки в виде ямы, обращенной перпендикулярно к длинной оси жилища. Длина ямы немного меньше 3 м, ширина 1,50—1,70 м, глубина до 0,85 м. Стены ямы неравномерной крутизны — то круто обрываются к ровному полу ямы (южная часть), то, наоборот, опускаются к полу пологим скатом (северная часть). Восточная стенка довольно круто поднимается от пола и выходит на дневную поверхность.

Заполнение бокового углубления мало чем отличается от характера заполнения самого длинного жилища. Пожалуй, можно

отметить лишь меньшую его насыщенность золлистыми включениями.

Нет оснований рассматривать эту боковую пристройку как место, где располагался вход в жилище. Этому противоречит ряд наблюдений: во-первых, ориентация его на восток, т. е. в сторону холодных ветров; во-вторых, характер заполнения, аналогичный по составу и количеству культурных остатков в других частях жилища; в-третьих, крутизна восточной части стенки ямы, как, впрочем, и все другие конструктивные особенности ее. Чтобы избежать отрыва внутренних деталей жилища от внешних, конструктивно связанных между собой, обратим внимание на участки, примыкающие к боковой пристройке. В процессе раскопок на участках 8—9 Ю—а были расширены девять небольших ямок, округлых в плане, шириной 15—20 см и глубиной до 20 см. Ямки расположены следующим образом: на участке 8а ближе к границе с участком 8б — две ямки, на участках 8—9а — четыре ямки, идущие в ряд, цепочкой, с почти равными интервалами, на участках 9 Ю—Я — три ямки, также с равными интервалами между ними. Две первые группы ямок следуют в направлении с запада на восток, а последняя группа из трех ямок располагается с юга на север, т. е. перпендикулярно первым двум группам. Плановость расположения их дает возможность предположить, что боковое углубление находилось внутри какого-то наземного сооружения, состоящего, быть может, из плетеных стен, державшихся на каркасе из вертикально установленных жердей. Последние и были помещены в специально подготовленные ямки. К сожалению, встреченные на периферийных участках, прилегающих к жилью, ямки составили редкое, счастливое исключение. Обнаружение их имеет некоторое принципиальное значение, указывающее на определенные приемы в домостроительстве, позволяющие при учете целой серии других признаков сближать жилища Луки-Врублевцевкой с домостроительством у носителей культуры линейно-ленточной керамики.

Возвращаясь к характеристике конструктивных деталей, замеченных внутри длинного жилища (рис. 14), мы должны обратить внимание и на другое боковое отвлечение, замеченное на участках 2—4 л—п. Оно представляет собой вытянутое с юго-востока на северо-запад углубление длиной

около 5 м, шириной до 1.5 м, глубиной до 0.5-м. Стенки ямы отлогие, дно понижается к центру. Эта яма конструктивно связана с северным концом жилища, контуры ее, равно как и внутренняя конфигурация, выражены менее четко, чем у боковой ямы в восточной части жилища (участки 6—8 Я—а). К тому же культурные отложения, заполняющие яму, бедны, и сам слой несколько ослабленной окраски. Едва ли восточное углубление, а равно и углубление, примыкающее к северо-западному концу жилища, являлись хозяйственными сооружениями — это не подтверждается содержанием культурных отложений в них. Мы склонны рассматривать их скорее как какие-то бытовые пристройки. Интересны две небольшие ямки, обнаруженные во внутренней части длинного жилого углубления (участки 4 ζ—η и 6—7 ζ—η). Первая из названных ям, вскрытая в центре жилого углубления, круглая, диаметром 50 см, имеет крутые стенки и плоское дно; глубина ее около 45 см. Вторая яма, найденная за пределами восточного края жилища, вполне аналогична первой, тоже круглая в плане, диаметром 45 см; глубина ее 35—37 см. Возможно, что обе ямки являются следами от столбов, поддерживающих кровлю жилища. Это более вероятно для первой ямы, расположенной в центре жилища, и менее вероятно для второй, обнаруженной за пределами углубления. Надо сказать, что расположение ее совпадает с площадью, над которой размещалась большая полуземлянка времени «полей погребений», сохранявшая значительное число ямок, оставшихся от внутренних деревянных конструкций. Может быть, одна из ямок полуземлянки, более углубленная, случайно оказалась на одной линии с ямой, расположенной в центре жилища раннетрипольского времени. Хотя, с другой стороны, нельзя не обратить внимания на то, что в жилище № 2 (раскоп II) мы имели уже бесспорный случай такого же симметричного расположения двух ям, с тем же расстоянием между ними и достаточно близких по своим размерам к ямам жилища № 3 (см. стр. 25).

До сих пор мы рассматривали ямы внутри жилого углубления, но в одном случае отступили от избранного плана изложения, когда речь шла о боковом восточном углублении с примыкающими к нему тремя

группами ямок, конструктивно связанных с этой пристройкой. Кроме уже перечисленных, на площади раскопа были встречены углубления, расположенные за пределами жилища или примыкавшие к нему. Комплекс таких ям мы склонны рассматривать как остатки хозяйственных сооружений, связанных, быть может, с хранением пищевых припасов и т. п. Эти ямы, как правило, были заполнены более темным слоем, нежели материковый суглинок, в который они впущены. В заполнении ям часто можно было заметить присутствие угольков и различных археологических остатков — костей животных, фрагментов сосудов, осколков кремня и др. Стенки ям, впрочем, так же как и днища их, сколько-нибудь явных следов обжига не носили, поэтому считать эти ямы очажными углублениями едва ли возможно, принимая во внимание быстрое изменение цвета и плотности суглинка под действием огня. Границы ям легко прослеживаются и выявление их на светлом фоне суглинка не представляет больших затруднений. На участке 1—2 III—III расположена яма овальной формы размером 115 × 80 см. Глубина ее 25 см. Вторая яма располагается на участках 2—3 а—γ; размер ее в длину более 200 см, ширина более 100 см, глубина до 45 см; форма близка к овальной. Крутые стенки отмечаются лишь на западной стороне ямы. Восточным своим краем она вплотную примыкает к западному боковому скату углубления. В 25 см к северо-западу от названной ямы в материковом суглинке на участке 2γ заметна небольшая ямка тоже овального очертания, с довольно крутыми стенками и почти ровным дном. Ямка не превышает глубины 25—27 см, размер ее 50 × 30 см.

В северной части жилища на боковом его скате (участок 3δ) отмечено местонахождение еще одной небольшой ямы округлых очертаний, размером 80 × 65 см. Глубина ямки 25—28 см, стенки крутые, особенно в западной части. Ямка примыкает к крупному камню с плоской поверхностью, лежащему почти в центре жилого углубления.

Мы уже говорили о находках камней, связанных с очагами. Они оконтуривали очажное место, кроме того, с помощью камней, вероятно, придавалось устойчивое положение сосудам, поставленным на очаг. Но помимо очажных камней, часто носящих на себе признаки действия огня, при рас-

в топках жилища в разных местах встречались большие и малые камни, залегающие то порознь, то целыми скоплениями. В большинстве своем камни эти не окатаны (кроме крупных со следами сглаженности водой) и не обожжены. Не останавливаясь на отдельно лежащих камнях, найденных в длинном жилище, укажем на несколько групп камней, встречающихся в жилище углубления. На участках 2—3 Г—Д между очагами 1 и 2 залегала в беспорядке группа камней разной величины. Ближе к восточному скату жилья на участках 4—5 Л—Н также отмечаются находки камней, расположенных восточнее очага 5. Севернее очага 6 (участки 3—4 Р—С) расчищена небольшая и беспорядочно залегающая группа камней. На участке 5У, северо-восточнее очага 7, встречено скопление угловатого щебня, не окатанного, залегавшего в виде небольшой горки, в плане имевшей овальную форму. Это скопление безусловно имело преднамеренный характер — собранные здесь камни, видимо, предназначались для каких-то хозяйственных надобностей. Иной характер имели скопления камней, найденные в двух пунктах — северо-западнее и северо-восточнее очага 8. Первое из названных скоплений состояло из камней средних и небольших размеров и находилось на участке 2—3 Ч. Совсем отличную картину представляло второе скопление, занимавшее участки 5—6 Ц—Ш: это большая горка из плотно слежавшихся камней, преимущественно средних размеров (до 25 см в диаметре) в верхней части горки и более крупных в основании ее. На многих из этих камней были заметны следы сильной окатанности. Положение камней на периферии жилого углубления и близость выхода валунных и балочных отложений, подстилающих пол жилья, заставляют предполагать, что скопления камней являются выбросом при рытье жилого углубления. Это истолкование кажется нам наиболее вероятным и соответствующим той обстановке, в которой производилась расчистка скопленной камней и углубленной части жилища. На крайних северных участках жилища (участки 4—5 х—μ) отмечено еще одно скопление довольно беспорядочно располагавшихся камней, преимущественно некрупных и угловатых.

Таким образом, в скоплениях камней в жилище мы можем выделить четыре

группы: 1) очажные камни, 2) камни от развала очагов и, может быть, улавлившие с кровли жилища (участки 2—3 Г—Д, 4—5 Л—Н, 3—4 Р—С, 4—5 х—μ), 3) группа камней хозяйственного назначения (участок 5Ч) и 4) камни, извлеченные при рытье жилого углубления и сложенные в кучу на периферии жилища.

Интересное наблюдение было сделано на участке 5Ц, примыкающем к большому скоплению камней. Тут оказалось место, где изготовлялись кремневые орудия. Находки, сделанные здесь, состоят из множества кремневых отщепов и осколков, грубых пластинок и мелких чешуек кремня. Кроме того, тут же были подобраны пять небольших призматических нуклеусов и два нуклеидных орудия. Среди производственных отходов был найден и небольшой изящный концевой скребок.

Место обработки кремня на участке 5Ц является вторым производственным комплексом (напомним, что первый комплекс обнаружен в первом горизонте жилища № 3).

Кроме описанных наблюдений, сделанных на поверхности второго горизонта пола жилища, при разборке заполнения жилого углубления можно было отметить ряд бытовых деталей, связанных с различными уровнями залегания и заполнения. Так, например, на участке 3—4 Е—Ж отмечен довольно значительный очажок с камнями, первоначальное положение которых было явно нарушено, хотя в своем размещении они все же сохраняли дугообразный изгиб. Примерно в центре очажка, под толстым слоем золы удалось заметить в твердой спекшейся золистой массе следы проса в виде чешуек, как бы законсервированных под плотным покровом золы и известкового натека. Тут же в разных местах в толще заполнения были обнаружены и небольшие обломки глиняной обмазки, иногда со слабыми отпечатками деревянных жердей.

Нижний пол жилища, совпадающий с дном жилого углубления, мы условно называем третьим горизонтом. После расчистки заполнения жилого углубления по всей толще, достаточно отчетливо вырисовывался третий, самый древний уровень жилища. Он ничем существенным не отличался от пола второго горизонта, т. е. пол имел ту же корытообразную форму со следами очагов. Сохранность жилища в третьем горизонте хуже, чем в первом и во втором

горизонтах; объясняется это размывом дна жилого углубления водами, скатывавшимися с возвышенности. Этот факт устанавливается благодаря присутствию на полу углубления узкого ровика, идущего почти по всей длине жилища с севера на юг. Ровик заполнен культурными отложениями, содержащими золистые и углистые включения и довольно редкие археологические находки. На самом дне ровика иногда выявляются участки с отмученными глинистыми и песчаными отложениями, удерживающимися преимущественно у камней. Третий горизонт жилища почти вплотную подходит к отложениям аллювиально-делювиального происхождения, с явным преобладанием первых. На участках 2—3 Ц—Ш и 5—6 Ц—Ш расчищено большое скопление камней, о котором шла речь при разборе второго горизонта жилища (участки 2—3 Ч и 5—6 Ц—Ш); здесь, в третьем горизонте камни выявились по всей площади залегания и во всем объеме. Приходится сделать заключение, что выброс камней при рытье углубления для жилища был произведен обитателями самого нижнего, третьего горизонта и оставался в том же виде во время существования второго горизонта. Постепенно покрываясь новыми отложениями, выброс камней уже не выходил на дневную поверхность во время существования жилища в первом горизонте.

Заканчивая описание жилого комплекса, обнаруженного в раскопе I, подведем краткие итоги.

1. Жилище представляло собой длинное полуземляничное сооружение, состоящее из трех частей, может быть, разделенных тонкими перегородками. В таком виде жилище существовало в пору обитания человека на третьем и втором горизонтах. В первом горизонте остатки жилища хотя и совпадают в своих границах с местом расположения южной части длинного жилого углубления, но их следует рассматривать как самостоятельный комплекс.

2. Внешние явления наложили свой отпечаток на сохранность жилища, усложнив его изучение. Можно считать достоверными три цикла заселения площадки, соответствующие трем рассмотренным горизонтам. Однако вовсе не исключена возможность видеть в тонких чередующихся прослойках ранушек *Unio*, отмеченных на срезе, дополнительные циклы заселения, т. е. каждую

такую прослойку считать соответствующей древнему полу жилища. При такой постановке вопроса число циклов заселения жилого углубления может возрасти до пяти.

3. Реконструировать жилище в полном виде едва ли сейчас возможно. Тем не менее некоторые попытки, сделанные в этом направлении, могут оказаться небезынтересными. Нам представляется, что жилище имело в длину не более 45 м. Южная его половина, частично смытая водами Днестра, вероятно, заканчивалась не далее 2—3 м к югу от современного среза. Эта прибавка вполне оправдывается линией современного очертания берега, обрисованной на участке работ почти прямой, идущей в виде берегового среза с запада на восток. Кроме того, эти данные в известной мере могут контролироваться в средних величинами, взятыми от обмеров центральной и северной частей длинного жилища. Таким образом, южная половина жилья должна была иметь в длину около 13 м.

4. Кровля жилища состояла, вероятнее всего, из ветвей и соломы и не требовала слишком прочной конструкции для опоры. Место входа в жилище не определено. Едва ли в таком длинном жилье мог быть только один вход.

При описании западной периферии второго жилого углубления (раскоп II) мы обратили уже внимание на неодинаковую высоту боковых краев («крыльев») жилища, то же самое нами отмечалось и в жилище № 3 (раскоп I), причем в обоих случаях пониженными являются западные стороны краев жилищ. Можно высказать предположение, что восточные стороны жилищ представляли собой участки, наглухо закрытые скатом кровли. Западные же стороны жилищ не перекрывались полностью противоположным скатом кровли. Кровля здесь не доходила до древней дневной поверхности и вместе с пониженным краем жилищ составляла невысокий лаз (щель) с западной стороны, простиравшийся, может быть, и не во всю длину жилья. Едва ли такие жилища использовались в летнее время — они слишком тесны и значительная часть их площади занята очагами. В зимние же периоды они могли служить надежным укрытием от стужи и холодных северных и восточных ветров.

Не вызывает удивления ряд общих черт, отмеченных у жилищ №№ 2 и 3 из Луки-Врублевецкой, с жилищами раннеземледель-

ческих поселений за рубежом. Помимо сходства в пропорциях и некоторых других деталях (например, неровность пола, присутствие ям и т. п.) может быть отмечена и близость их по характеру оформления боковых краев. Укажем, например, на сложную профилировку некоторых землянок из Винчи,¹ которые тоже не дают равномерных возвышений боковых краев над полом. Для землянок Винчи это явление не может считаться слишком заметным и часто повторяющимся, зато в профилировке углубленного жилища из Кельн-Линденталя оно выступает значительно ярче и определеннее.²

Не давая развернутого описания комплекса археологических находок, сделанных в данном жилище, укажем на те из них, которые представляют наибольший интерес.

Среди большого количества кремневых изделий, извлеченных из жилища № 3, в общем аналогичных находкам, сделанным в жилищах №№ 1 и 2, обращает на себя внимание единственная находка фрагмента двухсторонне обработанного кремневого наконечника копья или дротика (табл. 14, в). На поверхности орудия отчетливо видны следы сильной зашлифовки, свидетельствующие о долговременном использовании этого орудия. Остальной набор кремневых и каменных орудий вполне обычен для инвентаря Луки-Врублевцевкой.

Весьма многочислен и набор костяных изделий. В основной своей части это шильце. Не совсем понятным остается одно костяное орудие, имеющее вид круглого в сечении острия (длина 6.2 см, ширина 1.5 см), несколько асимметричного, с хорошо обработанной гладкой поверхностью и утолщенным жальцем. Нижняя часть острия сохранила следы кругового обреза режущим инструментом и имеет втулку, направленную по длинной оси орудия. В центральной части изделия просверлено сквозное отверстие диаметром 0.7 см (табл. 26, г). Полное аналогичное орудие было найдено при раскопках в Городнице.³ Можно предположить, что это орудие употреблялось в качестве метательного охотничьего приспособления,

напоминающего по своему устройству тип поворотного гарцуна.

Среди изделий из рога обращает на себя внимание одно очень тщательно сделанное орудие. Если судить по характеру оформления рабочего конца орудия и отверстия для рукояти, то его нельзя назвать, например, мотыгой. Вероятнее всего, это был легкий чекан или клевец, предназначенный для боевого действия (рис. 18).

В заполнении жилого углубления было найдено несколько медных предметов. Фрагментарность некоторых из них не дает слишком больших надежд на полную реконструкцию форм и на выяснение назначения их. Однако среди медных изделий имеются и законченные, хорошо сохранившиеся предметы. Особенно интересны два медных рыболовных крючка.

Из других медных изделий следует отметить небольшое шильце, сделанное из уплощенного, прямоугольного в сечении медного прутка. Можно заключить, что медь применялась не только для изготовления украшений или предметов вооружения, но и для изделий, необходимых в хозяйственном быту.

В жилище № 3, впрочем, так же как и в двух других, описанных выше, при раскопках было извлечено большое количество фрагментов керамики. Значительные размеры жилища, мощность скопившегося в нем заполнения и сама величина вскрытой площади обеспечили и количественно самые большие сборы на раскопе I. В основном керамика из жилища № 3 ничем существенным не отличается от керамики из жилищ №№ 1 и 2. Технологические приемы в подготовке и обработке глины, цвет, степень обжига, формы сосудов и, наконец, стиль орнамента являются общими для керамических собраний из разных жилищ. Все же для керамики из жилища № 3 можно отметить, с одной стороны, несколько боль-

Рис. 18. Жилище № 3. Орудие из рога оленя (боевой клевец). 1/2 н. в.

¹ М. В а с и ћ, Преториска Винча II. Белград, 1936, табл. V, рис. 7.

² Germania, т. XV, вып. 1, Франкфурт на Майне, 1931, стр. 49, табл. 6.

³ М. S m i s z k o, T u m c z a s o w e s p r a w o z d a n i e . . . стр. 71, рис. 7.

шее разнообразие форм и орнаментации, с другой — наличие небольшого числа фрагментов окрашенной керамики. Присутствие последней в жилище № 3 было несколько неожиданным и выявилось только в четвертом сезоне раскопок. В предыдущие

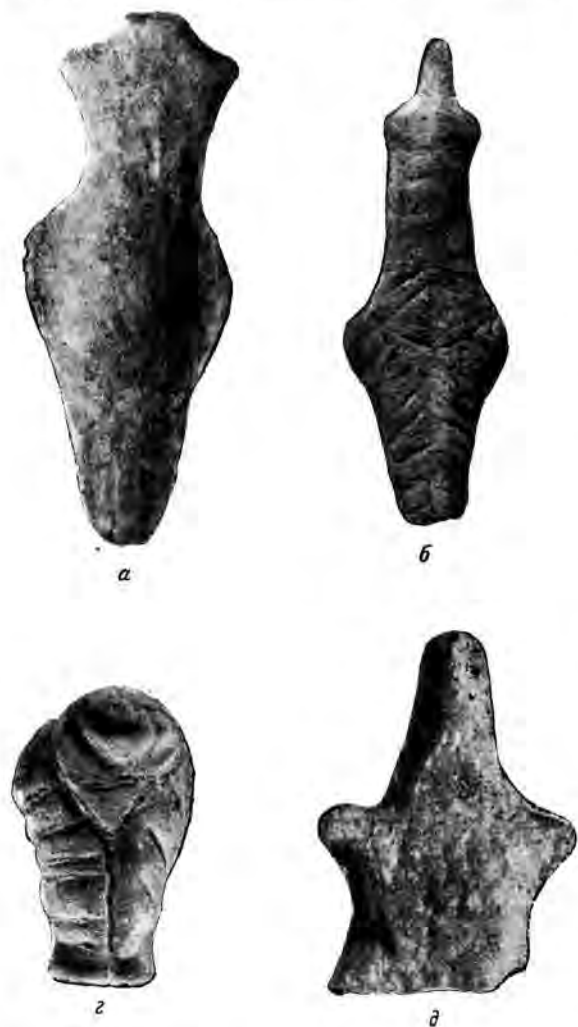

Рис. 19. Жилище № 3. Антропоморфные скульптурные изображения. $\frac{4}{5}$ н. в.

сезоны на всех пунктах раскопок встречались лишь фрагменты инкрустированной посуды, причем для инкрустации использовалась преимущественно белая и значительно реже красная паста. На двух-трех обломках сосудов с внутренней стороны были найдены также следы красной краски. Следовательно, можно было не сомневаться

в том, что красная краска уже бытовала у населения Луки-Врублевецкой.

В заполнении жилого углубления, кроме фрагментов антропоморфных сосудов, встреченных также и на других раскопах, обнаружено несколько десятков глиняных фигурок, в подавляющем большинстве изображающих женщин. Несколько экземпляров передают и животных.

Среди статуэток женщин имеются две почти целые стилизованные фигурки. Обе статуэтки отличаются изяществом и пропорциональностью форм (рис. 19, а и б).

Очень редкой находкой является статуэтка на столбчатой ножке (рис. 19, з). Статуэтка этого типа вообще не характерна для собрания пластических фигурок из Луки-Врублевецкой и скорее близка к пластике Винчи и Бутмира.

К числу единичных экземпляров относятся также фигурки, изображенные на рис. 20, а—г. Наиболее интересен крупный фрагмент статуэтки, передающий верхнюю половину тела. Правая рука у фигурки согнута в локте и кисть ее с едва расчлененными, неглубокими нарезками — пальцами положена на правое плечо. Левая рука опущена к низу живота и держит какой-то предмет в виде валика, направленного книзу. Самое же интересное заключается в том, что на месте лопаток изображены крылья, в виде двух, идущих под прямым углом насечек, имеющих дополнительно по три насечки каждая, обращенных перпендикулярно к первым. Эти изображения достаточно натуралистичны и не допускают иных толкований (рис. 20, г, табл. 80, а).

В жилище на разных уровнях в заполнении найдены четыре зооморфных скульптуры. Три из них изображают головки быков и являлись налестками на сосудах (табл. 113, а, б, в), четвертая пластическая фигурка передает свинью. Таковы наиболее интересные находки в жилище № 3.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС № 4

Жилой комплекс № 4 размещен вблизи жилища № 3, почти прилегая к нему с восточной стороны (участки 28—50 А—Д). Свита отложений, перекрывающая культурные остатки раннетрипольского возраста, геологически и культурно-исторически дает ту же картину, что и на других раскопах,

рый подстилается речным галечником. Последний интересен тем, что вглубь материка от береговой линии на протяжении 100 м дает повышение более чем на 10 м. Можно предположить, что это размытая древнечетвертичная терраса, с которой, вероятно, связаны находки древнепалеолитических орудий, подобранных на пляже.¹ Кое-где на срезе заметны включения овраж-

определять их как делювиально-аллювиальные. Остатки речных отложений — это результат разливов Днестра, отлагающих, хотя и немного, мелкие отмученные частицы пород на площадке. Терраса в настоящее время нередко заливается водами Днестра.

Современное село Лука-Врублевецкая расположено на высоте примерно 11—12 м над летним уровнем Днестра. Раннетриполь-

Рис. 2. Вид на Лука-Врублевецкую с юго-востока (с плато правого берега Днестра).

ного гравия, занесенного водами с возвышенности, с севера ограничивающей площадку. В главной своей части отложения на площадке делювиального происхождения, но редкие и слабо выраженные следы речных отложений в виде включений линз песка и других отмученных пород дают основание

¹ П. Борисковський. Работа в галузі вивчення палеоліту на Середньому Дністрі в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 315—319. — П. Борисковський. Древнепалеолитические местонахождения Среднего Поднепровья. Сов. археолог., т. XI, М.—Л., 1949, стр. 103—112.

свое поселение залегало на высоте 2—2.5 м. Таким образом, раннетрипольское поселение, как и современное село, подвергалось затоплениям, что, естественно, наложило свой отпечаток на сохранность и общий вид культурных остатков.

Литологический разрез на одном из участков раскопа следующий:

1-й слой — темный пахотный, рыхлый, мелкозернистый, поросший корнями растительности, мощностью 15—20 см;

2-й слой — серо-желтый суглинок средней плотности, комковатый, деградирова-

стало быть, на характеристике ее едва ли стоит останавливаться. Отметим только, что в верхнем отделе напластований — в черноземном слое и в верхней части суглинка — нами были раскрыты жилые комплексы времени «полей погребений», в том числе большая каменная печь и хозяйственная яма, частично и на небольшом участке нарушившая целостность раннетрипольского горизонта.

В отношении влияния паводков на сохранность культурных остатков в этом пункте раскопок можно только повторить все то, что мы говорили о жилище № 3. Особенно хорошо было заметно переслаивание культурных отложений легкими аллювиальными наюсами в ямах. С полной достоверностью можно говорить о двух циклах заселения центрального жилого углубления (участки 33—39 А—Д).

Начнем обзор земляных сооружений с западной окраины раскопа.

В западной части раскопа на участках 28—32 А—В обрисовалась яма 1 (рис. 21). Южный край ее выходил на береговой срез и поэтому был несколько разрушен, правда, всего лишь на 20—30 см. Яма оказалась заполненной золой и угольками, среди которых во множестве находились фрагменты керамики и раздробленные кости животных. Она имела округлые очертания, покатые стенки и небольшое вогнутое дно; диаметр ее около 3.5 м, глубина до 1.18 м. К востоку от ямы 1 в 1—1.5 м, на участках 33—39 А—Е располагалось большое углубление (2 по плану). Заполнение этого углубления состояло из обычных для жилищ культурных остатков: много фрагментированной керамики, кремневые орудия — целые и обломки, глиняные статуэтки и кости животных. Все это залегало в прослоях золы и угля, образующих иногда довольно плотную, слежавшуюся массу. Так как это углубление значительно отличается по форме и размерам от всех других углублений, встреченных на площади раскопа, мы рассматриваем его как центральное жилое помещение. Форма жилого углубления в общем довольно неправильная, с известной долей ограничения ее можно назвать приближающейся к овальной (рис. 22, 23). Длинная ось жилья отклоняется к востоку. Южная часть углубления утрачена, но, видимо, на очень небольшом протяжении. Длина углубления 5.2 м, ширина около 5 м, глубина на разных участках различ-

ная. Наиболее углубленная часть жилища находится почти на 1.5 м ниже древней дневной поверхности. Стенки полуземлянки по окружности имеют неравномерный уклон и почти повсюду в верхней границе жилья начинаются с крутого невысокого уступа, переходящего в плавное понижение, по существу являющееся уже полом. Только северная стена жилища не имеет крутого уступа, а постепенно понижаясь с севера на юг, переходит в ровную площадку, снова затем принимающую уклон к центру жилья. С запада на восток эта площадка имеет довольно сильное падение.

Наиболее интересен пол жилища. Строго говоря, определение «пол» в данном случае может носить лишь условный характер. Нижняя граница жилого углубления располагается в разных плоскостях и представляет группу сообщающихся между собой ям различной глубины и формы. Даже небольшие, относительно ровные участки пола тоже располагаются в разных плоскостях. Как общую тенденцию в профилировке жилого углубления следует отметить понижение нивелировочных отметок от стенок к центральной части жилья. Итак, пол жилища представляет собой очень неровную поверхность, неровность которой подчеркивается наличием ям. Особенно выразительны ямы в южной, юго-восточной и центральной частях жилого углубления. Самая глубокая из них — северо-восточная. Она имеет глубину, считая от верхней границы жилья, около 1.5 м. Форма ее приближается к овальной; длина 1.45 м, ширина 1.2 м, если не учитывать ниши (глубиной 30 см), вырытой в восточной стенке ямы. Наличие ниши отличает эту яму от других углублений, встреченных в данном жилище. Не останавливаясь более на описании пола жилища, мы отсылаем читателя к плану и разрезам его, по которым легко представить рельеф пола на разных участках (рис. 21).

Заполнение ям, впрочем, так же как и всего жилища, состояло из золистого слоя и различных культурных остатков, причем основная масса их концентрировалась в углублениях пола. Кое-где отмечались отдельные небольшие камни, иногда со следами действия огня; на участке 37В встречена зернотерка. В южной части жилого углубления на участках 35—37 А—Б был обнаружен развал из комков обожженной глины,

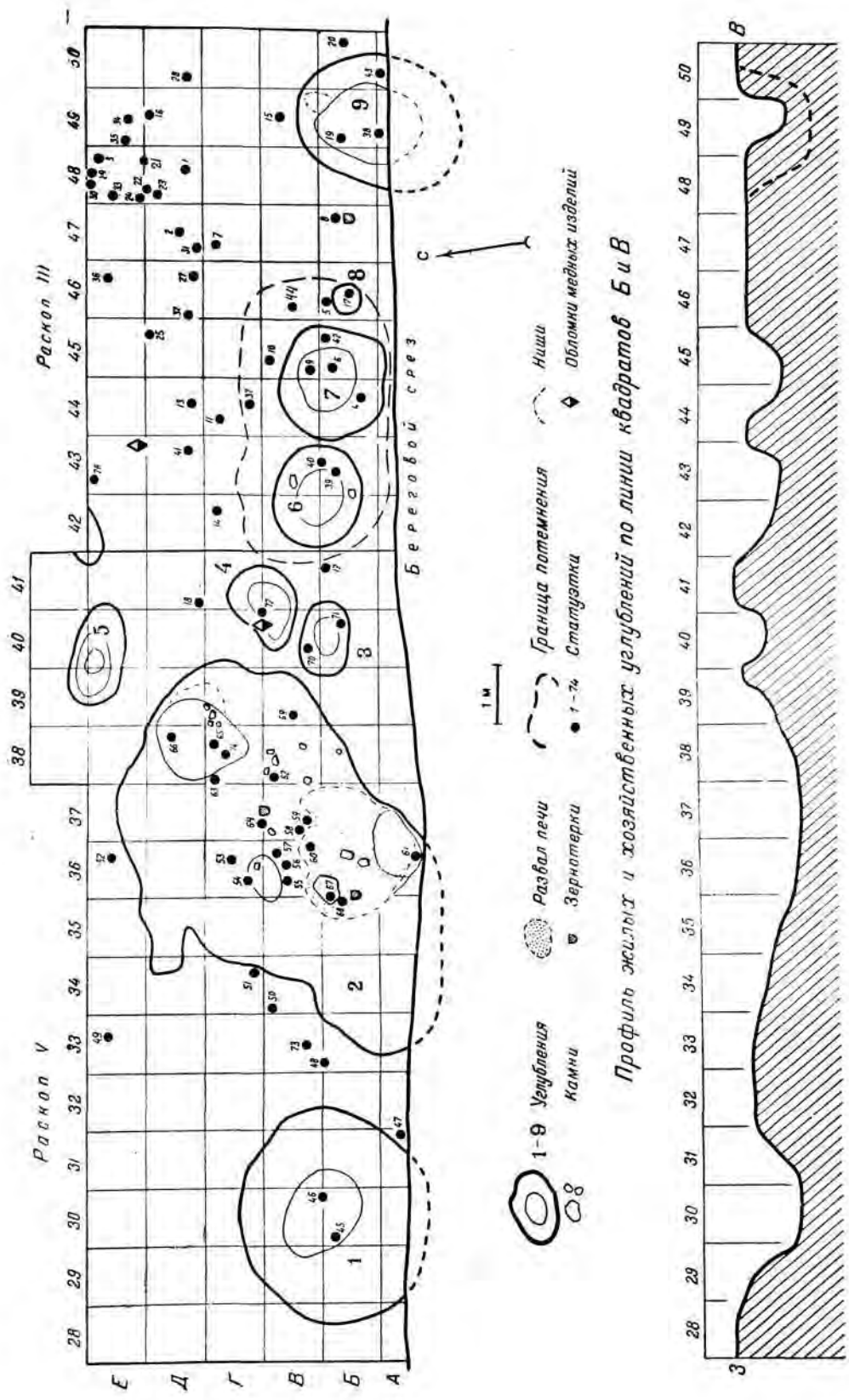

Рис. 21. План жилого комплекса № 4 и разрез его по линии квадратов Б и В.

располагающийся несколько выше, чем яма под ним. После расчистки этот развал дал подковообразный абрис, близкий по контурам к обычным печным сооружениям. Никаких конструктивных деталей печи установить не удалось. Можно с уверенностью сказать, что печь эта была постав-

там. Первый пункт, уже отмеченный нами в связи с характеристикой стенок углубления, совпадает с местом наиболее отлогого их положения, т. е. в северной части жилища на участках 36—38 Д. Второй пункт расположен в северо-западном углу жилища, где пол также понижается не круто, а

Рис. 22. Углубление 2 в жилом комплексе № 4. Вид с юго-востока.

лена на месте уже заполненной культурными отложениями ямы и служила, если судить по непрочному обжигу глины, видимо, недолгий срок.

Обнаружение печи в южной части жилища важно для установления места входа в жилище. Естественно, что в южной части, где располагалась печь, едва ли мог размещаться и вход в жилище. В других пунктах, если следовать по наружному краю жилого углубления, тоже нет абсолютно достоверных следов входа в жилище. Но остаются два пункта, которые дают основания предполагать, что вход был, вероятнее всего,

плавню. К тому же в контуре края жилища здесь наблюдается необычное конструктивное отклонение в виде прямоугольного, углубленного отвершка (участки 34—35 з). Не считая наши доводы о месте расположения входа в жилище неоспоримыми, мы думаем, что вероятность высказанного предположения все же не лишена основания.

В северо-восточной части жилища на участках 37—38 Г—Д было встречено небольшое пятно неправильной формы, образованное мелкими обломками обожженной глины. Оно находилось рядом с расположенной здесь ямой с нишей и даже частично

распространялось на северо-западный край ямы. Пятно это невыразительно и, очень возможно, представляет собой выброс обожженного суглинка из самой ямы при подчистке ее.

В непосредственной близости от жилого углубления с западной и северо-западной сторон располагаются три ямы: 3, 4 и 5.

лого углубления (участки 39—40 Е—Ж) и имеет правильные очертания овала. Стенки ямы равномерно покаты, дно представляет небольшую плоскую площадку. Длина ямы 175 см, ширина 115 см, глубина около 50 см.

Все названные пять ям, в том числе и само жилое углубление (2) вместе с расчищенными в нем ямами, располагались на

Рис. 23. Углубление 2 в жилом комплексе № 4. Вид с востока.

Яма 3 (участки 40 Б—В) имеет правильное очертание овала, плавно покатые стенки и по уровню верхнего своего края залегает на 30 см выше верхнего края жилища и двух других ям. Размеры ямы: длина 135, ширина около 100, глубина около 45 см. Дно ямы слегка вогнутое, имеет размеры 75×50 см. Яма 4 (участки 40—41 В—Г) неправильных очертаний, с неравномерно покатыми стенками, в южной и западной частях более крутыми, чем в северной и восточной. Длина ямы 145 см, ширина до 125 см, глубина 15—20 см. Яма 5 расположена к северо-востоку от жи-

раскопе V и раскрыты в 1948 г. Далее к востоку следуют углубления, находившиеся на раскопе III, примыкающем с востока к раскопу V. Здесь размещаются четыре углубления (6, 7, 8 и 9), идущие по краю береговой площадки. Ямы 6 и 7, а также небольшая яма 8 располагались в ряд и были как бы вписаны в темное очажное пятно овального очертания. Размер этого пятна в длину около 5 м, в ширину 2,5 м. Крайняя западная яма из этого комплекса (6) находилась на расстоянии не более 1 м от ям 3 и 4 (участки 42—43 Б—В). Яма 6

имеет довольно правильные округлые очертания и ровные плавно покатые стенки. Дно ямы слегка вогнуто; верхний диаметр 180, диаметр дна 110, глубина 50 см. Рядом с ямой 6 расположена яма 7 (участки 44—45 А—Б). Она имеет несколько менее правильные, но все же очень близкие к округлым очертания и по размерам немного превосходит яму 6. Диаметр ямы 7 до 200 см, диаметр дна 110 см, глубина 60 см. Стенки ямы отлогие, особенно в южной части. Там же, на южном крае ямы отмечены находки обломков печины, располагавшиеся двумя небольшими скоплениями. В 30 см восточнее ямы 7 расчищена небольшая и неглубокая ямка 8 (участок 46Б), диаметром 55 см и глубиной до 20 см. И, наконец, в 2,5—3 м от ямы 8 располагается яма 9 (участки 48—50 А—В). Южная часть ямы выходила на береговой срез и поэтому смыта водами Днестра. Яма 9 сохранилась в длину на 1,5 м, в ширину на 2 м. Возможные размеры ее до разрушения: ширина едва ли превышала 2 м, длина, вероятно, доходила до 3 м, глубина более 1 м. Стенки довольно отлогие, дно несколько вогнуто. Конструктивной особенностью этой ямы является наличие в северо-восточной части небольшой сводчатой ниши, вырубленной в стенке. В ямах 6, 7 и 9 наблюдалось значительное скопление створок раковин *Unio*, — больше, чем в других описанных выше углублениях. Особенно много встречено их в ямах 6 и 7, где они залежали плотно слежавшимся мощным скоплением. В яме 9 также отмечено присутствие остатков этих моллюсков, составлявших прослойки в толще золы, заполнявшей яму целиком.

Итак, на площади 125 м, составляющей раскопы III и V, раскрыто всего восемь ям и одно большое жилое углубление, внутри которого также отмечено несколько ям. Остается объяснить назначение этих углублений и их отношение к жилищам.

Нет сомнений в том, что углубление 2 являлось жилищем полуземляночного типа. Иное дело, когда речь идет о двух других комплексах ям, делящихся по своим размерам на более широкие и вместительные (1, 6, 7, 9) и на ямы меньших размеров (3, 4, 5, 8). Первая группа, или комплекс ям с известными оговорками может быть принята за остатки жилищ. Это тем более вероятно, что, как мы уже об этом гово-

рили, ямы 6, 7 и 8 были как бы вписаны в поверхностное потемнение культурного слоя, создавая впечатление остатков наземного сооружения, в котором ямы играли роль внутренних очажных вместилищ. Вспомним, кстати, углубления в Борисовке и в более позднем памятнике — Городске, которые Е. Ю. Кричевский рассматривал как внутрижилищные ямы, входившие в жилой комплекс в качестве одного из его элементов. Если вопрос о яме 2 как о жилом сооружении не вызывает сомнений, что можно предположительно говорить и о ямах 6, 7 и 8, то в отношении ям 1 и 9 этот вопрос остается еще не окончательно решенным, хотя размеры ям и встреченные в них культурные остатки не дают слишком серьезных противопоказаний для определения их тоже в качестве жилищ. Совсем по-иному стоит вопрос в отношении небольших ям 3, 4 и 5. Эти углубления были расположены в непосредственной близости от жилища (ямы 2) и ям 6 и 7. Положение их на жилой площадке безусловно позволяет говорить о том, что они входили в жилой комплекс в качестве подсобных сооружений, может быть, хозяйственного назначения, например для хранения запасов пищи. Это тем более вероятно, что содержимое этих ям несколько отличалось от содержимого тех ям, которые определяются нами как жилые сооружения. Прежде всего в них не столь часты находки бытовых предметов и примесь золы в их заполнении тоже значительно меньше. Не наблюдается внутри ям также и следов действия огня. Приходится думать, что заполнение этих небольших ям состоит из культурного слоя, оплывшего с древней дневной поверхности.

Таким образом, на площади раскопок, совпадающей с раскопами III и V, были раскрыты остатки одного, бесспорно жилого сооружения в виде полуземлянки (яма 2) и остатки, быть может, наземного жилища с расположенными внутри него ямами (6, 7 и 8). Большие по размерам ямы 1 и 9 являются тоже, видимо, остатками наземного сооружения, с углубленной частью пола. Три небольшие ямы (3, 4 и 5) служили для хозяйственных надобностей. При реконструкции наземной части этих жилищ приходится считаться с трудностями, вытекающими прежде всего из отсутствия конструктивных деталей (ям от столбов, следов обшивки стен и т. д.); тем не менее высказы-

вания по поводу истинной картины жилищ не остаются только догадками и основываются на прямых и косвенных фактах. Для того чтобы представить себе вид наземной части полуземлянки, внутреннее устройство которой и контуры вполне отчетливо выяснились после раскопок, можно предложить известную реконструкцию жилища из Кельн-Линдентали. Углубленная в землю часть большого жилища, пол которого сплошь изрыт ямами, сочеталась здесь с легким плетеным каркасом стен, составлявших наружную часть жилья. Прутья стен вплетались в тонкие вертикально стоящие жерди, не требовавшие больших углублений для опоры. Жилище перекрывала легкая, может быть, двускатная кровля, подпиравшаяся тоже жердями, на развилках которых горизонтально помещалась центральная коньковая жердь. Наружные стены жилища, возможно, были промазаны глиной, крыша сделана из соломы, сухой травы или шкур животных. Так, вероятнее всего, выглядело жилище полуземляночного типа (углубление 2 по плану). Следы легкой опорной конструкции не дошли до нас, однако нет оснований оспаривать наличие их в древности уже потому, что среднеевропейские неолитические жилища полуземляночного типа, в деталях повторяющие полуземлянку из Луки-Врублевецкой, эти следы сохранили и поэтому дают возможность оправдать предложенную реконструкцию.

Кажется вполне вероятным видеть в полуземлянке (яма 2) Луки-Врублевецкой зимнее жилище. Углубленное в землю жилье, естественно, отличающееся малой теплопроводностью, и наличие мощных очажных скоплений подтверждают это соображение.

Несколько по-иному может быть решен вопрос о комплексе ям 6, 7 и 8. Каждая из них едва ли имеет самостоятельное значение как жилище. Кроме того, их расположение в непосредственной близости друг от друга скорее свидетельствует о том, что они являются конструктивной особенностью какого-то единого сооружения. Объединяет их к тому же очажное потемнение поверхности культурного слоя, дающее более или менее правильную геометрическую фигуру, близкую к овалу. Можно предположить, что это все остатки иного типа жилища, имевшего вид наземного сооружения, в полу которого были сделаны

два очажных углубления и небольшая ямка, видимо, хозяйственного назначения. Возможно, что такой тип жилья принадлежал к разновидности зимних построек, имевших наземный каркас, оббитый прутьями и обмазанный глиной.

Археологические находки были встречены на всей площади раскопа. Их было особенно много в очажных ямах. Наибольшее количество археологических остатков собрано в полуземлянке (2) и в углублениях 1, 6 и 7. В яме 9 культурные остатки были редки, яма почти сплошь была заполнена золой. Таким образом, археологические находки сосредоточивались главным образом в местах, связываемых с жилищами.

Остатки культуры, собранные на площади раскопа, состоят из сланцевых и кремневых орудий, последние особенно многочисленны. Найдены также две небольшие песчанковые зернотерки. В процессе раскопок был обнаружен обломок какого-то изделия из меди. Самую многочисленную группу составляют фрагменты керамики, количество которых исчисляется несколькими тысячами.

Интересен боевой топор из диабазы с тонким лезвием и плоским обушком. Топор имеет просверленное отверстие для рукоятки. Сохранилась лишь часть топора, сломанного по длинной оси орудия (табл. 20, а). Кремневые изделия представлены в своей подавляющей части концевыми скребками на удлиненных или широких коротких пластинках. Реже встречаются другие кремневые изделия, в том числе проколки и вкладыши для серпов с сильной угловой заплывкой.

Многочисленны и костяные орудия. Большую часть их составляют различные острия, преимущественно шилья разной степени отделки и различных размеров. На единичных экземплярах имеются отверстия для ношения этих предметов на нити или ремне. В яме 9 в слое золы был найден крупный обломок остроги с сохранившимся боковым шином и значительной частью корпуса орудия (рис. 24).

Керамика, собранная на раскопах III и V, в общем вполне аналогична керамике из других пунктов раскопок в Луке-Врублевецкой и лишь дополняется отдельными элементами, не выходящими, однако, за пределы стилистических особенностей, формы и орнаментации, свойственных кера-

мике этого поселения в целом (рис. 25, а—г).

Следует упомянуть о двух находках, сделанных на этом раскопе. Обе находки изображают согнутые в локте руки и служили в качестве ручек на сосудах, подобно пластическим изображениям подв

Рис. 24. Жилой комплекс № 4. Фрагмент костяной остроги.
Н. в.

няные терракоты, изображающие преимущественно женщин. Статуэтки были найдены в разных местах раскопа — и в культурном слое, и в очажных ямах.¹

¹ Если сопоставить распределение статуэток по площади раскопа V (участки 28—40 А—Д) с распределением их по площади раскопа III (участки 41—50 А—Д), то можно заметить следующее. На площади раскопа V подавляющее большинство статуэток (18 экз.) найдено в полуземлянке (углубление 2), значительно меньше их в ямах, примыкающих к полуземлянке: в яме 1 2 экз., в яме 3 2 экз., в яме 4 2 экз., в яме 5 не найдено ни одной. За пределами углублений к югу, северу и востоку встречено всего 7 статуэток.

тых рук на сосудах из Трои или сосудам из поселений раннедунайской культуры (рис. 26). Обе находки хотя и близки по морфологическим данным, в то же время значительно отличаются друг от друга. Одна из них передает руку вместе с расширяющейся частью, соответствующей ладони, на которой изображены четыре пальца, расчлененных выемками в глине. Вторая находка тоже передает согнутую в локте руку, со слегка расширяющейся ладонью, но пальцы на кисти не изображены.

К числу редких керамических находок относятся две глиняные ложки с утраченными ручками (табл. 53), очень напоминающие современные деревянные ложки.

Многочисленную группу находок, собранных на раскопе, составляют также гли

На основании наблюдений над размещением статуэток можно прийти к заключению, что находки их относятся к внутреннему помещению жилищ. Это одинаково отмечается и для жилища № 2, и для жилища (комплекса) № 3 (раскоп I), и для полуземлянки (углубление 2) на раскопе V. На вопрос, является ли присутствие фигурок характерным для очагов или приочажных мест, трудно дать вполне определенный ответ, хотя в жилом углублении 2 на раскопе V и отмечается группировка статуэток вокруг южной очажной ямы. Тем не менее вполне утвердительно можно сказать только, что находки статуэток обычно связаны с внутренними помещениями жилищ.

Основная часть статуэток, собранная на раскопках III и V, во многом напоминает или даже повторяет статуэтки из других пунктов раскопок. Однако в собрании имеются отдельные экземпляры, не повторяющиеся больше ни на одном из других участков. В пределах потемнения поверхности культурного слоя, в котором обнаружены три рядом расположенные ямы (6, 7, 8), найден ряд привлекающих внимание скульптур.

1. Интересна крупная фигурка человека (участок 44 В), высотой 15,4 см, толщиной до 4,5 см. Этот единственный в своем роде экземпляр крупной скульптуры сохранился неповрежденно (рис. 27, а; табл. 76).

2. В пределах этого же комплекса, в яме 6 обнаружены две мужские фигурки, — находки, редкие не только в поселении Луки-Врублевецкой (рис. 27, б; табл. 75). Обе статуэтки изготовлены одним мастером и одновременно.

3. Особенно ценна небольшая фигурка, изображающая женщину в полусидячей позе (рис. 27, в; табл. 82, а). Эта статуэтка интересна в том отношении, что внешняя отделка ее передает детали одежды — пояс с бляхой, вероятно, меховой передник, сапожки или мягкие чулки с застежками.

На участках 41—50 А—Д картина меняется. Большая часть статуэток найдена за пределами углублений — 31 экз., в яме 6 2 экз., в яме 7 4 экз., в яме 8 1 экз., в яме 9 3 экз. Вполне допустимо, что статуэтки оказались за пределами жилых углублений вследствие очистки жилищ от скопившейся в них золы и других бытовых отбросов.

ЖИЛИЩЕ № 5 (РАСКОП VII)

Жилище № 5 находится в 10—12 м от длинного жилого углубления — жилища № 3 — и замыкает с запада ряд жилищ,

вой. Раскопки в этом пункте были начаты И. Г. Шовкоплясом и продолжены нами на площади свыше 100 м². В результате было вскрыто большое жилое углубление, к описанию которого мы и переходим.

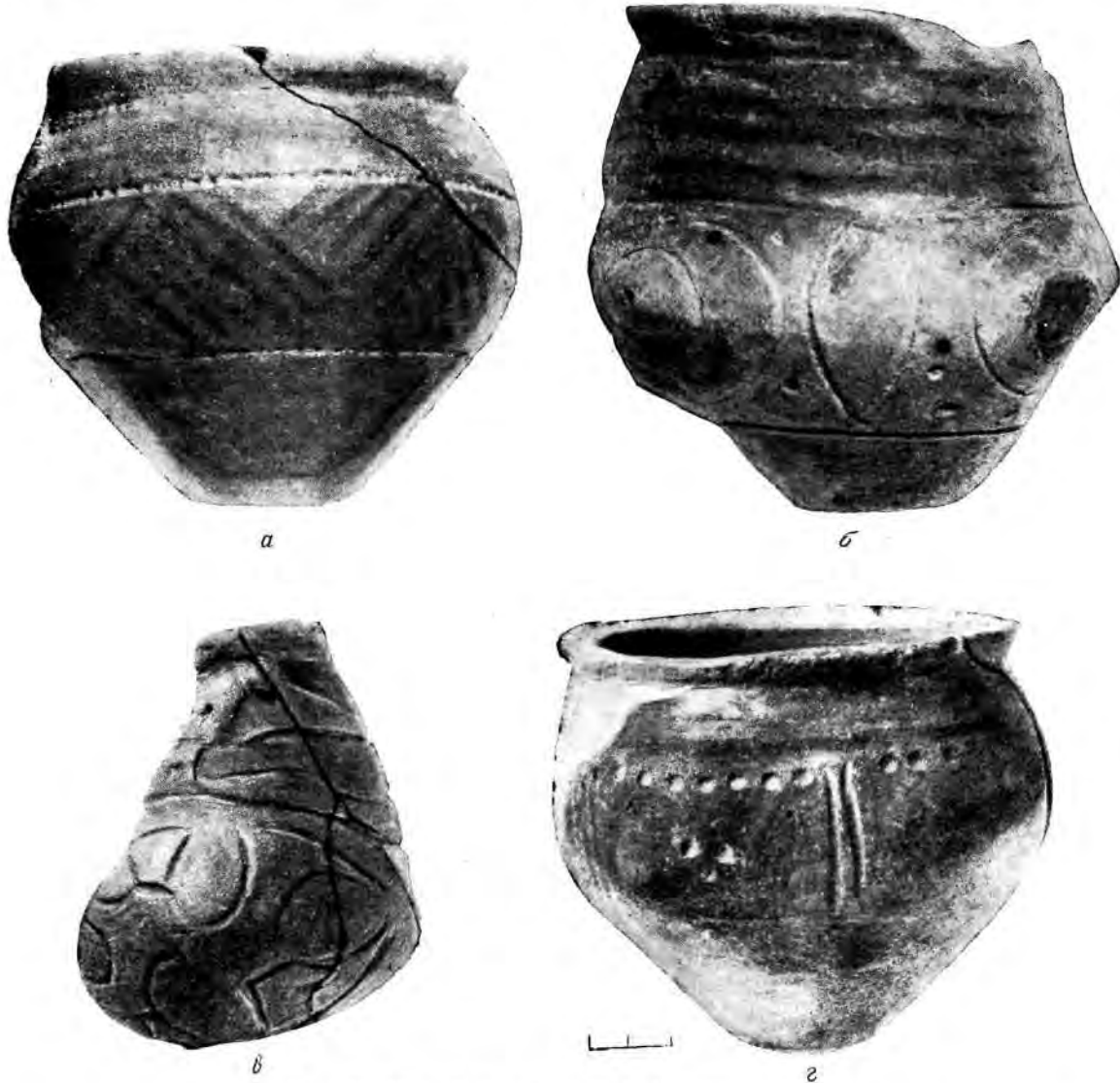

Рис. 25. Жилой комплекс № 4. Образцы керамики.

расположенных по краю берегового уступа. Оно занимает нижний отдел желтого суглинка, лежащего на галечниковом доколе террасообразного уступа, и перекрывается мощным отложением чернозема и суглинка, достигающим двухметровой толщины, а вместе с культурными отложениями, заполняющими жилое углубление, — трехметро-

Сообразно с распределением остатков культуры в вертикальном и горизонтальном направлениях отложения в жилище могут рассматриваться в пределах двух горизонтов.

Первый горизонт перекрывает наиболее древний уровень жилища — второй горизонт, отмеченный налчием ям (рис. 28).

Расчленение заполнения жилого углубления имеет свое значение только для установления периодичности заселения его в связи с паводками и в какой-то мере — для выяснения различия в конструкции пола. Сам же археологический материал не дает каких-либо определенных указаний на возможность расчленения его по хронологическим признакам. В этом смысле его можно считать совершенно однородным.

Итак, для уяснения планировки жилища главное значение приобретают первый и второй горизонты, но оба они не выходят за пределы общего контура самого углуб-

Рис. 26. Жилой комплекс № 4. Обломки ручек от сосудов в виде рук человека. Н. в.

ления, которое должно быть рассмотрено в первую очередь.

Жилое углубление с утраченными южным и восточным краями в плане представляет собой довольно неправильную фигуру, лишь отдаленно напоминающую четырехугольник с несколько закругленными углами. Площадь углубления около 65 м², глубина в разных точках пола различна, но не превышает 1—1,5 м ниже уровня древней дневной поверхности. Если можно в пределах достаточной точности судить о площади утраченных южной и восточной частей углубления, то о характере пола в этих пунктах сказать трудно. Что касается других периферийных частей жилища, то юго-западная часть углубления ограничивается крутой стенкой, в остальных сохранившихся частях стенки жилища достаточно пологи и плавно сливаются с полом жилого углубления. Таким образом, о стенках в точном смысле этого слова здесь

говорить не приходится. Судя по нивелировочным данным и расположению ям и археологического материала, вход в жилище находился в западной стороне, ближе к северо-западному углу.

Для первого горизонта очень характерно наличие вымостки, или выстилки пола раковинами *Unio*, обращенными в подавляющем большинстве выпуклыми сторонами створок кверху (рис. 29). Выстилка прослеживается не всюду одинаково хорошо. Наилучшая сохранность раковин, ровным слоем покрывающих пол, наблюдалась на восточных участках в пределах границ 1—4 А—Ж. Далее к западу выстилка ракушняка теряет свои ясно прослеживаемые границы и встречается в виде отдельных участков вымостки.

Там, где ракушки образуют плотный покров пола и следуют рельефу его, отмечается почти полное отсутствие находок в толще ракушняка, достигающей 10—12 см. На тех участках, где отсутствовала выстилка пола раковинами, прекрасным показателем, маркирующим уровень пола, служили раковины *Unio* с отверстиями — подвески, находимые на полу часто целыми группами, как бы связками (по 3—8 штук). Присутствие преднамеренной выстилки пола в жилище № 5, так же как в жилищах №№ 2 и 3, лишней раз подчеркивает конструктивное своеобразие полов в жилищах Луки-Врублевецкой.

Совсем иную картину представляет второй горизонт. Его отличает крайняя неровность покатога с запада на восток и с севера на юг пола (рис. 30, 31). В пределах жилого углубления отмечено девять ям; наибольшая из них (1), расположенная в юго-западной части жилища, имеет в свою очередь дополнительно еще четыре ямы (рис. 30, а—г, рис. 32). Как общий признак для всех внутренних ям можно отметить округлость их формы, различие в размерах, глубине и оформлении стенок.

Приводим краткие сведения о ямах в жилище № 5. Самая большая яма с комплексом дополнительных ям располагается, как сказано, в юго-западной части жилого углубления. Три дополнительные ямы (а, г, б) размещены в ней в ряд и соединяются друг с другом. Между ними наблюдается небольшой участок повышенного пола, выделяющегося на общем пониженном фоне как останец. Три названные ямы имеют

достаточно крутые стенки и одна из них (2) снабжена неглубокой нишей. Только глубина ямы 6 по отношению к древней дневной поверхности превышает 100 см, осталь-

имеет неправильные очертания и небольшую глубину (длина 105 см, ширина 90 см, глубина около 70 см). В северо-западном углу жилища находится яма 2 округлых

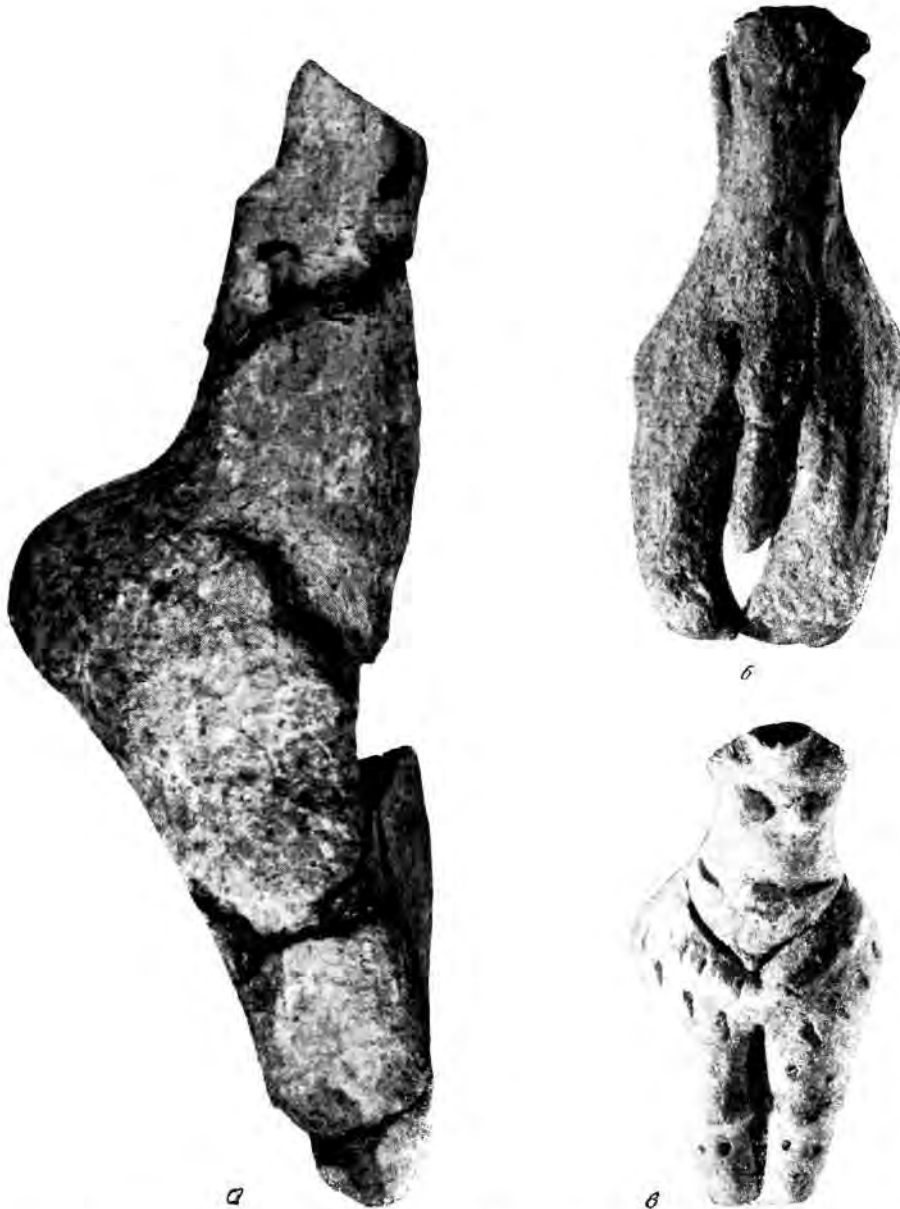

Рис. 27. Жилой комплексе № 4. Антропоморфные скульптурные изображения. Н. в.

ные же две ямы (а, з) имеют несколько меньшую глубину. Кстати сказать, яма б и по размерам превосходит три другие (длина ее 240 см, ширина до 140 см). Яма в располагается в юго-восточной части ямы 1,

очертаний, размером 120×100 см, глубиной 35—40 см. Яма 3 на участках 6 Д—Е тоже имеет округлые очертания, длина ее 123, ширина 95 см, глубина 5—6 см. Ямы 4 и 5 находятся почти в центре жилища и

соединяются между собой. Они также имеют округлые очертания. Размер ямы 4 175×110 см, глубина 4—5 см; длина ямы 8 260 см, глубина до 10 см; длина ямы 7 110 см, глубина 4—5 см; длина ямы 8 175 см, глубина 10 см; ямы 5— 163×140 см, 120 см, глубина 3—5 см. Наконеч, яма 9—

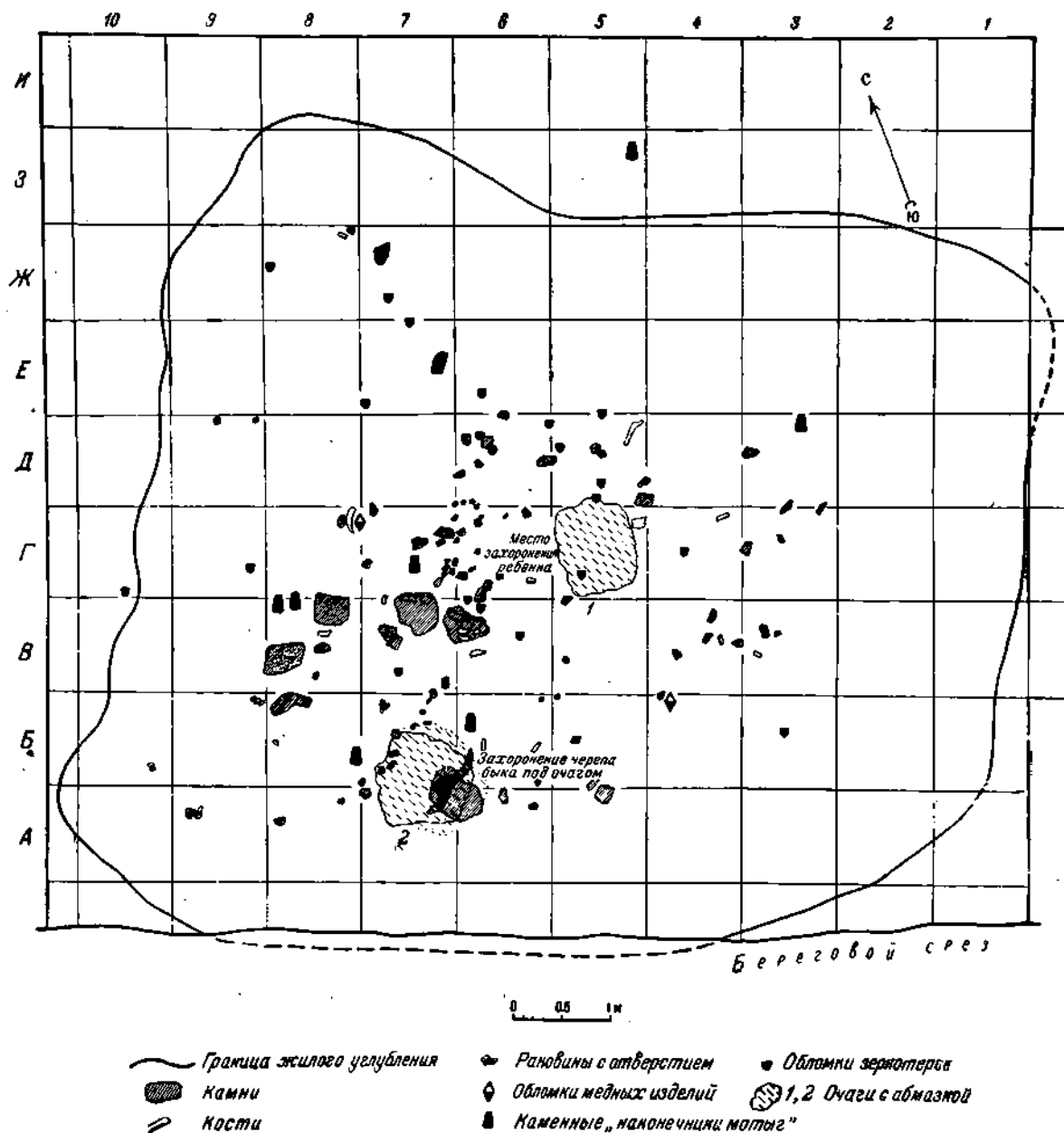

Рис. 28. План жилища № 5 (первый горизонт).

глубина 8—9 см. Ямы 6, 7 и 8 расположены в ряд в восточной стороне жилища. Восточные контуры ям трудно прослеживаются, поэтому размеры указываются в одном направлении — с юга на север: длина ямы 6

в северо-восточном углу жилища — имеет вытянутые очертания, размеры ее 130×70 см, глубина до 50 см (рис. 30).

Заполнение жилого углубления, в сущности говоря, представляет собой очажный

стой с большим количеством культурных остатков. Особенно многочисленны археологические находки в южной и восточной половинах жилья. Это и понятно, так как общий уклон пола идет с запада на восток и с севера на юг. Следовательно, при покатоности пола в этих направлениях создавались наиболее благоприятные условия для

Прежде всего следует обратить внимание на большое количество камней, преимущественно плоских и в меньшем числе округлых, встреченных во всей толще культурных отложений, заполняющих жилье. Особенно много камней найдено на центральных участках с наиболее выраженными очажными следами. Можно предположить, что

Рис. 29. Жилище № 5. Слой ракушек Urio на полу жилища.

концентрации находок в восточной и южной частях жилища. Кроме того, здесь находились участки, близко соприкасающиеся с очагами и ямами.

Чтобы дать представление о насыщенности заполнения жилого углубления культурными остатками, приводим следующие цифры: при расчистке одного метрового квадрата (участок 5Г) собрано 1149 фрагментов керамики, 119 кремней, 5 обломков печины, 1 обломок сланцевой мотыги, 1 подвеска из черепка, 4 ракушки с пробитыми отверстиями, 358 костей животных, 1 копролит собаки.

Рассмотрим теперь те остатки бытовых сооружений и некоторые детали, связанные с ними, которые отмечены при раскопках на полу первого горизонта жилища.

значительное количество плоских камней в культурном слое явилось следствием обвала кровли, на которую они были положены для укрепления ее покрова. Крупные плоские камни использовались в жилище, возможно, и для различных бытовых надобностей — в качестве сидений, наковален и т. п. Мелкие камни могли служить упорами для сосудов, которые ставились на очаг или на неровный пол полуземлянки.

На уровне первого горизонта было обнаружено два очажка, легко определяемых по присутствию глиняной обмазки (рис. 28). Кроме того, в разных частях жилища выделялись нечетко прослеживаемые темные пятна — следы кратковременных очажков. Контуры их скорее угадывались по интенсивной окраске и углистым включениям,

несколько большим, чем на окружающих участках.

Примерно в центре жилища был расчищен первый очажок, сохранившийся в виде

ности пола. На очажке найдено несколько крупных фрагментов керамики и в том числе обломок полой кольцевой подставки от сосуда. Кроме того, тут же обнаружены

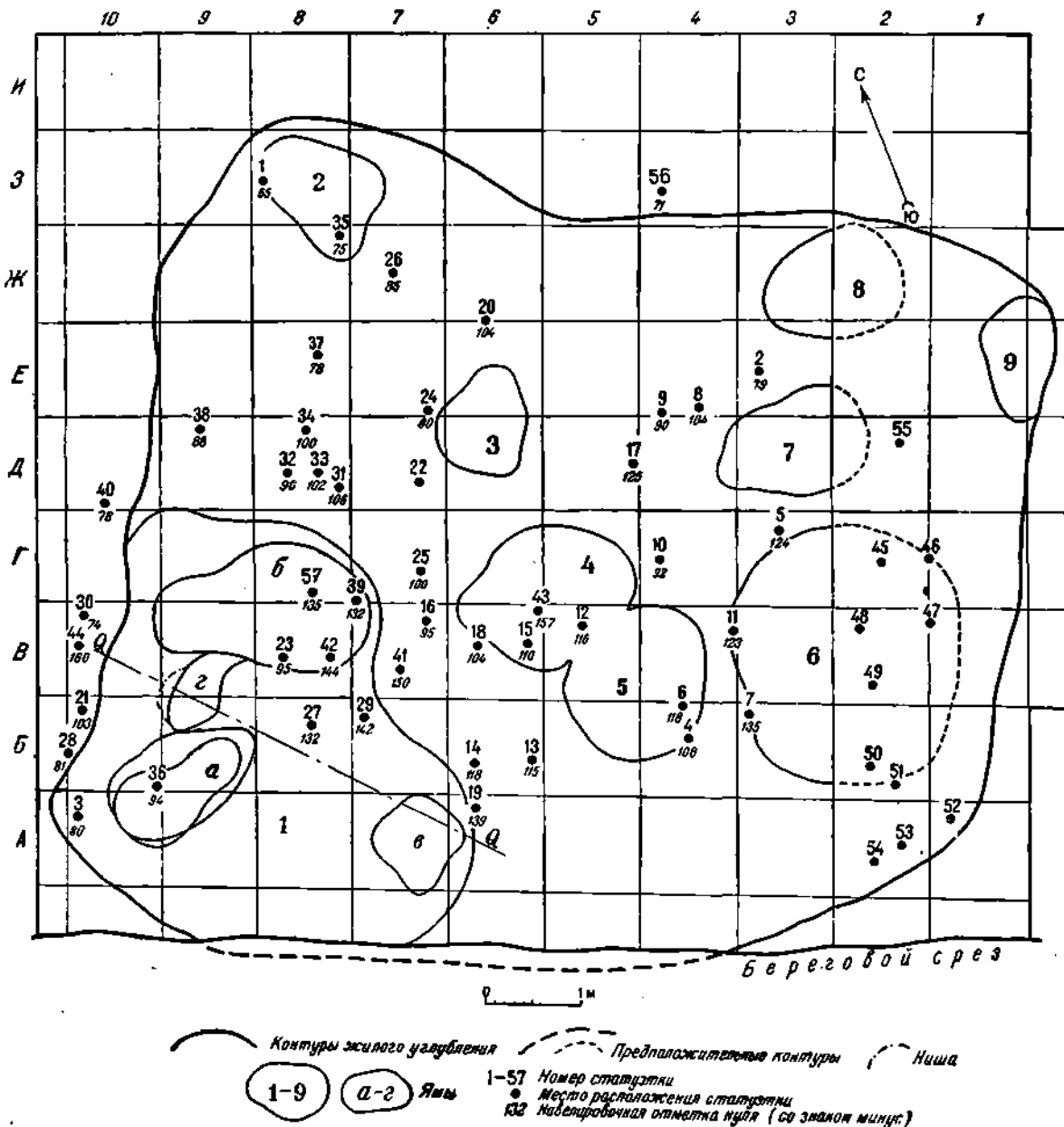

Рис. 30. Жилище № 5. План жилища с расположением ям и статуэток.

неправильной формы площадки, обмазанной глиной (рис. 28). В структурном отношении он очень прост. Слой глины толщиной 5—6 см лежит прямо на выровненной поверх-

два больших необработанных обломка рога благородного оленя. В южной стороне очажка лежал крупный обломок зернотерки. Четыре других обломка от других зерно-

терок находились на участках, примыкающих к очажку с севера. Значительно лучшей сохранности оказался второй очажок (рис. 28, 33). Он размещался в южной половине жилья, на участках 7 А—Б и частично был поврежден паводком Днестра. В плане очажок имел довольно неправильные очертания, что можно отнести за счет частичного разрушения, которому он под-

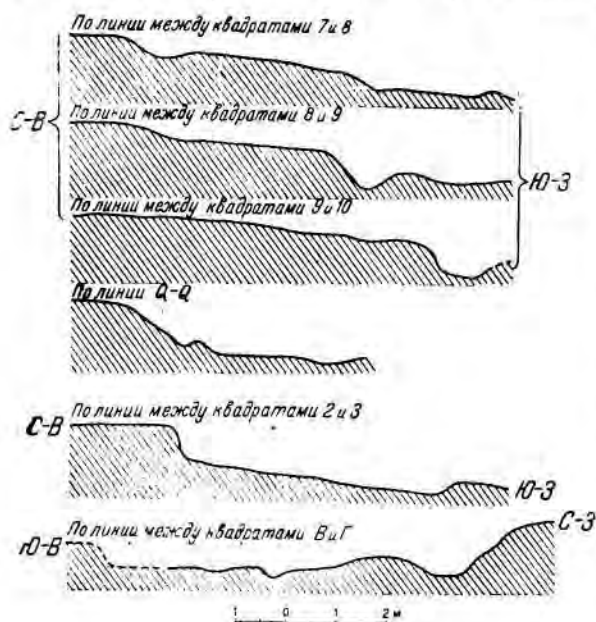

Рис. 31. Жилище № 5. Профили пола.

вергся. По всей сохранившейся части глиняная обмазка лежит плотным, хорошо прокаленным слоем, однако растрескавшимся, возможно, вследствие влажности грунта. Размер очажка 95×80 см.

Исключительно интересной является одна конструктивная особенность второго очажка. В северной части его лежал большой плоский камень (40×30 см), частично перекрытый глиняной обмазкой. Конструктивно этот камень безусловно связан с очажком и составляет своего рода припечь. Под камнем был обнаружен специально захороненный череп домашнего быка без лицевой части, но с хорошо сохранившимися лобными костями и роговыми стержнями (рис. 33, 34). Помимо большого палеонтологического значения, которое приобретает эта находка, являющаяся пока первым почти целым черепом домашнего быка раннетрипольского времени, она имеет не

меньший археологический интерес, с точки зрения воссоздания определенного круга идей культового порядка у ранних земледельцев. Вокруг очажка слой оказался буквально насыщенным находками. Здесь найдено несколько обломков роговых стержней со следами употребления, две группы раковин с отверстиями (одна из групп на очажке), два фрагмента женских статуэток и птицеподобный сосуд.

Следует упомянуть об одной любопытной подробности, связанной с очажным пятном на участке 4Г. При расчистке пола здесь был встречен крупный кусок совершенно обуглившегося дерева, распавшийся на отдельности, но сохранивший очертания древесного сучковатого обрубка. Этот обрубок был перекрыт прослойкой, включающей отмученные частицы песка. Такой же слой прослеживался в виде не очень отчетливо выделяющегося отложения и на соседних участках. Создается впечатление, что перед нами следы одного из паводков Днестра, когда подымавшаяся в реке вода проникла в жилище и затопила оставленный горевшим костер.

Недалеко от обуглившегося куска древесины найден тоже в обуглившемся состоянии крупный обломок скорлупы лесного ореха. Эта находка дает еще один штрих для характеристики лесного собирательства у ранних трипольцев, известного пока только по отпечаткам желудей.

Важное значение приобретают остатки детского захоронения под полом первого горизонта жилища, на участке 6Г, т. е. западнее первого очажка (рис. 28). В небольшом углублении найдены разрозненные кости детского скелета, сконцентрированные, однако, в одном пункте.

Сознавая трудность воссоздания действительной и живой картины, объясняющей присутствие в жилище тех или иных предметов, можно все же сделать одно предположение. Паводки Днестра заставляли обитателей жилища на время покидать его и уносить с собой все ценное, с точки зрения первобытного человека, имущество. В жилище оставались лишь негодный к употреблению инвентарь, являвшийся бытовыми отбросами, и предметы, не захваченные в спешке. К ним относятся мелкие изделия — сосудики, кремневые поделки, нашивки на одежду, мелкие костяные предметы и т. п. Видимо, не случайно на по-

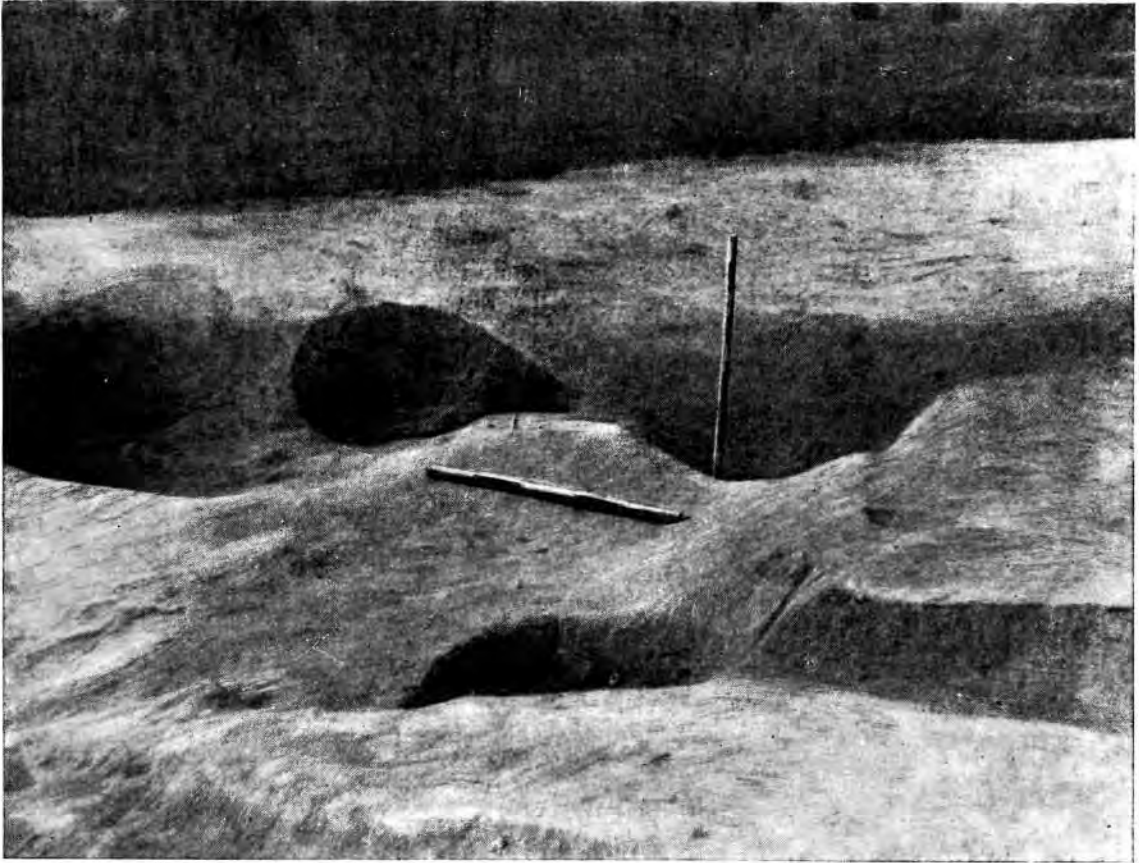

Рис. 32. Жилище № 5. Ямы в юго-западной части жилища.

Рис. 33. Жилище № 5. Очаг 2. Захоронение черепа быка под очагом.

верхности пола первого горизонта нам встретились многочисленные группы раковин *Urio* с пробитыми отверстиями, лежащими в порядке, который указывает на их положение в связке, в ожерелье. Моллюски *Urio*, являвшиеся одним из самых распространенных объектов собирательства, во множестве встречались в жилищах Луки-Врублевецкой и, конечно, раковины их не представляли слишком большого значения как поделочный материал. Изготовление же

отдельных хозяйственных или бытовых чертах раннетрипольского общества, но, что еще существеннее, дает основание для постановки общих исторических вопросов о взаимоотношении племен раннего триполья Приднестровья с сопредельными раннеземледельческими племенами, особенно юго-восточной Европы.

Как это обычно для жилищ Луки-Врублевецкой, наряду со множеством самых различных бытовых отбросов, керамикой,

Рис. 34. Жилище № 5. Очаг 2. Череп быка после расчистки.

из них подвесок тоже не требовало сколько-нибудь значительных трудовых усилий, поэтому они не привлекали к себе внимания в моменты, когда жилище покидалось. Оставленные в жилище связки таких раковин покрывались легким речным наносом и по возвращении обитателей жилища после спада воды затапывались. Может быть, именно потому, что наводки не носили характера стихийных бедствий, мы и не встречаемся с находками целых предметов, в том числе и крупных сосудов, так как их забирали из жилища в периоды его затопления.

Обратимся теперь к краткому рассмотрению самих археологических находок из жилища № 5. Сразу же скажем, что весь богатейший комплекс изделий не только дополняет наши сведения о тех или иных предметах, бытовавших в раннем триполье, но только увеличивает наши познания об

костью, в жилище № 5 встречено весьма значительное количество кремня, в основной своей массе принадлежащего к производственным отходам. Вместе с различными обломками, осколками и мелкими чешуйками от кремня здесь встречено и много орудий. В общем почти все типы орудий не представляют чего-либо нового для набора кремневых изделий из Луки-Врублевецкой. Скрепки, сверла, пластинки с ретушью, пластинки с угловой заполировкой составляют основные и вполне устойчивые, с морфологической точки зрения, орудия.

Каменный инвентарь, встреченный в жилище № 5, состоит из уже знакомых нам по находкам в других жилищах сланцевых «мотыжек», преимущественно трапециевидных очертаний, с легкой асимметричностью в оформлении боковых плоскостей. В отличие от других жилищ Луки-Врублевецкой,

где находки каменных зернотерок составляли редкое исключение и встречались по одной, по две в жилище, в этом жилом углублении обнаружено восемь почти целых зернотерок (или крупных фрагментов их) и три растиральных камня.

Большой интерес представляет деталь приспособления для сверления (ручной дрели), найденная в жилище (рис. 35; табл. 19, е).

Среди роговых изделий обращает на себя внимание прекрасно отделанная у рабочего

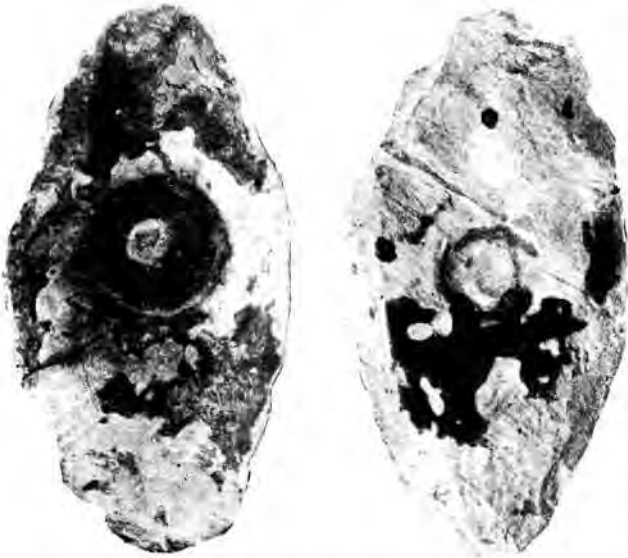

Рис. 35. Жилище № 5. Упорная плитка от ручной дрели, $\frac{3}{4}$ н. в.

конца мотыжка из рога благородного оленя со сверлиной для рукоятки (рис. 36).

Костяные изделия производственного назначения состоят главным образом из шильев.

Остаются пока неразъясненными, с точки зрения их назначения, фаланги пальцев быка с пробитыми на передней (дорсальной) поверхности несквозными отверстиями (рис. 37).

Медных предметов в жилище обнаружено всего два — один из них представляет изогнутый прутик, овальный в сечении (рис. 51, м, л), другой — пластинку, согнутую в виде трубочки. Вероятнее всего, оба эти предмета являются фрагментами украшений.

К числу украшений относятся десятки раковин *Unio* с пробитыми отверстиями

для нити. Особенно интересны небольшие пластинки из раковин прямоугольной формы, хорошо отшлифованные по краям

Рис. 36. Жилище № 5. Мотыга из рога оленя, $\frac{1}{4}$ н. в.

и снабженные с двух сторон парными отверстиями. Они служили своего рода нашивками на одежду или головной убор (рис. 38). Помимо законченных пластинок найдено и несколько заготовок, дающих представление о приемах их изготовления.

Рис. 37. Фаланги пальцев быка с отверстиями, $\frac{2}{3}$ н. в.

Встречаются (правда, редко) и глиняные маленькие бусы, пронизки из птичьих трубчатых костей, обнаружен и позвонок сома

с отверстием, тоже входивший в низку ожерелья. К редким изделиям, показываю-

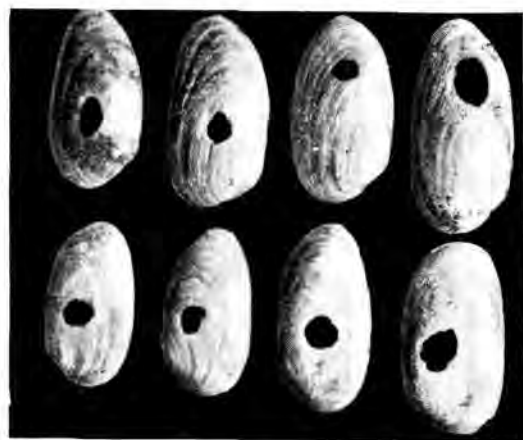

Рис. 38. Жилище № 5. Украшения из Упю.
2/3 н. в.

щим заботливое отношение ранних трипольцев к детским забавам, относится глиняная погремушка (рис. 39; табл. 73, *в*).

Серьезное значение имеет также находка обломка глиняной модельки жилища. Фрагмент представляет собой часть сенцев (рис. 67; табл. 74, *а*). Эту находку в Луке-Врублевецкой мы ставим в связь с находками миниатюрных сосудиков, входивших в убранство моделей жилищ. Один из таких сосудиков, едва достигающий высоты 2.5 см, найден в жилище № 5 (рис. 58, *а*; табл. 55, *б*).

Самым многочисленным и вместе с тем самым разнообразным археологическим материалом остается керамика. Не входя даже в самую общую характеристику посуды, что будет сделано в специальной главе о керамике, отметим только присутствие в жилище № 5 отдельных групп сосудов, особенно способствующих установлению культурно-исторических связей триполья Поднестровья с раннеземледельческими племенами Подунавья и восточного Средиземноморья, что в свою очередь помогает наметить относительные хронологические вехи данной культуры. Здесь прежде всего уместно указать на антропоморфные сосуды, встреченные в жилище № 5, так же как и в других жилищах.

Большое значение приобретает группа черепков, безусловно, выделяющихся своими своеобразными чертами (рис. 61; табл. 65,

Рис. 39. Жилище № 5. Глиняная погремушка и глиняные шарики из нее. Н. в.

66). Система орнамента в виде геометрических, иногда атектонических построений, сама фигурность этих построений ведет нас

в области распространения линейно-ленточной орнаментации в Дунайско-Тисском бассейне. Совершенно убедительно об этой связи, не генетической, а прямой, говорит находка зооморфного (птицеподобного) сосуда, встреченного у очага 2 в жилище

Рис. 40. Жилище № 5. Птицеподобный сосуд. $\frac{2}{3}$ н. в.

№ 5 (рис. 40; табл. 46). Интересен ковшик-черпачок, украшенный лепной головкой птицы с хохолком, помещенной на свободном конце ручки (рис. 41; табл. 52).

Любопытную группу находок составляют зооморфные пластические фигурки. Одна из них изображает свинью (сохранилась только голова) с плоским круглым рыльцем, на котором четко выделяются два носовых отверстия (рис. 42, а; табл. 114, а). По стилистическим особенностям головка свиньи из жилища № 5 очень сходна, а в некоторых деталях даже тождественна, с фигуркой свиньи из жилища № 3 (табл. 114, б). Это особенно ярко выступает в трактовке пасти, ямок для клыков, ушей с отверстием и, наконец, в своеобразном высоком оформлении затылочной части головы.

Большим изяществом и натуралистичностью отличается единственная скульптурная головка козы (рис. 42, б; табл. 115, а).

Помимо отмеченных зооморфных статуэток в жилище № 5 найдена фигурка быка (?)

(рис. 42, в) и статуэтка собаки (рис. 42, г).

Весьма многочисленным собранием представлена и антропоморфная пластика. В жилище № 5 найдено свыше 60 скульптур. Почти все они изображают женщин и встречены в пределах жилого углубления. В значительной своей части статуэтки повторяют уже известные нам формы вместе с орнаментальными сюжетами, однако некоторые фигурки расширяют наши представления о скульптуре из Луки-Врублевецкой. Прежде всего отметим статуэтку с отпечатком зерна (табл. 77, г). Находка эта не нова и представляет интерес с точки зрения установления еще одного пункта находок статуэток с оттисками зерен и, следовательно, подтверждает не случайность, а закономерную повторяемость обнаружения их в жилищах. Обращает на себя внимание также довольно крупная статуэтка, имеющая рельефный пояс с косым нарезным орнаментом (рис. 43, а; табл. 81). Любопытны еще две фигурки,

совершенно отличные по размерам. Одна из них имеет высоту 13 см, другая не-

Рис. 41. Жилище № 5. Глиняный черпачок со скульптурной головкой птицы. $\frac{4}{5}$ н. в.

много более 3 см (рис. 43, б, в; табл. 101). Столь значительное различие в размерах, возможно, указывает на разное назначение фигурок.

Подводя итоги сказанному о раскопках жилища № 5, отметим полное соответствие положения его по отношению к другим

жилищам в толще отложений, слагающих береговую террасу. Кроме того, следует подчеркнуть конструктивное сходство жилища № 5 с другими жилищами, проявляющееся в общем построении (например с ямой 2

жилища № 5 с остальными жилищами из Луки-Врублевцевкой выявляются при сопоставлении глубины жилищ, оформлении стенок углублений, конструкции очажных ям и т. п.

Рис. 42. Жилище № 5. Зооморфные скульптурные изображения. Н. в.
а — свиньи; б — козы; в — быка (?); г — собаки.

из жилого комплекса № 4) или в деталях, например выстилка пола ракушками *Unio* (жилища №№ 2 и 3), наличием ниш в ямах (в яме 2 из жилого комплекса № 4, в яме 9 из того же комплекса). Выстилка пола ракушками в жилище № 5 является еще одним подтверждением нашего недавнего предположения о преднамеренности таких выстилок.¹ Вместе с тем, черты сходства

Культурные остатки из жилища № 5 в массе своей вполне аналогичны остаткам из других жилищ, однако дополнены очень существенными находками, значительно расширяющими наши сведения о материальной культуре раннего триполья.

Пытаясь реконструировать жилище № 5, мы опять возвращаемся к той схеме, которая была предложена для жилого комплекса

¹ С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевцевкая и его значение для истории раннеземле-

дельческих племен юга СССР. Сов. археолог., т. XI, 1949, стр. 132.

№ 4 в части полуземлянки 2, — это была полуземлянка, огражденная наземными сте-

Рис. 43. Жилище № 5. Антропоморфные скульптурные изображения. $\frac{1}{2}$ н. в.

нами из плетня, обмазанного глиной, с легкой кровлей, покрытой соломой или шкурами.

ОСТАТКИ ЖИЛИЩ №№ 6 И 7 (РАСКОПЫ IV И VI)

Чтобы закончить обзор работы по изучению жилищ на поселении в Луке-Врублевецкой, остается вкратце сказать о двух пунктах — раскопах IV (участки 125—128 А—Г) и VI (участки 115—118 А—Г), находящихся на том же береговом срезе, что и рассмотренные выше раскопы. Эти два пункта размещены между раскопами II и III — один ближе к раскопу III, а другой к раскопу II.¹

Культурные слои на раскопах IV и VI были выявлены также благодаря интенсивному разрушению берегового среза, обнажившему на фоне светлого суглинка линзы, включающие золистую массу, насыщенную

культурными остатками. По характеру очертаний линз можно с уверенностью говорить о том, что здесь мы имеем остатки бытовых жилых сооружений, стремительное разрушение которых заставило нас принять охраняемые меры, т. е. произвести расчистку срезов вглубь с закреплением культурного слоя каменной кладкой, предохраняющей срез от дальнейшего разрушения. Несмотря на небольшие размеры раскопок, при расчистке собрано обильное количество археологического материала — керамики, кремня, обработанной кости и статуэток. Раскоп VI был заложен на месте выхода на срез очень хорошо прослеживаемых контуров ямы, заполненной золой и углистыми включениями, содержащими большое количество культурных остатков. Ширина ямы около 2 м, глубина 0,6 м. Протяженность площадки вглубь недоследована. Стенки ямы крутые, дно слегка вогнутое. В заполнении ямы встречены обильные находки створок Unio, смешанных с золой и угольками и не составляющих отдельных прослоек.

Несколько отличную картину дает яма на раскопе IV (остатки жилища № 6). Размеры ямы: ширина около 3,2 м, глубина немного более 1 м (рис. 44). Распространение ямы вглубь площадки также осталось недоследованным. Восточная стенка ямы крутая, западная более пологая. Дно ямы немного вогнутое и сохраняет отчетливые следы прокаливания суглинка огнем. Заполнение ямы состояло из обычного для углублений в Луке-Врублевецкой скопления золы, угля и культурных остатков. Примерно в средней части заполнения залегала плотная прослойка, состоящая из золы, угля и небольших обломков глиняной обмазки. Верхняя граница этой прослойки имела вогнутую поверхность. В восточной части прослойки было выделено небольшое скопление ракушек Unio. Несколько выше западного конца ее на срезе отчетливо выступила тонкая линза мелкого речного песка толщиной до 2 см, видимо, отложившегося в один из паводков Днестра. В восточной половине среза на линии участка 127 тоже было замечено небольшое скопление створок Unio, залегающих прослойкой толщиной от 5 до 20 см. В западной части на этой прослойке была расчищена большая группа кремневых отщепов (не менее 120 экз.), видимо, оставшихся на месте производства кремневых орудий, о чем до-

¹ Во время полевых работ оба названных пункта получили наименование раскопов, хотя по существу они представляют лишь зачистки культурного слоя, которые в дальнейшем должны разрастаться в крупные раскопы; только поэтому им даны номерные обозначения.

статочно убедительно свидетельствует ску-
ченное положение их.

Итак, раскопки в этих пунктах выявили
наличие здесь жилых углублений, видимо,

пунктах, отметим только, что, несмотря на
очень небольшую площадь раскопок в обоих
местах (на раскопе IV было вскрыто меньше
10 м, на раскопе VI — около 16 м), архео-

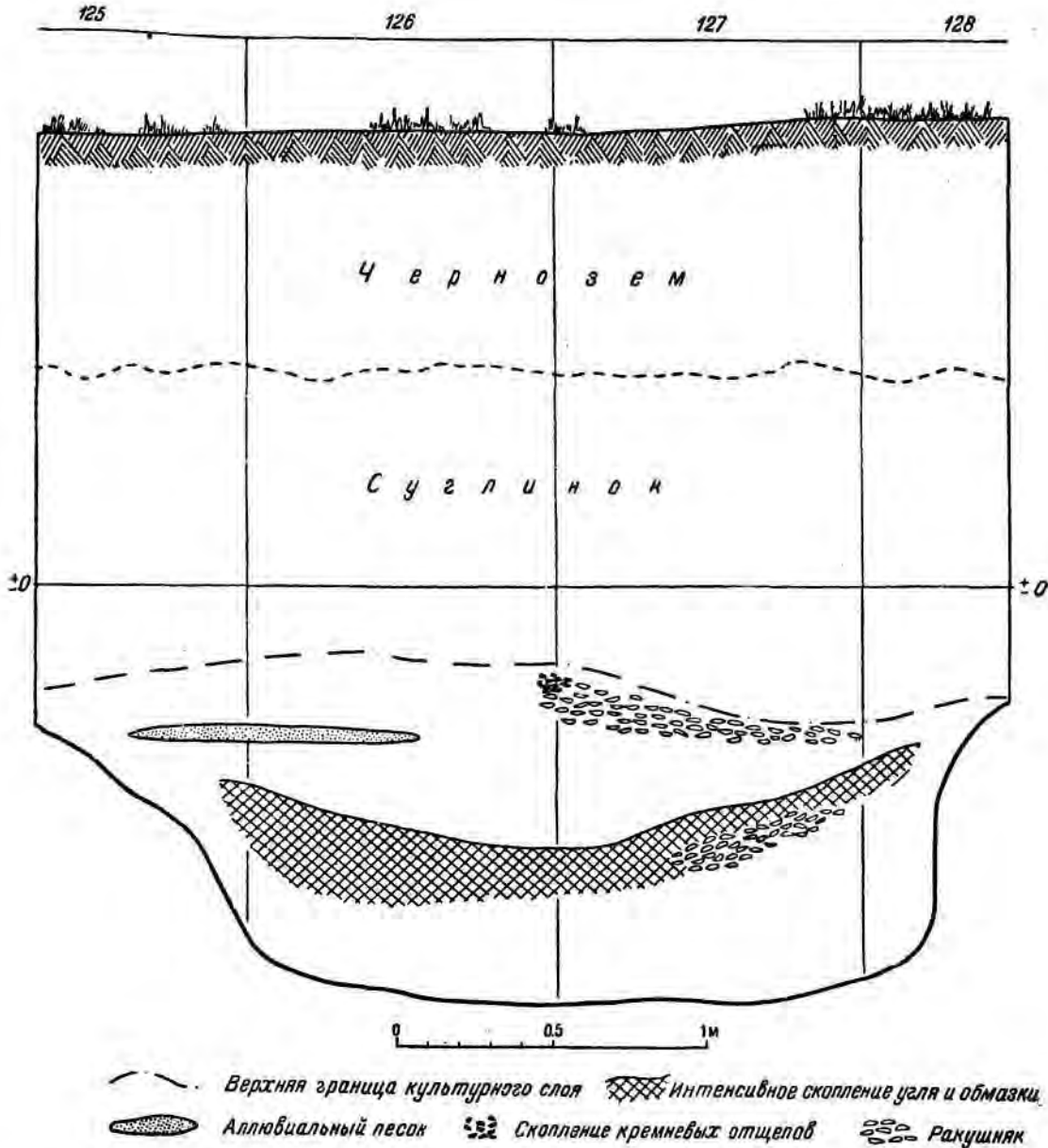

Рис. 44. Жилище № 6. Разрез по линии Б.

аналогичных жилым углублениям, встре-
ченным на других раскопах.

Не вдаваясь в более подробное описа-
ние остатков жилых сооружений в раско-
пах IV и VI, чтобы не предвосхищать ре-
зультаты дальнейших исследований в этих

логический материал здесь достаточно ве-
лик и разнообразен. В общем же виде архе-
ологическая коллекция из этих пунктов
вполне аналогична материалу из всех опи-
санных выше раскопов.

Количество найденных на раскопе VI

культурных остатков превышает количество собранных на раскопе IV, соответственно большей величине вскрытой здесь площади. Результаты раскопов не прибавляют ничего существенного к сказанному о других жилищах. Обнаружение жилищ в этих раскопах важно главным образом с точки зрения установления плотности расположения жилых построек на береговом уступе, а следовательно, и для уяснения планировки поселения в целом.

Итак, мы рассмотрели в пределах накопленного материала и сделанных наблюдений остатки жилых сооружений и связанных с ними хозяйственных комплексов, встреченных при раскопках поселения в Луке-Врублевецкой. Здесь прежде всего бросается в глаза постоянство геологического залегания остатков жилых комплексов. Все исследованные жилые комплексы приурочиваются к нижнему отделу лёссовидного суглинка делювиально-аллювиального происхождения, который перекрывается таким же суглинком, а выше — деградированным суглинком и черноземом. Толщина отложений, перекрывающих раннетрипольскую древнюю дневную поверхность, почти во всех случаях близка к 2 м. Совершенно отчетливо во всех жилых углублениях отмечаются следы древних паводков, периодически заливавших жилища. С полной достоверностью можно установить не менее двух случаев наводнений, заливавших поселение. Однако вовсе не исключено, что их было и три. Не противоречит установлению цикличности заселения жилищ, вызываемой паводками, и распределение археологического материала по горизонтам залегания. Отмечено чередование богатых остатками культуры прослоек с почти пустыми в археологическом смысле отложениями. Но нужно сказать также, что, несмотря на очень низкое положение древнего поселения, даже по отношению к современной поверхности берегового уступа, располагающегося выше на 2 м и постоянно в весенние и летние месяцы заливаемого водой, все же древние паводки не были столь интенсивными, как современные. Это находит свое объяснение в большой облесенности Поднепровья в древности. Одинаковый уровень залегания жилищ в Луке-Врублевецкой, одинаковый уровень древней дневной поверхности, прослеженной почти по всему срезу обнажения на береговом уступе, двух- или трехкрат-

ные следы паводков дают указания на одновременность жилых комплексов.

Сопоставляя отдельные жилые углубления в Луке-Врублевецкой друг с другом, можно отметить определенные черты сходства между ними, но в то же время и довольно существенные конструктивные различия. Жилища №№ 1—4 (яма 2) и 5—7 представляют собой тип полуземлянок и более или менее равномерно углублены в суглинок. Жилища в верхнем горизонте раскопа III больше напоминают наземное сооружение и выделяются нами по стратиграфическим признакам в самостоятельный комплекс несколько более позднего времени, чем длинное жилище № 3. Яма 1 (раскоп V) и ямы 6—8 (раскоп III), видимо, были тесно связаны с основным жилым углублением (2 на раскопе V) и представляли собой, быть может, помещения для отдельных семей. Особенно близки, с точки зрения принципа устройства, яма 2 в жилом комплексе № 4 и углубление в жилище № 5 (раскоп VII). Их сближают пропорции и характерная изрытость или неровность пола. Жилища №№ 1 и 2, видимо, тоже близки по своему оформлению, хотя об этом судить несколько затруднительно ввиду плохой сохранности жилища № 1. Жилища №№ 2, 3 и 5 сближает еще и наличие своеобразных вымосток полов ракушечниками *Unio*. Несколько особняком стоит жилище № 3, длинная коридорообразная форма и трехкамерность которого выделают его в особый специфический тип, конструктивно отличающийся от других жилищ в Луке-Врублевецкой.

Таким образом, в конструктивном отношении и по своим размерам жилища в Луке-Врублевецкой не представляют единства в оформлении, но проявляют, бесспорно, черты разительного сходства их строительной техники. Все жилища, раскрытые на поселении, принадлежат к типу жилищ зимнего назначения. Об этом свидетельствуют их полуземляночная конструкция и даже культурные остатки, встреченные в них. К числу остатков принадлежат, например, терракоты людей и животных, которые, как мы покажем ниже, изготовлялись в зимнее время. Различие в размерах жилищ и в форме их, может быть, зависело от численности семейных ячеек, заселявших жилища, и от неустойчивых еще приемов в самой строительной технике.

Сопоставляя наши данные о полуземлянках Луки-Врублевецкой с имеющимися публикациями и отрывочными сведениями о жилищах на других раннетрипольских памятниках, можно отметить, что на ряде поселений исследователи также выявили полуземляночные сооружения. В Поднестровье определенно можно установить присутствие полуземлянки в Озаринцах (Попов город). М. Я. Рудинский в своем отчете о раскопках в Озаринцах, правда, не указывает на наличие там полуземляночного жилого сооружения, но его нетрудно установить, пользуясь разрезом раскопанного участка.¹ Несмотря на несовершенство сопровождающего публикацию разреза, все же его абрис позволяет сближать корытообразную форму ямы в Озаринцах с поперечным разрезом жилищ из Луки-Врублевецкой.

Более чем скромные сведения имеются о наличии землянок, встречаемых при раскопках М. Ю. Смишко на Городнице. В 1950 г. Е. К. Черныш была раскопана землянка у селения Ленковцы на правом берегу Днестра. Археологический материал, происходящий из землянки близ Ленковцев, вполне аналогичен материалу из Луки-Врублевецкой. В полевой сезон 1951 г. Т. С. Пассек начала исследование землянок на новом раннетрипольском памятнике Бырново на Днестре (Кельменецкий район Черновицкой области). Нужно отметить, что в Озаринцах, в Городнице, в Бырново исследователи не отмечают наличия глинобитных площадок. М. Я. Рудинский при раскопках в Озаринцах встретил на всей площади раскопа, имевшего в длину 19 м и в ширину до 2 м, два небольших скопления печины, залегавших на разных уровнях заполнения углубления.²

Таким образом, для раннетрипольских памятников Среднего Поднестровья присутствие глинобитных площадок, видимо, не является характерным, хотя в Ленковицах вместе с землянкой обнаружены и площадки. Продолжая наши аналогии дальше и сопоставляя только памятники раннего триполья, отметим наличие следов полуземляночных жилищ в Сабатиновке, но там имеются и глинобитные площадки.

Не вполне ясными остаются жилые ямы, обнаруженные в 1904—1905 и 1925 гг. Н. Беляшевским на Борисовском городище в Липовецком районе (бассейн южного Буга).¹ Едва ли борисовские ямы вместе с предьямниками являлись самостоятельными жилищами; скорее можно предположить, что они входили составной частью в наземные жилища, построенные над ними. Размеры ям в Борисове колеблются между 2.5 и 3 м в длину при ширине до 1.5 м (кроме ямы № 1, размеры которой 1.35×1.65 м). Керамика из Борисовки во многом аналогична керамике типичных раннетрипольских поселений и если имеет некоторые отличия, то не столько в орнаментальных композициях, сколько в несколько большей ширине орнаментальных желобков и каннелюр. По этим признакам борисовская керамика больше напоминает керамику из Пётр (район Немирова, раскопки М. И. Артамонова).

Сведения о наличии полуземлянки в Красноставке в районе Умани не идут дальше констатации самого факта, поэтому до публикации материала о жилом сооружении в Красноставке сказать что-либо трудно.² Из приведенных данных следует, что на ряде раннетрипольских памятников отмечено присутствие жилых построек в виде полуземлянок, но описания и упоминания о них настолько глухи, что не дают возможности хотя бы схематично представить себе тип сооружений в целом. Не случайно поэтому Т. С. Пассек отмечает нерешенность вопроса о раннетрипольских землянках.³

Несколько по-иному стоит вопрос о наличии землянок на более поздних ступенях развития трипольской культуры, представленной рядом жилищ полуземляночного типа. О прямой преемственной традиции сооружения землянок свидетельствует прежде всего землянка, раскрытая Т. С. Пассек во Владимировке (этап В-I, по клас-

¹ М. Рудинський. Поповгородський вияв культури мальованої кераміки. Антропологія, т. III, Київ, 1930, стр. 236, рис. 1.

² Там же, стр. 239.

¹ М. Біляшевський. Борисівське городище. Трипільська культура на Україні, вып. 1, Київ, 1926, стр. 1—7. — М. Біляшевський. Досліди на городищі біля Борисівки, Липовецького району на Київщині. Коротке звітження за археологічні дослідження 1925 р., Київ, 1926, стр. 67—69.

² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 10, М.—Л., 1949, стр. 17—39.

³ Там же, стр. 11, примечание.

сификации Т. С. Пассек) в 1940 г.¹ Она имеет значительное сходство с жилищами углублениями из Луки-Врублевецкой. Прежде всего бросается в глаза ее неправильный контур, что является весьма показательным и для жилых комплексов №№ 4 и 5 в Луке-Врублевецкой. Вполне четко выражена трехкамерность землянки, соответствующая трем очажным углублениям, расположенным в ряд примерно с севера на юг. Такое трехчленное разделение землянки в принципе повторяет конструкцию длинного дома (жилище № 3) в Луке-Врублевецкой. И, наконец, оформление стен в виде отлогих скатов (особенно восточной и западной) тоже сближает землянку из Владимировки с жилищами из Луки-Врублевецкой. Кстати, небольшая ниша в среднем углублении (профиль III—III) вполне соответствует нишам, обнаруженным в Луке-Врублевецкой в жилищах №№ 4 и 5. Можно считать вполне установленным, что по ряду конструктивных признаков владимировская землянка продолжает древние традиции в формах домостроительства, для которых прообразом может служить землянка во Луке-Врублевецкой. Наряду с землянкой во Владимировке обнаружено огромное количество глинобитных сооружений (площадок), превышающее, по данным Т. С. Пассек, 150. В другом трипольском местонахождении, тоже раскопанном Т. С. Пассек, — Поливановом Яру на Днестре (Кельменецкий район Черновицкой обл.), — обнаружено 6 землянок, вилотную примыкавших к большому наземному глинобитному дому.² Землянки различны по величине и глубине, тем не менее, как отмечает Т. С. Пассек, они сходны с землянкой, открытой во Владимировке. В плане землянки Поливанова Яра «имели вид двух овалов, соединенных перемычкой — восьмеркообразно». Размеры их колеблются: длина 5—6,5 м, ширина 2—3 м, глубина 1—1,6 м.³ На раскопе IV в Поливановом Яру была раскрыта еще одна землянка, вполне аналогичная упомянутым. Некоторые землянки отличает одна любопытная деталь —

пол и стены были обмазаны глиной.¹ Это наблюдение перекликается с углубленными частями жилищ в Борисове, где, как сообщает Н. Ф. Беляшевский, стены некоторых жилых ям были облицованы местным гранитом (ямы №№ 1 и 2). Поселение Поливанов Яр датируется Т. С. Пассек ранней ступенью среднего этапа развития трипольской культуры, т. е. этапом В-1. К этому же этапу относится и землянка, раскрытая в Незвишках.

В памятниках этапа В-II—С-I землянок пока еще не обнаружено, во всяком случае на правобережной Украине. Они вновь появляются начиная с этапа С-II, причем во многих чертах повторяют древние полуземлянки. На позднетрипольском поселении Городок на Тетереве близ Коростышева в довольно обычных для трипольских поселений условиях были обнаружены жилые ямы, являвшиеся, как думает Е. Ю. Кричевский, углубленными частями жилищ. В небольшом раскопе Е. Ю. Кричевский раскрыл комплекс, состоящий из трех ям, соединенных между собой. Судя по плану, приложенному к статье Е. Ю. Кричевского, здесь имело место двухкамерное полуземляночное сооружение, имеющее суженную часть примерно в центре неправильно овальной формы углубления. В этом углублении находились три ямы, из них самая глубокая центральная (длина ее более 1,5 м). По общей своей конфигурации жилая яма из Городка весьма близка к жилым углублениям раннетрипольского типа, т. е. к ямам из Луки-Врублевецкой и к землянке, открытой во Владимировке.² Имеется в виду размер, конструкция пола и стен. Вместе с тем жилище в Городке проявляет черты сходства с поздними трипольскими жилищами. Е. Ю. Кричевский убедительно показал конструктивную связь жилой ямы из Городка с углублениями, встреченными в Баликах, Верхних Юрковцах, и киевскими землянками, раскопанными В. В. Хвойко.³ Кроме того, в этот же ряд могут быть поставлены жилые углубления, изученные сначала В. В. Хвойко, а затем

¹ Т. С. Пассек. Периодизация..., стр. 92—93, рис. 4б, а и б.

² Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр. Кратк. сообщ. о докл. и полев. исслед. Инст. истор. матер. культ. (НСИИМК), вып. XXXVII, 1951, стр. 57.

³ Там же, стр. 58.

¹ Там же, стр. 62.

² Е. Ю. Кричевский. Поселения у Городьску. Трипольська культура, т. I, Киев, 1940, стр. 388—389.

³ Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. Матер. и исслед. по археолог. СССР, № 2, Л., 1941, стр. 245—251.

Н. П. Амбургер и Т. Д. Белановской (1949 г.) на позднетрипольском поселении у Бортничей (район Киева).

Таким образом, сопоставляя землянки или полуземлянки раннего этапа триполья с сооружениями этого же типа из памятников трипольской культуры более поздних этапов, следует отметить вполне устойчивую традицию сооружения полуземляночных жилищ, сохраняющихся на протяжении всего триполья черты конструктивного сходства. В качестве вероятного предположения можно допустить, что отсутствие землянок в памятниках этапов В-II и С-I — явление случайного порядка, хотя, с другой стороны, в таких выдающихся памятниках, как Коломийщина или Попудня, раскопанных широкими площадями, землянок все же не встречено. Кажется вероятным, что присутствие землянок вовсе не обязательно во всех поселениях и на всех этапах развития трипольской культуры. Как ни ограничены сведения о землянках эпохи триполья, ясно все же одно, а именно — генетическое родство землянок раннего и позднего этапов триполья.

В заключение следует обратить внимание на один любопытный факт — присутствие на одном и том же поселении больших и маленьких жилищ. В Луке-Врублевецкой намечаются как бы три группы жилых полуземлянок, значительно отличающихся по своим размерам. Одно жилище, самое небольшое, состоящее из одной ямы, расположено на раскопе V (участки 28—32 А—В, яма I), другое, на раскопе III (участки 42—46 А—Г), включает две ямы и одну небольшую ямку (ямы 6—8). К полуземлянкам средних размеров принадлежат жилища №№ 1 и 2, полуземлянка 2 в жилом комплексе № 4 и жилище № 5. К большим длинным жилищам относится жилище № 3. Для трипольских комплексов более позднего времени сочетание больших домов вместе с небольшими жилыми сооружениями на одном и том же поселении можно считать характерным и соответствующим, вероятно, дроблению родовых общин на более мелкие семейные группы. Это особенно четко прослеживается на поселении Коломийщина I.¹

Обратимся теперь к раннеземледельческим памятникам зарубежных стран, с тем

чтобы определить те общие черты в домостроительстве земляночного типа, которые связывают их с памятниками трипольского круга. В юго-восточной Европе, на территории восточной Румынии известно только одно поселение, аналогичное Луке-Врублевецкой — Извоар I, но там при раскопках памятника не было встречено остатков жилищ. Естественно поэтому, что наши сопоставления коснутся домостроительства на других зарубежных поселениях, представляющих разные этапы развития раннеземледельческо-скотоводческих племен. Особенно широко трипольские поселения распространены на территории Румынии от Прута до южных Карпат и Трансильванского плато. Большими группами трипольские памятники сосредоточены в бассейне Серета, Быстрицы, Ольта и на левобережье низовьев Дуная. Румынские археологи, издавна занимаясь трипольскими памятниками, собрали огромный археологический материал, издали значительное число публикаций.

О большом интересе к трипольским памятникам свидетельствуют многочисленные публикации трипольских материалов, помещенных в основных археологических сборниках — «Dacia». Но, как это ни покажется странным, по интересующей нас теме — о домостроительстве в триполье — мы в этих многочисленных публикациях и монографиях найдем очень мало сведений. Дело в том, что некоторые известные румынские археологи, увлекшись сбором собственно археологического материала и штудиями по керамике, почти вовсе выпустили из виду наблюдения над жилыми сооружениями эпохи триполья. Ни в одной из публикаций раннеземледельческих поселений, помещенных в «Dacia», вплоть до последних лет мы не находим даже планов раскопок, будь то площадки или землянки.

Важнейший раздел в области изучения триполья — раздел о формах домостроительства — остался у ряда румынских археологов почти неосвещенным. Приведем несколько примеров. Выдающийся памятник Султана (опубликован И. Андриешеску) сопровождается только планом местности с нанесенным на него пунктом раскопок. Публикации материалов из Гумельницы (Влад. Думитреску), Касиорели (Х. Штефан), Бойван (В. Христеску), Вадастра (В. Христеску), Глина (И. Нестор), Руджиноаза

¹ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 135.

(Г. Думитреску), Трайан (В. Думитреску)¹ и т. д. и т. п. в лучшем случае сопровождаются мало говорящими планами расположения раскопок на местности или одним-двумя почти немymi разрезами. Не совсем благополучно и с отдельными монографиями. Вышедшая в 1946 г. монография Матаса о Фрумушице снабжена в приложении одним планом местности с указанием пункта раскопок и несколькими очень несовершенными разрезами в тексте.²

Думается, что румынскими археологами был взят печальный пример с раскопок Губерта Шмидта в Кукутенах. Г. Шмидт в монографии о Кукутенах (1932 г.) дал только два совершенно слепых, частных разреза и выкопировку из карты участка местности с расположением Кукутен. Это все, что относится к графической документации такого замечательного многослойного памятника, каковым являются Кукутены.³ Между прочим, у Г. Шмидта были соотечественники, для своего времени достойные подражания в ведении полевых исследований.

Можно быть уверенным, что теперь, когда в Румынии одновременно со строительством основ социализма совершается и глубокая культурная революция, румынские археологи, опираясь на всестороннюю помощь нового передового общественного строя Румынии, успешно преодолевают пережитки старых буржуазных влияний и с единственно научных позиций исторического материализма будут определять и основные задачи своей научной деятельности, и конкретные методы археологических исследований. Сказанное касается не только румынских археологов, но в той или иной мере относится к некоторым археологам других стран народной демократии, где еще встречаются отживающие буржуазные тенденции, продолжающие традиции идеалистических направлений в археологической науке.

Но несмотря на неполноту приведенных выше румынских публикаций, из них все же можно извлечь факты, помогающие осветить формы домостроительства трипольской эпохи в юго-восточной Европе. Анализируя немногочисленный графический материал, по преимуществу разрезы, а также текст

публикаций, мы видим, что углубленные жилища и углубления в жилых комплексах встречены в Трайане,¹ Бонтешти,² Гумельнице³ и Тордоше. Если это принять как археологически засвидетельствованный факт, то можно сделать вывод, что в юго-восточной Европе в трипольское время существовали два типа жилых сооружений — глинобитные (площадки) и полуземляночные. Иногда тот и другой тип сочетаются в одном и том же поселении. Видимо, имеют место также и специальные ямы — хранилища для запасов, встречающиеся на площадках, подобно тому как это наблюдал А. А. Спицын на площадках близ Колодистого,⁴ С. С. Гамченко на поселениях Уманщины⁵ и М. Гимнер в Пьянижкове и Попудне.⁶ Поскольку румынские трипольские местонахождения по общему облику остатков культуры почти в копии повторяют трипольские памятники правобережной Украины и особенно западных украинских земель, можно, опираясь на работы советских исследователей, составить общее представление о трипольском домостроительстве на румынской территории и главным образом в восточнорумынских памятниках.

Значительно труднее установить черты общности трипольских поселений с раннеземледельческими поселениями более широкого ареала. Е. Ю. Кричевский⁷ и Т. С.

¹ Dacia, X.

² Dacia, III—IV.

³ Dacia, II.

⁴ А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого Киевской губ. Изв. Археолог. комиссии, вып. 12, СПб., 1904.

⁵ С. С. Гамченко. Подольская губ. Исследования. Отчет Археолог. комиссии за 1909—1910 гг., СПб., 1913.

⁶ М. Гимнер. Étude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la mer Noire, d'après des fouilles personnelles. Swiatowit, XIV, Варшава, 1933, стр. 192.

⁷ Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. КСИИМК, вып. III, М.—Л., 1940, стр. 3—13. — Е. Ю. Кричевский. Мезолит и неолит Европы. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 6—12. — Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Повизовья в неолитическую эпоху. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 49—62. — Е. Ю. Кричевский. О роли межплеменных сношений в древнейшей истории. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 9. — Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. Изв. Гос. Акад. истор. матер. культ. (ГАИМК), вып. 100, Л., 1933. — Е. Ю. Кричевский. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Ев.

¹ Dacia, I—X, Бухарест, 1924—1945.

² С. Matasă. Frumuşica.

³ Н. Schmidt. Cucuteni. Берлин, 1932.

Пассек,¹ пользуясь совокупностью материалов, в том числе и анализом форм домостроительства, установили, ряд общих черт культуры триполья с раннеземледельческими культурами средней и юго-восточной Европы. Когда в памятниках юго-восточной Европы мы встречаемся с расписной керамикой и, например, глинобитными площадками, то черты культуры-исторической общности выступают в достаточно четких проявлениях и позволяют синхронизировать памятники триполья с памятниками расписной керамики юго-восточной и центральной Европы.

Этот же вопрос значительно усложняется, как только мы оставляем юго-восточную часть Европы и переходим к западным областям центральной Европы, на правобережное Подунавье и собственно Балканский полуостров, не говоря о средней полосе и западе Европы. Здесь мы часто теряем нить преемственных сопоставлений и блуждаем в лабиринте множественности раннеземледельческих культур, во многих еще не решенных вопросах относительной хронологизации памятников неолита и раннего металла. В самом деле, даже комплексы наиболее близких раннеземледельческих культур Балкан настолько выделяются своей спецификой форм домостроительства, что сближение их с трипольскими с трудом уловимо. Другое дело, когда к сопоставлению привлекаются формы домостроительства раннего триполья, с его углубленными жилищами, очажными ямами и хозяйственными сооружениями углубленного типа.

Уже давно в Европе, от Карпат до западных окраин европейского континента, известно множество поселений, усеянных жилыми ямами. О них много спорили, называя их мусорными скоплениями, огневыми ямами, следами жилищ, погребями наземных жилищ, местами очагов вне жилищ, ритуальными местами и т. д. и т. п. Предполагалось даже, что ямы эти служили в качестве хлевов для содержания скота. Не вдаваясь в критику этих предположений, часто взаимно исключаящих друг друга и носящих умозрительный характер, или же заключений, основанных на весьма несовершенных раскопках, отметим, что вопрос

о назначении ям действительно не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Г. Чайльд, следуя за Берзу и Паре, с поразительной легкостью отверг все то, во что он верил, и с явной симпатией отнесся к предположению названных авторов о том, что ямы служили хлевами для скота. «Благодаря этим авторам [Берзу и Паре], — пишет Чайльд, — мы теперь знаем, что ни дунайское население каменного века, ни британцы железного века не жили в подземных силосных ямах или полуподземных хлевах».¹

Чайльд в предложенной им классификации форм домостроительства даже не рассматривает вопроса о возможности сооружения земляночных и полуземляночных жилищ в неолитической Европе и прямо переходит к характеристике наземных сооружений.

Между тем, делая такой обобщенный вывод о назначении ям, Чайльд явно впадает в ошибку и не учитывает жилого назначения ям, встреченных при раскопках ряда поселений, а также и другого использования их в различных хозяйственных целях. Это, конечно, не снимает и наличия наземных сооружений на одних и тех же поселениях, чего не замечает Г. Чайльд.

Если с известными сомнениями можно относиться к данным некоторых буржуазных ученых о тех или иных памятниках, раскопки которых были проведены на низком методическом уровне, то нет никаких оснований не доверять исследованиям советских археологов. Эти исследования дают бесспорные материалы для заключения о том, что в трипольское время вместе с площадками существовали и полуземляночные жилые сооружения. Достаточно напомнить, например, Владимировку и Поливанов Яр, а также, хотя и слабо изученные, местонахождения Румынии. В Чехословакии, благодаря работам Палларди и других, стало известным множество ям, различных по размеру; наиболее обширные из них безусловно принадлежали к категории жилых сооружений.

Если мы сопоставим жилые сооружения из Луки-Врублевецкой с ямами, встречен-

ропы. Учен. зап. Ленинградск. Гос. ун-в., серия исторических наук, археология, вып. 13, Л., 1949, стр. 56.

¹ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 30—33.

¹ G. Child e. Neolithic House Types in temperate Europe. Отд. отгиса из «Proceedings of the Prehistoric Society», вып. 8, 1949, стр. 77. — Ср.: G. Child e. The Danube in prehistory. Оксфорд, 1929, стр. 42.

ными на поселениях линейно-ленточной керамики, то увидим, что конструктивное сходство их иногда поразительно. Вовсе не предполагая исчерпать огромный материал по европейским неолитическим жилищам, укажем на несколько выразительных примеров, взятых из раннеземледельческих поселений с разных территорий.

М. Васич в нижних напластованиях Винчи раскрыл жилые углубления. Глубина залегания землянок в Винче несколько больше 9 м при общей мощности напластований в 10,5 м. Автор думает, что землянки Винчи — это остатки жилищ первых колонистов, которые, видимо, основали здесь торг. В Винчи раскопаны две группы жилых ям, составляющих 14 углублений. Величина углублений различна: от 2×2 до 3,5×3 м. Глубина ям редко превышает 1 м. Ямы в большинстве округлых очертаний, иногда двоянные (ямы М, F), с неровным полом. В землянке М имеется ниша. Землянки из Винчи невелики, но их сходство с углублениями в Луке-Врублевецкой совершенно очевидно и проявляется даже в близости отдельных элементов конструкции — глубине, неровности пола, оформлении стенок, наличии ниш и т. п.¹ Сомневаться в жилом назначении, во всяком случае, большинства ям в Винче не приходится. К тому же Васич нашел в одной из них остатки дерева и следы рогожи, которой были покрыты лежанки (землянка В).

В известном поселении Бутмир в Боснии² также было раскрыто жилище полуземляночного типа, тоже отвечающее по целому ряду конструктивных признаков жилищам №№ 4 и 5 Луки-Врублевецкой. Неровность пола, профилировка стенок и общие контуры жилья находят свое соответствие в жилых сооружениях Луки-Врублевецкой. Не менее известно также раннеземледельческое поселение Кёльн-Линденталь на Рейне.³ В этом поселении встречены остатки наземных сооружений и значительное количество углубленных в землю построек. Несмотря на спорность их относительной хронологизации между собой, остается фактом, что в кёльн-лиденталь-

ском раннеземледельческом поселении имели место углубленные в землю жилища, конструктивные детали которых совпадают с приемами и формами домостроительства, отмеченными в Луке-Врублевецкой. Интересна реконструкция одного такого полуземляночного дома, предложенная Буттлером.⁴ Она передает группу ям, окаймленных плетеными из лозы стенами и перекрытых двускатной крышей. Жилища Луки-Врублевецкой близки также к жилищам у Праунхейма, Фраунзбурга и Рейнгевайна, а в Чехословакии — к жилищу Черного Вола.² Много общего можно отметить и с домом на горе Клин у селения Ивановичи. Пол большого дома (длина 14 м, ширина от 5 до 6 м) в Ивановичах представляет далеко не ровную плоскость и расчленяется как бы на три секции.³ Землянка из Модлинич⁴ (Польша, Краковский уезд), не отличающаяся правильностью формы, также может быть вполне сближена с полуземлянками из Луки-Врублевецкой (яма 2 в жилом комплексе № 4). Польские археологи определяют ее принадлежность к надчисанской культуре, отождествляемой с лангильской.

Приведенные примеры свидетельствуют о весьма близких формах домостроительства, сложившихся в поздненеолитическое и энеолитическое время на территории средней полосы Европы, от западной Германии до Польши, и в юго-восточной Европе. Таким образом, формы домостроительства определенно указывают на культурно-историческое родство между отдельными этническими ареалами средней, центральной и юго-восточной Европы, включая сюда Поднепровье и Побужье.

Отмечая общие конструктивные особенности жилых сооружений эпохи позднего неолита и раннего металла для названных территорий, нельзя не сказать и о других фактах. Существенной чертой наиболее ранних земледельческих поселений являются удлиненные пропорции жилых сооружений.

¹ Zeitschr. f. Ethnol., вып. 1—3, Берлин, 1935, стр. 71, рис. 3.

² A. Stocky. Pravek země České. Прага, 1926, стр. 75, рис. 35.

³ L. Kozłowski. Młodsza epoka kamienna w Polsce. Львов, 1924, стр. 45—46, табл. X.

⁴ J. Kozłowski. Od mezolitu do okresu wędrowek ludów. Prehistoria Ziemi Polskich. Encyklopedia Polska, т. IV, ч. I, Краков, 1939—1949, стр. 134—137, рис. 2.

¹ М. Васич. Прейсториска Винча II, стр. 8—9, приложение: табл. VI и VII, рис. 8.

² Fr. Fiala, M. Hoernes. Die neolithische Station von Butmir, т. II. Вена, 1898, стр. 21.

³ Germania, т. XV, вып. I, 1931, табл. 6; вып. IV, стр. 244—252, рис. 2—3.

В Луке-Врублевской раскрыты остатки длинного жилого сооружения (жилище № 3), значительно отличающееся от всех других полуземляночных построек этого поселения. Однако одновременность длинного жилища с другими жилыми комплексами кажется бесспорной. Г. Чайльд не без оснований выделяет наземные длинные дома в наиболее древнюю группу раннеземледельческих жилых построек (класс I).¹ К ним он относит большой дом из Кёльн-Людентала, оспаривая определение Бутлера, считавшего эту длинную постройку сараем, дом в Хартхе и своеобразные трапециевидные дома, несколько более поздние по времени, открытые в Польше западнее Варшавы, в Куявах.² Действительно, все названные остатки сооружения близки в своих пропорциях между собой и представляют тип наземных сооружений. К ним же можно отнести и ряд других жилых построек наземного или полуземляночного типа с ямами внутри жилищ, относящихся к I Дунайскому периоду,³ или жилище у Праунхейма (район Франкфурта-на-Майне), жилище у Авсдорфа⁴ (Тюрингия около Иены), Дремарден (около Геттингена)⁵ и др. Особо следует выделить интересное жилище, раскрытое в Штудхейме (Эльзас). Оно представляет собой сооружение полуземляночного типа, имеющее в длину около 30 м при небольшой ширине, всего от 2 до 5 м. Аналогичное жилище открыто и в Рюдингеме, оно представляет, по видимому, четырехчастное сооружение, вытянутое с запада на восток и имеющее внутри ямы. Длина этого жилища около 33 м, ширина от 5 до 9 м. Все отмеченные жилища как округлого типа, так и вытянутые, относятся к культуре линейно-ленточной керамики, причем к ранним ее фазам, не переходя рёссенского этапа (за исключением, быть может, жилищ в Куявах).

Жилища из Винчи¹ и Бутмира вполне могут быть синхронизированы с ранними ступенями развития триполья. Что касается жилищ в Луке-Врублевской, то они определенно выявляют черты общности, а иногда даже почти тождества с округлыми и вытянутыми жилищами широкого ареала поселений линейно-ленточной керамики. В трипольских памятниках, представляющих развитые ступени этой культуры, традиции в размерах сооружений уже глинобитных жилищ продолжают еще удерживаться.²

Было бы неправильным, говоря о конструктивном сходстве жилищ из Луки-Врублевской с жилищами линейно-ленточной керамики, умолчать о сопоставлении планировки самих поселений линейно-ленточной керамики с раннетрипольскими. Этот вопрос остается еще далеко не решенным. Следует прежде всего считаться с тем, что еще слишком мало изучены раннетрипольские поселения на нашей территории. Не менее слабо изучены с точки зрения планировки и европейские неолитические и энеолитические памятники. Кроме того, нужно иметь в виду и топографическую специфику расположения поселения Луки-Врублевской на краю береговой площадки. Пожалуй, можно отметить определенную скученность или плотную сгруппированность построек. Эта тенденция как будто одинаково характерна для всех раннеземледельческих поселений, за исключением, впрочем, трипольских поселений развитого и позднего этапов.

Приводя ряд аналогий жилищам из Луки-Врублевской, подчеркивающих близость их к постройкам поселений линейно-ленточной керамики, мы не случайно не отметили раннеземледельческих жилых сооружений на поселениях в Болгарии. Прежняя, буржуазная болгарская археологическая наука не ставила себе задач изучения жилищ, поэтому сведения о них весьма скупы, даже по отношению

¹ G. Childe. Neolithic House Types... стр. 77.

² K. J á z d ũ e w s k i. Slady kultury Pucharow dzwonowatych na Kujawach. Z Otchłani Wiekow, вып. 7—8, Познань, 1937, стр. 83—84, рис. 1. — J. K o s t r z e w s k i. Od mezolitu do okresu wędrowek ludów, стр. 126—131, рис. 1.

³ G. Childe. The Danube in prehistory, стр. 31, 42, 53, 65.

⁴ C. S c h u c h a r d t. Lissdorf eine handkeramische Siedlung in Thüringen. Prähist. Zeitschr., т. VI, вып. 3/4, 1914, стр. 293—303.

⁵ Там же, стр. 298, рис. 6.

¹ Здесь имеются в виду жилища из нижних слоев Винчи. Жилища из верхних слоев резко отличаются от полуземляночных жилищ, встречаемых в основании культурных напластований Винчи. Глинобитные жилые сооружения из верхних горизонтов Винчи представляют собой тип, близкий к трипольским глинобитным сооружениям (см.: М. В а с и л. Прейсториска Винча I. Белград, 1932, стр. 10—17, табл. III—VIII).

² Е. Ю. К р и ч е в с к и й. Древнее население Западной Украины... стр. 7.

к таким первоклассным памятникам, как Коджа-Дермен или Света-Кириллово.

Если о планировке древнеземледельческих жилищ на территории Болгарии трудно сказать что-либо определенное, то о материале, применяемом в технике домостроительства, можно судить по отложениям, слагающим так называемые «тели» или «могилы» — холмы, образовавшиеся в результате долговременного обитания древнеземледельческих коллективов на одном месте и накопления в связи с этим различных культурных отбросов, а главным образом строительного материала от построек. По отложениям, слагающим «тели», можно говорить, что основным строительным материалом была глина, шедшая на обмазку деревянного каркаса жилищ и, может быть, на изготовление сырцовых кирпичей. Недавно П. Детевым был частично раскопан один холм, причем при раскопках раскрыта часть глинобитного жилища.¹ О планировке его пока еще судить трудно, однако есть основания полагать, что оно будет не слишком отлично от трипольских глинобитных сооружений. Интересно, что здесь, подобно тому как бывает на трипольских площадках, было обнаружено 14 сосудов, расположенных ближе к краю раскопанной части жилья. На другом поселении — Яса-тепе, недалеко от Пловдива тот же автор раскрыл глинобитный дом, причем установил не только планировку дома, но и некоторые черты внутреннего устройства. Дом в Яса-тепе представляет собой очень небольшое сооружение, носящее определенные элементы трипольского домостроительства в технике постройки и убранстве.² То же самое можно сказать относительно глинобитного дома, раскрытого в Юнаците.³

Серьезные затруднения возникают также при попытке разобраться в жилых конструкциях поселений Балканского полуострова. Изучение памятников эгейской культуры, а в еще большей степени монументальных

сооружений древней Греции затмили собой исследования памятников неолита и раннего металла на Балканах, как и во всем восточном Средиземноморье. Поэтому и здесь мы находим лишь отрывочный материал по жилищам древнейших периодов истории восточно-средиземноморских стран. Из новейших сводок лучшими пока остаются сводки по Македонии,¹ Фессалии² и Криту.³ Однако то, что мы знаем сейчас о древнейших формах домостроительства в восточном Средиземноморье и других областях южных широт, имеет весьма существенное значение при разрешении проблемы происхождения жилищ раннего триполья.

Уже не раз отмечалось в дореволюционной русской литературе и в советских исследованиях, что трипольская проблема не может рассматриваться вне связи с изучением древнейших культур восточного Средиземноморья и южных областей Старого Света. Действительно, во всем облике трипольской культуры выступают яркие черты, показывающие тесную связь ее с раннеземледельческими культурами древних цивилизаций Средиземноморья и стран Древнего Востока. Орудия производства, керамика, скульптура и другие элементы культуры триполья во многом проявляют черты сходства с остатками культуры раннеземледельческих племен южного ареала. Что же касается сопоставления раннетрипольских жилищ с неолитическими и энеолитическими жилыми сооружениями южных областей, то такие сопоставления указывают на коренные конструктивные различия между ними. Прежде всего в южных широтах мы почти не встречаемся с земляночными или полуземляночными сооружениями, служившими в качестве жилищ. Это можно, повидимому, объяснить природными факторами — сухостью климата, мягкие зимы и т. п. В условиях южных широт едва ли была необходимость в постройке полуподземных жилищ, а тем более звымянок. Здесь, в южных областях, в Средиземноморье очень рано сложились наземные типы жилых сооружений с использованием в строительной тех-

¹ Петъръ Детевъ. Селищната могила Баята при капитанъ Дмитриево. Годишникъ на народния археологически музей Пловдивъ, кн. II, София, 1950, стр. 1—27.

² П. Детевъ. Селищната могила Яса-тепе въ Пловдивъ. Годишникъ на народния археологически музей Пловдивъ, кн. I, София, 1948.

³ В. Миковъ. Селищната могила при Юнаците. Годишникъ на Пловдивската народна библиотека и музей, 1937—1939 г., София, 1940, стр. 67—89.

¹ W. A. Heurtley. Prehistoric Macedonia. Кембридж, 1939.

² Wace and Thompson. Prehistoric Thessaly. Кембридж, 1912.

³ Дж. Пендлбери. Археология Крита. Перевод с англ., предисловие акад. В. В. Струве, М., 1951.

ниже глины и камня, часто применявшихся в сочетании друг с другом. Следовательно, для домостроительства раннего триполья и поселений линейно-ленточной керамики (имеются в виду углубленные в землю жилища) мы тщетно будем искать аналогий в южных областях Старого Света. Для Балканского полуострова, начиная с его северо-восточной части (Македония), несмотря на то что здесь исследовано немало памятников, относящихся к неолиту и энеолиту, данных о жилищах крайне недостаточно. Более полные сведения о жилищах имеются по фессалийским раннеземледельческим поселениям и, в первую очередь, о уже давно известных поселениях на холмах Сескло и Димини. Жилые комплексы из Сескло (I период) представлены глинобитными постройками с аналогичными для триполья приемами строительной техники (обмазка деревянного каркаса).¹ Каменное строительство широко внедряется здесь, так же как и в Димини, во II периоде.² Глинобитные жилые сооружения характерны и для другого замечательного памятника — Ракхмани.³ На Крите известен ряд поселений, возникших раньше равнинной эпохи I периода. Шире всех других изучено поселение в Кноссе. Полнота изучения этого поселения стоит в связи с большими исследованиями Эвансом Кносского дворца. Оба помещения из неолитических слоев, представляющие два этапа неолита (средний и верхний), значительно отличающихся в архитектурном отношении и в планировке, принадлежат к категории каменных наземных сооружений.⁴

О раннеминойской (PMI) архитектуре почти ничего не известно, если не считать остатков следов прямоугольных каменных домов.⁵ Именно потому, что архитектура неолитических жилищ Балканского полуострова не дает сколько-нибудь заметных материалов, способствующих установлению родства с архитектурой раннего триполья, она и представляет для нас особый интерес. С другой стороны, нельзя не признать некоторых общих черт в архитектуре или, точнее, планировке больших домов Ракхмани,

Сескло и Димини с трипольским глинобитным строительством (планировка домов, наличие перегородок и т. д.). Критская архитектура (дом из верхних неолитических слоев в Кноссе) в смысле планировки очень отлична от фессалийских жилых сооружений, не говоря о трипольских. Таким образом, ясных следов влияний южной архитектуры в наиболее древних памятниках раннеземледельческих племен северных Балкан, средней полосы Европы и юго-востока Европы не отмечается. Приходится думать, что формы домостроительства в виде полуземлянок во всем названном ареале продолжают свою, какую-то местную древнюю традицию. Другими словами, полуземляночные помещения Луки-Врублевецкой, равно как такие же сооружения в областях распространения линейно-ленточной керамики, представляют собой местное явление, выросшее в ходе исторического развития местного европейского населения еще до того, как юго-восточная, а также центральная и средняя Европа вступила в тесные взаимоотношения с южными широтами.

Как бы ни были рискованы аналогии между раннетрипольскими полуземлянками и позднепалеолитическими жилищами, на них все же следует обратить серьезное внимание. В Пушкарях I на Десне П. И. Борисковский раскрыл полуземляночный дом, построенный в трехкамерном плане.¹ В Костенках IV на Дону (Воронежская область) А. Н. Рогачев обнаружил исключительные по своему значению жилища, слегка углубленные в материк.² Одно из жилищ (южное) имеет в длину 34 м при ширине 5,5 м. Жилище в Костенках тоже трехкамерное, с 10 очагами, расположенными почти в ряд по длинной оси жилья. В полу жилища раскрыто множество ямок различной величины и разных контуров. Удлиненная форма жилища из Костенок IV и расположение в нем очагов вполне адекватны жилищу № 3 в Луке-Врублевецкой.

¹ П. И. Борисковский. Пушкаревское палеолитическое жилище. КСИИМК, вып. VII, М.—Л., 1940, стр. 81—86. — П. И. Борисковский. Людина кам'яного віку на Україні. Киев, 1940.

² А. Н. Рогачев. Александровская палеолитическая стоянка Костенки IV (автореферат доклада). Бюлл. Комис. по изуч. четвертич. периода, № 6—7, М.—Л., 1940, стр. 48—50. — А. Н. Рогачев. Палеолитическое поселение Костенки IV. КСИИМК, вып. IV, 1940. — А. Н. Рогачев. Первобытно-общинное жилище Костенки IV. Сов. археолог., т. XVI, 1952.

¹ W a s e a. T h o m p s o n. Prehistoric Thesaly, стр. 63—65.

² Там же, стр. 79—81.

³ Там же, стр. 37—40.

⁴ Дж. Пендлберк. Археология Крита, стр. 51—55.

⁵ Там же, стр. 62.

Даже такие сравнительно ранние памятники, как Костенки I, Авдеево и Тельманская стоянка, по устройству жилищ, наличию внутри жилых комплексов ям и расположению очагов (Костенки I) во многом соответствуют раннетрипольским полуземлянкам, так же как и жилища углубленного типа на поселениях линейно-ленточной керамики. Хотя приведенные сравнения не последовательны с точки зрения принятой и укоренившейся исторической хронологии, но они важны как иллюстрация живучести древних местных традиций в формах домостроительства. Мы лишены возможности дать другие территориально более близкие примеры конструкций позднепалеолитических жилищ на открытых стоянках зарубежных стран. Это понятно, ибо зарубежная западная археология до сих пор остается в плену формально-типологической методики, закрывающей пути к всестороннему изучению памятников и в том числе жилищ. Этим объясняется круг наших аналогий, взятых с территории Восточной Европы, где советские археологи установили типы жилищ эпохи позднего палеолита.

В настоящее время в среде археологов стран народной демократии наблюдается резкий поворот в сторону сближения с советскими методами полевых изысканий. При изучении поселений одной из основных задач ставится изучение жилищ. Для нас важно сейчас отметить, например, работы чешских археологов Ф. Прошек и М. Мазалека. Прошек раскопал в районе Ташовиц на крайнем западе Чехословакии, у Карловых Варов мезолитическую стоянку с микролитическим инвентарем и без керамики. Встреченная здесь землянка оказалась двухкамерным сооружением неправильной формы, с покатыми стенками и ямками от столбов, оконтуривающими землянку.¹ Не совсем еще ясно жилое углубление, обнаруженное Мазалеком около Ражиц (южная Чехия). Оно представляло собой углубление неправильных контуров, но несколько приближающееся к овально вытянутой форме.² Находки, сделанные в жилище, датируются Мазалеком переходной порой от палеолита к мезолиту. Очень

вероятно, что жилые углубления в Ташовицах и у Ражиц — это те самые промежуточные звенья, которые связывают формы жилищ позднейшего палеолита с мезолитическими жилищами и жилищами поселений линейно-ленточной керамики.

Итак, можно предположить, что формы домостроительства раннего триполья на юго-востоке Европы, а также в областях распространения линейно-ленточной керамики раскрывают перед нами очень древнюю местную традицию, идущую из глубин палеолитического века и доживающую на юго-востоке Европы до эпохи раннего триполья. В дальнейшем, благодаря все усиливающимся прямым и косвенным связям с южными ареалами раннеземледельческих культур, наступает переоформление в технике домостроительства и конструкции жилищ. Традиция сооружения землянок и полуземлянок постепенно отмирает, уступая место прямоугольным глинобитным домам трипольского типа, проявляющим значительное сходство с архитектурой неолита Балканского полуострова и особенно Фессалии. Так можно представить себе процесс смены одних форм домостроительства другими. Однако было бы неверно не учитывать одного весьма важного явления, стоящего в связи с социальным устройством раннеземледельческого общества. Советские исследователи Е. Ю. Кричевский и Т. С. Пассек неоднократно подчеркивали, что конструкция жилых домов триполья и домов поселений линейно-ленточной керамики отражает родовой быт при матриархальном укладе. Эту точку зрения разделяет и Г. Чайльд. В общей постановке проблемы родовых поселений и интерпретации жилищ родовой уклад трипольских обществ кажется бесспорным. Большие дома Ракхмани, Сескло и Димини, многокамерный неолитический дом Кносса, длинные наземные и полуземляночные сооружения поселений линейно-ленточной керамики, раннетрипольские полуземлянки, землянки и большие площадки триполья с принципиальной стороны представляют собой одно и то же, т. е. являются помещениями больших семей, ведущих совместное хозяйство.¹

¹ Fr. Prošek. Mesolitická chata v Tašovicích. Archeologické Rozhledy, вып. III, Прага, 1950, стр. 12—15.

² M. Mazálek. Výzkum ražické mesolitické oblasti. Archeologické Rozhledy, вып. III, Прага, 1950, стр. 6—11.

¹ Е. Ю. Кричевский правильно отметил принципиальное сходство трипольского домостроительства с домостроительством культуры линейно-ленточной керамики. Имеется в виду многосемейное назначение их (см.: Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины. . . , стр. 7).

Поэтому можно предположить, что переход от одной формы домостроительства в триполье к другой, т. е. замена полуземляночных жилищ наземными глинобитными сооружениями, не отражает кардинальных социальных сдвигов в триполье. Родовой уклад еще долго удерживается и отмирает только в эпоху бронзы или в начале железного века. Киевские землянки и поздние поселения линейно-ленточной керамики определенно указывают на изменения социального устройства, выражающиеся, быть может, в некоторой индивидуализации семейного хозяйства. Что касается наших сравнений раннеземледельческих жилищ с палеолитическими, то не следует подразумевать под этим экономическое и социальное отождествление столь отдаленных во времени обществ. Конструктивная близость жилых комплексов эпохи палеолита и раннеземледельческих поселений может быть объяснима и в том и в другом случае родовой организацией общества, хотя и различной по уровню ее развития. Не нужно представлять себе, что процесс развития культуры юго-восточноевропейских племен был простым эволюционным процессом развития автохтонных племен, идущим от палеолита к энеолиту по линии простых трансформа-

ций, на основе только внутренних закономерностей. Как мы постараемся показать ниже на материале из Луки-Врублевской, историческая обстановка, повлиявшая на сложение трипольской культуры на юго-востоке Европы, была сложнее и должна рассматриваться нами в свете скрещения двух различных по своему уровню укладов — местного, охотничьего, во многом сохраняющего свои древние черты, и пришлого из южного пояса раннеземледельческого и скотоводческого уклада, в ходе ассимиляции преобразившего местные культуры. Одним из таких примеров, продолжающих местную традицию, восходящую еще к палеолитическому веку, служат жилища в Луке-Врублевской, а вместе с ними и другие элементы материальной культуры из этого же памятника. Главным в ходе исторического развития трипольских племен остается сама родовая организация обществ, определяющаяся коллективным трудом, коллективной собственностью и потреблением и другими первобытно-общинными признаками, которые полно раскрыты в марксистской литературе на основе глубокого их определения, данного в выдающемся труде И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме».

Глава II

ОРУДИЯ ТРУДА РАНИХ ТРИПОЛЬЦЕВ

КРЕМНЕВЫЕ ОРУДИЯ

Изучению кремневого инвентаря, добытого в Луке-Врублевской, мы придаем существенное значение. Дело в том, что кремневый инвентарь, происходящий из раннеземледельческих поселений, освещен в литературе очень слабо и не дает даже самых общих представлений о типах кремневых изделий раннего триполья. Между тем, уже сейчас мы можем уяснить ту производственную роль, которую играл кремневый инвентарь в системе хозяйства, определить главные типологические и функциональные признаки его, выявить местные дотрипольские основы кремнеобрабатывающей техники, вошедшие в раннеземледельческий быт. Последний вопрос имеет прямое отношение к проблеме происхождения триполья.

При описании культурных остатков, встреченных в жилищах, мы отмечали многочисленные находки кремневого инвентаря. Можно без преувеличения сказать, что собрания кремня из Луки-Врублевской по численности оставляют далеко позади все известные собрания из трипольских поселений.

На древней дневной поверхности и особенно в жилых углублениях собрано огромное количество кремня. Среди массы отбросов производства — осколков, обломков, различного вида и величины отщепов часто встречаются и орудия. На береговом размыве тоже могут быть отмечены тысячи осколков и отщепов, происходящих из культурных отложений.

Кремень, употреблявшийся для изготовления орудий, — местного происхождения, двух разновидностей. Наиболее широко

использовался серый крупнозернистый и мелкозернистый кремень, который распространен главным образом по левобережью Днестра, особенно в среднем его течении. Встречается он в виде залежей крупных плиточных блоков в отложениях известняков и песчаников, слагающих прибрежные возвышенности. Местами такие залежи состоят из очень крупных плит и бесформенных кусков кремнистой породы с разрозненными включениями шаровидных конкреций. В тальвегах оврагов и балок и на склонах возвышенностей серый кремень встречается в виде россыпей, т. е. в перетолженном состоянии (окрестности Белой Горы, селений Рогизна, Бакота, Грушевы и т. д.). Трудно допустить, чтобы человек пользовался кремнем из вторичных залегающих. Такой кремень мало пластичен вследствие внутривидовых изменений, вызванных долгим пребыванием на открытом воздухе. Поэтому можно с полной уверенностью говорить о том, что в трипольскую эпоху человек добывал кремень в пунктах первичных залежей его. Одно из таких мест, где добывался кремень, обнаружено экспедицией в 1940 г. на Белой Горе близ Студеницы. Здесь на южном склоне горы издавна известен ряд пещер, расположенных в слоистых осадочных породах.¹ В процессе раскопок этих пещер в 1940 г. с целью поисков в них

¹ В. Б. Антонович. О скальных пещерах на берегу Днестра в Подольской губ. Тр. VI археологического съезда, т. I, Одесса, 1886. — Н. А. Криштофович. О геологическом исследовании палеолитических стоянок в Европейской России летом 1904 г. Тр. Московск. археолог. общ., т. XXI, вып. 2, М., 1907.

следов палеолита выяснилось, что по крайней мере в трех пещерах были древние разработки кремня, замаскированные позднейшими отложениями. Отчетливые следы таких разработок в виде ступенчатых выемок в кремневой породе позволяют даже предположить, что эти разработки способствовали развитию пещер.

Кроме пунктов, где кремень встречается в условиях естественных залегающих (в переломленном или переломленном состоянии), можно указать на десятки пунктов, где обнаружены массовые россыпи кремня, искусственность накопления которого не вызывает никаких сомнений. От Каменец-Подольского до Могилева-Подольского скопления встречаются почти по всей прибрежной полосе.¹ Обычно такие скопления обнаруживаются на плато возвышенностей и недалеко от мест естественных выходов кремня. Так, например, в окрестностях села Студеницы отмечено восемь пунктов, где скопления кремня особенно обильны (район Белой Горы, Креница, Говда, Баблюкова Говда, Рогизна, Теремцы, Бакота, Грушевы). Кремневый материал в этих россыпях состоит главным образом из отбросов кремнеобрабатывающего производства — в основном это осколки и отщепы, заготовки, реже незаконченные или сломанные в процессе обработки орудия.

Первоначально эти скопления кремня на плато возвышенностей были приняты за раннеолитические стоянки.² В свете работ последних лет ошибочность такой датировки стала очевидной. Места скопления кремня на плато точно определяются как пункты, где добывался и первично обрабатывался кремень в трипольское и, вероятно, в более позднее время.³

Итак, в Среднем Поднестровье на отрезке от Каменец-Подольского до Могилева-Подольского могут быть отмечены три группы местонахождений серого кремня: 1) первич-

ные залежи или месторождения, 2) россыпи в пунктах, где наиболее сильно выражены эрозионные процессы, и 3) россыпи или скопления на возвышенностях, имеющие искусственное происхождение.

Основная масса кремневого инвентаря из поселения Лука-Врублевская изготовлена из местного серого кремня, принесенного, возможно, из ближайшего крупного месторождения в окрестностях Студеницы.

Наряду с использованным серого плиточного кремня в несколько меньшем масштабе получил распространение галечниковый или валунный кремень. Это тот самый кремень, отличающийся прекрасными пластическими качествами, который целиком господствовал в производстве каменных орудий в палеолитическую эпоху.

Валунный кремень во множестве встречается по берегам Днестра и в русле реки. Однако наиболее мощные залежи его в ряде пунктов слагают древние речные террасы. Валунный кремень известен в Поднестровье во многих местах и охотно используется строительными организациями. В самом селении Лука-Врублевской имеются выходы мощных отложений кремневого гравия, слагающего верхнюю толщу возвышенности, примыкающей к селению с северо-востока (рис. 45). Это древняя терраса Днестра (высота ее 60—80 м над уровнем реки). Высотное положение террас и фауна, часто встречающаяся в гравии, дают основание для синхронизации среднестровских высших террас с тираспольскими, изученными М. В. Павловой.

Все, что было сказано о добыче плитнякового серого кремня для производства орудий труда, можно сказать и в отношении валунного кремня. Сборы валунов с поверхности едва ли производились. Этот кремень, видимо, также добывался в местах первичных залегающих. Одно из таких мест, где кремень добывался еще в мадленское время, может быть отмечено на той же горе Белой в восточной части ее. Здесь, под карнизом плотного песчаника залегает толстый слой сильно окатанных валунчиков, спекшихся в брекчию. Интересно, что эта брекчия выбрана вглубь породы на 3—4 м и образует как бы пещеру или навес (рис. 46). Над этой пещерой на плато располагается известная палеолитическая стоянка Белая Гора. Несмотря на то что валунный кремень имеет ряд технических преимуществ

¹ М. Рудинський. З матеріалів до вивчення предісторії Поділля. Антропологія, т. II (1928), Київ, 1929.

² Там же. — Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины. . . , стр. 4.

³ С. Н. Бибиков. Культура палеолита и раннего неолита в Среднем Поднестровье. Реф. науч.-исслед. работ в 1945 г., Отд. истор. и фило-соф. АН СССР, Л., 1947, стр. 51. — С. М. Бибиков. Верхнепалеолитичні знахідки на Середньому Подністріві. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стр. 294.

перед серым плитняковым кремнем, он все же не получил столь широкого приме-

Рис. 45. Лука-Врублевецкая. Месторождение галечникового кремня (древняя терраса).

нения в трипольскую эпоху. Это, видимо, стоит в связи с тем, что валуны могли быть использованы для небольших орудий, так как величина их редко превышает 6—7 см в поперечнике.

Перейдем к рассмотрению кремневого инвентаря из Луки-Врублевецкой по группам. Но прежде всего обратим внимание на количественные соотношения кремневых изделий (см. таблицу, стр. 81). Не считая нескольких десятков тысяч обломков кремня, различных отщепов и пластинок без следов вторичной обработки, не принимая в расчет и кремни, связанные с процессом первичной обработки (нуклеусы, отбойники, отжимники и т. п.), в коллекции из Луки-Врублевецкой представлено 1340 орудий, причем из них

76% составляют скребки и только 24% другие формы. В таблице указаны все кремневые формы, составляющие серии, хотя бы и представленные небольшим числом находок. Единичные формы внесены в описательную часть. Изготавливались кремневые орудия в каждом жилище, на это указывают наличие в жилищах огромного количества производственных отбросов, скопившихся в результате обработки кремня, и обнаруженные в некоторых жилищах производственные места. Распределение количества орудий на единицу площади в разных жилищах в общем одинаково, так же как и состав орудий.

Рис. 46. Студеница. Древние выработки кремня под карнизом плато на Белой Горе.

«Отбойники». Круглые, шаровидные конкреции обычно определяются как отбойники, т. е. орудия, с помощью которых производилось скалывание пластин, служив-

Состав временного инвентаря из Жунки-Врубловцевской (раскопы I—VII, жилаща Ж.М. I—7)

Наименование кремневых форм	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4 комплекс		№ 5	№ 6	№ 7	Шурфы, подземный материал	Всего	Процентное отношение внутри групп	Процентное отношение к общему числу изделий
				III	V							
		1946—1947 гг.	1946—1949 гг.	1946 г.	1948 и 1950 гг.	1948 г.	1948 г.	1949—1950 гг.	1948—1950 гг.			
Нуклеусы (ядрища):												
крупные, пирамидальные и конические	26	45	87	10	14	7	10	102	18	319	45.6	34.3
мелкие из темного галечника	15	26	55	9	10	1	3	6	24	149	31.1	
колото кремня	5	19	7	8	1	1	1	17	14	73	10.6	
нуклеидные обломки	1	4	9	1	3	—	1	5	2	26	3.9	
сколы «оживления»	8	19	16	7	2	3	3	21	12	91	13.1	
шаровидные «отбойники»	1	11	8	4	3	—	1	11	1	40	5.7	
Всего	56	124	182	39	33	12	19	162	71	698		
Орудия:												
скребки на пластинках:												50.0
массивных, удлиненных	1	17	16	2	3	—	2	21	1	63	6.1	
узких и тонких	7	11	26	4	8	5	8	110	2	181	17.7	
широких и коротких	29	34	82	34	38	6	16	82	2	378	37.2	
на обломках пластинок	9	43	66	9	8	7	8	89	8	247	24.1	
на отщепах	6	32	37	14	13	6	3	26	—	137	13.6	
скребла на крупных отщепах	—	1	4	3	3	1	—	1	—	19	1.3	
Всего	52	198	231	66	68	25	37	320	13	1019		
Пластинки:												15.7
с боковой ретулью	4	15	25	—	10	—	1	28	8	91	26.3	
со скошенным концом	—	3	10	—	7	—	1	—	—	22	6.9	
с угловой заполировкой	5	34	33	14	13	1	4	24	16	144	44.8	
Острыя (сверла, проколки)	2	15	17	4	2	—	1	22	1	64	20	
Всего	11	67	85	18	32	2	7	74	25	321		
Общий итог по всем видам изделий	119	389	498	123	133	39	63	565	109	2038		

ших заготовками для орудий.¹ Они представляют собой правильные кремневые шары диаметром от 5 до 8 см (рис. 47). Вес этих шаровидных конкреций от 200 до 600 г. Поверхность шаров почти сплошь покрыта звездчатыми выбоинами. Лишь небольшие участки поверхности остаются свободными от выбоин. На этих участках в ряде случаев можно заметить легкую заполированность. В Луке-Врублевецкой найдена 91 конкре-

Рис. 47. Кремневые «отбойники».

ция, не считая тех, из которых были изготовлены нуклеусы. Одна из конкреций, найденная в жилище № 4, выделяется своим размером и весом (диаметр ее 9,8 см, вес 1200 г), а также сильным включением железистых соединений. Поверхность этого большого шара только на отдельных участках сохраняет следы «забитости». Один из таких участков охватывает полосой почти половину окружности шара.

Кремневые шары ~~нередко~~ встречаются во всех раннеземледельческих поселениях юга и юго-запада СССР, а также на стоянках средней и северной полосы Европы. В. В. Хвойко при описании раскопанных им площадок отмечает их как вполне обычные находки. Не менее обычны шары и в за-

рубежных местонахождениях. Не боясь впасть в ошибку, мы можем констатировать, что кремневые конкреции шарообразной формы находятся если не во всех, то в значительном большинстве раннеземледельческих памятников, в особенности в Румынии и Болгарии. Далее мы встречаемся с ними на Балканах, в Малой Азии и на раннеземледельческих поселениях Древнего Востока, впрочем, и во многих европейских неолитических и энеолитических поселениях.

Размеры кремневых шаров из украинских и зарубежных поселений колеблются в тех же пределах, что и размеры шаров из Луки-Врублевецкой. Лишь на одной стоянке — Мадара в Болгарии — наряду с шарами обычных размеров найден кремневый шар еще более крупный, чем самый большой шар из Луки-Врублевецкой. Вес его достигает 2450 г, диаметр 15,2 см.¹

Почти все авторы сходятся на относительно ограниченной интерпретации этих любопытных орудий и видят в них отбойники или камни для метания из пращи (Хвойко, Попов и др.). Некоторые типы таких шаровидных кремневых конкреций употреблялись в качестве тёрочных камней² и заготовок для нуклеусов. Целая серия нуклеусов, изготовленных из кремневых шарообразных конкреций, найдена в Луке-Врублевецкой. Вместе с тем кажется возможным предположить, что небольшие кремневые шары могли служить в качестве грузиков боласа. Такое предположение до некоторой степени объясняет и легкую заполированность небольших участков на поверхности шаров, полученную, быть может, в результате трения шаров, находившихся в кожаных мешочках. Если действительно кремневые шары находили свое применение в охотничьем инвентаре типа боласа, то один из наиболее темных вопросов о способах охоты у раннеземледельческих племен получает свое частичное решение. Сказанному не противоречит и «забитость», замеченная на поверхности шаров. Ее нельзя воспринимать только как следы, получившиеся в результате каких-то преднамеренных действий. Такие же следы приходилось наблю-

¹ Р. Поповъ. Материалы за предисториата на Мадара. Мадара. Разкопки и поручевания, кв. I, София, 1934, стр. 56.

² R. Lais. Vorgeschichtliche Klopffsteine aus dem Breisgau. Germania, вып. 4, Берлин, 1935, стр. 286—290.

¹ Это определение по отношению к шаровидным конкрециям из Луки-Врублевецкой мы принимаем условно.

дать на шарах, найденных на кремневых месторождениях (Студеница) или вблизи них, т. е. на объектах, не бывших в употреблении. Таким образом, кремневые конкреции в виде шаров использовались древним человеком в различных направлениях: возможно, как метательные камни и грузики боласа; без сомнения, как заготовки для нуклеусов и в качестве растирательных камней, так же как, вероятно, для дробления зерна или высушенных съедобных плодов и кореньев.

С большим сомнением мы относимся к предположению об использовании кремневых шаровидных конкреций в виде отбойников. Такое назначение их может касаться только небольших шариков. В целом применение их в этом направлении технологически остается необъяснимым. Трудно представить себе возможность нанесения шаром сосредоточенного удара по краю площадки нуклеуса, зажатого в руке, в результате которого предполагается сколоть призматическую пластинку. Такой прием не оправдывается всем предшествующим развитием кремневой техники, выработавшей устойчивые и высокосоввершенные приемы скалывания пластин удлинненными отбойниками или отжимниками. Характерно также, что ни в специальной литературе, ни в процессе раскопок в Луке-Врублевецкой мест, где производилась обработка кремня, не было случая находок кремневых шаров в производственных комплексах, связанных с выделкой орудий. Не отрицая полностью возможное использование небольших кремневых шаровидных конкреций в качестве отбойников, мы все же считаем необходимым предостеречь от излишнего преувеличенных обобщений в определении их функции, которые, например, характерны для болгарских археологов.

Отжимники. Группа орудий, предназначенных для отделения тонких пластинок от нуклеуса и для ретушировки изделий. В коллекции имеются 40 экземпляров (табл. 1). Для отжимников использовались массивные удлиненные пластинки размером от 6 до 10 см, причем преимущество отдавалось крупным ребристым пластинкам. Все отжимники несут на себе следы сработанности или употребления, и не только на концах пластин, но и на длинных ребрах. На последних часто имеется и ретушь, охватывающая отдельные участки граней. Два отжимника сделаны на массивных оскол-

ках. Один из них имеет вид слегка изогнутого стержня, с продольными и поперечными сколами, удобно помещается в руке. Следы сработанности заметны на конце орудия, в виде неглубоких вмятин и сглаженности (длина орудия 9 см) (табл. 1, а). Второй экземпляр имеет уплощенную форму, суживающийся конец и плоскую, довольно грубую подретушовку с брюшка (табл. 1, е). Отметим и овально вытянутое орудие на массивной пластинке (размер 6×2.5 см). Один конец изделия оформлен грубыми фасетками, придающими ему вид почти прямого скребка. По его длинным ребрам нанесена ретушь, по одному — только с брюшка, по другому — со спинки и брюшка. Ретушь грубая, со следами смятости и сбитости. Не без основания можно предположить, что орудие это применялось в качестве отжимника для нанесения ретуши, рабочей частью которого служили длинные ребра пластинки, причем одно из них сработалось больше, другое меньше (табл. 1, б). К числу отжимников может быть отнесен также обломок речной песчаниковой гальки, найденный в жилище № 2. Обломок имеет на конце выбоины и вмятины, весьма характерные для отжимников и отбойников из галек, столь хорошо известных по находкам их в позднелеолитических местонахождениях (табл. 1, и).

Нуклеусы (ядрища). В коллекции из Луки-Врублевецкой имеется 468 экземпляров нуклеусов. Резко бросается в глаза различие в кремневом материале, который использовался для них.

Первую группу составляют нуклеусы из серого камня (319 экз.). Это крупные и массивные ядрища, выделанные из крупных кремневых осколков и еще чаще — из шаровидных конкреций. Форма нуклеусов призматическая или пирамидальная, размеры их от 5—6 до 10 см. Как правило, ударные площадки подготовлены несколькими поперечными сколами и располагаются более или менее горизонтально. Ограничение нуклеусов в большинстве круговое, фасетки разных размеров, но в общем довольно правильны и последовательно располагаются на корпусе ядрища (табл. 2).

Вторая группа — это ядрища из кремневых валунчиков, добытых из речных отложений (149 экз.). Кремень темных тонов. На нуклеусах сохранилась желвачная корка желтоватых оттенков. Все они очень неболь-

шие — от 3 до 6 см, преобладает размер 5—6 см. Форма их приближается то к пирамидальной, то к призматической. Подготовка галек для получения ядрищ проводилась следующим образом. Подбирались удлиненные гальки, затем на гальке наносился поперечный скол или несколько сколов, имевших целью подготовить ударную площадку. После того как площадка была подготовлена, производились последовательные сколы или отжимы пластинок в вертикальном направлении. Сколы довольно ровными узкими фасетками идут по одной стороне валунчика, другая сторона сохраняет желвачную поверхность. Вместе с тем имеется значительное число нуклеусов из валунного кремня, получивших полное круговое ограничение фасетками. Три таких правильных узких, пирамидальных нуклеуса с полным круговым ограничением были использованы в качестве отжимников. На одном из них имеется еще поперечная подправка ретушью, выравнивающая боковую часть (табл. 3).

Столь большое число нуклеусов, предназначенных для получения небольших правильных пластинок, говорит о том, что эти пластинки играли серьезную роль в хозяйственном укладе древнего человека. Для чего именно они использовались — с полной достоверностью сказать трудно. Тем не менее нельзя не обратить внимания на то, что находки миниатюрных пластин в культурных отложениях Луки-Врублевецкой довольно редки, количество их далеко не пропорционально количеству нуклеусов. Приходится предположить, что мелкие кремневые пластинки использовались без вторичной обработки в качестве вкладышей для оснащения метальных деревянных орудий, т. е. служили теми деталями охотничьих орудий, которые не составляли инвентаря, связанного с домашними работами, и часто утрачивались во время охоты.

Основное число орудий в Луке-Врублевецкой сделано на пластинках — отщепях, сколотых с нуклеусов из серого кремня. Общий облик ядрищ по характеру оформления и следам последовательного скалывания пластин очень напоминает ядрища позднейшего палеолита. Сближают их не только внешние формы, но и приемы использования. Известно, например, что в позднейшем палеолите часто применялось поперечное скалывание площадки, так называемое

«оживление» нуклеуса, имевшее целью получить более удобную оббивную поверхность. В материалах Луки-Врублевецкой этот древний прием нашел свое отражение в серии (26 экз.) типичных плоских отщепов, ограниченных остатками фасеток (табл. 3, а и б).

Пластинки. Главным типом заготовки на раннетрипольской ступени развития техники остается призматическая пластинка, получению которой и подчинены столь устойчивые приемы раскалывания кремня. Потребность в правильных пластинках была столь велика, что несмотря на уже достаточно развившиеся приемы шлифовки, распиловки и сверления камня все же ведущее положение сохраняется за скалывающей техникой, позволяющей с наименьшей затратой энергии вырабатывать режущие и скобящие инструменты, необходимые в домашнем обиходе и в производстве охотничьего вооружения. Получение правильных, узких пластинок зависело от предварительной обработки желваков: удаления с них желвачной корки, придания им определенной цилиндрической формы. Не случайно поэтому кремневый инвентарь в Луке-Врублевецкой сопровождается тысячами бесформенных отщепов и осколков, представляющих собой отходы кремнеобрабатывающего производства. Вместе с осколками и отщепами часто встречаются и правильные призматические пластинки, не несущие отчетливых следов вторичной обработки. Тем не менее правильность очертаний их и следы употребления в виде выщерблин и даже легкой заполировки на длинных гранях дают основание полагать, что многие из них нашли свое применение в производстве. Только за один сезон раскопок (1948 г.) в жилых углублениях было собрано около 400 экз. ножевидных пластинок разной величины. Наиболее крупные из них имеют 12 см длины и от 2 до 4 см ширины, самые мелкие 2—3 см в длину и 0.4—0.5 см в ширину. В коллекции, однако, преобладают пластинки средних размеров, длиной 5—7 см. Одна из наиболее крупных и правильных ножевидных пластинок отличается особенно хорошо выраженными следами употребления в виде зазубренности по краю. В верхней части пластинки имеются две симметрично расположенные выемки, как бы предназначенные для привязывания пластины, чтобы носить ее с собой (табл. 4).

Скребки. Это самая большая группа орудий (1019 экз.). Скребки с известной долей условности можно разделить на 5 типов:

- 1) концевые скребки на массивных удлиненных пластинках;
- 2) концевые скребки на узких и тонких пластинках;
- 3) концевые скребки на широких коротких пластинках;
- 4) концевые скребки на сломанных пластинках;
- 5) скребки на отщепях.

Каждая из названных групп не составляет совершенно обособленного комплекса, но соединена рядом переходящих форм. По характеру оформления рабочего края скребки принадлежат к одному виду — концевых скребков с выпуклым рабочим краем, смоделированным при помощи крутой и аккуратной ретуши. Полукруглый рабочий край то строго отвечает направлению оси орудия, то несколько отклоняется вправо или влево от оси, придавая орудию несколько асимметричные очертания. Выпуклость рабочего края тоже варьирует от почти полукруглых очертаний до очень легкой выпуклости.

Скребки на массивных пластинках составляют небольшую группу орудий (63 экз.), сделанных на довольно грубых удлиненных пластинках. Величина орудий достигает 8,5 см, ширина пластинок до 5—5,5 см. Ретушь, оформляющая рабочий край, крутая или довольно плоская, имеет вид узких фасеток, идущих от брюшка пластинки к ее верхнему ребристому краю и спинке, сам рабочий край подправлен еще дополнительной мелкой оббивкой.

Скребки на узких и тонких пластинках (181 экз.) Это обычный тип концевого скребка на правильных пластинках, имеющих параллельные ребра, иногда снабженные легкой подретушковкой. Длина пластинок от 4—5 до 9 см, ширина от 1 до 3 см (табл. 5).

Скребки на широких коротких пластинках. Самая многочисленная группа орудий (378 экз.). Рабочий край находится на широком конце пластинки. Противоположный конец, там, где находится ударный бугорок, значительно уже, и пластинка поэтому имеет подретушковые очертания. Длина пластинок от 3 до 6 см, ширина от 3 до 4—5 см. Некоторые скребки отличаются небрежностью обработки, сохраняют на спинке желвачную

корку или выделаны на неудобных для обработки пластинках из поздраватых кусков кремня. Видимо, такие скребки делались к случаю и ими едва ли пользовались повторно (табл. 6).

Скребки на сломанных пластинках (247 экз.) не составляют самостоятельного типа орудий и могут быть объединены в одну группу со скребками на узких пластинках. Нет никаких оснований предполагать, что скребки преднамеренно изготовлялись на концах сломанных пластинок. В группе имеются скребки разных степеней излома по отношению к рабочему краю. Иные, после того как были сломаны, могли быть еще в употреблении, другие настолько уменьшались в размере, что ими уже не пользовались (табл. 6).

Скребки на отщепях также занимают видное место в серии скребков (137 экз.). Обычно они выделаны на бесформенных тонких отщепях, у которых путем ретушировки выработан полукруглый или слегка выпуклый рабочий край. По своему назначению группа скребков на отщепях неотделима от концевых скребков.

Все названные типы концевых скребков являются рукоосящими формами в коллекции из Луки-Врублевецкой. Помимо них в собрании кремневого инвентаря могут быть отмечены и другие формы, встреченные в единичных экземплярах:

1) двойные скребки — 2 экз.; один сделан на широкой короткой пластинке и имеет выпуклый рабочий край на обоих концах, другой экземпляр представляет собой короткий двусторонний скребок на обломке призматической пластинки;

2) округлые скребки — 6 экз., выделаны на отщепях; рабочий край неполностью охватывает окружность орудия;

3) комбинированные формы — 2 экз.; в обоих случаях один конец пластинки представлял собой концевой скребок, на другом же конце была нанесена поперечная крутая подретушировка;

4) численно небольшую, но самостоятельную группу составляют крупные скребки, или скребки на массивных отщепях (13 экз.; табл. 7); два из них, с выпуклыми рабочими краями, приближаются к типу скребков; пять скребков, более мелких размеров, выделаны на уплощенных отщепях, у которых отретушированы отдельные участки края; любопытно, что все крупные скребки выде-

ланы из серого кремня и по своему облыку вполне соответствуют крупным скреблам, постоянно встречающимся на местах первичной обработки кремня (так называемых «мастерских»).

Столь многочисленная группа скребков, обнаруженных при раскопках в Луке-Врублевецкой, говорит о широком использовании этих орудий в быту. Трудно допустить, чтобы функции скребка ограничивались только скоблением, например мездры при обработке кожи. С. А. Семенов полагает, что скребки имели только скобящие функции. Но можно прийти и иную точку зрения, уже не раз высказывавшуюся в литературе (П. П. Ефименко,¹ Л. Пфейфер,² М. Е. Фосс³ и другие авторы), а именно: что наряду с применением скребков для скобления, они употреблялись и в качестве режущих инструментов. На ряде скребков из Луки-Врублевецкой можно заметить, что формовка рабочего края орудия часто сопровождается оставлением справа или слева необработанных на полукруг участков, как бы образующих небольшой режущий шип. Далее, у некоторых скребков оформленные края столь мало выпукло, что едва ли ими можно пользоваться для скобления и, наконец, иногда асимметричное расположение рабочего края и слабые следы заполировки не только с брюшка, но и со спинки тоже согласуются с предположением о различном использовании скребков. К сказанному можно добавить, что в кремневом инвентаре из Луки-Врублевецкой крайне мало таких форм, которые можно было бы назвать режущими инструментами, нужда же в них, несомненно, должна была более всего ощущаться в первобытном обществе. Видимо, эта потребность и восполнялась скребками, выполнявшими одновременно и режущие функции.

Режущие орудия. К числу орудий, предназначенных для режущих действий, можно, во-первых, отнести обычные ножевидные пластинки, не сохранившие следов употребления и довольно широко представленные в материалах Луки-Врублевец-

кой (табл. 4). Однако мы не всегда имеем объективные данные для установления их функций, так как они служили заготовками не только, например, для скребков, но и для ряда других кремневых форм, поэтому приходится ограничиваться лишь домыслами о возможности использования их в качестве режущих и стругающих орудий. Во-вторых, к орудиям режущего и стругающего назначения принадлежат призматические пластинки с боковой ретушью. Таких пластинок в собрании в общем немного (91 экз. вместе с обломками); они отличаются разной степенью краевой обработки. Редко ретушью охватываются оба параллельных края пластинок во всю длину их. Чаще ретушь располагается лишь на отдельных участках боковых ребер (табл. 4, а).

Пластинки со скошенным краем (22 экз.), размеры их от 2.5 до 10.5 см. Они представляют собой правильные призматические пластинки, на конце которых слева или справа сформован с помощью ретуши боковой режущий угол. Концевая оббивка или крутая, или обычная, несколько уплощенная ретушь. Линия, сгибающая конец пластинки, слегка выпуклая или, наоборот, вогнутая для помещения указательного пальца с целью увеличения давления на боковой угол при работе орудием. На двух пластинках отмечается скошенность на обоих концах. Длинные грани на мелких экземплярах обычно не отретушированы, на более крупных отдельные участки граней снабжены ретушью (табл. 8).

Обращают на себя внимание пять экземпляров этих орудий, которые сохраняют некоторые черты своеобразия. На табл. 8 изображены две пластинки со скошенным краем, одна из них массивная (табл. 8, е). Крутая ретушь оформляет вогнутый концевой край ее, на котором удобно помещается указательный палец для упора. Боковой угол подправлен с брюшка плоской и аккуратной отжимной ретушью. Вторая пластинка (табл. 8, а) отличается некоторой небрежностью в отделке, скошенность края достигается ретушью с брюшка, рабочий угол, так же как и у первой пластинки, подправлен мелкой отжимной ретушью тоже с брюшка. Интересна также и крупная (10.5 см) узкая пластинка с параллельными гранями и поперечной подправкой на конце и на углу. Боковые ребра имеют ретушь.

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 399.

² L. Pfeiffer. Die Werkzeuge des Steinzeit-Menschen. Иена, 1920.

³ М. Е. Фосс. К методике определения каменных орудий. КСИМК, вып. XXV, 1949, стр. 14—21.

Две тонкие пластинки (длиной 2.7 и 3.5 см) отличаются миниатюрностью и тщательностью отделки бокового угла (табл. 8, з, и). Обе они предназначались в качестве режущих инструментов для тонких работ. Не остается сомнений в том, что пластинки со скошенным краем предназначались именно для режущих действий: об этом свидетельствует не только форма орудий, но и подправка с брюшка, утончающая грани угла, равно как и следы употребления.

Пластинки с угловой заполировкой (вкладыши для серпов). Описывая содержимое культурных отложений в жилищах, мы обращали внимание на находки кремневых пластинок, несущих на себе вполне отчетливые следы угловой заполировки. В Луке-Врублевцевкой найдено 144 экз. подобных орудий, из них целых или почти целых более 100, остальные в обломках (табл. 9 и 10). Все они представляют собой обычные призматические или ножевидные пластинки длиной от 4.5 до 7 см, тонкие, с довольно правильными параллельными боковыми краями. По типологическим признакам они на первый взгляд как будто не отличаются друг от друга, однако по характеру оформления все же могут быть разделены на две группы. Большая группа — пластинки без поперечной подретушровки на конце. 13 таких пластинок имеют боковую ретушь на отдельных участках ребер, причем чаще всего ретушь располагается на заполированных местах, как бы заостряя слишком притупленные края. Меньшая группа имеет на конце подретушровку, формирующую рабочий угол или придающую концу вид скребка. Кроме того, заполировка у них тоже имеется в той части длинного края, которая вместе с поперечной подретушровкой конца образует острый угол на конце пластинки. На пластинках, имеющих поперечную подретушровку, образующую как бы выпуклый или прямой концевой скребок (3 экз.), также отчетливо заметна ретушровка отдельных участков на ребрах.

На пластинках можно наблюдать разную степень заполированности, от довольно слабых следов блеска и сработанности края, брюшка и спинки до полной затушенности края и зеркального блеска на спинке и брюшке. Блеск, или заполировка занимает относительно небольшую поверхность на пластинках, причем совершенно точно на определенных участках, а именно: заполировкой

охватывается левый верхний угол пластинки, если смотреть на нее со стороны спинки. В большинстве случаев легко прослеживаются границы заполировки, которые фиксируются между верхней половиной левого края, концом пластинки и линией, идущей от левого края к верхнему правому углу. В пределах этой трапеции или треугольника и отмечается заполированная часть. Надо сказать, что заполированная часть поверхности очень резко отделена от незаполированной.¹ Создается совершенно отчетливое впечатление, что незаполированная часть пластинки входила в какую-то оправу или рукоять и снаружи оставался только небольшой участок в виде шипа высотой от 0.3 до 1.5 см, имевший треугольные или трапецевидные очертания. Рабочей частью пластинок является не весь край, а примерно меньше одной трети его длины (длина всего заполированного ребра колеблется от 3 до 5 см). В коллекции имеется семь пластинок со следами повторного использования их, т. е. после того как рабочий край был сильно затушен, пластинку вынимали из оправы и снова ставили ее в то же положение, в каком она находилась, но противоположным концом наружу. Не случайно поэтому на них устанавливается неравномерность в степени сработанности рабочих краев, так же как и в интенсивности заполировки. Любопытно, что на трех пластинках с вторичным использованием повторена также и концевая подретушровка, располагающаяся в этих случаях с обоих концов пластинок.

Еще до того как было произведено функциональное определение пластинок с угловой заполировкой — с помощью увеличений для установления графических следов работы на них — было очевидно, что употреблялись они в качестве орудий, связанных с земледелием, как нам казалось, скорее всего серпов. Сильная заполированность могла получиться в результате трения ребра пластинки о растительные волокна, содержащие кремнистые включения. Действительно, микроанализ, произведенный С. А. Семеновым, подтвердил эти предположения.²

¹ Пограничная линия особенно хорошо заметна с брюшка пластинки.

² С. А. Семенов. Жатвенные кремневые ножи из позднелолитического поселения Лука-Врублевцевкая на Днестре. Сов. археолог., т. XI, 1949, стр. 151—154.

С. А. Семенов заметил на заполированной поверхности этих пластинок «кометообразные» следы, которые могли возникнуть только при определенном роде действия, очень похожих на движение серпом. Надо сказать, что предположено С. А. Семеновым толкование употребления пластинок, в общем и правильно, если опираться только на следы сработанности. Тем не менее, реконструкция серпа в виде пластинки, вставленной в рукоять, не может не вызвать критического отношения к себе при учете всей совокупности наблюдений над формой и величиной пластинок, характером и степенью сработанности их. Приведем ряд таких наблюдений.

Мы только что обращали внимание на тот факт, что на всех пластинках сработан верхний левый угол. При обычной изогнутости плоскости пластинок от спинки к брюшку, если считать, что в рукоятьку была вставлена одна пластинка, получается положение, совсем неудобное для работы оружием как серпом, учитывая при этом сложившуюся праворукость человека. Значительно продуктивнее и удобнее было бы положение пластинки волгнутой частью кверху, но работа серпом с пластинкой в таком виде возможна только при леворукости.

Использованию отдельных пластинок в качестве жатвенных серпов противоречат размеры заполированной поверхности. При максимальной длине заполированной части ребра 5 см, а чаще значительно меньше, и при столь мало выступающей из оправы рабочей части эффект работы таким жатвенным орудием по существу ничтожен.

Очень четкая граница между заполированной частью и незаполированной, составляющая иногда почти прямую линию длинной стороны трапеции или треугольника, не оставляет сомнений в том, что эта линия разделяла пластинку на части — выходящую наружу и помещенную в рукоять. Если пластинкой работали как серпом, то столь резкого разграничения, заметного на поверхности пластинки между заполированной и незаполированной частями, получиться не могло. Наоборот, заполировка постепенно затухала бы от режущего ребра, исчезая у самого места крепления кремневой пластинки с рукоятью или обоймой.

Для реконструкции типа серпа, применявшегося для уборки урожая у обитателей Луки-Врублевецкой, большой интерес при-

обретает серп, найденный в Караново (Болгария).¹ Костяной изогнутый стержень длиной 31 см имеет боковую прорезь, куда вставлены 4 кремневые пластинки, вложенные таким образом, что лезвия их, выходящие наружу, лишь слегка наклонены в сторону рукоятки. Примерно такую же реконструкцию предлагает Ф. Прошек:² изогнутый почти под прямым углом деревянный стержень с внутренней стороны снабжен кремневыми вкладышами. Последними служат небольшие кремневые пластинки, уложенные в корпус стержня в один ряд, так что из оправы выступает наружу только один угол каждой пластинки. Большая же часть пластинки заключена внутри стержня-оправы. Реконструкция Прошека правдоподобна и объясняет заполированность пластинок только на одном углу, выступающем из оправы. Автор реконструкции пользовался небольшими кремневыми пластинками (2.5—3.5 см), при этом закрепленными в оправе в один ряд с размещением выступающих углов в одной плоскости. Пластинки с угловой заполировкой из Луки-Врублевецкой значительно крупнее, чем те, которыми пользовался для реконструкции Прошек, они к тому же и больше изогнуты, поэтому в принципе закрепления их могли быть и иные приемы.

В связи с попыткой выяснения функционального назначения пластинок с угловой заполировкой нельзя пройти мимо сводки Стейнберга, посвященной древнейшим жатвенным орудиям.³ Автор считает наиболее древними жатвенными орудиями длинные призматические пластинки длиной от 8.4 до 10.1 см. Для выяснения степени продуктивности работы различными серпами Стейнберг проделал довольно любопытный эксперимент. На отведенном для опыта поле он произвел смешанный посев чьмена и овса. По созревании посев был убран с помощью различных жатвенных орудий — серпа железного, полулунного зубчатого бронзового серпа, изогнутого бронзового, полулунного кремневого и, наконец, с помощью зубчатого

¹ James Harvey Gaul. The neolithic period in Bulgaria. American school of prehistoric research Bulletin, № 16, 1948, табл. XVII.

² Fr. Prošek. Srpny mladší doby kamenné. Obzor prehistorický, XIII, Praha, 1946.

³ A. Steensberg. Ancient Harvesting implements a study in archeology. Copenhagen, 1943, стр. 17—20.

кремневого серпа. При применении этих видов жатвенных орудий для перерезки одинакового пучка стеблей (захваченных ладонью) потребовалось затратить разное время и различное количество усилий — от трех порезов железным серпом до восьми порезов кремневой зубчатой пластиной. В опыте Стейнберга, однако, важно другое, а именно: наблюдения за расположением следов употребления или заполировки. Ни в одном из разобранных Стейнбергом случаев он не отмечает той угловой заполировки, которая отличает пластинки из Луки-Врублевецкой.¹ Этот факт также находится в противоречии с заключением С. А. Семенова о жатвенном назначении пластинок с угловой заполировкой в том виде, как он их реконструирует.

Несмотря на неполноту использования Стейнбергом материала (работа ориентирована почти исключительно на датские собрания) и даже методические промахи, например, в соотношениях взятых для каждого орудия пучков стеблей и времени, затраченного на снятие произвольно взятого количества пучков, работа Стейнберга все же не лишена интереса с точки зрения применения экспериментального метода. Его работа во многом проигрывает от неумения пользоваться и микроаналитическими приемами, в ряде случаев успешно примененными С. А. Семеновым.

В противоречии с выводами С. А. Семенова стоит и указание Т. С. Пассек на находки длинных (до 12 см) кремневых пластинок с ретушью по обоим бокам. Эти пластинки имели сильную заполировку по лезвию, что и позволило Т. С. Пассек определить их как серпы.²

Совершенно отчетливо заполировку по всей длине лезвия можно наблюдать на найденных при раскопках могильника у сел. Софиевка в Киевской области длинных ножевидных пластинках из кремня, служивших серпами. Назначение этих пластин как жатвенных орудий едва ли может

вызвать сомнение,¹ так же как неоспоримыми, с точки зрения их назначения, являются массивные, укороченные кремневые вкладыши для серпов с заполированными лезвиями, найденные в 1951 г. в Выхвативском могильнике на Днестре (раскопки И. Розенфельдт).

Таким образом, те возражения, которые мы привели против реконструкции, предложенной С. А. Семеновым, дают основание поставить вопрос о необходимости дальнейшего анализа следов употребления на этих пластинках более широкими методами, а также привлечения этнографических источников.

Не принимая реконструкцию С. А. Семенова в том виде, как она опубликована, мы считаем, что реконструкция Прошека представляется более обоснованной и может быть принята, ибо дальнейшее накопление фактов не поколеблет самого принципа закрепления вкладышей в оправе. Недоработанность вопроса о назначении пластинок с угловой заполировкой в значительной мере является следствием того, что в большой серии они найдены впервые. Лишь совсем недавно, вслед за находками пластинок с угловой заполировкой в Луке-Врублевецкой, подобные же пластинки были обнаружены в поселении Подиванов Яр (раскопки Т. С. Пассек), а также при раскопках раннеземледельческих поселений в Побужье (раскопки В. Н. Даниленко). Может быть, и в других раннеземледельческих поселениях они встречались в единичных экземплярах, но не нашли освещения в литературе о кремневом инвентаре. Из доступных нам коллекций можно отметить материалы из старых раскопок в Анау близ Ашхабада, среди которых выделялась группа кремневых пластинок, напоминающих пластинки с заполировкой угла, найденные в Луке-Врублевецкой.²

Кремневые острия, сверла, проколки. В коллекции имеется 64 орудия (табл. 11, 12, 13). Почти все острия выделаны на призматических, ножевидных пластинках большей или меньшей величины. Только два острия сделаны на массивных отщепах, причем одно из них похоже на мустьерский

¹ Там же, стр. 33—35.

² Т. П а с с е к. Раскопки Трипольского поселения коло с. Володимирівка в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Киев, 1949, стр. 223. О возможности использования пластинок в качестве серпов с деревянной рукояткой говорит и Е. Ю. Кричевский в работе «Трипольское земледелие и проблема мотыг» (Архив Института археологии АН УССР).

¹ Материал не опубликован, хранится в Архиве Института археологии АН УССР.

² Коллекция хранится в археологическом отделе музея Института антропологии и этнографии АН СССР и была изучена С. А. Семеновым.

остроконечник. По своей величине и характеру оформления самого острья они разделяются на следующие два типа.

1) Асимметричные острья, у которых рабочее острие, или жальце отклонено от длинной оси влево или вправо (например, табл. 11, а; табл. 12, а и другие). Длина орудий от 3.5 до 8.5 см, ширина пластинок от 1 до 3.5 см. Ретушь чаще всего формирует только рабочее острие, хотя на нескольких экземплярах ею охвачены и ребра пластинок почти по всей их длине. Жальца орудий короткие и сформованы с помощью крутой вертикальной ретуши. Такие острья по примеру позднеалеолитических могут быть названы короткошильными острьями.

2) Симметричные острья (сверла), отличаются от первого типа прямым жальцем, расположенным по длинной оси острья. Такая же крутая, почти перпендикулярная ретушь оформляет само острие и на большинстве экземпляров располагается частично и по ребрам пластинок (табл. 13, а, б). С первого взгляда может создаться ошибочное впечатление, что среди этой серии острий могут быть определены и наконечники для стрел. Тем не менее при ближайшем ознакомлении с оформлением их рабочих концов это предположение приходится с уверенностью отвергнуть. Жальца этих орудий как бы слегка пригнуты и оформлены, повторяем, очень крутой ретушью.¹ На одном орудии острие подправлено миниатюрным резцовым сколом. Назначение обеих групп острий, очевидно, одно и то же — это специальный тип буравчиков или сверл. О правильности высказанного соображения относительно назначения пригнутых острий нетрудно судить при внимательном рассмотрении рабочих концов. Прежде всего на нескольких экземплярах рабочий конец оформлен при помощи противоположной ретуши, т. е. с одного края направленные ретуши идет от спинки к брюшку, а с другого в противоположном направлении (табл. 11, е; табл. 13, в). Не остается сомнений в том, что этот прием оформления рабочего конца вызван необходимостью выработать такие края на рабочем стержне, которые при вращении его вокруг

оси давали бы стружку. Только желанием придать наибольшую производственную эффективность вращающемуся острию и можно объяснить наличие противоположной ретуши.

Однако не все экземпляры сверл снабжены противоположной ретушью. Большинство их все же имеет обычную формовку рабочего конца, т. е. с помощью крутой ретуши, направленной по двум краям со спинки к брюшку. Для объяснения тождественности назначения таких орудий с только что описанными следует обратить внимание на следы сработанности рабочих концов. На одних экземплярах эти следы прослеживаются неясно, зато на других они выступают настолько заметно, что определяют назначение всей группы орудий. Например, на небольшом острье с хорошо оформленным жальцем на самом кончике орудия имеется очень сильная заполированность, придающая рабочему концу почти круглое в сечении очертание, вовсе скрывающая следы фасеток на пластинке и неровности первоначальной ретушировки. Столь интенсивная заполированность, локализуемая на рабочем конце, могла возникнуть только в результате длительного употребления орудия, испытывающего достаточно сильное трение. При сильном увеличении поверхности заполированного участка этого орудия вполне отчетливо выступают круговые параллельные штрихи, располагающиеся в поперечном направлении к длинной оси (табл. 13, ж—и). Едва ли столь заметные следы заполировки могли быть оставлены при простом (ручном) использовании орудия в качестве буравчика. Такие штрихи могли возникнуть только при вращательном движении вокруг центральной оси и при значительной механической нагрузке на стенки рабочей части сверла. Следовательно, об использовании буравчиков без механического приспособления не может быть и речи. Судя по находкам просверленных костей, рогов и зубов животных, человек нуждался в прочных инструментах для сверления и применял для этого кремневые сверла разных диаметров. Вместе с тем применялись и трубчатые деревянные сверла широкого диаметра. Если до недавнего времени мы могли только предполагать наличие механических сверл в триполье, то теперь неоспоримость этого факта подтверждается находкой в Луке-Врублевской в жилище № 5 опорной каменной плитки

¹ Ср.: Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 102, табл. 57, рис. 1—3, 5—7; стр. 147, табл. 80, рис. 6; табл. 85, рис. 5. — М. Л. Макаревич. Археологічні досліді в с. Білий Камінь. Трипільська культура, т. I, стр. 461, рис. 19.

представляющей собой деталь от сверловочного станка, скорее всего лучкового типа (рис. 35). Таким образом, наши находки кремневых буравчиков или сверл должны рассматриваться как части механического сверловочного приспособления — ручной лучковой дрели.

Единичные кремневые изделия. Выше мы описали и дали возможную характеристику назначению орудий, встречаемых в Луке-Врублевской в более или менее значительных сериях. В коллекции нашли свое место и такие кремневые формы, которые были обнаружены в единичных экземплярах, но заслуживают того, чтобы сказать о них несколько слов.

Угловые резцы (табл. 14, 2—3). Два сделаны на тонких пластинках, два других — один на массивной пластинке, у которой конец оформлен двумя резцовыми сколами, и один на пластинке с концевым скребком. Если к ним добавить кремневое сверло с резцовым сколом, то можно отметить всего пять случаев использования приема нанесения отчетливого резцового скола при формовке орудий. По типологическим признакам резцы из Луки-Врублевской вполне согласуются с резцами позднепалеолитического типа. Это обычные угловые резцы (4 экз.) и один резец, близко стоящий к резцам срединного типа.

В жилище № 3 (раскоп I) найден крупный обломок единственного в своем роде кремневого изделия — **наконечник дротика**(?). По внешнему виду он напоминает острие наконечника метательного орудия — копья или дротика (табл. 14, 4). Длина изделия 6.3 см, ширина до 2.3 см, толщина 1.1 см. В сечении наконечник приближается к ромбовидной форме. Вся поверхность орудия покрыта тонкой двусторонней широкофасеточной плоской ретушью, придающей ему симметричные очертания. Конец наконечника несколько притуплен, боковые ребра оформлены мелкой подретушировкой, придающей им легкую зазубренность. Обращает на себя внимание довольно сильная заполированность плоскостей орудия. П. П. Ефименко, видевший этот предмет, полагает, что он соответствует рукоятке, быть может, кнжжала, некогда скрепленной с деревянной или кожаной оправой. Заполированность плоскостей П. П. Ефименко склонен объяснить неплотным соединением черешка рукоятки с тем материа-

лом, в который он был вправлен. Не отрицая правильности толкования П. П. Ефименко, мы думаем, что поверхностная заполировка могла быть получена и в результате слишком долгого употребления орудия, представлявшего большую ценность для его обладателя. Наконечник этот является уникальной находкой, не имеющей себе пока аналогов в наиболее древних памятниках раннеземледельческих племен юга и юго-запада СССР, так же как и зарубежных местонахождений.

Единственным пока экземпляром остается и **наконечник стрелы**, небольшой и тщательно обработанный краевой плоской ретушью, с плоской подправкой острия. Наконечник этот имеет вогнутое основание. Один бородок наконечника утрачен. Наконечник стрелы найден на раскопе I, однако с каким горизонтом связана эта находка, установить все же не удалось. Ясно лишь то, что он может быть отнесен и к жилищу более позднего времени, чем длинное жилое углубление (№ 3).

Как известно, находки наконечников стрел и памятниках раннего и среднего триполья составляют весьма редкое явление, и в этом отношении факт единичной находки наконечника стрелы в Луке-Врублевской вполне совпадает с тем, что отмечается для поселений раннеземледельческих племен вообще.

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ

Наряду с обилием кремневых изделий в культурных отложениях Луки-Врублевской обнаружены также изделия из камня. Материалом для изготовления каменных орудий служил твердый сланец серого цвета или плотный и твердый кремнистый сланец почти черного цвета. Редко, но тем не менее все же использовалась и речная галька, не требовавшая слишком больших усилий для шлифовки, ввиду того что значительная часть ее поверхности оказывалась отшлифованной естественным путем. В собраниях имеются вполне законченные обработкой орудия, а также заготовки, недоделанные изделия, обломки (рис. 48).

Заготовки. Крупный черный сланцевый валун, предварительно обработанный в форме грубой призматической заготовки, прямоугольной в сечении. Конец валуна имеет сильно выраженные следы «забитости»,

быть может, полученной в результате использования валуна в качестве отбойника.

(табл. 15, *a*). Второй экземпляр заготовки имеет вид сланцевого бруска, четырехуголь-

*a**b**в**г**д*

Рис. 48. Орудия из камня. Н. в.

На одном из краев его заметны фасетки, нога в сечении. Брусок отшлифован с трех сравнивающих боковую часть валуна сторон. Одна сторона бруска хотя и пред-

ставляет собой ровную и гладкую поверхность, но лишена шлифовки (плоскость распила). Конец заготовки имеет сколы, возможно, нанесенные с целью уплотить конец для выработки в дальнейшем небольшой сланцевой мотыжки или клина (табл. 15, б).

К числу заготовок можно отнести и тонкую отшлифованную сланцевую пластинку трапециевидной формы, основание которой имеет приостренность, не доведенную до стыка двух плоскостей пластинки. Остальные три заготовки представляют собой грубо сформованные бруски.

«Наконечники мотыг» («топорики», «долота»). Так принято называть сланцевые орудия трапециевидной формы с тщательно отшлифованными плоскостями и выпуклым рабочим краем. Коллекция состоит из 49 экземпляров (вместе с крупными обломками). Их можно разделить на определенные группы, связанные между собой переходными признаками. Все они имеют равномерно или слегка асимметрично выпуклые боковые плоскости. Внимательный просмотр этих орудий убеждает нас в том, что не все эти изделия имели одно и то же назначение.

Первую группу составляют крупные плоские трапециевидные орудия (7 экз., из них два во фрагментарном виде, два не закончены обработкой). Высота орудий от 7.5 до 13 см, ширина от 6 до 8 см,¹ толщина до 3 см. Рабочий приостренный край орудий, т. е. нижнее основание их сильно повреждено (особенно у крупных экземпляров) от употребления, следы которого имеют вид сколов, идущих по обеим плоскостям снизу вверх. Боковые плоскости не повреждены (табл. 16, а).

Вторая группа (10 экз.) состоит из орудий примерно тех же размеров (высота от 7 до 10 см), но очертания их больше приближаются к формам высоких трапеций или скорее даже к треугольным. Отношения размеров нижнего основания к длине стороны трапеции выражается здесь в следующих показателях: от 7 см высоты при 4 см ширины основания до 10.5 см высоты при 3.6 см ширины основания. Толщина орудий от 2 до 2.5 см. Рабочие края орудия тоже имеют следы повреждений от употребления (табл. 15, в).

Третья группа — более мелкие трапециевидные формы (12 экз.). Размеры их от 4 см высоты и 3.5 см ширины до 6 см высоты и 3 см ширины, толщина орудий от 1 до 1.5 см (табл. 18, б).

Четвертая группа (7 экз.) представляет собой как бы уменьшенные формы второй группы. Это небольшие орудия, имеющие вид клиньев, тщательно отделанные по плоскостям; едва заметные следы употребления сосредоточены на рабочих концах (на 2 экз., табл. 18, в; табл. 19, б).

Названные четыре группы сланцевых орудий разделены, по существу говоря, только по морфологическим признакам. Однако и эти признаки позволяют предположить различное их назначение.

Каменные топоры-молоты. В предварительном сообщении о материалах из Луки-Врублевской мы опубликовали оригинальный шестигранный фрагмент боевого молота, сделанный из сланца и сохранивший остатки просверленного отверстия для рукояти¹ (табл. 20, б). Аналогичный молот нашла и Т. С. Пассек при раскопках в Поливановом Яру. Кроме шестигранного молота в Луке-Врублевской был найден топор из кремнистого плотного сланца зеленоватого цвета. Топор этот представлен лишь половиной орудия, сломавшегося по сверлине для рукояти. Этот крупный фрагмент очень тщательно отшлифован. Рабочий конец орудия несколько сужен. Обухок орудия не сохранился (табл. 20, в). Другой экземпляр молота из Луки-Врублевской, представленный также крупным фрагментом, отличается своей ладьевидной уплощенной формой (табл. 20, в), сделан из более мягкого сланца светлого цвета. Назначение этих орудий, безусловно, не хозяйственное. Перед нами скорее всего фрагменты боевого оружия, брошенные как непригодные.

Детали сверловочного приспособления. С особым вниманием следует отнестись к этой находке. Она представляет собой ладьевидную сланцевую плитку (длина 8.5 см, ширина 4.5 см, толщина 1.7 см), хорошо помещающуюся в руке (рис. 35; табл. 19, в). В центре плитки с одной стороны имеется глубоко просверленное воронкообразное углубление совершенно определенной формы и с не менее

¹ Ширина дается по нижнему основанию.

¹ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевская... стр. 140, рис. 11.

определенными следами круговой рассверловки, встречающимися только на верхних упорных приспособлениях от ручной дрели. С другой стороны этой плитки тоже имеется аналогичное углубление, но не столь глубокое. Это след вторичного использования плитки, после того как первое углубление было слишком разработано и поэтому не давало нужного производственного эффекта. находка упорной площадки от ручной лучковой дрели представляет собой значительный археологический интерес уже потому, что она является первым случаем выявления механического приспособления для сверления в триполье. О присутствии таких приспособлений в триполье можно было только догадываться по наличию просверленных отверстий в роговых мотыгах, боевых каменных топорах и шильях. Сейчас же мы располагаем фактической находкой, документирующей действительное наличие лучковых дрелей уже в раннем триполье, служивших не только для сверления крупных и мелких отверстий в орудиях и украшениях, но, вероятно, и для добычи огня. Единичность такой находки объясняется, по видимому, тем, что в быту, как правило, пользовались деревянными упорами, центрирующими круговое вращение оси, на которую насаживалось кремневое сверло, и наша деталь от сверла является, таким образом, исключением из установленного технического правила.

В свете находки упорной сверловочной плитки получают еще более определенное истолкование и сами находки кремневых сверл, сохраняющих иногда весьма отчетливые следы сработанности от долговременного кругового вращения (табл. 13, ж, з, и).

Зернотерки. Их присутствие в целом, а еще чаще во фрагментарном состоянии можно отметить почти во всех жилищах Луки-Врублевецкой. Заготовками для зернотерок служили крупные валуны плотного песчаника, продольно рассеченные на две половины. Нижняя поверхность таких заготовок оставалась выпуклой и, видимо, устанавливалась в ямке. На трех экземплярах нижняя плоскость носит отчетливые следы преднамеренной обработки стесыванием с целью уплощить выпуклую поверхность. Эти следы сбитости выглядят в виде ступенчатых фасеток от энергичных горизонтальных сколов. С целью округления краев зернотерок применялось и вертикальное от-

сывание самих краев. Верхняя, собственно рабочая плоскость обычно в большей или меньшей степени вогнута, что является не только показателем длительности употребления зернотерок, но и операции, подготовившей удобное для употребления ложе приспособления. Из восьми найденных в жилище № 5 зернотерок три представлены почти целыми экземплярами, остальные сильно фрагментированы, но размер их в целом виде можно представить себе по величине и радиусу вогнутости. Размеры зернотерок: 1) длина 23 см, ширина 10 см, толщина 7 см; 2) 21×14×6 см; 3) 18×14×4 см; 4) 17×14×4 см; 5) 13×13×6 см; 6) 17×14×7 см; 7) 18×18×7 см; 8) 21×16×5 см.

Растиральные камни тоже представляют собой валуны с отчетливой заполировкой и уплощенностью на одном или двух участках валуна. Из трех найденных растиральных камней только один имеет небольшие размеры (7×6 см при толщине 4 см) и по форме несколько напоминает пест. Два других принадлежат к крупным валунам: один размером 23×20×12 см, другой — 17×15×6 см. Зернотерки и растиральные камни, как известно, не являются редкостью в памятниках триполья и хорошо изучены в больших сериях.

К числу вспомогательного каменного инвентаря может быть отнесена и небольшая песчаниковая плитка (11×8 см, толщина 1,5 см), на поверхности которой ясно вырисовываются мелкие выбоинки, группирующиеся на одном участке плитки — следы употребления в качестве наковаленки. Видимо, это вторичное использование плитки, так как на ней имеются две глубокие бороздки, одна из которых пересекает всю поверхность. Глубокие бороздки являются отчетливым следом попыток разрезания плотной песчаниковой плитки на отдельные.

Каменный инвентарь из Луки-Врублевецкой вполне типичен для раннеземледельческого поселения юго-восточной Европы. Его генетическая связь с трипольскими комплексами совершенно очевидна и выражается в идентичности форм и пропорций орудий с таковыми из других многочисленных трипольских поселений. Однако такое сопоставление может быть и значительно расширено за счет привлечения материалов широкого ареала. С каменными орудиями в виде трапецевидных форм в разных их

вариантах мы встречаемся во всех раннеземледельческих поселениях юго-восточной, центральной, средней и южной Европы. Они представлены большим числом находок в раннеземледельческих памятниках Малой Азии и Среднего Востока. Только одно перечисление местонахождений, где встречены каменные трапециевидные орудия типа мотыг, клиньев, долотцев, может составить объемистую картотеку. Надо сказать, что изучение этих орудий в пределах широкого ареала еще не проведено, тем не менее для отдельных достаточно обширных локальных групп имеются отличные описания и классификации. Пожалуй, лучше всего каменные орудия из раннеземледельческих поселений изучены на материалах средневропейского неолита. В самых общих чертах можно сказать, что раннетрипольские каменные трапециевидные изделия целиком могут быть сопоставлены с европейскими в их широком охвате, так же как и с орудиями, происходящими из южного ареала.

Что же касается изучения следов употребления на этих орудиях, которое дало бы право на твердо обоснованные заключения о назначении орудий, то эта работа почти не проведена. Наша попытка рассмотреть каменный инвентарь из Луки-Врублевской с этой точки зрения с помощью увеличительных приборов дала очень слабые результаты, что является, быть может, и следствием относительно малого количества объектов для изучения. Определения назначения каменных орудий из раннеземледельческих поселений, имеющие хождение в литературе, часто настолько сбивчивы, отвлечены и разнообразны, что в ряде случаев могут носить лишь условный характер. Большинство исследователей придерживается, в зависимости от типологических признаков, следующих определений: топорики, секирки, долота, клинья, стамески, наконечники мотыг. Б. Л. Богаевский расчленяет группу каменных орудий триполья на клинья, топоры, долота, а в приложенной к работе таблице приводит образец мотыги, сделанной из известняка.¹

Примерно в том же направлении классифицирует материал из Кукутен Г. Шмидт. Р. Попов, а вслед за ним и ряд других болгарских исследователей предпочитают обоб-

щающие определения для различных по размерам, а иногда и по формам орудий, называя их топориками. Орудия из Озаринцев М. Я. Рудинский относит к типам секирок и долот. Е. Ю. Кричевский, систематизировавший большой материал по каменному инвентарю из поселений линейно-ленточной керамики и во многом превзошедший и в этом направлении западноевропейских археологов, предложил свои объяснения для отдельных группы кремневого инвентаря. Он полагает, что основная масса изделий трапециевидных форм из мягких пород камня принадлежит наконечникам мотыг, особенно в тех случаях, когда орудия имеют асимметричные боковые плоскости. Больше того, Е. Ю. Кричевский попытался расчленить наконечники мотыг, предназначенных для работ в полевых и огородных условиях, орудия для размельчения комков земли при повторном рыхлении почвы и т. п. Мелкие экземпляры трапециевидных форм, по его мнению, могли употребляться при сглаживании посуды в процессе выделки ее.¹ Нет оснований отрицать правильность определений Е. Ю. Кричевского для орудий крупного и среднего размера, которые по своей форме, размеру и следам изношенности вполне отвечают назначению в качестве наконечников мотыг. Симметричные формы из более плотных чем шифер пород камня могли употребляться и в качестве топориков или секирок хозяйственного и боевого назначения.² Следовательно, каменные орудия из наших первой и второй группы действительно могли быть использованы при сельскохозяйственных работах, например для рыхления тонкоструктурной почвы, какой является украинский лёсс. Эти орудия, возможно, участвовали и в других хозяйственных работах, а также использовались как оружие.

Орудия третьей и четвертой групп едва ли могли применяться к качеству тесел, долот или стамесок, т. е. орудий, испытывающих на себе сильное давление при работе, которое неизбежно вело бы к разру-

¹ Е. Ю. Кричевский. Ранний неолит. . . — Е. Ю. Кричевский. Про відносну хронологію пам'яток трипільської культури. Археологія, т. III, Київ, 1950. — Е. Ю. Кричевский. Орудия труда и система хозяйства культуры линейно-ленточной керамики (Архив Института археологии АН УССР).

² Ср.: В. Хвойко. Каменный век. . . , табл. XVIII, рис. 20.

¹ Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные триполья. Изд. ГАИМК, Л., 1937, табл. II.

шению их. Полагаем, что мелкие экземпляры орудий, особенно тех, которые имеют вытянутую трапециевидную форму, применялись не на коленчатом креплении с рукоятью, а на прямом и служили, быть может, режущим инструментом для мягкого материала, например при раскройке шкур и даже разделке и изготовлении небольших деревянных изделий. Не настаивая на высказанных предположениях, мы еще раз подчеркиваем, что решение о назначении отдельных групп трапециевидных инструментов принадлежит будущему и это будет сделано тем скорее, чем скорее будут изучены они в больших сериях с помощью новой методики наблюдений над следами употребления.

Итак, основная масса каменных орудий, происходящих из раннеземледельческих поселений юго-востока Европы, безусловно, служила утилитарным целям, о чем свидетельствует сама массовость находок их.

Однако в археологическом и этнографическом материале имеются указания на то, что отдельные миниатюрные экземпляры «топориков» могли служить тотемным целям. Одна из небольших секирок, найденная М. Я. Рудинским при раскопках в Озаринцах, определяется им как предмет ритуального назначения или детская игрушка.¹ Сомневаются в практическом назначении изделий из мягких пород камня И. Нестор² и Е. Сецинский.³ Последний рассматривает их как предметы погребального культа, заменяющие трудоемкие в изготовлении кремневые секирки, которые, согласно древнему ритуалу, должны были сопровождать покойника.

Р. Попов, так же как и Е. Сецинский, полагает, что небольшие трапециевидные орудия из мягких пород не имели практического значения, а являлись ритуальными предметами. Один из трех опубликованных Поповым «топориков» снабжен специальным отверстием для ношения его на нити в качестве амулета. Этот «топорик» происходит из Дедо-Горюговата, два других найдены в Мадаре и Султане.⁴ Небольшой каменный

«топорик» с отверстием для привешивания, изданный В. Миковым, происходит из Ловчанска и найден при случайных обстоятельствах. В. Миков оставляет вопрос о значении топориков (религиозном или практическом) открытым.¹ В связи с этими находками особенно интересны модели глиняных топориков без отверстий, обнаруженные, например, в Пристерхюгеле. Можно предположить, что самые миниатюрные каменные изделия из Луки-Врублевецкой тоже служили тотемным целям. Не случайно, что в среде населения Европы сохраняются поверья о целебной силе каменных орудий. Об этом сообщают И. Франко,² Г. Шкорпил,³ Р. Попов⁴ и другие. Возможно, что культовое почитание топора восходит к древнему почитанию секир в раннеземледельческой среде у племен восточного Средиземноморья и занесено в юго-восточную Европу вместе с другими элементами культуры из древних земледельческих областей южного ареала.⁵ Магические представления, связанные с культом топора, предполагают, с одной стороны, исцелительные силы, заключенные в нем, а с другой — функции охранителя, оберега. Последнее наводит на мысль о реальном назначении определенных групп каменных изделий топоров или секирок в качестве боевого оружия.

Мы остановились на кремневом инвентаре из Луки-Врублевецкой более подробно, чем на каменном, лишь потому, что в отечественной, а еще в большей степени в зарубежной литературе нет сколько-нибудь полных сведений о комплексах кремневого инвентаря из ранних земледельческих поселений. Это не пренебрежение к нему, а следствие малочисленности находок. Обычно исследователи ограничиваются скудным типологическим перечислением кремневых форм, не давая развернутого описания их. Исклю-

¹ В. М и к о в ь. Археологически вестн. Известия на Българския археологически институтъ, т. V (1928—1929), София, 1929, стр. 313.

² I. Ф р а н к о. Неолітичні знахідки в околицях Нагуевичі, їх сучасне вживання. Зап. науков. товарищ. ім. Т. Шевченко, т. III, 1911.

³ Г. Ш к о р п и л. Доисторические памятники Болгарии. Зап. Одесск. общ. истор. и древн., т. XIX, 1896, стр. 83—84.

⁴ Р. П о п о в ь. Предисторически култови брадви. . .

⁵ S. N o s e k. Ślady kultów religijnych wschodniej części basenu śródziemnomorskiego w neolicie Polski. Z Otchłani Wieków, вып. XVIII, 11—12, Познань, 1949, стр. 181—182.

¹ М. Р у д и н с ь к и й. Поповгородський вияв. . . , стр. 242.

² J. N e s t o r. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. Бухарест, 1932.

³ Е. С і ц і н с ь к и й. Нариси з історії Поділля. Вінниця, 1927, стр. 36.

⁴ Р. П о п о в ь. Предисторически култови брадви въ България. Юбелеенъ годишникъ на народната библиотека въ Пловдивъ, 1925, София, 1927, стр. 103—108.

чение представляет кремневый инвентарь из Поливанова Яра и Бутмира, нашедший свое отражение в довольно подробных публикациях. Именно в этих памятниках встречено больше всего кремневых изделий. Что касается даже таких выдающихся поселений раннеземледельческих племен, как Сабатиновка, Владимировка, Коломийщина, — у нас в СССР, а также зарубежных поселений, то по наличию в них кремневого инвентаря они значительно уступают Поливанову Яру, Бутмиру и Луке-Врублевецкой. Так, например, в описаниях инвентаря из румынских местонахождений мы постоянно встречаемся с указаниями на бедность их кремневым инвентарем, и это относится даже к таким поселениям, как Бойнан, где в двух местонахождениях найдено всего 245 кремней, в Руджиноазе обнаружено 55 кремней, в Драгушени около 40, в Бонтешти «очень мало», в Фрумушице кремневый инвентарь, как пишет Матаса, — бедный, собрания из Траян и Кунешти тоже очень бедны, так же как из Трудешти и Костешти. В последнем найдено всего 30 кремней. Только Гумельница и Султана дают около 1900 и 2000 кремней, но в этот подсчет включаются ножевидные пластинки вместе с обломками.¹

Обращаясь к болгарским местонахождениям, приходится констатировать примерно такое же положение, т. е. в общем малочисленность в них кремневого инвентаря, при еще большей стандартности и бедности форм, чем, скажем, кремня из румынских поселений. К тому же и воспроизведения кремневых изделий в болгарских изданиях представлены очень скупо. Совершенно аналогичное положение и с публикациями очень небогатых кремневых собраний из других раннеземледельческих поселений Балкан (кроме Бутмира).² Македонские и фессалийские раннеземледельческие поселения, равно как и местонахождения более южных широт (острова восточного Средиземноморья, Малая Азия и Передний Восток), тоже представлены количественно очень небольшими собраниями кремневых изделий, указывающими на то, что производственная роль кремня на ранних этапах истории земле-

дельческих племен южного ареала была все же невелика.

Как бы ни были малы наши сведения о кремневых собраниях из центральной, южной, а также юго-восточной Европы, попытаемся все же рассмотреть кремь из Луки-Врублевецкой на фоне европейского кремневого инвентаря из раннеземледельческих поселений.

К сожалению, мы не имеем возможности произвести аналогичное сопоставление кремневого инвентаря из Луки-Врублевецкой с инвентарем из других современных нашему поселению памятников. В Озаринцах, например, в процессе раскопок кремневых изделий не встречено вовсе, а собранный здесь подъемный материал, в сущности говоря, аморфный.¹ Упоминания о кремнях из других раннетрипольских поселений, рассеянные в различных изданиях, ничего не дают для целей наших сопоставлений. Немного полнее данные о кремне из Сабатиновки. Здесь было найдено 149 кремневых изделий — нуклеусы, отбойники, скребки, проколки и несколько наконечников стрел.² Инвентарь из Сабатиновки может быть вполне сближен с инвентарем из Луки-Врублевецкой. Близость кремневого инвентаря из двух названных поселений выражается не только в присутствии в них ряда одинаковых, с точки зрения морфологических признаков, орудий, но и во всей совокупности приемов первичной обработки кремня, начиная с подготовки нуклеуса и кончая получением заготовок в виде призматических пластинок.

Большое принципиальное значение приобретает превосходная коллекция кремневого инвентаря, добытого Т. С. Пассек

¹ М. Рудинський. Поповгородський вияв. . . , стр. 242.

² Е. Ю. Кричевський. Ранній неоліт. . . , стр. 394. — Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 48. — А. В. Добровольский, изучавший поселение, отмечает в нем большое количество кремневого материала, скопившегося вместе с другими остатками культуры в одном пункте. Кремневый инвентарь, как сообщает исследователь, состоит из скребков, скребел, сверл, пластин, отщепов, нуклеусов и т. п. Найдены также резыцы срединные и боковые и треугольные кремневые наконечники стрел (см.: А. В. Добровольский. Сабатиновское селище. . .). Данные А. В. Добровольского не слишком расходятся с другим сообщением о кремневом инвентаре Сабатиновки (ср.: Археологічні дослідження на території Богусу 1930—1932 р., Киев, 1933, стр. 71—93).

¹ См.: Dacia, II—VIII. — S. Matasă. Frumica. — G. Child. The Danube in prehistory, стр. 41.

² Fr. Fiala, M. Hoegnes. Die neolithische Station von Butmir, т. II.

в поселении Поливанов Яр.¹ Эта коллекция не имеет себе равных среди памятников ранней фазы развитого триполья по количеству и разнообразию кремневого инвентаря. Сопоставляя приемы изготовления кремневых орудий и отдельные формы орудий из Поливанова Яра и Луки-Врублевецкой, можно установить ряд тождественных черт в приемах обработки и использования нуклеусов, присутствие морфологически близких и даже одинаковых форм. В материале из Поливанова Яра, так же как и из Луки-Врублевецкой, имеются призматические и конические нуклеусы, отбойники, ретушоры, концевые скребки, сверла, вкладыши для серпов и т. п. Состав орудий из Поливанова Яра более разнообразен за счет наличия двухсторонне обработанных форм — кремневых секирок или топориков с пришлифованными плоскостями, наконечников стрел и дротиков.

Кроме того, орудия из Поливанова Яра имеют свои специфические черты, отличающие их от орудий из Луки-Врублевецкой. Так, например, у скребков из Луки-Врублевецкой, как правило, ретушью оформляется только рабочий край на конце пластинки, скребки из Поливанова Яра широкое и часто имеют ретушь по длинным краям пластинок. Вкладыши для серпов из Поливанова Яра тоже имеют краевую подретушовку, что свидетельствует об ином положении их в оправе, чем вкладышей для серпов из Луки-Врублевецкой. Заметна также разница в отделке сверл — сверла из Поливанова Яра, в отличие от сверл из Луки-Врублевецкой, обрабатываются, например, плоской ретушью с обеих сторон.

В общем в приемах моделировки орудий наблюдаются черты, меняющие внешний облик их, который во многом напоминает теперь кремневые изделия эпохи бронзы. В памятниках развитого триполья² (Владимировка)³ и позже (Коломийщина) еще удерживаются основные формы кремневого инвентаря, претерпевая лишь малозаметные

внешние изменения, например форма вкладышей для серпов или форма наконечников стрел. Как будто бы и скребки имеют тенденцию к округлости очертаний. Коротко говоря, в технике обработки кремня, в наборе орудий и их морфологических чертах наблюдается генетическая преемственность, идущая от раннего к поздним этапам триполья, хотя во всех этих элементах и отмечаются некоторые видоизменения.

Обратимся к зарубежным памятникам. Кремневый инвентарь румынских местонахождений хотя и состоит, за редким исключением, из небольшого числа изделий, к тому же и воспроизведенных в изданиях весьма несовершенно, тем не менее кажется очень близким к трипольскому. Кремневые изделия из Кукутен и Фрумушницы представляют полную аналогию трипольским, особенно относящимся к развитому этапу. Много общих черт отчетливо прослеживается при сопоставлении кремневых собраний из Бойнан, Гумельницы, Кассиореле, Султан с трипольскими как раннего, так и развитого этапов. Эта общность устанавливается в технике производства и формах орудий. Постоянными компонентами, составляющими серии орудий, являются нуклеусы двух типов — пирамидальные и конические, шаровидные «отбойники», большое число ножевидных пластинок, массовое количество концевых скребков, отдельные экземпляры буравчиков и проколов и, наконец, повидимому, вкладыши для серпов типа вкладышей из Владимировки и Коломийщины, т. е. прямоугольных очертаний с краевой ретушью. Определенное типологическое родство прослеживается и в моделировке наконечников стрел, имеющих треугольную форму со слегка вогнутым или прямым основанием.¹ Несколько более бедный кремневый инвентарь дают болгарские раннеземледельческие поселения (Под-Града, Деве-Берган, Русе, Свети-Кириллово, Султан, пещера Големата, пещера Морвица, Коджа-Дермен, Мадара и др.). В этих поселениях постоянно встречаются нуклеусы, отбойники, ножевидные пластинки, довольно унифицированные концевые скребки и наконечники стрел, преимущественно с прямым основанием. Более редки находки кремневых топориков (Русе, Коджа-Дермен). Сведения

¹ Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950. — Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр.

² Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 102—103, рис. 57—58.

³ Там же, стр. 147, рис. 80; стр. 178, рис. 91, а также: Е. К. Черныш. Трипольские орудия труда с поселения у с. Владимировка. КСИИМК, вып. XL, М., 1951, стр. 85—95.

¹ В Луке-Врублевецкой, как говорилось, найден один наконечник стрелы, быть может, относящийся к жилищу из верхнего горизонта раскопа I:

о кремневом инвентаре из северобалканских раннеолитических поселений очень скудны и не идут дальше перечисления отдельных форм. В наиболее ранних памятниках типа Старчево отмечается наличие орудий на кремневых пластинках — скребков, округлых скребочков, пилкок. На более поздних этапах развития раннеземледельческих племен северных Балкан кремневый и обсидиановый инвентарь не претерпевает заметных изменений. В Бутмире комплекс кремневого инвентаря включает все типы, встречаемые в трипольских поселениях, но он значительно более разнообразен, особенно за счет большого числа высокосовершенных наконечников стрел, в большинстве своем с хорошо оформленным черешком. Такое резкое отличие кремневого инвентаря Бутмира от всех известных собраний из средней, южной и юго-восточной Европы позволяет искать объяснений происхождения его в иных источниках.

В памятниках раннеземледельческих племен, расположенных юго-восточнее Бутмира — на территории Македонии и Фессалии, если судить по сводкам, кремневые собрания исключительно бедны, однако и здесь они в основном состоят из шаровидных «отбойников», пожевидных пластин с краевой ретушью и наконечников стрел часто с прямым основанием, буравчиков и, видимо, пластинчатых вкладышей для серпов (Рахмани, Тсангли).

Еще меньше данных для суждения о кремневом инвентаре дают поселения Малой Азии (Троя — нижние слои, Алишар и др.).

Достаточно типичный и более богатый кремневый инвентарь происходит из раннеземледельческих поселений древнего Востока. В ряде форм близость его к трипольскому вполне очевидна. Так, например, часто отмечаются призматические пластинки, буравчики, концевые скребки. В общем же виде раннеземледельческий инвентарь из ближневосточных местонахождений более разнообразен и в нем проявляется стремление к фигурной моделировке изделий и совершенству формы, например пальчатых вкладышей. Последние не встречаются в трипольских местонахождениях, хотя известны две пластинки с зубчатым краем из Поливанова Яра и одна из Под-Града в Болгарии. Нет достаточных оснований генетически сопоставлять кремневый инвентарь триполья

с инвентарем малоазийских или передне-восточных раннеземледельческих поселений, хотя отдельные формы кремневого инвентаря могли проникнуть в юго-восточную Европу из южных широт. Так, например, способы использования шаровидных конкреций для хозяйственных надобностей могли быть заимствованы из южного ареала и проникнуть в юго-восточную Европу из областей Суэцкая (Хан-Тепе), Месопотамии, Малой Азии.

Со значительно большей уверенностью можно говорить о генетическом родстве трипольских комплексов кремневого инвентаря из поселений, относящихся к разным ступеням развития культуры триполья. Это с одной стороны, а с другой — надо отметить близость трипольского кремневого инвентаря к инвентарю раннеземледельческих поселений юго-восточной и центральной Европы и особенно к инвентарю из местонахождений Румынии и Болгарии.

Вместе с тем кремневые комплексы инвентаря из раннеземледельческих поселений юго-востока Европы могут быть сопоставлены с инвентарем из поселений средней полосы Европы и западноевропейских областей. Для поселений линейно-ленточной керамики Германии и Бельгии является характерной малочисленность кремневого инвентаря и особенно наконечников стрел. Чайльд, например, полагает, что в Дунайской I культуре они вообще неизвестны.¹ Набор кремневого инвентаря из средневропейских поселений обычно состоит из пожевидных пластин, скребков, сверл или проколов и редко наконечников стрел, причем отличительной чертой средневропейского кремневого инвентаря является, с одной стороны, присутствие пережиточных мадленских традиций, например в изготовлении скребков высокого типа (Ганноверские поселения) и резцов, а с другой — мезолитических, выражающихся в наличии трапецевидных вкладышей, при общем стремлении к микролитизации орудий (Брауншвейгские, Ганноверские поселения, Фломборн, Хинкельштейн, поселения в Бельгии).

Применение тех или иных кремневых изделий, естественно, возникало из хозяйственных потребностей в определенных видах орудий. В эпоху триполья на обширных

¹ G. Childe. The Danube in prehistory, стр. 41.

территориях юго-восточной Европы сложились во многом одинаковые формы хозяйства с примерно одинаковым уровнем техники в производстве орудий труда. Это подтверждается близостью, а иногда и тождеством кремневых орудий из местонахождений, разделенных значительными пространствами. То же самое, пожалуй, еще ярче подчеркивается количественным учетом отдельных кремневых форм в раннеземледельческих памятниках. Такой подсчет в пределах доступности дается нами для скребков.

В собрании кремневых изделий из Луки-Врублевецкой основное место занимают скребки. Они составляют 76% к числу орудий и 50% к общему числу изделий, включая нуклеусы, ретушоры, т. е. формы, связанные с обработкой кремня, но без ножевидных пластин. В Поливановом Яру только в одном жилище найдено свыше 300 кремневых орудий, включая все виды изделий, в том числе и ножевидные пластины. Скребкам принадлежит здесь более 35% (106 экз.).¹ Во Владимировке, второй по численности группой орудий, представленной в инвентаре владимирского поселения, является группа скребков² (второй после различных ножевидных орудий, — С. В.). Для раннеземледельческих памятников Румынии, из-за отсутствия уточненных подсчетов по всем видам кремневых изделий, в общем такové привести трудно. Привлекая материалы из поселений, в которых сделаны массовые находки кремня, все же можно уяснить себе место скребков по их количеству в коллекциях. Так, например, в Султане, как отмечает Андришеску, найдено очень большое количество скребков, по численности находок они следуют за ножевидными пластинами.³ В Гумельнице, по данным Думитреску, на 1900 кремневых изделий, включая ножевидные пластины и нуклеусы, приходится 284 скребка, составляющих основную и большую часть кремневых орудий.⁴ В болгарских местонахождениях о численном превосходстве скребков над всеми другими видами орудий, кроме ножевидных

пластин, можно судить по комплексу из Подграда, где найдено 50 ножевидных пластин и 30 скребков, другие формы кремневых изделий встречены в единичных экземплярах.¹ В Коджа-Дермене и Салмановском поселении, как отмечает Р. Попов, скребки находили в изобилии.² И, наконец, в Бутмире скребки составляют 63% к общему числу неполированных кремневых изделий, без ножевидных пластин.³

Из приведенных данных можно сделать заключение о постоянстве численного преобладания скребков над другими видами орудий из раннеземледельческих поселений широкого территориального охвата. Это в свою очередь не может не указывать на единство и большое значение определенных хозяйственных отраслей, связанных с применением этого орудия, быть может, не только в качестве собственно скребка, т. е. инструмента для обработки кожи, но и в более универсальном его применении, как режущего и скоблящего орудия, в том числе для обработки дерева.

Рассмотрим теперь кремневый инвентарь триполья с точки зрения его происхождения. Имея в виду то обстоятельство, что кремни из Луки-Врублевецкой представляют в большом собрании пока наиболее ранний трипольский комплекс, мы отнесем к ним с особым вниманием. Но прежде чем изложить нашу концепцию по поводу происхождения кремневого инвентаря Луки-Врублевецкой, рассмотрим гипотезу Е. Ю. Кричевского, высказанную им в связи с вопросом о происхождении кремневого и каменного инвентаря триполья. По мнению Е. Ю. Кричевского, кремнеобрабатывающая техника и отдельные формы орудий триполья во многом наследуют микролитические традиции. Автор полагает, что кремневый инвентарь триполья генетически продолжает мезолитическую технику, а каменные орудия — мотыги, тесла, долотца и т. п. — в своем происхождении восходят к макролитическим формам раннего неолита.⁴ Таков основной тезис гипотезы Е. Ю. Кричевского, тезис, разработанный им же и для кремневого

¹ Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр, стр. 53. (Процентный индекс подсчитан нами по публикации, — С. В.).

² Е. К. Черныш. Трипольские орудия труда с поселения у с. Владимировки, стр. 92.

³ Dacia, I, стр. 66.

⁴ Dacia, II, стр. 48.

¹ Известия на Българското археологическо дружество, т. III, София, 1912, стр. 97—98.

² Там же.

³ Fr. Fiala, M. Hoernes. Die neolithische Station von Butmir, т. II, стр. 38.

⁴ Е. Ю. Кричевский. Ранний неолит...

и каменного инвентаря поселений линейно-лепточной керамики средней Европы.¹

Каковы же те элементы, которые позволяют исследователю проводить генетическую линию между кремневым инвентарем триполья и микролитическими орудиями эпохи мезолита? Е. Ю. Кричевский обращает внимание на присутствие в кремневых комплексах типа Кукутен трапециевидных скребков, ретушированных по трем краям,² скребков на укороченных пластинках и овальных отщепов, массивных скребков и долотоподобных острий из нуклеидных отщепов и резцов в Сабатиновке.

Все названные Е. Ю. Кричевским категории орудий остаются далеко не бесспорным свидетельством связи их с микролитической техникой мезолита. В них отсутствует самый типичный инвентарь — геометрические формы, т. е. сегменты, трапеции и их дериваты. Концевые скребки, нуклеидные скребки, острия-проколки или буравчики вовсе не выявляют таких специфических черт, которые могли бы быть определены только как мезолитические. Скорее в этих орудиях легче выявить те признаки, которые характеризуют позднелеолитическую технику (например, скребки, нуклеидные формы). Что касается трапециевидных скребков с отретушированными тремя краями из Кукутен, то в них трудно угадать вкладыши для серпов.

В поисках исходного кремневого инвентаря, объясняющего происхождение трипольских комплексов, Е. Ю. Кричевский опирается на находки отдельных микролитических форм в Подолии. Он указывает на находку трапециевидного микролита на Малиновом Поле недалеко от Сабатиновки,³ а также микролитоподобного орудия из Ярышева. К названным Е. Ю. Кричевским орудиям можно добавить трапециевидный микролит, найденный нами на Белой горе близ Студеницы, и аналогичную же находку, из Негинской пещеры (Каменец-Подольский район), встреченную нами в отложениях пещеры вместе с костями

быка. Один трапециевидный микролит найден и в Шипенцах.¹ Интереснейшие сборы типичных микролитов трапециевидных очертаний были сделаны В. Н. Даниленко на южном Буге в районе Мельничной Кручи и Саврани. Здесь в дотрипольском комплексе вместе с микролитами встречена и архаическая керамика.² Несколько пунктов с микролитическим инвентарем, правда, очень слабо выраженным, известно и на территории Румынии в бассейне Ольта.³ В Болгарии, как и в большей части центральной Европы, поселения с микролитическим инвентарем не встречаются. Мы не знаем микролитических поселений в средней и северной полосе правобережной Украины, дающих геометризованный кремневый инвентарь хотя бы в небольших сериях. Зато такие изделия хорошо известны по сборам А. В. Добровольского и М. Я. Рудинского в районе порожистой части Днестра, а еще южнее из раскопок В. Н. Даниленко стоянки у Красного Озера на Мелитопольщине. Далее, на восток от Днестра многочисленные сборы микролитического инвентаря происходят из стоянок на Донце (собрания Н. В. Сибилева). Ближайшими территориями, где распространены мезолитические поселения с микролитическим инвентарем, к северу и северо-западу от интересующей нас области юго-восточной Европы являются Повисленье и западное Побужье, а западнее — северная Венгрия, западная Чехословакия и южная Германия. Таким образом, центральная Европа и вся юго-восточная Европа вместе с Балканским полуостровом оказываются зоной, где мезолитические поселения либо отсутствуют вовсе, либо представлены иным, не микролитическим инвентарем. Нет никаких оснований предполагать, что отсутствие мезолитических поселений с микролитическим инвентарем в столь широком ареале, который мы только что обрисовали, является результатом недостаточной изученности этой территории. Такое предположение не соответствует истинному положению дела. Следует помнить, что мезо-

¹ Е. Ю. Кричевский. Орудия труда и система хозяйства культуры линейно-лепточной керамики. — Е. Ю. Кричевский. Основные вопросы развития средневропейского неолита. Тезисы доклада, Изд. АН СССР, 1936, стр. 1—3.

² Н. Schmidt. Cucuteni, табл. 26, рис. 8—10.

³ Е. Ю. Кричевский. Ранний неолит. . . , стр. 394.

¹ G. Child. Schipenitz, a Late neolithic station with painted pottery in Bukowina. Journal of the Royal Anthropol. Inst. of Gr. Brit. a. Irel., т. LIII, 1923.

² В. Н. Даниленко любезно ознакомил нас с собранным им материалом.

³ C. S. Nicolaescu. Plopsor. Industries microlithiques en Oltènie. Dacia, VII—VIII (1937—1940), Бухарест, 1941.

литические (эпипалеолитические) поселения чаще всего располагаются группами и занимают плато возвышенностей или дюнные приречные всхолмления. Они обнаруживаются очень легко и потому, что культурные остатки залегают неглубоко, в почвенном или подпочвенном слоях, которые часто разрушаются под действием внешних влияний — дождей, талых вод, ветра. Несостоятельность предположения о недостаточной изученности, например, Среднего Поднестровья подтверждается и тем, что здесь уже известно значительно более 150 поселений с инвентарем позднепалеолитического облика. Однако из всей этой массы поселений мы не сможем выделить ни одного с инвентарем, типичным для микролитического мезолита.

Характерно, что подавляющее большинство так называемых позднепалеолитических памятников Поднестровья обнаруживаются так же на поверхности почвы, как и мезолитические местонахождения, например, на Донце или в нагорной части Крыма.

Можно считать установленным, что отсутствие микролитического мезолита на обширных территориях центральной и юго-восточной Европы не случайно, а является следствием иного хозяйственного развития племен, населивших эту территорию. Отдельные же находки микролитического инвентаря в Подолии или на Ольте, если они даже и несколько приумножатся в ходе дальнейших полевых исследований, нужно рассматривать как результат проникновения сюда подвижных охотничьих племен с территорий, близких к капсийским, или из других областей, у которых в мезолитическую эпоху бытовал микролитический инвентарь — будь то племена средней Европы или средней полосы западных областей Восточной Европы. В свете изложенного гипотеза Е. Ю. Кричевского о преемственности черт трипольского кремневого инвентаря от микролитического оказывается уязвимой в главной части своего построения, т. е. в стремлении перенести эволюционную схему развития и сложения раннеземледельческой кремневой техники средней Европы от позднейшего палеолита через мезолит с микролитическими тенденциями в ранний неолит с его макролитическими формами, трансформировавшимися затем в кремневые и каменные орудия триполья. К последним мы еще вернемся в дальнейшем изложении.

Если трудно согласиться с предположением Е. Ю. Кричевского о генетической связи кремневого инвентаря триполья с микролитическим инвентарем мезолитического времени, так как он отсутствует в Подолии, то следует попытаться выявить генетические нити трипольской кремневой техники, связывающие ее с местной позднепалеолитической и мезолитической техникой, не знавшей микролитического инвентаря.

Б. Л. Богаевский, специально занимавшийся производственным инвентарем триполья, составил сводку кремневого инвентаря, правда, далеко не полную, и пытался определить назначение отдельных кремневых форм.¹

Справедливость требует сказать, что работа Б. Л. Богаевского во многом проигрывает от случайности в подборе материалов, неисторичности освещения его и порой даже дилетантизма, проявляющегося в описании и особенно в определении функций орудий.

Несмотря, однако, на эти и другие недостатки, Б. Л. Богаевский сделал едва ли не первую попытку как-то обобщить сведения об орудиях труда эпохи триполья. Б. Л. Богаевскому при этом удалось подметить две технические традиции, выступающие в собраниях орудий труда из трипольских памятников: с одной стороны — архаическую традицию, сказавшуюся в изготовлении различных форм скребков, ножевидных пластин, проколов, продолжающих, как говорит Б. Л. Богаевский, «в ослабленной форме позднепалеолитические и послепалеолитические традиции», а с другой стороны — изготовление орудий труда с помощью шлифования камня, свидетельствующее о развитой неолитической и энеолитической технике.

Вообще говоря, архаические традиции в триполье, восходящие к технике палеолитического времени, глухо отмечали и другие авторы, касавшиеся кремневого инвентаря трипольского возраста. Однако эти заключения не шли дальше отдельных типологических сопоставлений и не распространялись на серии орудий.

Обратимся к тем сопоставлениям, которые оттеняют некоторую историческую преемственность в развитии кремневых форм.

¹ Б. Л. Богаевский. Орудия производства. . . , стр. 119.

Для позднейших фаз палеолита характерны призматические и конические нуклеусы, ограниченные довольно ровными продольными фасетками. На ближайших территориях, примыкающих к бассейну Днестра, мы встречаем их в собраниях из Студенцы, Сокола,¹ Марьяновки II, Горошковой Горы,² т. е. в тех местонахождениях, которые датируются нами временем от позднего мадлена до азия. К востоку и юго-востоку те же типичные нуклеусы можно отметить в кремневом инвентаре Смячки и Кирилловской стоянки (верхний горизонт),³ Журавки,⁴ а также Чулатово II, Амвросиевки, Кайстровой балки и Якимовской балки.⁵ Из южных стоянок укажем на ядрища из позднейших палеолитических стоянок Крыма, еще не перешедших по времени азийский возраст (Шан-Коба — нижний слой,⁶ Бурач-Кая — нижний слой, Замиль-Коба и др.).

Не следует умножать приведенных примеров материалами со слишком отдаленных территорий, укажем лишь на присутствие нуклеусов, аналогичных нуклеусам из Луки-Врублевцевкой, в стоянках Кавказа⁷ или Подонья.⁸ К западу от бассейна Днестра мы наблюдаем ту же картину на стоянках

бассейна Прута, внутренней Румынии¹ и Польши.²

Таким образом, нуклеусы из Луки-Врублевцевкой в основных чертах проявляют разительное сходство с нуклеусами из стоянок позднейшего палеолита Русской равнины, горных местонахождений и стоянок западных территорий. К тому же они больше похожи на нуклеусы из стоянок мадлено-азийского времени, чем на тарденуазские. Однако типологическое сходство их не ограничивается только внешними признаками. Приемы использования нуклеусов тоже имеют общие черты. На табл. 3 изображены поперечные сколы от верхней части нуклеусов, т. е. сколы «оживления» нуклеуса. Этот прием повторной подготовки ударной площадки очень характерен именно для позднего и позднейшего палеолита и отнюдь не типичен для техники обработки камня более поздних эпох. Следовательно, и в этом техническом приеме нетрудно увидеть еще бытующую палеолитическую традицию.³ Далее, позднепалеолитические традиции в обработке кремня сказываются в почти исключительном применении призматических пластинок с односторонней техникой отделки их. Даже такие необходимые в земледельческом хозяйстве орудия, как вкладыши для серпов, не подвергаются обработке двусторонней плоскостной ретушью, как это наблюдается в южных ареалах, начиная с развитого неолита, а в Подолье — с эпохи бронзы (серпы подольского типа).

Не задаваясь целью исчерпать сравнительный материал для других способов обработки кремня в Луке-Врублевцевкой, что может явиться предметом специального исследования, скажем только, что в приемах вторичной обработки, т. е. нанесения ретуши тоже имеет место сходство палеолитической ретуши с ретушью на кремневых изделиях из Луки-Врублевцевкой.

Еще больше раскрывается палеолитическая традиция на кремневых орудиях

¹ М. Рудинський. З матеріалів до вивчення предісторії Поділля. — М. Рудинський. З матеріалів Дністрянської експедиції 1945 р. (палеолітичні стоянки Сокол, Китайгород, Колодаківці). Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949. — Сборы Среднеднепровской экспедиции 1940 г. на Белой Горе, Бакоте, Горошковой Горе (Е. Ю. Кривчик, С. Н. Бибиков; материал хранится в ИИМК АН СССР).

² С. М. Бибиков. Верхнепалеолітичні знахідки...

³ П. И. Борисковский. Кирилловская палеолитическая стоянка. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 2, М.—Л., 1941.

⁴ М. Рудинський. Досліди в Журавці. Антропологія, т. II (1928), Київ, 1929. — М. Рудинський. Журавці. Антропологія, т. III (1929), Київ, 1930.

⁵ Палеоліт і неоліт України. Київ, 1947 (статья Д. З. Галича, А. Н. Рогачева, В. М. Евсеева).

⁶ С. Н. Бибиков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. Сов. археол., т. I, 1936.

⁷ С. Н. Замытнин. Пещерные навесы Мгвимени, близ Чнагуры. Сов. археол., т. III, 1937. — М. Паничнина. К вопросу о верхнем палеолите в Армении. Изв. АН Армянск. ССР, № 7, 1948, стр. 67—79.

⁸ П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 2, 1941.

¹ N. Mogoşan. Le pléistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. Annarul Institutului Geologic Romaniei, т. XIX, Бухарест, 1938.

² S. K u k o w s k i. Paleolit. Prehistoria Ziemi Polskiej. Encyklopedia Polska, т. IV, Краков, 1939—1948.

³ К статье, сколы «оживления» редко отмечаются в публикациях, хотя они и составляют один из компонентов палеолитических собраний. Очень типичные сколы «оживления» даны в работе М. Я. Рудинского «Досліди в Журавці» (стр. 109, фиг. 5, рис. 4).

из Луки-Врублевецкой при сопоставлении их с орудиями позднейшего палеолита. В коллекции из Луки-Врублевецкой можно выделить ряд типов, морфологически и функционально вполне отвечающих обычным позднепалеолитическим кремневым изделиям. К ним относятся отжимники, пластинки со скошенным краем, короткопильные острия или сверла, проколки с симметричными и асимметричными жальцами и, наконец, самая большая группа орудий — скребки. Все перечисленные типы орудий мы постоянно встречаем в позднемладенских и азийских местонахождениях, и опять таки эти группы орудий более характерны для мядлено-азийских поселений, чем, скажем, для тарденуазских. Например, в собрании из Луки-Врублевецкой нет не только геометрических форм даже в самой небольшой серии, но и весьма распространенных в тарденуазе маленьких округлых скребков. К тем поселениям, которые мы назвали в связи с вопросом о сходстве нуклеусов, можно добавить не один десяток позднепалеолитических местонаждений, где встречены те же типы кремневых изделий, которые выше отмечены для Луки-Врублевецкой.

Для наших сопоставлений особый интерес приобретают позднепалеолитические и мезолитические памятники Поднепровья.

П. П. Ефименко, изучавший материал из ряда палеолитических местонаждений бассейна Днестра, пришел к заключению, что на этой территории палеолитические племена вплоть до позднейших этапов своего развития сохранили в технике обработки кремня верхнепалеолитические черты.¹ Затем и мы пришли к такому же заключению, использовав более широкий материал, накопившийся уже после работ П. П. Ефименко.² В последнее время А. П. Черныш обследовал десятки палеолитических поселений на Днестре. Собранный им материал подтверждает положение П. П. Ефименко.³ На всех этапах развития палеолита на Днестре, в пределах верхний палеолит — поздний палеолит или мезолит можно на-

блюдать далеко не ясно выраженные признаки изменений в кремневом инвентаре. Позднейшая пора палеолита или, точнее говоря, мезолитическое время представлено на Днестре значительным числом местонаждений — Горшковая Гора, Марьяновка II, Врублевцы I, а также же рядом поселений в Кельменецком районе Черновицкой области, разрытых и обследованных А. П. Чернышом.¹ Кремневый инвентарь из этих поселений всегда содержит архаические формы, знакомые нам по верхнепалеолитическим поселениям, — нуклеидные изделия, древние типы резцов, пластинки и т. п. Вместе с тем здесь же встречаются и позднепалеолитические формы нуклеусов, например с поперечной боковой подретушировкой, концевые скребки на узких пластинках или еще чаще на укороченных пластинках подтреугольной формы, проколки с несколько изогнутым удлинненным или коротким жальцем и т. п. Такое сочетание архаичных форм вместе с позднепалеолитическими легко вводит в заблуждение при попытках датировать комплексы и порождает разногласия в датировках, которые совсем не редки по отношению к днестровскому материалу. Как бы ни относиться к тем или иным датировкам отдельных комплексов, необходимо все же признать, что в позднепалеолитическом и мезолитическом инвентаре отсутствуют, во-первых, геометрические микролиты и, во-вторых, наконечники стрел в сколько-нибудь выраженных сериях. Нам представляется, что кремневый инвентарь Луки-Врублевецкой сохраняет именно традицию мезолита с архаическими чертами, отмеченными в самой технике и в отдельных формах. Позднепалеолитические приемы в обработке кремня и изготовлении орудий, восходящие к мезолиту с архаическими палеолитическими чертами и бытовавшие в земледельческо-скотоводческой среде, отнюдь не были явлением бесполезного и уже отжившего пережитка. Наоборот, это явление было твердо обусловлено большой значимостью охоты в экономике общества, оставившего следы своей культуры в Луке-Врублевецкой. Даже в самом факте того большого удельного веса, который имела охота у раннеземледельческих племен (Лука-Врублевецкая, Сабатиновка), нетрудно узнать древ-

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 397.

² С. М. Бибиков. Верхнепалеолитич. находки...

³ А. П. Черныш. Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

¹ Там же.

нейшую форму хозяйства, еще далеко не утравившую своего экономического значения в земледельческо-скотоводческом обществе раннего триполья.

Мы указали на родство техники обработки кремня и некоторых кремневых изделий из Луки-Врублевцевкой с мезолитическими кремневыми собраниями, происходящими из поднестровских местонахождений. Хотелось бы отметить и другой, статистический факт, возможно, также подчеркивающий генетическое родство хозяйственного уклада мезолитического общества с раннетрипольским, правда, в ограниченной сфере производства. Мы имеем в виду использование скребков. Количественное сопоставление скребков из разных раннеземледельческих поселений юго-востока Европы, данное нами выше (стр. 100), показало определенное сходство хозяйственного уклада у племен широкого территориального охвата. С известным ограничением, регламентированным недостатком статистических данных или малочисленностью коллекционных сборов, можно сопоставить количественное соотношение скребков и других видов орудий на памятнике позднейшего палеолита или мезолита Поднепровья. В Вороновице I скребки (10 экз.), видимо, преобладают над другими типами орудий и поставлены А. П. Чернышом на первое место перед резцами. В Соколе I из 800 кремневых находок нуклеусов было 75, пластинок 300, скребков 47, резцов 24; в Соколе II на 500 находок нуклеусов было 42, скребков 17, резцов 9. В других местонахождениях, представленных значительно меньшими собраниями, в потому не отражающих объективной статистической картины, соотношение между резцами и скребками или равное, или близкое к равному.¹ Как видно из приведенных данных, в больших сериях кремневых находок на первом месте по количеству стоят скребки, затем следуют резцы и далее — единичные формы орудий. В сериях кремневых изделий позднейших палеолитических стоянок Поднепровья очень обильно представлены нуклеусы и пластинки. Не указывают ли эти статистические сведения на преемственность некоторых черт в кремневой технике триполья, идущих от мезолитической эпохи? В какой-то

мере находка резцов в Луке-Врублевцевкой и Сабатиювке тоже свидетельствует о сохранении здесь мезолитических черт в кремневом инвентаре.

Во всем сказанном важно подчеркнуть, что в кремневом инвентаре раннего триполья еще живут позднепалеолитические традиции, истоки которых следует искать в местных условиях быта охотничьих племен эпохи мезолита, сохранивших в производстве кремневых орудий архаические особенности верхнепалеолитической техники.

Такой процесс преемственности развития кремневой техники отнюдь не представляет узко локального явления, отмеченного только для Среднего Поднепровья. Его можно наблюдать, анализируя кремневые собрания из поселений верхнего или позднего палеолита, мезолита и раннеземледельческих поселений юго-востока Европы и на значительной части центральной Европы. К сожалению, днепровские палеолитические местонахождения, как правило, не содержат фаунистических остатков и датируются по кремневым комплексам. Тем интереснее для нас многослойное поселение Станца Рипичени на Пруте, содержащее палеолитические остатки от ориньяка до мадлена включительно. Любопытно, что два нижних горизонта отложений и средний солютрейский слой содержат примесь ископаемой фауны (например пещерная гиена, северный олень). Верхний же мадленский слой представлен только костями лошади. Можно предположить, что здесь имеет место длительное бытование архаического кремневого инвентаря вместе с фауной современного геологического возраста. Следовательно, мадленский слой Станца Рипичени скорее относится к мезолитической поре.¹

Не случайно, например, то заключение, к которому пришел В. Милойчич, установивший наиболее древнюю земледельческую культуру на северных Балканах, именуемую «Старчево» (культура, предшествующая нижним напластованиям Вичи). Не установив генетического родства этой культуры в местной среде, Милойчич, правда, глухо, отметил, что ориньякская культура на Балканах доживает до самых поздних этапов верхнепалеолитического времени и из нее,

¹ Извлечения из статьи А. П. Черныша «Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре» (стр. 32—38).

¹ N. M o r o ç a n. Le pléistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est., стр. 13—26. (На это место в книге любезно указал мне П. И. Борисковский).

может быть, происходит мезолитическая традиция.¹

Таким образом, и в этой области европейского континента верхнепалеолитические традиции в технике обработки кремня впадают в мезолит, в котором не вызревают микrolитические формы, так же как не является микrolитическая техника. Столь своеобразный мезолит с архаическими позднепалеолитическими чертами, повидимому, охватывает здесь всю неолитическую пору и сближается во времени с раннеземледельческими культурами.

Мы не хотели бы быть неправильно понятыми в том смысле, что кремневый инвентарь данного поселения тождествен инвентарю из позднейших палеолитических или мезолитических местонахождений. Речь идет только о сходстве некоторых кремневых форм и технических приемов обработки кремня. Поэтому здесь мы говорим лишь о сохранении традиций в уже иной производственной среде, где имели место и новые орудия труда, и новые способы обработки кремня, постепенно еще больше видоизменяющиеся в ходе дальнейшего исторического развития трипольских племен. Таким образом, кремневый инвентарь из Луки-Врублевецкой раскрывает ту местную автохтонную линию развития кремневой техники, которая идет от мезолита и еще не растворилась в комплексе других элементов культуры, пришедших из южных широт. Эти соображения параллельны тем, какие высказывались нами относительно жилищ Луки-Врублевецкой.

По-иному стоит вопрос о происхождении каменного инвентаря раннего триполья.

В 1927—1928 гг. М. Я. Рудинский совершил маршрутную поездку по Днестру от Каменец-Подольского до Могилева-Подольского. Эта поездка принесла обильные сборы археологического материала с разных по времени памятников. Многочисленными оказались сборы и с так называемых макролитических поселений раннеолитического возраста, как определил их М. Я. Рудинский. Он дал описание пунктов, где были сделаны находки, классификацию кремневых собраний и установил территориальную

группировку их.¹ В дальнейшем сборы М. Я. Рудинского значительно пополнились днепровским и южнубугским материалом.

В 1940 г. Е. Ю. Кричевскому совместно с нами удалось частично повторить маршрут, проделанный М. Я. Рудинским, дополнить его сборы и разыскать новые пункты «макролитических» поселений. Уже тогда Е. Ю. Кричевский, занимавшийся специально проблемами неолита, присоединился к заключениям М. Я. Рудинского о возрасте «макролитических» находок² и положил их в основу своей гипотезы о происхождении каменного инвентаря из трипольских местонахождений. По мнению Е. Ю. Кричевского, привлеченного большой сравнительный материал из европейских поселений, каменный инвентарь триполья с его типичными трапециевидными односторонне выпуклыми или симметричными наконечниками мотыг, теслоподобными и долотообразными орудиями восходит в своем происхождении к кампиньским формам «пик» и «транше».

Массовый инвентарь «макролитических» поселений Подолья Е. Ю. Кричевский и определяет как кампиньский, предшествовавший трипольскому. Совместное нахождение трипольской керамики с «макролитическим» инвентарем автор объясняет тем, что раннеолитические племена и трипольские землеробы в бассейне Днестра жили на одних и тех же местах, и выбор этих мест (обычно плато возвышенностей) обуславливался интересами земледелия.

Автор в следующем виде представляет себе исторический процесс в Поднестровье на отрезках времени мезолит—ранний неолит—триполье. Мезолитическое общество с его установившимся охотничьим хозяйством сменяется ранним неолитом в связи с переходом к мотыжному земледелию. В результате постепенного развития последнего, при значительном уменьшении хозяйственной роли охоты и рыболовства возникает триполье с его земледельческой системой хозяйства. Е. Ю. Кричевский пишет:

¹ М. Рудинський. З матеріалів до вивчення предисторії Поділля.

² Т. С. Пассек ошибочно приписывает и мне точку зрения Е. Ю. Кричевского, хотя я не разделял ее (см.: Т. С. Пассек. Древнейшее население Днепровско-Днестровского бассейна. Сов. этнограф., VI—VII, 1947, стр. 22; ср.: С. Н. Бибиков. Культура палеолита и раннего неолита в Среднем Поднестровье, стр. 51. — С. М. Бібіков. Верхньопалеолітичні знахідки... стр. 294).

¹ V. Milojević. South-Eastern elements in the prehistoric civilization of Serbia. The Annual of the British School at Athens, № XLIV, Лондон, 1949, стр. 286, 297.

«Сколько больших изменений должен был пройти „макролитический“ комплекс орудий труда раннеземледельческих поселений для того, чтобы претвориться в „трипольский“. Но эти изменения были не более значительными, чем те, которые в свое время переформировали „микролитический“ комплекс в „макролитический“».¹

«Трипольская культура имеет ту же кампийскую основу, что и культура ямочно-гребенчатой керамики и, очевидно, в основном одновременна с ней».²

Таким образом, в тезисе Е. Ю. Кричевского опять выступает стремление проследить автохтонность процесса развития трипольского общества, генетически связать историю возникновения его с местным ранним неолитом типа кампийны, с макролитическими тенденциями. Это предположение составляет вторую часть гипотезы Е. Ю. Кричевского о происхождении орудий труда в триполье. Первая часть гипотезы касалась кремневого инвентаря и рассмотрена нами выше.

Работая над археологическими собраниями в Киевском историческом музее в 1940 г., мы ознакомились с огромными по численности кремневыми коллекциями, происходящими из местонахождений бассейна Днестра и отчасти южного Буга.³

Собрание это составлено трудами главным образом М. Я. Рудивского или по его

¹ Е. Ю. Кричевский. Ранний неолит. ... стр. 391.

² Там же, стр. 379.

³ Привожу список просмотренных коллекций:

- 1) Аютгевка, 2) Бакота, 3) Баговица, 4) Борщивцы,
- 5) Вахневцы, 6) Врублевцы, 7) Воеводичины,
- 8) Велика Мукша, 9) Вила Рузска, 10) Глыбочина,
- 11) Губарев, 12) Губка-Лагонивська, 13) Дымшин,
- 14) Дерневка, 15) Дурвякивцы, 16) Дорошевка,
- 17) Загоряны, 19) Зелены Куриловцы, 20) Ивахины,
- 21) Кориленка, 22) Калюс, 23) Калачковцы,
- 24) Карачковцы, 25) Китай-город, 26) Когодиевка,
- 27) Канива, 28) Кудлаевка, 29) Кудинское городище,
- 30) Кривчик, 31) Копыривка, 32) Летичев,
- 33) Лука-Немировска, 34) Лядова, 35) Лоевцы,
- 36) Малиновецкая слободка, 37) Мершинцы,
- 38) Марьяновка, 39) Милятини, 40) Меджибож,
- 41) Мивьковцы, 42) Малые Вермены, 43) Монастырище,
- 44) Могилев, 45) Нефедивцы, 46) Нагоряне,
- 47) Немия, 48) Немиров, 49) Ново-Константинов,
- 50) Озаринцы, 51) Отроки, 52) Печера, 53) Перепелинцы,
- 54) Патрицы, 55) Рудня Озарянска, 56) Рогизна,
- 57) Рутковцы, 58) Русиньовка, 59) Севериньовка,
- 60) Сокил, 61) Ставница, 62) Старые Катюжане,
- 63) Сырватинцы, 64) Студенки, 65) Ст. Ущица,
- 66) Слобода Подлисевска, 67) Студеняца,
- 68) Теклинка, 69) Флиманда, 70) Ханькивка,
- 71) Черча, 72) Юрковцы, 73) Яцкивцы, 74) Яришов.

инициативе. В большинстве своем коллекции представляют сборы подъемного материала, состоящего преимущественно из отбросов кремнеобрабатывающего производства. Просмотр коллекций убедил нас в том, что в значительной части их среди очень малочисленных орудий имеются объекты, отнюдь не характерные для раннего неолита. Ни в одном собрании не встречено сколькибудь заметных серий типичных ранне-неолитических форм. Зато мы обнаружили там кремневые орудия с пришлифованными плоскостями. В большинстве это фрагменты секирок или топориков, но среди них, правда, очень редко, встречались и целые экземпляры, например, в собрании из Бакоты, Билой Горы, Старой Ущицы (на Пижемской Горе) и Лукьянцев. Те же кремневые секирки, клинья или топорки мы неоднократно находили на некоторых из уже указанных местонахождений, а также и на других между Каменец-Подольским и Бакотой. Пока еще никто специально не занимался вопросом о границах их распространения; не нашли они своего места и в эволюционном ряду развития техники обработки камня. Тем не менее можно указать на наличие этих орудий в памятниках развитого и позднего триполья. Небольшая секира с пришлифованным лезвием из Стини (Подолье) хранилась в Историческом музее в Киеве, крупный клин из гранита со шлифованным лезвием найден в Томашевке (Уманщина),¹ такой же клин, но кремневый, происходит из Веремья (Поднепровье). В позднетрипольских комплексах Городска найдены секирки с пришлифованными, как обычно, ближе к лезвию, плоскостями и самим лезвием.² О подобной секире говорит и М. Л. Макаревич как о случайной находке у села Раковичи, приводя как параллель ей находку на Червонной Горе в Городске.³

¹ Коротке звітчення Всеукраїнського археологічного комітету за 1926 р. Киев, 1927, стр. 61, табл. 4, рис. 5.

² Трипільська культура, т. I, 1940, стр. 356, 420, 427, 447.

³ М. Макаревич. Випадкові знахідки в с. Раковичах Радомиського району Житомирської області. Археологія, т. I, Киев, 1947, стр. 175, 176, рис. 1, 2. В Збранке (Житомирська область) наряду с кремневим подшлифованим топориком и другими крупными орудиями встречены трапециевидные микролиты, наконечники стрел с черешком и т. п. Полагаю, что тут имеет место смешение разновременного материала. Наличие микролитов здесь вполне допустимо, так как граница распростране-

В альбоме Ханенко дано несколько экземпляров кремневых секир-топоров с пришлифованными лезвиями, происходящими из разных мест Украины.¹ По типологическим признакам они разделяются на клиновидные орудия и близкие по форме к секирам и топорикам. Обухи таких изделий то плоские и прямоугольные в сечении, то несколько заостренные на конус. Размеры их тоже различны, но среди них нет таких мелких экземпляров, которые отмечены для трапецевидных изделий из мягких пород камня. Крупные же орудия достигают длины 25 см и более (Бакота). Распределение их во времени в деталях пока еще недостаточно выяснено, тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что появляются они где-то на рубеже перехода от развитого триполья к позднему триполью. Этот вывод вполне подтверждается тем, что в чистых «макролитических» комплексах обычно встречается трипольская керамика не ранних типов. Не говоря уже о местонахождении на Белой Горе, в Бакоте и Старой Ушице, укажу на керамику, встречающуюся вместе с «макролитами» в Рогизне, Кременяце, Баблюковой Говде. Во всех названных пунктах всегда определенный, так называемый макролитический комплекс сопровождался находками познетрипольской керамики. И, наконец, самыми последними открытиями Т. С. Пассек в Поливановом Яру окончательно разрешается вопрос о взаимоотношении так называемых макролитов с керамикой. В Поливановом Яру на поселении обнаружены и мастерские, в которых изготовлялись в массовом количестве кремневые орудия и в том числе топорики или секирки с пришлифованным лезвием. Эти находки сопровождалась огромными скоплениями отбросов кремнеобрабатывающего производства, полуфабрикатов, заготовок и т. п., не говоря о керамике. Весь облик кремневых собраний, благодаря этой своей производственной специфике, носит псевдомacroлитические черты. Поливанов Яр датируется ранним этапом развитого триполья, и, видимо, с этого времени начинается широкое применение секирок или топориков с при-

шлифованными лезвиями. Топоры с пришлифовкой и другие изделия этого рода переживают целиком трипольское время и могут быть отмечены в памятниках более поздних эпох. Е. Сецинский нашел их при погребении в каменном ящике в районе Великой Мукши на Подольщине (Каменец-Подольский район) вместе с другим интереснейшим инвентарем, характеризующим известную культуру каменных кист.¹ К этому же времени относятся погребения из Понятович, где также отмечаются секирки из кремня с пришлифовкой.² Киркор приводит пришлифованную секирку из кремня, найденную у села Коцюбинце около Гусятина.³ В Поднепровье, в совершенно исключительном по своему значению комплексе предметов, найденных в недавно исследованном украинскими археологами могильнике около села Софиевки, наряду с инвентарем, еще сохраняющим познетрипольский отпечаток, встречены и кремневые секирки с пришлифованными плоскостями. Бытуют они и в среде носителей культуры шаровидных амфор.⁴ К. Залевич при раскопках могильника в Мержановичах в Польше (Опатовский уезд) нашел в погребениях ранней эпохи бронзы вместе со шнуровой керамикой и различными другими предметами кремневые секирки с пришлифованными плоскостями и лезвиями.⁵ Интересный факт сообщил нам проф. М. И. Артамонов. Им был найден в скифской землянке в Подоліи кремневый топорик с пришлифовкой. Являлся ли он предметом, выделанным в скифской среде, или попал в жилище в качестве ритуального атрибута, когда-то найденного и сохранившегося как, например, амулет, — остается не ясным.

Кремневые топорики с пришлифовкой спорадически появляются и на других территориях, даже значительно удаленных

Кремневые топорики с пришлифовкой спорадически появляются и на других территориях, даже значительно удаленных

¹ Е. Сіцинський. Нариса з історії Поділля, стр. 46.

² Swiatowit, т. XVI, Варшава, 1936, стр. 84.

³ Е. Сіцинський. Матеріали до археології Поділля. Зап. Українськ. археолог. комітету, т. I, 1931, стр. 32, рис. 3—8.

⁴ Prehistoria Ziemi Polskich, 1948, табл. 55, рис. 6.

⁵ K. Zalewicz. Tymczasowe Wyniki badan prehistorycznych w Mierzwanowicach. Z Otchłani Wiekow, вып. 4—5, 1937, стр. 39—59. — Хорошо выделанные секирки подтреугольных очертаний были найдены в погребениях с окрашенными костями в Добрудже (Касимца и др.), см.: Dacia, VII—VIII, стр. 87.

ния их проходит не слишком далеко (западный Буг, верхнее Повисленье). Материал из Збранки не опубликован.
¹ Древности Поднепровья, собрание Б. Н. и В. Н. Ханенко, вып. I, Киев, 1899, стр. 8—9, табл. III.

от правобережной Украины. Мы встречаем их в Крыму (кизил-кобинская культура). В измененной форме, но в той же технике обработки они представлены в «макролитических» собраниях Валдайской возвышенности, между прочим в таких же кремнеобрабатывающих мастерских, как и на Среднем Днестре.

Итак, во всех обследованных нами псевдораннеолитических местонахождениях между селами Бакота и Студеняцы, а также и на других пунктах, изученных нашими предшественниками, должны быть отмечены два важных факта: 1) находки кремневых топоров или секирок с подшлифованными боковыми плоскостями, 2) находки керамики относительно позднего трипольского типа. Первые находки ни с технической, ни с морфологической точки зрения не стоят в связи с раннеолитическими типами. Вторые — собрания керамики — составляют единый комплекс с пришлифованными топорами, а не представляют разновременные остатки культуры, как думал Е. Ю. Кричевский. Материалы из Поливанова Яра целиком подтверждают сказанное и позволяют с полной уверенностью считать «макролитические» поселения Поднепровья и Побужья кремнеобрабатывающими «мастерскими» трипольского возраста.

В свете исследований в последние годы «макролитических» поселений и датировки их трипольским временем гипотеза Е. Ю. Кричевского теряет свои исходные позиции. Эволюционная схема Е. Ю. Кричевского, предполагающая последовательную трансформацию мезолитического инвентаря с микролитическими традициями в макролитический, кампийского типа и этого последнего — в трипольский каменный инвентарь, лишается связующих звеньев и поэтому принята быть не может. В порядке гипотезы мы предлагаем другое построение.

В отношении кремневого инвентаря раннего триполья мы уже говорили, что в ряде черт он наследует местные мезолитические традиции, сохраняющие позднепалеолитические особенности, но без микролитических форм. Каменный инвентарь раннего триполья, да и всего триполья в целом не дает данных для генетического сближения его с инвентарем кампийского типа, отсутствующим не только в Подолье, но и в значительной части юго-восточной, центральной и южной Европы. Каменный инвентарь

раннего триполья типа Луки-Врублевецкой предстает перед нами в сложившихся формах и вариантах, причем, что особенно интересно, в изделиях из мягких пород камня — сланца и как будто шифера. То же следует отметить и для другого раннего памятника, каковым являются Озаринцы. Обращаясь к зарубежным местонахождениям, вполне определению можно сказать, что во всех случаях, когда мы имеем дело с земледельческими памятниками ранних этапов, количественно всегда преобладают мотыги, топоры, долота, тесла и другие формы, сделанные из мягких каменных пород, причем кремневые изделия перечисленных типов полностью отсутствуют. Мы, например, не можем указать случаев находок кремневых изделий типа мотыг в раннеземледельческих комплексах всей средней Европы. В юго-восточной Европе (Румыния и Болгария) они появляются спорадически и на фоне изделий из мягких пород камня выглядят незначительными собраниями. Ареал орудий из мягких пород камня уходит через Балканы и Малую Азию в южный пояс распространения раннеземледельческих культур, где эти орудия также очень широко представлены вплоть до Месопотамии, Ассирии и, во всяком случае, южных областей Ирана. Поразительно то, что, как и в Луке-Врублевецкой, в собраниях каменных орудий с территорией огромного охвата присутствуют очень устойчивые типы не только в смысле аналогичности форм, но и соотношений в размерах.

Классификация каменных орудий из мягких пород достаточно подробно разработана в ряде публикаций, начиная с еще несовершенных старых работ вроде исследования С. Мелиса¹ и до современных исследований Е. Ю. Кричевского и Г. Чайльда. Если сопоставить серии орудий из камня, происходящих из раннеземледельческих поселений разных территорий, то вместе с разительными чертами сходства их между собой имеют место и некоторые локальные различия. Так, например, к западу от Поднепровья все более и более широко распространяются мотыги особого типа — односторонне выпуклые, получившие в литературе странное название — мотыг типа «башмачной колодки» или «колодкообразных» (Поду-

¹ С. Mehlig. Die sogenannten Schuhleistenkeile der neolithischen Zeit. Centralbl. f. Anthropol., Ethnol. u. Urgesch., Wien, 1901, вып. 3—4.

навь, средняя Европа). В Побужье, Поднепровье, во внутренних областях Румынии, в Трансильвании и Болгарии в комплексах каменных орудий колодкообразные формы отступают на задний план, уступая место изделиям с не столь резко выраженной асимметрией. Обычно орудия имеют легкую одностороннюю выпуклость, скошенность лезвия с одной стороны или даже симметричные очертания. В южных ареалах формы орудий из камня больше отвечают юго-восточноевропейским, чем, скажем, средне-европейским.

Так как орудия из мягких пород камня предшествуют кремневым, выделанным с помощью двухсторонней оббивки с пришлифовкой плоскостей, их внезапное появление в законченных и устойчивых формах, при безусловном отсутствии генетических связей этих орудий с «макролитами» раннего неолита, заставляет думать, что происхождение каменных орудий нужно искать не в местной среде. По нашему предположению, технические приемы обработки камня мягких пород (полировка) и формы каменных орудий были первоначально занесены в Поднепровье и на более широкую территорию юго-восточной Европы древними земледельцами из южных широт вместе с производственными навыками, связанными с земледельческим хозяйством и бытом. Таким образом, в кремневом и каменном инвентаре Луки-Врублевецкой мы различаем два источника происхождения его. Для кремневого инвентаря традиции изготовления восходят к местной мезолитической с позднепалеолитическими чертами технике охотничьих обществ, а для каменного инвентаря источниками происхождения послужили древнеземледельческие центры южных широт. В инвентаре Луки-Врублевецкой запечатлены два различных и сочетающихся уклада — местный, охотничий, и пришлый, земледельческо-скотоводческий. Следовательно, кремневый и каменный инвентарь раннего триполья подкрепляет положение о смешении двух хозяйственных укладов, о котором говорилось и выше (в главе о жилищах).

ОРУДИЯ ИЗ РОГА И КОСТИ

Костяной инвентарь из поселения Луки-Врублевецкой представлен довольно разнообразным собранием, состоящим не только

из собственно костяных предметов, но и изделий из рога и клыка кабана. Внимательный просмотр коллекции показывает, что древним обитателям Луки-Врублевецкой были хорошо известны все основные приемы обработки кости и рога. В коллекции имеются заготовки для орудий, сохранившие следы разрезания кости, заточенные и шлифованные орудия, орудия с просверленными отверстиями и т. п.

Приведем выдержку из заключения В. И. Бибиковой, сделанного ею после обработки коллекции костяных орудий, добытых при раскопках в 1948 г.

«Основным исходным материалом для изготовления костяных изделий являлись кости косули. Из просмотренных при раскопках 1948 г. ста четырех орудий из кости, шестьдесят шесть, что составляет более 63% от общего количества обработанной кости, сделаны из костей этого вида. На поделки или почти исключительно метаподии, из которых плюсневые кости использовались гораздо чаще, чем пястные. Из 46 орудий, сделанных из костей косули, 40 орудий изготовлены из метаподиев. Значительно реже для поделок употреблялись рога и другие части скелета (большеберцовая, бедренная и другие кости).

«Материалом для изготовления костяных орудий служили также многие кости оленя. В коллекции 1948 г. орудия, сделанные из костей и рогов оленя, составляют свыше 21%. Из трубчатых костей, как и у косули, употреблялись главным образом метаподии как наиболее крупные и прочные кости, из которых можно изготовить орудия значительных размеров.

«При просмотре костей оленя удалось заметить одну четко и постоянно прослеживаемую деталь, связанную с разделкой туши убитого животного. На передней поверхности почти всех центрально-четвертых костей (os tarsi centrale 4+5) имеются тонкие поперечные насечки — следы перерезки мускульно-связочного аппарата. Расчленение туши, повиначальному, начиналось с отделения стопы в месте сочленения центрально-четвертой кости с таранной, подобно тому, как это делается и сейчас при разделке туши крупного рогатого скота. При этом таранная и пяточная кости оставались при туше, подвешивавшейся за ахиллово сухожилие, и в таком виде расчленявшейся далее. Отчлененная же ниже центрально-

четвертой кости дистальная часть задних конечностей с плюсневой костью поступала в руки мастеров, изготовлявших костяные орудия. С большой долей вероятности можно предполагать, что орудия изготовлялись из свежих, не вываренных костей, сохранявших наибольшую прочность и эластичность.

«Поделки из других костей конечностей (плечевая, большеберцовая, бедренная и др.) встречаются значительно реже. Зато поделки из рогов оленя многочисленны и составляют почти 50% всех орудий по отношению к орудиям из кости этого животного.

«Материалом для изготовления различного рода поделок служили также крупные, легко раскалывающиеся на пластинки нижние клыки кабана. Из них часто делались украшения».

Рассмотрим изделия из рога, кости и клыка кабана, располагая их по характеру материала, из которого они изготовлены и по категориям производственных функций.

Орудия из рога. В коллекции представлены различные предметы, сделанные из рога, — от обычных заготовок до законченных изделий (рис. 49). Материалом для поделок служили рога оленя и косули, причем от первых использовались лишь отростки или стержневые части, вторые находили себе применение целиком. Отделение рогов от черепа, равно как и отростков рогов, производилось с помощью кругового надрезывания, повидимому, острым кремневым лезвием, направленным под углом по отношению к вертикальной оси рога. Такой круговой надрез, оставлявший узкие и короткие желобки, проникал до губчатой массы рога, после чего нужный кусок легко отделялся от основного стержня. В коллекции имеется несколько частей рогов, на которых особенно четко выступают круговые надрезы, сохранившиеся на кусках, негодных к использованию (табл. 21, а). Очень показателен в этом отношении и обломок черепа косули с лобной и теменной костями, на котором остались два роговых основания с круговыми надрезами.

В коллекции представлены небольшие роговые отростки (5 экз.) и целые рога косули (8 экз.). Отбор их из общего количества найденных в Луке-Врублевцевой рогов (свыше 25) произведен по признаку наличия на них более или менее ясных следов обработки или употребления. Эти следы

выступают в виде слабой заполировки на поверхности или даже сточенности. Роговые отростки, как правило, небольших размеров (8—10 см) и могли служить заготовками для рукоятей. Один экземпляр отростка рога косули имеет очень сильную заполировку по всему корпусу, полученную в результате долгой работы этим орудием, быть может, употреблявшимся в качестве ложила (табл. 21, з). Целые рога косули находили свое применение, видимо, при собиратель-

Рис. 49. Орудия из рога. ¹/₂ н. в.

ской деятельности. Они могли представлять удобные орудия для выкапывания съедобных кореньев. Интересно, что некоторые из них кроме недостаточно четкой заполировки на концах имеют в разных местах на корпусе непонятные следы надрезов или насечек, располагающихся гнездами около утолщенной части рога или же ближе к его концу.¹ Может быть, эти насечки служили для предохранения руки от скольжения по поверхности. Почти все отобранные экземпляры рогов и их фрагменты имеют иногда

¹ Аналогичные групповые следы надрезов и насечек замечены и на роговых отростках, найденных в Сабатиновке II (коллекция Института археологии АН УССР).

очень аккуратный круговой надрез у утолщенной части, т. е. след отделения от основания стержня. На трех экземплярах рогов косули вполне отчетливо выступают следы подтески на их вершине, сделанной с целью несколько приострить конец рога. На одном из этих экземпляров по этой подтеске произведены два скола, еще больше утончившие роговой конец. Вместе с такими экземплярами рогов косули, на которых легко установить следы употребления, в собрании имеются законченные или почти законченные орудия. Одно такое орудие представляет собой естественно изогнутый роговой отросток, отделенный от основного стержня путем кругового надреза, след от которого остался на обушке орудия. Другой конец (противоположный обушке) приострен с боков при помощи шлифовки и образует собственно рабочую часть орудия. Ближе к обушке просверлено круглое отверстие, видимо, для рукояти. Длина орудия 14.7 см, ширина до 3 см, диаметр отверстия 1.5 см. Если судить по характеру оформления рабочего конца, то орудие это, вероятнее всего, было легким чеканом или клевцом боевого назначения. Некоторое недоумение вызывает диаметр просверленного отверстия, в котором может поместиться лишь очень тонкая трость, вовсе не пропорциональная по своему диаметру величине и тяжести орудия (табл. 22, *а*). С. А. Семенов предложил комбинированную реконструкцию крепления рукояти: рукоять большего диаметра, чем сверлина на орудии, заканчивалась цилиндрическим шипом, входившим в отверстие, что устраняло возможность смещения, и закреплялась еще с помощью ремней. Может быть, реконструкция С. А. Семенова и отвечает действительности, хотя в ней есть логически не совсем объяснимые детали. Кстати сказать, Е. Ю. Кричевский предлагает почти такой же прием крепления рукояток с односторонне выпуклыми орудиями из камня, имеющими сверлину очень небольшого диаметра.¹ Аналогичен только что описанному и другой экземпляр, не законченный обработкой. Он также сделан из рога. Часть плоскости ближе к обушке имеет следы обтески острым режущим инструментом. Там же расположено начатое сверлением отверстие, еще меньшее по диаметру

(4 мм), чем у первого экземпляра. Длина предмета 12.5 см (табл. 22, *ж*).

В жилище № 2 был найден фрагмент орудия из рога с хорошо сглаженной поверхностью и с просверленным отверстием. Этот фрагмент имеет цилиндрическую форму и хорошо заметный круговой надрез мелкими фасетками, сделанными острым режущим орудием. Диаметр сквозного отверстия 1.4 см, расположено оно ближе к концевой части рога (длина фрагмента 14.2 см; табл. 22, *е*).

Интересно крупное (22 см) орудие из отростка рога благородного оленя, несколько изогнутой формы, имеющее в утолщенной части круглое просверленное отверстие диаметром 6 мм. Конец орудия сломан, по видимому, в работе. Употреблялось оно, скорее всего, в качестве копалки, а отверстие в утолщенной части служило для ремненной петли (табл. 22, *и*).

К числу не менее любопытных орудий принадлежит и фрагмент молотка из отростка рога оленя. Он представляет собой несколько изогнутый стержень с утолщенной нижней частью и относительно широким отверстием, по которому проходит налом (диаметр 1.5 см). На утолщенной части предмета вполне отчетливо выступает сильная зашлифовка. Орудием пользовались как молотком — об этом говорит забитость на конце. Быть может, этот молоток употреблялся для размягчения кожи. Длина фрагмента 9.5 см. Таких орудий найдено всего два (табл. 22, *г, д*).

Хорошо прослеживаются следы употребления на обломке рога, расколотого вдоль и имеющего полукруглое зашлифованное лезвие. Это гладильник или роговой скобель, использовавшийся при выделке шкур (табл. 22, *б*). Между прочим, аналогичные предметы встречены при раскопках в Мадара.¹

Наконец, нужно отметить находку крупного обломка рога оленя, имеющего широкую сквозную сверлину (диаметром 2.8 см), расположенную между двумя ответвлениями рога. Край сверлины слегка заглажен. Поверхность роговой оболочки не носит никаких следов обработки. При первом взгляде на это изделие, аналогичное которому известны не только в Луке-Врублевецкой, невольно напрашивается сравнение с так называемым

¹ Е. Ю. Кричевский. Орудия труда и система хозяйства культуры линейно-ленточной керамики.

¹ Р. Подоль. Мадара, вып. I.

ьмы «жезлами начальников», хорошо знакомыми всем, занимающимся палеолитом (табл. 22, а). Не сказывается ли и здесь проявление того же самого отголоска древней палеолитической техники, который отмечен нами для кремневого инвентаря из Луки-Врублевцевкой? Это тем более вероятно, что подобные орудия из южноширотных раннеземледельческих местонахождений нам не известны.

Использование рогов оленя и косули, а иногда и лося является одной из характерных черт производственной деятельности ранних земледельцев. В поселениях на Днепре, Буге и Днестре и далее на запад в юго-восточной и центральной Европе в наборе костяного инвентаря постоянно присутствуют изделия из рога. Систематизация орудий из этого материала в полном объеме не проведена, поэтому пока еще не установлена классификационная номенклатура для устойчивых серий орудий и не прослежены изменения их во времени.

Обобщенная характеристика орудий из рога для памятников Днепровско-Дунайского круга представляется в следующем виде: 1) рога, употреблявшиеся в качестве копалок (постоянно встречаются на стоянках); их отличает не только сработанность концов, которая могла получиться и естественным путем, но и следы употребления и заглаженности на значительной части поверхности; кроме того, у основания рога постоянно имеется круговой надрез;¹ 2) изделия из несколько изогнутых стержневой рога, имеющие в утолщенной части просверленные отверстия для продевания ремня или толстоскрученной нити; они относятся к первой группе, т. е. копалок;² 3) мотыги;³ 4) молотки;⁴ 5) роговые лопила;⁵ 6) роговые стержни со сверлиной, остающиеся пока непонятными с точки зре-

ния их назначения;¹ 7) рога оленя со сверлиной на развилке между отростками,² так называемые «начальнические жезлы» или «выпрямители» — по аналогии с палеолитическими находками; 8) мелкие изделия из рога — шилья и различные острия. Для дешифровки функций изделий из рога и в особенности мотыг и молотков серьезное значение приобретают находки в Дирхольмене (Дания, культура Эртебеле). Здесь в благоприятных для сохранности условиях залегания — в торфе — встречаются изделия из рога в виде мотыг, молотков и, быть может, секиров, даже в деталях, совпадающих с трипольскими. Вообще говоря, эти находки не так уж редки для североевропейских неолитических стоянок, но на некоторых дирхольменских находках сохранились кроме роговых частей орудия и деревянные рукоятки. Таким образом, по датскому собранию можно составить себе представление об орудиях в полном виде.³

Приведенное описание роговых орудий из Луки-Врублевцевкой говорит о большом производственном значении рога в хозяйстве древних обитателей этого поселения. Надо сказать, что все названные типы орудий встречаются и в других памятниках триполья. Может быть, собрание из Луки-Врублевцевкой отличается от других трипольских (Триполье, Владимировка, Печора) только тем, что не содержит крупных мотыг и молотков, сделанных из толстой стержневой части рога оленя или лося, включающей даже розетку рога или его базальную часть.

Орудия из кости. В литературе, посвященной раннеземледельческим поселениям, постоянно отмечается бедность набора костяных орудий. На малочисленность орудий из кости особенно часто сетуют археологи, занимающиеся изучением поселений линейно-ленточной керамики. В Луке-Врублевцевкой благодаря отличным естественным условиям, способствующим сохранению костного вещества, костяные орудия дошли до нас в прекрасном состоянии. Коллекция изделий из кости состоит из 185 экземпляров, куда вошли целые и сломанные орудия. Эта цифра

¹ Найдены в Триполье, близ Ржищева, в Кадиевцах, Кошиловцах, Пьянижкове, Кукутанах, Фрумушине, Гумельнице, Радашани, Руджияноае, Ботешти, Бойзанае, Черноводе (Фракция), в тисской и бюксской культурах.

² Найдены в Триполье, близ Ржищева, в Бильче-Злоте, Кошиловцах, Мадара, Моровице и др.

³ Найдены в Триполье, близ Ржищева, в Криничках, Коломийщине, Владимировке, Печерах, Гумельнице, Кассиоареле, Бойзанае и др.

⁴ Найдены в Триполье, близ Ржищева, в Кукутанах, Кассиоареле и др.

⁵ Найдены в Триполье, близ Ржищева, в Кукутанах и др.

¹ Найдены в ряде памятников. Их отличает как бы случайное расположение сверлины на стержне рога (см.: Мадара, Кукутаны, Престерхюгель и др.).

² Найдены в Кукутанах, Фрумушине и др.
³ T. Mathiasaen. Borladsen Dyreholmen. Kopenhagen, 1942, стр. 24.

уже сама по себе показывает, что кость нашла очень широкое применение в бытовом укладе древнего общества. Костяные орудия из Луки-Врублевецкой по типологическим и функциональным признакам могут быть разделены на ряд категорий или групп.

Группа шильев. Орудия эти представляют основную часть коллекции, оставляя для других изделий незначительное место.

Несколько слов по поводу материала, из которого изготовлялись эти орудия. Самыми распространенными частями скелета животных, идущими для выработки шильев, были длинные трубчатые кости. Чтобы получить нужную заготовку для шила, из трубчатой кости вырезалась длинная и узкая пластинка, или кость разрезалась на ряд длинных пластинок; затем по месту надреза, как наиболее слабому, производился излом (табл. 21, е). Иногда разрез проходил по всей толщине кости, из которой вырезалась заготовка. Тонкие трубчатые кости чаще всего разрезались вдоль, пополам, с таким расчетом, чтобы на каждой половинке осталась часть эпифиза, служившего упорной площадкой для ладони при работе шилом. В коллекции имеется несколько заготовок для шильев, одна из них достигает 15 см в длину и немногим больше 1 см в ширину.

К заготовкам относятся два фрагмента дистальных концов плюсневых костей козы (табл. 21, б, в). В самом основании эпифизов на одной из костей имеются симметрично расположенные, проходящие почти насквозь через тело кости ямки или, вернее, вмятины, на другой кости также нанесены вмятины, тоже симметрично расставленные и в том же месте, однако ямки эти небольших размеров и неглубокие. К тому же у второго экземпляра несколько углублен и естественный желобок, идущий вдоль кости. Вероятно, вмятины у эпифизов представляют собой след от попыток расчленения кости на две половины с тем, чтобы на каждой из них осталась часть эпифиза. Видимо, обе кости не пошли в дальнейшую обработку, так как попытка расчленить их оказалась неудачной и дала неправильный излом.

Не принимая в расчет мелких обломков шильев, в основном состоящих из рабочих концов, а также обломков средней величины,¹ рассмотрим эту группу по призна-

кам, помогающим определить их функцию. Прежде всего следует обратить внимание на размеры шильев. Методически будет неправильно объединять в одну группу орудия по внешним признакам, может быть, и близкие друг к другу, но совершенно различные по размерам, — от миниатюрных шильев, едва достигающих 3.5 см в длину, до крупных, очень изящных изделий, длина которых превышает 15 см (рис. 50).¹

Рис. 50. Изделия из кости. $\frac{2}{3}$ н. в.

В группе шильев следует различать несколько вариантов их.

1. Шилья на обломках диафизарных частей кости (9 экз.). Они представляют собой обычные фрагменты костей неустойчивых контуров, у которых один конец иногда очень тщательно отделан на острие. Длина орудий от 6 до 9 см (табл. 23, а—и).

2. Весьма изящные шилья средних размеров (32 экз.), с сохраненной на одном конце частью эпифиза, иногда с естественным отверстием от кровеносного сосуда, использующегося, быть может, для привя-

имается 60; крупных обломков, тоже с рабочими концами, 9; обломков с тыльной или пяточной частью — 30; с утраченными рабочим и пяточным частями — 12.

¹ У нас нет полной уверенности, так же как не было ее и у В. В. Хлюйко, что все орудия с заостренными концами могли применяться в домашнем обиходе в качестве, например, шильев или аналогичных по функции орудий. Некоторые из этих орудий с прямо поставленным острием могли найти свое применение и в охотничьем вооружении.

¹ Обломков мелких и средних размеров, представленных частями шильев с рабочим концом,

звания нити. Форма шильев определяется формой кости, соответствуя в общем естественному очертанию, то несколько изогнутому, то прямому. Пятка шильев в ряде случаев носит следы залощенности, полученной от ладони руки, упирившейся в эпифиз при работе этим инструментом. Корпус некоторых экземпляров имеет следы сглаженности в виде скобления и в большинстве случаев сильно заполирован. Великолепные отделаны рабочие концы шильев, кстати всегда сильно отшлифованные. Тонкость жальцев в ряде случаев достигает виртуозности, доходящей в отделке почти до толщины металлической иглы (табл. 24, *в—п*). На двух экземплярах хорошо обработанных шильев близко к пятке заметно по три довольно глубоких насечки, видимо, нанесенных с целью помещения здесь нити (табл. 25, *д, е*). Длина шильев — от 5.5 до 15.5 см, все они в той или иной мере имеют сохранившуюся часть эпифиза.

3. Два миниатюрных шильца, видимо, предназначавшиеся для очень мелких работ. Оба сделаны из рыбьих костей. Пятку шильцев образуют эпифизы, жальца аккуратно заточены. Длина шильца 3.4 см (табл. 25, *б*).

4. Шилья с просверленными отверстиями для продевания нити (5 экз.) в виде крупных фрагментов (длина 6.5 и 11.5 см; табл. 25, *в, к—м*), один небольшой обломок и одно целое орудие. Все экземпляры имеют сверлину в верхней части орудий, у эпифизов, сильно заполированных от долгого соприкосновения с ладонью; диаметр отверстий до 5 мм. Целый экземпляр имеет вид очень тщательно отделанного инструмента с широкой пяточной частью, сохранившей эпифиз, с гладко отшлифованным от употребления и аккуратно затесанным корпусом, постепенно сужающимся и переходящим в очень тонкое острие; длина 9 см (табл. 23, *к*).

5. Три тонких острия с вытянутыми жальцами. Два из них сделаны из трубчатых костей птиц, одно, похожее на иглу без ушка, — из узкой и тонкой костяной пластинки. Последнее изделие, в отличие от двух первых, имеет пятку в виде полукруглого зашлифованного среза. Эти орудия могут быть определены как проколки (табл. 23, *т—ф*); длина их от 5 до 7.8 см.

О наличии в коллекции игл в прямом смысле слова говорить не приходится.

6. Два притупленных острия в виде костяных (без эпифизов) стержней, круглых в сечении. У обоих орудий пятка имеет следы надрезов. У одного из них на верхнем конце, сбоку, небольшая сточенная площадка. Корпус орудий сильно заполирован от употребления. Оба орудия имеют несколько затупленные рабочие концы. Создается впечатление, что этими орудиями прокалывали отверстия относительно крупного диаметра, — возможно, при изготовлении кожаной одежды, а всего вероятней, что они служили заколками для причесок. Длина их 10.6 и 8.3 см, диаметр в средней части 0.8 и 0.7 см (табл. 23, *ч*).

7. Для выделки орудий, может быть, использовались и ребра крупных рыб. Во всяком случае, несколько десятков ребер рыб имеют не только заполировку на острых своих концах, но как будто и следы скобления. Возможно, что естественная заостренность рыбьих ребер, их несколько изогнутая форма, величина и прочность едва ли прошли мимо внимания древнего человека, который, видимо, и пользовался ими если не в качестве игл, на что нет пока прямых указаний, то как проколками (длина до 6.5 см).

8. Интересно одно острие, значительно превышающее по своим размерам все подобные орудия из Луки-Врублевецкой, впрочем, аналогии ему мы не нашли пока и в материалах из других раннеземледельческих поселений. Сделано это острие из плюсовой кости благородного оленя, имеет в длину почти 23 см. Оно очень тщательно обработано по всей поверхности и почти круглое в сечении. Противоположный конец орудия сохраняет часть эпифиза. Острие найдено в жилище № 3 (раскоп I). Принимая во внимание необычные размеры этого изделия, мы склонны предположить, что оно выполняло функции кинжала (табл. 24, *а*).

9. Лоцила — два экземпляра, один целый, другой обломок рабочего конца. Оба сделаны из трубчатых костей (косули?), расчлененных вдоль на две половины. Целый экземпляр несколько изогнут, имеет часть эпифиза с уплощенно сточенной площадкой. Корпус орудия старательно отделан скоблением вдоль всего изделия. У обоих экземпляров рабочий конец двухсторонне заточенный, полукруглый. Длина целого изделия 15.2 см (табл. 26, *а, е*).

10. Интересную и не совсем еще разгаданную серию составляют кости конечностей

копытных, со следами очень сильной сработанности на диафизарных частях. Найдено семь экземпляров, среди них: фрагмент проксимального конца левой бедренной кости оленя, дистальная половина пястной кости оленя или лося, дистальный конец плюсневой кости быка, фрагмент плюсневой кости быка, левая большеберцовая кость домашней свиньи с поврежденным проксимальным концом. Орудия пришли в полную негодность в результате изношенности диафизов, использованных чаще с четырех сторон, вследствие чего поперечное сечение костей дает очертания, близкие к прямоугольнику или трапеции. Один экземпляр сработан по одной плоскости до обнажения внутренней губчатой структуры кости (табл. 27 и 28).

С. А. Семев, изучая следы сглаженности и полировки на рабочей поверхности этих инструментов с помощью бинокулярной лупы, пришел к любопытному заключению: по его мнению, кости употреблялись в качестве орудий для лощения керамики. Ливейные следы, идущие вдоль кости по вогнутой поверхности, С. А. Семенов склонен рассматривать как следы от операции, имевшей целью подготовить этот участок поверхности для более удобного производства кругового лощения. Заполированность вогнутой поверхности С. А. Семенов объясняет как результат действия этим орудием в качестве лощила. Свои выводы он подкрепляет данными измерений величины вогнутости рабочей поверхности на костях, иногда соответствующей степени выпуклости профилей сосудов.

Заключение С. А. Семенова еще требует уточнений, тем более что лощеная керамика чаще всего бывает орнаментирована вертикальными и горизонтальными желобками, несущими такое же лощение, что и поверхность сосуда. Естественно, что предложенный прием в данном случае не мог найти себе применения. Необходимо объяснить и некоторые другие детали.

Следует отметить, что совершенно аналогичные длинные кости копытных со сточенными диафизами встречены в значительной серии в поселении тисской культуры Кекевидомб. Баннер называет их инструментами, предназначенными для заточки орудий¹ (имеются в виду, видимо, сланцевые орудия).

Такие же кости со сточенными диафизными плоскостями были найдены и в северных стоянках, не переходящих во времени эпохи бронзы. Н. Н. Гурица, изучавшая материал из стоянки Двизга (Латвийская ССР), отмечает там наличие длинной кости со сточенной поверхностью. Можно думать, что применение таких костей имело широкий ареал, но отсутствие систематизации находок не позволяет определить их распространение в ясно очерченных территориальных границах.

Между прочим, кости с вогнутой плоскостью на диафизе длительно бытуют среди древнего населения нашего юга. Они встречаются в памятниках скифской поры, в поселениях первых веков нашей эры (время «полей погребений»), в модифицированном виде они известны также из Ольвии. В отличие от костей, имеющих поперечные линейные следы от работы и применявшихся, как думают, для размягчения сыromятных ремней, кости из Луки-Врублевецкой и других, более поздних поселений имеют продольно направленные линейные штрихи, что безусловно затрудняет решение вопроса об их назначении. Тем интереснее предположение С. А. Семенова об их использовании, хотя оно пока остается не лишней остроумия догадкой.

Обратимся к единичным экземплярам орудий из кости, найденным при раскопках в жилых углублениях или очажных ямах.

1. Ребро косули с двумя выемками у его головки. На конце ребра и частично на его поверхности наблюдается сильная заполированность, особенно на конце, где степень заполированности достигает зеркальной шлифовки. На орудии заметна неравномерная сточенность конца — он сточен двусторонне, но с одной поверхности больше, чем с другой, что определяет легкую выпуклость лезвия. Едва ли это орудие употреблялось в качестве лощила, для этого у него слишком узкий рабочий край. Употребление его в качестве стамески тоже мало вероятно, ввиду относительно слабой заполировки верхней половины орудия, в том числе и головки. Более вероятно, что оно служило для орнаментации керамики; длина его 11.2 см (табл. 26, б).

gebiet bis zur Entwicklung der Bronzezeit. *Leipzig*, 1942, стр. 38, табл. LII, рис. 1—10.

¹ Janos V a n p e r. *Das Tisza-, Maros-, Kőrös-*

2. Костяное острие или острога, выделано из плоской кости (вероятно часть лопатки); сохранилось фрагментарно: отсутствует рабочий конец и половинка орудия с боковым шипом. Насад орудия также плоский. В целом виде это была двухшипная плоская острога, может быть, для охоты на рыбу. Длина орудия 10.3 см (рис. 24; табл. 26, в).

3. Не совсем понятным остается костяное орудие, имеющее вид острия, круглого в сечении. Оно несколько асимметрично и хорошо обработано. Жальце острия слегка утолщено. Нижняя часть орудия сохранила след кругового обреза тонким режущим инструментом и имеет втулку, направленную вдоль орудия. В центральной части изделия просверлено сквозное отверстие диаметром 0.7 см. Совершенно аналогичное орудие было найдено в Городнице.¹ Эти орудия, быть может, употреблялись в качестве метательного охотничьего приспособления типа поворотного гарпуна. Длина нашего экземпляра 6.2 см (табл. 26, г).

4. Наконец, к числу бытовых предметов можно отнести пястную кость домашней свиньи с пробитым посредине отверстием небольшого диаметра (табл. 71, г). Поверхность кости слегка залощена. Р. Попов отмечает и в болгарских поселениях находки фаланг со сквозными отверстиями и определяет их как подвески.² Не исключено, однако, что эти изделия употреблялись в качестве застежек.

Изделия из клыка кабана. Оставляя пока в стороне предметы из клыка кабана и зубов животных, служивших как украшения и амулеты, рассмотрим очень малочисленные, но выразительные предметы из кабаньих клыков, собранные в жилых углублениях и очажных ямах в Луке-Врублевцевкой. Всего собрано 15—20 мелких клыков и их фрагментов. На части их установить следы обработки оказалось невозможным, хотя верхние плоскости некоторых клыков выглядят как преднамеренно отшлифованные.

Клыком кабана как очень прочным материалом древний человек охотно пользовался, изготавливая из него орудия труда, украше-

ния и штампы для орнаментирования керамики.¹ Производственный процесс расчленения клыка на части проходил, видимо, так же, как и при расчленении кости. Глубокие продольные борозды, идущие по верхней плоскости клыка, нанесенные кремневым инструментом, определяли место излома при расчленении его вдоль, пополам (табл. 21, в).

1. Два фрагмента клыка с глубокими бороздками, идущими вдоль, и штриховыми царапинами, располагающимися также в продольном направлении. Один из этих обломков, быть может, являлся орудием, точнее, вкладышем, так как один край его очень аккуратно сглажен, впрочем, так же, как и вся плоскость внутренней поверхности. Длина фрагмента 4.5, ширина 2.5 см (табл. 21, ж). Другой экземпляр представляет расколотый вдоль, во всю длину, клык кабана. На самом конце его легко заметить следы сглаженности, а по нижнему краю — легкую забитость и поперечную заштрихованность.

2. К числу бесспорных орудий принадлежит пластинка из поверхностной части клыка, с одной стороны у нее сохранена эмаль, с другой заметны отчетливые следы удаления внутризубного вещества с помощью выскабливания. Пластинка имеет изогнутую форму; конец ее похож на узенькую лопаточку, сильно заполированную и односторонне сглаженную. Это изделие, судя по оформлению рабочего конца и по общему облику орудия, не могло быть проколкой, его легче представить себе как приспособление для плетения. Длина орудия 8.8 см (табл. 26, з).

3. Определенный интерес представляют два штампа для орнаментации глиняных сосудов. Их применение именно в этом направлении не вызывает никаких сомнений и вполне подтверждается сравнением их оттисков на пластине с орнаментацией на глиняных сосудах. Оба изделия представляют тип зубчатых штампов, широко применяемых для украшения посуды, особенно в раннетрипольских поселениях: Озаринцах, Сабатиновке, Борисовке, Извоаре I и других.

Первый штамп сделан из обломка клыка кабана. По естественно изогнутому краю

¹ M. Smiszkó. Tuschazowe sprawozdanie. . . , стр. 71, рис. 7.

² Р. Поповъ. Ракопая в пещерата Морвица. Известия на Българското археологическо дружество, т. III, вып. 2, София, 1913.

¹ Клыки кабана в обработанном и необработанном виде встречаются почти во всех трипольских памятниках УССР, а также и в зарубежных.

клыка нанесено 29 четко выраженных коротких насечек и две едва заметных. Таким образом, первый экземпляр имеет 31 насечку, причем расположены они через более или менее равные промежутки. Лишь иногда общая ритмичность нарушается близко расположенными повторными насечками. Найден штамп в жилище № 2. Длина орудия 7,2 см (рис. 10, а; табл. 26, ж).

Второй штамп также выделан на пластинке из клыка кабана, от первого он отличается несколько большей шириной выпуклого края, на котором сделаны более глубокие насечки. Кроме того, расположение насечек аритмичное, широкие зубцы сменяют узкие и наоборот; таких насечек 11. Штамп фрагментирован. Он найден в жилище № 3. Длина его 4,7 см (рис. 10, б).

Способ употребления этих изделий очень прост. ими пользовались для наложения зубчатых узоров на сосуды еще до их обжига. Последовательное линейное наложение давало на сосудах круговые или вертикальные линии, идущие от венчика к дну. Возможно, что ими же пользовались и для нанесения нарезных линий, но не наложением, а прочерчиванием либо краем изделия, либо его концом. Во всяком случае опыт, проделанный на пластелине, дает углубленную, нарезную линию, вполне аналогичную по толщине и профилю линиям, отмеченным на сосудах.

Из известных нам штампов можно указать на находку костяных зубчатых стержней в поселении Сабатиновка.¹ Подобные сведения о находках в Сабатиновке приводит Е. Ю. Кричевский. Он сообщает, что там было найдено четыре инструмента для ornamentации керамики, один из них из кости, один из рога косули и два других из кабаньих клыков.² В более позднем комплексе, в поселении Эржд, в давние годы также была сделана находка штампа из рога оленя, по характеру оформления зубчатого края больше напоминающая наш второй экземпляр.³ Зубчатые штампы из раковин речных

моллюсков известны из Коломыйщины I и II.¹ Кроме того, нами во время сбора подъемного материала на Белой Горе около Студеницы на Днестре была найдена во фрагментарном состоянии створка ископаемой *Urio* с нанесенными по краю зубчиками, служившая штампом. Эту находку определенно можно отнести к трипольским изделиям, найденным на Белой Горе вместе с так называемым макролитическим комплексом кремней и поаднетрипольской керамикой.

Мы лишены возможности произвести детальные сопоставления костяного инвентаря из Луки-Врублевецкой с костяными изделиями из других раннеземледельческих поселений. В той мере, в какой это было доступно, мы это сделали для роговых предметов. Собственно же костяной инвентарь не слишком широко представлен в памятниках трипольского круга. Публикации материалов, как правило, отражают очень немногочисленные собрания, состоящие главным образом из шильев и проколов, мало что дающих для каких-либо выводов по эволюции отдельных форм или для датировок комплексов. Достаточно ознакомиться с подробными отчетами В. В. Хвойко, С. С. Гамченко, А. Спицына за старые годы раскопок, а также с новейшими публикациями, чтобы прийти к определенному заключению о крайней малочисленности и бедности ассортимента костяных изделий в трипольских местонахождениях.

По полиоте набора костяного инвентаря среди раннетрипольских поселений на первом месте стоит Сабатиновка, которая и по количеству и по формам костяных предметов, впрочем, так же как и по другим остаткам культуры, ближе всего стоит к Луке-Врублевецкой. По данным Е. Ю. Кричевского, в Сабатиновке в 1932 г. нашли «более 100 костей и рогов со следами обработки и целиком готовых орудий из этих материалов». Среди них 24 проколки-пила, острия разных форм из костей и кабаньих клыков; семь мотыг просверленных и одна непросверленная, все из оленьего рога; срезаемые на конце куски оленьего рога и четыре инструмента для ornamentации сосудов, о которых мы уже упоминали. Такое

¹ Археологічні дослідження на території Богусу... — Т. С. Пассек. Исследования трипольской культуры в СССР за 20 лет. Вестн. древн. истор., № 1 (2), 1938, стр. 271. — Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 52, табл. 20, рис. 11—12.

² Е. Ю. Кричевський. Ранній неоліт... стр. 396.

³ F. Laszlo. Stations de l'époque pré-mécanique dans le comitat de Nagyszék (Obregé). Dolgozatok. Колошвар, 1911, стр. 231, рис. 37.

¹ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 74, табл. 29, рис. 3; стр. 148, табл. 81, рис. 3.

² Е. Ю. Кричевський. Ранній неоліт... стр. 396.

обилие рогового и костяного инвентаря, которое отмечает автор, является показателем сильных традиций охотничьего хозяйства.¹ «Во всех иных и одновременных сабакиновскому и немного более поздних трипольских поселениях костяных и роговых орудий, как и других признаков охоты, уже значительно меньше».² Нам остается только присоединиться к справедливому заключению Е. Ю. Кричевского. В качестве же дополнения к характеристике костяного инвентаря мы можем указать на ряд новых форм для раннего триполья, пополнивших наши сведения о хозяйственном и бытовом инвентаре, выделанном из кости, рога и клыков кабана.

Малочисленность костяного инвентаря отличает и другие поселения ранних земледельцев юго-востока Европы, а пожалуй, еще в большей степени средней Европы. Даже при относительно скудных сведениях о костяных изделиях из поселений на названных территориях, все же, судя по публикациям, в костяном инвентаре их основное место занимают шилья. Другие типы орудий встречаются значительно реже. Так, например, в ряде раннеземледельческих поселений юго-восточной Европы неоднократно находили костяные гарпуны с однорядным, а чаще двухрядным расположением боковых шипов, размещенных симметрично или асимметрично. Такие гарпуны найдены в Бойнак (слой В),³ Кассиоареле,⁴ Гумельнице,⁵ Градешта-Фундеанца,⁶ в тисско-марошском ареале (Чока и др.),⁷ а также в болгарских местонахождениях, например Русе.⁸ На северо-западе Балкан гарпуны известны из Винчи, начиная с древнейших слоев (гарпун из землянки на глубине 9.3 м) и вплоть до самых верхних напластований.⁹ Интересно, что типологически гарпуны из юго-восточных раннеземледельческих поселений больше напоминают гарпуны позднепалеолитических поселений Западной Ев-

ропы, чем мезолитические. Близость их, скажем, к мадленским гарпунам отмечается как в общих конструктивных чертах, так и в отдельных деталях (расположение шипов, конические типы насадок с боковыми шипами-ограничителями и т. п.). Вполне вероятно, что гарпуны из раннеземледельческих поселений ведут свое происхождение от гарпунов верхнепалеолитического времени и выявляют местные производственные традиции того же порядка, которые установлены для кремневого инвентаря. В Луке-Врублевецкой гарпунов не встречено, зато найден крупный обломок костяной остроги, видимо предназначенной для охоты на рыбу. В основной своей массе костяной инвентарь из раннеземледельческих поселений юго-востока Европы не выделяется особыми типическими чертами, которые можно было бы положить в основу для решения вопроса об эволюции форм, происхождении отдельных типов орудий и им подобных построений.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕДИ

Первая находка металлического обломка, по величине не превышающего ячменного зерна, была сделана во втором сезоне полевых работ в жилом комплексе № 4. Это была единственная находка за два летних сезона раскопок, проведенных уже на большой площади. Теоретически можно было предугадать, что металлические изделия, медные или бронзовые, должны быть встречены в культурных отложениях. Эта уверенность вытекала из культурно-исторической близости комплексов Луки-Врублевецкой с Извоаром I, где Р. Вульпе отметил присутствие медных изделий, правда, в очень небольшом числе.¹ И действительно, в последующие два сезона раскопок находки медных предметов в Луке-Врублевецкой стали уже не такими редкими, какими они вообще являются в раннеземледельческих поселениях. Медные изделия в виде обломков или почти целых вещей найдены в жилищах №№ 2, 3, 4 и 5 (рис. 5f). Все найденные предметы были покрыты сильной патиной яркозеленого или густого синего цвета, не изменившей, однако, форм изделий.² Со-

¹ Там же, стр. 395.

² Там же, стр. 396.

³ Dacia, II, стр. 284.

⁴ Там же, стр. 191.

⁵ Там же, стр. 88.

⁶ Dacia, III—IV, стр. 152.

⁷ G. Child. The Danube in prehistory, рис. 17. — J. Vagner. Das Tisza-, Maros-, Kőrös-gebiet. . . , табл. XLIX.

⁸ Д. Костовъ. Предисторическата могила до Русе. Годашникъ на народния музей за 1922—1923 гт., София, 1926.

⁹ М. Василь. Превсториска Винча IV, ст. 160—163, табл. LXXVII.

¹ P. Vulpe. Civilisation Précuténiennne en Moldavie. Eurasia Septentrionalis Antiqua, т. XI, Хельсинки, 1937, стр. 138.

² Химическую очистку медных изделий производил В. Н. Кононов. После снятия тонкого слоя

знавая важность этих находок, мы перечислим их, сопроводив кратким описанием.

1. Обломок острья, прямоугольный в сечении, сильно патинизированный. Длина 6 см (рис. 51, а).

2. Обломок острья, прямоугольный в сечении. Жальце несколько отогнуто. На корпусе видны следыковки в виде легких вмятин. Длина 4.7 см (рис. 51, б).

3. Острие из узкого плоского прутика, у жальца округлое в сечении. Длина 3 см. Возможно шильце (рис. 51, в).

4. Острие, квадратное в сечении, у жальца округлое. В утолщенной части несколько изогнуто, здесь проходит излом. Возможно, это фрагмент медной шпильки. Длина 4.7 см (рис. 51, г).

5. Массивный прутяк, квадратный в сечении. Длина 5.2 см (рис. 51, б).

6. Массивный, изогнутый дужкой медный прутяк, овальный в сечении. Длина 6.3 см (рис. 51, м).

7. Массивный бесформенный обломок, возможно, заготовки. Длина 2 см (рис. 51, ж).

8. Очень тонкий изогнутый прутяк с острым концом. Вероятно, часть какого-то украшения (серьги или височного кольца?). Длина 2.3 см (рис. 51, д).

9. Массивное разомкнутое височное кольцо. Сечение прутяка, из которого оно изготовлено, округлое. Один конец кольца расщеплен вследствие коррозионного процесса. Другой конец утрачен. Кольцо имело овальную форму. Наибольший диаметр кольца 3.5. Толщина прутяка до 4 мм (рис. 51, к).

10. Пронизка из тонкой пластинки, свернутой в трубочку. Длина 1 см, диаметр 3 мм (рис. 51, л).

11. Рыболовный крючок, сделан из тонкого прутяка, с утолщенным жальцем. Имеет петельку для привязывания лески. Высота крючка около 1.5 см (рис. 51, и).

12. Рыболовный крючок, несколько больший по размеру, чем первый. Высота 2.2 см. Петелька утрачена, но сохранилось место перегиба от корпуса крючка к петле (рис. 51, а).

Оба крючка не имеют еще бородков у жальца. Сами жальца крючков, куда насаживалась наживка, несколько отведены от вертикально секущей плоскости, т. е.

опислов вещи приняли свой естественный цвет — красновато-желтый и серебристо-желтый.

так же, как и у современных рыболовных крючков. Этот технический прием, видимо, имел свое значение при лове на удочку, предполагающем подсекание захватывающей наживу рыбы.

Таким образом, в группе медных изделий мы можем отметить наличие прокалывающих инструментов, рыболовных крючков и украшений. Находим из меди мы придаем существенное значение уже потому, что это самые первые находки предметов из металла, вошедших в быт ранних земледельцев. В более поздних памятниках триполья медные изделия известны еще из раскопок В. В. Хвойко. В Веремье им был найден медный топор. Аналогичная находка сделана и в Колодяжном. В Кошиловцах обнаружены два медных шила и обломок проволочки, похожий на спираль. В не совсем ясных стратиграфических условиях несколько медных предметов найдено в Бильче-Злото и в Городнице на Днестре.¹ Т. С. Пассек, изучавшая поселение Поливанов Яр, тоже встретила несколько медных изделий, в том числе медное четырехгранное в сечении шило, обломок булавки и подвеску.² Совсем недавно в райетрипольском поселении Быриво Т. С. Пассек найден медный рыболовный крючок. В бассейне южного Буга медные изделия (шилья и иглы) были доставлены из Сабатиновки.³ В наиболее позднем по времени трипольском комплексе Усатово также имели место находки медных предметов — кинжалов, топоров, шильев. Помимо этого здесь же найдены украшения из серебра.⁴ Медные изделия обнаружены в небольшом числе и в других позднетрипольских местонахождениях, например, в Ольшанке, Срезлиевке.

В зарубежных памятниках трипольского типа находки медных предметов, кроме Извоара, известны из Бойнан, Пристеркюгеля, Эрбжда, Фрумушицы, Кукутен, Гу-

¹ J. Korcniicki. Dalsze poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. III, Краков, 1884, стр. 11.

² Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр, стр. 54.

³ А. В. Добровольский. Сабатиновское селище. . .

⁴ М. Ф. Болтенко. Усатовская культура и ее исторические связи. Тезисы доклада, Стеклограф. изд., Киев, 1940. — Т. С. Пассек. Об итогах научной конференции Института археологии, посвященной научению трипольской культуры. КСИИМК, вып. II, 1939, стр. 20.

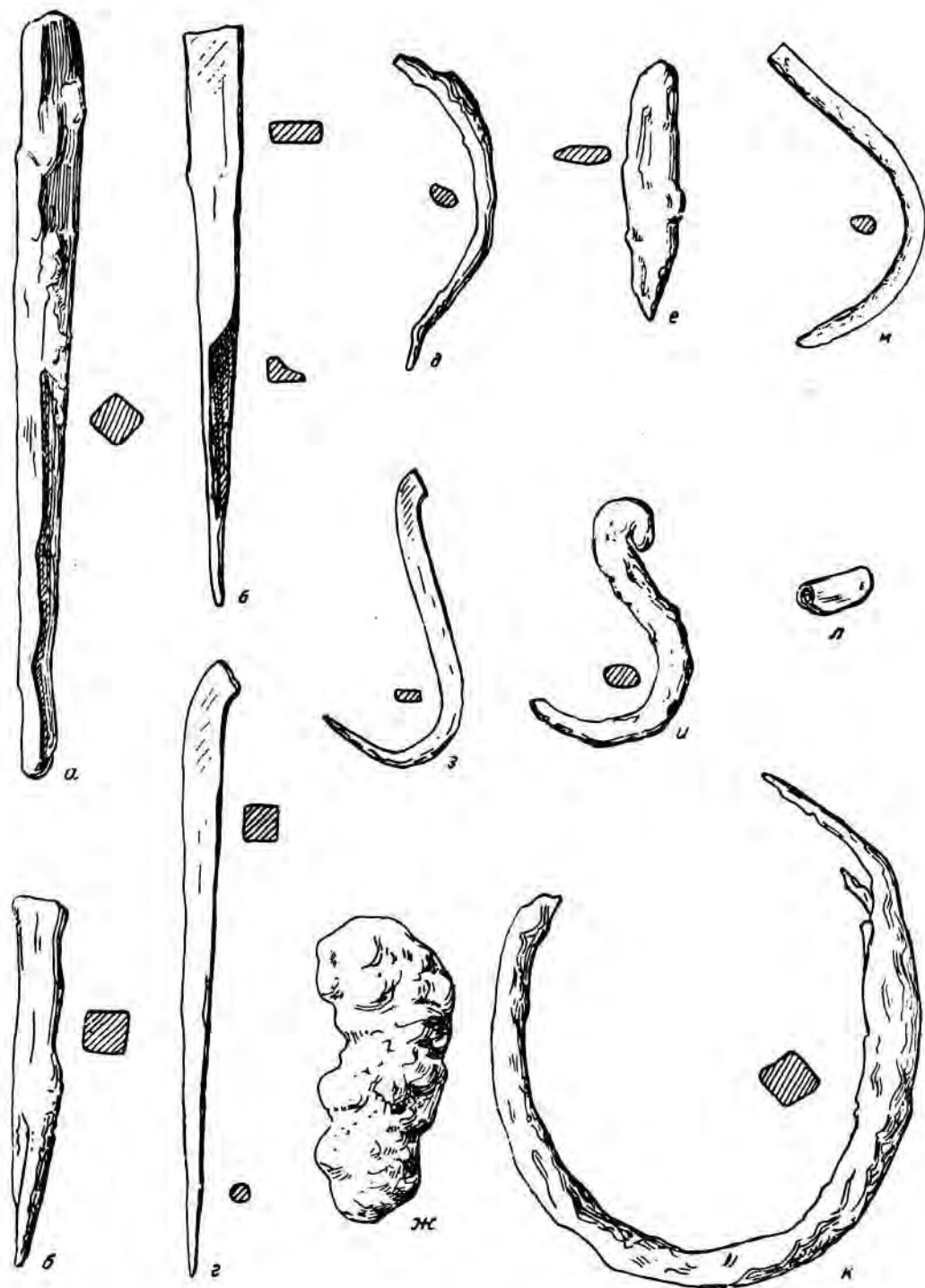

Рис. 51. Изделия из меди. (Увеличено в 2 раза).
 а—в медные шпильки; г — обломок шпильки; д — обломок подвески; е, ж — обломки медных изделий (заготовки?); з, и — рыболовные крючки; к — височное кольцо; л — проныска; м — заготовка для крючка (?).

мельницы, Руджиноазы, Кунешти (западнее Констанцы).¹ Однообразный и бедный набор медного инвентаря, во многом схожего с трипольским, дают и болгарские раннеземледельческие поселения: Коджа-Дермен (клин и две иглы-шила),² Мадара (четырёхгранное шило, бронзовые гривны),³ Деве-Берган (клин и две иглы-шила),⁴ Моровица (четырёхгранное шило),⁵ Султан (три шила, в том числе четырёхгранные),⁶ Балбунар (медное шило и неопределённый предмет),⁷ Юнацита (четырёхгранные шилья),⁸ Русе (11 предметов — шилья, булавки, одно четырёхгранное шило с костяной рукоятью),⁹ Свети-Кириллово (четыре иглы, или шила, и кинжал).¹⁰ На территории Югославии находки металлических предметов были в небольшом числе обнаружены в Винче.¹¹

Из приведенного списка раннеземледельческих местонахождений, где были найдены медные изделия, видно, что количество самих местонахождений, равно как и количество найденных там медных вещей, очень невелико. К тому же мы привели данные по памятникам уже развитого триполья или близких к нему по времени. Если же взять

¹ См.: Dacia, I, II, III, V, VI, а также: H. Schmidt. Cucuteni. — C. Matasă. Frușnița.

² Р. Поповъ. Коджа-Дерменската могила при гр. Шумель. Известия на Българското археологическо дружество, т. VI (1916—1918), София, 1919.

³ Р. Поповъ. Материалы за предисторията на Мадара. (Местоположение гривен в культурном слое недостоверно, — С. Б.).

⁴ Р. Поповъ. Могилата Деве-Берган. Годишник на народния музей за 1922—1925 гт., София, 1926, стр. 108—109.

⁵ Р. Поповъ. Разкопки в пещерата Моровица. Известия на Българското археологическо дружество, т. III, вып. 2, София, 1913.

⁶ В. Миковъ. Могилата при с. Султанъ. . .
⁷ В. Миковъ. Селищната могила при с. Балбунар. Известия на Българското археологическо дружество, т. IV, София, 1927.

⁸ В. Миковъ. Селищната могила при Юнаците. Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей 1937—1939 гт., София, 1940, стр. 71.

⁹ Д. Костовъ. Предисторическата могила до Русе.

¹⁰ G. Kazanow. Vorgeschichtliche Funde aus Sveti-Kyri-lovo. Prähist. Zeitschr., т. IV, вып. 1—2, 1914, стр. 87, рис. 24; стр. 88.

¹¹ П. Детевъ. Селищната могила в с. Св. Кириллово Старо-Загорско. Годишник на народния археологически музей, кн. VII, София, 1943, стр. 243. — М. Василь. Престориска Винча II, стр. 168—169.

памятники, синхроничные Луке-Врублевецкой, то в качестве примера, где найдена медь, можно указать лишь на Бырново и Изаоар I.

Таким образом, собрание медных предметов из Луки-Врублевецкой по сравнению с трипольскими и близкими к ним памятниками представляет довольно разнообразный комплекс. Заметим, что в ряде случаев предметы из Луки-Врублевецкой имеют свои аналогии в собраниях других раннеземледельческих памятников. Это касается прежде всего четырёхгранных шильев, найденных (кроме Луки-Врублевецкой) в Сабатниовке, Кошиловцах, Эрждае, Руджиноазе, Кукутенах, Кунешти и в ряде других, помимо уже упомянутых болгарских местонахождений.¹

Естественно предположить, что изготовление четырёхгранных в сечении шильев стояло в связи с еще неразвитой техникойковки металла и получило очень широкое распространение в более поздних памятниках, особенно эпохи бронзы.

До раскопок в Луке-Врублевецкой о наличии металлических рыболовных крючков у раннеземледельческих племен юга и юго-запада СССР ничего не было известно. Только совсем недавно Т. С. Пассек были обнаружены два медных рыболовных крючка из раннетрипольских поселений в Бырново и Соленчанах на Днестре (раскопки 1951—1952 гт.). В зарубежных местонахождениях находки рыболовных крючков имели место, но в исключительно редких случаях и притом в комплексах более поздних, чем Лука-Врублевецкая. Такие находки были сделаны в Пристерхогеле,² в Гумельнице³ и в позднем комплексе из Лейтгеля.⁴ Этим, собственно говоря, и исчерпывается список металлических рыболовных крючков из раннеземледельческих поселений юго-восточной Европы.⁵ Крючки из Гумельницы

¹ Известия на Българския археологически институт, т. II, София, 1924, стр. 223—224.

² J. Teutsch. Prähistorische Funde aus dem Burgenlande. Mitteil. d. Anthropol. Gesellsch. in Wien, вып. XXI, 1900, стр. 201, рис. 192.

³ V. Dumitrescu. Fouilles de Gumelnita. Dacia, II, стр. 99, рис. 74.

⁴ M. Wosinsky. Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel. Budapest, 1888, табл. XVI, рис. 108.

⁵ Находки медных крючков в Кассеоареале, о которых сообщает Стефан и на которые ссылается Думитреску, совершенно недостоверны (Ch. Stefan. Le fouilles de Cascioareale. Dacia, II,

и Пристерхюгеля могут быть вполне сопоставлены с крючками из Луки-Врублевцевкой. Они также принадлежат к архаическим типам крючков, не имеющим еще борodka у жальца, и отличаются от крючков из Луки-Врублевцевкой лишь положением петельки для лёски. В крючках из зарубежных местонахождений петелька изогнута в сторону жальца, у крючков из наших — наоборот, отогнута от жальца. В этом отношении крючки из Луки-Врублевцевкой больше напоминают крючки из свайных поселений Швейцарии или ранние формы крючков из поселений южного пояса.¹ Кстати, ленгвельский крючок из погребения № 13 отличается от только что названных. Он не имеет петли, она заменена зузубрилкой у головки крючка; кроме того, он как будто имеет признаки борodka. Плохое воспроизведение крючка из Ленгвеля не дает возможности точнее себе его представить.

Принимая во внимание ограниченность данных о качественном и количественном анализе металлов из раннеземледельческих поселений вообще, мы обратились в Центральный Институт металлов с просьбой произвести анализы состава металла, из которого изготовлены предметы, найденные в Луке-Врублевцевкой.²

Из 12 металлических изделий, найденных в Луке-Врублевцевкой, исследованию было подвергнуто семь: височное кольцо, два рыболовных крючка, два острия и два обломка неопределенных предметов. Результат анализа таков: четыре предмета состоят из чистой меди без всякой примеси (фрагмент острия-шпильки, рыболовный крючок, височное кольцо и обломок). Минимальные

стр. 196. — V. Dumitrescu. Fouilles de Gumelnita. Dacia, II, стр. 99.

¹ J. Morgan. La préhistoire orientale, II. Париж, 1926, стр. 136, рис. 174; стр. 214, рис. 267.

² Для анализа был применен новейший метод, завоевавший широкое признание в промышленности, — метод спектрального анализа. Исследование производил на большом кварцевом спектрографе научный сотрудник Центрального института металлов инженер Г. П. Коаловский. Применение спектрального анализа для изучения археологических объектов из металла дает ряд серьезных преимуществ перед химическим способом. Помимо экономии во времени и средствах спектральный анализ обеспечивает очень точную характеристику состава металла и, что также важно, не разрушает самого археологического объекта. В результате аэтиа пробы на месте соприкосновения искры с поверхностью предмета остается лишь небольшой след в виде окалина.

следы железа замечены среди линий чистой меди при анализе второго обломка. Другое острие содержит кроме меди 30—35% цинка и очень небольшой процент хрома. Второй рыболовный крючок кроме меди содержит примесь хрома (4—5%).

Из приведенных данных спектрального анализа видно, что древними земледельцами использовалась медь без применения специальных сплавов. Присутствие в трех объектах примесей к меди — цинка, хрома и железа — следует рассматривать как посторонние и случайные. Лишь высокий процент содержания цинка в одном изделии (острие), быть может, говорит о специальном его применении. С анализом предметов из Луки-Врублевцевкой целиком согласуется анализ топора из Колодяжного, выполненный в Институте археологии АН СССР О. Ф. Драко. Топор имеет следующий состав: меди 98.40%, кобальта 0.65%, т. е. топор изготовлен из меди без специальных примесей.¹

Анализ двух медных предметов из Поливанова Яра (спектрографический и полуколичественный) показал, что оба предмета на 99.999% состоят из меди (исследователи В. Г. Коричкин и Б. А. Колчин).²

Пользуясь аналитическими данными, полученными в результате исследования металлических изделий из трипольских памятников раннего и развитого этапов, можно с уверенностью заключить, что трипольское население на этих отрезках времени было знакомо только с медью. Уверенность в этом еще больше возрастает при привлечении, правда, очень скромных, данных по анализу металла из зарубежных раннеземледельческих поселений юго-восточной Европы. Нам известны два случая производства анализов: предметов из Кукутен и Коджа-Дермена. В Кукутенах содержание меди в изделиях колеблется между 95.05 и 99.88%.³ Клип из Коджа-Дермена содержит 99.47% меди.⁴ Остальные доли процента падают на посторонние и случайные примеси — цинк, железо, мышьяк, никель, кобальт. Таким образом, химический состав меди, из всех назван-

¹ Данные взяты из работы: Т. С. Пассек. Трипольская культура. . . , стр. 176.

² Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр, стр. 54.

³ H. Schmidt. Cucuteni, стр. 125.

⁴ Р. Поповъ. Коджа-Дерменската могила. . . , стр. 98.

ных здесь местонахождений указывает на однотипность металла.

Итак, несмотря на небольшое число анализов металлических предметов, происходящих из раннеземледельческих поселений, все же можно вполне определенно говорить, что в эпоху триполья на всем юго-востоке Европы для изготовления металлических предметов употреблялась только самородная медь. Сплавы меди с другими металлами, и в первую очередь с оловом, известны еще не были. Определить технологический процесс выплавки меди из руды и дальнейшей обработки слитков, т. е. превращения их в изделия, вследствие недостатка в материалах, рисующих эту сторону производственного процесса, пока еще трудно. Следует все же полагать, что малочисленность медных предметов и незнание с полезными свойствами сплавов указывают на неразвитость, примитивность металлургического производства. Нет данных, например, о применении литейной техники в раннем триполье, зато легко устанавливается придание формы изделиям с помощьюковки.

Медь больше всего шла на выделку украшений и мелкого производственного инвентаря (шпилья, крючки), а позднее — на изготовление клиньев или топоров. Последние по типологическим признакам проявляют черты сходства, хотя и происходят из отдаленных территорий (например юго-восток Европы и Малая Азия).

Касаясь источников сырья для выделки медных предметов, исследователи справедливо отмечают, что трипольское общество

получало медь из северных областей Балканского полуострова и Прикарпатья,¹ причем возможными посредниками в передаче меди трипольским племенам были раннеземледельческие племена низовьев Дуная.² На поздних этапах триполья усиливаются сношения Поднепровья с Дунайским бассейном и Малой Азией. По словам Т. С. Пассек, «медь в эту эпоху проникает в Причерноморье из двух районов — с юга, на восточного Средиземноморья, и с запада, из Прикарпатья».³ Если принять во внимание отсутствие источников сырья в виде медной руды в Поднепровье и восточнее, а также следов обработки руды на местах поселений, выводы исследователей о привозе меди представляются вполне убедительными. Вместе с тем можно предположить, что медеобрабатывающее производство восходит к странам древнего Востока, откуда оно проникло на европейский континент через островной мир и Балканы, вместе с первой передвижкой южных племен.

¹ В. В. Хвойко, например, считал, что трипольские медные предметы происходят из Семиградия или юго-восточной Венгрии (см.: В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, стр. 21]. К этой точке зрения примыкают Т. С. Пассек, Е. Ю. Кричевский, А. А. Иессен и другие авторы (см., например: А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 15).

² Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Повисовья... стр. 58. — Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 14 (карта), стр. 236.

³ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 215.

Глава III

КЕРАМИКА

Литература, посвященная изучению раннеземледельческих племен Европы, изобилует публикациями керамических собраний и отдельных находок. Не преувеличивая, можно сказать, что две трети сочинений по вопросам истории раннеземледельческих племен принадлежат рассмотрению керамики. Это и понятно, так как керамические собрания представляют наиболее массовый материал, добываемый при раскопках и сборах находок на поверхности. Керамика ввиду своей массовости открывает возможность широких сопоставлений и установления относительной и даже абсолютной хронологии.

Приходится отметить, что в области изучения керамики особенно распространился формальный типологизм, ставший «методом исследования» для многих зарубежных авторов. Западноевропейские публикации буквально пестрят изданиями керамики, часто без всякой исторической интерпретации публикуемых объектов. Нужно удивляться тому, как затушывается историческая проблематика излишними нагромождениями «аналитических» приемов изучения, искусственных «классификаторских» рубрик, терминологических определений, эстетствующих характеристик и прочих приемов «исследований», не идущих, однако, дальше рамок узко формального вещеведения. Тем не менее, за этими, казалось бы, невинными археологическими упражнениями западных «ученых» часто скрываются попытки связать расистские «теории» с археологическим материалом и тем самым оправдать экспансионистскую политику своих империалистических хозяев (Мух, Шухардт, Коссиа и дру-

гие). Эти приемы в разных их проявлениях хорошо известны советским исследователям, которые неоднократно разоблачали «воинствующих» археологов Западной Европы и Америки.

Советская археология тоже немало внимания уделяет вопросу изучения керамики, но направленность исследований не имеет ничего общего с той, какая наблюдалась и наблюдается сейчас в среде буржуазных ученых.

Советские археологи, вооруженные научным методом марксизма-ленинизма, преодолели формально-типологическую замкнутость в археологии и выступили с историческими построениями, наметившими ясную перспективу дальнейших работ, что может быть довольно полно показано на примере изучения керамики раннеземледельческих племен.

Направление изучения керамики шло от развернутой классификации керамических комплексов, имевшей целью расположить сами памятники во времени и проследить их пространственное размещение, к установлению смыслового значения орнаментальных мотивов на керамике.¹ Естественно, что эти задачи являлись лишь частью программы исследований для решения ряда крупных проблем, как то: происхождение раннеземледельческих племен, их этнографические особенности на отдельных территориях, культурно-исторические связи

¹ Правда, в этом направлении были сделаны серьезные ошибки, например, Е. Ю. Кричевским, пытавшимся истолковать орнаментальные сюжеты триполья, исходя из антинаучных вульгарно-материалистических концепций Н. Я. Марра.

между племенами и т. д. и т. п. В разрешении этих проблем керамике принадлежит далеко не последнее место.

С полным удовлетворением можно отметить, что русскими, а в большей степени советскими исследователями разработана подробная классификационная шкала для памятников триполья Украины и для аналогичных им памятников сопредельных зарубежных областей. Это стало возможным лишь после того, как был систематизирован большой керамический материал, добытый за все время раскопок памятников трипольской культуры.

Классификация Т. С. Пассек охватывает трипольскую культуру от ранних ее ступеней до поздних этапов развития, причем ранние памятники в ней представлены очень малым количеством самих местонахождений — это Борисово, Сабатиновка, Саврань, Красноставка и Озаринцы.¹ Из материалов более или менее полно опубликована керамика Озаринцев.

Тем важнее и интереснее сейчас принести материалы из Луки-Врублевецкой, составляющие коллекцию керамики, по времени относящуюся пока к самому раннему триполью, еще более древнему, чем некоторые вышеперечисленные раннетрипольские памятники.

Собрание керамики из Луки-Врублевецкой по количеству и полноте подбора керамических объектов превосходит все известные нам раннетрипольские памятники на нашей территории и за рубежом. В процессе раскопок обнаружено несколько тысяч черепков, причем основная масса их встречена в жилых углублениях и ямах. Только ничтожный процент фрагментов сосудов (1—2) подобран на древней дневной поверхности. Подавляющее большинство сосудов встречено в мелких, не подбирающихся к склейке черепках. Реже находились крупные обломки, иногда годные к реставрации сосудов. И, наконец, совсем редко попадались целые или почти целые сосуды. Сильная фрагментарность сосудов отличает поселение в Луке-Врублевецкой от трипольских «площадок», где, как известно, очень часты находки скопленных раздавленных сосудов, легко восстанавливаемых при склейке.

¹ Т. Пассек. La céramique tripolienne. Л., 1935.

Черепки из Луки-Врублевецкой в общем хорошей сохранности. Впрочем, очень часто они бывали покрыты известковым натеком, иногда сплошь маскирующим наружную и внутреннюю поверхность керамики. Известковый натек или корка, образовавшиеся в результате физико-химических процессов, происходящих в лёссовидном суглинке, в котором залегают остатки культуры, отмечены и на других археологических объектах — кости и кремне, но интенсивное отложение известковых солей все же более всего заметно на керамике.¹

В настоящей главе мы рассмотрим керамику в двух направлениях: 1) типы сосудов и 2) система орнаментации, предпослав основному изложению несколько замечаний по качеству глины и обжигу сосудов.

Мы пока не знаем места, где добывалась глина для керамических изделий Луки-Врублевецкой. Тем не менее нет никаких оснований предполагать, что пункт этот лежит где-то вне древнего поселения. Вероятнее всего, глина добывалась здесь же на месте, в отложениях плотного суглинка, очевидно из нижних горизонтов его. Как о том свидетельствуют специалисты, этот суглинок может вполне служить для изготовления керамических изделий. Он тонкоструктурен, вязок и содержит очень мало посторонних примесей. Нет сомнений в том, что в основной своей части керамика изготовлялась тут же на месте. Если можно говорить о привозной посуде, то только по отношению к единичным экземплярам, представленным небольшим числом черепков. На местное керамическое производство указывают наличие горна для обжига сосудов и комки глины, служившие исходным материалом для лепки их, обломки сосудов с изъянами, полученными при обжиге, и, наконец, само количество и качество керамики на поселении.

Что касается обжига сосудов, то можно сказать, что одинаково встречаются черепки сильного обжига и, наоборот, слабого — рыхлые, легко впитывающие влагу и не

¹ Удаление известковой корки производилось с помощью слабого раствора соляной кислоты, а в некоторых случаях, например, с кости, — механически. Трудность очистки объектов заключается в том, что известковый натек содержит очень большой процент кремнезема, не растворяющегося в кислоте и с трудом отделяющегося даже после удаления известковых частей.

слишком устойчивые даже при сравнительно небольшом механическом воздействии. О различиях в степени закалки можно судить по плотности глиняной массы, ее устойчивости при механических воздействиях и даже по звуку, издаваемому при легких ударах по черепку. Многое в определении степени обжига дает и цвет черепка. Некоторое значение имеют и примеси к глине (песок, дресва, толченые раковины). Последние являлись связывающим материалом и уменьшали усадку глиняной массы.¹

Цвет черепков дает многообразную гамму — от светложелтых, желтых, палевых оттенков до розового, красного и даже совсем темных тонов. Каких-нибудь ясно выраженных различий в степени обжига сосудов, определенно связанных с их назначением, с полной достоверностью установить не удалось. Кажется вероятным, что более прочной закалке подвергались сосуды, предназначенные для кухонных целей, хотя очень часто посуда различного бытового назначения тоже дает сильный равномерный обжиг.

Для выяснения способов обжига посуды большое значение приобретает горн, встреченный в жилище № 1. Горн представлял собой довольно сложное двухъярусное сооружение подковообразной формы, длиной до 2,4, шириной до 1,6 м (в сохранившейся части 0,8 м). Он имел широкое и невысокое устье с небольшим приступком; далее устье расширялось, переходя в объемистое топочное пространство, окаймлявшее дугой центральный «целик», служивший опорой для плоской плиты с круглыми «жаровыми» отверстиями («спрудухами», «люхтахами» или «дучками», по терминологии современных гончаров); толщина ее 6—7 см, диаметр отверстий 3—4 см. Эта плита, некогда перекрывавшая топочное пространство, обрушилась и после расчистки представляла бесформенный завал в топочном помещении. Под горна ровный, без обмазки. В устье горна сохранился свод, вылепленный из шести глиняных вальков. Кое-где на своде отмечались отпечатки жердей, служивших при постройке горна каркасом, сгоревшим при первых же топ-

ках.¹ Судя по интенсивности обжига стенок сооружения, местами доходящей до 16—17 см, горном пользовались длительное время.

Таким образом, горн состоял из трех помещений: 1) устья, куда помещалось топливо, 2) топочной камеры, окружавшей «целик», где происходил интенсивный процесс сгорания топлива, 3) верхней загрузочной камеры, в которой устанавливалась приготовленная для обжига посуда. Устье печи конструктивно не отделяется от нижнего топочного помещения. Последнее же отделено от верхней камеры, где происходил обжиг глиняных изделий, плитой с жаровыми отверстиями. Верхняя камера скорее всего была перекрыта временным плоским или купольным сводом, в котором находился дымоход. Из приведенного описания видно, что по своим конструктивным особенностям этот горн имеет аналогии в памятниках античности и раннего средневековья, весьма широко распространенных в Европе. Так, например, близкие по принципу устройства обжигательные печи известны и в античных городах северного Причерноморья. Имеются в виду керченская и фанагорийская печи, подробно рассмотренные в работе В. Ф. Гайдукевича,² а в особенности обжигательный горн, обнаруженный в станице Елизаветинской (тип № 1).³ Из аналогий, опять-таки близких только по принципу устройства к горну из Луки-Врублевецкой, можно указать на обжигательные печи, раскрытые в средневековом слое в Херсонесе.⁴ Значительно более близкими по конструктивным данным к горну из Луки-Врублевецкой стоит группа горнов, найденных в Троищове (Польша).⁵ Троищовские горны, равно как и горн из Овицкан (район Кшипицева), обнаруженный Г. П. Сергеевым, относятся к первым векам нашей эры.

¹ Ср.: И. Ф. Симоненко. Материалы к истории духовой печи на территории Украины. Кратк. сообщ. Института этнографии АН СССР, вып. VIII, М.—Л., 1949, стр. 17.

² В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. Изд. ГАИМК, М.—Л., 1934.

³ В. А. Городцов. Елизаветинское городище и сопровождающие его могальники. Сов. археолог., т. I, 1936.

⁴ А. Л. Якобсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса. КСИМК, вып. X, 1941, стр. 175, рис. 1.

⁵ Wiadomosci Archeologiczne, т. XIV, 1936, табл. XXVIII—XXXV.

¹ В. В. Хвойко отметил, что применение к глине примесей имеет специальную цель — увеличить прочность сосуда (см.: В. Хвойко. Обряд погребения с сожжением и его древность. Киев, 1906, отд. отт., стр. 5).

Само собой разумеется, что обнаружение горна в раннетрипольском слое Луки-Врублевецкой не могло не вызвать некоторых сомнений в правильности отнесения его именно к раннетрипольскому слою. Гораздо естественнее было бы встретить такой горн в верхнем горизонте вместе с остатками культуры времени «полей погребений». Однако объективные данные все же возвращают нас к мысли о принадлежности этого горна именно нижнему горизонту. Прежде всего стратиграфические данные, внимательно прослеженные на месте раскопок, указывают на отсутствие следов связи горна с верхним горизонтом. Никакого нарушения промежуточного слоя, который мог бы подтвердить такое предположение, на срезе не наблюдается. Конструктивно горн целиком связывается с жилищем, совпадая с западным краем его и не нарушая целостности жилого углубления.

Горн из Луки-Врублевецкой, по первому впечатлению, остается как бы одиноким, не имея себе аналогий в памятниках раннеземледельческих культур юга и юго-запада СССР и южной и юго-восточной Европы. Но это впечатление оказывается ошибочным, как только мы обратимся к фактам, пока еще довольно разрозненным, но показывающим, что обжиг посуды у раннеземледельческих племен происходил не только на кострах и в хозяйственных печах, но и в специальных горнах. Прежде всего обратим внимание на позабытые строки, написанные М. Я. Рудинским о раскопках в Кадиевцах (Бавках). Здесь, при раскопках трипольского комплекса им были встречены обломки печины с отверстиями и совершенно правильно интерпретированы как фрагменты от обжигательной печи. Нет никаких оснований допускать случайность появления в пункте раскопок этих фрагментов или же предполагать занесение их из других комплексов, скажем, античной или средневековой поры, присутствия которых в Кадиевцах не отмечается.¹ Недавно Г. П.

Сергеев сообщил нам, что при обследовании поселения Синешты недалеко от Кишинева он неоднократно находил обломки глиняных плиток, снабженных жаровыми отверстиями. Ни о каких других остатках культуры, кроме трипольских, на поселении Синешты Г. П. Сергеев не упоминает.

Обращаясь к зарубежным памятникам, можно также отметить присутствие в них глиняных обломков с жаровыми отверстиями, оставшихся непонятыми авторами публикаций. Так, например, в Кукутенах² был найден фрагмент плитки с отверстиями от керамического горна. Глиняный обломок с продухами встречен и в Ленгеле.³ Кроме того, в этом же плане можно рассматривать и находку плитки с продухами на Костешти, обычно неверно трактуемую как подставка со сквозными отверстиями для установки статуэток с коническими ножками.⁴

Вопрос о принадлежности горна с продухами из Луки-Врублевецкой к раннетрипольскому комплексу решается еще более определенно, если вспомнить, что в Фрумушице тоже был обнаружен горн. Здесь остатки горна были встречены в типичном трипольском комплексе расписной керамики.⁴ Согласно Матасу, горн из Фрумушицы состоял из нижней двухтопочной камеры, перекрытой купольным сводом. Над последним располагалась площадка с продухами, на которую ставились сосуды для обжига. Камера, где помещалась посуда для обжига, в свою очередь перекрывалась купольным сводом. Горн был разделен длинной перегородкой на две половины. Реконструкция Матаса имеет свои недостатки. Представляется неоправданным трехкамерное членение горна в вертикальном направлении, двухкамерность топочного помещения, отсутствуют данные о вытяжном приспособлении. Кажется более вероятным, что горн из Фрумушицы в конструктивном отно-

круг из выжженной глины, оказавшийся, по устройству вокруг него земля до самого материка, вылепленным из глины цилиндром 63 см вышины и 40 см в диаметре, в противоположной его части, внизу, находилось сводчатое отверстие. . . » (В. В. Хвойко. Каменный век. . . , стр. 760).

¹ Н. Schmidt. Cucuteni, табл. 36, рис. 3, крайний справа.

² М. Wosinskiy. Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel, табл. XXIX, рис. 220.

³ Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 95, рис. 50, 1.

⁴ С. Matasă. Frumuşica, стр. 25.

¹ М. Рудинський. Дослід на Кам'яничі. Коротке звітання Археологічного комітету за 1926 рік, Київ, 1927, стр. 132. В связи с находкой М. Рудинского не совсем понятным остается одно место из статьи В. В. Хвойко, которое наводит на мысль, что одно из описанных им сооружений в группе землянок является остатками обжигательной печи. Вот что сообщает В. В. Хвойко об исследовании ямы № 21 лят. В: «В чистом черновом явственно обозначился почти правильный

шении стоял ближе к нашему горну из жилища № 1. Можно предположить, пользуясь и более поздними аналогиями, что топочная камера непосредственно примыкала к площадке с продуктами. Едва ли обжигательная камера имела постоянный и прочный свод с дымоходом. Отсутствие в обоих случаях находок боковых проемов в загрузочной камере для выемки готовой продукции заставляет думать, что верхнее перекрытие носило временный характер и устранялось каждый раз после обжига сосудов. Отверстие для жаровой тяги и выхода дыма находилось, по всей вероятности, в верхнем перекрытии. Реконструкция Матаса, предполагающая наличие в горне двух топочных камер, ошибочна и потому, что он имел дело с разрезом внутреннего канала топочного помещения, окаймлявшего перегородку или центральный целик. К сожалению, Матаса пренебрегает публикацией полевой документации и предлагает читателю свою законченную реконструкцию.

Однако сейчас нам важны не столько детали конструкции обжигательных горнов триполья, сколько самый факт сооружения специальных, сложных приспособлений для обжига сосудов.¹

Благодаря раскрытию гончарной печи в Луке-Врублевецкой мы получаем возможность технологического объяснения процесса изготовления керамики у раннеземледельческих племен, т. е. именно той части процесса, связанного с обжигом, который оставался во многом еще неясным. В самом деле, разве не вызывает удивления раннетрипольская керамика из Луки-Врублевецкой или, скажем, керамика из любого трипольского поселения прочностью и равномерностью обжига, достигающего иногда почти до степени закалки фаянса. Думается, что прежние взгляды на использование в трипольское время при обжиге керамических изделий только костра или обычных хозяйственных печей, едва ли сейчас могут удовлетворить археолога.

Принимая во внимание, что лепка сосудов производилась только ручным способом, без применения вращающихся приспособлений, приходится удивляться мастерству и сноровке, которыми обладали мастера, изготавливавшие керамику. Они выработали

равнообразные формы сосудов, наделенные различной, подчас и сложной орнаментацией. Кроме того, симметричность в построении и равномерность отдельных частей сосудов оставляют впечатление о высокой развитости гончарного мастерства.

Перейдем к характеристике керамики из Луки-Врублевецкой.

ТИПЫ СОСУДОВ

Сосуды из Луки-Врублевецкой вполне отчетливо могут быть разделены на две большие группы: кухонная посуда и столовая посуда (посуда другого бытового назначения, т. е. сосуды, которые не служили непосредственно для варки пищи, не ставились на огонь, а употреблялись как емкости для жидкостей и сыпучих продуктов). Кроме того, небольшую группу составляют миниатюрные сосуды, в большинстве своем, вероятно, votivного назначения.

Кухонная посуда. Обломки кухонной посуды встречены в огромном количестве в жилых комплексах и очажных ямах. Глина, из которой приготовлены сосуды, довольно плохо отмучена, комковатая, содержит значительную примесь песка, а иногда и толченых раковин. Цвет одного и того же черепка часто неравномерный, вследствие неодинакового режима обжига для всей поверхности сосуда. Цветовая гамма на сосудах варьирует от светложелтых и красноватых до темнобурых тонов. Черепки часто сохраняют следы нагара с наружной и внутренней сторон. В изломе черепки в большинстве случаев имеют равномерную темную или светлую окраску. Иногда в изломе наблюдается и слоистость. Это особенно заметно на сосудах с недостаточно равномерным обжигом. Поверхность сосудов ввиду комковатости глины шероховатая, однако на ряде сосудов можно заметить следы поверхностной обмазки, т. е. ангоба, выравнивающего наружную и внутреннюю плоскости. Встречаются также фрагменты крупных сосудов, покрытые широкими вдавленными полосами — следами грубого сглаживания или даже специальной отделки, придающей стенкам примитивно рифленый вид.

Кухонная керамика состоит из горшков и корчагообразных сосудов (рис. 52, а, б).

По форме горшки варьируют от типичных горшков до сосудов, напоминающих

¹ Матаса отмечает находки обломков плиток с жаровыми отверстиями и в ряде других стоянок района Пятру-Ньямца (Ftusişca, стр. 35—36).

корчаги (табл. 29—31). Как правило, кухонные горшки отличаются крупными размерами. Редкие экземпляры имеют диаметр горловины менее 10 см и высоту менее 12—13 см, наиболее крупные — диаметр у горловины до 35—40 см и высоту до 30—50 см. Горшки все плоскодонные, часто с очень утолщенной донной частью, толстыми (до 20 мм) и равномерно выпуклыми стенками. Горловины горшков сформованы различными приемами. Наблюдается неко-

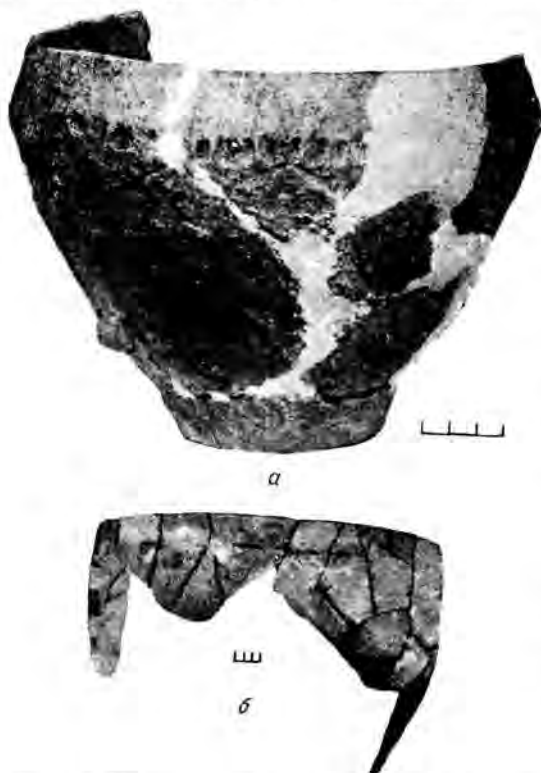

Рис. 52. Керамика. Образцы кухонной посуды.

торая зависимость их форм от степени выпуклости стенок. При сильно выпуклых стенках, несколько сближающихся от средней части сосуда кверху, венчики бывают отогнуты наружу. Горшки, приближающиеся к баночной форме, имеют прямую, широко раскрытую горловину, иногда отделенную от стенок небольшим уступом, придающим горловине вид воротника. У некоторых верхний край вогнут внутрь. Как правило, стенки сосудов снабжены различными налепами, видимо, не имевшими практического значения, но в отдельных случаях на горшках и корчагах сформованы ручки

в виде изогнутых ушков из вальков глины. Таким образом, формам горшков присущи различные вариации, которые придают большое разнообразие всей этой группе керамики.

Численно не меньшую группу составляют и мископодобные сосуды. Они достигают иногда очень больших размеров, уподобляясь крупным тазам¹ (табл. 32, 33). Эти округлые в плане сосуды применялись, видимо, для варки каш, а быть может, и выпечки хлеба, выглядят они как очень массивные изделия, с толстыми стенками и еще более толстым днищем. У некоторых сосудов толщина стенок достигает 10—20 мм, а днищ — 10—27 мм, высота 6—10 см, диаметр до 35 см. Как правило, глина, из которой сделаны миски и тазы, хорошо обожжена и комковата. Следы нагара обнаруживаются на внешней и внутренней частях сосудов. Чаще всего стенки мисок несколько отогнуты наружу, поэтому диаметр днища меньше диаметра горловины.

Т. Д. Белановская, специально занимавшаяся кухонной керамикой эпохи триполья, подробно охарактеризовала в своей диссертации, защищенной в 1949 г. в Ленинградском университете, эту большую группу кухонной посуды и проанализировала изменение керамических форм и приемов обработки глины на протяжении длительного времени. Поэтому мы только укажем, что для кухонной керамики развитого триполья сосуды с низкими бортиками типа мисок и тазов не являются характерными.

Образцы кухонной посуды нами приведены в их наиболее четко выраженных формах и выделены по специфике глиняного теста, из которого они изготовлены. Это, конечно, не значит, что посуда с более тонкими стенками и из эластичной глины не нашла своего применения в кухонном деле. В ряде случаев можно было наблюдать, что и тонкая посуда употреблялась в качестве кухонной, т. е. ставилась в очаги, на пламя костра. Это подтверждается следами нагара на внешних и внутренних частях. Не подвергались действию огня богато орнаментированные, лощенные или инкрустированные сосуды.

Столовая посуда и посуда другого бытового назначения. Эта группа посуды отличается от кухонной большим разно-

¹ Ср.: М. В а с и й. Преисториска Винча IV, табл. XXXIX, рис. 83, 99, а, в.

образом форм, лучшей отделкой и иной орнаментацией. Можно выделить следующие подгруппы, различающиеся по форме и назначению:

- 1) кринки, или кувшинообразные сосуды;
- 2) горшки;
- 3) сосуды, приближающиеся по форме к грушевидным амфорам;
- 4) сосуды с антропоморфными подставками;
- 5) сосуды на полых кольцевых подставках;
- 6) зооморфные сосуды;
- 7) сосуды на ножке;
- 8) ковши и ложки;
- 9) миниатюрные сосуды различных форм;
- 10) крышки от сосудов;
- 11) сосуды, представленные единичными формами.

Предложенное деление не предполагает пока разделения по приемам орнаментации.

Количественные соотношения между каждой из подгрупп весьма различны и колеблются от находок нескольких фрагментов (сосуды типа кринки и близких к кувшинам) до многих сотен фрагментов и даже целых сосудов (горшки).

Кринки, или кувшинообразные сосуды. Сосудов этого типа в коллекции имеется всего три, причем все они в виде фрагментов — венчиков с частями стенок. Наиболее крупный фрагмент представляет часть сосуда с высокой шейкой, сильно отогнутым венчиком, плавно покатыми плечиками и стенками, суживающимися книзу. На плечиках располагались, повидимому, четыре симметрично расставленные ручки. Сосуд, вероятно, имел плоское дно. Диаметр венчика 28 см. Высота сосуда была едва ли меньше 40—50 см, толщина стенок 0.7—0.8 см. Обжиг равномерный и достаточно сильный (табл. 34, а). Второй экземпляр имеет более отогнутый бортик венчика и более тонкие стенки. Диаметр венчика 24 см (табл. 34, б). Третий фрагмент представляет высокую шейку со слегка отогнутым краем венчика. Диаметр сосуда 10 см (табл. 35, в).

Не совсем уверенно к этой же подгруппе сосудов можно отнести крупный обломок с сохранившейся высокой шейкой в виде

воротничка и частью тулова.¹ Сосуд, видимо, был крупных размеров. Диаметр его 30—32 см, высота более 60 см.

Горшки. Этот тип посуды составляет самую большую подгруппу. Все они прекрасно отделаны лощением, часто придающим поверхности сосуда почти черный цвет. Глина хорошего качества, тщательно отмучена и сильно обожжена. Форма изделий правильная, симметричная, хотя они, как и все сосуды из Луки-Врублевецкой, леплены от руки. Толщина стенок очень невелика, в ряде случаев не больше 3—4 мм. Горшки варьируют в размерах — от крупных, высотой, вероятно, не менее 35—40 см с диаметром венчика до 30 см, до небольших горшочков, высотой 8—10 см и с диаметром венчика 8 см. Более мелкие изделия отнесены нами в другую подгруппу. Находки крупных горшков с тонкими стенками довольно редки, чаще встречаются горшочки средних и малых размеров. Небольшие горшки служили главным образом столовой посудой индивидуального пользования.

По форме подгруппа горшков не очень разнообразна, скорее наоборот — отличается довольно устойчивыми признаками. Все они имеют отогнутый наружу венчик в виде неширокого бортика, плавно покатые плечики, выпуклые стенки, суживающиеся книзу. Интересно, что на большинстве экземпляров донца не плоские, как на крупных кухонных горшках, а вогнутые, причем в некоторых случаях на 0.5 см внутрь сосуда. Вогнутость дна, повидимому, стоит в связи с приемом лепки на выпуклой поверхности, что дает возможность прочнее скрепить края дна с туловом. На одном экземпляре отчетливо выступают следы заглаживания нижней закраины стенки под дном.

Характерной особенностью горшков является небольшой диаметр дна, что придает им недостаточную устойчивость на плоскости. Примерное соотношение между диаметром венчиков и дном выражается в показателях 1:3, 1:4, 1:4.5, т. е. диаметр венчиков больше диаметра дна в 3—4½ раза.

Наравне с вогнутыми днами применялся и другой прием оформления их — в виде плоских цилиндрических кружков

¹ Ср.: Dacia, X, стр. 29, фиг. 12, рис. 2.

толщиной до 1 см. В таких случаях донце отделяется от нижнего края стенки, что придает сосуду большую устойчивость и нарядный вид, тем более что бортик донца всегда украшался нарезным орнаментом. Тулово горшочков иногда снабжено сосцевидными налепами с горизонтальным или вертикальным сквозным отверстием. Таких налепов, обычно располагающихся в средней зоне сосуда, бывает один или два.

Крупных обломков горшков, вполне пригодных для реконструкции их внешнего вида, а также целых сосудов в Луке-Врублевецкой найдено более 40 экземпляров (табл. 35—40).

Сосуды, приближающиеся по форме к грушевидным амфорам. Подобные сосуды постоянно встречаются в памятниках трипольской культуры, но в Луке-Врублевецкой эта подгруппа представлена всего лишь несколькими фрагментами, правда, настолько выразительными, что определение их не вызывает никаких сомнений (рис. 53). Они выделяются по своеобразному оформлению горловины, в сущности говоря, представляющей круглый невыделяющийся край в значительно суженной части сосуда. Характерной особенностью грушевидных сосудов является резкая профилировка (реберчатость), подчеркивающая сильно выдающиеся бока и сильно суживающиеся к горловине и днищу стенки. Судя по обломкам, величина сосудов небольшая и не идет в сравнение с крупными грушевидными амфорами развитого триполья. Один крупный фрагмент, принадлежащий более чем половине сосуда, разломанного в вертикальном направлении, дает наиболее полное представление о форме и величине этого типа. Он имеет 13 см в высоту, несколько более 13 см в поперечнике, в наиболее широкой части его. Диаметр горла 9 см, диаметр днища 6 см, толщина стенок едва достигает 0,5 см. Фрагмент сосуда снабжен одним боковым сосцевидным налепом с вертикально расположенным отверстием (табл. 40, в).¹

¹ Следует оговориться, что определяя названную подгруппу грушевидными амфорами, мы все же не отождествляем их с трипольскими сосудами этого типа, которые благодаря сильному расширению верхней трети сосудов имеют более грушевидные очертания.

Сосуды с антропоморфными подставками. Одной из очень существенных особенностей, присущей целой серии керамики из Луки-Врублевецкой, являются ясно выраженные черты антропоморфности. Иногда антропоморфные признаки переданы в доста-

Рис. 53. Керамика. Грушевидные сосуды.

точно натуралистической манере, но в ряде случаев приобретают настолько стилизованный или схематический вид, что могут быть восстановлены лишь с помощью промежуточных звеньев, раскрывающих их истинный смысл. Такая работа по установлению антропоморфных признаков выполнена нами в отношении сосудов с полой кольцевой подставкой, сосудов с руч-

ками, имитирующими согнутые в локте руки человека, и, наконец, в отношении кошей, у которых ручки также наделены антропоморфными чертами.

Антропоморфные сосуды условно расчленены нами на три типа — по степени натуралистичности передачи антропоморфных признаков. Первый тип составляют наиболее натуралистичные сосуды, а последний — сильно схематизированные. К промежуточному звену принадлежат сосуды, довольно стилизованно передающие отдельные черты человеческого тела, но все же легко выявляемые.

1) При раскопках Луки-Врублевцевой в 1945 г. в жилище № 1, среди массы обломков керамики, обнаруженной в жилом заполнении, был найден фрагмент сосуда — часть подставки (высота 8.2 см, ширина до 10.3 см) со скульптурно выполненной головой, шей и частью груди человека (рис. 7). Кроме того, сохранилась правая рука, согнутая в локте и поднятая вверх, как бы поддерживающая утраченное место сосуда, располагавшееся на голове скульптуры. Левая рука оказалась отломанной. Лицо человека имеет треугольное очертание, столь обычное для пластики раннеземледельческих племен, с едва намеченными ртом и глазами впадинами. Нос скульптуры, как, впрочем, и вся лицевая часть, сильно выдается вперед и сформован простым приемом «щипка». В целом лицо сделано в характерном стиле передачи физиономических признаков, свойственных скульптуре энеолитических племен юга и юго-востока Европы. Треугольное очертание лица скульптуры согласуется с изображениями лиц на сосудах, найденных В. В. Хвойко в памятниках триполья.¹ Обращают на себя внимание и другие детали, например небольшие отверстия в ушах и в локте скульптуры. Нет сомнения, что перед нами скульптурная ножка сосуда, вернее фрагмент ее. Сам сосуд помещался на голове скульптуры и поддерживался на поднятых вверх руках. Отверстия в ушах и локтях не могли иметь какого-либо практического значения и скорее всего предназначались для нити с украшениями. Близким аналогом сосуда из Луки-Врублевцевой, но отмеченным

большой стилизацией, служит известный расписной сосуд из Извоара II, изображающий человека, поддерживающего на поднятых вверх руках крупный амфоровидный сосуд² (рис. 55, б). Скульптурная ножка от сосуда из Луки-Врублевцевой дает наиболее натуралистично выполненный образ головы человека с частью туловища и поднятой вверх рукой.

В композиционном и стилистическом отношении сосуд из Луки-Врублевцевой, равно как и сосуд из Извоара II, очень напоминает сосуды из Родоса или Кипра, изображающие женскую фигуру на полой подставке, с воздетыми руками, поддерживающими само место сосуда. Винтер относит эти сосуды ко второй примитивной группе.³

2) Почти во всех раскопках в Луке-Врублевцевой были найдены небольшие уплощенные фигурки людей, отличающиеся от других многочисленных скульптурных изображений. Кроме того, что они уплощены и не имеют орнамента, они лишены также голов и ног (рис. 54, табл. 41). С внешней стороны фигурки имеют выпуклые седалищные части, а с внутренней — гладкую слегка вогнутую поверхность. Эти фигурки являлись деталями подставки сосуда. Такая подставка состояла из группы статуэток (рис. 55, а), расположенных по кругу и разделенных овальными отверстиями. В нижней части фигурки опирались на кольцевой отогнутый бортик, придающий устойчивость подставке. В верхней части на туловищах фигурок или условно сформованных рук помещался сам сосуд.⁴

Предложенная реконструкция целиком подтверждается находками сосудов в ранне-трипольских памятниках Побужья. М. Л. Макаревич при раскопках 1948 г. жилища № 3 в Сабатиновке II обнаружил сосуд, поддерживаемый тремя фигурами человека. Другой сосуд был найден им при раскопках в Греновке в 1947 г.⁴ Сосуд представляет круглую чашу, нарядно орнамен-

¹ Eurasia Septentrionalis Antiqua, XI, стр. 144.

² F. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakotten, I. Берлин, 1903, стр. 14, рис. 4; стр. 20, рис. 7.

³ Обломки фигурок, поддерживающих сосуд, недавно найдены Т. С. Пассек и в Поливановом Яру.

⁴ Оба сосуда принадлежат Институту археологии АН УССР. Фотографии сосудов любезно предоставлены нам М. Л. Макаревичем.

¹ В. Хвойко. Каменный век, . . . , стр. 784, 785, 804, 805.

тированную врезными линиями (рис. 55, и). Диаметр чаши около 30 см. Чаша помещается на полой кольцевой подставке (высота около 15 см), состоящей из пяти сти-

чающей гармоничностью в построении и пропорциях и, быть может, отражающей какой-то религиозный церемониал. Несколько более натуралистичной кажется под-

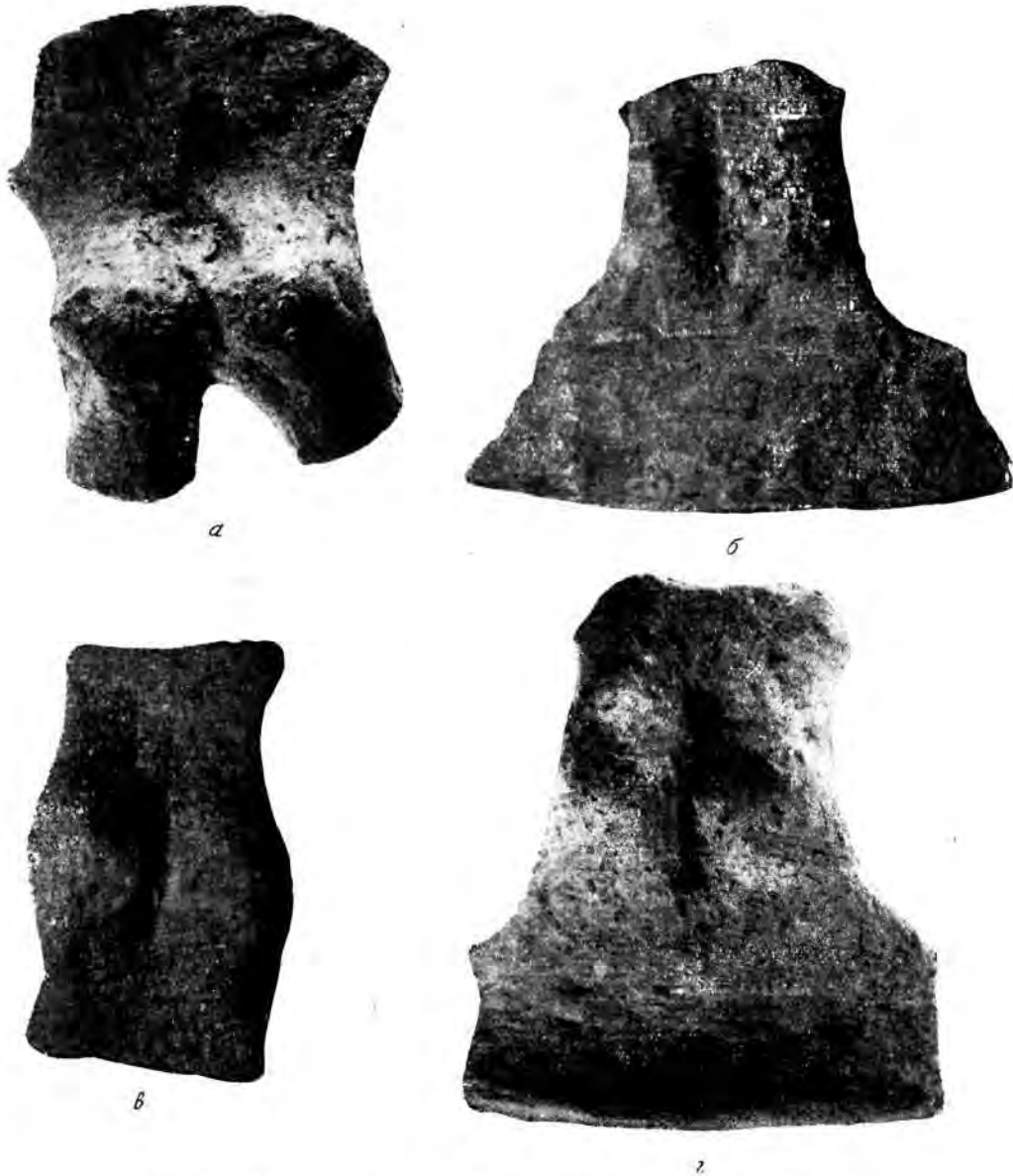

Рис. 54. Обломки антропоморфных подставок от сосудов. Н. в.

лизованных фигур людей, расположенных по кругу и разделенных четырьмя боковыми отверстиями. Основание подставки имеет вид отогнутого наружу кольцевого бортика. Сосуд из Греновки — это образец прекрасной скульптурной работы, отли-

ставка сосуда из Фрумушицы¹ (рис. 55, к). Композиционно подставка более сложна, чем у сосуда из Луки-Врублевецкой или

¹ С. M a t a s ă. Frumușica, табл. XXVII, рис. 249; описание: стр. 151 (примечание, реестр находок), на стр. 77 — реконструкция подставки.

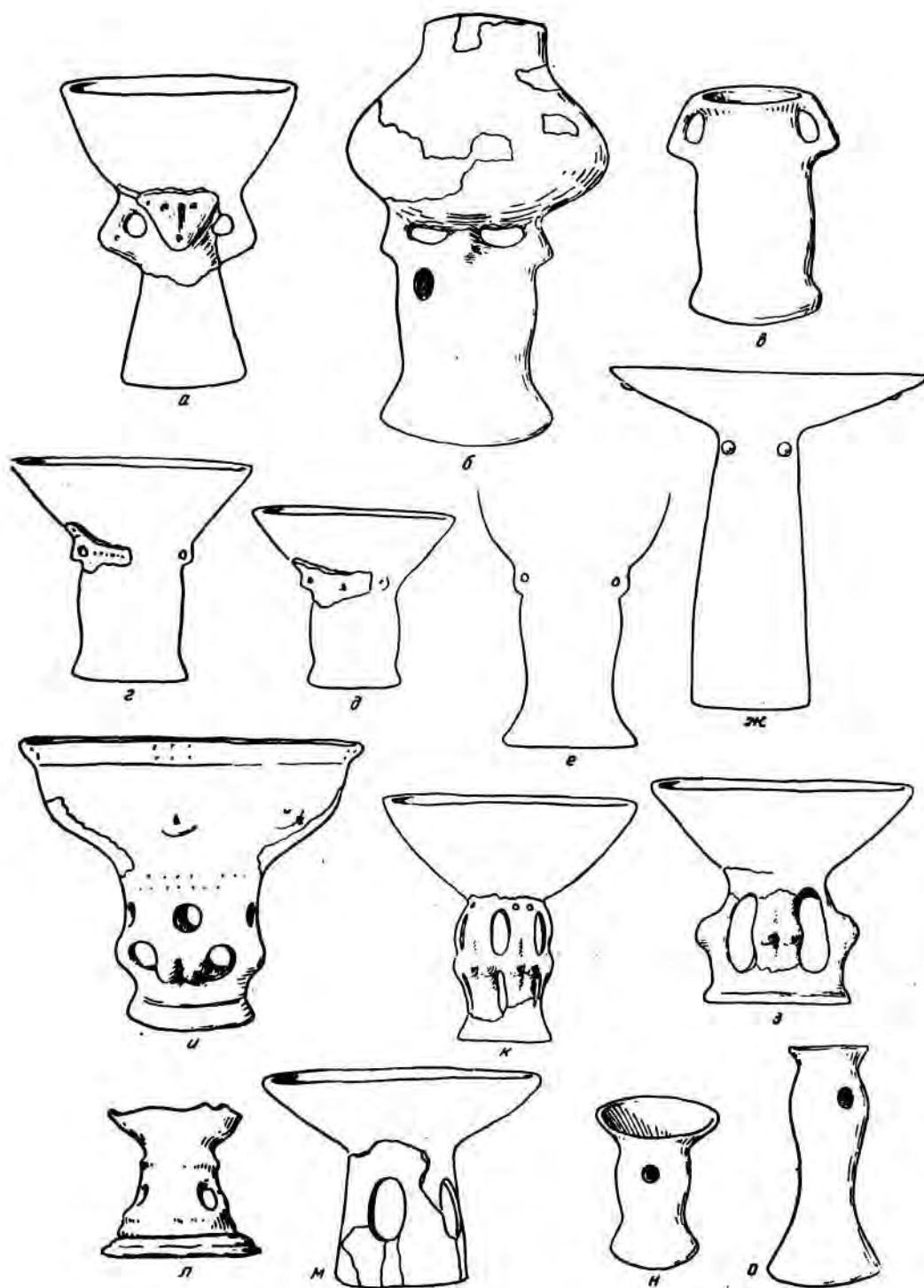

Рис. 55. Сосуды на антропоморфных подставках из различных местонахождений.
а — Лука-Врублевская; *б* — Извоар II; *в* — Фрумушица; *г* — Лука-Врублевская;
д — Озаринцы; *е* — Руджиноаза; *жс* — Ленггиль; *з* — Лука-Врублевская; *и* — Греновка;
к — Фрумушица; *л* — Бранденбург; *м* — Лука-Врублевская; *н, о* — Фрумушица.

Греновки, но по существу передает ту же идею построения. Подставка состояла из шести фигурок (сохранились четыре), расположенных по кругу и опирающихся на кольцевой бортик. Каждая фигурка отделена от соседней овальными отверстиями, расположенными в два яруса. В верхней части каждой фигурки имеется по два округлых отверстия, размещенных симметрично и выделяющих поднятые вверх и поддерживающие сосуд руки. Таким образом, сосуд поддерживало шесть «кариатид», скрепленных перемычками у верхней кромки подставки, на уровне ног, и у основания. Подставка украшена расписным орнаментом.

Исключительный интерес, главным образом с точки зрения территориального распространения, представляет находка чаши на подставке в Беллендорфе (Бранденбург). Конструкция подставки является такой же, как и подставка из Луки-Врублевецкой или Греновки (рис. 55, *ж*). Те же прорезы (две или три) расчленяют ее корпус. Больше того, закраины на прорезях имеют выемки с боков, а перемычки — выпуклости, передающие очень стилизованно седалищную часть фигурки человека.¹ Само вместелище сосуда — чаша — стилистически тоже перекликается с чашами на кольцевых подставках на юго-восточных областях Европы, на которых нередко можно встретить оформление краев сосуда различными выступами и налестями. Конструктивное отличие сосуда из Беллендорфа от юго-восточных заключается лишь в том, что он имеет плоский поддон, устанавливающийся под подставку, но не скрепленный с последней. Сосуд на антропоморфной подставке из неолитического комплекса Беллендорфа свидетельствует о проникновении этого типа сосудов в среднюю полосу Европы, возможно, из юго-восточных областей, где они получили наиболее широкое развитие.

Сопоставление приведенных материалов показывает, что сосуд из Луки-Врублевецкой со скульптурной фигурой человека, фигурки туловищ людей, входящие в скульптурное оформление полых кольцевых подставок, вполне отвечают сосудам из Ивоара II, Греновки и Фрумушицы

¹ A. Voss, *Keramische Stilarten der Provinz Brandenburg und benachbarter Gebiete*, Zeitschr. f. Ethnol., 1903, стр. 196, рис. 80.

и отличаются лишь разной степенью схематизации в изображении людей. Эта серия сосудов также достаточно просто выделяется по своим четким антропоморфным признакам.

3) Значительно труднее установить антропоморфные признаки на сосудах, где они сохранились в очень редуцированном виде, но тем не менее они все же выявляются вполне надежно. При просмотре керамики обращают на себя внимание ручки от сосудов, изгиб на которых совершенно отчетливо воспроизводит изгиб локтя в скульптуре человека, поддерживающего сосуд. Таких ручек из Луки-Врублевецкой известно семь (рис. 55, *з*; табл. 42, *з*). Сами сосуды уже утратили другие антропоморфные черты, и принадлежность их к этому типу выдает только форма ручек. Ручки от сосудов в форме локтевого изгиба хранятся и в Могилев-Подольском краеведческом музее и в Киевском историческом музее и происходят, по всем данным, из Озаринцев (рис. 55, *д*). О наличии антропоморфных ручек от сосудов сообщает М. Ю. Смишко, исследовавший уже давно вошедший в научный обиход памятник — Городищу.¹ Матаса воспроизводит подставку из Фрумушицы, но без боковых прорезей, снабженную двумя ручками в виде согнутых в локте рук² (рис. 55, *е*). И, наконец, в тисской культуре мы также встречаемся с сосудами (чашами) на подставке, с четырьмя или шестью ответвлениями, вылепленными в форме рук, согнутых чаще всего под прямым углом в локте, на которых помещается сосуд. Отдельно найденные ручки от сосудов, напоминающие локоть человека, известны, например, из Дарабан,³ Пристерхюгеля⁴ и других местонахождений.

Если бы мы не имели для сопоставления натуралистических скульптур, таких, как фигуры из Луки-Врублевецкой и Ивоара II, было бы нелегко угадать черты ан-

¹ М. Ю. Смишко. Раскопки поселения в Городище и новый вариант трипольской культуры. Доклад на IV научной конференции Института археологии АН СССР в Киеве 29—30 января 1941 г. (стенограф. изд.).

² C. Matasă, *Frumușica*, рис. 269.

³ Dacia, III, стр. 38.

⁴ J. Teutsch: Die spätneolithischen Ansiedlungen mit bemalter Keramik obern Laufe des Altflusses. Mitteil. d. prähist. Commiss. d. Akad. d. Wissensch., т. I, Вена, 1903, стр. 383, фиг. 101, рис. 49.

тропоморфности на некоторых сосудах, настолько они далеки от натурализма, совершенно затемненного условностью и схематизмом лепки. Приведем пример: в Луке-Врублевецкой был найден фрагмент крупного сосуда на подставке (часть днища и вместе с ним часть подставки). По ряду признаков мы можем утверждать, что подставка была усеченно конической формы и, может быть, имела боковые прорезы. Под дном сосуда имеется совсем небольшой налеп и след от утраченного другого такого же налепа, в которых нетрудно узнать согнутую в локте руку человека. Никакого практического значения этот налеп в виде руки иметь не мог — назначение его сводилось только к тому, чтобы придать сосуду антропоморфный вид. Однако эта передача уже во многом носит рудиментарный характер, хотя и распознается, несмотря на условность, совершенно бесспорно (рис. 55, г).

То же самое можно наблюдать и на глиняном ковшике, имеющем небольшой налеп в виде ушка под ручкой у самого вместилища. Этот налеп имел то же значение, что и редуцированные ручки на сосудах с подставкой. Насколько позволительно судить по уменьшенному в сравнении с оригиналом рисунку, таким же рудиментом данного мотива, прообразом которого была согнутая в локте рука человека, поддерживающая сосуд, является миниатюрная ручка на чаше, помещенной на полой кольцевой подставке, из Руджиноазы¹ (рис. 55, е). Найдена чаша вместе с комплексом расписной керамики типа триполья А. Миниатюрная ручка располагается между дном чаши и верхним краем подставки, наглухо скрепленным с дном, и как бы соединяет обе части сосуда. Совершенно очевидно, что никакого утилитарного значения эта ручка не имела и является только отголоском натуралистических изображений рук человека, поддерживающих сосуд. Вполне вероятно, что небольшие ручки, размещенные симметрично, могут быть истолкованы в том же смысле и рассматриваться как перемещение вверх по вертикали² (по Лашло группа G).

На совместное бытование натуралисти-

ческих и условно схематизированных образов в пластике на сосудах, так же как и в антропоморфной пластике в целом, очень убедительно показывает сопоставление моделировки рук, являющихся скорее всего ручками от сосудов. При этом следует учесть то обстоятельство, что лепное изображение руки в детализированных контурах вообще совершенно чуждо пластике триполья. Одни из таких ручек имитируют согнутую в локте и поднятую руку человека без проработки деталей ладони, вылепленной в виде лопаточки, другие воспроизводят человеческие руки вполне натуралистично (рис. 26; табл. 47, б, г).

Однако наши примеры не идут пока дальше возможностей определить антропоморфные сосуды по более или менее наглядным признакам. В одних случаях эти антропоморфные признаки вполне отчетливы, в других они выявляются по отдельным чертам и в сопоставлениях. Перейдем к сосудам, которые не носят внешнего отпечатка антропоморфности, но тем не менее, как нам кажется, относятся к тем же типам керамики. Прежде всего остановимся на сосудах с подставкой в виде полого кольцевого поддона.

Сосуды на полых кольцевых подставках (поддонах). Во время раскопок в Луке-Врублевецкой во всех жилых углублениях и очажных ямах были встречены фрагменты хорошо выделанных и обожженных сосудов, в стенках которых имелись сквозные боковые отверстия. Используя крупные обломки и литературные аналогии, удалось восстановить типы сосудов, имеющих полые кольцевые подставки, наглухо скрепленные с самим вместилищем. Надо сказать, что такие сосуды еще не освещены в нашей литературе, так как в наиболее показательных памятниках триполья в Поднепровье они выявлены не были. Зато, как стало теперь известно, они являются постоянным компонентом в трипольских памятниках Побужья, Поднепровья, а также в местонахождениях северо-восточных областей Румынии, по Ольту, в Венгрии. Как редкое явление они встречаются в памятниках Подунавья. Однако, например, в многослойном памятнике Винча присутствия сосудов на полых кольцевых ножках не отмечено, что, возможно, служит показателем не хронологического, а культурно-этнографического

¹ H. Dumitrescu. La station préhistorique de Ruginoasa. Dacia, III—IV, стр. 68, фиг. 13, рис. 10.

² F. Laszlo. Les types de vases peints d'Ariusd (Erösd). Dacia, I, табл. VIII, рис. 2, 2а.

различия в комплексах. То же можно сказать и о других областях распространения линейно-ленточной керамики, расположенных севернее и западнее в средней Европе.

Что же представляют собой сосуды на кольцевых подставках? Обычно это сосуды, состоящие как бы из двух резко разделяющихся частей: полый кольцевой ножки, или подставки-поддона, и самого вместилища на подставке. Форма подставки довольно устойчивая. Это или полый цилиндр, или же усеченный конус, иногда с отогнутым наружу круговым бортиком, придающим большую устойчивость сосуду в целом. Величина подставок различна: от 6 до 12 см и более высотой и до 20 см в диаметре. В боковых стенках подставок проделаны овальные отверстия размером $4-5 \times 2-3$ см и более. Эти отверстия располагаются крестообразно друг против друга в случае наличия четырех отверстий и симметрично одно против другого, когда в подставке их имеется два (табл. 43, 44). Труднее, оказывается, реконструировать верхнюю часть сосуда. Здесь на помощь приходит сравнительный материал и, в известной степени, сами находки в Луке-Врубленецкой (рис. 55, м).

В целом виде эти сосуды представляли неглубокие чаши, скорее всего полу-сферических очертаний, помещенные на полых кольцевых подставках с боковыми овальными прорезями.

Приведенное описание сосудов, имеющих полую кольцевую подставку, может показаться недостаточно убедительным для сближения этой подгруппы сосудов с антропоморфными, описанными в четвертой подгруппе керамики. Между тем, нельзя пройти мимо ряда характерных деталей, которые все же позволяют сопоставить между собой эти две подгруппы. Их сближает, во-первых, тождественная форма подставок-поддонов и, во-вторых, что еще важнее, — присутствие овальных прорезей на их боковых стенках, придающих им вид двух- или четырехчастных изделий. Разница между подставками из четвертой и пятой подгруппы состоит лишь в том, что на антропоморфных подставках из четвертой подгруппы пространство между прорезями заполняется лепными фигурками туловищ людей, а на подставках из пятой подгруппы пространство между боковыми прорезями остается свободным от лепных изображений.

Таким образом, здесь имеют место не конструктивные различия, а различия стилистические, идущие в направлении схематизации образа до степени полной оторванности его от предшествующих натуралистических звеньев.

Однако на этом еще не заканчивается процесс схематизации. В памятниках раннеземледельческих племен юго-восточной Европы, соответствующих по времени развитию триполю, в том числе и в местонахождениях, расположенных в бассейнах Днестра, Прута, Серета и несколько западнее, мы встречаемся еще с одним типом подставок. По внешнему виду это полые фигурные изделия, достигающие иногда внушительных размеров (до 40 см высоты). По существу говоря, это те же кольцевые подставки, видимо, того же функционального назначения, но несколько иначе оформленные. Как правило, узкая или широкая подставка имеет расширенную горловину, суженную шейку и несколько расширенные боковые стенки, постепенно снова суживающиеся и заканчивающиеся расширенным бортиком или краем (рис. 55, м). В этом построении есть много общего с подставками из четвертой и пятой подгруппы. Но здесь имеет значение, помимо внешнего сходства в абрисе, отдаленно напоминающем фигуру человека, еще одна любопытная деталь. Почти всегда в этих подставках имеется небольшое отверстие, располагающееся или ближе к верхней ее части, или, чаще, в зоне расширения стенок. Такие отверстия характерны иногда и для сосудов с натуралистическими антропоморфными изображениями (Извоар II, Видра) и даже для статуэток (Бутмир). Причем, что особенно интересно, на уже упомянутом выше сосуде из Извоара II сама подставка с отверстием является туловищем антропоморфного существа, поддерживающего на издетых руках сосуд (рис. 55, б). Это лучший пример трактовки туловища человека, по общему абрису близкий в то же время к форме подставок, о которых идет сейчас речь. Назначение отверстия в верхней части подставки остается пока еще непонятным. Во всяком случае, оно не связано с каким-либо технологическим приемом при обработке и обжиге сосудов, а имело, видимо, какой-то ритуальный смысл. Иногда круглое отверстие заменяется треугольным, не отмеченным в три-

польских памятниках, но прослеживаемых на сосудах с территорий от Месопотамии (Тепе Гавра) через Малую Азию (Троя) до Восточных Балкан (Караново). Не хотелось бы сейчас предлагать возможные объяснения значениям этих отверстий уже потому, что, не опираясь на факты, они останутся столь же мало убедительными, как, скажем, объяснения для отверстий в долменах. Пока для нас важно другое, а именно — установление антропоморфности и в этой, уже совершенно стилизованной группе подставок.

Ареал подставок в виде сильно стилизованного туловища человека еще недостаточно прослежен, однако в различных вариантах они обнаруживаются в памятниках от Передней Азии до юго-восточной Европы, на нашей территории — в ранних памятниках Побужья (Саврань, Сабатиновка II) и Поднестровья (Лука-Врублевская). Их наличие следует предполагать и в развитых трипольских местонахождениях типа Кадиевцев, Кудринцев, Дарабан и других. Они хорошо известны в бассейне Ольта и спордически появляются далее к северу. Краткое описание таких подставок мы находим у Лашло, разделившего их на две группы,¹ известны они и из местонахождений по Серету (Драгушены)² и из Руджииозы³ (тот же департамент Байа, где и местонахождение Драгушены) и Бонтешти (Валахия).⁴ Большая и разнообразная серия их найдена в Кукутенах⁵ и Фрумушице.⁶ Имеются они также и в болгарских раннеземледельческих поселениях, например в Яса-Тепе и Чиаове.⁷ Своеобразные чаши на подставках, снабженных отверстиями, происходят и из других более северных и северо-западных областей юго-восточной Европы.⁸ Из далеких, но весьма показатель-

ных аналогий укажем на подставки из Димини, Трои (I) и холма Гавра (Месопотамия), причем чаша на подставке из Трои имеет кроме боковых прорезей отверстие у ножки. В довольно редуцированном виде мы встречаемся с коническими подставками в относительно поздних памятниках энеолита и бронзы (Вадастра, Пожана и др.).¹ Интересно, что в Ваттине (южная Венгрия) в памятнике эпохи бронзы найдены чаши на подставке, во многом утратившие свой былой облик, но еще сохранившие отверстия в корпусе подставок.²

Мы рассмотрели сейчас подгруппу керамики, наделенную антропоморфными чертами, проследив различную степень их проявления, причем сосредоточили свое внимание на определенных типах сосудов, имеющих полые кольцевые подставки. Остановившись на этой наиболее многочисленной серии сосудов, мы пытались показать разнообразие вариантов их — от создания натуралистичных антропоморфных скульптурных образов до условных, совершенно схематических воспроизведений (рис. 55).

Конечно, приведенными материалами не исчерпывается разнообразие типов антропоморфизации. Даже на тех же кольцевых подставках можно выявить кроме отмеченных и другие элементы, наделенные признаками антропоморфности. Укажем, например, на передачу женской груди и лепке или росписи. В Луко-Врублевской таких подставок не найдено, хотя один обломок сосуда невосстановимой формы имеет две рядом расположенные выпуклости, передающие грудь женщины (табл. 59, ж). Такие изображения не являются большой редкостью и известны, например, в материалах из Петрен и Шипениц,³ а также в областях распространения линейно-ленточной керамики в Ленгеле⁴ и Тишаполгар.⁵

Было бы неправильным представлять себе наличие антропоморфных сосудов только

¹ F. Laszlo. Les types de vases peints d'Ariusd (Erösd), стр. 15—18. — F. Laszlo. Stations de l'époque prémycénienne dans le comitat de Hazamszék. . . , стр. 39, рис. 39, 42, 44.

² Dacia, III—IV, стр. 53.

³ H. Dumitrescu. La stations préhistorique de Ruginoasa, стр. 71.

⁴ Dacia, X.

⁵ H. Schmidt. Cucuteni, табл. 2, рис. 2; табл. 7, рис. 3—5; в приложении: табл. А, рис. 8, а—д.

⁶ C. Matasă. Frumușica, табл. XXX, рис. 243, 244, 253, 254, 265—267 и др.

⁷ Годишник на народния археологически музей Пловдив, кн. I, София, 1948, стр. 12, 160.

⁸ J. Vagner. Das Tisza-, Maros-, Körösgebiet. . . , табл. С—СI.

¹ Dacia, III—IV.

² M. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Viena, 1925, стр. 405. — H. Schmidt. Tröia—Mykene—Ungarn. Zeitschr. f. Ethnol., 1904, стр. 653—656.

³ Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России, табл. III, рис. 8; табл. VIII, рис. 10. — G. Child. Schipenitz. . . , стр. 275, рис. 22.

⁴ M. Wosinsky. Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel, табл. XIII, рис. 73.

⁵ Ferenc Tompa. Die Bandkeramik in Ungarn. Будапешт, 1929, табл. IV, рис. 2.

в областях, занятых трипольской культурой или в соседних с ней районах. Антропоморфные сосуды получили очень широкое распространение, особенно в раннеземледельческую эпоху, в Передней Азии, в южной, средней и центральной Европе. Правда, на каждой из названных сейчас территорий они имеют свои специфические особенности, свои стилистические черты и приемы моделировки, но в то же время проявляют и ряд тождественных признаков.

Приведенные нами сопоставления для сосудов на полых кольцевых подставках, в которых часто весьма отдаленно проскальзывают антропоморфные черты, можно было бы значительно умножить и тем самым показать распространенность явления антропоморфизации керамики, например, в области линейно-ленточной керамики. Однако в этом направлении многое уже сделано Е. Ю. Кричевским, к работе которого мы и отсылаем специально интересующихся этой темой.¹

Вопрос о назначении сосудов на подставках остается еще не вполне ясным. Вряд ли их можно объединить в одну группу по функциональным признакам. Даже опираясь только на материал из Луки-Врублевецкой как на единственную пока и довольно полную коллекцию, можно сделать в этом отношении некоторые выводы, правда, еще предположительного характера. Почти на всех фрагментах сосудов данного типа, у которых дно чаши скреплено с верхним краем подставки, с внутренней стороны имеется сильный нагар в виде тончайшей, но интенсивно выраженной, почти черной пленки. С нижней стороны дна сосуда и на самой полой подставке никаких признаков закопченности или нагара не замечено. Только на одном экземпляре ясно вырисовывается двухсторонняя закопченность. Сосуд этот очень низкий, так же как и его подставка. Им, вероятно, пользовались, переворачивая его и с верхней и с нижней стороны. В целом же можно с уверенностью говорить, что сосуды на подставке не ставились на огонь, зато внутренние стенки и дно самих сосудов, очевидно, находились в соприкосновении с пламенем, поэтому-то во вместилищах имеется осадок нагара. Можно думать, что меньше по раз-

мерам, грубые по выделке сосуды служили светильниками, а крупные лепные сосуды с реалистическими и схематическими изображениями людей имели тотемное значение и не употреблялись повседневно. В них разжигался огонь, возможно, только в определенные периоды празднеств и культовых отправлений.

Зооморфные сосуды представляют особую разновидность посуды в Луке-Врублевецкой. В разные годы на раскопках I и III были найдены два обломка, имеющие вид колеччатых сливов от сосудов. Оба они очень хорошо моделированы, несмотря на сложность формовки (табл. 45, а). По этим обломкам трудно было установить форму самих сосудов, до тех пор пока в жилище № 5 не был найден почти целый сосуд, объяснивший прежние находки (рис. 40, табл. 46). Сосуд из жилища № 5 относится к типу зооморфных, более точно — к птицеподобным сосудам. Тулово его имеет шейку в виде горловины-слива, оканчивающегося отогнутым бортиком. Со стороны, противоположной горловине, сосуд, суживаясь, заканчивается коническим хвостиком. Сосуд имел четыре ножки, утраченные еще в древности. Размеры сосуда: длина 14 см, высота (без ножек) 7,5, ширина 7,5, диаметр горловины 4,5 см. Сосуд снабжен интересными скульптурными деталями: ниже шейки, в области груди имеется характерный выступ в виде зобика, на плечиках симметрично с каждой стороны располагаются два ушка с горизонтальными отверстиями. Последние не имели никакого практического значения, как это приписывал им Носек применительно к сосуду из Добре (Польша). Возможно, что эти ушки передают в редуцированном виде крылышки. Поверхность сосуда имеет темный цвет и сохраняет следы тщательного лощения. Сосуд к тому же покрыт (за исключением брюшка) нарядным орнаментом в виде продольных трехбороздчатых каннелюр, чередующихся с одним-двумя рядами ямок. Шейка украшена круговыми каннелюрами. Основание шейки опоясано кругом ямок, составляющих узор, напоминающий ожерелье. Можно предположить, что ямки были заполнены белой пастой. Следует отметить, что несмотря на сложность формовки сосуда, он выполнен с большим мастерством, так же как и тот ритмичный орнамент, который нанесен на нем.

¹ Е. Ю. Кричевский. Орнаментация глиняных сосудов..., стр. 54—111.

Сосуды на ножке. Пока еще довольно трудно произвести вполне надежный подсчет сосудов, имеющих подставку в виде ножки, так как это затрудняется тем, что фрагменты этих сосудов (ножки) нелегко отличить от отдельно найденных ручек от крышек, те и другие бывают весьма схожи по типу и размеру. С уверенностью можно говорить только о восьми-девяти фрагментах, относящихся к сосудам, имеющим ножку. На бытование подобной керамики указывает и миниатюрный сосудик на ножке, сохранившийся в целом виде. Он представляет собой как бы модель более крупных экземпляров (табл. 54, а).

В коллекции из Луки-Врублевской имеются два типа ножек от сосудов: конический и столбчатый с кружком, служившим основанием ножки. В единичных экземплярах представлены и другие разновидности, однако не слишком отклоняющиеся от названных форм. Основания ножек чаще всего слегка или даже сильно вогнуты, но есть и совершенно плоские. И те и другие вполне устойчивы на плоскости. Среди керамики из Луки-Врублевской не встречено ни одного сосуда, способствующего реконструкции самих вместилищ, если не считать миниатюрного сосудика, о котором только что говорилось. Судя по аналогиям, отмеченным в находках трипольской культуры, приходится думать, что это были кубки или чаши, известные по публикациям Лашло, Васича, Матаса и других авторов. Однако в тех местонахождениях, где они встречены, число их незначительно. В собраниях из поселений развитого триполья этот тип посуды четко не выделен. Поэтому можно думать, что на правобережной Украине сосуды в виде кубков или чаш, установленных на ножку, не получили распространения.

В этой численно небольшой подгруппе сосудов мы опять-таки встречаемся с тем же явлением антропоморфизма, а возможно, зооморфизма, широко представленного в предшествующих подгруппах керамики (четвертая и пятая подгруппы). Имеется один экземпляр ножки от сосуда, опирающейся на круглую вогнутую площадку. Ножка эта имеет вид скульптуры, передающей изображение лица человека, а быть может, и птицеподобного существа (табл. 47). Как свидетельствуют боковые изломы, на скульптуре были непомерно крупные уши. Лице-

вая часть имеет сильно выступающий массивный нос с нанесенной на переносье глубокой насечкой. Рот передан в виде небольшой продолговатой ямки. Глаза расставлены симметрично и нанесены с помощью трубки, вследствие чего создается впечатление наличия в них зрачков. На шейке скульптуры имеется несколько ямок, расположенных вокруг шейки и сделанных с помощью той же трубки. От лицевой части шейка отделена врезной круговой линией. По краю подставки нанесены короткие насечки, имеющие декоративное значение.

Само вместилище сосуда не сохранилось. Судя по диаметру кружка подставки (4.5 см), это был небольшой сосуд, вероятно, в виде кубка.

Рассмотрев четвертую, пятую и шестую подгруппы сосудов, мы прежде всего должны отметить совершенно определенную тенденцию при изготовлении их — наделение сосудов антропоморфными чертами. Даже в тех случаях, когда эти черты затупеваны очень сильной схематизацией, все же с помощью анализа деталей и привлечения аналогий удается раскрыть антропоморфное содержание на больших сериях сосудов.

Таким образом, наряду со статуэтками вводится в орбиту изучения и другой антропоморфный пласт в керамике, известный раньше только по натуралистично выполненным образам. Впечатление о наделенности керамических комплексов из памятников типа Луки-Врублевской антропоморфными чертами еще больше усилится при рассмотрении следующей подгруппы керамики — ковшей и ложек.

Ковши и ложки. К числу многочисленных находок, характерных для керамики Луки-Врублевской, относятся ковши. Целых экземпляров при раскопках не встречено. Тем не менее крупные фрагменты самих вместилищ и многочисленные ручки от ковшей дают достаточно материала для полной реконструкции этого вполне сложившегося и прочно вошедшего в быт керамического изделия (рис. 56, 57; табл. 48—51). Наибольший диаметр полушаровидных вместилищ ковшей, видимо, не превосходил 10—12 см, при глубине 7—8 см; длина ручки от 4—5 до 10 см. Чаще встречаются ковши меньших размеров. Как правило, качество выделки их очень хорошее. Это относится прежде всего к самой глине, а также и к отделке ковшей. Поверхность

их часто имеет черный цвет, хорошо сглажена и вылощена.

Разнообразны по своему оформлению ручки ковшей — то круглые, то овальные в сечении, а иногда уплощенные. В общем виде ручки имеют коническую форму, так как они постепенно утолщаются от свободного конца к месту прикрепления их. Очень часто свободный конец ручки расширяется, образуя фигурную уплощенную площадку, иногда снабженную сквозным отверстием,

Рис. 56; Фрагменты глиняных ковшей.
1/2 н. п.

предназначенным для подвешивания ковша. В ряде случаев конец ручки выглядит как простое утолщение — головка. Несколько уплощенных ручек заканчиваются плечиками, от которых идут боковые грани, сходящиеся кверху, образуя фигурный конец в виде треугольника. На таких ручках имеется одно или два сквозных отверстия очень небольшого диаметра (3—4 мм). Корпус ручек у большинства экземпляров несколько изогнут, при этом на них кроме сквозного отверстия на конце имеется продолговатое отверстие, вытянутое по центральной оси ручки; длина отверстия 3 см. Служило оно, может быть, для продевания ремня. У отдельных экземпляров сквозное

продолговатое отверстие в средней части корпуса ручки заменено округлым отверстием, расположенным ближе к вместилищу. Одно такое отверстие на изогнутой ручке сделано почти у самого вместилища, диаметр его около 1,5 см, причем с нижней стороны диаметр его меньше. Это обстоятельство заставляет предположить, что отверстие служило для подвешивания ковша на колок, вбитый, например, в стену, причем ковш был обращен внутренней частью вместилища к стене (табл. 49, а). Среди многочисленных ручек от ковшей, собранных в Луке-Врублевецкой, обращает на себя внимание группа, имеющая на корпусе плечики. Расположены они или в верхней части, ближе к свободному концу, или, наоборот, у места скрепления с вместилищем. В редких случаях можно наблюдать двухрядное расположение плечиков в верхнем и нижнем отделах ручек.

Сравнивая моделировку ручек от ковшей со статуэтками, нетрудно убедиться в их сходстве,¹ которое еще больше усиливается при сопоставлении приемов орнаментации тех и других изделий. Не остается сомнений в том, что большая группа ручек от ковшей имитирует фигурки людей в более или менее стилизованной манере. В связи со сказанным нельзя не отметить и наличия с нижней стороны ковша на месте скрепления ручки с вместилищем специальных налепов (у двух экземпляров), передающих в очень редуцированном виде согнутую в локте руку человека. Этот прием хорошо известен по серии сосудов, имеющих кольцевые подставки. Здесь на ковшах эти налепы никакого практического значения не имели и сохранились как рудимент, перешедший от натуралистических образов, воспроизводящих в пластике человеческую фигуру, подерживающую сосуд.

Единственной в своем роде находкой является небольшой ковшик-черпачок, довольно грубой отделки, из жилища № 5. Он интересен в том отношении, что, помимо плечиков у места скрепления ручки с вместилищем, имеет на конце ручки схематическое изображение головки, больше всего напоминающей головку птицы с хохолком. В сочетании с плечиками, быть может, передающими крылья, общий облик черпачка

¹ Сходство это иногда настолько велико, что трудно отличить статуэтку от ручки ковша.

действительно близок к фигурке птицы (рис. 41; табл. 52).

Если для керамического собрания из Луки-Врублевцевой большое количество ковшей, в том числе имеющих антропоморф-

в Извоаре II, Эрöжде, Кукутенах А.¹ Кроме того, их наличие может быть также отмечено в Траяне, Фрумушице, Пристерхюгеле. На более поздних этапах развития триполья они уже не встречаются. Таким образом,

Рис. 57. Фрагменты ручек от ковшей. Н. в.

ные ручки, является характерным, то для памятников развитого триполья присутствие их не столь обычно. Ковши из памятников раннего триполья известны в ряде пунктов, причем, как это явствует из таблицы основных находок для среднего этапа В-I, составленной Т. С. Пассек, они присутствуют

как будто фиксируется определенное время появления их — именно на самых ранних фазах трипольской культуры и исчезновение их уже на этапе В-II. Ковши из раннетрипольского комплекса Луки-Врублевцевой

¹ Т. С. Пассек. Периодизация... , рис. 12, 34, 67.

резко отличаются от ковшей из триполья этапа В-I. Эти отличия идут в основном по линии оформления ручек. На этапе В-I сохраняется фигурность отделки концов ручек, но отверстий у основания ручки или расположенных ближе к ее концу у них не наблюдается. Например, особенно характерны многочисленные ручки ковшей из Фрумушицы, которые имеют скорее вид вытянутого треугольника, без какой бы то ни было лепной проработки деталей и даже фигурного оформления концов.¹

Для раннего триполья коллекция ручек от ковшей из Луки-Врублевецкой, впрочем, так же как для триполья на территории СССР вообще, составляет пока единственное собрание. В зарубежных изданиях опубликован всего лишь один мало выразительный фрагмент ручки от ковша с отверстием у ее основания — из Извоара I.² Несколько приближаются к ручками от ковшей из ранних памятников подобные же находки из Пристерхюгеля.

Из сказанного можно, повидному, сделать заключение о различиях в оформлении ручек ковшей на этапе раннего триполья и следующего за ним этапа В-I. Антропоморфные, округлые или овальные в сечении ручки от ковшей являются более ранними, чем уплощенные ручки, не имеющие антропоморфных черт, происходящие из памятников этапа В-I. Это уточнение признаков, вероятно, поможет в дальнейшем и уточнению относительного возраста памятников триполья.

Значительно меньшую подгруппу керамических изделий составляют глиняные ложки. Кстати сказать, этот вид изделий вообще представлен в памятниках раннего этапа очень небольшим числом экземпляров. Наиболее выразительные формы могут быть отмечены в коллекции из Сабатиновки. Обломки ложек как будто встречены и при раскопках в Озаринцах. Известны они также из трипольских поселений Дарабаны, Ленковцы, Попикова Крыница,³ Кадиевцы. Очень глухие сведения о единичных находках обломков глиняных ложек можно почерпнуть из зарубежных публикаций и музейных собраний, происходящих из относи-

тельно ранних земледельческих поселений.⁴ В Луке-Врублевецкой найдено всего 4 ложки, причем у всех утрачены ручки, но хорошо сохранились вместилища. Размеры вместилища ложек от 5×3,5 см до 8,5×7 см, глубина от 1 до 3 см. По форме вместилища близки к кругу или овалу (табл. 53). По общему облику ложки очень напоминают современные деревянные.

Можно предположить, что столь редкие находки ложек в памятниках триполья на всех этапах развития культуры — явление не случайное, тем более что ковши являются скорее всего производными от ложек. Естественно думать, что и ложки находили широкое применение в быту, но не сохранились, так как чаще всего изготовлялись из дерева. Кажется странным и исчезновение из набора бытового хозяйственного инвентаря ковшей уже на этапе В-I. Этот предмет домашнего обихода, как показывают находки в Луке-Врублевецкой или в Фрумушице, глубоко вкоренился в быт с его устойчивой и целесообразной формой. Исчезновение из земледельческого хозяйства ковшей, где они, по существу говоря, необходимы, едва ли имело место и действительности. Скорее можно предположить, что ковши продолжали бытовать и позднее, но постепенное и все улучшающееся овладение приемами обработки дерева привело к замене глиняных ковшей деревянными.

Миниатюрные сосуды различных форм. Особую и специфическую группу составляют миниатюрные сосуды, находки которых не являются редкостью на раннеземледельческих поселениях. Обычно миниатюрные сосуды повторяют форму средних и крупных сосудов, бытовавших в раннеземледельческой хозяйственной среде (рис. 58). Выделаны они из той же глины, что и большие сосуды, но обжиг их в ряде случаев менее сильный. Едва ли можно представить себе практическое использование их в хозяйстве. Слишком малая емкость сосудиков и разнообразие форм скорее говорят об ином их использовании, например для жертвенных приношений пищи и «кормления» домашних оягнов. Вотивное назначение небольших сосудиков не раз отмечалось этнографами

¹ С. М а т а с ь. Frumuşica, табл. XLII и др.

² Eurasia Septentrionalis Antiqua, т. XI, стр. 141, фиг. 7, рис. в.

³ Т. С. П а с с е к. Трипольские поселения на Днестре, стр. 43, 45.

⁴ Dacia, III—IV, стр. 97, или фотоархив ИИМК № 78638 (собрание музея г. Брно).

■ археологами, изучавшими верования восточных, северо-восточных и центрально-азиатских племен.¹

Миниатюрные вотинные сосуды подразделяются на ряд типов (табл. 54, 55).

1) Сосуды в виде тазиков (2 экз.). Диаметр их 4.5 см, высота не более 1.5 см. Они имеют прямоугольное очертание с закругленными углами, приближаясь по форме к небольшой ванночке (табл. 54, ж, е).

Рис. 58. Миниатюрные сосуды. Н. в.

2) Значительно шире представлены горшочки (11 экз.). Между прочим, и в основной коллекции кухонные и столовые горшки численно превосходят все другие керамические типы. По форме горшочки вполне соответствуют крупным горшкам, но по характеру выделки несколько отличаются, так как имеют утолщенные стенки, что, однако, не меняет их внешнего облика. Сходство их с крупными изделиями проявляется даже в деталях, например в наличии на тулове сосцевидных выступов. Из всех найденных в Луке-Врублевецкой горшочков орнаменти-

рованы только два. Один из них богато украшен прямыми и косыми нарезными линиями. На донце его имеется орнамент в виде креста, между лучами которого нанесены ямки. Другой имеет двойную круговую линию у венчика сосуда.

Размеры горшочков: самый миниатюрный экземпляр имеет до 2.5 см высоты при диаметре горловины 2.2 см; наиболее крупные — 5 см высоты при диаметре горловины до 5 см.

3) Сосуды с округлым донцем (7 экз.). Форма их ближе к полусферической. Все они отличаются правильностью пропорций. Встречаются экземпляры грубой лепки, с толстыми несглаженными стенками. Размеры: наиболее крупный экземпляр имеет диаметр 6 см, высоту 3.5 см; диаметр наименьшего 3 см, высота его 2 см.

4) Сосуды на ножке (5 экз.). Это открытые мелкие сосудики в виде конических неглубоких чашечек, стоящих на столбчатой ножке. Основание ножек у четырех сосудов не сохранилось. В этой серии выделяется миниатюрный сосудик (высота 4 см, диаметр вместилща 3.3 см), установленный на короткую столбчатую ножку, расширяющуюся книзу и сильно вогнутую. Сосудик довольно устойчив, хотя в своем построении несколько асимметричен — один край вместилща приподнят. Диаметр остальных сосудов от 3 до 5 см (табл. 54, а).

5) К числу небольших сосудов может быть отнесен и конический сосуд (высота 4 см, диаметр венчика 5.5 см, диаметр донца 1.5 см). Несмотря на очень небольшой диаметр донца по сравнению с диаметром венчика (5.5 : 1.5), сосудик все же сохраняет устойчивость. Один край его имеет выступ, по которому идут следы излома. Можно предположить, что сосуд формовался как ковшик (табл. 55, в).

6) Фрагмент кольцевой подставки, имеющей боковую овальную прорезь. Нетрудно убедиться в том, что перед нами в сильно уменьшенном виде одна из антропоморфных подставок, описанием которых мы занимались выше (табл. 54, е).

К сказанному о миниатюрных сосудах можно добавить, что основной чертой, присущей им, является редкая орнаментация на них. Из 25 сосудиков или фрагментов их только на пяти можно отметить признаки орнаментации, причем в четырех случаях очень бедной. Лишь один сосудик (горшочек)

¹ См., например: П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 21, 1951, стр. 93.

богато и разнообразно орнаментирован (табл. 54, б).

Итак, бóльшая часть миниатюрных сосудов не могла служить каким-либо практическим целям. Их действительно можно рассматривать как культовые предметы. Вместе с тем можно предположить, что самые маленькие сосудики служили предметами, составлявшими часть инвентаря, входившего во внутреннее убранство моделей жилищ. Это кажется вполне вероятным не только по аналогии с известной моделью жилища из Сушковки, но и по моделировке некоторых донцов сосудиков. Последние отличаются часто неустойчивостью, свидетельствующей о необходимости закрепления сосуда на плоскости или прикреплении его к стенке модели жилища.

Крышки от сосудов. Эти предметы представлены многочисленными обломками. В раннеземледельскую пору человек, очевидно, уже уяснил себе преимущества, которые вытекали из бытовой практики варки пищи, и особенно зерна, в закрытых сосудиках. Кроме того, крышки на сосудах предохраняли продукты от порчи и расхищения их грызунами. Мы не знаем из Луки-Врублевецкой ни одной целой крышки для сосудов. Но судя по обломкам, здесь не встречено так называемых шлемовидных крышек, столь распространенных в последующие этапы развития триполья, особенно на этапе В-II.¹ Что же касается конических крышек, то с полной уверенностью можно говорить о том, что они отмечаются на этапе В-I и сохраняются в хозяйственном инвентаре на этапе В-II, а возможно, и позже, но их наличие уже в сложившейся и развитой форме фиксируется и на более ранних этапах триполья, чем этапы В-I и В-II.

В Луке-Врублевецкой вполне надежно можно выделить два типа крышек: конические и полушаровидные. Но эти отличия носят скорее формальный характер (табл. 51, г—е), функциональное назначение их было одно и то же. Диаметр крышек доходит до 30 см. Поверхность их часто хорошо вылощена и покрыта нарядным орнаментом. Все без исключения крышки от со-

судов в верхней своей части снабжались ручками в виде коротких цилиндрических столбиков, обычно украшенных каким-нибудь орнаментом. Верхний конец ручек украшался часто круглой, слегка вогнутой шляпкой, а в ряде случаев оформлялся фигурно, в виде грибка, а иногда и более сложно. На одной такой ручке от крышки имеется, например, на шляпке грибка квадратная площадка, увенчанная небольшим шариком. Таким образом, можно сказать, что кроме нарезной орнаментации, при изготовлении крышек от сосудов применялись и другие формы украшения их — с помощью лепки, причем лепными украшениями снабжались только ручки. Вместе с тем можно отметить также и применение насечек по краям шляпок на ручках. Такой прием орнаментации имел в виду сделать гладкий край шляпки волнистым или рубчатым (табл. 56, а).

Сосуды, представленные единичными формами. До сих пор мы говорили о типах сосудов, встреченных при раскопках в Луке-Врублевецкой целыми сериями. Но вместе с ними были найдены единичные экземпляры сосудов, несомненно, представляющих значительный интерес. На некоторых керамических формах мы вкратце остановимся. Обращает на себя внимание крупный фрагмент сосуда с сохранившимся сливом в виде конической трубки длиной 4,5 см, диаметром до 1 см (табл. 45, б). Эту находку хотелось бы сопоставить с целым рядом аналогичных ей изделий, в том числе и из Сабатиновки.¹ Однако это сравнение оказывается недостаточно убедительным, так как сосуд из Луки-Врублевецкой, в отличие от подобных сосудов из других местонахождений, был очень мелким, о чем можно судить по сохранившемуся покату бортику. Кроме того, само отверстие слива размещается почти у верхней кромки бортика. Естественно, что малая вместимость сосуда и высокое расположение отверстия слива едва ли говорят об использовании сосуда в качестве вместилища, нуждающегося в сливе. Думается, что здесь мы имеем дело с жировым светильником, а сквозное отверстие служило для помещения в нем фитиля.

¹ Например, в Триполье, Щербаковке и Веремье, а также в других поселениях этапа В-II в Киевской области, в Пьянишкове на Уманщине, во Владимировке (Побужье), в Колодяжской и, видимо, в Кудриницах (Поднестровье).

¹ Археологічні дослідження на території Богесу... , табл. 36. — М. Васи́. Престориска Винча IV, табл. XXXV, рис. 63, 86, а, д. — Ferenc Tompa. Die Bandkeramik in Ungarn, табл. XXIII, рис. 9; табл. XXIV, рис. 5.

К числу любопытных находок следует отнести также крупный обломок своеобразного сосуда. В реконструированном виде он напоминает небольшой кувшинчик высотой до 8 см (табл. 40, *д*). Тулово сосуда в нижнем отделе округло расширяется и переходит, вероятно, в округлое дно. На сохранившейся части у шейки сосуда имеется небольшой выступ с горизонтальным отверстием. Определенный интерес имеет форма сосуда. Как показывают измерения, он безусловно имел асимметричный вид, приближаясь в этом отношении к сосудам типа аска. Следует отметить прекрасную отделку сосуда, особенно его поверхности, имеющей почти черный цвет. Сосуд не единичен среди находок на равнине земледельческих поселений. Ему во многом соответствует сосуд из Кассиореле,¹ а в еще большей степени из Радашени.² Вообще говоря, эти сосуды встречаются в культуре типа Гумельницы.

Очень небольшим числом находок представлены до сих пор остающиеся загадочными биноклевидные глиняные изделия. По своему назначению это, конечно, не сосуды в прямом смысле слова. Как полагает Т. С. Пассек, они служили хозяйственным целям в качестве воронок. Другие авторы рассматривают биноклевидные изделия как подставки для статуэток, барабаны и т. д. После наших раскопок трипольского поселения у села Журы (Молдавская ССР, Рыбницкий район) в 1952 г. назначение биноклевидных изделий кажется бесспорным. В Журах на трипольской площадке был найден биноклевидный сосуд, вертикально стоящий на полу жилища рядом с печью. Один раструб сосуда оказался заполненным пережженными тонкими кремневыми отщепами (76 штук), среди которых находился изящный кремневый наконечник стрелы. Этот факт прямо указывает на votивное использование биноклевидного изделия, в данном случае в обряде, связанном с культом кремня. В Луке-Врублевской найдено 4 обломка стенок биноклевидных сосудов, и, что особенно важно, типичная соединительная перемычка (рис. 59, *а*). Перемычка имеет фигурное очертание, подобное найденной в Красноставке³ или Ильинцах,⁴

и снабжена орнаментом в виде ямок. Как бы ни были малочисленны находки биноклевидных изделий в Луке-Врублевской, они все же имеются, и этот факт служит лишним доказательством в пользу сближения керамического комплекса из Луки-Врублевской с другими трипольскими памятниками правобережной Украины.

Наш обзор керамических комплексов был бы недостаточно полным, если бы мы не остановились на некоторых керамических деталях, найденных в большинстве случаев в разрозненном состоянии. Прежде всего имеются в виду ручки от сосудов. Уместно

Рис. 59. Фрагменты керамики.

а — обломок перемычки от биноклевидного сосуда; *б* — зооморфные ручки от сосудов.

сказать, что в подавляющем большинстве ручки принадлежат сосудам кухонного типа в широком смысле слова. Это и понятно, так как другой керамике ручки, вообще говоря, не свойственны, там они часто заменялись небольшими выпуклыми налепами с вертикальными или горизонтальными сквозными отверстиями, имевшими декоративное значение. В Луке-Врублевской найдено несколько десятков ручек от сосудов, причем большая их часть довольно стандартна и выглядит как закругленные и остроруберные ушки, массивные и хорошо сглаженные.

К числу находок, раскрывающих один из приемов в керамическом производстве, относятся ручки от сосудов, имеющие

¹ Dacia, II, стр. 161, фиг. 22, рис. 4.

² Dacia, III—IV, стр. 48, табл. 2, рис. 7.

³ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 32.

⁴ По фотографиям Л. А. Дивцеса.

в верхней своей части, в месте скрепления ручки с туловом сосуда, выступающий шип, входивший при формовке в тулово сосуда (табл. 58, г, д). Эта деталь указывает на применение своеобразного технического приема, усиливающего прочность скрепления ручки с сосудом. Не исключено такое же объяснение для ручек от крупных сосудов, снабженных в нижнем конце пальцевидными отростками, примерно такими же, какие встречаются иногда на ручках сосудов античного времени. Один обломок сосуда имеет ручку, в нижней части разветвляющуюся на три отростка, выступающие на поверхности сосуда в виде валиков (табл. 57, а). Возможно, что лапчатая форма таких ручек имитирует руку человека (аналогично тому, как это передано на рельефе, изображенном на табл. 59, з), лапу животного или водоплавающей птицы. Среди однообразного набора ручек выделяется одна ручка в виде массивного ушка с небольшим горизонтальным отверстием, причем на корпусе ее можно заметить высокий валик, идущий в продольном направлении и имеющий декоративное значение. Такое же, вероятно всего, декоративное значение имели ручки, очень схематично передающие зооморфные черты (рис. 59, б; табл. 58, в, е, ж). Это не обычные реалистически выполненные налепы на сосудах, в большинстве своем изображающие головки быков, а отдаленно напоминающие головки животных, без проработанных деталей, иногда снабженные сквозным отверстием на месте глаз. Интересно, что совершенно аналогичные сильно схематизированные зооморфные ручки имеют место и среди находок в Винче.¹

Как правило, ручки от сосудов лишены орнаментации. Среди нескольких десятков их лишь на одной можно заметить следы орнаментики в виде косых поперечно направленных врезных линий.

СИСТЕМА ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ ИЗ ЛУКИ-ВРУБЛЕВЕЦКОЙ

Система орнаментации трипольской керамики вообще разработана очень полно и углубленно. Пожалуй, этот раздел знаний по отношению к другим разделам из области изучения раннеземледельческих культур

стоит на первом месте. Не приходится задерживаться на том значении, которое придается исследователями древнеземледельческих культур изучению системы орнаментации, а вместе с тем и формам сосудов. Надо сказать, что вопросы относительной и абсолютной хронологии, этнического расселения племен, их связи и взаимоотношения, мировоззрения древнеземледельческих племен и другие не могут решаться сейчас без углубленного изучения керамики в целом, а в частности и системы орнаментации как фактора, быть может, еще более важного и показательного, чем, скажем, формы сосудов. Большим достижением советской археологической науки следует считать прежде всего то, что сложнейший вопрос о развитии орнаментальных мотивов на всем протяжении существования трипольской культуры нашел, наконец, свое разрешение. Этому вопросу посвящен ряд работ Т. С. Пассек. Наиболее полно он рассмотрен в ее монографии «Периодизация трипольских поселений». Пользуясь большим материалом из трипольских местонахождений, основываясь на анализе керамических форм и орнаментики, Т. С. Пассек построила периодизацию самих памятников.

Советская археология располагала оригинальными работами дореволюционных и советских исследователей раннеземледельческих поселений, — работами, освещающими и такие вопросы, как система орнаментации керамики. Имеются в виду исследования В. В. Хвойко, Э. Р. Штерна, Л. А. Динцеса, Е. Ю. Кричевского, М. Я. Рудинского и других. Однако ввести раздел об эволюции керамических форм и системы орнаментации в общеполитическое построение удалось лишь Т. С. Пассек. Не по вине Т. С. Пассек ранние периоды трипольской культуры освещены ею не с той полнотой, с какой они даны для развитого и позднего триполья. Слишком мало было материала по ранним этапам, слишком скудны были собрания и отрывочны сведения о ранних трипольских памятниках. Поэтому, быть может, и следует специально остановиться на характеристике системы орнаментации керамики из Луки-Врублевецкой.

Приступая к разделу работы, освещающему систему орнаментации керамики из Луки-Врублевецкой, мы сочли удобным излагать материал по тем же керамическим группам: орнаментация кухонной посуды

¹ М. В а с и ъ. Преисториска Винча II, табл. LXXIV, рис. 255.

■ орнаментация столовой и другой бытовой посуды.

Орнаментация кухонной посуды. Довольно единообразная кухонная посуда из Луки-Врублевцевкой, в основном состоящая из горшков, орнаментирована сравнительно простыми и стабильными формами узора

шения кухонной керамики следует отнести и широкожелобчатую орнаментацию, получаемую в результате продольного проглаживания пальцами рук по сырой глине. Внешняя сторона сосудов при таком способе орнаментации имеет вид грубо отделанной рифленой поверхности. Не менее прост и

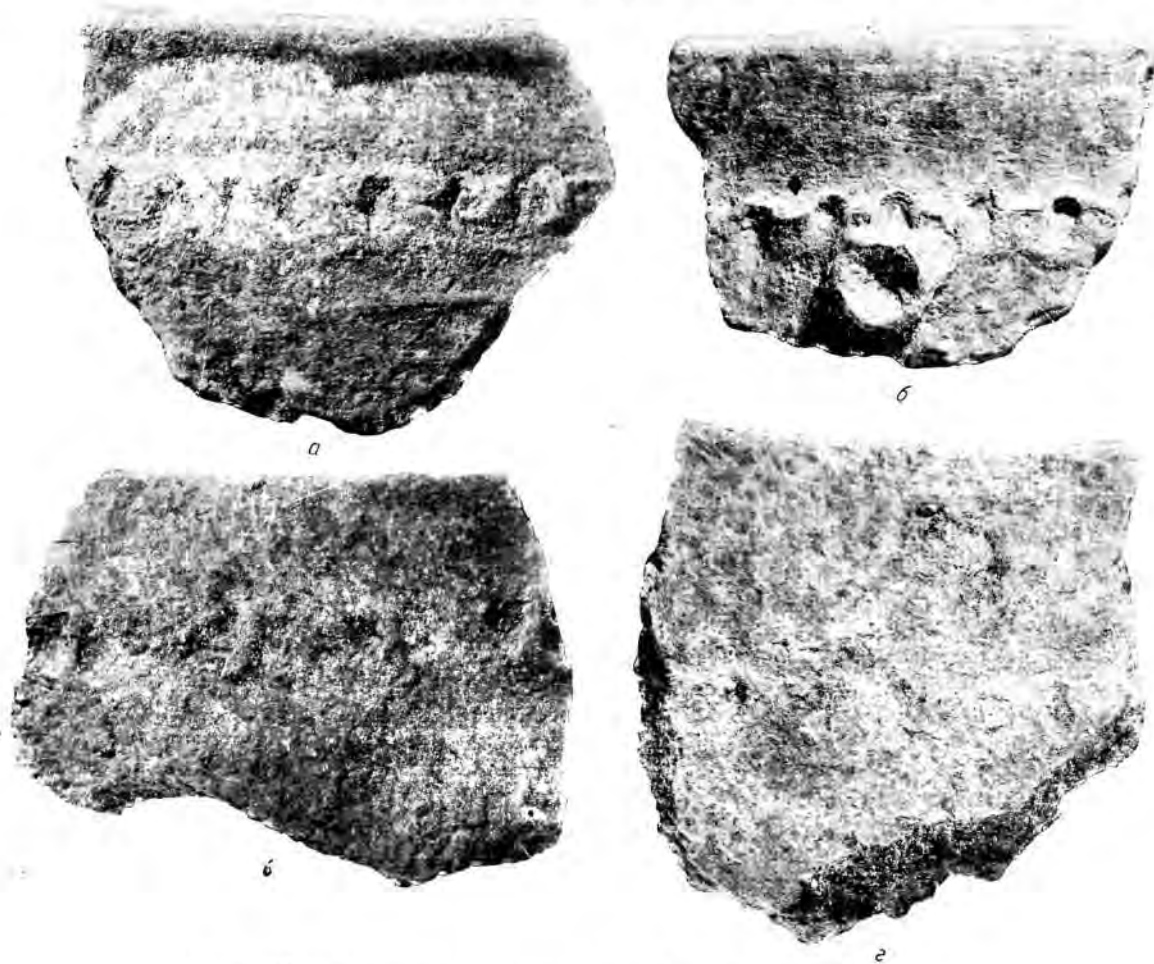

Рис. 60. Фрагменты орнаментированной кухонной посуды.

(рис. 60). На кухонных горшках можно наблюдать два вида орнамента: углубленный и рельефный. К первому относятся ямки, полулунные ногтевые углубления и, как редкое исключение, прочерченные линии (табл. 30). Обычно один из названных видов углубленного орнамента располагался в верхней части, ближе к горловине, и наносился пояском вокруг сосуда, образуя простейший узор в виде ряда отпечатков ногтя или ямок. К распространенному типу укра-

рельефный орнамент, состоящий из налепов, зацинов, бородавчатых выступов и валиков. Налепы выглядят как цилиндрические и конические выступы, располагающиеся тоже в верхней части сосудов в числе одного или двух. На крупных сосудах цилиндрические налепы иногда имеют диаметр около 6 см, выдаваясь над туловом на 2—3 см. Чаще налепы имели меньшие размеры. По-иному выглядят бородавчатые выступы, наличие которых может быть отмечено на двух

кухонных горшков. Это небольшие конические налеты, бессистемно разбросанные по тулову сосудов. Оба горшка к тому же украшены у горловины — один пояском из ямок, другой углублениями из ногтевых отпечатков (табл. 29, а, б).

Реже встречается вальковый орнамент. Он представляет собой сильно выступающий бортик, идущий ниже горловины и опоясывающий сосуд (табл. 29, в, д).

Прочерченный орнамент отмечен на нескольких обломках кухонной посуды, причем прочерченные линии обычно направлены косо и располагаются в один-два ряда.

В общем орнаментацию кухонной посуды отличает ограниченность композиций, редкое сочетание углубленного орнамента с рельефным, несложность, единообразие и определенная локализация углубленного рисунка — главным образом у горловины сосуда. Кроме того, можно отметить и связанность ее с определенным типом сосудов — преимущественно с горшками. Тазы и миски, как правило, лишены каких-либо украшений. Сказанным исчерпывается общая характеристика орнаментации кухонной посуды из Луки-Врублевцкой. Совсем по-другому выглядит орнамент столовой посуды.

Орнаментация столовой и другой бытовой посуды. Обширная керамическая коллекция разнообразной бытовой посуды из Луки-Врублевцкой дает довольно полное представление об орнаментальных сюжетах, приемах и технике их выполнения. Для бытовой посуды свойственно большое разнообразие орнаментальных мотивов и различие приемов для ее украшения. В отличие от кухонной, столовая посуда характеризуется хорошо выровненной поверхностью, на которую наносился орнамент. Выравнивание шероховатой поверхности сосудов производилось с помощью протирания ее отмученной глиной, т. е. наложением слоя ангоба, или простым сглаживанием. Часто применялось последующее лощение наружной поверхности сосуда и чернение ее, что достигалось определенным режимом обжига. О. А. Кульская отмечает, что трипольские гончары из одной и той же глины могли получать сосуды с различной керамической массой и различной окраской черепка и поверхности сосудов. Графитированность черепков из Коломыйщины О. А. Кульская объясняет

восстановительным режимом обжига.¹ Анализ двух черных черепков с глянцевитой поверхностью из Луки-Врублевцкой был произведен проф. А. И. Августиником в лаборатории Кафедры технологии керамических производств Ленинградского Технологического института. Вот что сообщает проф. А. И. Августиник о результатах анализа: «Результаты анализа подтверждают мои предположения, касающиеся условий изготовления керамических сосудов темного цвета трипольской культуры. Разница в потере при прокаливании верхнего (наружного) слоя и внутреннего слоя черепка при одном и том же, практически, содержании отощающей добавки — дробленой раковины $Ulio$, о чем говорит почти одна и та же величина окиси кальция (10.20 и 10.64%), составляющая 2.9%, может быть отнесена только за счет большего содержания углерода в наружном слое, именно: $14.89 - 11.98 = 2.9$. При пересчете на $CaCO_3$ разница на содержании оставшегося углерода составляет те же $(6.9 - 4) = 2.9\%$. По этому следует думать, что черный цвет черепка обязан содержанию углерода в нем; при этом количество углерода, достигающее 6.9% в наружном слое, говорит довольно ясно о привнесении излишка С в 2.9% извне». На вопрос о том, как был внесен этот избыток С, без реконструктивных опытов ответить пока трудно. Это могло производиться с помощью обмазки сосуда жиром перед обжигом или каким-либо иным технологическим приемом. Проф. А. И. Августиник предлагает следующую таблицу анализа:

	Слой черепка				Потери при прокаливании	Углерод	Гигроскопическая влага
	SiO_2	Fe_2O_3	CaO	MgO			
Наружный.	47.66	22.40	10.20	3.20	14.89	6.9	6.00
Средний . .	48.40	23.92	10.64	2.81	11.98	4.0	6.04

Орнаментация сосудов в основном состояла из нарезных, прочерченных линий и каннелюр и постоянно дополнялась нанесением гребенчатых оттисков, ямок и даже мелких полушаровидных налепов, напоминающих так называемый жемчужный орна-

¹ О. А. Кульская. Керамика трипольской культуры. Трипольська культура, т. I, 1940, Киев, стр. 321—322.

мент. Кроме того, применялись и красящие вещества — белая и, очень редко, красная паста для инкрустации врезных линий и даже окраска темнокрасной краской отдельных участков сосуда. Последний прием еще не получил широкого распространения и отмечен лишь на нескольких черепках, происходящих из двух пунктов — из жилищ № 3 и 5. Это обстоятельство заставляет предполагать, что здесь мы имеем лишь начальный этап применения окраски сосудов в керамическом производстве.

Известны сейчас и орудия, с помощью которых производилась орнаментация. Основным орудием для нанесения врезного орнамента по сырой глине служила костяная или деревянная палочка с заостренным концом. От степени заостренности палочки, или стека, естественно, зависела ширина желобка. Можно сказать, что орнаментальные прочерченные линии на посуде из ранних памятников отличаются от прочерченных линий на керамике из памятников развитого и позднего триполья меньшей шириной желобка. Это особенно заметно при сопоставлении приемов орнаментации керамики из трипольских поселений бассейнов южного Буга, Днестра, Быстрицы, Серета, Ольта. Подобным же способом производилась и орнаментация каннелюрами. Она наносилась на поверхность сосудов костяными и деревянными лопатками, возможно, даже соединенными в ряд для получения равномерно расположенных параллельных углублений — каннелюр. Нужно отметить строгую пропорциональность в ширине и параллельной направленности каннелюр, придающих поверхности сосуда рифленый вид, по степени совершенства отделки мало уступающих хорошим образцам античной и средневековой керамики. Как редкое исключение орнаментация производилась с помощью трубки, дающей в оттиске кружочки очень небольшого диаметра. Орнаментация гребенчатыми оттисками производилась костяными пластинками или пластинками из клыков кабана, имеющими искусно сделанные по краю рубчики, которыми накалывалась поверхность сосудов перед обжигом.

Не совсем ясны приемы инкрустации врезных орнаментальных линий белой или красной пастой. Вероятнее всего, инкрустирование пастой производилось втиранием окрашенной массы в прочерченные желобки, может быть и после обжига сосудов.

Окраска отдельных участков сосудов темнокрасной краской, по-видимому, предшествовала обжигу сосуда, краска накладывалась иногда на лощевую поверхность.

В системе орнаментации бытовых сосудов из Луки-Врублевцевкой можно отметить два направления: стремление к ритмичности и зональности в распределении орнамента и использование криволинейных построений, как бы лишенных ритма, хотя и сохраняющих определенное композиционное построение. Орнамент то почти сплошь покрывает поверхность сосудов, охватывая иногда и днище, то располагается в верхней половине, тогда как нижняя часть остается гладкой. Распространенной формой орнаментации является зональное размещение узора, особенно часто применяемое для украшения бытовых горшочков. При этом способе имеет место чередование гребенчатых или ямочных поясков с горизонтальными каннелюрами. В самом чередовании может быть отмечена строгость и пропорциональность в размещении поясков, создающее впечатление устойчивого орнаментального равновесия. Вместе с тем имеет место и усложнение орнаментальных мотивов при соблюдении зональности расположения каждого сюжета. Перед нами несколько образцов сосудов, представляющих различные формы орнаментации, от простых до более сложных. Например, небольшой горшочек очень тонкой выделки покрыт узором, составленным из чередующихся оттисков гребенчатого штампа с каннелюрами. У горловины горшочка идет двойная лента каннелюр, заключенная между однолинейными поясками мелких гребенчатых оттисков. Ниже все среднее пространство тулова сосуда заполнено ровными горизонтальными каннелюрами, расположенными в шесть рядов. Под ними расположен двойной ряд гребенчатых оттисков. Корпус сосуда отделан лощением (табл. 37, *д*). Не менее прост и сюжет орнамента на другом горшочке. Здесь имеет место чередование каннелюр с ямками. У горловины горшочка, на уровне плечиков, проходит ряд горизонтальных каннелюр, сменяющихся ниже двойным пояском из ямок. Еще ниже, в средней части сосуда идут опять каннелюры, которые ближе к днищу в свою очередь уступают место двойному ряду ямок (табл. 38, *е*). Как видно из приведенного описания, эта форма орнаментации наиболее проста, но вместе с тем

ритмична и изящна. На ряде других объектов нетрудно убедиться, что вариации этих простейших орнаментальных мотивов идут лишь в направлении количественных чередований гребенчатых или ямочных поясков с каннелюрами. Их может быть и больше и меньше, чем у только что описанных горшочков.

Не слишком отличается и несколько усложненная орнаментация на других сосудах типа горшочков. На табл. 37, 38, 40 изображена группа сосудов, содержащих ту же строго рассчитанную зональную орнаментацию, но построенную по иному художественному принципу. Небольшой горшочек у горловины охвачен двумя полосками каннелюр, подчеркнутых снизу пояском из округлых ямок. В средней части тулова располагается пояс параллельно направленным косым каннелюр, тоже подчеркнутых снизу рядом ямок (табл. 38, *д*). Разновидностью этого сюжета может послужить орнамент на другом горшочке, где ямки отсутствуют и все построение состоит из одних каннелюр. Между двумя поясами четырехрядных горизонтальных круговых каннелюр проходит пояс из вертикальных каннелюр, между которыми остаются свободными от орнамента плоскости, занятые сосцевидными налестками, представляющими рельефный орнамент. Сосцевидные налестки бывают иногда обрамлены ямками (табл. 37, *е*; табл. 40, *а*). Еще более усложненным орнаментом снабжен другой небольшой горшочек. Средняя часть его тулова покрыта двухрядными косыми каннелюрами, чередующимися с тоже двухрядным поясом носо-направленных небольших ямок, скорее напоминающих наколы. Весь этот мотив заключен между рядами горизонтальных каннелюр (табл. 37, *а*).

Приведенные орнаментальные мотивы, конечно, в какой-то мере являются прямолинейно-геометрическими, но к числу типичных геометрических построений относится орнамент в виде пояска из заштрихованных треугольников. Примером такого украшения сосуда может служить горшочек из жилого комплекса № 4 (табл. 37, *б*). Он украшен широким пояском, идущим по средней части тулова. Поясок состоит из плотно заштрихованных каннелюрами треугольников, обращенных вершинами в противоположные стороны, и заключен между двумя рядами круговыми оттисками гребенчатого

штампа. У горловины сосуда есть еще один поясок гребенчатого узора.

Если зонально-ритмичная орнаментация строится главным образом на использовании каннелюр, ямок и гребенчатых оттисков, то при криволинейной геометрической и асимметрической орнаментации широко используются прочерченные линии, часто в сочетании с каннелюрами и ямками и значительно реже с оттисками гребенчатого штампа. Интересно, что криволинейная орнаментация применялась в двух направлениях: в ритмичных мотивах, тем самым сближаясь с большой группой сосудов, содержащих зональный орнамент, и в аритмичных композициях, где повторность и зональность того или иного сюжета на одном и том же сосуде не всегда имела место. Для иллюстрации первого приема орнаментации может служить группа фрагментов сосудов, на которых вполне очевидно выступает центральный (срединный) орнаментальный пояс, заполненный овалами и фигурой, близкой к кругу, разделенных парными ямками (табл. 40, *г*). Аналогичный сюжет можно увидеть и на другом горшочке, шейка которого украшена горизонтальными каннелюрами, средняя часть — двойными овалами с ямкой посредине и вертикально расположенным между ними вытянутым овалом. Этот орнамент дополняется ямками, занимающими пространство между вытянутым и двойным овалами, расположенными по бокам (табл. 37, *к*).

Во всех перечисленных приемах орнаментации, предполагающих обязательное размещение узора в определенном, вполне ритмичном и зональном положении, может быть отмечена одна бросающаяся в глаза деталь — это стремление наряднее оттенить центральный пояс сосуда. Видимо, такой прием вполне отвечал сложившимся художественным вкусам и едва ли ему придавалось какое-нибудь смысловое значение.

Значительно труднее установить какую-нибудь устойчивую закономерность в криволинейной аритмичной орнаментике, так как расположение узоров не подчиняется какой-либо определенной системе, хотя сами фигуры иногда повторяются в различных композициях на ряде сосудов и в общих построениях все же не так уж дисгармоничны, как может показаться на первый взгляд. Криволинейный аритмичный орнамент не является характерным для горшоч-

ков, на которых почти исключительно господствует зональный ритмичный узор. Зато на керамике типа грушевидных амфор и широкогорлых мисок или корчаг этот вид орнамента получил широкое распространение. Крупные сосуды-вместилца обычно бывают покрыты орнаментом почти по всей поверхности, причем врезной орнамент иногда сочетается на них с рельефным, типа боковых сосцевидных налепов, а также продольных и поперечных вальков. Криволинейные прочерченные линии идут в параллельном и непараллельном направлениях, составляя отдельные ленты или замкнутые узоры в виде кругов, овалов, подковообразных фигур и других близких к ним построений (табл. 59, а, г, и др.). Особенно выразительны орнаментальные ленточные построения, плотно заполненные короткими поперечными штрихами (табл. 60, б—е). На большом фрагменте сосуда типа грушевидной амфоры насчитывается семь лент, то сближающихся, то расходящихся. Между лентами располагаются группы ямок (по три вместе), оживляющие неорнаментированные части сосуда (табл. 40, в). Имеют место и фигурные построения из сходящихся заштрихованных лент, создающие впечатление ветвистого узора. Как правило, линейно-ленточный прорезной орнамент сопровождается орнаментальными ямками. Располагаются они между лентами, внутри замкнутых фигур или на участках, свободных от орнамента. Они составляют группы по две-четыре ямки в ряд или располагаются двойными рядами по несколько ямок в каждом. Реже встречаются пояска из ямок.

Одним из очень распространенных видов трипольской орнаментации, как известно, является спираль и ее производные. Спиральный узор на керамике триполья, в сущности говоря, — это один из самых основных сюжетов, придающих особый колорит орнаментике триполья. Даже сам термин, избранный для определения стиля орнаментации керамики раннеземледельческих племен, — «вращающийся» стиль — восходит прежде всего к фигуре спирали как к основному компоненту в орнаментальных построениях. В Луке-Врублевецкой на много тысяч фрагментов сосудов найдено всего лишь 20—25 обломков со спиральной орнаментацией. В отличие от спиральных фигур, представленных в более поздних, чем поселение Лука-Врублевецкая, памятниках три-

полья, спиральные построения здесь очень просты и не имеют характера так называемой плотной спирали. Обычно спираль на сосудах из Луки-Врублевецкой состоит из одного завитка двойных параллельных линий, что придает фигуре вид спирально скрученной ленты. Между завитками спирали иногда нанесены по две-три ямки. Как бы ни были просты спиральные фигуры на керамике из Луки-Врублевецкой, все же и среди них можно установить определенные различия в построении. Самой простой, исходной, формой является уже отмеченное однолинейное или двухлинейное построение в один завиток. Встречается также ленточная спираль, заполненная поперечными штриховыми линиями (табл. 60, з). И, наконец, можно отметить «развернутую» спираль, придающую орнаменту змеевидную форму. Один из таких орнаментальных мотивов дополнен к тому же короткими поперечными линиями внутри своей ленты (табл. 61 и 62).¹

Нужно указать еще на очень своеобразный прием орнаментации, построенный на комбинированном сочетании прочерченного узора с формой сосуда. На трех сосудах типа горшочков имеет место следующее построение: каннелированная или врезная линия начинается от дна сосуда, имеющего малый диаметр, и сразу же переходит в спираль, охватывающую нижнюю треть сосуда. Само круглое дно, таким образом, играет здесь роль первого завитка спирали, от которого развивается дальнейшее ее построение вокруг тулова сосуда (табл. 63, а, г). Итак, спираль хотя и представлена на керамике из Луки-Врублевецкой, но не является характерным типом орнамента, зато в пластике Луки-Врублевецкой, как будет показано ниже, она представлена полнее и совершеннее.

К числу довольно часто встречающихся орнаментов принадлежит и подковообразный узор, напоминающий скорее незамкнутый круг или овал. Несомкнутые концы такой фигуры иногда имеют по ямке или остаются свободными от орнамента. На одном сосуде типа аска, о котором уже шла речь, имеется

¹ Развернутая спираль встречается и на керамике в балканских памятниках, например на керамике из поселения Мечкюр. См.: Seure et Degrand. Exploration de quelques tells de la Thrace. Bull. de corresp. Hellen., вып. VI—VIII, Париж, 1906, рис. 59—63.

группа подковообразных узоров, соединенных прорезными линиями и перемычками, в общем составляющими оригинальный орнамент (табл. 40, *д*).

Мы рассмотрели основные формы орнаментики с композиционной стороны. Главное внимание нами уделено тем системам узора, которые прочно вошли в керамическое производство и стали наиболее распространенными орнаментальными мотивами. Наше описание касалось преимущественно орнаментики тулова сосудов, т. е. основной плоскости их. Вместе с тем орнаментацией снабжались горловинная и придонная части сосудов, правда, значительно реже, чем тулово. На нескольких обломках сосудов на краю горловины имелись небольшие выступы типа шипов или полукруглые выемки, придающие краю венчика или горловине фигурно-узорчатый вид. Возможно, что эта лепная орнаментика передает в сильно схематизированной манере лепные головки животных (бычков), составляющих особый сюжет в украшении сосуда.

Далее можно отметить орнаментацию краев венчиков и горловины короткими косыми или прямыми насечками и даже ямками.

Края дниц редко снабжались орнаментом. Но группа горшочков, имеющих круглые цилиндрические напольные доньшки, часто орнаментировалась по краю донца резными линиями, образующими простой, но нарядный фриз. Орнамент таких фризов состоит из прямых или косых коротких насечек, иногда чередующихся с рядами ямок или не заполненными орнаментом прямоугольными отрезками, а также из углов, направленных в разные стороны, или из плотно заштрихованных треугольников, поставленных вплотную друг к другу, но обращенных вершинами в разные стороны (табл. 64). Сами донца орнаментировались еще реже. Только на нескольких фрагментах донцев горшочков можно отметить простую орнаментацию подковообразными линиями в сочетании с ямками (табл. 63, *в*, *д*). То же можно сказать и об орнаментации внутренних частей сосудов — лишь три фрагмента имеют криволинейный орнамент с внутренней стороны у самого края венчиков.

Все вышеизложенное о системе орнаментации керамики из Луки-Врублевецкой касается в основном таких типов сосудов,

которые в обломках или в целом виде найдены в массовом количестве, т. е. горшков. Однако те же приемы орнаментации в различных вариациях могут быть отмечены и для полых кольцевых подставок, причем здесь используются преимущественно прямолинейные и криволинейные резные линии и ямки, а каннелюры отсутствуют. Может быть, это объясняется тем, что бытовые горшки и миски чаще всего изготовлялись из тонко отмученной глины с последующей тщательной отделкой поверхности сосудов, чего нельзя сказать о полых кольцевых подставках. Вероятно, здесь имела место технологическая зависимость между составом глины и приемами орнаментации.

В отношении других сосудов и близких к ним керамических изделий можно установить, что им также во многом свойственны те же орнаментальные построения, но при некотором учете специфики форм и назначения. Возьмем, например, крышки от сосудов. Для них характерен орнамент из линий с поперечной заштриховкой. Ручки же крышек имеют достаточно постоянный узор на шляпке. Обычно он состоит из парных или строенных резных линий, расположенных крестообразно, и ямок, включенных в то же крестообразное построение или размещенных по кругу. Помимо самой фигурности, которой выделялись ручки от крышек, имевшей одновременно и орнаментальное значение и бытовое, они снабжались еще по закраинам шляпок узорами в виде прямых или косых насечек (табл. 56). Кое-какие специальные орнаментальные мотивы можно установить и в группе ковшей. Сами вместилца с внешней стороны украшались каннелюрами, а у мест скрепления с ручкой — овальным или ямочным узором, узором из скрещивающихся линий с поперечными насечками или криволинейными построениями (табл. 48). Таким образом, орнаментация ковшей как будто не отличается своеобразием. Но ручки от ковшей в целом ряде случаев имитируют фигуру человека в очень схематизированной лепке и подражают в орнаментации системе узоров статуэток.

Подавляющее большинство орнаментальных мотивов на керамике Луки-Врублевецкой представлено в сериях, что может служить примером устойчивости орнаментальных сюжетов. Однако в собрании есть небольшое число обломков посуды, резко выде-

ляющихся по системе орнаментации из основной серии. Глиняное тесто части этих черепков по фактуре не совсем характерно для керамики Луки-Врублевецкой. Кроме того, некоторые черепки выделяются по толщине стенок и самой формовке. Появление их

новой от обычной орнаментаики керамики Луки-Врублевецкой.

1) Фрагмент небольшого сосуда с прямой шейкой, украшенной пояском из уголков, размещенных между круговыми параллельными врезными линиями. По тулову

Рис. 61. Фрагменты привозной керамики. Н. в.

в нашем комплексе можно объяснить двояко: или они занесены в Луку-Врублевецкую с других территорий или же сделаны здесь на месте, но по образцам сосудов, распространенных за пределами Луки-Врублевецкой.

На табл. 65 и на рис. 61 показана группа фрагментов сосудов с орнаментацией, отлич-

сосуда идет ряд косо направленных прочерченных линий, образующих ленты, разделенные ломаной линией и неглубокими ямками. С внутренней стороны сосуд украшен рядами косо направленных ямок (рис. 61, в, табл. 65, а).

2) Обломок, видимо, чашечки, с отогнутым бортиком, украшенным мелкими насечками. Ниже бортика идет поясик из двух

тонко прочерченных линий, пространство между которыми заполнено врезными углами. Под этим пояском расположен второй, более узкий пояс с накольчатыми ямками между двумя параллельными линиями (рис. 61, а, табл. 65, б).

3) Обломок крупного сосуда с орнаментом в виде пояса, состоящего из ряда ломаных зигзагообразных линий, отдельные отрезки которых часто между собой не соединены (табл. 66, б, в).

4) Группа обломков с прочерченным узором криволинейного и прямолинейного построения, композиционно неуравновешенным (табл. 65, в и табл. 66, г, д).

5) Фрагмент сосуда с орнаментом в виде заштрихованного треугольника. В целом построении такие треугольники располагаются вокруг сосуда, образуя как бы ряд шевронов (табл. 66, ж).

6) Обломок сосуда с орнаментом из врезных линий, образующих ромбическую сетку (табл. 67, в, е).

Все названные типы орнаментации вовсе не являются характерными для орнаментики сосудов в Луке-Врублевецкой, но встречаются в раннеземледельческих памятниках Дунайско-Тисского ареала. Построения же в виде ромбической сетки могут быть отмечены, кроме того, на фессальской расписной керамике, так же как и на расписной керамике триполья. В какой-то степени ромбический сетчатый узор созвучен с орнаментикой на неолитических сосудах Надпорожья.¹

Нам уже приходилось указывать на присутствие инкрустированной и окрашенной керамики в Луке-Врублевецкой. Количество инкрустированных и особенно окрашенных сосудов по отношению к общему количеству обнаруженной керамики очень невелико. Важно отметить, что инкрустированная керамика найдена во всех пунктах раскопок, в то время как окрашенная встречена только в двух пунктах. Заполнение белой и очень редко красной пастой чаще заметно на спиральных узорах и лентах, покрытых попережными насечками, образующими лестничный орнамент. Инкрустация больше всего связывается с сосудами тщательной отделки, с плотно расположенным орнаментом. По-

нятно, что инкрустированные сосуды не ставились на огонь, а служили для других бытовых целей — как хранилища для продуктов и жидкостей, а быть может, употреблялись как столовая посуда. Ту же функцию, видимо, выполняли и окрашенные сосуды. Среди обломков, имеющих окрашенную орнаментацию, с уверенностью можно выделить фрагменты ковшей, сосудов на полых кольцевых подставках, вероятно, мисок и горшочков (табл. 70).

Орнаментация сосудов целиком подчинена криволинейным ленточным построениям, поэтому среди окрашенной керамики мы тщетно будем искать ритмичных орнаментальных построений, свойственных расписной керамике развитого триполья. Применение краски преимущественно кирпичных тонов, древние мастера заполняли ею пространство между двумя нарезными линиями. Таким образом, построение орнамента имело вид лент, оттеняющих овалы или другие фигурные участки, не заполненные прочерченным узором, но содержащие иногда ямки. Реже окраска участков применялась на сосудах с каннелированным орнаментом. Окраска на сосудах не только служила сама по себе орнаментом, но и выявляла участки, не заполненные узорами, усиливая общую декорировку сосудов.

Каким способом накладывалась краска на сосуды? Судя по тому, что следы окраски установлены на сосудах и с лощеной поверхностью, и с шероховатой, можно думать, что таких приемов было два. В первом случае имел место двойной обжиг: сначала после первоначальной отделки поверхности сосуда, а вслед за тем уже после накладки краски. Во втором случае обжиг производился один раз после того, как на еще сырую глину была нанесена краска. Несмотря на то что окрашенная керамика была встречена при раскопках только в двух пунктах, все же ее присутствие и в других, еще не раскопанных местах в Луке-Врублевецкой вовсе не исключено. Дело в том, что в пределах жилого комплекса № 4 был найден крупный фрагмент горшочка, содержащий внутри слой красной охры. То же наблюдалось и на нескольких обломках из других пунктов.

В. А. Петров, взявший образец краски для анализа, приводит следующие данные.

«Во всех случаях тонкие примазки красной краски покрывают внутреннюю поверх-

¹ Ср.: В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт південної Наддніпрянщини. Археологія, т. III, Київ, 1950, стр. 147, табл. IV, рис. 2—5.

ность черепков стенок и донцев небольших сосудов. Иногда на поверхность краски непосредственно валяются остатки лёссовидной породы; иногда (на отдельных участках тех же фрагментов керамики) тонкий, не превышающий 0.5 мм слой краски перекрыт также тонкой коркой известково-кремнистого натёка. Натёк цементирует поверхность краски и в пропитанных им частях меняет исходный красный цвет на коричнево-красный. Под этой защитной коркой, или на участках, не несущих корки, краска легко стирается, мажет и имеет темно-красный цвет, свойственный естественным гематитам или некоторым сортам жженых охр. При нагревании образцы краски не чернеют, что свидетельствует об отсутствии в них следов органического вещества, которое при обугливания вызвало бы изменение исходного цвета. Под микроскопом острые угловатые частицы краски имеют самую различную форму и размеры (от нескольких до 50—70 микронов), что говорит о том, что краска была тщательно растерта и, быть может, отсеена от более крупных частиц, но не отмучена; в последнем случае наблюдалась бы большая выравненность размеров частиц. Образцы краски дают все реакции полуторных окислов железа и могут быть отнесены к жженому красному охр или гематиту. Спектральный анализ краски, выполненный Г. Н. Козловским в Институте металлоа, показал помимо линий железа наличие сравнительно больших количеств кремнезема и меньших — алюминия, кальция и титана. Все последние элементы могли поступить в образцы вместе с грунтовыми водами, которые на стоянке Луки-Врублевецкой настолько сильно минерализованы кремнекислотой и известью, что отлагают на образцах археологической керамики плотные корки натёков; алюминий и титан могли поступить как механические загрязнители краски, из материнской породы. По мнению проф. Б. В. Перфильева, отсутствие в спектре хотя бы следов марганца делает более правильным отнесение краски к группе естественных гематитов.

По своим признакам краска из сосудов тождественна с той, которая обнаружена на окрашенных участках поверхности керамики, происходящей из Луки-Врублевецкой. Это заставляет предполагать, что во всяком случае одной из форм применения обнаруженной краски было керамическое произ-

водство. Отсутствие в краске органического связующего может объясняться или тем, что его в ней и не было, или тем, что оно нацело исчезло в процессе фоссиллизации остатков; поэтому данный материал не дает оснований предполагать, что рассматриваемая краска использовалась в форме жирной мази для окрашивания тела».

Итак, мы рассмотрели керамику из Луки-Врублевецкой в двух главных аспектах: формы сосудов, системы орнаментации. Не слишком детализируя характеристику их, мы привели лишь основные данные, имея в виду, что отдельные частные наблюдения могут явиться темой специальных археологических этюдов. Дополнением к сказанному выше может послужить раздел работы Т. С. Пассек, дающий описание керамического комплекса из наших раскопок в Луке-Врублевецкой, рассмотренного ею под определенным углом зрения и в связи с периодизацией трипольских поселений.¹

Комплекс керамики из Луки-Врублевецкой вовсе не представляет собой какого-то изолированного культурно-исторического явления. Материал из Луки-Врублевецкой входит наиболее полным компонентом в круг памятников раннего этапа триполья. В двух своих работах мы определили его дотрипольским комплексом.² Это не было принципиальной ошибкой уже потому, что собственно трипольские памятники, занимающие области правобережного Поднепровья, по отношению к побужским и поднепровским, равно как и к другим юго-восточно-европейским, представляют периферию расселения раннеземледельческих племен. К тому же собственно трипольские памятники относятся к более поздним ступеням развития раннеземледельческих культур, чем Лука-Врублевецкая или аналогичные этому поселению памятники. Сейчас несколько проясняется и вопрос о заселении среднего Поднепровья раннеземледельческими племенами, пришедшими из юго-западных областей и продолжавшими разви-

¹ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 33—34.

² С. Н. Бибиков. Дотрипольское поселение Лука-Врублевецкая. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 60—64. — С. Н. Бибиков. Дотрипольское поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР. Сов. археолог., т. XI, 1949, стр. 127—150.

вать свою раннеземледельческую культуру, сохраняя традиции почти во всех проявлениях хозяйственной и социальной жизни. С этой точки зрения племена Поднепровья являются связанными генетическими узлами с равными земледельческими племенами юго-западных областей, но в то же время имеют свои особенности.

На территории Украины сейчас известно несколько памятников раннего триполья, этапа А. Географически они находятся в бассейнах Днестра и южного Буга: Озаринцы, Лука-Врублевецкая, Бырново, Ленковцы, Брага, Саврань, Давилова Балка, Красоставка, Борисовка. Возможно, что к этапу А может быть отнесен пока еще не совсем ясный нижний горизонт Дарабан и Унгены. Как видно из приведенного перечисления памятников, на правобережной Украине достоверно известны десять поселений, которые можно отнести к докукутенской ступени.¹ Конечно, количество ранних памятников значительно уступает числу памятников более поздних этапов развития триполья, но тем не менее их все же не так уж и мало. Другое дело, что степень изученности их составляет желать много лучшего. Ограниченность наших знаний о ранних этапах триполья объясняется не только дефектностью приемов раскопок, применявшихся в прежние годы, но главным образом небольшими площадями раскопок. Поэтому даже такой наиболее массовый материал, как керамика, обычно обильно встречающийся при раскопках памятников развитого триполья, в памятниках раннего триполья представлен относительно небольшим числом находок. Отсюда понятно, почему в публикациях не приводятся данные о формах сосудов, а основное внимание уделяется описанию орнаментации на фрагментах. Однако и последнее дается в ограниченных рамках, так как без наличия полностью сохранившихся сосудов или крупных фрагментов композицию орнамента установить в целом довольно трудно, а при сложных криволинейных построениях — почти невозможно.

¹ В последнее время ряд памятников, относящихся к раннему триполью, обнаружен в Одесской области в бассейне южного Буга. Изучением и обследованием их занимаются сотрудники Одесского краеведческого музея под руководством А. Л. Есипенко. В Гайворонском районе Одесской области в окрестностях села Могильна очень интересные сборы раннетрипольского археологического материала проводил Н. С. Гасюк.

Сопоставляя материал из Луки-Врублевецкой с памятниками раннего триполья, нетрудно убедиться в сходстве керамических комплексов, особенно поселений бассейна Днестра (Озаринцы и Брага). Это сходство выявляется в составе и качестве керамического теста, в наличии черной лощеной керамики, а главное — в характере орнаментики. В самом деле, криволинейное построение орнаментальных мотивов в виде заштрихованных лент, овалов, простейшей спирали, гребенчатого орнамента, групп ямок, чередование определенных устойчивых построений из каннелюр, прочерченных линий, ямок, фигур из выявленных участков фона, декорировка донцов и т. п. дают полную возможность почти отождествлять керамику Луки-Врублевецкой с керамикой Озаринцев.¹ Немногочисленная окрашенная керамика из Луки-Врублевецкой также проявляет сходство с соответствующей керамикой из Озаринцев.² Это касается и инкрустированной керамики, встреченной там же. Существенны и некоторые технические приемы формовки сосудов, тоже подтверждающие близость керамики из ранних памятников бассейна Днестра. Имеется в виду, например, вполне характерная моделировка донцов горшочков, их легкая вогнутость. Таким образом, керамический материал из Луки-Врублевецкой во многом подобен материалу из Озаринцев, Браги и Ленковцев. Будучи представлен несоизмеримо полнее, чем во всех других раннетрипольских памятниках, он весьма существенно дополняет наши знания о раннетрипольской керамике вообще.

Вполне четко устанавливаются преемственные черты керамики из Луки-Врублевецкой, а следовательно, и таких памятников, как Бырново, Ленковцы и Озаринцы, с нижним горизонтом Дарабан и более северной стоянкой — Городницей (Городненковского района), материал из которой был

¹ М. Рудинський: Поповгородський вияв. . . , фиг. 13—16, 20—22.

² Т. С. Пассек отрицает присутствие расписной керамики в Попов-Городе (Озаринцах), хотя даже само название статьи М. Я. Рудинского прямо указывает на наличие окрашенной керамики в комплексе, ср.: М. Рудинський. Поповгородський вияв культури мальовано. кераміки. — Т. С. Пассек. Периодика. . . , стр. 33. — Т. С. Пассек. Тривольське поселення Поліванов Яр, стр. 46.

добыт в довоенные годы М. Ю. Смишко.¹ Керамический комплекс из Городницы представлен небольшой коллекцией, однако принадлежность его к ранним трипольским памятникам едва ли может вызвать сомнение. Небольшие горшочки с одним упком на тулове, покрытые узорами из прорезных линий, косых каннелюр и ямок, очень редкие находки окрашенных черепков определяют датировку комплекса из Городницы раннетрипольским временем. Сказанное подтверждается и другим инвентарем — сланцевыми орудиями и костяным острием со саерлиной посредине и т. п. На Городнице раскрыты и землянки.

Итак, ареал раннетрипольских памятников типа Луки-Врублевской в Поднестровье очерчивается достаточно ясно. Не менее ясно прослеживаются следы раннетрипольских племен и в бассейне южного Буга. Здесь известны четыре памятника, датированные Т. С. Пассек раннетрипольским временем, — Саврань, Красностанка, Вишнеполь и Борисовка. К этому списку можно прибавить и недавно раскопанное поселение Данилова Балка. В отношении каждого из них можно сказать то же, что уже говорилось о раннетрипольских памятниках Поднестровья, т. е. что степень изученности их не так велика, чтобы представить себе в должной мере культуру наиболее ранних земледельческих племен. Опорным элементом для датировки их остается керамика, так как при общей неполноте сборов культурных остатков она является наиболее чутким показателем для установления относительной хронологии. С другой стороны, керамические комплексы из ранних трипольских памятников Побужья дают возможность сопоставлять их с синхронными памятниками Поднестровья, а следовательно, и возможность устанавливать локальные различия. Последние ввиду ограниченности коллекций улавливаются еще весьма слабо.

Ранний этап триполья в Побужье наиболее полно представлен керамикой из района Саврань. Коллекция эта собрана С. С. Гамченко и находится в Государственном Эрмитаже. В 1949 г. сотрудник Эрмитажа Э. А. Симонович производил археологические раскопки в Среднем Побужье и как будто установил пункт, из которого она происходит.

Кроме того, керамика, собранная им в Даниловой Балке, тоже вполне идентифицируется с керамикой, происходящей из района Саврань.¹ Как бы ни относиться к уточнению пункта, из которого происходила коллекция С. С. Гамченко, ясно то, что она добыта в Побужье и в районе Саврань — это во-первых, а во-вторых, то, что коллекция керамики представляет собой определенный и «чистый» комплекс, вполне отвечающий основным признакам раннетрипольской керамики.

Т. С. Пассек дала описание керамики из Саврань в публикации 1935 г., а в последней книге дополнила сведения об этом интересном местонахождении. Из публикаций Т. С. Пассек становится вполне очевидным, что ее определение савранского комплекса раннетрипольским возрастом не подлежит сомнению.² Кухонная посуда в виде горшков, сосуды на полых подставках вполне отвечают раннетрипольским формам. Но главное, что дает все основания отождествлять савранскую керамику с раннетрипольской, — это система орнаментации. Здесь мы встречаемся с обычными для раннего триполья криволинейными, в том числе спиральными построениями, с характерными лентами, заштрихованными короткими насечками, каннелюрами, украшающими бытовую посуду, с орнаментацией типа «выявленного фона» в разных ее вариациях и т. п. В савранской керамике налицо и белая инкрустация прочерченных или, как говорят, углубленных линий, составляющих узор. Старые сборы С. С. Гамченко несколько дополняются материалом Э. А. Симоновича, например, очень характерным, почти целым горшочком с зональной орнаментацией из каннелюр и гребенчатых откосов.³

Другим, не менее важным памятником, во многих своих чертах совпадающим с раннетрипольскими, является Борисовка (Ильинцы). Н. Ф. Беляшевский, открывший этот памятник в 1901 г., не понял его историко-культурного значения, но в процессе раскопок собрал керамический материал и

¹ Э. А. Симонович. Раннетрипольское поселение в с. Данилова Балка. КСИМК, вып. XXIX, 1951, стр. 104—110.

² Т. Passek. La céramique tripolienne, стр. 101—104, 106. — Архив ИИМК, дело Археолог. комиссии, 224, 1913 г. — Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 34—36, рис. 4—6.

³ Э. А. Симонович. Раннетрипольское поселение в с. Данилова Балка, стр. 105, рис. 29, б.

¹ M. Smiszko. Tunczasowe sprawozdanie. . . , стр. 68—73.

сделал ценные наблюдения над группой землянок, имеющих любопытные конструктивные черты.¹ Е. Ю. Кричевский и Т. С. Пассек определили историческое место этого памятника, включив его в ранний этап развития триполья (этап А).² Действительно, керамическое собрание из Борисовки в ряде деталей повторяет те признаки, которые вполне устойчивы для раннетрипольской керамики Поднестровья. Имеются в виду, например, сосуды на подставке, инкрустированная посуда, черная лощеная и т. п. Система орнамента керамики из Борисовки тоже проявляет ряд общих черт с поднестровской и в отношении композиции, и в использовании тех или иных орнаментальных фигур (спираль, овалы, вертикальные каннелюры и т. д. и т. п.). Но орнаментика керамики из Борисовки выглядит более совершенной по композиционным, ритмичным построениям, более разнообразна и плотнее располагается на сосудах.³ Является ли это несколько более поздним хронологическим признаком, или, быть может, это результат локального проявления, сказать пока трудно. Скорее можно согласиться с первым объяснением, приписывая во внимание и конструктивное совершенство жидких углублений. Еще более затруднительно определить синхроничность с Лукой-Врублевецкой материала из Вишнеполя⁴ и Красноставки⁵ — слишком мал материал из этих местонахождений. Вишенпольская керамика представлен всего лишь одним, правда, достаточно выразительным, сосудом на полой подставке. Комплекс керамики из Красноставки сравнительно не так уж мал, но материал не систематизирован, хотя частично и опубликован. В отношении Красноставки можно сказать, что ее при-

надлежность к ранним фазам этапа А мало вероятна, хотя такой признак, как отсутствие окрашенной керамики, казалось бы, говорит именно за принадлежность Красноставки к наиболее ранним памятникам триполья. Наше сомнение основывается на той очень развитой орнаментации, использующей широкий желобок, который обычно связан с очень сложными композиционными построениями из спирали.

Пожалуй, ближе к Луке-Врублевецкой по всему комплексу культурных остатков стоит Сабатиновка, в материалах которой имеются элементы, характерные для ранних памятников триполья.¹ Овалы, простая спираль, заштрихованные ленты, присутствие сосудов на подставке с устойчивым криволинейным орнаментом, сосудов с полым носиком и т. п. — все это говорит о большой близости керамического собрания Сабатиновки к керамике Луки-Врублевецкой, Озарянец и других подобных им памятников. К тому же близкое сходство в стилистическом и в орнаментальном отношении проявляется и антропоморфная пластика.

Не слишком разделяет их и кремневый и костяной инвентарь. Правда, наличие в сабатиновском комплексе керамики с трехцветной росписью ставит Сабатиновское местонахождение на более высокую хронологическую ступень, следующую за этапом А. Но пока еще не исключена возможность объяснения этого стратиграфической спутанностью горизонтов в процессе раскопок мощного, почти двухметрового напластования культурного слоя, с одной стороны, а с другой, происхождением материала из различных пунктов раскопок.

Итак, в пределах правобережной Украины можно, вслед за Т. С. Пассек, выделить группу памятников в Поднестровье и Побужье, относящихся к ранней ступени триполья (этап А), причем в рамках этой ступени, вероятно, возможно и разделение по фазам — на более древние и более молодые комплексы. Последний вопрос далеко еще не разработан, но в близком будущем он должен войти в программу изучения, с тем чтобы еще больше уточнить культурно-хронологическую картину развития раннеземледельческих племен на юге

¹ М. Біляшевський. Досліди на городищі біля с. Борисівки Линецького району на Київщині. Коротке звідомлення. . . 1925 р., Київ, 1926, стр. 67—71. — М. Біляшевський. Борисівське городище, стр. 1—7.

² Т. Пассек. La céramique tripolienne, табл. VI, рис. 7—8. — Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 36—37, рис. 8—9 на стр. 38 и 39. Первоначально Т. С. Пассек памятники типа Борисовки и Саврани относил к этапу В-1 и γ-2 (см.: Т. Пассек. La céramique tripolienne).

³ По фотографиям Л. А. Диндеса.

⁴ Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 38, 39.

⁵ Там же, стр. 37—39; стр. 40, рис. 10. См. также: Т. Пассек. La céramique tripolienne, табл. VI, рис. 1—4; табл. XIX, рис. 8.

¹ Археологічні дослідження на території Богусу. . . — Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 47—52, рис. 19—20.

на юго-западе Европейской части СССР с учетом местных вариаций их.

Таким образом, пользуясь керамическими собраниями и другим инвентарем, нетрудно было показать, что Лука-Врублевская не одинока на юго-западе Украины, а вполне отчетливо может быть синхронизирована с другими аналогичными ей памятниками Поднестровья и Побужья. Кроме того, связь Лука-Врублевской с более поздними трипольскими памятниками этой эпохи также вполне очевидна.

Памятники этапа В-I и следующего за ним этапа В-II выявлены Т. С. Пассек на широкой территории правобережья Украины. Ею установлены те признаки, на основании которых можно выделить памятники этих двух этапов в особые культурно-исторические звенья, связанные между собой и с более ранним этапом А. Вместе с тем, Т. С. Пассек проследила связь памятников этапов В-I и В-II с зарубежными раннеземледельческими местонахождениями, в том числе и такими, где сохранилась стратиграфическая последовательность в культурных отложениях. В таблице, составленной Т. С. Пассек, и в тексте самой работы она объединяет в группу одновременных и родственных памятников такие поселения, как Сабатиновка, Незвишка, Кудринцы, Кадиевцы, Руджиноаза, Кукутены А, Эржд, Извоар II.¹

По поводу отнесения Сабатиновки к группе поселений этапа В-I мы уже высказали свои сомнения, полагая, что Сабатиновка стоит ближе к этапу А. Это тем более вероятно, что в таблице Т. С. Пассек, характеризующей этап В-I, численное предпочтение отдается расписной полихромной керамике, занимающей господствующее положение не только в таком памятнике, как нижний Эржд, но и в поднестровских поселениях этапа В-I.² На материале же из Сабатиновки можно наблюдать обратную картину. Расписная керамика занимает там подчиненное положение по отношению к керамике с углубленной и каннелированной орнаментацией.³ Таким образом, система орнаментации на сосудах из Сабатиновки и соотношение углубленной и каннелированной орнаментации с расписной позволяют

сближать это местонахождение с поселениями этапа А. Однако присутствие в Сабатиновке керамики с трехцветной росписью (если это не есть результат спутанности культурных горизонтов) заставляет нас отнести Сабатиновское поселение к промежуточной фазе между этапом А и этапом В-I. Но эта поправка имеет частный характер и не нарушает построения периодизации Т. С. Пассек.

Рассмотрение керамического комплекса из Луки-Врублевской помогло определить место этого поселения среди ранних земледельческих памятников, восходящих по времени к этапу А. Однако можно спросить себя, не является ли этот памятник каким-то местным вариантом триполья, может быть, и более позднего времени? Уже тот материал, который дают нам памятники с четкой стратиграфией, и среди них в первую очередь Извоар, как будто полностью отвечает на этот вопрос. Кроме того, совсем недалеко от Луки-Врублевской, в иных топографических условиях находятся такие мощные очаги трипольской культуры, как Дарабаны (район г. Хотина), Кадиевцы, Кудринцы и многие другие, находящиеся еще ближе к Луке-Врублевской (в 1—2 км).

В близких окрестностях Луки-Врублевской имеется ряд поселений с монохромной и нерасписной керамикой, представляющей более поздние этапы развитого триполья. Допустить, чтобы в окружении таких мощных культурных очагов среднего и относительно позднего триполья развивался какой-то самобытный культурный очажок, не испытавший на себе их влияния, просто невозможно. Таким образом, с точки зрения этих наблюдений постановка вопроса о Луке-Врублевской как памятнике локального варианта развитого триполья не заслуживает серьезного рассмотрения.

При сопоставлении керамического собрания из Луки-Врублевской с керамикой этапа В-I отчетливо выстраиваются генетические связи между этими двумя группами керамики. В одном направлении мы это уже попытались сделать, рассматривая эволюцию антропоморфных сосудов на полой подставке. Мы видели эти сосуды в натуралистическом и схематическом оформлении в ранних трипольских памятниках — Луке-Врублевской, Греновке и в более поздних поселениях — Извоаре II, Эржде, Кукуте-

¹ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 42—54, рис. 11.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 50.

нах, Фрумушице, Трояне и др. Причем, несмотря на прогрессирующую схематизацию этих сосудов, вернее изображений людей на них, все же можно отметить устойчивость самого сюжета. Антропоморфные сосуды дают ясно прослеживаемую эволюционную нить, идущую от раннего триполья к развитию. То же можно сказать и о других формах керамики — например ковшах, кувшинах, амфоровидных и грушевидных сосудах, кухонной посуде, глиняных ложках и т. д. Элементы преемственности форм от ранних этапов к поздним вполне определены, хотя в ряде случаев ступеньваются отдельными частными деталями, внесенными в оформленные сосуды. Последнее явление возникло из усложняющихся бытовых потребностей и развивающихся художественных вкусов. В процессе развития трипольской керамики менялось количественное соотношение того или иного типа сосудов внутри одновременных комплексов, а тем более разновременных. Например, самым характерным типом бытовых сосудов в Луке-Врублевецкой является горшочек, а, скажем, для нижнего слоя Кукутен, Кудринцев и Кадиевцев его значение в бытовой посуде не столь уж велико. Но все это в конечном счете не затемняет прямых преемственных связей керамики раннего триполья этапа А с более поздней трипольской керамикой этапа В-І и с последующими этапами этой культуры. Таким образом, генетическая связь между формами сосудов раннего триполья с формами сосудов среднего и развитого триполья вполне ощутима.

При анализе системы орнаментации опять-таки резко бросается в глаза эволюционная последовательность в использовании основных элементов узора в декорировке посуды. Система орнаментации от ранних ее форм, этапа А, все время прогрессирует, видоизменяясь за счет усложнения рисунка, стремления к установлению зональности и равновесию в композиции, внесении элементов модификации и т. п. Тем не менее основа или схема орнамента всегда может быть раскрыта в его древних элементах. Если, например, взять спираль, то ее развитие от простейших форм до сложных орнаментальных композиций на разных этапах триполья не подлежит сомнению. Об этом писал еще Л. А. Динцес.¹ То же самое

можно сказать и о развитии ленточной орнаментации. От простых лент, очерченных двумя-тремя линиями (Лука-Врублевецкая), составляющих незамысловатый криволинейный узор, процесс развития идет в направлении увеличения числа прочерченных линий, составляющих ленты (до пяти-семи), образующие достаточно сложные криволинейные орнаментальные построения. Все сказанное настолько ясно выступает при сопоставлении орнаментации керамики этапа А с орнаментацией среднего и позднего триполья, что едва ли нуждается в специальных примерах. Однако это касается круга памятников именно трипольского типа, расположенных на нашей территории и за рубежом (особенно румынских). Но как только мы вступаем в обширную область Подунавья, здесь возникают серьезные затруднения при установлении родственных черт, например керамики Винчи с трипольской или последней с линейно-ленточной керамикой средней полосы Европы. Эти затруднения вытекают из сложившихся местных этнических различий в культурах раннеземледельческих племен, но имеющих вместе с тем много общих черт с трипольем. На связи раннеземледельческих памятников правобережья Украины с зарубежными следует несколько задержаться.

В годы, когда еще только накапливались материалы из раскопок трипольских поселений, внимание исследователей было обращено на то, что распространение остатков культуры, во многом аналогичных триполью, уходит в южную и юго-восточную полосу Европы. Об этом писали Э. Р. Штери, В. В. Хвойко, Ф. К. Волков и другие авторы, пытаясь объяснить переселением племен сходство археологических признаков, характеризующих триполье, с аналогичными признаками в областях южной и юго-восточной Европы. В наше время этому же вопросу было посвящено немало работ Е. Ю. Кричевского, Т. С. Пассек, Г. Чайльда и других. Действительно, даже ранний этап триполья нельзя рассматривать в рамках только правобережной Украины, не связывая памятники типа Луки-Врублевецкой с памятниками южной и юго-восточной Европы. На этих территориях в памятниках раннеземледельческих племен во многом проявляются те же культурно-исторические черты, которые позволяют сопостав-

¹ Л. А. Динцес. Прочерченный трипольский орнамент культуры А. Сборник I, ГАИМК, Бюро по делам аспирантов, Л., 1929, стр. 21.

ать культуру этих племен с трипольской в целом или отдельных ступеней ее развития. Сходство в формах домостроительства, хозяйственного инвентаря и некоторых надстроечных явлений (например религиозное мировоззрение) надо рассматривать не только как результат исходных производственно-экономических условий, а безусловно и как следствие прямых и косвенных связей между племенами, связей, которые все больше расширялись укреплявшимся обменом.

Если общие соображения старых авторов о родстве трипольской культуры с южными, юго-восточными и даже среднеевропейскими культурами оставались как общий постулат в отношении триполья в целом, то сейчас уже определились пути к установлению одновременности отдельных ступеней триполья со стратиграфически расчлененными памятниками раннеземледельческих племен южной половины Европы. Из наиболее близких к Луке-Врублевецкой памятников следует указать на нижний горизонт Извоара (Извоар I). Как известно, это местонахождение в свое время послужило первым сигналом к выявлению нового исторического пласта, предшествующего кукутенской ступени. В Извоаре в счастливых стратиграфических условиях было обнаружено два культурных слоя. Нижний — более древний — содержал остатки культуры, и в том числе черную лощеную керамику фессалийского типа с своеобразными орнаментальными криволинейными построениями, гребенчатыми оттисками, белой инкрустацией и т. п., отличающиеся от остатков верхнего слоя, облик которых вполне отвечал материалу нижнего культурного слоя Кукутен. Керамический материал Луки-Врублевецкой целиком отвечает керамике Извоара I не только по характеру орнаментации, но, видимо, и по формам керамических изделий — горшочков, ковшей и др. Извоар и территориально не так уж отдален от Луки-Врублевецкой (р. Быстрица, около г. Пятра-Ньямца). Из близко расположенных к Луке-Врублевецкой памятников и, возможно, синхроничных ей, следует указать на пока еще не вполне ясный нижний горизонт Трайян. Хотя материал из последнего местонахождения еще немногочислен, но по условиям залегания и культурному облику его можно сблизить с материалом из Луки-Врублевецкой.

Е. Ю. Кричевский, Т. С. Пассек и ряд

других авторов неоднократно указывали на близость памятников триполья к раннеземледельческим поселениям Подунавья, Балкан и восточного Средиземноморья, включая и Малоазийское побережье. Уточняя вопросы хронологии памятников, Т. С. Пассек установила соотношение ранних памятников триполья Украины с зарубежными местонахождениями (Извоар I, Тордош I, Винча I, Бойиан А). Но ее сопоставления идут и дальше юго-восточной Европы, до восточного Средиземноморья. Поскольку данные Т. С. Пассек строятся на основе стратиграфии и сравнительного анализа культурно-исторических явлений, выводы ее следует считать убедительными.

О связи трипольской керамики с европейской интересные мысли были высказаны Е. Ю. Кричевским, прямо указавшим на генетическую преемственность трипольской керамики от неолитической дунайских областей. Это касается не только кухонной посуды, но и приемов и стиля орнаментации различных бытовых сосудов.¹ Особенно внимательно и на большом археологическом материале Е. Ю. Кричевским прослежен путь проникновения в юго-восточную Европу черной полированной и каннелированной посуды. Именно такая керамика с черным лощением и каннелированными узорами составляет один из важнейших компонентов керамики Луки-Врублевецкой. Оказывается, что появлению черной каннелированной керамики в Поднестровье, как думает и Чайльд, предшествовал длинный и длительный путь ее из глубин Малой Азии и областей восточного Средиземноморья.²

¹ Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Повисовья. . . , стр. 50. — Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины. . .

² Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Повисовья. . . , стр. 55—57. Т. Сулимирский полагает, что чернолощенная или полированная керамика появилась в триполье из древнеземледельческих областей Румынии. Эта керамика существует в трипольском хозяйстве на всех этапах развития триполья и, по мнению Т. Сулимирского, трансформируется при автохтонном развитии общества в гальштатский тип посуды. По его словам, исчезновение трипольской культуры не означало каких-либо заменений в населении страны. Оно означало замену старого обычая расписывать керамику способом покрытия ее черной краской и лощением. Т. Сулимирский неправильно рассматривает румынскую территорию как область, откуда шла в триполье чернолощенная посуда. Эту территорию

Примерно то же можно сказать о появлении здесь и расписной керамики. Единичные находки фрагментов расписной посуды в Луке-Врублевецкой следует, быть может, рассматривать как первые навыки местного изготовления и следствие проникновения расписной керамики из Фессалии через Моравию, Дунайскую область, Семиградье и юго-западную Украину.¹ В пользу этого предположения говорит факт единичности находок в Луке-Врублевецкой расписных сосудов при высокой в то же время технике нанесения окраски, в том числе и на лощеную поверхность сосуда. Таким образом, положение Е. Ю. Кричевского о проникновении на юго-восток Европы, а следовательно, на правобережную Украину, ряда элементов керамического производства, выросших за пределами правобережной Украины, представляется вполне обоснованным. Мало того, что Е. Ю. Кричевский проследил на ряде фактов процесс проникновения определенных керамических форм и систем орнаментации из южных широт через Балканы в юго-восточную Европу и на правобережную Украину, он дал и первый набросок этнографического расселения племен-носителей линейно-ленточной керамики.² Е. Ю. Кричевский наметил ряд общностей между линейно-ленточной и трипольской керамическими группами. Общность эта, как думает Е. Ю. Кричевский, есть результат единства происхождения и связи с эгейским миром. Т. С. Пассек, развивая дальше положение Е. Ю. Кричевского, подчеркивает связь трипольских комплексов с материалами из неолитических и энеолитических поселений Подунавья.³

можно рассматривать как один из транзитных путей проникновения чернолощеной керамики в триполье. Другой путь, видимо, шел через западное Причерноморье. Совсем неубедительны доводы Т. Сулимирского относительно простой трансформации трипольской керамики в гальштатский тип. Автор совершенно игнорирует в решении этого вопроса все другие элементы культуры. Поэтому схема Сулимирского, не будучи обоснована комплексом фактов, вовсе не решает проблемы исчезновения триполья (см.: Т. Sulimirski. The problem of the Survival of the Tripolie culture. Proceedings of the prehistoric Society for 1950, нов. серия, т. XVI, Кембридж, 1951).

¹ Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Понизовья. . . , стр. 57.

² Е. Ю. Кричевский. Мезолит и неолит Европы, стр. 8—9.

³ Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 20—41.

В общих чертах точка зрения Е. Ю. Кричевского, а затем и Т. С. Пассек, сводится к следующему: «Трипольская культура складывается в результате сложного взаимодействия: влияние со стороны восточного Средиземноморья перекрещивается с прогрессивным развитием автохтонного земледельческого населения, характерного линейно-ленточной керамикой. Конечно, вопрос о происхождении трипольской культуры еще не является решенным. Предположение о том, что трипольская культура в своей значительной части есть лишь результат дальнейшего развития «дунайской», нам представляется наиболее вероятным, хотя поселения с древнейшей линейно-ленточной керамикой еще не известны восточнее Збруча» (Е. Ю. Кричевский).¹ «. . . новые материалы Триполья доказывают огромную общность в системе земледельческого хозяйства, в орудиях производства, керамики, характера больших многоочажных домов во всем Днепроовско-Дунайском бассейне. Хронологически различные комплексы находок на данной обширной территории мы рассматриваем как результат общих изменений единого процесса развития в эпоху неолита и раннего металла на основе существовавшей здесь раннеземледельческой культуры IV—III тысячелетий до н. э., известной в археологии под названием культуры линейно-ленточной керамики» (Т. С. Пассек).²

И далее: «. . . предположение, что Триполье в своей значительной части есть лишь результат дальнейшего развития неолитических племен с линейно-ленточной керамикой, представляется в настоящее время наиболее вероятным». ³ Таковы те предпосылки, которые легли в основу взглядов Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пассек на происхождение триполья. Не вызывает сомнений во многом проявляющаяся действительная общность культур поселений линейно-ленточной керамики Подунавья с поселениями триполья. Еще более убедительно показан процесс трансформации трипольских и других раннеземледельческих культур от ранних к поздним этапам. Но остается еще много нерешенных вопросов, особенно когда сопоставления ведутся в широких ареалах, с попыт-

¹ Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Понизовья. . . , стр. 50.

² Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 20.

³ Там же, стр. 30.

выявления местных, автохтонных явлений. Даже в пределах изучения наиболее чуткого показателя хронологических и племенных отличий — керамики — нелегко получить ответ на вопрос о связи линейно-ленточной керамики с трипольской, имея в виду генетическое взаимоотношение их. В одной из своих работ Г. Чайльд, отмечая трудности установления отношения между населением культуры линейно-ленточной керамики с трипольской культурой, писал, что желобчатая керамика триполья совершенно не похожа на центральноевропейскую и балканскую керамику.¹ И действительно, если мы обратимся к сводкам Френсиса и Томпа, Бучкова, Стоцкого, Васича, Баннера, Мижойича и к ряду специальных статей, нам бросятся в глаза принципиальные различия между желобчатой орнаментикой триполья и линейно-ленточной керамикой, особенно северных Балкан, центральной и средней Европы. Типы сосудов также не дают оснований для генетических построений. Е. Ю. Кричевский, пытаясь доказать преемственность между трипольской керамикой и линейно-ленточной, все же приводит некоторые черты сходства между культурой Бойнан и ранним трипольем, полагая при этом не столько преемственность их, сколько общность происхождения.² Культура Бойнан, эта наиболее ранняя земледельческая культура проявляет некоторые

общие черты с ранним трипольем юго-западного ареала, но что в керамике Бойнан местного, автохтонного и что принесено сюда из южных, средиземноморских областей, — остается недоказанным.

Если действительно раннетрипольские комплексы во времени стоят ближе всего к исходным линейно-ленточным, то теоретически в них и следует искать наиболее четких проявлений традиций линейно-ленточной орнаментации. При обращении к материалу из Луки-Врублевцевой, естественно, возникает вопрос: какие же керамические черты относятся к местным и какие принесены сюда в результате прихода населения, обмена или соседских связей? Из сказанного выше можно, например, заключить, что черная полированная посуда вместе с каннелированной составляют комплекс керамики, происходящей из восточного Средиземноморья. К ним же, быть может, следует отнести и сосуды на полых кольцевых подставках с антропоморфными фигурами, поддерживающими сосуд на поднятых руках. Они встречаются преимущественно в западных трипольских памятниках и реже в поселениях линейно-ленточной керамики. Нельзя не отметить также керамику, инкрустированную белой и красной пастой. Она хорошо известна, начиная с неолитических слоев Кносса¹ до многочисленных раннеземледельческих памятников юго-востока Европы. Названные признаки в керамике Луки-Врублевцевой представлены очень широко (кроме инкрустированной красной пастой и расписной), но отнюдь не являются характерными для линейно-ленточной керамики. Вместе с тем в Луке-Врублевцевой были встречены фрагменты сосудов, по фактуре глиняного теста и орнаментации выходящие за рамки наших представлений о производственных и художественных навыках населения Луки-Врублевцевой. Имеется в виду группа черепков с чертами, очень напоминающими линейно-ленточную керамику. Малочисленность этих фрагментов наводит на мысль о том, не имеем ли мы здесь дело с привозной посудой? Для нее характерны определенные геометрично-прямолинейные или криволинейные построения, часто композиционно неуравновешенные, грубая прочерченность линий при тонкости

¹ G. Childs. Schipenitz. . . , стр. 278.

² Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Поднятия. . . , стр. 51—55. — Е. Ю. Кричевский хотя и признавал, что решающую роль в сложении трипольской культуры играли местные европейские племена, все же не отрицал связей этой культуры с южными странами. Больше того, он, как и Т. С. Пассен и М. И. Артамонов, считал, что изучение триполья не может быть плодотворным без изучения раннеземледельческих племен южного ареала. В этом отношении Е. Ю. Кричевский подошел к вопросу происхождения трипольской культуры ближе, чем, например, А. А. Иессен, еще недавно писавший: «Таким образом, делавшиеся до сих пор попытки проследить проникновение южных влияний в северное Причерноморье в эпоху, предшествующую греческой колонизации и образованию скифского общества, также не привели к сколько-нибудь ясному представлению о действительных взаимоотношениях, существовавших в этот период исторического развития между племенами северного побережья Черного моря с южными странами» (см.: А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья, стр. 13). Лишь начиная с подтрипольского этапа, А. А. Иессен признает меновые связи усатовских племен с юго-западом, Малой Азией и Эгейским бассейном (там же, стр. 15, 17).

¹ Дж. Пендлбери. Археология Крита. . . , стр. 52.

штриха, пояски с однорядным наколом ямок или уголками, ромбическая прочерченная сетка, т. е. все те элементы, которые пока еще не установлены для ранней трипольской керамики, зато спорадически отмечаются в линейно-ленточной посуде дунайско-тиссского ареала. Правда, с последним керамиком из Луки-Врублевецкой имеет и другие орнаментальные совпадения — мелкие полусферические налеты, налеты в виде сосцевидных отростков, кружочки, вдавленные с помощью трубки, зигзагообразные построения, как бы копирующие северную керамику дольмен, и, конечно, спираль. Но повторяем, все эти общности отнюдь не указывают на генетическое родство, ибо не доказано для каждого сюжета его местное происхождение, выросшее в недрах автохтонного неолитического населения; они скорее говорят, может быть, о племенных взаимоотношениях, в результате которых передаются определенные производственные навыки и художественные вкусы.

Прекрасной иллюстрацией к сказанному является находка птицеподобного сосуда, обнаруженного в Луке-Врублевецкой в жилище № 5 у очага. Наш сосуд имеет свою прямую аналогию в сосуде из Винчи.¹ Их сближает не только морфологическое сходство, но, что еще важнее, и ряд скульптурных деталей. К последним относятся наличие зобика, редуцированных крыльев и виде выступов и своеобразное оформление горловины, заканчивающееся не лепной головкой, а вешироким раструбом. Передача даже мелких деталей, одинаково отмеченных для сосуда из Луки-Врублевецкой и сосуда из Винчи, не говоря о тождестве самого сюжета, скорее всего свидетельствует о том, что мастер, лепивший сосуд, видел прообраз его, поэтому не упустил даже повторения деталей в моделировке сосуда. Когда же дело дошло до орнамента сосуда, то мастер снабдил его узором, построенным в обычном для керамики Луки-Врублевецкой стиле, т. е. сочетанием каннелюр с ямками — орнаментом, отмеченным и в зооморфной скульптуре. Впрочем, и передача зобика у птицы также встречается в пластике, например, Гумельницы.

Несколько более отдаленной аналогией нашему сосуду может послужить и сосуд

из Добре (Польша), по стилю близкий к сосуду из Луки-Врублевецкой, но украшенный иной, накольчатой орнаментацией.¹ Конструктивно близки к сосуду из Луки-Врублевецкой зооморфные сосуды из Султана,² Габарево³ и небольшой сосудик из Русе.⁴ Зооморфные сосуды из других франкских раннеземледельческих памятников в конструктивном отношении значительно отличаются от только что названных,⁵ так же как и от зооморфных сосудов из Трои.⁶ Несмотря на конструктивные отличия и зооморфных сосудах, происходящих из отдаленных друг от друга территорий, наиболее вероятно, что, подобно антропоморфным сосудам, их происхождение следует отнести к южным ареалам восточного Средиземноморья.⁷

Если сопоставить формы сосудов из Луки-Врублевецкой с сосудами линейно-ленточной керамики, то можно отметить также некоторые черты общности, например близость сосудов типа тазов из Луки-Врублевецкой к аналогичным сосудам из Винчи. Но формы сосудов основной зоны распространения линейно-ленточной керамики в центральной и средней Европе с формой сосудов из Луки-Врублевецкой почти никак не связываются. Достаточно сказать, что посуда на указанных территориях обычно круглодонна, посуда же юго-восточных областей Европы, как правило, плоскодонна.

Можно ли считать автохтонной кухонную посуду, архаическую по своему внешнему облику и постоянно сопутствующую весьма совершенным керамическим образцам, обычным для всех этапов триполья?

¹ Z otchłani Wiekow, вып. 1, 1936, стр. 9, 11, рис. 1—5.

² В. Миновъ. Могилата при с. Султана. . .
³ J. H. Gaul. The neolithic period in Bulgaria, табл. XII, рис. 4.

⁴ Д. Костовъ. Предисторическата могила до Русе. . . , стр. 64, рис. 113, в. Интересно отметить, что сосуды в виде птиц, снабженные окраской орнаментацией, встречаются в Суэнаве и Верхнем Египте (J. de Morgan. Préhistoire orientale, 1926—1927, т. II, фиг. 152, 312, 313; т. III, фиг. 64).

⁵ Ср. сосуд из Мечкюр (Seure et Degand. Exploration de quelques tells de la Thrace, стр. 412, рис. 50) или Патчева [Jероме. L'époque néolithique dans la vallée de Tonsus (Thrace). Rev. archéol., т. XXXIX, 1901, Парж, стр. 335, рис. 1].

⁶ H. Schlimann. Ilios. Лейпциг, 1881, стр. 420—422.

⁷ V. Milojević. South-eastern elements in the prehistoric civilization of Serbia, стр. 294—295.

¹ М. В а с и л. Пренсториска Винча II, стр. 164, табл. ХСІ.

Казалось бы, что грубость теста, примитивность лепки, система орнаментации в виде зашипов, ямок, ногтевых оттисков позволяет видеть в кухонной посуде отголоски неолитической традиции. Видимо, именно это и имел в виду Е. Ю. Кричевский, пытаясь выделить ее из трипольских комплексов.¹ По первому впечатлению кухонная посуда из той же Луки-Врублевецкой носит отпечаток архаичности и как-то не выжется с высокосовершенной бытовой или столовой посудой. Но можно ли предполагать, что именно кухонная посуда — это тот местный культурно-исторический компонент, который сохранился в виде реликта в развитом и вполне оформившемся трипольском комплексе? Данных для положительного ответа еще совершенно недостаточно. Против же такого предположения говорят следующие соображения. Во-первых, на обширной территории Подолья мы не встречаемся с неолитическими памятниками, среди материала которых можно было бы отметить исходные керамические комплексы для кухонной посуды триполья. Здесь, в Среднем Поднестровье, и шире, вообще говоря, нет поселений, которые можно было бы с уверенностью отнести к типичному неолиту. Вряд ли это можно рассматривать как явление случайное, если помнить о значительной изученности территории советскими и зарубежными исследователями, установившими удивительную густоту археологических памятников на ней. А если это так, то, следовательно, нет и источника для продолжения традиций. Во-вторых, нужно считаться и со специфической направленностью кухонной посуды, ее назначением. Кажущаяся примитивность лепки, выражающаяся в толщине стенок сосудов, наличии крупнозернистых примесей к тесту скорее всего зависела от специфики использования керамики этого вида² —

обеспечивала большую прочность и жароустойчивость. Орнаментальный примитивизм тоже мог явиться следствием именно кухонного использования посуды. В-третьих, трудно допустить, чтобы «примитивная» посуда оставалась в трипольской среде такое продолжительное время, во всяком случае на ранних и развитых ступенях триполья, не переформировавшись под воздействием уже далеко шагнувшей вперед керамической техники. В-четвертых, если рассматривать «грубую» кухонную посуду триполья как пережиток местных неолитических традиций, то следует объяснить наличие совершенно аналогичной «грубой» посуды с теми же приемами орнаментации, постоянно встречающейся в раннеземледельческих комплексах Переднего Востока, Малой Азии и Балкан. В отношении этих территорий с большим числом многослойных памятников такое объяснение едва ли выдержит даже самую деликатную критику.

Мы знаем уже случай появления дунайской керамики в неолитических комплексах на Днестре. На островах Сурском (пункт II), Кодачке и Князевом в районе днепровских порогов В. Н. Даниленко собрал интересный керамический материал, среди которого обнаружено несколько фрагментов посуды, тождественной с дунайской.³ Здесь мы имеем пример проникновения отдельных орнаментальных сюжетов, а быть может, и самих сосудов, в типичный неолитический комплекс. Совсем другое наблюдается в раннетрипольских керамических собраниях. Одновременное и количественно равное сосуществование высокоразвитой керамики вместе с «примитивной» создает только кажущееся впечатление различных по своему происхождению комплексов.

Из сказанного следует, что в раннетрипольской керамике Луки-Врублевецкой мы не можем установить местных неолитических черт. Генетическое родство ее с керамикой линейно-ленточных поселений тоже остается недоказанным. Если в какой-то мере и проявляются черты общности керамики нижнего и среднего Подунавья с раннетрипольской, то из этого вовсе нельзя сделать категорического вывода о их гене-

технологических приемах, применяемых при изготовлении сосудов.

³ В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт південної Наддніпрянщини, стр. 146, табл. V, рис. 1, 12, 13.

¹ Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Повисовья. . . , стр. 50.

² При оценке качества глиняного теста, применяемого для изготовления керамики, нужно считаться с назначением посуды. С этой точки зрения определение «грубое тесто» следует понимать совершенно условно, так как при специальных примесях в тесте повышается жароустойчивость посуды, ее прочность и другие полезные качества, на что обратил внимание еще В. В. Хвойко. Следовательно, вид и качество глины не всегда отвечают внешним впечатлениям о примитивности посуды и неумелой подготовке глиняного теста. Наоборот, различные «грубые» примеси, включенные в глиняное тесто, могут скорее свидетельствовать о прогрессивных

тической взаимосвязанности. Несколько больше данных мы получаем при сравнении трипольских памятников с памятниками Балканского полуострова. Однако и здесь имеют место затруднения, когда речь идет не об орнаментации или определенных технических приемах отделки поверхности сосудов, а о формах сосудов. Различия здесь настолько явны, что заставляют задуматься над правомочностью сопоставлений раннетрипольской керамики с малоазийской, критской, коринфской,¹ фессалийской, македонской, северобалканской и керамикой болгарских телей. Тем не менее все же имеются серьезные основания генетически сближать трипольские комплексы с балканскими и малоазийскими.

Множественность типов сосудов, различия в формах их и системах орнаментации, отмеченные в керамике раннеземледельческих поселений юго-востока Европы, центральной и средней Европы, Балкан и восточного Средиземноморья, говорят об установившейся конкретно-исторической обстановке с ее племенными группами, с этнографическими особенностями, обменом и соседскими связями. Намечается несколько своеобразных ареалов: восточно-средиземноморский, северобалканский, средне- и центральноевропейский и, наконец, юго-восточноевропейский. Внутри этих ареалов наблюдаются свои, местные черты в культурах, например карпато-днестровско-бугский и днепровский, во многом отличающиеся от дунайско-тисского или нижне-дунайского.

Здесь не место входить в рассмотрение особенностей раннеземледельческих культур на огромной территории Европы, но факт наличия между ними ряда культурных общностей и существенных отличий вполне очевиден. Очевидно также, что каждый из названных ареалов, больших и малых, по-разному испытал на себе прогрессивное влияние земледельческих культур южных широт, по-разному воспринимал и преломлял в своей местной среде хозяйственные и культурные навыки, идущие из областей древнейших земледельческих цивилизаций через средиземноморский островной мир и Балканы.

Что касается юго-восточной Европы и Поднепровья, а возможно и шире (имеется

¹ Имеется в виду керамика из древнейших слоев (см.: L. M. Kozyra u. o. s. The prehistoric inhabitation of Corinth, I. Мюнхен, 1948).

в виду южная часть центральной Европы и правобережье Среднего Поднепровья), то здесь в IV—III тысячелетии до нашей эры произошло какое-то, на первый взгляд необъяснимое явление. Чтобы попытаться дать истолкование ему, обратимся к материалу из Луки-Врублевецкой и прежде всего к керамике. Раннетрипольский комплекс из Луки-Врублевецкой, как уже говорилось, оказывается изолированным по нисходящей линии исторического развития. Другими словами, он не имеет тех исторических звеньев, которые связывали бы его с предшествующими, еще более ранними этапами культуры, скажем неолита. Керамический комплекс Луки-Врублевецкой предстает перед нами во всем своем разнообразии — высокая техника моделировки и отделки посуды, совершенство форм, развитые приемы орнаментации, оттеняющие установившиеся художественные вкусы. Таким образом, вся совокупность признаков, характеризующих высокий уровень керамического производства, знавшего к тому же и горн для обжига посуды, появляется внезапно. Эту внезапность можно, видимо, объяснить только на фоне исторического развития восточного Средиземноморья, Балкан, центральной и юго-восточной Европы. Имея в виду показать здесь только общую линию исторического развития, отметим, что в восточном Средиземноморье и Балканах самыми ранними памятниками остаются так называемые неолитические напластования, подстилающие или частично совпадающие с древнеминойским периодом. Экономической основой древних неолитических поселений Средиземноморья являлось земледелие и скотоводство. Совершенно достоверных палеолитических и мезолитических поселений на Балканах вместе с островами не отмечается.

В Болгарии палеолитические памятники представлены очень слабо, хотя и не вызывают сомнений в их принадлежности к позднему палеолиту. В Румынии позднепалеолитические поселения, так же как и в Чехословакии, представлены значительным числом стоянок, тяготеющих к предгорным и горным районам этих стран. Далее к востоку, в верхнем и частично Среднем Поднепровье мы встречаемся с огромным числом приднепалеолитических местонахождений, принадлежащих разным фазам развития и уходящих еще далее к востоку, к бассейну Буга и Днестра. Но в больших по количе-

ству и своеобразных по своему культурному облику палеолитических собраниях мы не отмечаем присутствия мезолитического кремневого инвентаря в его обычном и устойчивом проявлении, т. е. геометрических макролитических форм. Такая специфика кремневого инвентаря характерна для памятников Болгарии, Румынии, Чехословакии, южных областей Польши и западных областей Украины. Смежная культурно-историческая ступень раннего неолита с макролитическими тенденциями также не отражена в находках, во всяком случае для Болгарии, Румынии, Чехословакии и, как мы видели выше при разборе кремневого инвентаря, для Подиестровья, Побужья и Среднего Поднепровья. На всей этой обширной территории не сложилось тех хозяйственных форм, какие возникли, например, в лесостепной полосе Восточной Европы или в капсийской области. Здесь в хозяйственном укладе и технике обработки кремня долгое время бытуют в среде местного неолитического населения позднепалеолитические традиции. Применительно к Среднему Подиестровью, на основании изучения ряда позднепалеолитических памятников, можно предположить, что позднепалеолитические черты в технике обработки кремня переходят в технику обработки кремня в Луке-Врублевецкой. Коллектив этого поселения в значительной степени сохраняет еще и охотничий промысел, так же как и хранит устойчивые традиции в формах домостроительства. Обо всем этом говорилось выше.

Стало быть, в культуре Луки-Врубле-

веккой выделяются два пласта, отражающие два различных по своим хозяйственным основам ареала — южный земледельческий, с развитыми формами материального производства, и местный охотничий, со своими еще архаическими признаками, т. е. Лука-Врублевецкая как памятник отражает взаимодействие этих двух ареалов, слившихся в одной своеобразной культуре.

Керамика из Луки-Врублевецкой, следовательно, по своему происхождению связана с югом. Это, конечно, не значит, что общества, пришедшие сюда с Балкан, принесли с собой свою посуду. Речь идет о действительном расселении, о первоначальных этапах которого мы еще почти ничего не знаем, так как нам не известны памятники, фиксирующие самое первое соприкосновение земледельческого и охотничьего ареалов. Лука-Врублевецкая отражает лишь один, хотя и ранний этап этого столкновения. Здесь уже выработались свои производственные навыки, свои приемы изготовления посуды, опередившие раннеземледельческие племена линейно-ленточной керамики. Этим, может быть, и объясняются различия в керамике у раннеземледельческих племен разных областей.

Конечно, данная нами картина исторического развития племен в Среднем Подиестровье отнюдь не претевдует на очень широкий территориальный охват. В разных областях имели место свои взаимоотношения с южными племенами, свои формы восприятия и выработки хозяйственных, бытовых и культурных проявлений.

Глава IV

ОСТАТКИ ФЛОРЫ И ФАУНЫ

ОСТАТКИ ФЛОРЫ

Для определения растительных остатков служат четыре группы источников: 1) древесный уголь, постоянно встречающийся в очагах жилищ и в виде углистых включений в культурных отложениях вне жилищ; 2) отпечатки растительных волокон на обмазке различных деревянных конструкций; 3) отпечатки зерен культурных растений на глиняной массе; 4) остатки зерен, сохранившиеся в натуральном, но обугленном виде.

Древесный уголь, собранный из очагов и в отдельных пунктах залегания культурного слоя, представляет совершенно определенный и единственный вид растительности, шедшей на топливо, — дуб. Других пород деревьев пока еще не установлено, но это, конечно, не значит, что другие древесные породы не использовались в качестве топливного и строительного материала. Может быть, определение углей, давшее только остатки дуба, является делом случая, ввиду отбора для анализа только достаточно крупных и хорошо сохранившихся образцов.¹

Остатки растительных волокон в виде оттисков на глиняной массе каркаса конструкций встречались в общем довольно редко и на очень небольших комках глины. В устье горна в жилище № 1 было найдено несколько обломков обмазки с отпечатком тонкой жерди и прутьев, в жилище № 3

¹ Об остатках дуба говорит Т. С. Пассек, отмечавшая остатки древесины в виде угля и отпечатков желудей в глиняной обмазке на поселении Колосийщина. (Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 146). Дубовые угли определены также и во Фрумушапе (С. Маташа. Фрумушапа, стр. 41).

тоже отмечены аналогичные находки. Следы крупных древесных оттисков на глине в Луке-Врублевской не встречены. Таким образом, по дошедшим до нас отпечаткам судить о том, какие породы растительности использовались как строительный материал и в каком виде, — трудно.

Если первая и вторая группа находок, т. е. уголь и древесные отпечатки, больше способствуют разрешению естественно-исторических вопросов, то третья и четвертая группы служат и для разработки культурно-исторических тем. Совершенно отчетливые отпечатки зерен были обнаружены нами в небольшом комке глины, здесь же были встречены и сами обуглившиеся зерна (рис. 62—65). Кроме того, этот же комок глины содержал и отпечаток колоска. Последнее является едва ли не первым случаем в истории изучения растительных остатков в памятниках раннеземледельческих племен вообще,¹ не считая находок колосков в швейцарских свайных поселениях. Работа по очистке комка глины и определению вида зерен выполнялась ботаником В. А. Петровым совместно с аналитиком В. Н. Коновым. В. А. Петров на основании изучения отпечатка колоска и остатков зерен сделал вывод о принадлежности их к распространенному в неолите виду — пшенице-двузернянке. Другие отпечатки зерен были обнаружены в ряде глиняных статуэток, снаружи и внутри их. Это наблюдение имеет самостоятельное научное значение и о нем будет сказано ниже. Пока лишь ограни-

¹ Т. С. Пассек говорит, правда, о мелких обломках колосков хлебных злаков, встреченных в обмазке (Трипильська культура, т. I, стр. 27).

чимся определениями В. А. Петрова, установившего, что отпечатки на статуэтках также принадлежат зернам пшеницы-двухзернянки.¹ Этим, однако, не исчерпываются находки остатков зерен. Оттиски зерен на статуэтках были осмотрены группой специалистов Ботанического института АН СССР и Всесоюзного Института растениеводства — доктором сельскохозяйственных наук Ф. Х. Бахтеевым и заведующим Лабораторией пшениц ВИР М. М. Якубцинером, в при-

Рис. 62. Остатки злаковых зерен. (Сильно увеличено). (Фот. С. А. Семенова).

а, б — натуральные остатки обугленных зерен; в — оттиск зерна на пластелине, взятый с отпечатка зерна на статуэтке.

сутствии кандидатов сельскохозяйственных наук А. И. Мордвинкиной, В. Ф. Антроповой, В. Н. Лысова и М. М. Павловой. В акте осмотра указывается наличие оттисков мягкой пшеницы (*Triticum vulgare*), твердой пшеницы (*Triticum durum*) и голозерного ячменя (*Hordeum vulgare*). На одном из участков при раскопках длинного жилища (№ 3, раскоп I) на полу было выявлено скопление растительных остатков, в которых нетрудно было сразу же угадать чешуйки проса. Таким образом, в Луке-Врублевцевкой установлено присутствие трех культурных растений: пшеницы двух видов, ячменя и проса.²

¹ Проф. В. Е. Писарев, осмотревший оттиски зерен пшеницы на статуэтках, определяет принадлежность их к оттискам зерен твердой пшеницы.

² По вопросу о происхождении культуры пшеницы и проса, их видовым характеристикам и эйкумене см. работу акад. В. Л. Комарова «Происхождение культурных растений» (М.—Л., 1936, стр. 74, 91, 110, 116).

Определение древесных пород по углям и отпечаткам из памятников триполья, так же как и злаков, пока еще не заняло большого места в программе исследований раннеземледельческих памятников, хотя сейчас уже чувствуется в этом необходимость, для того чтобы решать вопросы, связанные с историей ландшафта, климата, развития растительного покрова и др.

Аналитическая работа в области изучения зерен культурных растений прольет свет на сложные и во многом еще не решенные вопросы развития земледелия, распространения и освоения отдельных видов культурных растений. Может быть, некоторая запоздалость постановки аналитических работ объясняется тем, что несмотря на очень широкие полевые исследования трипольских памятников сборы растительных остатков на них, за исключением различных древесных отпечатков на обмозке и угольков, все же малочисленны и редки.

В отношении находок остатков растительности посчастливилось В. В. Хвойко, но тогда еще не была достаточно разработана методика видовых определений ископаемых форм, поэтому В. В. Хвойко пользуется родовыми определениями. Он отмечает находки зерен или мякши, служившей примесью к глиняной обмозке, в ряде раскопанных им площадок. В Жуковдах он установил присутствие в обмозке пшеничной и ячменной мякши, в Халевье наблюдал кучи «поджаренного» зерна пшеницы на полу площадки. В урочище Должок в обмозке прослеживались остатки мякши ячменя, проса и пшеницы. Кроме того, В. В. Хвойко указал и на другие пункты, где встречены остатки культурных злаков, — в Черняхове, Новоселках, Стайках, Крутобородинцах. В Триполье и Щербаневке «поджаренные» зерна пшеницы находились в сосудах,¹ так же как и обизвествленные зерна, вероятно, проса в Петренах.² При раскопках в Колодистом А. А. Спицыным тоже отме-

¹ В. В. Хвойко. Каменный век. . . , стр. 769, 773, 789, 811. — В. В. Хвойко. Раскопки глиняных площадок в с. Крутобородинцах Лещинского у. Подольской губ. и вблизи с. Веремье Киевского у. и губ. «Древности», Тр. Московск. археолог. общ., т. 22, вып. 2, М., 1909, стр. 10. — В. В. Хвойко. Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Поднепровье. Тр. XIII археолог. съезда, т. I, 1907, стр. 1—2.

² Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России, стр. 32.

Рис. 63. Отпечатки зерен на комке глины. (Сильно увеличено).

жены находки пшеничной соломы и остатки проса.¹ Очень краткие сведения о находках зерен пшеницы, проса и ячменя в подольских трипольских местонахождениях (Кринички, Корытное) сообщает и С. С. Гамченко.² Позднее были определены и растительные остатки из Сушковки, Коломийщины и других трипольских местонаждений.³

Как было сказано, видовое определение злаков пока еще лимитируется крайней малочисленностью находок. После сборов В. В. Хвойко и до раскопок в Луке-Врублевской находок зерен в натуральном виде

Рис. 64. Отпечаток колоска на комке глины. (увеличено).

еще не встречалось. Собрание же В. В. Хвойко вследствие распыленности и утери образцов тоже не дает полного представления о видовом составе злаковых и других культурных растений. Однако небезынтересным оказался анализ зерен из раскопок В. В. Хвойко, выполненный в 1930 г. К. Фляксбергером. Им изучались подлинные зерна пшеницы, причем почти все они оказались принадлежащими к мягкой пшенице, т. е. к наиболее распространенному на земном шаре виду. Среди зерен мягкой пшеницы Фляксбергер предположительно определяет и несколько зерен твердой пше-

ницы. «Нахождение в Киевщине в период трипольской культуры твердой пшеницы является крайне интересным в смысле ее происхождения, когда в центральной Европе твердая пшеница не найдена в каменном веке и не возделывается в настоящее время. В то же время, судя по современному видовому распределению пшениц, наиболее вероятно предположение, что она проникла с Балканского полуострова. Во всяком случае нахождение твердой пше-

Рис. 65. Отпечаток зерен на статуэтке. (Сильно Увеличено).

ницы в трипольской культуре говорит, что уже тогда твердая пшеница дошла до нашей страны».¹

Несколько раньше Фляксбергера с растительными остатками, собранными В. В. Хвойко в Триполье, Веремье, Стайках и Щербаковке, ознакомился А. М. Окснер и определил среди них пшеницу (*Triticum vulgare*) и просо (*Panicum miliaceum*). В то время в Киевском музее сохранялось около 1530 обугленных зерен пшеницы (21 г) и около 2 г обугленного проса.² Интересные

¹ А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ сел. Колодистого Киевской губ., стр. 94, 95, 105.

² Отчет Археолог. комиссии за 1909 и 1910 гг., стр. 178.

³ Трипольська культура, т. I, стр. 27.

¹ К. Фляксбергер. Находки культурных растений доисторического периода. Арх. ист., наук. и техн., серия I, вып. II, изд. АН СССР, 1934, стр. 175.

² Наукові записки інституту історії матеріальної культури АН УРСР (ІІМК), кн. 5—6, Киев, 1935, стр. 16.

данные об исследовании глиняной обмазки из трипольских поселений приводят Д. Персидский и А. Липа. Ими были изучены 40 образцов глиняной обмазки, содержащих отпечатки зерен. Образцы эти происходят главным образом из раскопок В. В. Хвойко в Веремье, а также из Колодистого и Сушковки. Авторы с помощью бинокулярной лупы и микроскопа установили по кремнистым скелетикам зерен присутствие в обмазке зерен ячменя (*Hordeum vulgare*) и проса (*Panicum miliaceum*). Кроме того, они считают установленным наличие в триполье пшеницы и редко ржи.¹

В. А. Петров, изучавший растительные остатки из глиняных обмазок, собранных Т. С. Пассек при раскопках жилища № 2 в Коломыйщине II и в жилище № 3 поселения у с. Владимировки, отмечает присутствие в образцах обмазки чешуй твердой пшеницы и шестирядного ячменя. Кроме того, им отмечена единственная находка колоска метельчатого проса.² На основании совокупности определений выводы В. В. Хвойко о культивировании в трипольское время пшеницы, ячменя, проса и, может быть, ржи нашли свое подтверждение и дополнение. Обильные находки остатков злаков в свое время позволили В. В. Хвойко сделать и заключение об экономическом укладе трипольского общества. По его мнению, основным видом хозяйства триполья являлось земледелие.³ Справедливость высказанного им суждения до сих пор остается непоколебленной и, наоборот, еще больше укрепляется сделанными после него открытиями и наблюдениями.

Находки остатков хлебных растений известны также и в зарубежных памятниках, представляющих раннеземледельческий этап в экономическом развитии общества Европы. Из наиболее территориально близких к Луке-Врублевецкой укажем на Фрумушицу в Румынии, где найдены зерна

мягкой пшеницы (*Triticum compactum*) в обугленном состоянии.⁴

В Гумельнице также были обнаружены зерна злаковых культур.⁵ На территории Болгарии в поселении Юнацита, Свети-Кириллово, Коджа-Дермен и Банята находились зерна или оттиски пшеницы.⁶ В Банята пшеница представлена однозернянкой (*Triticum monosocum*) и двузернянкой (*T. dicocum*). Здесь же были обнаружены остатки ячменя, чечевицы и вики. На северо-востоке Балкан, в Бутмире собраны в обугленном состоянии два вида пшеницы (*T. monosocum* и *T. compactum*) и, кроме того, ячмень (*Hordeum vulgare*).⁷ В Винче также обнаружены зерна пшеницы.⁸

В средней Европе мы встречаемся с теми же видами злаковых культур, среди которых особенно заметно присутствие пшеницы двух видов — однозернянки и двузернянки. Реже встречаются остатки ячменя и проса, а также бобовых культур — чечевицы и гороха.⁹ Можно считать доказанным, что ведущей сельскохозяйственной культурой, начиная с ранних этапов развития неолитических обществ, на обширной территории Европы была пшеница, представленная рядом ее разновидностей.

Что касается проса, то остатки его лучше представлены в памятниках триполья, чем в местонахождениях линейно-ленточной керамики, и, видимо, прав В. Л. Комаров, считая это культурное растение столь же рано освоенным человеком, как и пшеницу.¹⁰

Серьезное значение в хозяйственном балансе человека имели, вероятно, и дикорастущие съедобные растения. Т. С. Пассек сообщает о находках оттисков желудей,

¹ С. М а т а с ъ. *Fruchtica*, стр. 37—42.

² *Dacia*, II.

³ Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей 1937—1939 гг., София, 1940, стр. 71. — *Præhist. Zeitschr.*, т. VI, вып. 1—2, 1914, стр. 88—89. — Известия на Българското археологическо дружество, т. VI, София, 1919, стр. 150. — Годишник на народния археологически музей Пловдив, кн. II, София, 1950, стр. 3—4.

⁴ Fr. Fiala, M. Hoernes. *Die neolitische Station von Butmir*, т. I, стр. 40—46.

⁵ М. В а с и л. *Преисториска Винча II*, стр. 171, приложение: табл. ХСVI, рис. 362, с.

⁶ Е. Ю. К р и ч е в с к и й. Орудия труда и система хозяйства культуры линейно-ленточной керамики.

⁷ В. Л. К о м а р о в. Происхождение культурных растений, стр. 111.

¹ Д. П е р с и д с ь к и й і О. Л и п а. Злаки в будіаель трипольської культури на Україні. Наукові записки ІІМК, кн. 5—6, Киев, 1935, стр. 54—55.

² В. А. П е т р о в. Растительные остатки из глиняных обмазок раннетрипольского времени с Украины. Реф. научн.-исслед. работ за 1945 г., Отд. ист. и философ. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 99.

³ В. Х в о й к о. Каменный век. . . , стр. 800, 811.

обнаруженных в комках обмазки из Колошищины. Автор полагает, что «желуди употреблялись при изготовлении хлеба — их растирали и примешивали к муке; или же могли кормить свиней, кости которых в большом количестве известны среди остатков фауны Триполья». ¹ Желуди были встречены также при раскопках В. Микова и Юнашты. ²

Едва ли может вызвать сомнение факт использования дикорастущих растений в хозяйственном укладе трипольского общества. Употребление же человеком желудей требует серьезных доказательств. Дело в том, что обезгорчивание желудей предполагает сложную обработку их, подобно тому как это делается племенами тихоокеанских островов применительно к плодам, содержащим вредные вещества. При наличии у трипольцев полноценных злаковых культур едва ли возникала необходимость обращаться к малоприспособленным для питания человека желудям. Последние могли быть широко использованы действительно как корм для свиней.

Т. С. Пассек, по нашему мнению, становится на неправильный путь, когда заключает в специальной главе одной из своих работ: «Эта находка (отпечатка жевания, — С. Б.) показывает, что собранные желуди сушили в закрытых печах, потом их растирали на зернотерках и муку примешивали в тесто при изготовлении хлеба. Это предположение вполне вероятно, если вспомнить, что древнейшим видом хлеба был именно желудевый хлеб». ³

Такое заключение можно рассматривать как рецидив попытки опереться на данные элементного анализа» Н. Я. Марра, абстрактно пытавшегося генетически связать термины «хлеб» с термином «желудь» и установить преемственность в названиях «желудь — хлеб». Заключение это, к сожалению, проникло и советскую археологию и еще раз прозвучало в работе Т. С. Пассек. ⁴

¹ Т. С. П а с с е к. Периодизация. . . , стр. 146.

² В. М и к о в ь. Селищната могила при Юнашты, стр. 71.

³ Т. С. П а с с е к. Первые земледельцы. Сб. «По следам древних культур», Гос. Издательство культурно-просветительной литературы, М., 1951, стр. 66.

⁴ На серьезные ошибки Т. С. Пассек, являющиеся следствием ее желания применить и развить «учение» Н. Я. Марра в области изучения трипольской культуры, уже обращалось внимание в нашей

Прямым доказательством наличия у ранних трипольцев лесного собирательства служит находка скорлупы ореха в жилище № 5 Луки-Врублевецкой. Эта находка остается пока единственной для памятников триполья, но в местонахождениях линейно-ленточной керамики средней Европы такие находки уже отмечались.

Было бы совершенно ошибочно думать, что земледельческое хозяйство в трипольском обществе не имело того доминирующего значения, которое справедливо отводится ему почти всеми исследователями памятников раннеземледельческих племен. В оценке значения земледелия в экономической жизни древних обитателей юга и юго-западных областей СССР не может иметь значения только количественный учет сделанных находок остатков хлебных злаков. Это и понятно, так как органические вещества, составляющие семена злаков, очень неустойчивы и поддаются быстрому распаду при неблагоприятных условиях залегания, не оставляя после себя видимых следов. Следует учитывать и качественный состав видов, т. е. какие виды злаковых растений уже были освоены древним земледельцем. Оказывается, что названия их в сборных определениях почти соответствуют современным. Далее, о земледельческом характере трипольской культуры с полной убедительностью говорит и конструкция площадок, предполагающая устройство наряду с жилой частью сооружения и хранилищ для зерна. Частые находки зернотерок, сосудов для содержания зерна, сосудов для теста — все это лишь подтверждает правильность определения трипольской культуры как земледельческой.

Больше того, об этом же красноречиво свидетельствуют и земледельческие культы. Мы имеем в виду статуэтки женщин — носительниц идеи плодородия, вылепленных из глины, замешанной на зернах пшеницы. Такие терракоты были найдены в Луке-Врублевецкой.

Одним из сложных и еще недостаточно изученных вопросов из комплекса тем, связанных с исследованиями хозяйственных литератур (см.: А. В. Арциховский. Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии и истории. Вестн. Московск. ун-в., серия общественных наук, № 1, 1952, стр. 123, 124. — А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 230, 240).

основ трипольского общества, остается вопрос о формах земледелия. На современном уровне знаний отдельные вопросы, касающиеся земледельческой техники, можно считать решенными. Так, например, определились еще недавно бывшие неясными приемы уборки урожая. Находки многочисленных вкладышей определенно указывают на применение серпов с кремневыми вкладышами для сжатия урожая. Давно уже известны и первичные способы переработки злаков, их размол с помощью ручных зернотерок. Значительно менее изучены агротехнические приемы, применявшиеся на различных стадиях собственно обработки земли для посева. Принято считать, что трипольскому обществу было знакомо только мотыжное земледелие, причем в форме огородничества. Эта точка зрения, изложенная в трудах Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пассек, стала общепризнанной и никем еще не оспаривалась. Между тем накопление новых фактов и иные исходные положения, принятые для разрешения проблемы земледелия в трипольском обществе, позволяют пересмотреть гипотезу Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пассек и осветить ее в другом направлении.

Рассмотрение вопроса о формах земледелия в триполье мы относим к заключительной части работы, так как это удобнее сделать уже после того, как облик материальной культуры раннего триполья будет рассмотрен с достаточной полнотой.

Сейчас скажем только, что земледелие в форме огородничества не существовало в трипольском обществе. Трипольское земледелие даже на ранних ступенях трипольской культуры всегда оставалось полевым. Под возделывание избирались свободные от леса участки или же очищались от леса путем подсека и даже внедрения огневого способа. Рыхлая земля производилась при помощи мотыг, однако не исключены и возможные начальные приемы обработки полей с применением тягловой силы крупного рогатого скота, волокущего примитивную соху. Возможно также, что и доставка продуктов урожая (зерна вместе с соломой) на поселение производилась на волокущах крупным рогатым скотом.

Ограниченность материала из Луки-Врублевцкой, характеризующего растительность, которую культивировали на свопах полей древние обитатели этого посе-

ления, не дает достаточных оснований входить в рассмотрение большой и сложной проблемы о происхождении или появлении культурных растений на юго-востоке Европы. Тем не менее хотелось бы обратить внимание на одно существенное обстоятельство, а именно — на появление злаковых и других культур на юго-востоке Европы внезапно и притом в целом ряде разновидностей. Вместе с несколькими видами пшеницы появляются ячмень, просо, горох, чечевица, бобы. Естественно, что вопрос о происхождении каждой категории культурных растений решается отдельно. В отношении пшеницы и проса не раз высказывались обоснованные суждения о занесении их (особенно пшеницы) из центров древнейших земледельческих цивилизаций южного ареала (Малой Азии, Переднего Востока, Египта). На общем фоне решения проблемы происхождения триполья, с внезапным появлением этой культуры на юго-востоке Европы с вполне сложившимися земледельческими чертами и земледельческими культурами, кажется наиболее вероятным считать, что культуры пшеницы и проса были первоначально занесены на юго-восток Европы из областей южного ареала.

Завершая настоящий раздел работы, мы предлагаем вниманию читателя заключение о растительных остатках из Луки-Врублевцкой, составленное В. А. Петровым.

«Зерновые остатки, происходящие из раскопок в Луке-Врублевцкой, представлены двумя типами материалов. Во-первых, это слабо обожженные, небольшие куски керамического теста, в которых сохранились частью обугленные, частью в минерализованном состоянии остатки колосков, отдельных колосковых и цветочных чешуй и зерен, во-вторых, это керамические статуэтки, на поверхности которых сохранились отпечатки отдельных обрубленных зерен. Наконец, одна из статуэток несет на поверхности отпечатки дробленого зерна, которое также входило в состав керамического теста.

«Образцы полуобожженного керамического теста представлены небольшими бесформенными кусками, имеющими желтовато-красный цвет лишь с поверхности, внутри же окрашенные в черный цвет от переполняющих их обугленных растительных остатков. Помимо оттисков, передающих внешние формы, образовавшиеся при обугливания органического вещества, полости содер-

шат и углистое вещество, которое настолько плотно спаяно со стенками полостей, что может быть извлечено лишь в форме очень мелких обломков. Лишь с большим трудом удалось извлечь два почти целых обугленных зерна. При дальнейшем прокаливании в муфельной печи, при температурах 480—520°, обугленные ткани удается нацело минерализовать без сплавления кремнистых стенок и получить таким путем силикограммы, позволяющие изучать анатомическое строение эпидермальных клеток, формы которых имеют большое значение при определении систематической принадлежности зерновых злаков.

«Шелленберг, изучая растительные остатки в обожженных обмазках нижнего слоя Анау I, обратил внимание на то, что так называемые „укороченные клетки“ эпидермиса колосковых чешуй злаков могут служить для определения родовой принадлежности исследуемых фрагментарных образцов. В то время, например, как у пшеницы укороченные клетки имеют почти правильно округлую, дисконидную форму, у ячменей они имеют полулунную, а иногда и почти щелевидную форму. Проверка этого признака на многих видах современных злаковых культур подтвердила правильность сделанных полустолетие назад наблюдений. На образцах из Луки-Врублевцевкой форма укороченных клеток во всех случаях правильно округлая, что не оставляет сомнений в их принадлежности одному из видов пшениц.

«Многочисленные отпечатки фрагментов колосков и один отпечаток почти полного колоска показывают, что речь должна идти о плечатых, так называемых „спельтоидных“ пшеницах, к которым относятся пшеница-однозернянка, пшеница-двузернянка и настоящая полба, а не к голозерным пшеницам, к которым относятся мягкие и твердые настоящие пшеницы.

«Почти нацело сохранившийся колосок, открывающийся на изломе в поперечном разрезе, оказался двухцветковым с равновеликими цветковыми чешуями. Наряду с признаками строения отпечатков зерна это позволяет причислить ископаемые остатки к группе пшениц-двузернянок. Зерна, имеющие в обугленном состоянии размеры 7.0×4.3 и 6.2×4.2 мм, — овальной формы с округленными окоячаниями, глубокой и узкой бороздой на брюшной поверхности,

заканчивающейся двумя короткими ветвями, ориентированными в плоскости борозды. Брюшная поверхность зерна совершенно плоская, не несет выпуклины в нижней своей части. Все эти признаки являются диагностическими при различении зерна пшеницы-двузернянки от однозернянки, у которых в виде исключения иногда развиваются единичные двухцветковые колоски.

«Вся совокупность морфологических признаков позволяет определить остатки как пшеницу-двузернянку, *Triticum dicossum*, если и не вполне тождественную с известными в настоящее время формами двузернянки (судить о чем материал не дает достаточных оснований), то во всяком случае входящую в это видовое понятие.

«Суждение о сортовой принадлежности остатка в пределах видового типа двузернянок затрудняется тем, что ни на одном из отпечатков не удалось обнаружить целых вершин колосковых чешуй, повидимому разрушенных уже при обмолачивании. Во всяком случае отсутствие на отпечатках следов толстых боковых жилок на острокилеватых колосковых чешуях позволяет предполагать, что боковой зубец был развит слабо или вовсе отсутствовал, что сближает рассматриваемый образец с двузернянками, известными из неолита Западной Европы, в частности из свайных построек Швейцарии, откуда известны не только отдельные колоски, но и почти целые, хотя и легко распадающиеся обугленные колосья.

«По форме зерна на отпечатках, покрывающих поверхность керамических статуэток, должны быть отнесены к тому же типу пшениц-двузернянок — *Triticum dicossum*. Но здесь зерна имеют большие размеры, наиболее крупные — 9.0×4.5 мм, в среднем — 7.0×4.3 мм. Разница в размерах объясняется тем, что отпечатки передают размеры свежего зерна, которое, как показала серия экспериментов, уменьшается в объеме при обугливания. Вместе с тем наличие хорошо оформленных глубоких борозд на поверхности слепков с отпечатком указывает, что зерно не было разбухшим, поскольку при набухании борозды заглаживаются. Косвенно это показывает, что обжиг статуэток производился немедленно вслед за их изготовлением. При анатомическом исследовании зерна разрешается намечивать его не свыше чем в течение трех минут, после чего борозда теряет свою

форму и заглаживается в результате разбухания зерна.

«Пшеницы типа пшениц-двузернянок известны из целого ряда археологических памятников, относящихся к заре земледелия. Наиболее древние находки происходят из раскопок Тепе Арпачия близ Ниневии и датируются началом Тель-Халафского периода, относимого к концу V—началу IV тысячелетия до нашей эры. Двузернянки многократно упоминаются в древнейших клинописных памятниках, и в Двуречье предшествовали возделыванию настоящих пшениц, которым уступили место и вавилонское средневековье.

«Чрезвычайно обильны находки двузернянки в археологических памятниках Верхнего и Нижнего Египта, начиная от додинастического периода и кончая эпохой Птолемея, когда она была замещена твердой пшеницей.

«В Закавказье „спельтоидная“ пшеница указана Г. Туманяном для Шингавита.

«На территории Европы пшеницы типа двузернянок известны из Испании (пещера Альмизаарак в Альмерни, датируемая Обермайером ранним халколитом), из целого ряда находок неолита в Швейцарии, французской Юре и южной Германии, где она исчезает в находках времени поздней бронзы; в неолите Бельгии; из восточной Германии, откуда происходит свыше, чем из десятка местонахождений и где сохраняется до средневековья; из Дании, где известна в неолите и исчезает в ранней бронзе. В более восточных районах Европы известны в настоящее время находки датируются эпохой бронзы (местонахождение по берегам Адриатического залива и в Венгрии). Пока не известно ни одной ископаемой находки с территории Балканского полуострова или из Малой Азии, хотя Гомер и Гезиод приводят ее в качестве основной фуражной культуры своего времени. Литературные памятники свидетельствуют о том, что двузернянка была основной пищевой культурой этрусков и сменилась на Апеннинском полуострове настоящими пшеницами лишь в конце республиканского времени.

«В настоящее время пшеницы-двузернянки почти нацело исчезли из культуры, но еще в начале XX в. сохранились в ряде изолированных местностей. Они возделывались туарегами Марокко; басками в се-

веро-западной Испании и юго-западной Франции; в приитальянских кантонах Швейцарии; в Швабии, в юго-западной Германии; на территориях Черногории и в Албании; в Кастамонийском вилайете Турции на южном берегу Черного моря; на больших площадях в Армении и в Грузии; у чувашей нижнего Прикамья; у бахтиар Луристана в Иране; в Иемене по берегу Красного моря; в Абиссинии и по низшему течению Инда и на Декканском нагорье в Индии.¹

«Пшеницы-двузернянки при помоле не дают муки, пригодной для хлебопечения. Их зерно в дробленном виде используется для приготовления каш».

Кроме определения злаков В. А. Петров приводит данные о результатах изучения углей.

«На исследование было передано три образца древесного угля, происходящего из Луки-Врублевецкой.

«Хорошо сохранившиеся, крупные (до 2 см в поперечнике) остатки угля, извлеченные из очагов, во всех трех случаях принадлежат дубу (*Quercus sp.*). Границы годичных колец хорошо различимы даже невооруженным глазом. При исследовании поперечных и тангентальных разрезов под микроскопом легко установить наличие очень крупных (с диаметром просвета до 250—300 микронов) сосудов ранней древесины, мелкие размеры сосудов поздней древесины, которые собраны вместе с древесной паренхимой в неправильные, косо-радиальные полоски, что все вместе взятое является характерными анатомическими признаками для дубовой древесины.

«Дуб и в настоящее время встречается в районе раскопок».

ОСТАТКИ ФАУНЫ

Не приходится говорить о той важной роли, которая отводится определением фауны с мест археологических раскопок. Полные сборы фаунистических остатков и определение их видовой принадлежности составляет один из главных пунктов про-

¹ По данным заведующего Лабораторией пшениц ВИР М. М. Якубдивера, ареал двузернянки более широк и включает Азербайджан и Дагестан. Кроме того, экспедиция ВИР в 1940 г. обнаружила посевы двузернянки в Дорогобычской и Черновицкой областях УССР. Последнее для нас особенно интересно.

граммы комплексного изучения памятников, в том числе и трипольской культуры. Нельзя сказать, чтобы дореволюционные исследователи широко использовали те фаунистические остатки, которые постоянно присутствовали им при раскопках памятников триполья. Обычно в лучшем случае находки костей отмечались в отчетах и давалось определение видового состава. Никаких подсчетов количества особей, равно как и процентных соотношений между домашними и дикими видами не производилось. Естественно, что при такой несовершенной методике изучения костей животных ускользали от исследователей очень существенные вопросы историко-культурного порядка. Видимо, то небольшое внимание, которое уделялось остеологическим собраниям, явилось следствием одностороннего увлечения керамическими комплексами и глинобитными сооружениями триполья, а следовательно, повлекло известную ограниченность в постановке исследовательских задач. Даже такой опытный исследователь, как В. В. Хвойко, описывая находки костей животных на раскопанных им площадках, не только не сопровождает свою работу хотя бы элементарной сводкой состава фауны, но и ссылаясь на находки костей, ограничивается очень грубыми определениями, часто без указания, к каким видам животных относятся кости с трипольских местонахождений. В. В. Хвойко в ряде раскопанных им пунктов определяет костные остатки лошади, быка, овцы, козы и свиньи.¹ В Веремье им были найдены кости верблюда, залегавшие двумя скоплениями в яме.²

Другой исследователь, Э. Р. Штерн привлек для определения костных остатков из Петрен проф. В. О. Ласкарева и вместе с ним дал более подробную характеристику фауны из этого памятника, причем одновременно поставил и ряд важных вопросов, выходящих за рамки простого определения костей. Э. Р. Штерн отмечает, что «костей, раскопанных на площадках, встречалось в довольно большом количестве — правда, в большинстве случаев они так сильно перегорели, что определение их оказалось невоз-

можным»,¹ и далее: «Большинство костей принадлежит домашним животным — овце, козе, свинье (*Sus scrofa*)». ² Резюмируя, Э. Р. Штерн дает следующий состав фауны домашних животных из Петрен: овца, коза, свинья, крупный рогатый скот и, может быть, лошадь. Из диких животных он называет только благородного оленя (*Cervus elaphus*). Интересно, что Э. Р. Штерн и В. О. Ласкарев утверждают, что овца, коза, свинья и бык были одомашнены в южной половине Европы на основе местных диких видов.

Относительно полные для своего времени сведения о составе фауны в Колодистом и размещении находок костей на площадках приводит А. А. Спицын.³ На раскопанных им и В. Н. Доманицким площадках обычно встречались и кости животных. На одной из площадок (№ 2) было собрано, как сообщает А. А. Спицын, довольно много костей животных (все в раздробленном состоянии): дикой и домашней свиньи, быка, козы и собаки. Последняя принадлежала к породе лаек. Можно привести еще несколько примеров, указывающих на остатки фауны, находимые в трипольских местонахождениях, но они не вносят ничего принципиально нового в список животных и общую характеристику состояния изучения остеологических остатков в дореволюционное время.⁴

В 1927 г. В. И. Громова опубликовала статью о фауне трипольской культуры, имевшую важное методологическое значение.⁵ В. И. Громова, пользуясь довольно скудными остатками фауны из четырех трипольских местонахождений, раскопанных С. С. Гамченко в Подолии (Кринички, Корытное, Любушка-Посад и в районе Немировского или Щербатского городища), а также бедными собраниями костей из Сушковки (Уманщина), опубликовала не только

¹ Э. Р. Штерн. Дисторическая греческая культура на юге России, стр. 32.

² Там же, стр. 33.

³ А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого Киевской губ., стр. 93, 100, 103, 108, 109, 112.

⁴ См., например, Отчеты Археолог. комиссии за 1908, 1908, 1909 и 1910 гг., Материалы по Триполью, а также: Х. Вовк. Вироби предимкенського типу на Україні. Матер. до укр.-руськ. этнолог., т. VI, Львов, 1905.

⁵ В. И. Громова. Материалы к познанию фауны Трипольской культуры. Ежегодн. Зоолог. вст. АН СССР, 1927.

¹ В. Хвойко. Каменный век. . . , стр. 771, 774, 777, 793—795. — В. В. Хвойко. Начало земледелия. . . , стр. 2.

² В. Хвойко. Каменный век. . . , стр. 786.

видовой состав фауны, но и сообщила процентные соотношения остатков каждого вида к общему количеству фаунистических остатков.¹ В. И. Громова совершенно правильно оценила научную значимость остеологических собраний из трипольских памятников в следующих словах: «Мы не сомневаемся, что и занимающая нас культура (трипольская, — С. Б.) внесет в будущем много нового в вопросы о древнейших народностях Европы и о происхождении домашних животных. Думается, что в будущем ни один исследователь истории какою-нибудь домашней фауны не сможет обойти фактов, доставляемых в этой области трипольской культурой».² Из названных четырех местонахождений В. И. Громовой определены кости быка, лошади (кроме Корытного), свиньи, мелкого рогатого скота, собаки. Дикие виды представлены остатками кабана и оленя. По заключению автора, в собрании «первенствующую роль играют кости быка»,³ затем уже следуют кости мелкого рогатого скота и свиньи. Анализируя состав фауны, В. И. Громова приходит к выводу, что «дикие животные не играли, очевидно, существенной роли в жизни трипольцев».⁴ Давая биологическую характеристику остатков фауны, В. И. Громова установила, что в трипольское время в одомашненном состоянии находились две породы быков — мелкая, напоминающая торфяниковый, короткорогий и тонконогий скот, и крупная, по величине равная нашему черкасскому быку, а иногда и превосходящая его и достигающая размеров дикого тура».⁵

Таким образом, исследование В. И. Громовой пошло по иному пути, чем работы ее предшественников, оно уже ориентируется на постановку исторических и биологических проблем в области изучения трипольской фауны.

Работа В. И. Громовой как бы продолжила исследовательский метод комплексного изучения памятников, блестяще разработанный известным русским ученым А. А. Инostrанцевым, далеко опередившим

западноевропейских ученых и давшим образцовое монографическое исследование, не потерявшее своего большого научного значения и поныне.¹

После того как исследование В. И. Громовой вошло в научный оборот, среди археологов начался более планомерный и систематический сбор остеологических остатков на местах археологических раскопок. Нельзя, однако, сказать, что за прошедшие два с лишним десятилетия после выхода в свет работы В. И. Громовой остеологические фонды достигли бы очень больших размеров. Наиболее крупные раскопки поселений трипольского времени, предпринятые Т. С. Пассек, показали, что находки костей животных на поселениях сравнительно с большими раскрытыми площадями в общем невелики. Относительная малочисленность костей животных наблюдалась, например, при раскопках в Коломыйщине, близ Халепья. Здесь было вскрыто около 13 000 м² площади поселения, обнаружено 39 жилищ, а найдено всего лишь несколько сот костей животных.

Значительные работы по раскопкам трипольских памятников в Побужье были произведены М. И. Артамоновым (1947—1948 гг.), тоже отметившим небольшое количество костей животных на поселениях. Малочисленность сборов костных остатков на трипольских местонахождениях побуждала советских исследователей к весьма бережному отношению к ним.

Недавно стала известной фауна из поселения Владимироака, относящаяся к более раннему времени, чем фаунистический комплекс из Коломыйщины. Владимирское поселение хронологически связывается с ранними этапами триполья (В-I). На поселении обнаружено 537 костей. В. И. Цалкин, обработавший остеологический материал из Владимировки, определил следующие виды животных: крупный рогатый скот — основная масса костей, овца или коза, свинья, конь. Из общего собрания костей домашним животным принадлежит 76%; 24% относятся к диким животным — кабану, благородному оленю, лосю и косуле.² Наиболее

¹ Всего из пяти названных трипольских местонахождений к В. И. Громовой попало 245 костей.

² В. И. Громова. Материалы... стр. 84—85.

³ Там же, стр. 88.

⁴ Там же, стр. 89.

⁵ Там же.

¹ А. А. Инostrанцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладонского озера. СПб., 1882.

² Т. С. Пассек. Раскопки Трипольского поселения коло с. Владимировки в 1948 г. Археологичні пам'ятки УРСР, т. II, Киев, 1949, стр. 224.

полно представлена фауна, собранная за ряд лет раскопок на поселении Коломийщина I, относящемся к этапу С-I, по классификации Т. С. Пассек. Вот сводный список фауны из Коломийщины: домашние животные — бык, свинья, овца или коза, конь; дикие — олень благородный, лось, косуля, бобр, заяц, слепец, черепаха; кроме того, кости рыб, раковины речных моллюсков (*Ulio* двух видов и *Anadonta*).¹ Почему-то отсутствует дикий кабан, частый спутник фауны триполья. По количеству костей наибольшее число принадлежит быку, затем овце, свинье и лошади. Там, где произведен подсчет особей, — а это, к сожалению, сделано не для всех площадок, — дается и минимальное число их.

Для более позднего этапа триполья (С-II, по Т. С. Пассек), представленного поселением Городск на р. Тетерев, состав фауны несколько видоизменяется за счет увеличения числа костей лошади, занимающей первое место в списке фауны, и далее в нисходящем порядке — быка, свиньи, овцы.² Под сомнением остается кость верблюда, уже знакомого нам по находкам В. В. Хвойко в Веремье. В еще более позднем памятнике — Усатове (поздний вариант С-II), известном по раскопкам М. Ф. Болтенко, в изобилии встречены кости быка, овцы и лошадей.³ Таким образом, определения палеонтологов — В. И. Громовой, И. Г. Пидопличко, А. А. Браунера, В. В. Карачаровского и в последнее время В. И. Бибиковой и В. И. Цалкина — позволили дать достаточно подробную характеристику состава домашних и диких животных на относительно поздних ступенях развития трипольской культуры.

¹ Т. С. Пассек. Трипольська поселення Коломийщина. Трипольська культура, т. I, Киев, 1940, стр. 23, 56, 88, 131, 159. — Е. Ю. Кричевський, Трипольська культура, т. I, стр. 212, 254. — Т. С. Пассек. Новые исследования в области трипольской культуры в УССР. Сов. археолог., т. III, 1937, стр. 224—225. — Т. С. Пассек. Трипольська культура. (Научно-популярный очерк, изд. АН УССР). Киев, 1941, стр. 49, 77. — Наукові записки ІІМК, кн. 2, 1937, стр. 90. — І. Г. Пидопличко. Основні риси розвитку ландшафту сучасного Трипольського плато. Наукові записки ІІМК, кн. 2, 1937, стр. 100.

² В. П. Петров. Поселення в Городську. Трипольська культура, т. I, стр. 346, 347. — Е. Ю. Кричевський. Поселення в Городську, стр. 432, 433.

³ І. Г. Пидопличко. До питання про

Кроме систематических определений фауны уточнены и внутривидовые различия. И. Г. Пидопличко выявил две породы овец, существовавших в трипольское время (Халепье, Усатово).¹ Он же на основании изучения костей домашнего быка устанавливает его местное происхождение, явившееся следствием, как думает И. Г. Пидопличко, гибридизации не только с туром, но и бизоном.² А. А. Браунер различает три типа собак в Сабативовке.³

Аналогичную картину состава фауны дают и не слишком удаленные от памятников триполья зарубежные местонахождения, с той лишь разницей, что публикации списков фауны, помещенные в заграничных изданиях, еще очень далеки от совершенства. Это и понятно. Дело в том, что зарубежные исследователи, как правило, не ставят перед собой задачу исторически осветить археологический материал и ограничиваются лишь простым перечислением встреченных костей животных. Можно с уверенностью сказать, что уровень знаний о фауне триполья за рубежом остается примерно таким, каким мы застаем его в предреволюционное время у нас в России. Мы не говорим о старых публикациях зарубежных авторов, например, посвященных Шипендам или Бутмиру (Чайльд, Кайндль), где сведения о фауне очень недостаточны, но и новые и даже новейшие работы также не блещут полнотой сообщений об osteологических остатках, встреченных на раннеземледельческих поселениях. Достаточно просмотреть не только монографии, например, Г. Шмидта о Кукутенах,⁴ но и серии крупных работ, помещенных в «Asia», чтобы убедиться в справедливости сказанного. Совсем недавно вышла монография о Фрумунице, где подробно излагаются результаты работ на этом памятнике, с обычным упором на формалистический анализ керамики, в то же время фауне отведено лишь несколько строк.⁵ Некоторым исключением является исследование Р. Попова

свійські тварини трипольських поселень. Наукові записки ІІМК, кн. 2, Киев, 1937, стр. 118.

¹ Там же, стр. 116—117.

² Т. С. Пассек. Четвертая научная конференция Института археологии АН УССР. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 164.

³ А. В. Добровольский. Сабативовское селище. . .

⁴ H. Schmidt. Cucuteni.

⁵ C. Matasă. Frumuzica, стр. 42—43.

о фауне раннеземледельческого поселения Мадара (Болгария), дающее довольно полное представление о составе животных, их биологическую характеристику, но опять-таки опускающее исторический анализ фаунистического комплекса.¹

Приводим видовой состав фауны из некоторых раннеземледельческих поселений юго-восточной Европы, взятый нами из различных публикаций.

№ п.п.	Видовой состав фауны	Мадара	Под-Града	Коджа-Дермен	Моровина	Галемата	Света-Каталинско-райново	Фрумулница
1	Бык	+	+	+	+	+	+	+
2	Свинья	+	+	+	+	+	+	+
3	Овца	+	+	+	+	+	+	+
4	Коза	+	+	+	+	+	+	+
5	Собака	+	+	+	+	+	+	+
6	Олень	+	+	+	+	+	+	+
7	Тур	+	+	+	+	+	+	+
8	Косуля	+	+	+	+	+	+	+
9	Лошадь	+	+	+	+	+	+	+
10	Кабан	+	+	+	+	+	+	+
11	Лисица	+	+	+	+	+	+	+
12	Волк	+	+	+	+	+	+	+
13	Медведь	+	+	+	+	+	+	+
14	Барсук	+	+	+	+	+	+	+
15	Бобр	+	+	+	+	+	+	+
16	Птицы	+	+	+	+	+	+	+
17	Угло	+	+	+	+	+	+	+
18	Helix	+	+	+	+	+	+	+
19	Рыбы	+	+	+	+	+	+	+

Примечание. На поселении Под-Града отмечается большое число костей быка, лошади, овцы, свиньи и собаки. На поселении Коджа-Дермен особенно много костей быка и овцы. Во Фрумулнице Матаса отмечает несколько разновидностей быка, среди которых есть домашний бык. Вероятно, что в одомашненном состоянии, как предполагает Матаса, были лошадь, коза и собака.

Е. Ю. Кричевский, обобщивший сведения о фауне из центрально- и средневропейских местонахождений линейно-ленточной керамики, приводит списки, где повторяются те виды домашних животных, которые характерны и для трипольских местонахождений — бык, свинья, коза и, может быть, лошадь. Дикие животные тоже во многих видах совпадают с трипольскими и дополняются некоторыми местными формами. Е. Ю. Кричевский отмечает, что

¹ Р. Поповъ. Мадара, стр. 19—49.

находки костей животных на поселениях линейно-ленточной керамики в общем многочисленны, и склоняется к мысли, что это стоит в связи не только с тем, что по условиям залегания кости очень слабо сохраняются (как думает и большинство исследователей этих поселений), но и с изменением условий хозяйственной деятельности. По его мнению, роль охоты в экономике древнего земледельческого населения центральной и юго-восточной Европы ослабевает, а скотоводство еще не вышло из рамок примитивных форм, экономическое же благосостояние в основном базируется на расширении земледельческого хозяйства.¹

До сих пор мы рассматривали состав фауны памятников трипольского круга, отвечающих развитому и позднему триполю. Райнетрипольские памятники типа Озарни-пек, Борисовки, Красноставки, Сабатиновки, Саврани и других не случайно выпали из нашего обзора. Отсутствие публикаций состава фауны из этих местонахождений восполняется материалами из Луки-Врублевецкой. Обилие остеологических остатков, найденных при раскопках в Луке-Врублевецкой, и полиета состава выдвигают фаунистическую коллекцию из Луки-Врублевецкой на первое место среди собраний фауны памятников раннеземледельческих племен на юге и юго-западе СССР.²

В Луке-Врублевецкой за шесть сезонов раскопок собрано свыше 8 тысяч костей, подвергшихся определению, и несколько десятков тысяч неопределимых костей (см. сводную таблицу, составленную В. И. Бибиковой, на стр. 183). Все кости происходят преимущественно из жилых углублений и хозяйственных ям. Лишь небольшой процент костей (не более 5%) был собран на древней дневной поверхности за пределами жилых комплексов.

Из прилагаемой таблицы видно, что собрание костей включает 24 вида животных (не считая птиц, рыб и моллюсков); из них 6 видов домашних — бык, коза, овца, свинья, собака и лошадь. Лошадь представлена 4 особями, что к общему числу видов домашних животных составляет 2,1%. Зна-

¹ Е. Ю. Кричевский. Орудия труда и система хозяйства культуры линейно-ленточной керамики, стр. 71, 75, 80, 86.

² В. И. Бибикова. Домашние и дикие животные из поселения Луки-Врублевецкая. КСИМК, вып. XXXII, 1950.

Сводная таблица видового состава фауны из Луки-Врублевской
(По определениям В. И. Бибиковой)

№	Виды животных	Количество костных остатков	Процентное соотношение видов по коли- честву костных остатков	Минималь- ное число особей	Процентное соотношение видов по числу особей
Домашние млекопитающие					
1	Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>) . . .	1317	30.7	43	22.3
2	Коза (<i>Capra hircus</i>)	463	10.7	33	17.4
3	Овца (<i>Ovis aries</i>)	87	1.5	5	2.8
4	Свинья (<i>Sus scrofa domestica</i>)	2364	54.9	93	49.2
5	Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	22	0.5	4	2.1
6	Собака (<i>Canis familiaris palustris</i>)	75	1.7	12	6.3
Всего домашних животных и процент их от количества костей и особей всех млекопитающих		4308	54.0	189	47.6
Дикие млекопитающие					
Копытные					
1	Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	641	} 9372—91.7%	31	} 130—62.5%
2	Олень (<i>Cervus elaphus</i>)	2091		57	
3	Лось (<i>Alces alces</i>)	103		9	
4	Кабан (<i>Sus scrofa ferus</i>)	537		33	
Хищные					
1	Медведь (<i>Ursus arctos</i>)	41	} 202—5.5%	8	} 50—24.1%
2	Барсук (<i>Meles meles</i>)	20		7	
3	Росомаха (<i>Gulo gulo</i>)	4		2	
4	Выдра (<i>Lutra lutra</i>)	2		1	
5	Куницы — лесная и каменная (<i>Martes martes</i> и <i>M. foina</i>)	30		8	
6	Хорек (<i>Putorius</i> sp.)	1		1	
7	Волк (<i>Canis lupus</i>)	15		4	
8	Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	79		14	
9	Лесной кот (<i>Felis silvestris</i> Schrob.)	8		4	
10	Рысь (<i>Lynx lynx</i>)	2		1	
Грызуны					
1	Заяц (<i>Lepus</i> sp.)	49	} 100—2.7%	9	} 24—11.5%
2	Белка (<i>Sciurus vulgaris</i>)	27		9	
3	Бобр (<i>Castor fiber</i>)	24		6	
Насекомоядные					
1	Еж (<i>Erinaceus europaeus</i>)	4	4—0.1%	4	4—1.9%
Всего диких животных и процент их от общего количества костей и особей всех млекопитающих		3678	46.0	208	52.4
Птицы		25		13	
Рыбы		348		40	
Речная двустворка		Много			
Виноградная улитка		Мало			

чительное число особей (не менее 42) принадлежит быку, домашней свинье (93 особи), козе (33 особи), овце (5 особей) и, наконец, собаке (12 особей). Как показывает малый процент разбитых костей, мясо собак в пищу не употреблялось.

Особенно полон состав дикой фауны. В списке есть копытные, хищные, грызуны, насекомоядные, птицы и рыбы. Соотношение между отрядами млекопитающих таково: копытных 62.5%, хищных 24.1, грызунов 11.5, насекомоядных 1.9%. Из числа копытных больше всего особей оленя, затем кабан, косули и меньше — лося. Следует обратить внимание на процентное соотношение костей дикой и домашней свиньи. Минимальное число особей домашней свиньи почти втрое превышает число особей дикой формы. Это свидетельствует об упрочившемся приручении кабана, являвшегося одним из важнейших источников получения мяса.¹

Список фауны из Луки-Врублевцкой показывает то весьма существенное хозяйственное значение, которое приобрело разведение домашних животных — быка, мелкого рогатого скота и свиньи. Подсчет по особям дает 47.6% домашних животных от общего количества фауны млекопитающих. Если исключить из этого показателя собаку и лошадь,² то все же процентный индекс для домашних животных будет сни-

жен на ничтожную величину; считая по особям, бык, коза, овца и свинья составляют 173 единицы, собака и лошадь всего 16 единиц. Таким образом, можно сделать заключение, что в хозяйстве древнего земледельца заняли прочное положение домашние животные — свинья, бык и мелкий рогатый скот (располагаем в порядке количества особей).

Какова же была роль диких животных как источника питания? Показатели, приведенные в таблице, на первый взгляд как будто свидетельствуют о том, что охота имела еще большее экономическое значение, чем разведение домашнего скота. Процентный индекс, выведенный по числу особей, дает 52.4 к общему числу млекопитающих животных, т. е. на 4.8% больше, чем для домашней фауны. Однако этот показатель требует некоторой корректировки. Прежде всего следует выделить те виды животных, которые не имели хозяйственного значения с точки зрения мясного запаса и добывались ради шкур (куница, барсук, белка, волк, росомаха, выдра, лисица, кот, рысь, грызуны). Подсчет показывает, что число особей диких животных, являвшихся объектами мясной охоты, внесенных в список, равно 138, т. е. несколько ниже, чем число особей домашних животных. Отнюдь не стараясь приуменьшить экономическое значение охоты, мы на основании приведенных фактических данных склонны заключить, что промысловая охота с целью пополнения мясного запаса (а также получения шкур) занимала такое же положение в экономике древних земледельцев, как и разведение домашнего скота. Охота, быть может, служила еще источником одомашнивания некоторых видов, например лошади и свиньи.

Определенное экономическое значение имело рыболовство. Научный сотрудник Института рыбного хозяйства УССР Г. И. Шпет определил большую часть остатков ихтиофауны из Луки-Врублевцкой. По его данным, здесь были кости сома, карпа-сазана, вырезуба, щуки, судака, марены и других карповых. По весу сом из Луки-Врублевцкой достигал 20 кг, карп-сазан 12—15 кг., вырезуб 4 кг, судак 5 кг, марена 6 кг. Г. И. Шпет полагает, что 348 экземпляров костей принадлежат не менее чем 40 особям рыб.

Рассмотрим теперь фауну Луки-Врублевцкой на фоне собраний остеологических

¹ Не прав Б. Л. Богаевский, полагавший, что одомашнивание свиньи произошло на поздних этапах развития триполья. Ранее триполье, по словам Б. Л. Богаевского, знало главным образом дикую свинью (см.: Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья. Изд. ГАИМК, 1937, стр. 171—172). Свой вывод Б. Л. Богаевский делает не столько на основе заключений зоологов, сколько на основании того факта, что пластических изображений свиньи ранее триполье не знает, и, наоборот, образ свиньи в пластике появляется на поздних этапах развитого триполья. Вообще говоря, разделы работы Б. Л. Богаевского, посвященные домашним животным, строятся в основном на изобразительном материале, и поэтому ряд его выводов мало убедителен. В свое время книга Б. Л. Богаевского подверглась суровой и справедливой критике со стороны Т. С. Пассек [см.: Т. С. Пассек. О дилетантизме в науке. Вестн. древн. истор., № 1 (2), М., 1938, стр. 129—131]. Отдавая должное огромной эрудиции Б. Л. Богаевского и оригинальности его научных построений, все же приходится признать ошибочность ряда его положений, отмеченных Т. С. Пассек.

² Собака не употреблялась в пищу, лошадь, быть может, тоже.

комплексов из более поздних трипольских поселений и попытаемся сделать в связи с этим некоторые выводы.

Оставляя в стороне спорность, а может быть, и ошибочность определений единичных костей (например, домашний кот и осел из Андреевки, верблюд из Городска, курица из Халепья), укажем на наиболее важные, еще остающиеся неуточненными определения. Речь идет о костных остатках лошади, а для ранних памятников триполья — овцы или козы. Костные остатки лошади отмечаются на ряде трипольских местонахождений. Не возвращаясь к старым находкам, отметим присутствие их в Луке-Врублевецкой, во Владимировке, в Халепье, Городске и Усатове, т. е. в тех памятниках, которые представляют различные этапы развития культуры раннеземельческих племен — от наиболее древних к поздним. Если для позднетрипольских поселений Городск и Усатово можно достаточно определенно говорить о домашней лошади, то для более ранних памятников этот вопрос еще не вполне решен. Теоретически и на основании находок определенных частей скелета (череп, челюсти, ребра, фаланги) можно предполагать, что на ранних ступенях триполья лошадь уже пахотилась на пути к одомашниванию.¹ Этот вывод подтверждается и анализом скульптуры триполья.

Что касается костей овцы или козы, то в отношении родового определения их вопрос остается пока невыясненным вследствие трудностей, вытекающих из близкого сходства их костей.²

Несмотря на нерешенность этих вопросов, все же можно наметить общее направление, по которому шло развитие скотоводства, и определить хозяйственную значимость каждого домашнего вида в историческом плане. В подтверждение сказанного

¹ Вопросу о времени и месте приручения лошади мы уделяем внимание в главе о скульптуре из Луки-Врублевецкой.

² Вера Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 89. — Е. Ю. Кричевский, например, считает кости мелкого рогатого скота даже из ранних памятников костями овцы, несмотря на спорность этих определений в среде специалистов-зоологов (см.: Е. Ю. Кричевский. Про відносну хронологію, стр. 19).

В. И. Громовой о ведущей экономической роли в хозяйстве трипольцев домашнего быка все последующие исследователи отмечают численное превосходство костей этого животного в собраниях костных остатков из трипольских памятников (Пидопличко, Цалкин, Бибикова). Даже в позднетрипольском поселении Усатово, несмотря на некоторое количественное превосходство костей овцы (222 особи), все же кости быка остаются на втором месте (186 особей). И прав И. Г. Пидопличко, когда говорит, что усатовское скотоводство можно назвать «смонбизированным», без особых признаков специализации в сторону овцеводства.¹ В Луке-Врублевецкой кости быка также стоят на втором месте после костей свиньи. Однако мы не делаем из этого вывод, что хозяйственному разведению крупного рогатого скота уделялось меньше внимания, чем разведению свиньи. В решении этого вопроса следует прежде всего считаться с несоизмеримостью величин. Период роста свиньи и быстрота ее размножения, естественно, превышают вегетативный период и быстроту размножения крупного рогатого скота. Эту поправку необходимо иметь в виду уже потому, что простейший подсчет запаса мяса в каждом из названных животных дает разные показатели. В Луке-Врублевецкой определено минимальное число особей быка — 42, свиньи — 93. Живой вес исчисляется: быка в 500 кг, домашней свиньи в 150—200 кг.² Взяв эти цифры для определения живой массы животных из Луки-Врублевецкой, получим для быка 21 000 кг, для свиньи максимум 18 600 кг. Однако последняя цифра должна быть значительно снижена за счет большого процента костей свиньи, которые принадлежали молодым особям, чего нельзя сказать о костях быка, оказавшихся костями зрелых особей. Таким образом, и для Луки-Врублевецкой можно с полной достоверностью говорить о главенствующем положении быка в стаде домашних животных. Следовательно, еще до того, как трипольская культура достигла высокой ступени своего развития, бык уже прочно определился как ведущее домашнее животное, каковым и продолжал оставаться на всех ступенях развития этой культуры.

¹ І. Г. Пидопличко. До питання про свійські тварини. . . , стр. 112—113.

² Там же, стр. 112 (сноска).

Очень важные данные мы получаем при сопоставлении процентных соотношений между домашними и дикими видами в разных по времени трипольских памятниках по отношению друг к другу и к Луке-Врублевецкой.¹

	Домашние %	Дикие %
Лука-Врублевецкая (по В. И. Бибиковой)	47.6	52.4 (без птиц и рыб)
Сабатиновка II (по В. И. Бибиковой)	69.2	30.8
Владимировка (по В. И. Цалкину)	76	24
Коломийщина (Ха- лепье) (по И. Г. Пи- допличко и др.)	79.5	20.5
Усатово (по И. Г. Пи- допличко)	88.4	11.6

Приведенные цифры настолько красноречиво говорят о постепенном росте скотоводства и о вытеснении охоты, что едва ли нуждаются в специальных комментариях.

Пока еще нет твердо установленных данных о фауне из Сабатиновки I,² тем не менее А. В. Добровольский на IV научной конференции в Киеве сообщил некоторые подробности анализа фауны из этого многослойного памятника, дающие возможность сделать вывод, что в нижних горизонтах преобладают кости диких животных, остатки же домашней фауны встречаются во всех горизонтах.³ Видимо, соотношение дикой и домашней фауны для Сабатиновки (нижний горизонт) и Луки-Врублевецкой будет близким.⁴

¹ Подсчеты приводятся для наиболее полно представленных комплексов, происходящих из поселений, расположенных на больших площадях.

² Определения сделаны В. И. Громовой и опубликованы И. Г. Пидопличко (Материалы по изучению минулых фаун УРСР, вып. I, Киев, 1938, стр. 124—125). Пользоваться определениями фауны из Сабатиновки I едва ли возможно, так как проанализированные раскопки представляли для определения фауну, не различив ее по горизонтам залегания.

³ А. В. Добровольский. Сабатиновское селение... О сильных охотничьих традициях в хозяйстве трипольского общества Сабатиновки говорит и Е. Ю. Кричевский в связи с многочисленными находками костяных и роговых изделий (см.: Е. Ю. Кричевский. Ранний неолит..., стр. 395—396. — Е. Ю. Кричевский. Про відносну хронологію..., стр. 19).

⁴ Любопытно, что В. И. Громова сопоставила фауну из Краничек и Сушкивки с известным неолитическим поселением Мооведорф в Швейцарии, в котором, по Рютимееру, 47% животных принадлежат диким видам, т. е. почти столько же, сколько и в Луке-Врублевецкой. Фауна же из Анау

Рыболовство как самостоятельная отрасль хозяйства эпохи триполья еще мало изучено вследствие недостатка в материале, кроме пунктов, где встречены кости и чешуя рыб,¹ в нескольких поселениях были найдены глиняные грузила для сетей.² Е. Ю. Кричевский рассматривает их как грузила от ткацкого станка. Во время раскопок землянок близ Ржищева В. В. Хвойко нашел в них два костяных рыболовных крючка (один из них сильно фрагментирован).³ Костяной крючок нашел и Н. Макаренко близ Халепья.⁴ По внешнему облику костяной крючок из Ржищева очень напоминает костяные и роговые крючки из Винчи,⁵ или крючки из неолитических стоянок северной полосы Европы. Один костяной крючок происходит из пещеры у Дрековского монастыря в Болгарии.⁶ В Луке-Врублевецкой посчастливилось найти два медных рыболовных крючка и фрагмент остроги. Эти находки значительно продвигают вперед изучение вопроса о роли рыболовства на ранних этапах триполья. Несмотря на небольшое число находок, связанных с рыболовством, некоторые авторы (Богаевский и другие)⁷ придают рыболовству большое значение в хозяйстве трипольского общества. Однако Т. С. Пассек не переоценивает экономической роли его в хозяйственном бюджете человека эпохи триполья.⁸

вполне согласуется с поздне трипольской фауной (10% диких видов).

¹ На Кирилловской горе в яме № 17, в пунктах №№ 25, 37, в с. Погребы (В. Хвойко. Каменный век..., стр. 759, 760, 762, 796), в Коломийщине и других поселениях (Трипольська культура, т. I, стр. 29).

² Трипольська культура на Україні, вып. I, стр. 107—111.

³ В. В. Хвойко. Раскопки 1901 г. в области трипольской культуры. Зап. Отд. русск. и славянск. археолог. Русск. Археолог. общ., т. V, вып. II, стр. 19, табл. II, рис. 1 и 3 (у Б. Л. Богаевского ошибочно указан на Веремья). — Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья, стр. 104, рис. 53, I, 2).

⁴ Трипольська культура на Україні, вып. I, стр. 108 и таблица (без номера, рис. 7).

⁵ М. Василь. Преториска Винча IV, табл. XXVII, текст: стр. 19—20, приложения II.

⁶ Известия на Българския археологически институт, т. III, стр. 235.

⁷ Б. Л. Богаевский. Орудия производства..., стр. 103—107.

⁸ Т. С. Пассек. Трипольська культура стр. 53.

Мы больше склоняемся к заключению Т. С. Пассек, основанному на знакомстве с очень обширными материалами из раннеземледельческих поселений. В конце концов, все известные нам памятники триполья, где встречены остатки рыб или орудий, которые могут быть связаны с рыболовством, очень немногочисленны. Даже поселение в Луке-Врублевской, расположенное на такой крупной водной артерии, как Днестр, все же не дает материала, на основании которого можно было бы говорить о серьезной роли рыболовства в экономике трипольского общества. Несомненно, рыбная ловля являлась известным подспорьем в хозяйственном бюджете человека, но скорее всего носила лишь сезонный характер. Трудно представить себе картину промыслового лова рыбы на Днестре, особенно, конечно, в его среднем и верхнем течении, где крупные породы рыб (сом, стерлядь) встречаются редко. Днестр здесь мелководен, течение его быстрое. Ложе реки усыяно крупными камнями или представляет собой гладкую поверхность обнаженных скалистых коренных пород. Лишь кое-где встречаются небольшие спокойные заводи. Именно в среднем и верхнем течении Днестр более всего подходит к типу горных рек. Видимо, в прошлом, так же как и сейчас, воды Днестра не отличались богатством рыбных ресурсов. Даже более поздние памятники, чем Лука-Врублевская, и особенно памятники развитого триполья почти никогда не бывают расположены на берегах крупных рек, а размещаются, как не раз уже отмечали исследователи (Хвойко, Пассек, Кричевский, Пидопличко и другие), на высоких плато приречных возвышенностей, что подчеркивает экономическую незаинтересованность трипольского населения в рыбных богатствах рек правобережной Украины.

Б. Л. Богаевский попытался установить и формы рыболовства.¹ По его мнению, основным приемом лова была установка переметов или донных удочек. Вместе с тем он допускает и индивидуальную ловлю медными крючками (для подтверждения он опирается на находку крючка в Пристерхугеле).² Возможно, продолжает Б. Л. Бога-

евский, для охоты на рыбу применялись и гарпуны. Не останавливаясь на слабом знакомстве Б. Л. Богаевского с техникой лова рыбы и переоценки им значения рыболовства, для которого не было экономически оправданной базы, отметим, что рыболовство триполья не ограничивалось только приемами лова на удочку (переметы едва ли могли найти на Днестре свое применение — из-за быстрого течения). Вполне допустимо и битье рыбы с помощью остроги. Один экземпляр такой костяной остроги был встречен и в Луке-Врублевской. Менее убедительно предположение о ловле рыбы сетями. Однако все названные способы ловли, кроме последнего, не могли иметь промыслового значения и, конечно, не соответствовали потребностям целого коллектива. Здесь имели место, видимо, иные способы лова, о которых не говорят археологические источники. Речь идет о различных способах загонной рыбы в перегороденные плетнем тихие участки реки, установке вершей, заколов, морд и других приспособлений. Эти наиболее эффективные способы лова вместе с применением индивидуального, с помощью остроги и удочки, составляли основные приемы ловли рыбы. Добыча рыбы, таким образом, носила, с одной стороны, коллективный характер и проводилась, видимо, в определенные сезоны, особенно весной и летом, с другой — индивидуальный (на удочку и с острогой). Сезонный характер имело и собирание моллюсков.

Не останавливаясь на биологической характеристике фауны из Луки-Врублевской, о чем еще скажут свое слово палеозологи, обратим внимание на состав ее, с тем чтобы уяснить себе те ландшафтные условия, в которых обитали раннеземледельческие племена. Прежде всего отметим присутствие в фауне типичных представителей леса — лесной куницы, рыси, росомахи, белки, ястреба-тетеревятника и других. Столь четко и полно выраженный фаунистический комплекс с достоверностью свидетельствует о развитии в Среднем Подиестровье крупных лесных массивов, остатки которых существуют еще и поныне. Именно крупные лесные массивы могли служить пристанищем для названных животных. К ним можно еще добавить дикого кабана и оленя. Дикорыбки могли являться и своего рода магическими «амулетами» (там же, стр. 106).

¹ Б. Л. Богаевский. Орудия производства. . . , стр. 105, 106.

² Совсем бездоказательно звучит заявление Б. Л. Богаевского о том, что «маленькие медные

кие кабаны и сейчас еще изредка встречаются в лесных трупобах близ Могилева-Подольского, где находят себе обильную пищу (желуди). Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что зона Среднего Поднепровья являлась продолжением лесного карпатского массива, простиравшегося к Днестру через северную Буковину. О лесном характере ландшафта бывшей Бессарабии говорил еще Э. Р. Штерн,¹ основываясь на находках костей дикого кабана в Петренах.

Если мнение Р. Э. Штерна принималось как более или менее вероятная догадка, то находки столь выразительной лесной фауны в Луке-Врублевецкой подтверждают наличие в древности на Среднем Днестре крупных лесных пространств, покрывающих не только овражные склоны берегов рек и возвышенностей, но и обширные плоскогорья или плато водоразделов.²

Выводы о сильной облесенности Среднего Поднепровья в эпоху, предшествующую развитию триполью, целиком согласуются с рядом других наблюдений. Мы имеем в виду стратиграфию поселения Луки-Врублевецкой и его месторасположение относительно уровня реки, о чем уже говорилось выше.

Иную картину ландшафта в Поднепровье рисует И. Г. Пидопличко. Он специально занимался историей развития ландшафта Трипольского плато в районе Халецья (Обуховский район Киевской области), где, как известно, сосредоточены наиболее полно изученные трипольские поселения. Результаты исследований И. Г. Пидопличко несколько расходятся с теми выводами, которые мы сделали для Среднего Поднепровья. В Поднепровье в трипольское время леса не имели сплошного распространения: «Интенсивный процесс естественного облесения местности происходил, — пишет И. Г. Пидопличко, — уже в послетрипольское время и в недавнее время был приостановлен хозяйственной деятельностью человека».³ По мнению И. Г. Пидопличко, существование трипольских поселений относится к концу четвертой фазы развития ландшафта — поймообразной, лугово-лесо-

степной.⁴ Точка зрения Т. С. Пассек не совпадает с высказанной И. Г. Пидопличко, особенно в отношении облесенности Среднего Поднепровья. Т. С. Пассек придает большее значение лесному покрову, чем это делает И. Г. Пидопличко.²

Б. Л. Богаевский, касаясь того же вопроса, попытался, правда, на очень ограниченном материале, показать процесс изменения климатического режима, а вместе с ним и растительного покрова в трипольскую эпоху. По Богаевскому, для раннего триполья характерен влажный климат, постепенно переходящий в сухой. В позднем триполье вполне сложился сухой климат с развившимся растительным покровом степей. В конце этого периода началось повторное увлажнение климата, повлекшее за собой наступление леса на степь, которое в дальнейшем шло по линии нарастания лесных площадей.³ Е. Ю. Кричевский, полемизируя с западноевропейскими авторами, приложившими схему Блита-Сервандера к разработке вопроса истории ландшафта для средней и юго-восточной Европы, предложил свою схему. Вопреки мнению Чайльда, Стоцкого и других, Е. Ю. Кричевский полагает, что в юго-восточной Европе и, что особенно важно, — на правобережной Украине — сплошных лесных массивов в послеледниковое время никогда не было. Послеледниковую безлесную пустынную тундру или холодную степь сменяет в неолитическую эпоху лесостепной ландшафт со смешанным, преимущественно лиственным лесом, в котором дуб, видимо, преобладал. Е. Ю. Кричевский обосновывает свои выводы данными пыльцевых анализов.⁴

Не вдаваясь в подробный разбор взглядов по поводу развития ландшафта в послеледниковое время на территории правобережной Украины, т. е. в зоне распространения трипольской культуры, высказанных тремя названными исследователями, укажем только, что аргументация их носит несомненно односторонний характер. Только И. Г. Пидопличко привлекает для рекон-

¹ Там же.

² Т. С. Пассек. Звіт Трипільської експедиції про розвиток поселення Коломиїщина. Трипільська культура, т. I, стр. 28—29. — Т. С. Пассек. Периодизация..., стр. 146—147.

³ Б. Л. Богаевский. Орудия производства..., стр. 142—143.

⁴ Е. Ю. Кричевський. Ранній неоліт..., стр. 379—383.

¹ Э. Р. Штерн. Доисторическая культура..., стр. 33, 34.

² В. И. Бибилова. Домашние и дикие животные..., стр. 61.

³ И. Г. Пидопличко. Основні риси розвитку ландшафту..., стр. 107.

струкции древнего растительного ландшафта данные фауны. Е. Ю. Кричевский пользуется флористическими анализами и отчасти данными по конструкции полов в трипольских жилищах, т. е. площадок;¹ Б. Л. Богаевский — стратиграфическими данными и лишь мимоходом говорит о развитии лесного покрова в трипольскую эпоху, поддерживая в этом отношении Э. Р. Штерна.²

Комплекс фауны из Луки-Врублевской вместе с фаунистическими собраниями из других трипольских местонахождений должен быть использован более широко, как составной и важный элемент при изучении истории климата и ландшафта, существовавших в трипольское время на юго-востоке Европы. Пока же можно сказать, что развитие лесного покрова в послеледниковое время несколько недооценивалось. Может быть, в предтрипольскую эпоху и в собственно трипольское время развитие лесов охватывало не только зону Среднего Поднепровья, а лесные массивы простирались дальше на восток к Днепру, не говоря о западном их распространении к Карпатам и Трансильвании, а также на северных Балканах и восточном Предбалканье. Если действительно правильным окажется предположение о широком развитии лесов в ранне-трипольское и трипольское время в Поднепровье, Побужье и Поднепровье, то раннеземледельческая культура триполья как культура, связанная с лесом, должна быть соответствующим образом оценена в историческом плане. При такой постановке вопроса возможно будет объяснить и происхождение современного «паркового» лесного ландшафта правобережья Украины. Допускаем, что сокращение лесных площадей со времен триполья произошло не без деятельного участия человека, все более и более развивавшего земледельческое и скотоводческое хозяйство.

Итак, состав фауны из Луки-Врублевской дает возможность сделать ряд доста-

точно определенных выводов, касающихся экономики рассматриваемого поселения.

1. Разведение домашнего скота и охота на диких животных занимали в хозяйстве древнего населения Луки-Врублевской очень существенное место и, может быть, не слишком уступали по значению земледелию. Из домашних животных, уже вполне вошедших в хозяйственный уклад, были: бык, свинья и мелкий рогатый скот, не говоря о собаке. Может быть, и лошадь также являлась домашним животным.¹ Охота велась главным образом на копытных стадных животных с целью получения мяса и шкур. Большое значение отводилось и пушной охоте. Меньшая роль принадлежала охоте на птиц.

2. Рыболовство также служило некоторым подспорьем в хозяйстве человека. Данные о костных остатках рыб несколько приуменьшены ввиду плохой сохранности костей, не попавших поэтому в определения и подсчеты.

3. Имело значение и прибрежное собирание речных моллюсков *Unio*, составлявших важный продукт питания. Реже употреблялись в пищу улитки рода *Helix*.

Рассматривая фауну из Луки-Врублевской в плане определения ее места среди других фаунистических комплексов, собранных на раннеземледельческих поселениях юго-востока Европы и особенно на поселениях юго-запада СССР, мы обратили внимание на постепенное снижение роли охоты и рост скотоводства, неуклонно развивавшегося от ранней ступени триполья к более поздним ступеням этой древнеземледельческо-скотоводческой культуры. Но это одна сторона исторически сложившегося хозяйственного процесса. Другая сторона состоит в оценке экономического значения земледелия, скотоводства, охоты и собирательства, каждой из этих хозяйственных отраслей в общем

¹ Е. Ю. Кричевский. К вопросу о климате в эпоху существования трипольской культуры в связи с конструкцией жилищ. Бюлл. Комис. по изуч. четвертичн. периода, № 6—7, Итоги работ Второго пленума комиссии испроваемого человека Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода, М.—Л., 1940, стр. 63—65.

² Б. Л. Богаевский. Орудия производства... , стр. 150.

¹ На большое значение в трипольском хозяйстве домашних животных указала В. И. Громова. В. И. Бибицова также считает, что в период раннего триполья домашние животные приобрели крупное хозяйственное значение, вместе с тем «разведение домашних животных на поселении, открытом в Луке-Врублевской, по ряду причин, еще не достигло полного развития. В условиях лесного ландшафта, при слабой производительности мотыжного земледелия невозможно создать кормовую базу, необходимую для животноводства» (см.: В. И. Бибицова. Домашние и дикие животные... , стр. 59, 61).

экономическом бюджете трипольского общества на разных ступенях развития. Нет оснований уменьшать значение земледелия как ведущей отрасли производства, занимавшей основное положение в пищевом балансе древнего человека и создающего вместе с другими источниками необходимые запасы для кормовой базы все развивающегося животноводства. Уже начиная с раннего триполья, удельный вес животноводства делается весьма заметным и вместе с продуктами охоты составляет важнейший источник питания. Недооценка Г. Чайльдом и Е. Ю. Кричевским роли животноводства на ранних и развитых этапах раннеземледельческих культур не обоснована. Г. Чайльд, например, прямо указывает на преимущественно вегетарианский образ жизни древнеземледельческих племен Подунавья, хотя они и располагали в одомашненном состоянии такими видами животных, как бык, свинья, овца и коза. По мнению Г. Чайльда, охота также не играла роли в повседневной жизни.¹ Свои заключения Г. Чайльд делает на основании малочисленности находок костей животных в очагах. Аналогичный вывод сделал Е. Ю. Кричевский применительно к триполью. По его мнению, для раннего триполья характерно отсутствие большого количества костей животных и изделий из костей, что он объясняет слабостью развития охоты и скотоводства. Костный материал поступал в руки человека не систематически, и это ограничивало возможность широкого использования кости для изготовления орудий и украшений. Несколько большее значение приобретает скотоводство и охота на этапе В. Е. Ю. Кричевский, указывая на примитивность форм развития домашнего скота (бесстойловое содержание, отсутствие заготовки кормов, сначала мясной характер скотоводства), предостерегает от переоценки скотоводства в хозяйстве ранних земледельцев.²

Выводам Г. Чайльда и Е. Ю. Кричевского противоречит массовость костей домашних животных в Луке-Врублевецкой и Сабатиновке II. Фаунистические собрания из этих памятников свидетельствуют о весьма серьезном хозяйственном значении разведения домашнего скота и охоты уже

на ступени раннего триполья. Следовательно, трудно допустить, чтобы позднее, с переходом к развитому триполью роль скотоводства шла бы по линии снижения. Видимо, причину малочисленности костей животных в памятниках развитого триполья надо искать не в слабом развитии скотоводства и охоты, а в иных, собственно бытовых условиях, не допуская оставления пищевых отходов на территории жилищ. Количество костяных изделий тоже едва ли зависело от недостатка материала для поделок, а скорее обуславливалось мерой потребности в костяных изделиях, обращавшихся в хозяйстве. Кстати, костяные изделия в Луке-Врублевецкой и Сабатиновке II представлены совсем не малым числом экземпляров. По отношению к развитым этапам триполья вопрос о большой роли животноводства в хозяйстве подтверждается и другими фактами. Достаточно, например, вспомнить планировку поселений, подчиненную скотоводству, как пишет Е. Ю. Кричевский, а также и другие авторы. Имеется в виду размещение жилищ по кругу, что создавало своеобразный загон для скота.

Нам представляется, что ход хозяйственного развития в трипольском обществе шел примерно в следующем направлении. На ранних этапах (А) земледелие сочеталось с разведением скота и охотой. Роль последних двух отраслей была почти одинакова и в хозяйственном значении они, может быть, только немного уступали земледелию. На этапе В вместе с ростом и вероятным совершенствованием земледельческого производства прогрессирует скотоводство, постепенно вытесняя охоту, как менее продуктивную и неустойчивую форму хозяйства. На этапе В в трипольском обществе была уже достигнута известная хозяйственная гармония между земледелием и скотоводством, при подсобной роли охоты.

Так в общих чертах рисуется соотношение между отдельными отраслями хозяйства в экономике трипольского общества на ранних и более поздних ступенях развития.

Здесь мы отметили только внутренний эволюционный процесс развития трипольского хозяйства. Гораздо труднее и менее надежно устанавливается происхождение животноводства в эпоху триполья на юго-востоке Европы. Поразительным явлением остается тот факт, что уже в раннем триполье мы сталкиваемся по меньшей мере

¹ G. Childe. The Danube in prehistory, стр. 46.

² Е. Ю. Кричевський. Про відносну хронологію. . . , стр. 19 и сл.

с пятью видами животных, находящимися в одомашненном состоянии, — это бык, свинья, овца, коза и собака. Не исключается и лошадь, хотя последняя только еще начинает входить в число прирученных животных.¹

Для каждого из названных видов животных зоологи устанавливают на европейском континенте исходные дикие формы, ставшие объектом приручения. Но как бы ни объяснять происхождение отдельных домашних животных от их диких предков, живших в Европе, все же бросается в глаза внезапность появления пяти или даже шести домашних видов уже в раннем триполье. При этом в раннеземледельческих памятниках юго-восточной Европы наблюдается определенная устойчивость соотношений между видами животных при главенствующем положении в стаде быка. Мы не знаем на территории юго-востока Европы памятников, генетически связанных по нисходящей линии развития с раннеземледельческими поселениями. Трипольские же памятники Поднепровья выглядят тоже совершенно изолированными от предшествующих во времени мезолитических и раннеэнеолитических памятников. Здесь, как мы показали выше, мезолитические и неолитические памятники носят еще позднепалеолитические черты. Таким образом, предшествующие триполью исторические этапы не дают никаких

оснований искать в них эволюционные звенья, связывающие мезолит с памятниками триполья, а следовательно, и прямые генетические пути, ведущие к трипольскому животноводству. Стало быть, не в местных юго-восточноевропейских условиях следует искать ответ на происхождение домашних животных триполья, не в местной племенной среде сложились и оформились скотоводческие навыки. В попытке найти объяснение такому интересному явлению, как появление уже в раннем триполье всех основных видов европейских домашних животных, следует прежде всего учесть мнение зоологов и в первую очередь исследование В. И. Громовой.¹

Справедливость требует сказать, что это исследование во многих своих частях и в основном своем направлении остается еще не использованным археологами. В. И. Громова предложила свои суждения по вопросу происхождения ряда домашних видов в юго-восточной Европе и в том числе на территории, занятой трипольскими племенами. Мнение В. И. Громовой весьма существенно расходится с укоренившимися в среде археологов взглядами на автохтонность происхождения животноводства. Этим вероятнее всего и можно объяснить, что работа В. И. Громовой не вошла в орбиту исследований, посвященных трипольской проблеме. Сама В. И. Громова, говоря о занесении в юго-восточную Европу ряда домашних форм животных из западноевропейских и восточно-средиземноморских территорий, верно отметила противоречивость взглядов естественников и археологов: «Я остановилась подробно на разбираемом вопросе, сравнительно ясном для зоолога, ввиду того, что специалисты по истории культуры не склонны допускать возможности передачи на большие расстояния культурных приобретений на очень ранних культурных стадиях от одной народности к другой. Тем не менее в рассматриваемой области такую передачу признать необходимо».² Здесь не нужно повторять подробную аргументацию, приведенную В. И. Громовой в защиту выдвинутых ею положений. Поэтому позволим себе остановиться только на итоговой части ее исследования, очень полно отразившей современное состояние науки.

¹ Вера Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР.

² Там же, стр. 107.

¹ Е. Ю. Кричевский пытался установить последовательность введения в хозяйственный быт триполья домашних животных соответственно стадиям развития трипольского общества. Для первой стадии характерно преобладание овец и коз, несколько реже встречаются кости свиньи, еще реже — быка и собаки. На второй стадии бык становится ведущим домашним животным, а скотоводство перестает быть мясным, уступая место молочному. На третьей стадии происходит дальнейшее развитие скотоводства. Наблюдается распространение появившейся в конце второй стадии домашней лошади (см.: Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. Из истории докапиталистических формаций. Изв. ГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933, стр. 172, 176, 180). В свете материалов Луки-Врублевской, а вместе с тем и остеологических собраний из других трипольских памятников, показывающих главенствующую роль быка даже в самых ранних трипольских памятниках, гипотеза Е. Ю. Кричевского не выдерживает критики, хотя она и поддерживалась некоторыми видными исследователями, например В. В. Гольмстен (см.: В. В. Гольмстен. Возникновение скотоводства в Восточной Европе. Проблемы происхождения, эволюции и породобразования домашних животных, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 126—127).

«1. Первые домашние животные появляются в различных частях СССР в разное время. Раньше всего они известны, в лице крупного и мелкого рогатого скота и свиньи, в западной части степной полосы Восточной Европы (3000—2000 лет до н. э.), позже — в восточной части этой полосы и в степных районах Сибири, где в это время появляется и домашняя лошадь (2000—1500 лет до н. э.) и в Средней Азии (тогда же), еще позже в лесной полосе Восточной Европы (1500—1000 лет до н. э.) и в Сибири.¹

«2. Указанный хронологический порядок появления домашних животных в связи с наличием в восточной части Средиземноморья исходного дикого материала для приручения быка, овцы и козы и с отсутствием такого материала в неолитическое время в Восточной Европе делает очень вероятным передачу перечисленных животных в одомашненном состоянии на территории нынешних пределов Союза из восточной части Средиземноморья через области трипольской культуры и затем постепенное их распространение».²

По поводу одомашнивания свиньи В. И. Громова пишет: «Кабан мог быть приручен во всей широкой области своего распространения; укажу, однако, что появление домашней свиньи в Восточной Европе везде одновременно (не раньше и не позже) с рогатым скотом наводит на предположение об одновременной с ним ее передачи от одних народностей к другим».³ И выше: «... из наших важнейших хозяйственных домашних животных могли быть приручены на месте в Восточной Европе только кабан и лошадь (тарпан)».⁴ Итак, появление уже

в раннем триполье быка и мелкого рогатого скота можно объяснить тем, что эти домашние животные выведены из южных широт. Осторожности ради мы предполагаем все же говорить здесь не столько о перемещении стад, сколько о переносе навыков в приручении животных, которые могли быть применены к местным диким видам — кабану, лошади и, вероятно, туру. Собака, если судить по северо-причерноморским аналогиям, прослеженным в энеолитических памятниках, была приручена задолго до трипольской эпохи; в какой-то мере это может быть отнесено и к кабану. Что касается овцы и козы, то появление их в юго-восточной Европе из восточного Средиземноморья, в свете исследования В. И. Громова, можно считать бесспорным.

Возвращаясь к остеологическому собранию из Луки-Врублевецкой, нетрудно заметить одно важное обстоятельство, отражающее своеобразное равновесие двух хозяйственных отраслей — местной, охотничьей, с ее древними традициями, и пришлой, скотоводческой, представляющей перед нами в уже сложившейся форме и включающей все основные виды хозяйственных животных, но уходящей своими корнями в южный ареал раннеземледельческих культур. Таким образом, перед нами опять раскрываются две тенденции, на материалах одного памятника соединение двух различных хозяйственных систем, которые отмечались уже нами на других категориях археологических источников, происходящих из Луки-Врублевецкой (формы домостроительства, кремневый и каменный инвентарь и т. п.). В ходе дальнейшего развития триполья к поздним этапам, как мы уже об этом говорили, все большее значение приобретает производящий хозяйственный уклад — роль скотоводства прогрессивно возрастает на фоне постепенного угасания экономического значения охоты.

¹ Там же, стр. 110.

² Там же, стр. 110—111.

³ Там же, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 105, 107.

Глава V

НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-СКОТОВОДЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

В последние годы накопился большой археологический материал, позволяющий поставить ряд существенных вопросов, способствующих раскрытию верований у раннеземледельческих племен юга и юго-запада СССР. Среди памятников культа, открытых (на трипольских поселениях, особое место занимают захоронения людей в жилищах, захоронения частей животных или изображений их, жертвенники, амулеты и другие предметы, назначение которых истолковывается как ритуальное. К числу массового материала, также тесно связанного с первобытным мировоззрением раннеземледельческих и скотоводческих обществ, в первую очередь принадлежит скульптура. Ей мы уделяем самое пристальное внимание, пытаемся решить или поставить ряд проблем, в том числе и вопрос о происхождении некоторых славянских обрядов. Нужно, однако, отметить при этом, что наша попытка дать подобное истолкование трипольской пластике на широком материале, с привлечением этнографических источников, представляет первый опыт в этом направлении и, естественно, носит предварительный, далеко не полный характер.

Постановка проблемы о верованиях древнеземледельческих и скотоводческих племен юго-востока Европы кажется нам вполне оправданной и актуальной.

Вопросы экономики, экономического строя раннеземледельческих обществ, периодизация памятников изучены более или менее подробно. Иное положение мы встре-

тим, если обратимся к явлениям надстроечного порядка и к таким проблемам, как развитие познания и примитивного мировоззрения этих племен. Здесь мы сталкиваемся с неразработанностью подобных вопросов, что далеко не всегда может быть оправдано недостаточностью материала для определенных суждений и выводов. Между тем, именно изучение имеющихся в нашем распоряжении многочисленных памятников материальной культуры составляет первооснову для реконструкции духовной культуры раннеземледельческих племен как в ее общих проявлениях для всего первобытно-общинного строя, так и в тех ее чертах, которые вытекают из конкретного уровня развития данного общества и конкретно-исторической обстановки существования этих племен в юго-восточной Европе. Вот почему мы не считали себя вправе ограничиться описательной и типологической характеристикой раннеземледельческой скульптуры, а попытались искать в ней отражения определенных воззрений, руководствуясь при этом глубокими положениями И. В. Сталина, изложенными в его гениальных трудах «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР».

В настоящей главе мы рассмотрим все те материалы из Луки-Врублевецкой, которые могут послужить для реконструкции первобытных верований раннеземледельческих племен, а именно: погребение ребепка, укра-

шения и амулеты, культовые модельки жилищ и скульптурные изображения.

КУЛЬТОВОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ РЕБЕНКА

Расчищая остатки жилища № 5, мы встретили там в небольшом углублении пола (участок 6Г) несколько костей ребенка (рис. 66). Приведем антропологическую характеристику костей, данную антропологом

Рис. 66. Жилище № 5. Погребение ребенка. Остатки костей скелета.

Института этнографии Академии Наук СССР В. П. Якимовым.

«I. Поступивший материал включает следующие костные остатки:

«1) диафиз правой плечевой кости; верхний конец ее несколько разрушен;

«2) нижнюю (дистальную) половину диафиза левой плечевой кости;

«3) диафиз правой лучевой кости;

«4) дистальную половину диафиза левой лучевой кости;

«5) обломок диафиза левой локтевой кости (приблизительно $\frac{2}{3}$ длины кости);

«6) правую подвздошную кость.

«II. Разрозненность и фрагментарность остатков скелета и особенно отсутствие черепа лишают нас возможности точно определить возраст захороненного ребенка.

«Приблизительное определение возраста погребенного ребенка можно было осуществить только путем сравнения костей его скелета с костями современных детей. В качестве сравнительного материала было взято несколько детских скелетов, хранящихся в музее Кафедры анатомии Военно-Медицинской академии им. С. М. Кирова и в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР.

«Сравнение показало, что по степени развития и по размерам кости ребенка из Луки-Врублевецкой более всего сходны с соответствующими костями новорожденных детей или детей первого месяца послеродовой жизни (см. прилагаемую таблицу).

«По данным М. Т. Тиханова (см. его работу: Об энергии роста конечностей и позвоночного столба у детей до 14-летнего возраста. Дисс., СПб., 1894), длина плечевой кости у исследованных им 20 скелетов новорожденных детей колеблется от 74 до 91 мм, длина лучевой кости от 50 до 63 мм (кости измерялись в свежем состоянии с хрящевыми частями). В сумме длина плечевой и лучевой (длина руки без кисти) равна 124—154 мм.

«У ребенка из Луки-Врублевецкой отсутствуют хрящевые концы длинных костей, которые у просмотренных в музеях скелетов в целом равны 16—18 мм для плечевой кости и 6—8 мм для лучевой кости. Следовательно, полная длина костей ребенка из захоронения (с учетом отсутствующих хрящевых частей) должна равняться:

плечевая кость — 76.4—78.4 мм,

лучевая кость — 57.9—59.9 мм.

«Длина верхней конечности (без кисти) составит приблизительно 135—137 мм.

«Близость полученных данных к данным М. Т. Тиханова еще раз подтверждает указанное выше определение возраста ребенка из Луки-Врублевецкой».

Неполнота скелета и возраст погребенного не дают оснований для сколько-нибудь развернутых антропологических выводов. Но сам по себе факт захоронения в жилище

Измерения	Ребенок из Луки-Врублевской		Новорожденные										
			ВМА		ВМА		ВМА		МАЗ		МАЗ		
	п.	л.	п.	л.	п.	л.	п.	л.	п.	л.	п.	л.	
Лучевая кость:													
Длина диафиза	60.4	—	61.0	61.0	59.0	—	60.0	59.8	60.1	61.0	60.8	60.2	
поперечный диаметр середины диафиза	5.1	5.3	5.2	5.1	4.8	—	4.1	4.5	5.1	5.3	4.9	5.1	
средне-задний диаметр середины диафиза	5.5	5.9	5.4	5.4	4.6	—	4.4	4.6	5.1	5.3	4.6	4.8	
ширина нижнего конца диафиза	15.8	16.0	16.4	16.7	15.1	—	16.0	16.1	16.2	16.2	15.6	15.6	
Лучевая кость:													
Длина диафиза	51.9	—	50.9	51.0	48.1	—	50.1	50.8	50.1	49.8	50.1	50.5	
поперечный диаметр середины диафиза	4.0	3.8	3.8	4.1	3.7	—	3.1	3.4	3.5	3.9	3.4	3.8	
средне-задний диаметр середины диафиза	3.8	3.8	3.1	4.0	2.8	—	2.9	2.6	3.2	2.5	2.9	3.1	
ширина нижнего конца диафиза	9.2	8.5?	9.7	10.0	9.1	—	8.3	8.9	10.1	9.6	9.0	9.1	
Локтевая кость:													
Длина кости (без хрящевых концов)	—	57.8	58.9	58.2	56.1	—	58.8	58.6	58.4	57.8	57.7	58.1	
Ползвонковая кость:													
наибольшая высота	31.6	—	29.8	29.1	27.9	29.6	29.4	28.8	29.7	30.1	27.1	28.1	
наибольшая ширина	34.6	—	32.6	33.1	29.8	31.7	33.8	34.2	34.5	33.0	33.1	32.9	

является пока единственным достоверным случаем обнаружения погребения ранне-трипольского возраста. Однако не только в этом заключается значение погребения.

Первые исследователи трипольских поселений не раз отмечали находки костей человека при раскопках площадок. Об этом сообщали В. В. Хвойко, Э. Р. Штерн и другие исследователи. В сущности говоря, находки костей человека на площадках, в виде ли сохранившихся костей или же остатков трупосожжения, и послужили одним из поводов для интерпретации площадок как мест, связанных с погребальным культом. Так, например, В. В. Хвойко неоднократно встречал кости человека в ряде пунктов раскопок (Веремье, Триполье, Щербакровка, Крутобородинцы). В одних случаях это были остатки трупосожжения, помещенные в урне (Веремье, Триполье, Щербакровка, Крутобородинцы), в других — остатки трупоположения (Веремье) и даже частичные захоронения в виде отдельных черепов или частей черепов (Веремье, Триполье).¹

Не совсем ясными остаются погребения, встреченные В. В. Хвойко в киевских зем-

¹ В. В. Хвойко. Каменный век . . . , стр. 779, 780, 783, 786, 794, 795. — В. В. Хвойко. Рас-

копках. Он называет их впускными. Однако расположение костяков в землянках заставляет усомниться в правильности его определения, хотя и не для всех пунктов.¹ Урны с пеплом были найдены при раскопках в Петренах² и Колодистом.³ Ф. К. Волков и Н. Ф. Беляшеский, ссылаясь на несовершенство методики раскопок В. В. Хвойко, решительно отрицали связь погребений с трипольскими комплексами. После того, как мнение В. В. Хвойко и Э. Р. Штерна о погребальном назначении площадок было отвергнуто, был снят и вопрос о погребениях на площадках и в землянках.

Только В. А. Городцов, рассматривая нижнедунайскую культуру в Болгарии, вновь попутно обратился к погребениям, встреченным на раннеземледельческих поселениях Болгарии, и составил их с погребениями, обнаруженными в развалинах

копки глиняных площадок в с. Крутобородинцы . . . , стр. 285, 288, 290, 293, 295. — В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья . . . , стр. 15—16.

¹ В. В. Хвойко. Каменный век . . . , стр. 761—763.

² Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура, стр. 17—19, 35.

³ Археологическая летопись южной России, т. III, Киев, 1901, стр. 71.

Трой, Анау и поселениях трипольской культуры.¹

Т. С. Пассек, подтвердившая значение глиняных площадок как жилых сооружений, стала на точку зрения решительного отрицания одновременности площадок с находками на них костей человека и преднамеренности таких захоронений.²

Точка зрения Т. С. Пассек в этом вопросе расходится с мнением Е. Ю. Кричевского, с которым она постоянно сотрудничала на довоенном этапе изучения триполья. Е. Ю. Кричевский, пользуясь большим фактическим материалом, считал возможным предполагать, что часто встречающиеся на трипольских поселениях кости человека принадлежат ритуальным захоронениям.³

На самом же деле сейчас уже трудно отвергать факты присутствия костей человека в жилищах на ряде поселений ранних земледельцев. В Луке-Врублевецкой, кроме остатков погребения в жилище № 5, разрозненные кости человека были найдены в заполнении жилища № 2, но первоначально им не было уделено должного внимания.⁴

При раскопках в Поливановом Яру тоже имели место находки костей человека и разрозненным состоянием, так же как и в Бырнове на Днестре.

В позднетрипольском поселении Павлочь (Киевская область, Попелянский район) при раскопках М. Л. Макаревича (1947 г.) было найдено восемь костей человека, принадлежащие по крайней мере двум индивидуумам.

В отчете С. С. Гамченко о раскопках в б. Балтском уезде имеются указания на присутствие в трипольских поселениях разрозненных костей взрослых и детей.⁵ В Коломыйщине в одном из жилищ, в центральной части поселения, был найден обломок черепа, который, как полагает Т. С.

¹ В. А. Городцов. Нижнедунайская культура в Болгарии. Повый Восток, № 14, 1923, М., стр. 311.

² Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 231.

³ Трипольська культура, т. I, стр. 578—579.

⁴ Во время посещения в 1946 г. села Озаряны Юго-подольской экспедицией местные жители рассказали, что на участке поселения были выделены два погребения вместе с расписной керамикой (см.: М. Артамонов. Південноподільська експедиція. Археологічні пам'ятки, т. I, Киев, 1949, стр. 260).

⁵ Отчет Археолог. комиссии за 1909 и 1910 гг., стр. 176—179.

Пассек, «может быть, был в жилище как предмет, связанный с какими-то магическими обрядами, а не результатом захоронения». О находке трех фрагментов женских черепов в Фрумушице (Румыния) говорит и Матаса.⁶ Далее, нельзя не отметить известных погребений в нижних слоях Винчи. Погребения размещались в ямах-землянках.⁷ Не менее интересны сведения о погребениях в болгарских раннеземледельческих поселениях. По сообщению Р. Попова, в Коджа-Дермене в разное время находили кости подростков и детские, так же как и на поселении близ Саламаново.⁸ В пещере Големата, вблизи очага, среди типичного раннеземледельческого комплекса было найдено пять черепных фрагментов и другие кости, принадлежащие молодым индивидуумам.⁹ Кости ребенка и взрослого найдены также в Под-Граде.¹⁰ Другой исследователь, В. Миков указывает на присутствие погребений вблизи жилищ на поселениях Балбунар, Мечкюр, Ямбол и Топра-Асар.¹¹ На поселении Русе, по данным Д. Костова, кости человека были найдены вместе с костями животных и другими остатками культуры.¹² Кр. Дрончилов, изучавший антропологический материал из Русе (три мужских и два женских черепа), определяет принадлежность их к переднеазиатскому типу.¹³ Остатки скелетов встречены и на поселениях Мертвица и других.¹⁴ Погребения в жилищах или на поселениях

¹ Т. С. Пассек. Трипольська культура, стр. 79.

² С. Matasa, Фрумушица, стр. 25, 43.

³ М. Василь. Преисториска Винча II.

⁴ Р. Поповъ. Коджа-Дерменската могила при гр. Шумен, стр. 151—152.

⁵ Р. Поповъ. Големата и Малката пещери при Дреновския манастир. Известия на Българския археологически институт, т. XII, София, 1939, стр. 331.

⁶ Р. Поповъ. Материали за проучване на селището Под-Града при Мадара. Известия на Българското археологическо дружество, т. III, вып. 1, София, 1912, стр. 93.

⁷ В. Миковъ. Селищната могила при с. Балбунар, стр. 278.

⁸ Д. Костовъ. Предисторическата могила до Русе... стр. 70.

⁹ Кр. Дрончиловъ. Предисторически черепи отъ България. Известия на Българския археологически институт, т. II, София, 1924.

¹⁰ Иор. С. Господиновъ. Предисторически находки а Преславъ. Известия на Българското историческо дружество, т. XVI—XVIII. София, 1940, стр. 153. — Seure et Degrand. Exploration de quelques tells de la Thrace, стр. 386.

раннеземледельческой поры отнюдь не представляют явления, характерного только для юго-востока Европы. Такие захоронения имеют распространение в обширном ареале раннеземледельческих культур южного берега. Мы встречаемся с ними в Фессалии (Веррелва), в древних слоях Трон, в напластованиях холма Алишар, в поселениях неолитической гасульской культуры (Палестина) и даже далеко на востоке — в Анау. Интересно, что под жилищами на Гасульских холмах обычно находили детские погребения.¹ То же было отмечено при раскопках в Анау в старые годы и совсем недавно в Намазгар-Депе (Туркменская ССР). В Намазгар-Депе в 1949—1950 гг. был раскопан многокамерный дом, построенный из сырцового кирпича, под полом и стенами которого оказалось около десяти захоронений детей. Хронологически захоронения, видимо, совпадают с этапом Анау III.² В поздне-неолитическом селище Гунна (южный Кавказ) Б. А. Куфтин раскрыл под полом жилища погребение подростка и сохранил его с аналогичными культовыми погребениями восточной части Малой Азии.³ Из серии археологических фактов, относящихся к значительно более позднему времени, можно указать на детские погребения в глиняных корчагах, неоднократно встречаемые под полом или фундаментом стен в Неаполе-Скифском.

Проявление этого древнего обряда, в той же самой или видоизмененной форме даже в славянской среде, кажется, можно объяснить живучестью традиции, пришедшей в юго-восточную Европу вместе с трипольскими, точнее раннеземледельческими, племенами из южных широт. Так, например, в б. Галиции, как сообщил нам А. Я. Брюсов, наблюдались случаи погребения детей в палисаднике, у дома. Факты погребения детей под полом хаты общеизвестны. Совершенно аналогичным для славянской обрядности явлением служит и пример захоронения некрещеных детей под полом

жилища у современных феллахов-христиан в Египте.¹

Что же могло породить этот странный обряд? Р. Попов объясняет присутствие костей человека в жилищах каннибализмом, причем свое предположение он подкрепляет совершенно неаргументированным наблюдением о следах насильственной смерти, якобы имевшихся на костях.² Позднее к мнению Р. Попова примкнул Д. Костов, тоже видевший в находках костей свидетельство антропофагии.³ В. А. Городцов держится иной точки зрения. Он объясняет присутствие костей человека в жилищах в разрозненном состоянии перестройками, нарушавшими захоронения.⁴ Мнение В. А. Городцова снимает ошибочные домыслы Р. Попова и Д. Костова, но еще не дает решения вопроса.

В. Миков предложил свое истолкование для находок значительного числа скелетов людей, обнаруженных в близком соседстве с жилищами на поселении Балбувар. По его мнению, погребения в Балбуваре указывают на существование культа мертвых, на единство представления о земном и загробном существовании.⁵ Действительно, в определенной части мнение В. Микова находит свое подтверждение в самой психологии родового общества, отражающем родовую связь между членом рода и сородичами, ту кровную общность, которая объединяет живущих и усопших у одного очага. Уточняя же дальше связанные с этим обрядом воззрения, мы неизбежно придем к идее возрождения, обратимости, в конечном счете вполне созвучной идее плодородия, увеличения семьи, рода и благополучия его. Может быть, этим объясняются погребения в доме чаще всего молодых индивидуумов. Погребение послета под полом хаты и посыпание его зерном, посыпание зерном покойника или места, где лежал покойник, так называемое поминаль-

¹ М. Э. Матье. Колтские и египетские магические женские статуэтки. Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. I, 1939, стр. 3.

² Р. Поповъ. Коджа-Дерменската могила... стр. 151—152. — Р. Поповъ. Голомата и Малката пещера... стр. 331.

³ Д. Костовъ. Предисторическата могила до Русе... стр. 70.

⁴ В. А. Городцов. Нижнедунайская культура... стр. 311.

⁵ В. Миковъ. Селищката могила при с. Балбуваръ, стр. 278.

¹ Б. Грозный. Доисторические судьбы Передней Азии. Вестн. древн. истор., № 3—4, 1940, М., стр. 28.

² Раскопки производились под общим руководством М. Е. Массона и начальника отряда Б. А. Литвиненко. Сведения о погребениях любезно сообщил сотрудник экспедиции В. М. Массон.

³ Б. Я. Куфтин. Археологическое раскопки 1947 года в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 42—43.

ное посыпание зерном на могиле, только подчеркивают связь этих обрядов с культом плодородия.¹

В свете культа плодородия, может быть, найдут свое объяснение крайне интересные погребения людей в зерновых ямах. Такие погребения были встречены П. Н. Шульцем при раскопках Неаполя-Скифского, а еще ранее — на Варваровском поселении на Буге (IV—III в. до н. э.).² Имеются сведения о захоронениях человека в зерновой яме и на поселении около Инкермана (VII в. до н. э.), обнаруженных Е. В. Веймарном и его сотрудниками в 1950 г. При раскопках хозяйственных ям на поселении кизилкобинской культуры у деревни Нейзац, в Крыму, Г. А. Бонч-Осмоловский тоже встретил в одной из ям разрозненные кости ребенка.³ Нельзя не указать на интереснейшее захоронение римского времени, встреченное В. В. Шкорпиллом при раскопках в Керчи. Захоронение оказалось на полу большой зерновой ямы, перекрытой, как обычно, сверху каменной плитой и сообщавшейся посредством специального хода с колодцем, снабженным круто расположенными ступеньками (дромосом).⁴ Однако рассмотренные захоронения в зерновых ямах составляет специальную и еще не разработанную тему, и мы затронули ее с тем,

чтобы обратить внимание на ритуальность таких захоронений, видимо, связанную с культом плодородия, возникшим в земледельческой среде.

В обряде погребений именно в жилищах, с точки зрения исторической преемственности, нет ничего удивительного. Начиная с эпохи палеолита, мы постоянно встречаемся с погребениями на месте жилья (пещеры и открытые местонахождения).

В ряде неолитических памятников поселений лесной полосы тоже отмечается присутствие погребений. М. Е. Фосс специально изучала этот вопрос, получивший в ее работе свое освещение.¹ Таким образом, погребения в раннеземледельческих жилищах имеют очень древнюю традицию, восходящую еще к палеолитическому неку.

В условиях раннеземледельческого быта система представлений, связанных с погребением в жилище, была, видимо, иной, причем возможно, что погребения в жилищах имели и жертвенное значение.

Во всем только что сказанном мы попытались объяснить лишь одну сторону погребального культа у ранних земледельцев юго-востока Европы, вовсе не претендуя на разрешение всей проблемы погребального ритуала. Вместе с тем наше изложение имело и другую цель — объяснить оставшиеся до сих пор загадочными находки костей человека в целом ряде правобережных трипольских местонахождений.

В свете приведенных материалов представляется возможным заключить, что в трипольскую эпоху существовал культ, связанный с идеей возрождения, обратимости, выражавшейся в определенной обрядности — погребениях в жилищах. Кажется вероятным при этом, что формы этого погребального ритуала или обрядности могли быть различны: в виде трупосожжения,² трупо-

¹ М. К. Каргер сообщил нам ряд интересных фактов, указывающих на определенную связь погребальных обрядов с культом плодородия, бытовавших в древнеславянской среде. Приводим их. В киевском некрополе в 90-х годах XIX в. в усадьбе Софийского собора строительными работами было разрушено древнее погребение с сожженным. В. В. Хвойко отмечает, что на погребальном кострище были найдены поджаренные зерна пшеницы и проса, расположенные слоями. С. С. Гамченко при раскопках в б. усадьбе Трубецкого обнаружил погребение X—XI вв., причем погребенный был обильно посыпан льняным семенем около черепа, воле обеих рук, по сторонам тазовых костей и у ступней обеих ног. Обычай сыпать в могилу хлебные зерна известен и по другим древнерусским кладбищам. Так, под некоторыми костями, обнаруженными А. В. Арпиховским у церкви Ильи Пророка на Славне в Новгороде (захоронения датируются XV в.), были обнаружены хлебные зерна.

² П. Н. Шульц. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. КСИИМК, вып. V, М.—Л., 1940, стр. 73.

³ Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторическая культура Крыма. Крым, № 2, М., 1928, стр. 93.

⁴ В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. Изв. Археолог. комиссии, вып. 25, СПб., 1907, стр. 28.

¹ Тр. Гос. Историч. музея, т. VIII, М., 1938.

² В. В. Хвойко в статье «Обряд погребения с сожжением и его древность» (стр. 1—11) высказал ряд интересных мыслей. Опираясь на раскопки трипольских местонахождений, он полагает, что обряд погребений путем сожжения возник в юго-восточноевропейской (прикарпатской) древнеземледельческой среде и отсюда вместе с передвижением трипольских племен распространился на Балканы и далее на юг. В этой же статье В. В. Хвойко попытался дать классификацию обрядов, связанных с трупосожжением. В настоящее время указанная работа В. В. Хвойко устарела, но в свое время сыграла большую роль, внося историческое содержание и изучение проблемы триполья.

положения и, возможно даже, частичного захоронения. По всей вероятности, по этому обряду хоронили преимущественно детей и юношей.

Конечно, все изложенное, повторяем, не решает всей проблемы погребальной обрядности у ранних земледельцев правобережной Украины, так же как и не исчерпывает существа древних представлений, связанных с идеей плодородия. К последней мы еще вернемся при рассмотрении скульптуры из Луки-Врублевской. Что же касается погребения в жилище № 5, то научное значение его из всего вышеизложенного становится, как нам кажется, вполне очевидным.

УКРАШЕНИЯ

При раскопках жилищ в Луке-Врублевской изредка встречались различные украшения. Материалом для изготовления украшений служила медь, кость, рог, зубы животных, раковины речных двустворчатых *Union* и, наконец, глина. Видно, не все украшения выполняли свою прямую роль; некоторые из них имели и ритуальное значение.

К числу медных украшений с полным основанием можно отнести крупный обломок височного кольца, кусочки тонкой проволоки и миниатюрную цилиндрическую подвеску. Об этих находках уже говорилось, когда речь шла о медных изделиях. Украшений из кости, если не считать сомнительных, в общем очень немного (табл. 71). Можно, например, указать на три пронизки, сделанные из коротких (до 2 см) обрезков трубчатых костей мелких птиц или грызунов. Поверхность пронизок сильно залощена от постоянного соприкосновения их при ношении с одеждой или телом человека. Концы же пронизок зашлифованы нитью (табл. 71, и, ф, ч).

Кости рыб, как правило, не использовались для поделок. Только в одном случае был найден позвонок крупного сома с отверстием в центре (табл. 71, е).

Интересна также фаланга быка с пробитым отверстием у головки эпифиза (табл. 71, и).

К числу роговых изделий относится одна небольшая пластинка прямоугольного очертания, снабженная отверстием. Длина ее 4.5, ширина 1.5 см.

Более широко представлены украшения из зубов животных. В эту группу находок

входят: просверленные в корневой части клыки оленя (3 экз.) (табл. 71, у, г)¹ и подвески из клыков кабана (5 экз.) (табл. 71, ж, з, е, к, ц). Как известно, подвески из зубов животных составляют одно из любимых и широко распространенных видов украшений, начиная с эпохи палеолита и вплоть до средневековья. Из пяти подвесок из клыка кабана две найдены в мелких обломках, остальные три почти целыми. Один из хорошо сохранившихся экземпляров представляет собой расщепленный вдоль длинный клык кабана. В корневой части он имеет просверленное отверстие очень малого диаметра (табл. 71, ч). Второй экземпляр — крупный клык старой особи, на конце также имеет просверленное отверстие (табл. 71, к). Третья подвеска выделана из пластинки, вернее коронки клыка кабана, причем конец подвески несколько приострен. Подвеска также снабжена отверстием для нити (табл. 71, з).

Подвески из кабаньих клыков служили не только в качестве украшений, но в них вкладывался и обрядовый смысл. Этнографические источники дают многочисленные примеры использования клыков животных, и в том числе кабана, в качестве оберегов от злых духов, охранителей от болезней, амулетов, способствующих удаче в воинских делах и т. п.

Обращает на себя внимание крупный клык кабана с просверленным на конце отверстием для продевания нити или ремешка (табл. 71, к). Интересен он в том отношении, что поверхность его около отверстия и несколько выше, до самого конца клыка, сильно заполирована или залощена, и наоборот, ниже отверстия весь его корпус лишен сколько-нибудь заметной заполированности. Этими признаками данная находка отличается от других подвесок из зубов и костей животных, которые, как правило, бывают заполированы сплошь. В связи со сказанным нам кажется возможным сделать следующее заключение: крупный клык кабана служил в качестве оберега животного. Подвешенный к шее животного клык соприкасался с шерстью лишь изредка, за исключением верхней его части со сверлиной, постоянно испытывавшей тре-

¹ На одном клыке имеется след окиси меди. Возможно, что подвеска висела на медном колечке или находилась рядом с медной подвеской в низке ожерелья.

ние, вследствие чего этот конец подвески и носит столь заметные следы заполированности. Совсем иная картина распределения заполированности наблюдается на подвесках, которыми пользовался человек. Обычно такие подвески залощены по всей поверхности от постоянного соприкосновения их с телом или одеждой человека. Это нетрудно установить на самих археологических объектах. Таким образом, это наше наблюдение оказывается небезынтересным, так как раскрывает еще одну деталь религиозных верований ранних земледельцев, пытавшихся с помощью магических обрядностей (применением оберегов) сохранить себя и свое основное богатство — скот — от злых начал.

Для украшений использовались также и створки раковин *Ulio*. Особенно интересны небольшие пластинки, изготовленные из створок этого моллюска. Пластинки эти невелики (4×2 см), имеют прямоугольные и овальные очертания и обработаны при шлифовке. Найдено их шесть и только в жилище № 5. Две пластинки снабжены у коротких сторон попарно расположенными отверстиями, следовательно, они являлись украшением головного убора или одежды. Четыре другие пластинки не имеют отверстий и могут рассматриваться как заготовки для подобного рода украшений (рис. 38; табл. 71, *т*). По своему облику эти перламутровые пластинки очень напоминают пластинки из клыка кабана, широко представленные в Мариупольском могильнике, а еще больше — пластинку, выделанную из коронки клыка кабана, найденную в Султане.¹

Особенно широко использовались створки раковины *Ulio* для изготовления простейших подвесок (рис. 38; табл. 71, *с*). Обычно створки пробивались насквозь в центре, и ряд таких ракушек с отверстиями, будучи нанизанными на нить, составлял ожерелье. Створок раковин с отверстием найдено более 50, причем в жилище № 5 они лежали на полу группами по несколько штук вместе, как бы находясь в связке ожерелья.

Глиняные украшения состоят из бус (3 экз.) и мало еще понятных бляшек с отверстиями (2 экз.; табл. 71, *а, б, в, р*). Глиняные бусы представляют собой мелкие круглые или овальные шарики с от-

верстием для нити. Глиняные бляшки имеют вид выпуклых округлых лепешек малого диаметра (до 2 см) с четырьмя попарно расположенными отверстиями, сделанными еще до обжига этих изделий. Их тоже, по видимому, нашивали на одежду или головной убор.

Не все украшения, найденные в Луке-Врублевецкой, имеют свои аналогии в раннеземледельческих памятниках. Так, например, пластинки из раковин остаются пока уникальными находками, так же как и височное медное кольцо. Другие же украшения вполне соответствуют таким же находкам из других раннеземледельческих поселений. К примеру, с ракушками с пробитыми в центре отверстиями мы встречаемся в памятниках позднего триполья (Шебалат, Лукаши), их присутствие может быть отмечено и в более раннем памятнике — Фрумушице (этап В-I—В-II) или Коджа-Дермене и Банята. То же можно сказать и о глиняных бусах. Они известны из Шипениц, а также по раскопкам В. В. Хвойко в поднепровских памятниках и в Румынии (Фрумушица и другие).

Особую группу украшений составляют кружки, сделанные из обломков орнаментированной керамики. В центре этих изделий имеется небольшое отверстие для нити. По внешнему виду керамические кружочки со сверлиной могут быть легко приняты за прислица. Однако такое заключение было бы поспешным. Против него говорит слишком малый диаметр отверстий в кружках, заметная заполированность краев сверлины от нити и зашлифованность окружности самих изделий (табл. 72, *г—и*).

Нет надобности останавливаться на том широком ареале, в пределах которого отмечаются находки кружочков, выделанных из обломков орнаментированных сосудов. Укажем только, что они распространены в странах древнего Востока, в восточном Средиземноморье, на Балканах, в центральной и юго-восточной Европе.

Малочисленность найденных в Луке-Врублевецкой украшений не дает возможности для каких-либо более или менее широких выводов. К тому же и сам набор украшений довольно однообразен и лишен специфических черт. Поэтому мы ограничились только перечислением обнаруженных украшений, избегая привлечения широкого круга аналогий, которые могут быть и очень

¹ В. М и к о в а. Могилата при с. Султана. . .

многочисленны (например для просверленных клыков оленя, керамических кружков со сверлиной), и очень ограничены (например для ракушек с пробитым отверстием), или их может не быть вовсе (пластинки из Uño).

ИГРАЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

К этой группе находок могут быть отнесены: 1) астрагал овцы или козы, сточенный с двух сторон; 2) фаланги быка с пробитым отверстием; 3) глиняные конусики.

Что касается острагала со сточенными боковой и внутренней поверхностями, то его назначение в качестве принадлежности для игры не вызывает сомнений (табл. 26, м). Астрагалы в значительном числе известны из памятников эпохи бронзы и более поздних местонахождений, и не только в пределах Украины. В раннеземледельческих памятниках юго-востока Европы находки астрагалов в общем редки и, кроме Луки-Врублевецкой, могут быть отмечены одним астрагалом из Поливанова Яра, а также из поселений Боятешти (Румыния), Мадара и Коджа-Дермен (Болгария). Даже на основании этих пяти пунктов, где встречены астрагалы, можно заключить, что игра с астрагалами не представляла узко местного явления, хотя они и не известны пока в трипольских памятниках восточнее Днестра.

К числу игровых принадлежностей мы условно относим и две фаланги быка с пробитым ближе к эпифизарной части отверстием (рис. 37; табл. 26, и, к). Отверстия имеют округлые или овальные очертания и локализируются на одной стенке (диаметр отверстий 1.5×2, 1×1.5 см). Кроме Луки-Врублевецкой, аналогичные изделия найдены в других раннеземледельческих местонахождениях на Украине — в Сабатиновке II, а также в Мадаре, Русе, пещере Морвица (Болгария). Известны они также из неолитических и даже позднепалеолитических стоянок средней и северной полосы Европы. Впрочем, фаланга с пробитым отверстием была найдена в мадленском горизонте центральноевропейского поселения в Янковиче.¹

Исследователи не раз высказывали свои суждения по поводу назначения этих изделий; их называли свистульками, игольниками, застегками и т. п. Однако все названные предположения остаются практически мало обоснованными. Наше предположение об игральном назначении фаланг с отверстием больше основывается на длительной традиции игры в бабки с устойчивыми приемами утяжеления игровой кости, чем на каких-нибудь других фактах. Возможно, что игра с применением фаланг с отверстием восходит к древним местным традициям, широко распространенным в Европе задолго до трипольской культуры.

Также пока неопределенны, с точки зрения назначения, и глиняные конусики. В Луке-Врублевецкой найдено 5 конусиков (табл. 71, л—п). Они представляют собой миниатюрные изделия, редко 2 см высоты чаще меньше. Основание конусиков в большинстве случаев вогнутое и малого диаметра (до 1.5 см). Эти поделки неправильно определяют как пинтадеры, с которыми они не имеют почти никакого сходства. Небольшие размеры конусиков и малая вероятность использования их в практических целях позволяют высказать предположение, что они служили в качестве игровых фишек. На широкое распространение глиняных конусиков в раннеземледельческих памятниках обратила внимание Т. С. Пассек. Нам остается только дополнить данные Т. С. Пассек находками конусиков в Луке-Врублевецкой и восточнее — в Немировском поселении (Валы), а также западнее — в Фрумушице, Пристерхюгеле и даже в Винче.

Таким образом, прослеживается ареал глиняных конусиков от Побужья до Подунавья в памятниках триполья и линейно-ленточной керамики.

Определенный интерес представляет погремушка, найденная в жилище № 5 (рис. 39; табл. 73, е). Она изготовлена из обожженной глины, имеет вытянуто-яйцевидную форму и несколько неравномерно утолщенные стенки. Внутри погремушки оказалось 12 миниатюрных глиняных шариков. Продольный диаметр погремушки 6 см, поперечный — 3 см; диаметр шариков до 5 мм. Аналогий для погремушки в памятниках раннеземледельческих племен пока не известно. По сведениям Т. С. Пассек, при раскопках детского погребения в позднетрипольском могильнике в Выхватинцах (Молдав-

¹ Der Römisch-Germanischen Kommission 1934/35, Берлин, 1937, табл. V, рис. 6.

ская ССР, Рыбницкий район) ею в 1952 г. была найдена глиняная погремушка. По принципу устройства и форме она больше всего напоминает глиняную погремушку из Армавирского кургана (раскопки Н. И. Веселовского). Возможно, что и постоянно находимые при раскопках жилищ глиняные шарики (диаметр 2—2.5 см) тоже принадлежат к предметам детских забав.

ОБЛОМКИ МОДЕЛЕЙ ЖИЛИЩ

Среди керамических изделий, найденных в жилище № 5, обращает на себя внимание обломок глиняной плитки с закругленным углом (размеры обломка 5.5×4.5 см, толщина 1.2 см). На верхней плоскости об-

а

б

Рис. 67. Жилище № 5. Фрагмент модели жилища.

а — вид сверху; б — вид сбоку.

ломка имеется миниатюрный выступ, а с противоположной стороны — след от утраченной ножки. Несмотря на фрагментарность предмета, в нем все же нетрудно узнать обломок глиняной модельки жилища, точнее обломок сенцев (рис. 67; табл. 74, а). Почти во всех жилищах были обнаружены

и глиняные ножки от моделей жилищ. Их найдено более 15, причем все ножки имеют усеченно-коническую форму (рис. 68; табл. 74, б—г); высота их от 6.5 до 9 см. Помимо того, некоторые совсем миниатюрные сосудики, встреченные в ряде жилых углублений в Луке-Врублевецкой, видимо, составляют принадлежность внутреннего убранства моделей жилищ. Находки обломков моделей жилищ в Луке-Врублевецкой являются первым свидетельством присутствия их и в памятниках раннего триполья и вместе с тем первыми находками в бассейне Днестра.

Глиняные модельки жилищ сейчас уже не представляют редкого явления и встре-

Рис. 68. Ножки от моделей жилищ.

чаются в памятниках трипольского типа не только на правобережной Украине. Они известны в ряде местонахождений Болгарии, Чехословакии и Польши. Но самыми интересными остаются все же украинские собрания, интересными потому, что передают любопытнейшие архитектурные и бытовые детали, способствующие реконструкции домостроительства, внутренней обстановки жилищ и даже некоторых производственных моментов. Т. С. Пассек исследовала вопрос о модельках жилищ, используя при этом имеющиеся материалы по отечественным и зарубежным собраниям.¹ Она приходит к выводу, что модели жилищ отражают реальные формы домостроительства, планировку и внутреннее убранство жилищ. Не вызывает возражений и заключение автора о ритуальном назначении моделей, хотя последнее требует еще дополни-

¹ Т. С. П а с с е к. Периодизация. . . , стр. 78, 99—100, 122—126.

тельных исследований, направленных на дешифровку тех культовых представлений, которые сопутствовали или породили эти предметы культа.

При сравнении фрагмента модели жилища, найденного в Луке-Врублевской, с модельками из других местонахождений прежде всего бросается в глаза морфологическое сходство его с архитектурными деталями, отмеченными на моделях, известных из ряда местонахождений правобережной Украины. Имеются а виду так называемые открытые модели (т. е. без кровли) из Владимировки, Сушковки,¹ Попудни.² Они значительно отличаются от моделей, найденных в Чехословакии³ или Болгарии,⁴ которые передают покрытый двускатной крышей домик без выступа-платформы и без ножек или куполообразное жилище (Деве-Берган). Однако эти различия имеют скорее типологическое, чем функциональное значение. При оценке научной значимости обломка модели из Луки-Врублевской приходится считаться с условиями, в которых сделана эта находка и группа ножек от моделей.

Прежде всего кажется необъяснимым присутствие модели жилища в памятнике, где пока еще не найдено глинобитных жилых сооружений. Из этого можно сделать вывод, что модель сделана по образцам, уже бытовавшим где-то поблизости не только в виде моделей, но и самих глинобитных жилищ. Такой вывод имеет существенное значение для сближения во времени Луки-Врублевской с памятниками развитого триполья. Таким образом, в период существования Луки-Врублевской уже сложились приемы постройки глинобитных жилищ, примером чему может служить расположенное поблизости поселение Ленковцы. Следовательно, рассматривать Луку-Врублевскую как «доплощадочный» этап нет достаточных оснований. Нет оснований также рассма-

тривать обломок модельки жилища из Луки-Врублевской как предмет привнесения. Этому противоречит множество находок ножек от моделей, которые резко отличаются от ножек столиков или креслиц, очень распространенных в раннеземледельческих памятниках юго-востока Европы, но зато целиком похожи на ножки от моделей из правобережных украинских памятников. О местном производстве моделей говорят и другие факты — состав глиняного теста, характер обжига и т. п.

Можно ли, однако, считать, что глиняные модельки возникли в местной среде? На этот вопрос ответить определенно еще довольно трудно. Во всяком случае, их широкая распространенность на юго-востоке Европы, хотя и в разных вариантах, говорит о сходстве верований на этой обширной территории. Однако это не исключает и предположения о привнесении самих идей, производственных навыков и первых образцов моделей из стран древнего Востока через острова восточного Средиземноморья, где тоже имели место находки моделей жилищ на ранних земледельческих поселениях.

Имеются бесспорные свидетельства того, что глиняные модели жилищ, найденные в раннеземледельческих поселениях Переднего Востока, служили культовым целям, являясь своеобразным хранилищем для костей умершего сородича,¹ так же как и погребальные урны, изображающие жилища, найденные в ряде пунктов Европы.² В этом отношении модели жилищ выполняли роль оссуариев, часто имитирующих форму домов. Болгарские и чешские модели могут быть истолкованы как уменьшенные копии глиняных оссуариев, утративших свое реальное значение в раннеземледельческой среде юго-востока Европы и приобретших здесь иное назначение, скажем как место обитания душ усопших. Открытые же модельки жилищ не проявляют сходства с моделями из зарубежных юго-восточноевропейских местонахождений, и поэтому решение вопроса в том же направлении, т. е. что они являются редуцированными формами оссуариев, вызывает затруднения, но не отри-

¹ Там же, стр. 100, рис. 54, 55, стр. 125, рис. 69, 4.

² Światowit, т. XIV (1930—1931), Варшава, 1933, табл. XVI—XVII.

³ Изв. ГАИМК, т. V, л., 1927, стр. 326, рис. 1—3.

⁴ Известия на Българското археологическо дружество, т. VI, София, 1919, стр. 133—134. — Известия на Българския археологически институт, т. III, София, 1925, стр. 235. — S. Casson. Macedonia, Thrace and Illyria. Оксфорд, 1926, стр. 113.

¹ Б. Грозный. Доисторические судьбы Передней Азии, стр. 28.

² W. Schulz. Das Germanische Haus in vorgeschichtlicher Zeit. Mannus-Bibliothek, т. II, Лейпциг, 1923, стр. 62—69.

цание. Если действительно в какой бы то ни было мере глиняные модели жилищ триполья стоят в связи с культом предков, то их значение в общих чертах отражает те культы, которые указывают на заботы о мертвых, стоящие в связи с идеей о благополучии и плодородии в живом обществе. Такая точка зрения вполне согласуется с выводом Т. С. Пассек о ритуальном назначении глиняных моделей, высказанная ею и аргументированная несколько иными соображениями.

СКУЛЬПТУРА

Антропоморфные изображения

Нам уже приходилось кратко говорить о скульптуре из Луки-Врублевецкой, хотя в нашем распоряжении тогда было сравнительно небольшое количество терракот.¹ В настоящее время коллекция скульптур из Луки-Врублевецкой состоит из 283 изображений людей и животных, составляющих действительно уникальное собрание не только в СССР, но и среди зарубежных коллекций раннеземледельческой скульптуры.

Для большей последовательности изложения и полноты характеристики материала следует прежде всего дать классификацию скульптуры Луки-Врублевецкой, учитывая те признаки, которые позволяют внести некоторое разграничение между отдельными группами.²

Надо сказать, что из группы скульптур мы исключили здесь стилизованные фигурки людей, входящие в скульптурное оформление сосудов с полыми кольцевыми подставками. Сделано это только потому, что их более удобно рассматривать в связи с глиняной посудой, для которой они являются специфическими деталями. По существу же

¹ С. Н. Бибилов. Поселение Луки-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР. Сов. археолог., т. XI, М.—Л., 1949.

² По классификации трипольской антропоморфной скульптуры см. работы: А. Скряленко. Глиняные статуэтки домикенской культуры, открытой в Среднем Поднепровье. Тр. XII археолог. съезда, т. I, 1905. — Н. Макаренко. Sculpture de la civilisation Trypillienne en Ukraine. Jahrb. f. prähist. u. ethnogr. Kunst, 1927. — Н. Селак. Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce. Swiatowit, т. XIV (1930—1931), Варшава, 1933. — К. Мажевский. Chronologia i styl plastiki figuratywnej zachodnotrypilskiej. Archeologia, т. II, Вратель, 1948.

они представляют собой определенный раздел скульптуры, по стилистическим признакам сближающейся с большой группой статуэток, изображающих людей. Таким образом, при расчленении материала мы в доступной нам мере руководствовались и различиями в функциях скульптурных изделий. Именно поэтому мы не останавливаемся детально в настоящем разделе на скульптурных изображениях рук, равно как и на сильно стилизованных головках животных, служивших ручками для сосудов, но включаем сюда, например, налепы на керамике, изображающие головки животных с меньшей степенью стилизации. Они хотя и являются также элементами сосудов, все же в силу большей законченности выполнения стоят ближе к скульптурным фигуркам и условно могут рассматриваться как самостоятельные единицы.

Прежде всего сделаем несколько общих замечаний о материале, из которого изготовлены статуэтки, и о приемах моделировки скульптур.

Большая часть статуэток вылеплена из хорошо отмученной глины, меньшая часть выделана из глины более грубой и комковатой. В общем состав глиняного теста, из которого изготовлены статуэтки, не отличается от теста, употреблявшегося для выделки столовой (не кухонной) или другой бытовой посуды.

Обжиг фигурок различный. Имеются статуэтки очень хорошего обжига, доведенного почти до предельной закалки; статуэтки среднего обжига сохраняют пористость теста и некоторую рыхлость его, и, наконец, слабо обожженные отличаются рыхлостью теста, слабой механической устойчивостью и легко впитывают влагу. Цвет статуэток во многом зависит от степени обжига их. Цветовая гамма дает в качестве основных цветов серый, палевый, розовый, оранжевый. Каждый из названных колеров имеет различные оттенки светлых и темных тонов. Значительная группа статуэток имеет темный, почти черный цвет, что связано со специальной отделкой поверхности — лощением, вероятно с помощью графита и соли. Поверхность таких статуэток хорошо глажена и имеет блеск. Для большинства статуэток можно отметить и наличие ангоба, покрывающего поверхность фигурок коркой из тонкоструктурной глины.

Моделировка статуэток происходила ручным способом, причем в одних случаях фигурки целиком лепились из одного комка глины, в других, значительно реже, составлялись как бы из двух продольных половинок. О последнем приеме говорят находки половинок фигурок с ясными следами склеивания одной половины с другой.¹

подавляющее большинство статуэток найдено разбитыми. В сущности говоря, целых статуэток всего лишь пять, т. е. около 2% от общего количества находок их, причем две из них удалось составить из разрозненных частей.

По внешним признакам статуэтки разделяются на ряд групп, хотя и близких по стилю и сюжету, но все же имеющих свои отличия. Статуэтки могут быть разделены: 1) по половому признаку — на женские и мужские; 2) по положению — на сидящие (большинство фигурок), полусидящие и, как очень редкое исключение, прямые; 3) по величине — на крупные и мелкие; 4) орнаментированные и неорнаментированные; 5) по качеству выделки — на лучше выделанные и хуже выделанные; 6) по видимой примеси к глиняному тесту зерен или муки; 7) по степени натуралистичности исполнения — на более и менее натуралистичные; последнюю, восьмую, группу составляют статуэтки, имеющие индивидуальные черты.

Общей стилистической особенностью для всех групп статуэток являются определенные приемы формовки деталей туловища. Головки статуэток лишены какой бы то ни было натуралистической проработки деталей лица. Они имеют вполне установившийся и всегда повторяющийся вид конических отростков. Почти в той же стилизованной манере передаются и руки статуэток, с той лишь разницей, что конические отростки, их изображающие, имеют несколько укороченные пропорции и располагаются под прямым углом по отношению к туловищу. Ноги статуэток в подавляющем большинстве тоже выглядят как коническое окончание туловища, т. е. как бы спеленуты в виде «куколки». Названные скульптурные признаки присущи количественно самой большой группе статуэток,

являясь их общей чертой. Лишь несколько статуэток, в том числе и мужские фигурки, выделяются из всей серии расчлененностью ног, не говоря о половых признаках. Рассмотрим отдельные группы статуэток.

1. Женские статуэтки составляют, как говорилось, основную массу фигурок. Их нетрудно выделить по оформлению груди, переданной в виде двух полушаровидных выпуклостей, и по объемным пропорциям нижней половины тела. Седалищные части стеатопигичны и резко выделяются своей объемностью сравнительно с верхней половиной тела. Вообще следует сказать, что в отношении объемности на фигурках заметна некоторая дисгармоничность между верхней и нижней половиной тела. Итак, женские статуэтки имеют два главных признака, подчеркивающих их половую принадлежность, — наличие груди и массивную тазобедренную часть. В ряде случаев к этим признакам может быть добавлен и орнамент в виде ромба или треугольника с различными дополнениями, располагающийся в нижней части живота. Как известно, фигуры ромба и треугольника давно расшифрованы как изображения женского начала.

2. Мужских фигурок в нашем распоряжении очень немного, что, впрочем, вообще характерно для собраний пластических фигурок из раннеземледельческих поселений. вполне достоверно можно говорить о двух фигурках (рис. 27, б; табл. 75 а, б). Две другие настолько фрагментарны, что в них можно только предполагать мужские изображения. Две первые статуэтки, особенно одна из них, передают сидящую фигурку человека с гипертрофированным половым признаком. Прямой аналогией (но не сюжетной) фигуркам с гипертрофированным признаком пола может служить сидящая статуэтка мужчины, встреченная при раскопках М. Л. Макаревича в Сабатиновке II.

3. Размеры статуэток, может быть в какой-то мере зависящие от их функций, достаточно разнообразны. В нашей коллекции наиболее крупной может считаться статуэтка из очажной ямы 7 из жилого комплекса № 4: высота ее немногим более 15 см (рис. 27, а; табл. 76). Самая миниатюрная статуэтка имеет высоту не более 3 см. Средняя величина статуэток по приблизительному подсчету (учитывая, что подавляющее большинство фигурок найдено

¹ О таком же приеме лепки статуэток говорит О. Г. Котова, изучавшая пластические фигурки из Моравии (см.: О. Котова. Доисторическая культура в Моравии. Изв. ГАИМК, т. V, Л., 1927, стр. 342).

во фрагментарном виде) колеблется между 5 и 10 см.

4. Как мы уже указывали, статуэтки делятся на орнаментированные и неорнаментированные, причем первых значительно больше.

5. Качество выделки статуэток легко определяется на глаз. Статуэток хорошей и средней выделки больше, чем фигурок из грубого глиняного теста и плохого обжига.

6. Совершенно определенную группу статуэток составляют фигурки людей, имеющие в составе глиняного теста примесь злаковых зерен. Это настолько важно, что следует остановиться отдельно на каждой статуэтке. В нашем распоряжении сейчас находятся девять статуэток, на которых могут быть с полной очевидностью отмечены оттиски зерен на поверхности скульптур и в изломах. По пунктам раскопок статуэтки с зернами распределяются следующим образом. В жилище № 3 найдено три скульптуры, в жилище № 2 — одна фигурка, в жилом комплексе № 4 — четыре статуэтки и, наконец, в жилище № 5 найдена одна фигурка. Таким образом, во всех пунктах, на которых велись раскопки широкими площадями, имеют место находки глиняных фигурок с оттисками зерен. По характеру включений зерновых оттисков, их величине и размещению можно с уверенностью говорить о том, что зерна были замешаны в глину перед изготовлением статуэток. Приведем краткое описание фигурок с оттисками зерен.

Жилище № 3 (раскоп I)

1) Фрагмент тазобедренной части сидящей статуэтки (одна половина) довольно грубой лепки. Поверхность шероховатая. Обжиг средний, цвет светложелтый. Фрагмент имеет следы прочерченного орнамента. Размер 4.1×3.8 см. Группа оттисков зерен локализуется между ягодицами. Расположение оттисков случайное, причем среди зерновых отпечатков как будто имеются отпечатки половы (табл. 77, в).

2) Фрагмент статуэтки: тазобедренная часть с нижней половиной торса. Статуэтка вылеплена из двух половинок; сохранилась одна половинка. Лепка довольно грубая. Ягодица сформована в виде асимметричного бугорка (рис. 69, а; табл. 78, з). Обжиг средний, цвет серо-желтый. Размер $3.2 \times$

$\times 2.9$ см. Отпечатки зерен расположены по поверхности: один отпечаток на ягодице, другой на бедре.

3) Крупный фрагмент статуэтки. Сохранились ягодицы и нижняя треть туловища (рис. 70; табл. 77, а). Глина среднего качества, обжиг средний, цвет неравномерный — одна половина фигурки светлооранжевая, другая сильно закопчена, почти черная. Небрежный орнамент, нанесенный неглубокими прочерченными линиями, сделанными неровно обструганной палочкой или скорее сухой былинкой, покрывает почти всю статуэтку. Спереди орнамент имеет вид неравномерно расставленных и не строго параллельных линий. Одна кривая линия подчеркивает левое бедро. Сзади орнамент выражен слабо и на ягодицах изображает спираль. Размер 5.5×3.2 см. Статуэтка содержит большое количество оттисков зерен. Совершенно ясно выявляются оттиски зерен в изломе нижней части торса. Они располагаются здесь пояском. Но и по всей поверхности статуэтки можно насчитать 25 оттисков зерен, расположенных беспорядочно. Одни оттиски выглядят как очень четкие отпечатки зерен, даже со следами от борозды на зерне, другие выходят на поверхность статуэтки в виде небольших ямок. Ясно, что форма оттисков на поверхности статуэток зависела от положения зерен в глиняном тесте, в которое они в изрядном количестве были добавлены.

Жилой комплекс № 4 (раскоп III)

1) Фрагмент тазобедренной части статуэтки (одна половина). Глина пористая и слоистая, со значительной примесью песка. Обжиг ниже среднего, цвет светлооранжевый с белесоватыми пятнами. Размер 4×2.3 см. На седалищной части и бедре имеется три поверхностных оттиска зерен (рис. 69, б; табл. 78, а).

2) Фрагмент статуэтки: тазобедренная часть с ягодицей (рис. 71; табл. 78, б). Лепка грубая. Глина хорошо отмучена, обжиг средний, цвет светлооранжевый. Размер 4.2×2.1 см. На поверхности статуэтки имеется восемь оттисков зерен, расположенных бессистемно. Два оттиска сохраняют вполне отчетливый след бороады зерна. Кроме этих оттисков в изломе статуэтки хорошо видны еще два отпечатка зерен. Таким образом, на статуэтке заметно всего

Рис. 69. Фрагменты статуэток с отпечатками зерен. (Увеличено).
а—в — отпечатки целых зерен; г — отпечатки дробленого зерна.

десять оттисков зерен. Принимая во внимание небольшую величину фигурки, количество оттисков и их расположение, можно заключить, что в глине была значительная примесь зерен.

3. Фрагмент статуэтки; седалищная часть с частью туловища (рис. 69, *в*; табл. 78, *в*). Статуэтка сидящая, так же как

передающий руку (рис. 72; табл. 77, *б*). Головка фигурки, как обычно, вылеплена в виде конического отростка. Руки тоже даны в сильно стилизованной манере и показаны двумя небольшими коническими выступами. Торс статуэтки тонкий и слегка отведен назад, так же как почти у всех сидящих статуэток. Спереди орнамент про-

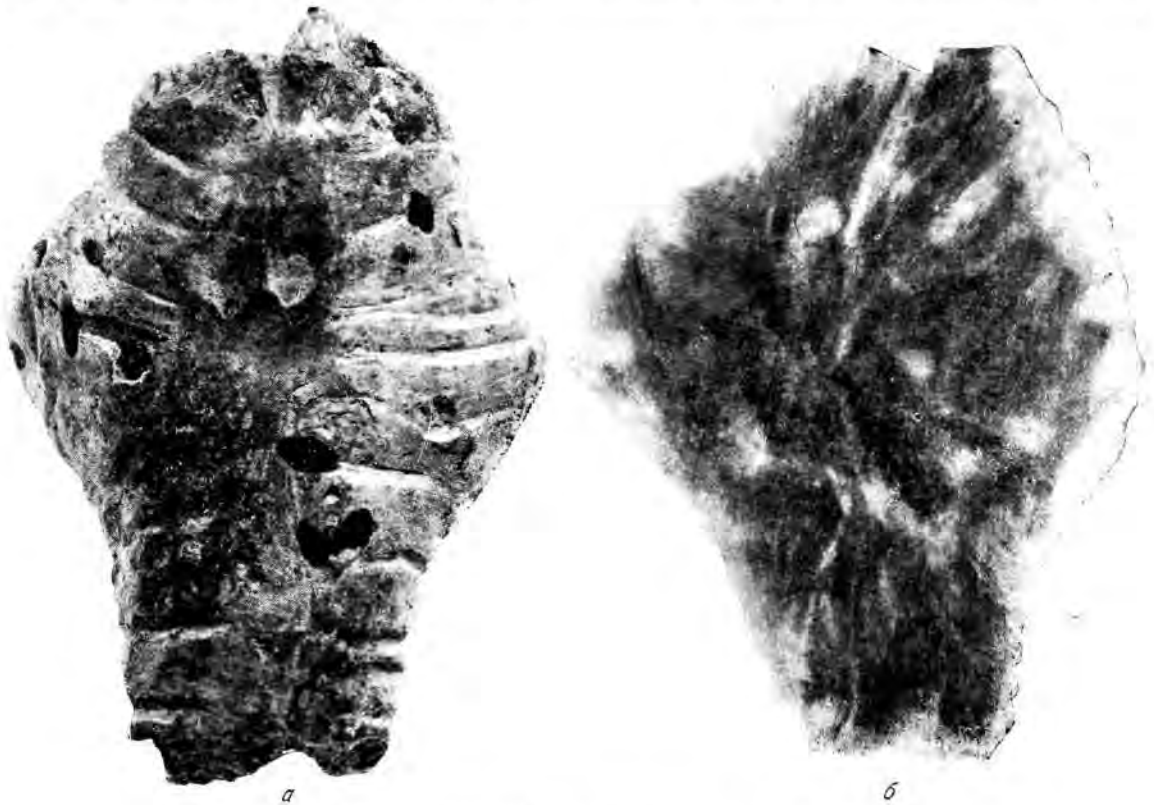

Рис. 70. Статуэтка с отпечатками зерен. (Увеличено).

а — фотографический снимок; *б* — рентгеноскопический снимок.

и все другие статуэтки с зерновыми оттисками. Ягодицы переданы в виде двух широко расставленных бугорков и вылеплены грубо. На спине статуэтки и в области живота заметны следы прочерченного орнамента, выполненного довольно небрежно. Глина хорошо отмучена. Цвет фигурки — сзади оранжевый, спереди темнопалевый. Обжиг довольно слабый. Размер 3.4×2.4 см. На статуэтке имеется девять оттисков: семь спереди и на бедрах, два на на крестце. Расположение оттисков беспорядочное.

4) Крупный фрагмент статуэтки. Отсутствуют ноги и поврежден левый выступ,

слеживается слабо, зато на спине и ягодицах отчетливо виден прочерченный узор в виде параллельных линий и спирали. Обжиг фигурки слабый; глина в изломе пористая и слоистая. Цвет неравномерный — светлооранжевый с темнопалевыми пятнами вследствие сильной закопченности. Размер 6×3 см. Оттиски зерен беспорядочно размещены по туловищу статуэтки, число их не менее десяти. В изломе хорошо заметны следы нескольких зерен в виде пустот.

Жилище № 5 (раскоп VII)

Фрагмент статуэтки: верхняя половина туловища. Коническая головка частично со-

хранилась у основания (табл. 77, з). Фигура имеет слабо выступающие конические плечевые отростки, около которых располагаются небольшие сквозные отверстия. Груды статуэтки имеют вид полушаровидных выпуклостей. Глиняное тесто слегка пористое, глина хорошо отмучена; обжиг средний, цвет светлооранжевый. Размер фигурки $4 \times 3,6$ см. На поверхности статуэтки, под левой грудью заметен один отпечаток зерна, сохранивший отпечаток борозды. Оттиск очень четко передает форму и величину зерна. Фигурка не орнаментирована.

Жилище № 2 (раскоп II)

До сих пор мы говорили о статуэтках, имеющих отчетливые оттиски целых зерен. Однако в одном случае на крупном фрагменте фигурки, сделанной из хорошо отмученной глины, совершенно бесспорно выявились оттиски дробленого зерна. Сохранилась седалищная часть статуэтки вместе с нижней половиной туловища и верхней частью ног (рис. 69, з; табл. 78, д). Обжиг статуэтки средний, цвет желтый. Размер $3,7 \times 2,2$ см. По всей поверхности статуэтки во множестве заметны очень небольшие ямки, по первому впечатлению — следы выпавшей крупнозернистой примеси к глиняному тесту. На самом же деле даже невооруженным глазом легко

увидеть, что некоторые ямки имеют перемычки, характерные для оттисков борозды зерна. Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем в глине примесь зерен не в целом, а в дробленном виде. В дополнение к сделанной находке можно добавить еще 12—15 фрагментов статуэток, на которых заметно нечто подобное тому, что мы отметили выше.

Итак, основываясь на находках статуэток с зернами, можно установить присутствие их в четырех пунктах раскопок на поселении Лука-Врублевская, — в жили-

щах №№ 2, 3, 4 и 5. Далее, судя по объемным пропорциям тела и половым признакам, эти статуэтки изображают женщин. Изготовлены они в сильно стилизованной манере и отличаются определенной небрежностью в формовке и системе орнаментации, выявленной на двух фигурках.

Повторяемость находок статуэток с оттисками зерен, встреченных в разных жилищах, сама по себе исключает предположение

Рис. 71. Статуэтка с отпечатками зерен пшеницы. (Увеличено).
а — фотографический снимок; б — рентгеноскопический снимок.

о случайности появления оттисков зерен на фигурках. Однако, чтобы устранить всякие сомнения и выяснить степень насыщенности зернами глинистой массы, из которой изготовлены статуэтки, мы прибегли к помощи рентгеновских лучей. Опыт дал прекрасные результаты. Рентгенолог Государственного Эрмитажа Т. Н. Сильченко сделал просвечивание шести фигурок с поверхностными оттисками зерен. Оказалось, что и внутри глиняной массы имеются продолговатые пустоты или даже группы пустот, совершенно отчетливо передающие в негативном изображении форму зерна. Это легко уста-

новить при сличении фотографии оригиналов с рентгеноскопическими снимками (рис. 70—72). Таким образом, применение рентгеновских лучей с полной очевидностью подтвердило предположение, что глина, из которой изготовлены статуэтки, содержала большое количество зерен.

О большей или меньшей натуралистичности антропоморфных фигурок приходится

туэтки женщин имеют, например, груди, хотя сам торс оформляется в правильных объемных пропорциях. Определенно натуралистичны и сидалищные части статуэток, зато ноги в большинстве своем передаются в одной и той же манере — в виде спеленутых «куколкой» конечностей. Кроме того, в разрозненном состоянии найдено и несколько более или менее крупных обломков

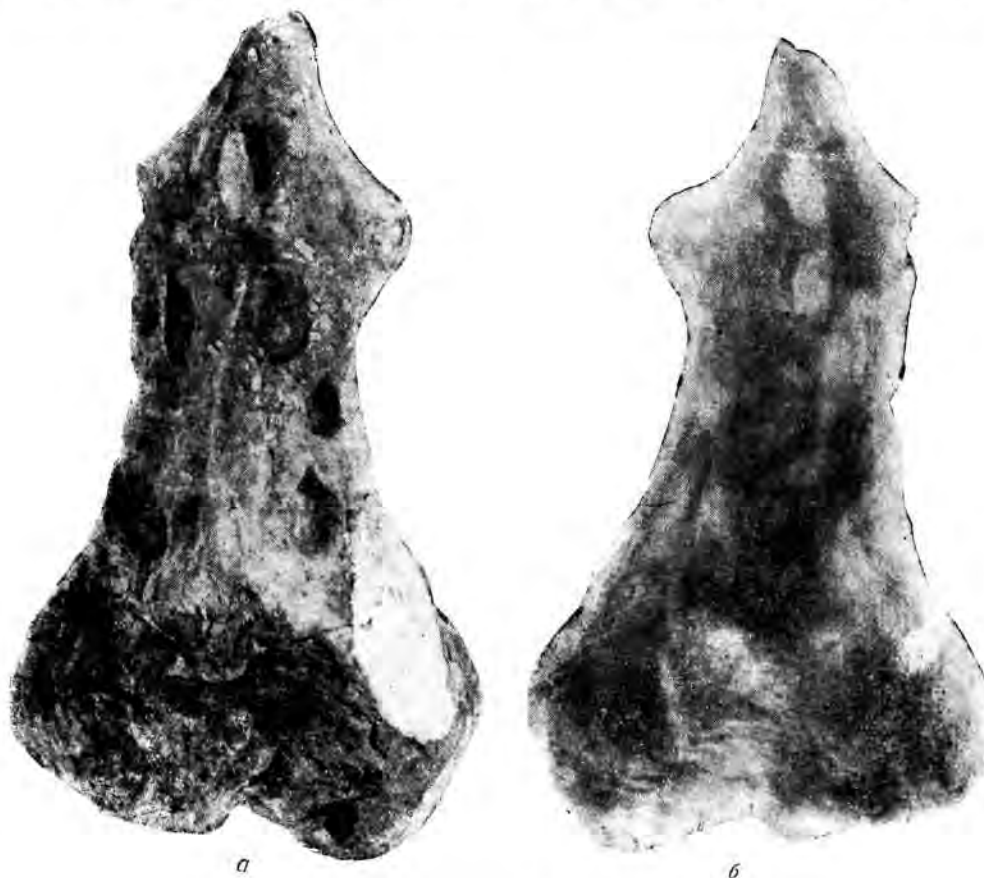

Рис. 72. Статуэтка с отпечатками зерен. (Увеличено).
 а — фотографический снимок; б — рентгеноскопический снимок.

говорить в известной мере условно. Дело в том, что стилизация и схематизация свойственны всем фигуркам. Поэтому если можно в этом направлении внести некоторые разграничения в собрание статуэток Луки-Врублевецкой, то это коснется только частных особенностей. Однако и эти частности следует учитывать при общей классификации. Черты натуралистичности могут быть отмечены в оформлении торса. Далеко не все ста-

ступней ног (табл. 79). Среди них имеются вполне натуралистичные изображения, верно передающие форму ступни, возможно одетой в мягкую обувь. Об элементах натуралистичности можно говорить и в отношении некоторых частей одежды или украшений, замеченных на статуэтках.

Все сказанное о натуралистичности антропоморфных статуэток касается лишь отдельных частных особенностей скульптурной проработки

стателей. Общим же стилем, определяющим основной характер скульптуры, является схематичность.

Наконец, последнюю группу составляют статуэтки, имеющие индивидуальные черты. О нескольких из них мы уже говорили в связи с разбором материалов, добытых при раскопках жилищ. Поэтому здесь мы укажем лишь на наиболее важные и интересные находки, дающие представление о некоторых отклонениях от установившегося, характерного для большинства статуэток схематического стиля; повторяем, о некоторых отклонениях, так как в целом статуэтки, сохраняя свою схематичность, имеют только частные детали натуралистического или дополнительного схематического порядка.

Прежде всего следует указать на статуэтку, имеющую руки, вылепленные в довольно реалистической манере: правая рука согнута в локте, кисть ее лежит на левом плече; левая рука несколько опущена книзу и держит какой-то предмет в виде вертикально стоящего валика. На статуэтке можно заметить деталь одежды — валик с насечками, вероятно изображающий меховую оторочку короткой куртки. На левой и правой руках также заметны короткие поперечные штрихи, быть может тоже изображающие мех. На спине этой статуэтки схематично изображены штриховыми линиями крылья (рис. 20, г; табл. 80, а).

Другая статуэтка также имеет вылепленные руки. Они опущены к низу живота и, соединяясь, переходят в прямой валик. Между предплечьями размещается какой-то предмет в виде валика, расширяющийся кверху, по сторонам которого проделаны два сквозных отверстия. Статуэтка имеет пояс. На спине фигурки заметны следы одного крыла, выполненного в том же стиле, что и на первой фигурке (рис. 11, в; табл. 80, б).

Вполне аналогична только что описанной и третья фигурка. Сохраняя почти то же положение рук, как на второй фигурке, она лишена, однако, «крыла» и сквозных отверстий в области груди (рис. 11, б; табл. 80, в).

В жилище № 5 встречена статуэтка, составленная из двух частей, найденных в разных местах квадрата. Она представляет собой полусидящую фигурку с конической головкой (частично утрачена), слегка вы-

ступающими плечевыми отростками и двумя сквозными отверстиями на месте грудей. Тазобедренная часть фигурки массивна, ноги расчленены. Нижняя половина ног утрачена. Орнаментация на статуэтке довольно бедна и имеет вид уже знакомых нам коротких, перпендикулярных насечек, расположенных параллельно по бедренным частям и ягодицам. Своеобразной чертой этой статуэтки является наличие рельефно вылепленного пояса. Поясок статуэтки также покрыт короткими, перпендикулярными насечками. По аналогии со статуэткой из жилища № 3, поясок является меховой оторочкой одежды или меховым кушаком (рис. 43, а; табл. 81).

Индивидуальными чертами наделена статуэтка из жилого комплекса № 4. Кроме пояса на талии, передника, отороченного мехом, статуэтка имеет еще изображение бляхи на животе и как будто обуви на ногах (рис. 27, в; табл. 82, а). Можно было бы умножить примеры статуэток с индивидуальными чертами, показав, например, наличие на одной статуэтке бедренных выступов, отверстия в центре груди и других деталей, но они почти ничего не добавят нового к общим стилистическим особенностям статуэток.

Несмотря на то что мы располагаем весьма большой группой орнаментированных фигурок, значительно большей, чем неорнаментированных (табл. 83—86 и табл. 87—112), все же, не поддаваясь первому впечатлению, приходится сказать, что декорировка их носит в большинстве своем вполне определенные и не слишком разнообразные черты.

Прежде всего следует отметить, что по данному признаку статуэтки нашей коллекции можно разделить на две группы: статуэтки, почти сплошь покрытые орнаментом, и статуэтки, у которых орнаментированы большие или меньшие участки поверхности. По количеству преобладающее положение занимает первая группа. Даже при таком общем разделении статуэток нужно считаться и с тем обстоятельством, что не всякая орнаментация может быть истолкована именно как декорировка. Устойчивость орнаментальных мотивов, вероятно, свидетельствует о каком-то смысловом значении ее. Кроме того, необходимо иметь в виду, что при всем схематизме в прорисовке на статуэтках в ряде случаев проглядывают

черты, передающие одежду или детали ее, а также и украшения.

Для всех ориентированных статуэток характерен углубленный, прорезной или, как иногда говорят, прочерченный узор. Это значит, что наносился он с помощью деревянного или костяного стека, заостренного на конце, т. е. техника нанесения орнамента на статуэтки аналогична той, с помощью которой ориентировались сосуды. Конические головки статуэток и конические отростки, изображающие руки фигурок, не ориентировались.

Особенно внимательно и нарядно украшались нижняя часть торса, ягодицы и сомкнутые ноги статуэток. У значительной части статуэток верхняя половина торса оставалась без орнамента. Только на трех фрагментах статуэток в нижнем отделе шеи имеется по паре прорезных линий, расположенных сверху вниз и образующих угол. Трудно определить, что передает этот мотив — ворот ли рубахи или может быть ожерелье? Думается, что это скорее ворот рубахи, так как линии, составляющие угол, несколько оторваны от ниже расположенных орнаментальных композиций (табл. 91, а и 92, в). Кстати сказать, такое изображение встречено на одной из статуэток из Кошиловцев,¹ на фигурках из Винчи и других дунайских памятников. Совершенно аналогичное изображение, сделанное прорезными линиями, известно и в кикладской скульптуре, проявляющей и в других деталях сходство с трипольской пластикой. Изображения шейных украшений в виде ожерелья и, вероятно, бус нередки в трипольской пластике. Они передаются одной или несколькими линиями на шее и груди, а иногда вдавленными точками (бусы; Кошиловцы, Томашевка, Райки, Жолудовка, Владимировка, Пьянижково и др.).

Грудь статуэток и средняя часть торса ориентировались или простыми параллельно расставленными прочерченными линиями, или линиями, расположенными под углом по отношению к оси тела и составляющими фигуру, близкую к равнобедренному треугольнику. Имеют место и более сложные построения. Так, например, на груди одной из статуэток имеется орнамент в виде равнобедренного треугольника, в который

дополнительно вписаны еще два треугольника (табл. 92, в). На талии у этой фигурки нанесены пять поперечных параллельных линий. Верхняя из них служит основанием треугольника. На спине размещается ряд дугообразно расположенных ямок. По центральной продольной оси (т. е. в области позвоночника) идет цепочка ямок. По сторонам от них расположены довольно глубоко врезанные линии, сходящиеся на боках под углом.

Близок к этому орнаментальному мотиву и другой, отмеченный на статуэтке из жилища № 2. На спинке ее очень четко выражены почти такие же, близкие к треугольным построениям фигуры, выполненные двойными линиями. Дополняются они группой криволинейных построений. По линии позвоночника проходит уже знакомая нам цепочка мелких ямок (табл. 93, в).

Упрощенной репликой только что описанным узорам служит и построение в виде уголков. По замыслу и стилю оно повторяет их, но по общему характеру рисунка, передающего несомкнутые половинки ромбической фигуры, в целом образует вертикально поставленную зигзагообразную линию, разделенную также вертикальным рядом ямок. На одной крупной фигурке с такой орнаментацией (из жилища № 1) построение рисунка отдаленно напоминает шнуровку одежды типа сарафана (табл. 94, б и 95).

Криволинейные фигуры, за исключением спирали, вообще не получили распространения в орнаментации пластических изображений Луки-Врублевецкой. К тому же спираль обычно помещается на ягодицах. Лишь как исключение можно заметить криволинейную обрисовку груди (табл. 92, в), более простую, чем, например, на статуэтке из Пьянижково,¹ или на антропоморфном сосуде из Шипениц,² но все же очень близкую к ним. Что касается простых спиральных построений, в два витка, то их присутствие на торсах статуэток может быть отмечено только в трех случаях, причем спираль нанесена спереди на корпусе фигурок (табл. 92, а, б и в). Надо сразу же отметить, что спиральный орнамент на этих трех

¹ M. H i m n e r. Etude sur la civilisation prémycénienne. Swiatowit, XIV, стр. 139, табл. XXXIX, рис. 1.

² G. C h i l d e. Schipenitz... стр. 275, рис. 175.

¹ Н. С e h a k. Plastika eneolitycznej kultury, табл. VI, рис. 2 (Львовский исторический музей, № 1-1442).

экземплярах и по месту расположения, и по самому несколько уплощенному ее построению очень напоминает спираль на неоднократно издававшейся статуэтке из Кукутен.¹ Это одна из многочисленных деталей, указывающих на живучесть традиций в сюжетах орнаментаций, идущих от раннего триполья к более поздним фазам развития этой культуры.

Как мы уже говорили, спираль — один из излюбленных мотивов орнаментации, часто используемый при украшении ягодиц. Она покрывает плотно построенным узором обе ягодицы, причем нередко углубленные линии заполнялись белой пастой. На одной статуэтке спиральный узор переходит на тазобедренную часть фигурки и представляет собой усложненный тип спирали в виде развернутых S-образных волн.² К тому же на каждой ягоде статуэтки изображен ромб с ямкой в центре (рис. 23, е; табл. 109). Этот мотив по месту своего положения и форме может быть отмечен и в скульптуре памятников раннеземледельческих племен Фракии.³ Помимо спирали, в декорировке ягодиц применялся и другой мотив орнамента, который можно назвать лучистым (табл. 95 и другие). Он представляет собой группу прямых линий, расходящихся, подобно лучам, из одной точки.⁴ Реже встречается орнамент в виде заштрихованных плотными линиями площадей, причем штриховка направлена в разные стороны. И, наконец, можно отметить декорировку тазобедренных участков и частично ягодиц короткими параллельными штриховыми линиями, скорее напоминающими насечки. Они располагаются небольшими группами — от трех до шести штрихов вместе. Принимая во внимание аналогичный орнамент на статуэтке из жилища комплекса № 4, который, очевидно, изображает передник с меховой оторочкой, переданный такими же штрихами,

мы полагаем, что и в этой группе статуэток короткие штрихи передают часть меховой одежды¹ (табл. 111 и 112).

Очень устойчив мотив декорировки нижней части живота и лобковой части статуэток. Здесь постоянно размещается рисунок ромба, иногда двух ромбов — один над другим, заполненных штриховыми или перекрещивающимися линиями (табл. 101 и другие). У некоторых статуэток вместо ромба нанесен треугольник. Интересно, что заполнение фигуры ромба скрещивающимися линиями или поперечной линией, имеющей на конце развилки, дополняется иногда ямками, помещенными между лучами скрещивающихся линий (табл. 108, е). Это построение имеется и в скульптуре из Кукутен.

Б. А. Рыбаков обратил внимание на это любопытное построение и сопоставил его с таким же узором на древнеславянских ткаях и украшениях и на русских крестьянских вышивках, характерных для убранства костюма девушек.²

Особенно устойчив рисунок, покрывающий ноги статуэток. Как уже отмечалось, ноги фигурок в подавляющем числе случаев бывают не расчленены, а лишь частично разделены углубленной линией. Такая бороздка только условно разделяет конечности. Система орнаментации ног статуэток очень проста: в случае отсутствия раздельной бороздки орнамент накладывался в виде круговых прочерченных линий, идущих сверху вниз. Значительно чаще встречается другой вид орнамента: прочерченные линии идут косо с обеих сторон фигурки и встречаются под углом у бороздки, намекающей на разделение ног. В общем орнаментика ног достаточно однообразна и проста.

Мы рассмотрели сейчас главнейшие орнаментальные мотивы, которые встречаются на статуэтках из Луки-Врублевецкой. Следуя сделанным наблюдениям, можно сказать, что декорировка фигурок по своей композиции довольно устойчива в стремлении разместить определенные виды орнамента на определенных частях статуэток.

Все только что изложенное относилось лишь к статуэткам из Луки-Врублевецкой.

¹ Ср. Дарабаны (Dacia, т. III—IV, стр. 29, табл. I, рис. 6).

² Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн.: История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 402—404, рис. 195, 2, 7, 9.

¹ Н. Schmidt, Cucuteni, табл. 31, рис. 1.

² Упрощенную спираль в один завиток можно увидеть на бедренных частях статуэтки из жилища № 5. Располагаются спирали среди заштрихованных плоскостей (табл. 108, а).

³ М. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Вена, 1925, стр. 319, рис. 1, а.

⁴ Ср., например, со статуэтками из Кукутен (Н. Schmidt, Cucuteni, табл. 32, рис. 3), Фрумунци (С. Matasă, Frumuncea, табл. LIX, рис. 394, 395), Руджиновы (Dacia, т. III—IV, стр. 81, табл. 28, е, рис. 4) и др.

Что касается других раннетрипольских местонахождений, то вопросы классификации и изучения системы орнаментации их остаются еще неразработанными из-за малочисленности материала.

В Поднестровье при раскопках в Озаринцах М. Я. Рудинский нашел фрагмент статуэтки — головку, выполненную в натуралистической манере, с проработанными деталями лица (глаза, нос, рот); кроме того, на голове переданы углубленными линиями и волосы.¹ Головка из Озаринцев как будто оставалась единственной самой ранней трипольской находкой, по стилю принадлежащей к натуралистическим образам и не похожая ни на одну из фигурок из Луки-Врублевецкой. В стилистическом отношении она вполне отвечает скульптурным изображениям статуэток из памятников развитого триполья и по своим физиономическим признакам очень близка к фигурке из Банята.² Возможно также, что к раннеземледельческим статуэткам принадлежат фигурки, найденные в урочище Шовб в районе Могилева-Подольского у села Вила-Ярузская.³ Здесь при обследовании трипольского поселения вместе с находками керамики с прорезанным орнаментом было подобрано несколько фрагментов статуэток, которые по моделировке и системе орнаментации можно сопоставить со статуэтками из Луки-Врублевецкой. Остается не вполне выясненным, к какому этапу триполья относится само поселение. Вероятно, его можно поместить в группу памятников раннего триполья, принимая во внимание архаический облик керамики и статуэток. Так, одна из статуэток из Вилы-Ярузской имеет коническую головку и конические выступы вместо рук. Спинка фигурки снабжена уже знакомой нам орнаментацией, отмеченной в скульптуре Луки-Врублевецкой и состоящей из уголков, образующих незамкнутые ромбы.⁴ На двух других статуэтках имеется характерный для ранней пластики узор в виде лучистого орнамента на ягодицах и тре-

угольного, с перекрещивающимися внутри него линиями, на лобковой части статуэтки.

Совершенно определенно относится к раннетрипольскому возрасту группа фигурок, найденных в 1947 г. у села Ленковцы, на правом берегу Днестра, недалеко от Луки-Врублевецкой. Комплекс находок из Ленковцев, значительно приумноженный в результате раскопок, произведенных здесь в 1950 г. Трипольской экспедицией (Т. С. Пассек и Е. К. Черныш), отвечает раннему триполью этапа А и вполне аналогичен материалу из Луки-Врублевецкой. Названными раннетрипольскими памятниками, на которых встречены глиняные фигурки, приходится ограничиться, так как в поисках более широкого сравнительного материала мы рискуем выйти за пределы точно датированных находок.¹

Очень бедно представлены пластические антропоморфные изображения и в зарубежных памятниках, близких по времени к Луке-Врублевецкой. Например, в Извоаре I найдены две-три мало выразительные скульптуры, не вносящие ничего нового в представления о пластике раннего триполья. В. Н. Даниленко, производивший обследование Извоара уже после того, как там работал Р. Вульпе, собрал интересную коллекцию керамики, среди которой можно отметить и несколько статуэток.

Из приведенных сведений о находках скульптуры в ранних памятниках триполья в СССР и в смежной с Приднестровьем области становится ясным, как мало еще материала для суждения о раннетрипольской пластике и как ценна для нас поэтому коллекция скульптур из Луки-Врублевецкой, так полно и всесторонне характеризующая пластику раннего триполья. Поскольку скульптура из Луки-Врублевецкой представляет наиболее ранний трипольский комплекс, следует рассмотреть вопрос о дальнейшем развитии элементов пластики или даже пластики в целом, включая и сюжетную сторону, в скульптуре более поздних этапов развития триполья.

Прежде всего отметим факт постоянства существования женского образа в пластике

¹ М. Рудинский. Попогородский вияв. . . , стр. 251, рис. 17.

² П. Дегев. Сельщаната могила Банята при капитанъ Диматриво. Годяшникъ на народния археологически музей Пловдивъ, кн. II, София, 1950.

³ Коротке відомлення Всеукраїнського археологічного комітету за 1946 р., стр. 168 и 169, табл. II.

⁴ Там же, табл. II, рис. 1 и 1, а.

¹ Например, случайные находки статуэток, хранящиеся в Черновицком музее, находки М. Ю. Смишко в районе Городницы, до сих пор оставшиеся неопубликованными и известные нам лишь из сообщения, сделанного исследователем на Археологической конференции в Клеве в 1940 г.

на всех этапах развития триполья. Видимо, нет ни одного трипольского памятника более или менее обследованного, где бы при раскопках или даже сборах подъемного материала не были встречены женские фигурки. Этот факт сам по себе говорит о специфике, присущей трипольской культуре, о длительности и живучести определенной традиции — изображения женщины, которое проходит через все триполье и исчезает вместе с исчезновением этой древнеземледельческой культуры, появляясь в дальнейшем лишь в редуцированных образах в искусстве и религиозных атрибутах в памятниках более позднего времени. Применительно к триполью мы можем сказать, что уже в раннем периоде мы застаем образ женщины в сложившемся виде, воплощенном в установившихся пластических формах и приемах. На протяжении триполья внешние приемы моделировки, конечно, не остаются канонизированными, они безусловно меняются соответственно развитию вкусов, сложению местных скульптурных и орнаментальных приемов, присущих отдельным родовым или племенным группам и т. п.

Сопоставляя пластику раннего триполья типа Луки-Врублевецкой с более поздними трипольскими пластическими изображениями, нетрудно убедиться в стилистической связи их. Схематизм изображений в ряде основных черт пронизывает пластику на всех этапах развития триполья и, как это видно на больших сериях, нередко уживается с относительно натуралистическими образами. Нами уже отмечалось, что одной из отличительных особенностей пластических человеческих фигурок из Луки-Врублевецкой является постоянная формовка головок скульптур в виде конических отростков. Почему именно этот прием столь прочно закрепился в скульптуре раннего триполья, пока еще не совсем ясно; наше предположение по этому поводу мы изложим ниже. Наличие конических головок представляет характерную, для скульптуры раннего триполья, черту, которая почти не наблюдается на более поздних этапах этой культуры. Конические головки могут быть отмечены на статуэтках из Поднястровья — Побужья: в Кадиевцах (урочище Бавки), в районе Могилева-Подольского, в Сабатиновке, т. е. памятниках, по времени стоящих ближе к раннему триполью и представляющих, по классифика-

ции Т. С. Пассек, средний этап (В-I—В-II). К числу памятников этого же времени, находящихся за рубежом и тоже содержащих статуэтки с коническими головками, можно отнести ряд местонахождений между Днестром и Ольтом и западнее — Пристер-хюгель, Руджиноаза, Фрумушица, Кукутены А.

В более поздних памятниках триполья совершенно определено наблюдается тенденция к замене конических головок на статуэтках новыми скульптурными формами их. На головках скульптур развитого и позднего триполья чаще всего отмечаются детали лица, иногда прическа, высокий капор или нечто, подобное нимбу с отверстиями, и т. д. Конические головки в скульптуре развитого триполья появляются спорадически и очень редки (культура А, по В. В. Хвойко) и, пожалуй, чаще всего приурочены к заключительным этапам культуры. Сказанное с очевидностью подтверждается огромным фактическим материалом, происходящим из трипольских поселений как в пределах УССР, так и из многочисленных местонахождений Польши, Румынии, Болгарии, Югославии и южных районов Балкан. Итак, оформление головок у статуэток как будто является в известных пределах признаком, способствующим установлению относительной хронологии между ранними трипольскими комплексами и всеми последующими этапами развития триполья.

Нельзя не отметить и изменений в моделировке положения тела. Любопытна тенденция к замене сидящих фигурок ранних памятников фигурками стоящими, свойственными памятникам развитого триполья.

Для скульптур из Луки-Врублевецкой почти исключительно характерным является первый тип, причем положение туловища по отношению к нижней половине тела не совсем обычно для позы сидящего человека. Туловище значительно отведено назад и составляет с ногами, почти всегда сформованными в виде спеленутой «куколки», тупой угол. В целом поза сидящих фигурок из Луки-Врублевецкой очень напоминает, а иногда и полностью совпадает с формовкой статуэток из других трипольских поселений этапа В-I—В-II.¹ Интересно то, что в памят-

¹ Например из Дарабаз (Dacia, III—IV, стр. 29, фиг. 1, рис. 6), Руджиноаза (там же, стр. 81, фиг. 27, 28, а—с, 29, а—с), Бовтанги (там же,

никах названных этапов сидящие статуэтки бытуют вместе с уже сложившимся типом стоящих фигурок, тогда как в Луке-Врублевецкой процент стоящих фигур по отношению к сидящим ничтожен. Удивляет также и отсутствие в Луке-Врублевецкой стульчиков или креслиц, хорошо известных из других местонахождений (например из Греновки в Побужье, из раскопок В. В. Хвойко на Киевщине, из Гумельницы, фракийских и других местонахождений). Очевидно, здесь фигурки с отведенным назад туловищем усаживали без стульчиков или креслиц. Из сказанного важно одно. Скульптура триполья в ходе развития самой культуры видоизменяется. Сидящие статуэтки с отведенным назад торсом на этапах В-I—С-I уступают место стоящим фигуркам, получившим весьма широкое распространение во всех районах трипольской культуры уже с этапа В-II. При этом надо заметить, что форма ног в виде спеленутой «куколки» или, как иногда говорят, кона, остается прежней, хотя и встречаются статуэтки с расчлененными ногами, сидящие статуэтки натуралистического типа и др. Вопрос о том, как устанавливались прямые фигурки с коническими ногами, остается еще не вполне выясненным. Едва ли их устанавливали в сквозных биноклевидных сосудах, сближаемых с керносами Средиземноморья, как думает И. В. Фабрициус.

В последнее время в связи с находкой в Костишти (Румыния) глиняной плитки со сквозными отверстиями получило распространение предположение, что такие плитки употреблялись для размещения в их гнездах стоящих статуэток.¹ Если такое предположение верно, то употребление плиток с отверстиями для данной цели может служить примером вторичного их использования. Сами же по себе плитки являются фрагментами обжигательных площадок с «продуктами» от гончарных горнов, о которых мы уже говорили выше. Скорее всего прямые статуэтки с коническими спеленутыми ножками при использовании их в ритуальных целях втыкались в землю.

Возьмем другой признак — оформление рук. Как известно, руки на наших статуэтках в подавляющем большинстве лепились

в виде конических, горизонтально расположенных выступов. В отличие от конических головок этот признак не является определенным приемом, характерным лишь для определенных этапов развития скульптуры триполья. Наоборот, начиная со скульптуры раннего триполья вплоть до самого позднего триполья, руки оформляются в виде конических выступов совершенно одинаково, без заметных отклонений от установленной моделировки. Этот факт как бы подчеркивает генетическую устойчивость определенного скульптурного сюжета, проходящего через все этапы триполья. К числу таких же устойчивых признаков можно отнести, например, и постоянно встречающиеся на фигурках сквозные отверстия в плечах, на месте груди, а иногда и в бедрах.

Итак, пользуясь наблюдением над изменениями форм в пластике, можно прийти к следующему заключению: 1. Пластические фигурки женщины, постоянно встречающиеся в трипольских памятниках на разных этапах развития этой культуры, проявляют определенное генетическое родство между собой, восходящее к пластике Луки-Врублевецкой. 2. Скульптуре раннего триполья, т. е. памятников типа Луки-Врублевецкой, свойственны определенные характерные приемы в формовке положения тела — сидящие фигурки с отведенным назад торсом, конической головкой и преимущественно коническим окончанием «спеленутых» ног. Позднее эти признаки трансформируются в другие приемы лепки. Стабильные приемы лепки сохраняются на всем протяжении триполья в изображениях рук и некоторых других более мелких деталей.

Менее ясен вопрос о преемственности отдельных сюжетных признаков. Понятно, что основной сюжет — изображение женщины — является самым устойчивым на протяжении всего триполья, поэтому здесь мы имеем в виду лишь отдельные сюжетные признаки, которые выделяют статуэтки из общей массы. Несмотря на количественно огромный материал по пластике триполья, приходится признать, что сейчас не имеется еще достаточных фактов для окончательного решения этого вопроса. Уже приводились несколько статуэток, отличающихся индивидуальными чертами, например положением и моделировкой рук. Однако они пока не находят себе прямых аналогий в пла-

стр. 109, фиг. 12, рис. 7—8; фиг. 21, рис. 10—11). — С. М а т а с я. *Frühzeitica*, табл. LIII, LIX.

¹ Т. С. П а с с е к. *Периодизация...*, стр. 95, рис. 50, 1.

стике триполья более поздних этапов, хотя и проявляют с некоторыми объектами черты сходства, например с фигуркой из Кошнеловцев.¹ На территории западной Украины известна одна статуэтка, напоминающая статуэтку с «крыльями» из Луки-Врублевецкой, но сходство ее с нашей статуэткой проявляется только в положении рук.² Впрочем, такую же аналогию можно привлечь и из собрания в Гумельнице, хотя фигурки из Гумельницы все же являются слишком далекими сюжетными аналогиями.³

Ярким примером преемственности скульптурных сюжетов от раннего триполья к позднему является рельефное изображение руки на фрагменте сосуда. Правда, пример этот выходит за рамки объемной скульптуры, но мы привлекаем его потому, что упоминаемый рельеф безусловно представляет собой частичное изображение фигуры человека на сосуде. Речь идет о небольшом фрагменте боковой стенки сосуда с изображением трехпалой руки, найденном в жилище № 5 (табл. 59, а). Это не первый случай находок в Луке-Врублевецкой рельефных изображений на сосудах, но все они слишком фрагментарны и не поддаются расшифровке. Обломок же сосуда из жилища № 5 бесспорно передает кисть с тремя довольно грубо вылепленными пальцами. Не говоря о самой манере исполнения рельефа, близкой к тордошской, мы с полным основанием сближаем наш рельеф с рисунками кистей рук на антропоморфных изображениях, опубликованных В. В. Хвойко⁴ и Э. Р. Штерном.⁵ Интересно, что в налепе на черепке из Луки-Врублевецкой и в рисунках на сосудах, приведенных В. В. Хвойко из Ржищева (землянка № 8) и Э. Р. Штерном, кисти рук во всех четырех случаях передаются трехпальными.⁶ Это, видимо,

не случайные факты, они могут служить примером устойчивости традиционной схемы, идущей от пластики раннего триполья и перешедшей в рисунок в развитом триполье.

Вышеизложенным можно ограничить круг сопоставлений, направленных к установлению единства и определенной последовательности изменения пластики от раннего триполья до развитых этапов культуры. Преемственная связь как в основных формах, так и в сюжете (и не только по отношению к женским скульптурам) едва ли может вызвать сомнение.

Чтобы несколько развить наши положения, остается коснуться вопроса о системе орнаментации. Не входя в подробное рассмотрение вопроса, сразу же отметим бесспорную преемственность между орнаментацией глиняных фигурок, найденных в ранних трипольских памятниках, с орнаментацией, встреченной на статуэтках развитого триполья. В Луке-Врублевецкой имеется одна фигурка, как будто носящая на себе следы окраски. Зато прочерченный орнамент представлен на подавляющем большинстве статуэток. На следующем этапе, В-1, заметно повышается процент статуэток с расписным орнаментом. Это, быть может, не так ощутимо в памятниках этапа В-1 (Кукутены А, Эрбжд, Кадиевцы), но в па-

женной на сосуде из Луки-Врублевецкой, можно указать на рисунки на сосудах из Ханлара (Заваннае), изображающие фигурки людей с трехпальными кистями рук. Кстати, общий схематизм и построение самих фигурок очень напоминают трипольские. В еще более отдаленных от правобережной Украины областях Переднего Востока — Тепе-Муссиян, Тепе-Гавра, Сузы I, Тепе-Бендеваль — на керамике с изображениями человеческих фигурок, также сильно схематизированных, кисти рук даны в трехпалой прорисовке. Эти совпадения в трактовке кистей рук в очень отдаленных друг от друга памятниках можно было бы рассматривать как явление случайное, хотя, с другой стороны, стилистические приемы изображений людей на сосудах неолита Переднего Востока в общем проявляют черты разительного сходства с трипольскими изображениями. Это в равной мере касается и зооморфных изображений (см.: J. de Morgan. La préhistoire orientale, т. II, рис. 291; т. III, рис. 316, 317. — V. Dumitrescu. Notes concernant l'ornementation peinte zoomorphe et humaine dans les civilisations à céramique peinte de Roumanie et de la Susiane. Бухарест, 1931. — A. J. Tobler. Excavations at Tepe Gawra, II. Филладельфия, 1948, табл. LXXV, рис. a, b. — L. Vreton. Note sur la céramique peinte aux environs de Suse et à Suse. Mém. de la miss. archéol. en Iran, т. XXX, Archéologie Susienne, Париж, 1947, табл. 41, рис. 7, 8; табл. 51, рис. 30, 31).

¹ Н. Сел'як. Plastyka eneolitycznej kultury... , табл. III, рис. 4.

² К. Мажевский. Plastyka terracotowa kultury ceramiki malowanej w zborach Lwowskich. Swiatowit, т. XVII, 1936/37, рис. 20.

³ Dacia, II, стр. 81, фиг. 63, рис. 5, 12.

⁴ В. Хвойко. Каменный век... , табл. XXIV, рис. 9. — В. В. Хвойко. Раскопки в 1901 г. в области трипольской культуры. Зап. Отд. русск. и славянск. археолог. Русск. Археолог. общ., т. V, вып. II, СПб., 1904, табл. III, рис. 2, 5.

⁵ Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура... , стр. 28, рис. 1.

⁶ Из территориально отдаленных, но хронологически близких аналогий трехпалой кисти, изобра-

мятников среднего триполья расписные статуэтки составляют весьма заметный компонент в собраниях скульптуры. Кроме трипольских памятников Днепровского бассейна, очень показательны в этом отношении поселение Владимировка, раскопанное Т. С. Пассек и давнее выдающиеся образцы орнаментированных росписью статуэток. На последующих этапах триполья как будто наблюдается угасание стремлений к росписи статуэток.

Такова общая тенденция развития орнаментики на всем протяжении эпохи триполья.

Анализируя орнаментку статуэток триполья, можно высказать и другую мысль, — о постепенном сокращении площадей, покрытых орнаментом, начиная со среднего этапа В-II и до конца триполья. Это же замечено и на керамике, которая, как об этом уже писалось, в самих формах и системе орнаментации часто во многом сближается со статуэтками.¹ Генетические связи раннетрипольской орнаментики на скульптуре с орнаментикой развитого, а затем позднего триполья совершенно очевидны и прослеживаются так же отчетливо, как и в орнаментальных связях керамики триполья в целом. Правда, на скульптуре мы не находим большого разнообразия мотивов, но система, установившаяся для орнаментации раннетрипольских статуэток в ее наиболее распространенном виде, проходит через развитое триполье, почти не изменяясь, и только в позднем триполье можно видеть уже значительные изменения в ней.

Орнаментальные мотивы, отмеченные в скульптуре из Луки-Врублевецкой в их самых характерных построениях (спираль или лучистый орнамент как ягодища, косые штриховые линии на туловище, косые про-

черченные линии на ножках статуэток, криволинейные построения на груди или бедрах, короткие штриховые линии на бедрах и т. п.), мы встречаем в пластике и более поздних этапов развития триполья. Т. С. Пассек уже сравнивала статуэтки из Луки-Врублевецкой с фигурками из других относительно ранних местонахождений этапа В-I — Извоар II, Кукутены А, Эржд, Руджиноаза, Кадиевцы,¹ подчеркнув тем самым генетическую преемственность скульптуры из Луки-Врублевецкой со скульптурой из поселений этапа В-I.

Действительно, в этом вопросе нет спорного и в отношении идеичности приемов орнаментации статуэток. Однако и в дальнейшем, на этапе В-II, остаются вполне устойчивыми те же орнаментальные мотивы. Они прослеживаются, например, на статуэтках из Сабатиновки, Пьянижково, Владимировки, причем эти мотивы целиком или почти целиком переносятся в расписную технику, например во Владимировке.² Еще позднее, в связи с отмиранием пластических форм, имеют место только рецидивы или отголоски былых орнаментальных композиций. Это может быть отмечено в пластике Усатова или Серезлиевки.

Пока мы рассматривали пластические фигурки из Луки-Врублевецкой в кругу памятников скульптуры трипольского времени и в границах определенного географического ареала. Мы пытались установить преемственность скульптуры на всем протяжении триполья, причем ориентировались на памятники УССР. Значительно большую сложность представляет рассмотрение трипольской пластики на фоне и в связи с пластикой хотя бы юго-востока Европы, в свою очередь проявляющей много общих черт с пластикой малоазийского побережья и глубинных областей Переднего Востока. Трудность эта вытекает из того положения, что в свое время многие относящиеся к данному вопросу материалы рядом наших археологов зачастую истолковывались тенденциозно в угоду наскаждавшимся прежде среди археологов антимарксистским взглядам Н. Я. Марра. Некритическое следование гипотезе об автохтонном происхождении триполья и нежелание учитывать все значение, скажем,

¹ Сокращение орнаментированных площадей на сосудах от ранних этапов триполья к поздним вполне наглядно показано Т. С. Пассек (ср. табл. II, 34, 67, 96 в работе «Периодизация...»). Интересно, что тот же процесс сокращения орнаментальных площадей на разных ступенях развития неолитической керамики показан О. Н. Бадером и М. В. Воеводским для неолита лесной полосы (О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахивской низины. Из истории родового общества на территории СССР. Изв. ГАИМК, вып. 106, М.—Л., 1935, стр. 334). — Е. Ю. Кричевский. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы. Учен. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13 (№ 85), 1949, стр. 80 и сл.

¹ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 34.

² Там же, стр. 94, рис. 49.

восточносредиземноморских связей, равно как и связей (не генетических) с областями центральной и средней Европы, приводили к изоляции трипольской культуры, что неизбежно порождало антинаучные упрощения и вульгарно-исторические выводы о процессе возникновения и развития трипольской культуры.

Не ставя себе целью рассмотрение пластики триполья во всех связях и взаимодействиях, отметим только те главные и руководящие признаки, которые, быть может, укажут на некоторую генетическую общность в мировоззрении раннеземледельческих племен на обширных территориях, отраженную в моделировке женских изображений в терракотах и в каменной скульптуре.

Исследователи, специально работавшие над изучением пластики древнеземледельческих племен юго-востока Европы, не раз отмечали связи трипольских статуэток с фигурками, найденными в восточном Средиземноморье и Передней Азии. Еще в 1900 г. на Международном конгрессе доксториков в Париже Ф. К. Волков, докладывая о раскопках В. В. Хвойко, указал на премикенский возраст трипольских статуэток и высказал мысль о связи их со скульптурой Гиссарлыка.

Одной из существенных особенностей трипольских статуэток Ф. К. Волков считал наличие стеоатопигических форм или, как он выражался, преувеличенных сексуальных признаков. Он признавал за статуэтками значение идолов и считал, что они вместе с трипольской культурой пришли из Азии в Европу.¹ А. Скриленко на широком сравнительном материале тоже установила черты сходства пластики триполья с фигурками из Трои, Микен и северо-западных Балкан. Больше того, она отметила и сходство их с греко-вавилонской и древнеассирийской скульптурой. Однако вместе с чертами сходства скульптуры триполья со средиземноморской и переднеазиатской пластикой А. Скриленко указала на наличие существенных различий.² Позднее с тем же тезисом о связи трипольской пластики с дунайской, южноевропейской и малоазийской мы

постоянно встречаемся у ряда авторов. Об этом говорит, например, М. Ф. Болтенко, сопоставляя скульптурные фигурки Усатова с юго-восточноевропейскими (дунайско-эгейскими) и переднеазиатскими.³

Зарубежные авторы, изучавшие пластику раннеземледельческих поселений юго-восточной Европы следовали, по существу говоря, за А. Скрыленко, не развивая утверждения о связи трипольской пластики с югоевропейской или малоазийской, т. е. не анализируя тех внешних, сюжетных признаков, которые свидетельствуют об этих связях (Гернес, Думитреску и другие авторы). Недавно вышедшая работа К. Маевского, специально посвященная изучению пластических изображений триполья, ставит ряд важных вопросов и в том числе проблему связи скульптуры триполья с пластикой южной Европы и Передней Азии. К. Маевский,⁴ после А. Скриленко и Е. Цегак,⁵ предлагает свою классификацию пластики триполья по стилистическим признакам. Не располагая находками из наиболее ранних трипольских местонахождений, К. Маевский начинает разбор пластики со скульптуры Кадиевцев, т. е. с этапа В-I по классификации Т. С. Пассек. Статуэтки этой группы отличаются наличием конических головок и выступов вместо рук. Они выполнены в примитивно-схематическом стиле и встречаются в древних поселениях культуры линейно-ленточной керамики в Моравии и в мраморной скульптуре Киклад (III тысячелетие до н. э.). Примитивно-схематический стиль К. Маев-

¹ М. Болтенко. Керамика з Усатова. Трипольська культура на Україні, вып. 1, Киев, 1926, стр. 26—27.

² К. Маевский. Chronologia i styl...

³ Е. Цегак разделила трипольскую пластику на два стиля: натуралистический и схематичный, причем натуралистический стиль, по Цегак, является дальнейшим развитием схематичного. В этом отношении она следует общим соображениям В. Мюллера. К этой же точке зрения примыкает и Э. Буланд (H. S e h a k. Plastyka eneolitycznej kultury. — V. M ü l l e r. Frühe Plastik in Griechenland und Kleinasien. Augsburg, 1929. — E. B u l a n d a. Kult Bogini-Matki w Kulturach prehistorii i etnologii. Swiatowit, т. XVIII, Варшава, 1947). — К. Маевский держится иных взглядов на последовательность в сложении стилей. Его точна зрения наложена в рецензии на работу Е. Цегак (см.: Swiatowit, т. XI, Варшава, 1934, стр. 286—287).

¹ Th. V o l k o w. L'industrie prémycénienne dans les stations de l'Ukraine. L'Anthropologie, т. XIII, № 1, 1902.

² А. Скриленко. Глиняные статуэтки домикенской культуры. . .

ский считает местным или самородным. Однако в триполье, как пишет Маевский, довольно рано появились фигурки с чертами натуралистического стиля, который отмечается проработкой скульптурных деталей (глаза, рот, груди и др.). Стиль этот проник в юго-восточную Европу из Фессалии, скульптура которой в свою очередь испытала на себе некоторое влияние схематизации юго-восточной пластики и пластики Кикладских островов. Триполье, по мнению К. Маевского, не знает ярко выраженного натуралистического стиля. По мере продвижения от Днепра и Днестра по направлению к Дунаю и к Балканам фигурки натуралистического стиля встречаются все чаще. Итак, по мнению К. Маевского, местный трипольский схематизм и принесенный из Фессалии натурализм породили новый, особый стиль — натуралистично-схематизированный, характерный именно для трипольской пластики.

Натуралистично-схематизированный стиль в триполье принял две формы: более схематизированных и более натуралистичных изображений. К первой относятся фигурки с коническими ножками. Из этой группы выделяются статуэтки с поднепровских поселений, составляющие особую оригинальную группу коническо-сфероидальных. Ко второй группе относятся фигурки с отдельно моделированными ногами (типа кошиловских). Они немногочисленны, и распределение их неравномерно. Фигурки с раздельными ногами были особенностью юго-западного района распространения трипольской культуры на ее позднем, как думает К. Маевский, этапе развития. Далее К. Маевский отмечает, что новый натуралистично-схематизированный стиль не вытесняет примитивно-схематического, а сосуществует с ним в пластике одних и тех же поселений. Объяснение этому явлению, во всяком случае для позднего триполья, К. Маевский находит, в частности, в смене социальных условий, т. е. в переходе от матриархального рода к патриархальному, где уже имелись специализированные мастерские, производящие статуэтки и керамику для родовой знати. Отсюда автор исследования делает вывод об изготовлении примитивных фигурок для рядового населения и хорошо сделанных статуэток натуралистично-схематизированного стиля для удовлетворения вкусов родо-

вой знати.¹ На сложение стилистических особенностей статуэток, заключает К. Маевский, оказали влияние центры древних цивилизаций Ближнего Востока. Из Месопотамии проникали фигурки сидящих женщин, иногда с ребенком на руках, фигурки воинов. Фигурки женщин с утолщенными частями тела шли из Фессалии, куда они попали из средиземноморских центров — Крита, Египта, Мальты. Таковы основные положения К. Маевского.² Мы остановились на них несколько подробнее потому, что они представляют едва ли не последнее слово в изучении пластики триполья, причем исходят от опытного исследователя скульптуры.

Не рассматривая отдельных погрешностей в построении К. Маевского, вытекающих из неполноты материалов, например утверждение, что расчлененность ног на скульптурах является поздним признаком, и более серьезных ошибок вроде наивного предположения о наличии в позднем триполье родовой верхушки и патриархального рабства, равно как о существовании мастерских, специально обслуживающих художественные вкусы родовой знати, рассмотрим концепцию К. Маевского в ее основных чертах.

Вполне положительным в построении К. Маевского является его стремление анализировать пластику триполья, не изолируя ее от областей распространения стилистических фигур в раннеземледельческих обществах юго-востока и юга Европы. К. Маевский совершенно справедливо подчеркивает связь трипольской пластики с фессалийской, а через нее и с кикладским искусством, корни которого, видимо, уходят в скульптуру древних средиземноморских цивилизаций. Оригинально наблюдение К. Маевского о количественном уменьшении скульптурных изображений по отношению к трипольским и поселениям юго-восточной Европы III—II тысячелетия до н. э. Существенным является и на-

¹ К числу предположительных выводов К. Маевский относит способы использования статуэток: их помещали в вазах, подвешивали на шнурах через специальные отверстия, ставили в цилиндрические подставки, втыкали в землю или в специальные отверстия на алтарях, носили во время культовых процессов.

² K. M a j e w s k i. Studia nad kultura Trypilska. Arheologia, t. I. Брацлав, 1947, стр. 19, 34—36.

блюденне над распространением скульптуры натуралистического и схематического стилей. Он отмечает, что по мере продвижения от Днестра и Днестра по направлению к Дунаю, а оттуда на Балканы в поселениях с крашеной керамикой все больше и больше появляется натуралистических фигурок и преимущественно женских. К. Маевский выделяет пластику триполья в особый и своеобразный стиль, отличный от пластики других южных и юго-восточных областей. Этот стиль он и называет натуралистично-схематичным. Таким образом, те отличительные особенности трипольской пластики, которые были лишь обще сформулированы А. Скриленко, К. Маевскому удалось раскрыть более детально.

Не упустил из виду своеобразие пластических изображений на юго-востоке Европы и Э. Буланд, рассматривая трипольскую скульптуру.¹

Итак, сейчас уже можно представить себе основные черты трипольской пластики, начиная с раннего этапа, т. е. этапа А. Можно также обрисовать стилистические и сюжетные особенности пластики раннеземледельческих племен на зарубежных территориях, входящих в круг распространения собственно трипольских памятников или близких к ним. Характеристики скульптуры отдельных областей мы находим в специальных работах В. Думитреску,² Д. Розетти,³ Р. Попова,⁴ В. Микова,⁵ Н. Д. Чилингирова,⁶ М. Василь⁷ и других, а также в ряде обобщающих трудов.

Просматривая большие серии пласти-

ческих изображений людей, относящиеся к III—II тысячелетиям до н. э., происходящие из очень удаленных друг от друга территорий — Месопотамии, Сирии, Кипра, Кикладских островов, Крита, Балканского полуострова, восточного Прибалканья и северо-западного Причерноморья, — приходится констатировать довольно отчетливые стилистические общности в скульптуре с этих территорий при наличии иногда и резких отличительных черт. Общности эти заметны не столько в сюжетах орнаментации (в данном отношении они часто почти не выявляются), сколько в приемах моделировки скульптурных деталей. Черты сходства в лепке человеческих фигур выступают не только в изображениях-статуэтках, но достаточно определенно наблюдаются и в антропоморфной керамике (например, сосуды на полой кольцевой подставке, лицевые изображения на сосудах, лепные изображения поднятых рук на сосудах, фигуры, поддерживающие сосуд на поднятых кверху руках). Правда, эта антропоморфная керамика локализуется преимущественно в зонах восточного Средиземноморья и юго-восточной Европы. Общности же в скульптурных приемах, замеченные на статуэтках, выступают на более широких территориях. В каких же скульптурных формах и на каких территориях можно отметить эти черты сходства? Не имея намерения входить в детальное рассмотрение этого вопроса, что может послужить темой для специальной работы, отметим те особенности, которые выступают как черты сходства между ранней скульптурой триполья, т. е. главным образом из Луки-Врублевцевой, со скульптурой Средиземноморья и Балкан.

Нам уже приходилось говорить о сильной схематизации скульптуры из Луки-Врублевцевой, выраженной, например, в моделировке головок статуэток и рук в виде удлиненных конических отростков. Интересно, что этот прием оформления головок фигур выходит очень далеко за рамки Поднепровья. Так, совершенно аналогичные статуэтки, с теми же головками в виде конических выступов и с руками в виде таких же конических плечевых отростков, мы встречаем, например, в ранней критской скульптуре¹ и на других островах,

¹ E. Bulanda. Kult Bogini-Matki. . .
² V. Dumitrescu. La plastique anthropomorphe en argile de la civilisation néolithique Balkanodanubienne de type Gumelnita. Jahrb. f. prähist. u. ethnogr. Kunst, 1932—1933, Берлин, 1934.

³ Dinu Rosetti. Steinkupferzeitliche Plastik aus einem Wohnhügel bei Bukarest, Jahrb. f. prähist. u. ethnogr. Kunst, т. XII, 1938.

⁴ Р. Поповъ. Предисторически мраморни идоли намерени въ България. Известия на Българския археологически институт, т. III, (1925), София, 1925.

⁵ В. Миковъ. Идолната пластика предново-каменната епоха въ България. Известия на Българския археологически институт, т. VIII (1934), София, 1935.

⁶ Н. Д. Чилингировъ. Стъжални кости идоли. Известия на Българското археологическо дружество, т. I, София, 1910.

⁷ М. Василь. Предсториска Винча III. Пластика. Белград, 1936.

¹ A. Evans. The palace of Minos, I. Оксфорд, 1921, фиг. 12.

равно как и на материковой Греции.¹ Далее, те же приемы моделировки головок, иногда с некоторым отклонением форм головки в направлении придания ей очертаний цилиндра, мы встречаем в мраморной скульптуре схематично-натуралистического стиля Кикладских островов, причем руки статуэток с данной территории переданы так же условно — коническими отростками или сглаженными, полукруглыми выступами.² Очень наглядно тот же стиль с условным изображением голов и рук представлен и в фессалийской скульптуре.³ Севернее мы находим его в скульптуре македонских раннеземледельческих поселений вместе с расписной керамикой типа поселения Олинфус.⁴ На северо-западе Балкан отголоски схематического стиля могут быть отмечены в скульптуре Бутмира, но не столько в конической трактовке голов, кстати применяемой здесь редко, сколько в обычной канонической схематизация рук статуэток.⁵ Видимо, то же можно сказать и о статуэтках, происходящих с территории Фракии, т. е. на северо-востоке Балкан. Переходя к областям, расположенным в Подунавье, где мы имеем значительное количество раннеземледельческих памятников и в том числе известное поселение Винча, можно сказать, что здесь, при всем довольно сильном отличии пластики Винчи от трипольской, все же очень рельефно выступают те же черты скульптурной формовки рук статуэток, а иногда и головок.⁶

Еще недостаточно изучены раннеземледельческие поселения Болгарии, которые, видимо, смогут послужить одним из мостов, соединяющим трипольские памят-

ники с древнеземледельческими поселениями Балканского полуострова и островами восточного Средиземноморья. Характерно, что именно в Болгарии найдены типичные мраморные фигурки кикладского типа, с руками, положенными под грудь, и довольно типичные для триполья глиняные статуэтки с коническими плечевыми отростками.¹ К северу от Балкан в зоне центральной Европы находки статуэток почти прекращаются, и лишь парадка попадают на территории Венгрии и Чехословакии.

Мы указали на распространение скульптурных женских изображений с определенными признаками в раннеземледельческих поселениях европейского континента, однако их ареал простирается значительно шире, переходя в южный широтный пояс. Сейчас важно отметить, что в Малой и Передней Азии мы встречаемся с теми же скульптурными сюжетами, что и в Европе. Прежде всего, здесь фигурки тоже передают преимущественно женские изображения, причем часто в той же самой трактовке, т. е. остроголовыми или с выступами вместо рук, иногда и с тем, и с другим признаком. Такие

¹ Р. Поповъ. Предисторически мраморни идоли... — G. K a z a g o w. Neue neolithische Fundstätten in Bulgarien. Wien. Prähistor. Zeitschr., XV, 1928, стр. 35—38 (отд. отт.). — Р. Поповъ. Коджа-Дерменската могила при гр. Шуменъ, стр. 135—138. — Р. Поповъ. Предисторическата Денева могила при Саламаново. Известия на Българското археологическо дружество, вып. IV (1914), София, 1915, стр. 153—154. — G. K a z a g o w. Vorgeschichtliche Funde aus Sveti-Kyryllovo. Prähistor. Zeitschr., VI, 1914, стр. 81. — П. Детева. Селищната могила Яса-тепе в Пловдивъ. Годишникъ на народния археологически музей Пловдивъ, кн. 1, София, 1948, стр. 8. — П. Детева. Новооткрити предисторически селища в южна България. Годишникъ на народния археологически музей Пловдивъ, кн. 1, София, 1948, стр. 172. — Очень своеобразную группу составляют плоские костяные статуэтки, довольно широко распространенные в Балкано-Дунайской области. Интересны они в том отношении, что по своим морфологическим особенностям во многих чертах повторяют глиняные статуэтки (оформление рук в виде конических отростков, «спелелутые» ноги, орнаментация). Это касается особенно группы II по классификации Нед. Петкова, близкой к скульптуре из Луки-Врублевецкой (см.: Нед. Петкова. Классификация на плоските костни идоли в Балкано-Дунавската област. Годишникъ на народния археологически музей Пловдивъ, кн. II, София, 1950, стр. 25—36, рис. 3 — фигурки из Гниляне (1), Ямбол (3), Монастирица (5), рис. 4 — фигурка из Богородично).

¹ F. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakotten, т. I, Берлин, 1903. — L. Fran z. Mitelgriechische Steinzeitidole. Jahrb. f. prähist. u. ethnogr. Kunst (1932—1933), Берлин, 1934. — K. W. Blegen. Korakou. Boston, 1921, стр. 106, фиг. 131, рис. 6, 12.

² K. M a j e w s k i. Figuralna plastyka Sykladzka. Львов, 1935, табл. III—IX. — V. Müller. Frühe Plastik..., табл. III, рис. 60, 67; табл. IV, рис. 72, 78, 81—83, 90—91.

³ W a s e a. Thompson. Prehistoric Thessaly.

⁴ W. Heurtley. Prehistoric Macedonia. Кембридж, 1939, стр. 161, 164, фиг. 34, рис. h; стр. 165, фиг. 35, рис. n.

⁵ Fr. Fiala, M. Hoernes. Die neolithische Station von Butmir, т. I, табл. III, рис. 12; т. II, табл. III, рис. 4, 11, 17; табл. IV, рис. 2, 5, 6.

⁶ М. В а с и ъ. Предсториска Винча III.

Фигурки женщины известны из Трои, Оуюк, Каппадокии. Находки их засвидетельствованы в Сирии, Палестине, Финикии.¹ Восточнее они выявляются в раннеземледельческой скульптуре Месопотамии, Ассирии и Суз.² Женские изображения, происходящие из этих территорий, составляют иногда значительные собрания (Ассирия, Суаиана, Месопотамия). При этом в статуэтках из наиболее древних комплексов четко выступают примитивно-схематические черты. Конические головки у фигурок или плечевые выступы вместо рук являются одним из существенных признаков, например, для древнейших форм ассирийской или месопотамской скульптуры. Нам пока не известны энеолитические женские изображения с территории восточного Причерноморья, хотя вполне определенно можно сказать, что в памятниках медного века Армении, в целом проявляющих много общих черт с памятниками этого же времени из Передней и Малой Азии, а также с Балкаи, имеют место находки женских изображений.³ Пока известны три такие фигурки, встреченные на холме Кюль-Тапа около Эчмиадзина.⁴ Плоские глиняные статуэтки из Кюль-Тапа имеют свои стилистические особенности, отличающие их от фигурок из других раннеземледельческих поселений, но в то же время на них лежат отпечаток и общих скульптурных традиций, например в трактовке рук в виде плечевых отростков. Больше того, одна из головок статуэтки сделана по образцу пластики развитого триполья и выглядит в виде круга с отверстиями вместо глаз и с грубо оформленным носом. Интересно, что головка эта сверху снабжена коническим отростком, т. е. именно тем признаком, который отмечает архаический тип трактовки головок в раннеземледельческой скульптуре, во всяком случае юго-запада СССР.

В северо-восточном Причерноморье в районе г. Нальчика в поселении неолитического облика также были встречены

статуэтки. Одна из них, найденная в поселении Агубеково и описанная Е. Ю. Кричевским и А. П. Кругловым, по стилистическим признакам оформления головки очень напоминает трипольские,¹ к тому же она встречена в комплексе, где вместе с кремневыми оббивными орудиями были обнаружены шлифованные топоры и долота, вполне аналогичные трипольским. Здесь же была подобрана и миниатюрная глиняная чашечка, столь обычная для находок трипольского типа. В том же районе при раскопках Долинского поселения в раскопе I была найдена странная поделка из «глинистой конкреции».² В действительности, как правильно определяют ее А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, это очень схематизированная человеческая фигурка с коническим окончанием вместо головки, несомненно напоминающая фигурки из Усатова или Трои. Наконец, в Нальчикском музее хранится небольшая каменная фигурка-амулет со схематизированными руками.³ В Дагестане, в одном из курганов, А. А. Русов тоже обнаружил глиняную фигурку на столбчатой ножке с руками в виде кони-

¹ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитические поселения близ Нальчика. Матер. и исслед. по археолог. СССР, № 3, М.—Л., 1941, стр. 54—55, рис. 3, 1. Мотив антропоморфной фигуры, внешне очень усложненный дополнительными сюжетами, но построенный все же на простейшей схеме, выявляется на бронзовых бляхах скифского времени, происходящих с территории северо-восточного Кавказа. О. А. Артамонова-Полтавцева, на наш взгляд, правильно отметила, что центральная фигура на пряжках типа Исти-Су передает очень сильно редуцированное антропоморфное изображение с двумя хитчиками по сторонам. Она сопоставила центральный сюжет на бляхах с женскими изображениями триполья. Интересно, что сюжет на бляхах и на пряжках автор выводит на стран древнего Востока. Положения, высказанные О. А. Артамоновой-Полтавцевой, убедительны, и ее сопоставления могут быть еще более подкреплены морфологическими сравнениями. В этом плане следует подчеркнуть, например, моделировку головок антропоморфных изображений на бляхах. Во всех случаях головки передаются в виде конических отростков. Возможно, что этот прием является пережитком древнейших скульптурных традиций (см. О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. Сов. археолог., т. XIV, 1950, стр. 78 и сл.).

² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. Матер. и исслед. по археолог. СССР, № 3, табл. X.

³ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильники

¹ V. Müller. Frühe Plastik. . . , табл. VI—VIII.

² A. Parrot. Tello. Париж, 1948, стр. 37, рис. 7.—M. Mallowan а. J. Crunickbank Rose. Prehistoric Assiria. Лондон, 1935, фиг. 46—47.

³ Б. В. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. Сов. археолог., т. XI, 1949, М.—Л., стр. 183.

⁴ Там же, рис. 3.

ческих отростков.¹ На Северном Кавказе в станице Ульской Н. И. Веселовский, раскапывая курган, обнаружил группу статуэток с коническими выступами вместо рук. Две фигурки из этого кургана, сделанные из мраморовидного гипса, проявляют не только черты сходства, но вполне тождественны кикладским.²

В станице Елизаветинской (район Краснодар) В. А. Городцовым при раскопках, возможно античного комплекса, были встречены очень архаические фигурки женщины на столбчатой ножке с едва намечающимся расширением туловища на месте рук (две статуэтки).³ Одна из найденных фигурок, тоже женская, носит черты сильной стилизации, имеет вместо головы конический, слегка наклонный вперед отросток.⁴ В композиционном и стилистическом отношении эта фигурка целиком может быть сопоставлена с усатовскими и аналогичными ей из Трои. Нет полной уверенности в том, что фигурки эти принадлежат античному комплексу, так же как и другая группа «идольчиков» из этого же поселения. Исследователь сообщает, что на территории городища встречались и более древние предметы, относящиеся, возможно, к катакомбному времени.⁵

Мало вероятно также, что женская фигурка, обнаруженная В. Ф. Гайдукевичем в толще отложений городища Киммерик на Керченском полуострове, относилась бы к античной эпохе, во всяком случае так не думает и автор раскопок.⁶ Примитивность, схематизм, рудиментарный характер рук статуэтки — все это вместе взятое позволяет сблизить ее с более древними находками, происходящими из того же городища, — сверленными каменными боевыми топорами

в г. Нальчик. Матер. и исслед. по археолог. СССР, № 3, табл. VIII.

¹ Тр. V археологического съезда, Протоколы подготовительного комитета, М., 1879, стр. 571.

² Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки докикленской культуры в курганах южной России и на Кавказе. Изв. Археолог. комиссии, вып. 35, СПб., 1910, стр. 1—11, табл. I и II.

³ В. А. Городцов. Станица Елизаветинская. Отчеты об археологических исследованиях в РСФСР в 1934—1936 гг., Л., 1941, стр. 213, рис. 9, 10.

⁴ Там же, рис. 8.

⁵ Там же, стр. 214.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. Изв. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 3.

и кремневыми отщепами, относящимися, вероятно, к эпохе бронзы.

Большой интерес представляет фигурка из глины, найденная в Крыму, в пещере Кош-Коба (верхний слой). Статуэтка покрыта орнаментом из врезных линий и насечек.¹ Этот признак, равно как и другие морфологические особенности позволяют сблизить ее с раннеземледельческими статуэтками правобережной Украины. К сожалению, фигурки из Киммерика и Кош-Кобы остались непоупубликованными и похищены немецкими захватчиками во время оккупации Крыма. Об одной из них (из Киммерика) можно судить по сохранившейся фотографии, любезно предоставленной нам В. Ф. Гайдукевичем, о другой — по личному осмотру в Крымском музее в 30-х годах.

В западном Прикаспии при работах в Мингечауре были также встречены остроголовые статуэтки с плечевыми выступами.² Правда, мингечаурская статуэтка, найденная в комплексе погребального инвентаря, относится к сравнительно позднему времени (вероятно, начало нашей эры), но стиль выполнения ее, видимо, ведет свое начало от скульптуры древнеземледельческих племен Передней Азии. Восточнее Каспия глиняные скульптурные изображения женщины появляются в замечательных древнеземледельческих комплексах типа Анау, представляя тем самым, вероятно, особый среднеазиатский ареал, связанный с Ближним Востоком древнейшими культурно-историческими узлами.³

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Дюсториальные культуры Крыма. Крым, № 2, М., 1926, стр. 91—93.

² Рисунок статуэтки, ее описание и данные об условиях нахождения были любезно представлены нам Г. Ионе, за что приносим ему глубокую благодарность.

³ В связи со сказанным несомненный интерес представляет работа С. Н. Замятниной о кремневых фигурках на неолитических поселениях северной половины Европейской части СССР. Автор отмечает, что большинство фигурок принадлежит изображениям людей. Интересно, что моделировка рук, а иногда головок у этих фигурок повторяет трипольские фигурки. Не рассматривая здесь вопроса о возникновении скульптурного сюжета женщины с руками в виде конических отростков у охотничье-рыболовецких племен, который мог появиться здесь под воздействием южных культур или являться пережитком палеолитических традиций, скажем, что этот сюжет скорее всего передает изображение женщины с положенными на грудь руками. Предположение С. Н. Замятниной о том,

Наше рассмотрение распространения скульптурных изображений женщин в памятниках неолита III—II тысячелетий до н. э. ставило своей целью не только дать географический абрис распространения их, но и показать, что определенный сюжет лепки деталей статуэток — головок и рук в виде конических отростков — достаточно устойчив для всей широкой области распространения пластики. Однако не только в этих признаках сказываются определенные элементы общности скульптуры на столь широкой территории. В несколько более ослабленном виде можно проследить и другой скульптурный сюжет, иногда появляющийся на пластических изображениях, происходящих из очень отдаленных друг от друга территорий. Мы имеем в виду своеобразную трактовку ног, не расчлененных и как бы спеленутых. Для позднетрипольской скульптуры такую моделировку, как уже говорилось, ставят в связь с характером использования их. Конечно, для сидящих скульптур, скажем Луки-Врублевецкой, объяснения эти лишены основания. Но дело не в этом. Моделировка ног в виде спеленутых «скуколкой» конечностей не представляет собой явления, характерного только для трипольской пластики, и если не может быть отмечена в скульптуре в том же географическом ареале, как это было сделано для остроголовых изображений и скульптур с плечевыми отростками, то все же встречается в ряде пунктов, хотя и в небольшом числе. Так, например, подобную моделировку ног можно встретить в мраморной скульптуре Киклад, в пластике Фессалии, Фракии, а также и в более отдаленных зонах Переднего Востока. Не так устойчив и другой скульптурный прием — преувеличение объемности сидящих частей. Мы указываем на эту особенность не столько для возможности установления ее генезиса, как это пытался сделать К. Маевский, сколько на стремление мастеров придать большую устойчивость фигуркам, вылепленным в сидящей позе. Из всего вышесказанного вовсе не вытекает,

что моделировка рук у кремневых фигурок в виде отростков является следствием непластичности кремня, мало вероятно уже потому, что им же приводятся образцы еще более сложной фигурной обработки кремня (см.: С. Н. З а м я т и н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. Сов. археолог., т. X, 1948, стр. 102 и сл.).

что общности в формовке отдельных скульптурных деталей говорят о каком-то экспорте фигурок из определенных пунктов или центров. Наоборот, исследователи постоянно подчеркивают их местное производство, что собственно и определяет особенности их в каждой из зон распространения. На местное производство женских скульптур указывали А. Скриленко, Р. Попов, В. Миков, К. Маевский, В. Милойчич, Д. Розетти и многие другие. Со своей стороны мы со всей определенностью можем также подчеркнуть, что раннетрипольская пластика безусловно местного изготовления. Другое дело, когда речь идет о смысловом значении скульптуры. Выросли ли те идеи, которые связываются с женскими скульптурами, в каждом отдельном случае на местной основе, или они явились следствием распространения из каких-то древнеземледельческих центров, — этот вопрос требует еще основательной проработки, и наши попытки в дальнейшем изложении найти ответ на него должны считаться только рабочей гипотезой.

Пока мы следовали наблюдениям за внешними признаками скульптуры, пытались определить общности, проявляющиеся даже в деталях на фигурках, происходящих с обширной территории Старого Света, вопрос о сходстве скульптуры разрешался наглядными примерами. Значительно сложнее установить истоки общих сюжетов, а следовательно, те элементы верований, которые связываются с тем или иным сюжетом. В одном и том же комплексе археологических предметов очень часто уживаются два совершенно отличных стиля, скажем, схематический и натуралистический. Об этом говорил ряд авторов, начиная с А. Скриленко и кончая Е. Цегак и К. Маевским. Особенно отчетливо это выступает на материалах из Луки-Врублевецкой. Здесь мы имеем различия по двум этим признакам и в самой пластике, и в трактовке изображений рук, служивших ручками на сосудах. Особенно выразительно эти два стиля вырисовываются при анализе сосудов на долой кольцевой подставке, где мы имеем натуралистично исполненные фигурки, поддерживающие на поднятых руках сосуд, и полые конические или цилиндрические подставки, совершенно утерявшие черты натуралистического стиля в лепке фигурок, но тем не менее, хотя и в редуцированном

виде, устанавливающиеся при рассмотрении серии таких сосудов. Пластика триполья, особенно раннего этапа, в основных чертах схематична, и натуралистичные образы не представляют частого явления. Верно отмечает К. Маевский, что по мере удаления от Днепро-Дунайских бассейнов к западу и юго-западу натуралистические черты проявляются все сильнее и сильнее.¹ Однако и там натурализм изображений сочетается со схематизмом или сосуществует на разных объектах в одних и тех же комплексах. Пользуясь этим наблюдением, мы и попытаемся установить один из важнейших сюжетов пластики триполья, скрытый за очень схематической формой скульптурной передачи.

Рассматривая распространенность одних и тех же скульптурных деталей вместе с самими изображениями, мы установили, что присутствие в ранней скульптуре конических головок, плечевых отростков вместо рук и спеленутых ног является очень распространенным признаком даже для изображений, происходящих из территориально очень отдаленных областей. Сразу же отметим, что остроголовость — менее устойчивый сюжет, который в скульптуре триполья довольно рано превращается в иной тип изображения голов — в виде плоских и круглых, имеющих свои специфические иконографические черты. Еще менее распространено изготовление фигурок с коническим окончанием ног, чаще всего заменяемых столбчатыми ножками (Подунавье, Балканы) или натуралистическим изображением нижних конечностей. Самым распространенным и вместе с тем самым устойчивым во времени является изображение рук в виде конических плечевых отростков. В связи с этим сюжетом мы и предлагаем ниже дешифровку его значения, скрытого за сильно схематизированной манерой исполнения. Руки на трипольских статуэтках, как уже говорилось, оформлены почти исключительно в виде конических отростков.

Однако следует отметить, что уже в раннем триполье хотя и крайне редко, но все же находят свое место и иные формы изображений рук на человеческих фигурках. Уже упоминались три такие находки, сделанные в Луке-Врублевецкой. Две

из них представлены фрагментами фигурок, у которых руки опущены книзу и скрещиваются ниже груди. В одном случае между руками находится какой-то предмет, в другом — руки, сливаясь в один валик, направлены к низу живота (рис. 11, б и в). На третьей фигурке трактовка рук иная, а именно: одна рука положена на плечо, другая опущена вниз и держит какой-то предмет¹ (рис. 20, а). У двух первых статуэток руки изготовлены в схематизированной манере и выглядят в виде рельефно выступающих валиков. Третья статуэтка снабжена руками более натуралистического стиля, с заметным расчленением пальцев на руке, лежащей на плече.

Вообще для трипольских пластики трактовка рук в натуралистической манере не характерна и может быть отмечена всего лишь в двух-трех случаях. Оригинальная сидящая статуэтка с руками, сложенными ниже груди, была найдена В. В. Хвойко в одном из трипольских памятников.² Из Владимировки происходит статуэтка, о которой, несмотря на фрагментарность, можно, как думает Т. С. Пассек, сказать, что руки ее были уложены под грудь.³ В Кукутенах тоже была встречена прямая фигурка с очень схематично вылепленными положенными на грудь руками, отведенными к туловищу от плечевых отростков.⁴ Среди фигурок типа Гумельницы, найденных на территории Румынии и Болгарии, также могут быть отмечены статуэтки с руками, положенными на грудь.⁵ Очень схематичная статуэтка с руками, опущенными ниже груди, известна также из Тордоша.⁶ В Подунавье сюжет положенных на грудь рук представлен на статуэтках Винчи.⁷ Аналогичные находки имеются и в богатом собра-

¹ Конструктивной репликой нашей статуэтке могут послужить две фигурки кикладского типа. Одна из них из неизвестного местонахождения, другая с Крита (см.: К. M a j e w s k i. *Figuralna plastyka...*, табл. XXXIX, LXXI).

² В. Хвойко. Каменный век... табл. XXII, рис. 7.

³ Т. С. Пассек. *Периодизация...*, стр. 92.

⁴ Н. Schmidt. *Cucuteni*, табл. 33, рис. 4.

⁵ *Jahrb. f. prähist. u. ethnogr. Kunst*, 1932—1933, табл. 12, рис. 2; табл. 14, рис. 2, 8.

⁶ М. Hoernes, O. Menghin. *Urgeschichte der bildenden Kunst*, стр. 305.

⁷ М. Василь. *Преториска Винча III*, табл. CVI, рис. 499, 500; табл. CXII, рис. 519; табл. CXVI, рис. 539, 540 и др.

¹ К. M a j e w s k i. *Chronologia i styl...*, стр. 9.

нии скульптуры из Бутмира.¹ Сведения о скульптуре из северобалканских раннеземледельческих местонахождений довольно ограничены. По словам В. Милойичича, схематизация скульптурных изображений человека наступает здесь после периода культуры Старчево, т. е. в период А культуры Винчи. Затем в период С культуры Винчи появляются фигурки женщин с руками, уложенными ниже груди, на животе.² Южнее этот же сюжет прослеживается на статуэтках из Сескло и других фессалийских местонахождений,³ а также в Корнифе.⁴ Таким образом, на Балканском полуострове и восточнее, вплоть до области распространения памятников трипольского типа, статуэтки с определенным положением рук на груди или под грудью встречаются в комплексах неоднократно, причем находки их значительно более часты, чем это можно отметить для восточных от Балкан территорий.

Особой областью распространения фигурок, изображающих женщин, являются Кикладские острова (восточное Средиземноморье). Свообразие кикладской культуры, отличительные стилистические свойства и сюжеты ее искусства создают определенный, только ей присущий стиль, ареал которого не ограничивается Кикладскими островами, а проникает на материковую Грецию и на территорию восточнее Балкан.

Большое внимание привлекает находка двух статуэток в Ульском кургане (Северный Кавказ). Н. И. Веселовский, производивший раскопки кургана, совершенно правильно сопоставил ульские статуэтки с кикладскими.⁵ Сейчас это сопоставление получает еще большую реальную значимость благодаря накоплению материала, большей разработанности классификации скульптуры Киклад и уточнению датировки их. Абсолютное сходство ульских статуэток с кикладскими схематично-натуралистического типа и материал, из которого изготовлены

ульские скульптуры (мраморовидный гипс), позволяют говорить, если не о прямом переносе фигурок из южной Европы, то во всяком случае о заимствовании и стиля, и сюжета.¹ Находка Н. И. Веселовского имеет весьма большое значение не только для датировки Ульского кургана, но и для установления культурно-исторических связей населения Северного Кавказа эпохи бронзы с восточным Средиземноморьем. Стиль кикладской скульптуры в общем настолько самобытен, что, например, статуэтки из мрамора, обнаруженные на Кикладах в очень большом числе, получили в литературе даже специальное название — «скрипичных фигурок», так как форма их напоминает футляр от скрипки. В отличие от статуэток, происходящих с других территорий и встречающихся обычно на поселениях, кикладские фигурки в значительной своей части являются предметами погребального культа. Не останавливаясь более подробно на характеристике кикладской скульптуры, отметим, что в своей подавляющей массе она представлена женскими фигурами, исполненными отнюдь не в одном канонизированном стиле. К. Маевский расчленил кикладскую пластику по стилистическим вариантам. Он различает два стиля — схематично-натуралистичный и, наоборот, натуралистично-схематичный.² Само наименование стилей раскрывает содержание каждого из них. Для первого характерно присутствие и преобладание схематических черт в скульптуре при слабом выявлении натуралистических особенностей. Обратное наблюдается в натуралистично-схематическом стиле. Для нас в данном случае важна не только эта общность тенденций развития кикладской и трипольской пластики, но и формы, в каких этот любопытный процесс проявляется. Прежде всего различие двух вариантов стиля сказывается в разработке объема и формы головок статуэток. Интересно, что в кикладской скульптуре, так же как и в трипольской пластике, по мере перехода от схематизма к натурализму видоизменяется оформление головок. Головки, имеющие вид удлинённых конических выступов, заме-

¹ W. Radimsky, M. Hoernes. Die neolithische Station von Butmir, т. II, табл. III, рис. 1, 6; табл. IV, рис. 1.

² V. Milojević. South-eastern elements in the prehistoric civilization of Serbia, стр. 272, 280.

³ Wase a. Thompson. Prehistoric Thessaly.

⁴ W. Blegen. Korakou, стр. 106, фиг. 131, рис. 1.

⁵ Н. И. Веселовский. Алябастровые и глиняные статуэтки... стр. 1—11.

¹ А. А. Нессен полагает, что фигурки из Ульского кургана местного изготовления. Своего предположения автор, к сожалению, не аргументирует (см.: А. А. Нессен. Греческая колонизация... стр. 12, 13).

² K. Majewski. Figuralna plastyka...

няются удлиненно-сферическими головками со слабо или хорошо проработанными деталями лица. Очень заметное видоизменение происходит и в моделировке рук. В схематично-натуралистическом стиле могут быть отмечены вполне определенные приемы оформления рук: или в виде уже знакомых нам по раннеземледельческой пластике конических плечевых отростков или боковых округлых выступов.¹

При сопоставлении ряда кикладских скульптур, начиная от статуэток с наиболее натуралистическими чертами и кончая фигурками резко выраженного схематического стиля, мы приходим к выводу: и в тех и других статуэтках находит воплощение один и тот же сюжет — изображение женщины с положенными под грудь руками. Таким образом, трактовка рук в виде конических плечевых отростков или округлых выступов на статуэтках схематического стиля является по своему смыслу тождественной натуралистическому оформлению рук в наиболее часто встречающемся положении их на женских статуэтках.

Этот вывод подтверждается примером такой же постепенной утраты натуралистических черт и в трактовке ног некоторых кикладских статуэток. Нижние конечности кикладской скульптуры трактуются в своей особой манере; редко в виде конических, не расчлененных ни объемно, ни с помощью прочерченной бороздки выступов,² чаще это столбчатые пьедесталы с плоским или закругленным основанием.³ Если судить по двум статуэткам из группы натуралистично-схематичных, воспроизведенных у К. Маевского⁴ и В. Мюллера,⁵ то можно предположить, что глубокая поперечная, несколько наклоненная бороздка является приемом, показывающим расчлененность ног, находящихся не в вертикальном состоянии, что обычно для пластики Киклад, а в поджатом виде, т. е. статуэтки изображают сидящую фигуру со скрещенными ногами. Если правильно понято положение ног на этих двух статуэтках, наделенных натуралистично-схематическими чертами, то в схематическом изображении этот же сюжет

оформления ног будет выглядеть как закругление на базисной части статуэтки, т. е. здесь выступает в общих чертах та же определенная стилизация, которая отмечается и в приеме оформления рук. Сказанное подтверждается и моделировкой базисных частей статуэток с Крита, опубликованных А. Эвансом.¹

Прекрасным примером проникновения в юго-восточную Европу фигурок анатолийско-эгейского типа с закругленным основанием и округло выдающимися плечевыми выступами служат находки стилизованных статуэток в Хабашести (Румыния).² Следует отметить, что стилистические отличия в скульптуре Кикладских островов не всегда являются показателем хронологического различия скульптурных изображений. Часто натуралистический и схематический стиль сосуществуют в одних и тех же комплексах.

Однако проследим дальше, в каких еще памятниках раннеземледельческих культур встречается скульптурное изображение женщины с положенными на грудь или под грудь руками. В пределах восточносредиземноморских островов интересующие нас находки были сделаны на Кипре. Здесь, так же как и на других островах, неоднократно находили глиняные скульптуры женщин, происходящие из поселений III—II тысячелетий до н. э., и в том числе фигурки с положенными на грудь руками. Вызывает удивление стилистическое сходство некоторых кипрских фигурок с трипольскими. Это сходство особенно проявляется в оформлении головок, правда не столько в иконографическом плане, сколько в наличии того самого голоаного убора (или прически), снабженного боковыми отверстиями, который так хорошо известен на трипольских статуэтках развитого этапа.³ Сходство последних с кипрскими еще больше увеличивается в тех случаях, когда лицо кипрских фигурок передается схематично, приемом «щипка».⁴

На азиатском материке тот же скульптурный сюжет — изображение женщины с руками, положенными на грудь или пе-

¹ K. Majewski. Figuralna plastyka, табл. II, IV—XIV.

² Там же, табл. X, рис. С.

³ Там же, табл. III—IX и др.

⁴ Там же, табл. XVI, рис. а, б.

⁵ V. Müller. Frühe Plastik... , табл. II, рис. 43.

¹ A. Evans. The palace of Minos, т. 1, фиг. 12, рис. 1, 3, 6.

² V. Dumitrescu, M. Petrescu и др. Habășesti. Studii și Cercetări de istorie Veche, т. I, Изд. Акад. наук Румынск. Народно-Республики, Бухарест, 1951, стр. 89, фиг. 4.

³ V. Müller. Frühe Plastik... , табл. XLVI.

⁴ Там же, табл. XLVI, рис. 429.

сколько ниже груди, бытует в древней земледельческой среде на очень широкой территории. Он выступает среди находок на древних слоях Троя, равно как и среди ряда других малоазийских памятников.¹ Далее, тот же сюжет известен из памятников Финикии, Египта, в междуречье Белого и Голубого Нила, Палестины, Месопотамии, Ассирии и Суз.²

Приведенная фактическая справка о бытовании фигурок женщин с определенным положением рук показывает, что сюжет этот имеет очень широкое распространение и в натуралистическом выполнении больше всего встречается в памятниках Среднего Востока и Малой Азии, а также на Балканах. Постепенно исчезая к востоку и северо-востоку от Балкан, он все же еще встречается, хотя и очень редко, в памятниках трипольского круга. Но верным ли будет заключение о значительной редкости этого сюжета в памятниках триполья? С точки зрения приведенных выше фактов очень ограниченных находок в трипольских местонахождениях женских статуэток с положенными на грудь или ниже груди руками сделанное заключение об угасании этого сюжета к востоку и северо-востоку от Балкан кажется оправданным. Однако в свете иного подхода можно высказать другие предположения. Мы не случайно столь серьезное внимание уделили вопросу о распространении определенного типа статуэток, имеющих руки в виде конических плечевых отростков. Они более всего распространены и бытуют в самых различных комплексах древнеземледельческой культуры южной половины Старого Света. Как было показано, они с уди-

вательным постоянством сочетаются с фигурками схематично-натуралистическими, а также натуралистическими и составляют основной фон примитивно-схематичной скульптуры. Что же в действительности открывает этот сюжет?

Для решения этого вопроса существенно сопоставить абрисы схематических фигурок с натуралистичными. Оказывается, внешний абрис верхней части туловища на статуэтках дает часто одну и ту же схему. Сопоставим примитивно-схематические или даже схематично-натуралистические статуэтки из любого трипольского поселения с целой серией фигурок натуралистического типа из различных древнеземледельческих местонаждений. Такое сопоставление приведет нас к определенному выводу о том, что примитивно-схематические статуэтки — это те же схематично-натуралистические фигурки с положенными на грудь руками, но переданные в схематичном стиле (рис. 73—77). Реальность такого предположения еще увеличивается, если к сопоставлению привлечь фигурки, у которых положенные на грудь руки вылеплены не слишком рельефно и выступают на туловище как валики, отходящие от плечевых отростков (Бутмир, Кукутены). Таким образом, в трипольской пластике этот сюжет в сильно схематизированном виде все же раскрывается, и при этом очень широко, в скульптуре, изображающей женщины. Здесь согнутые в локте руки передаются схематично и выглядят как конические плечевые отростки.

Если такая трактовка действительно находит свое подтверждение в определенных и не легко оспариваемых схемах, то трипольская пластика в целом может рассматриваться хотя и в своем специфическом виде и ареале, но в полном созвучии с раннеземледельческой скульптурой с других территорий, где образ женщины — «богиня плодородия» — представлен в фигурках с положенными на грудь руками.³ Такое совпадение сюжетов выходит за пределы совпадения морфологических и выражает сюжетные сходства, а следовательно, и возможные адекватные формы религиозного мировоззрения. Нас не должно смущать то обстоя-

¹ Там же, табл. VI. — R. Dussand. Les civilisations préhelléniques dans la bassin de la Mer Egée. Париж, 1914. — F. Hančar. Alaca Hüyük. Wien. Beitr. z. Kunst- u. Kulturgesch. Asiens, т. XII, Вена, 1938. — Н. З. Косая. Veröffentlichungen der Türkischen Geschichtskommission, № 2а, Анкара, 1944. — W. Lamb. Excavations at Kusura near Afyon Karahisar II. Archaeologia or miscellaneous tracts, Оксфорд, 1938.

² V. Müller. Frühe Plastik. . . , табл. VIII, рис. 174, 184—185; табл. IX. — A. Parrot. Tello. . . — E. A. Speiser. Excavations at Tere Gawra, т. I. Филадельфия, 1935. — Jebel Moza, т. II, Лондон, 1949, табл. LXII. — H. Frankfort, Th. Jacobsen, C. Preusser. Tell Asmar and Khafaje. Чикаго, 1932. — W. Andrae. Die archaischen Ishtar Tempel in Assur. Лейпциг, 1922. — J. de Morgan. La préhistoire orientale, т. II—III. — T. J. Arne. Excavations at Shan Tere-Iran. Стокгольм, 1945.

³ Э. Буланда совершенно напрасно сопоставляет коническую форму плечевых отростков с крыльями (см.: E. Bulanda. Kult Bogini-Matki. . . , стр. 6). Кстати, и Шлиман неверно трактовал их как бычья рога.

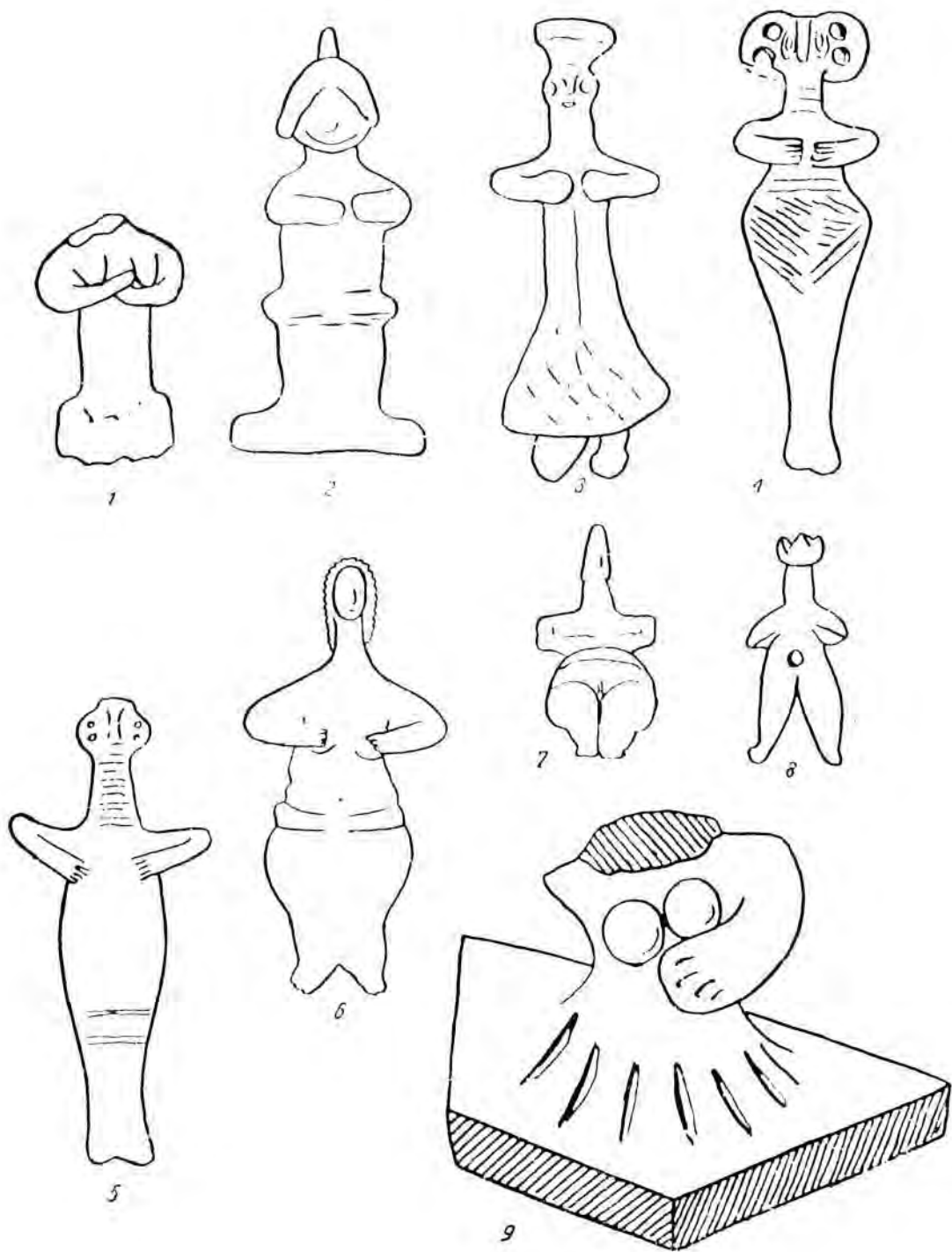

Рис. 73. Женские фигурки из различных местонахождений.
 1 — Арпачия (Месопотамия); 2 — Малая Азия; 3 — Крит; 4, 5 — Кипр; 6 — Сескьо;
 7 — Спарта; 8 — Фессалия; 9 — Пянджикент.

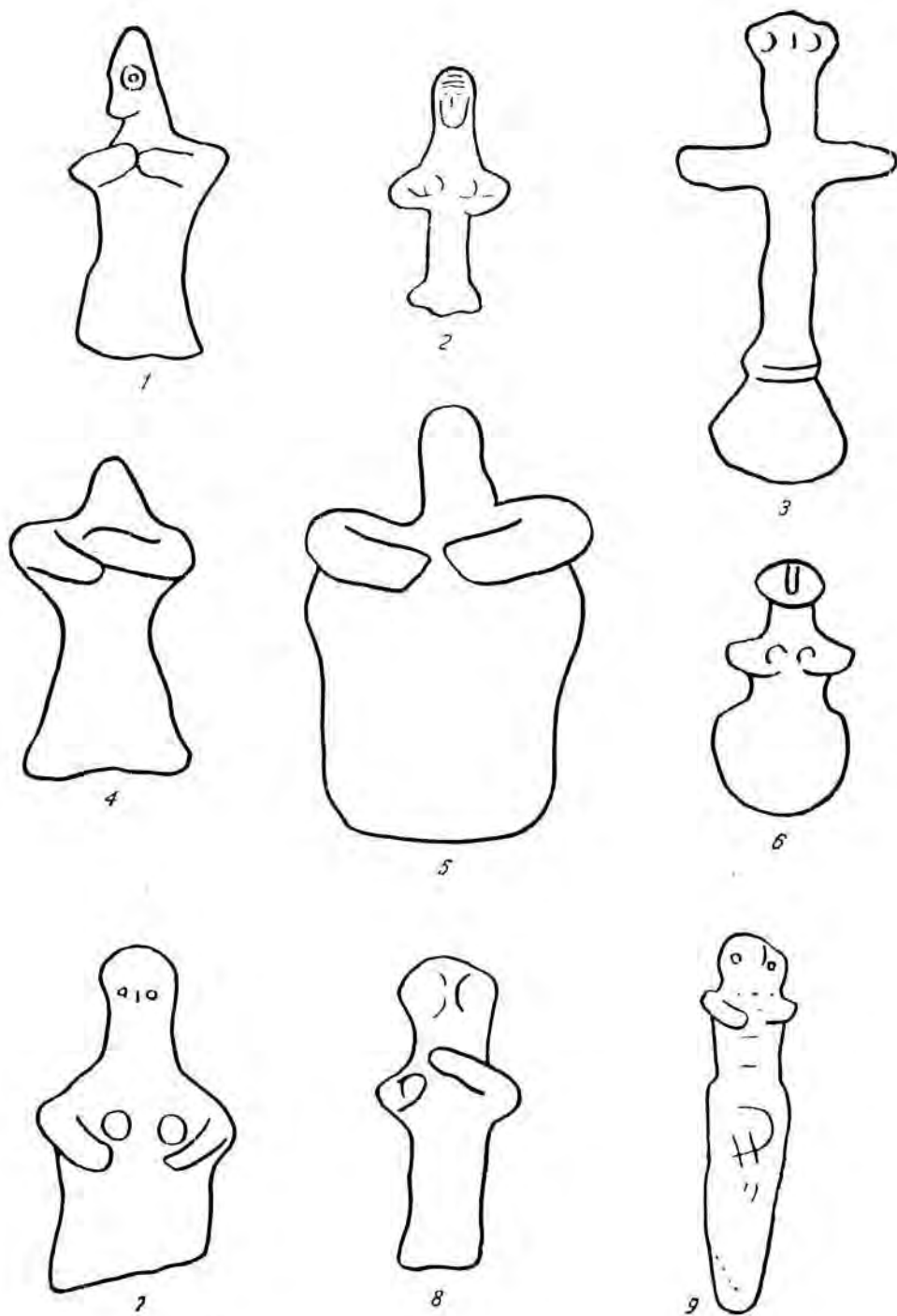

Рис. 74. Женские фигурки из различных местонахождений.
 1 — Сузы; 2 — Палестина; 3 — Крит; 4, 5 — Агия-Триада; 6 — Херсонес
 (Фраккийский); 7 — Бутмир; 8 — Гумельница; 9 — Кукутены.

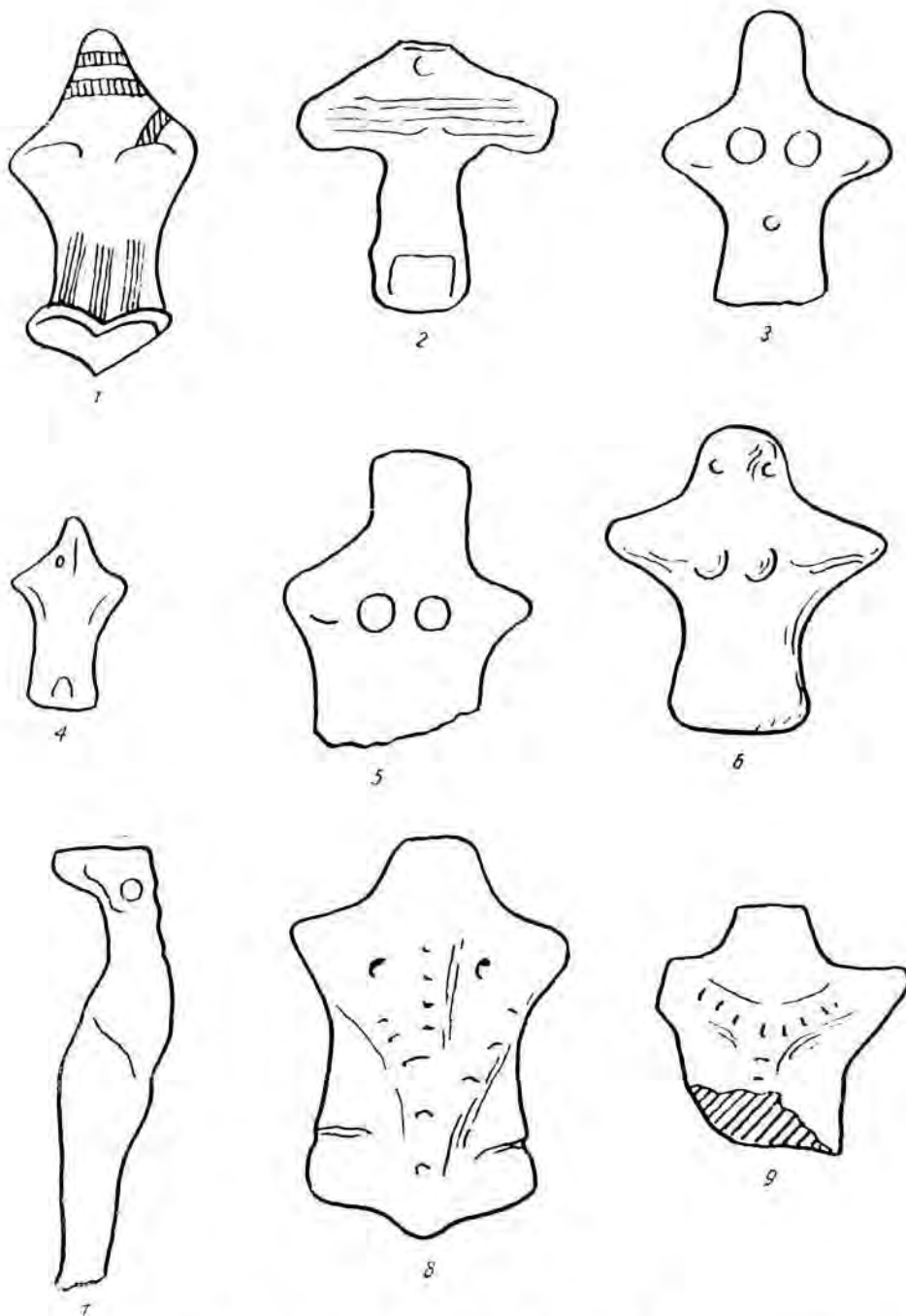

Рис. 75. Женские фигурки из различных местонахождений.
 1 — Арпачия; 2 — Спарта; 3, 5 — Бутмир; 4 — Яблоница; 6 — Гумельница; 7 — Чехословакия; 8, 9 — Лука-Врублевская.

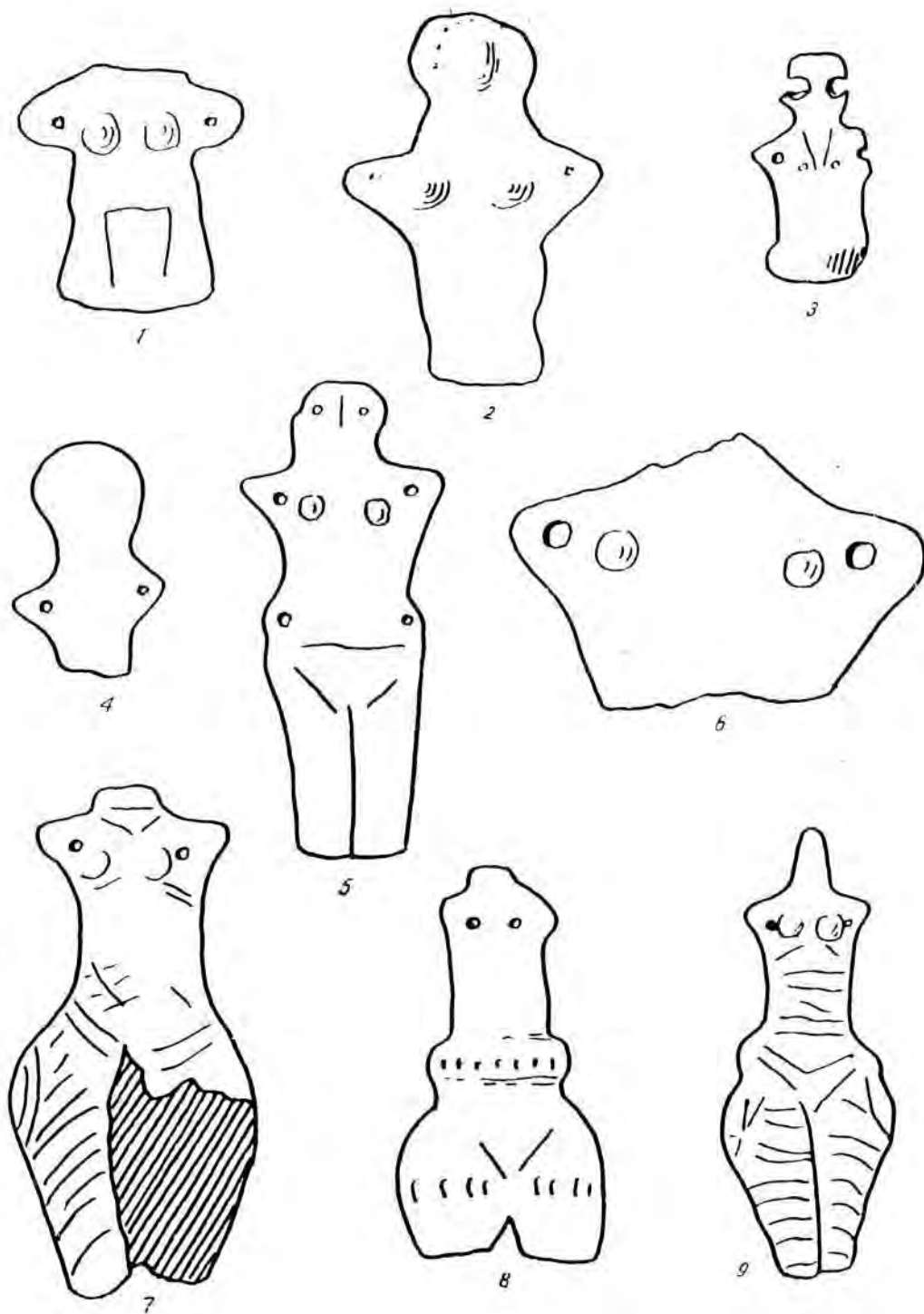

Рис. 76. Женские фигурки из различных местонахождений.
 1 — Родос; 2 — Винча; 3 — Румыния; 4, 5 — Кукутены; 6 — Пьянижково; 7—
 9 — Лука-Врублевская.

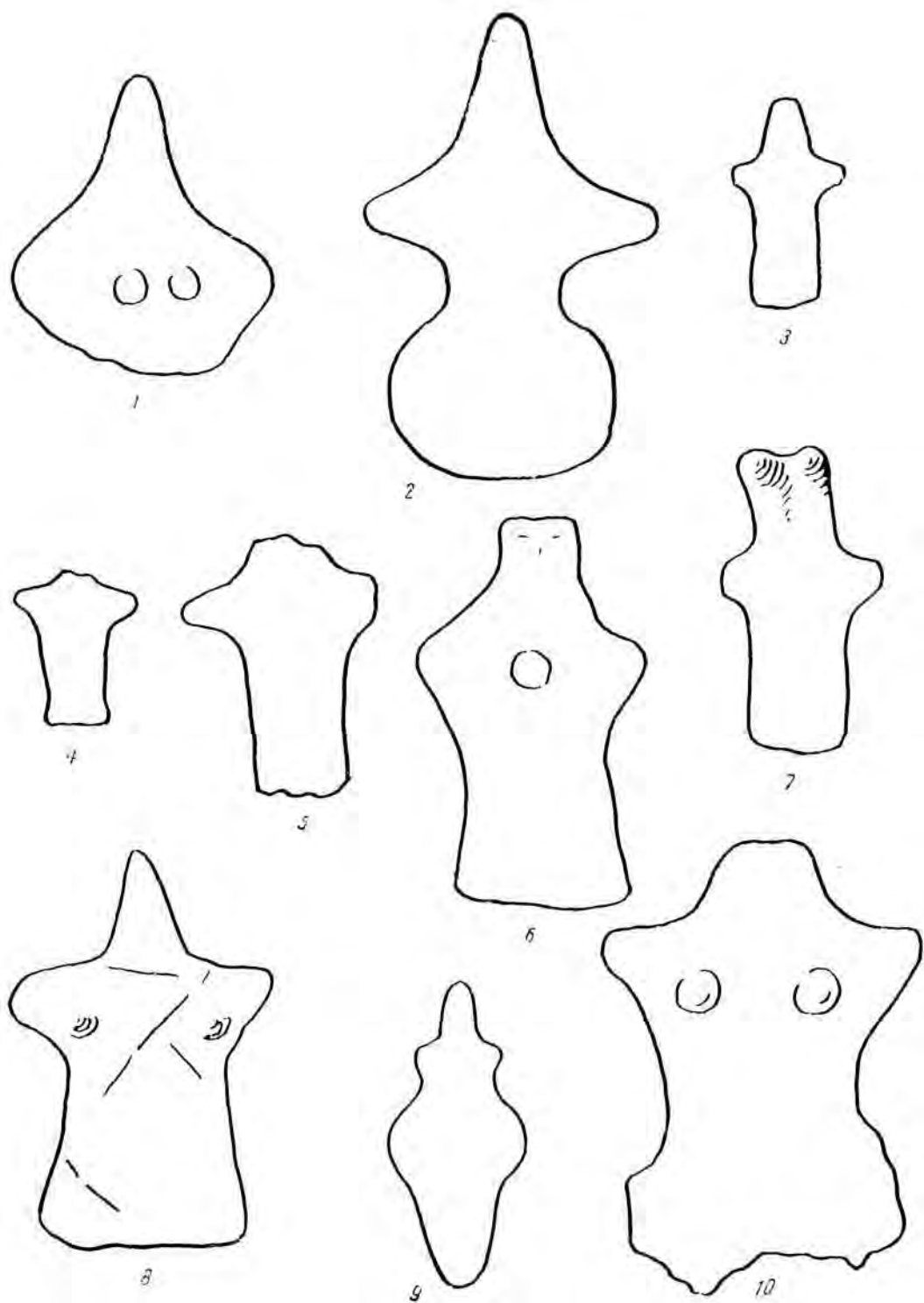

Рис. 77. Женские фигурки из различных местонахождений.
 1 — Арпачия; 2 — Крит; 3 — Македония; 4 — Фессалия; 5 — Видра; 6 — Бутыр;
 7 — Вичча; 8—10 — Лука-Врублевская.

тельство, что трипольские фигурки с согнутыми в локте руками, положенными на грудь, слишком схематичны. Это вполне отвечает основной тенденции раннеземледельческой пластики — постепенно, по мере удаления от областей древних земледельческих цивилизаций, утрачивать черты натурализма, заменяя их своеобразной стилизацией, построенной на передаче схемы.

В подкрепление выказанному предположению приведем и другое изображение, быть может, тоже помогающее раскрытию сюжета фигурок, имеющих плечевые отростки или, как теперь определилось, согнутые в локтях руки, положенные на грудь. Одной из очень характерных черт пластики триполья является присутствие сквозных, а иногда и несквозных отверстий в определенных частях статуэток. Э. Буланда предлагает даже, что отверстия на статуэтках определяют их принадлежность к женским фигуркам.¹ Сквозные отверстия размещены на головках, по краю головного убора или прически. Очень часто мы встречаемся с отверстиями в области плеча. Чаще всего в плечах рядом с грудью или на груди бывает по одному отверстию с каждой стороны статуэтки. Реже можно видеть по два отверстия с обеих сторон на основании плечевых отростков. Не так часто, но отверстия располагаются также с обеих сторон статуэток на бедренных частях. И, наконец, совсем редко сквозные отверстия помещаются на торсе.

Примеры статуэток с отверстиями в плечах могут исчисляться многими десятками, причем из разных по времени трипольских поселений, начиная с Луки-Врублевской. Отметим, однако, что наличие отверстий на статуэтках представляет черту, характерную для трипольской пластики в отличие от скульптуры юго-восточной Европы и Балкан.² Мы не сможем дать объяснения, для какой цели наносились отверстия на головках или бедренных частях статуэток, но

¹ E. Bulanda. Kult Bogini-Matki... стр. 5.

² Очень редко статуэтки с отверстиями встречаются и за пределами трипольского круга памятников; например, в Херонии (Фессалия) найдена одна такая статуэтка с отверстиями в плечах (см.: Wase a. Thomsen. Prehistoric Thessaly, стр. 200). Отверстия на головном уборе или прическе отмечаются и на фигурках из Кипра (см.: W. Müller. Frühe Plastik..., табл. XLVI, рис. 429, 432, 433).

в равной мере не можем принять утилитарных объяснений назначения отверстий, данных еще А. Скриленко и в дальнейшем не раз повторенных другими авторами. Дело в том, что принято думать, будто отверстия служили для подвешивания фигурок или закрепления их на какой-то основе. Такому истолкованию часто противоречат расположение и незначительный диаметр отверстий. Объяснение это для сидящих фигурок, имеющих отверстия в бедрах, вообще говоря, теряет всякий смысл.

Следовательно, вопрос о назначении отверстий пока еще нельзя считать решенным в том виде, как это предложила А. Скриленко, а за нею все последующие авторы, работавшие над изучением пластики триполья. Возьмем для нашего объяснения только один вариант — статуэтки, имеющие отверстия у основания плечевых отростков или непосредственно в плечах. Такое расположение отверстий, как сказано, отмечается на статуэтках чаще всего. Назначение отверстий в плечах, видимо, так и останется непонятым, если к объяснению подойти с утилитарной точки зрения. Другое истолкование их возможно при учете предложенного объяснения плечевых отростков как схематичного изображения рук, уложенных на грудь. Тогда кажется вполне вероятным рассматривать отверстия как проем между внутренней стороной локтевого изгиба и боковой частью статуэтки. У иных статуэток отверстия в плечах настолько велики и так располагаются, что отчетливо передают отодвинутые от туловища локти при уложенных в обычной позе на груди руках.

В разделе об антропоморфной керамике уже приходилось указывать на совершенно бесспорный факт необычайно сильной схематизации изображений человека, когда установить образ его оказывалось возможным лишь при серийных наблюдениях над процессом схематизации. Имея перед собой столь яркий пример схематизации, мы сочли целесообразным остановиться на нашем объяснении значения отверстий на плечевых частях статуэток. Не найдя истолкования для назначения отверстий, размещенных на бедренных частях статуэток, мы тем не менее с большим вниманием отнесемся к любому другому предположению, вытекающему из анализа форм схематизации, нежели к простому, но мало убедительному утилитарному объяснению их назначения.

В связи с тем, что сказано о схематических статуэтках с положенными на грудь или под грудь руками, об их принадлежности к женским изображениям, естественно поставить вопрос — как оформлялись верхние отделы туловища у мужских статуэток? В ряде случаев оформление рук примерно совпадает с женскими фигурками. Это относится прежде всего к копиловским статуэткам.¹ Фигурки из Луки-Врублевецкой и Сабатиновки представляют с ними резкий контраст. У двух мужских терракот с разделенными ногами из Луки-Врублевецкой плечи сформованы почти без выступов и имеют вертикальные короткие надрезы, направляющие очень короткие «руки» вверх. Не имеют плечевых конических отростков и натуралистические фигурки из Сабатиновки. Формовка плеч у мужской статуэтки из Коломыйщины II отличается округлостью и не имеет характерных очертаний конических отростков.² Впрочем, то же наблюдается и на женских скульптурах. Таким образом, небольшое число мужских фигурок не подтверждает того, что конические отростки вместо рук являются обязательными только для женских терракот. Но, видимо, прав Э. Буланда указывая, что отверстия на статуэтках характерны только для женских скульптур. Действительно, у мужских изображений встречены отверстия в плечах только у одной статуэтки из Коломыйщины.³ Не думаем, что случаи одинаковой трактовки плеч у женских и мужских фигур могут служить противопоставлением для объяснения конических плечевых отростков как согнутых в локте рук, положенных на грудь. Этот сюжет мог быть по традиции без осознания его значения перенесен на некоторые мужские фигурки.

Итак, мы рассмотрели пластику Луки-Врублевецкой в ряде направлений, что позволило установить ее генетическую связь с областями, где распространены памятники трипольского типа. Оказывается, что в пластике более поздних, чем Лука-Врублевецкая, местонахождений преимущественно выступает ряд черт, идущих от раннего триполья.

Вместе с тем скульптура из Луки-Врублевецкой проявляет сходство с пластическими изображениями женщин из других, более отдаленных территорий. Можно установить, что ряд деталей, характерных для скульптуры Луки-Врублевецкой, повторяется на комплексах скульптуры из Подунавья, Балкан и островов восточного Средиземноморья. Более того, скульптура древних земледельцев Среднего Востока и Передней Азии, т. е. тех территорий, где раньше всего сложились центры древнейших земледельческих цивилизаций, определенно указывает на сходство скульптурных сюжетов с трипольскими.

Пока мы шли в рамках сопоставлений отдельных скульптурных деталей, эти общности имели свое ограниченное значение и в каждом отдельном случае могли быть истолкованы как явления конвергентные. Но такое широкое распространение одного и того же сюжета на территориях, часто отдаленных друг от друга, т. е. изображения женщины с положенными на груди или под грудь руками, безразлично — выполненного натуралистично или схематично, требует, быть может, иных объяснений.

Не приходится сомневаться в том, что наши статуэтки, равно как и фигурки из других европейских местонахождений, в подавляющей своей массе, как мы уже указывали, являлись предметами местного изготовления. Исследователи отдельных групп раннеземледельческой скульптуры не раз отмечали это. Так, например, Д. Розетти, оценивая скульптуру типа Гумельянци, видел в ней даже возможный рецидив палеолитических женских изображений.¹ Чайльд тоже полагает, что традиция раннеземледельческих женских изображений восходит к «граветийским статуэткам последнего ледникового периода».²

О местном изготовлении пластических изображений, но не столь преувеличивая автохтонность происхождения их, говорили А. Скриленко, Е. Цегак, К. Маевский, Р. Попов и другие. Действительно, если сопоставить женские пластические фигурки из разных областей, где они распространены, то нетрудно заметить, что каждая из групп

¹ H. С e h a k. *Plastyka eneolitycznej kultury*. . . , стр. 181, табл. VIII.

² Т. С. П а с с е к. *Периодизация*. . . , стр. 78, рис. 31, 1.

³ Там же, стр. 146, рис. 79, 3.

¹ Dinu Rosetti. *Steinkupferzeitliche Plastik*. . . , стр. 49.

² Г. Ч а й л д. *Прогресс и археология*. М., 1949, стр. 184.

имеет свои индивидуальные черты, тем самым выявляя местные элементы техники изготовления или деталей сюжета.

Однако утверждение, что и сами идеи, отраженном которых являются женские статуэтки, были в каждом отдельном случае идеями местного происхождения, представляется мало вероятным.

Следует в связи с этим вспомнить, что памятники древнеземледельческой культуры юго-восточной Европы крайне слабо увязываются с предшествующими ступенями исторического развития общества на этой территории.

Не можем не указать при этом, во-первых, на действительную внезапность появления скульптуры женщин в определенных и стойких стилистических приемах изготовления, во всех древнеземледельческих поселениях юго-востока Европы; во-вторых, на сюжетные сходства скульптуры, происходящей из очень отдаленных областей, проявляющиеся не только в тех или иных деталях, а в целых общих композициях, что тоже исключает предположение о конвергентном возникновении их.

Трудно представить себе, чтобы жест «богини плодородия», или, как его иногда называют, жест Анахит или Астарты, т. е. фигурки женщины с положенными на грудь или под грудь руками, возник независимо в каждой отдельной области распространения статуэток. Скорее можно предположить обратное — возникнув где-то в областях древних земледельческих цивилизаций, культ плодородия, отраженный в фигурках женщин, постепенно проник через Балканы в юго-восточную Европу, причем проникновение этого сюжета не обошлось без внешних существенных перемен в скульптурном облике самих фигурок. Изменения эти, видимо, шли по линии утери натуралистических признаков, которые в среде юго-восточноевропейских древних земледельцев, изготовлявших свои скульптурные изображения женщин, «переработались» в определенную и нелегко разгадываемую схему.

На то, что «женский культ» возник где-то в областях, прилегающих к восточному Средиземноморью, указывает и тот факт, что в древнегреческой среде особенно широко представлены именно женские божеества — Деметра, Артемида, Гера и дру-

гие.¹ Не меньшее значение культ женщин играл в пантеоне древневосточных религий. Из сказанного не следует, что женский скульптурный образ отражал совершенно адекватные представления, например, у трипольских племен и, скажем, у древних земледельцев Средиземноморья. При общности самих идей, видимо, имели место и некоторые культовые варианты. Об одном из них, связанном с употреблением зерен в качестве примеси к глиняному тесту, из которого сделаны женские фигурки, речь будет ниже.

Мы отдаем себе отчет в том, что для решения вопроса о происхождении трипольской культуры нельзя ограничиваться данными скульптуры. Вопрос этот настолько сложен, что требует для своего решения более широкого круга источников и, может быть, не только археологических. Однако скульптурные комплексы ввиду их многочисленности, сочетающейся с определенным единообразием в сюжетах, играют, пожалуй, не меньшую роль, чем керамика. Многие, что говорилось сейчас о скульптуре, можно отнести и к керамике. Укажем, например, на антропоморфные сосуды на полых кольцевых подставках, распространенные в западных областях триполья и представляющие собой одну из разновидностей объемной скульптуры. Их появление здесь едва ли можно объяснить местным происхождением, хотя изготовлялись они и на трипольских поселениях. Сам сюжет лепных карватид, поддерживающих сосуд, редуцировавшихся затем в обычную полую кольцевую подставку, восходит к сюжетам, заимствованным из керамики восточного Средиземноморья, причем и на этих керамических изделиях также можно установить те же изменения в стиле изображения, т. е. постепенную утрату натуралистических признаков, как и на статуэтках.

Подведем краткие итоги сказанному о статуэтках.

1. Статуэтки из Луки-Врублевецкой в подавляющей своей части представляют женские изображения, выполненные в двух стилях: схематическом и схематично-натуралистическом.

¹ К этому выводу приходит и С. Носек, аргументируя свои соображения в недавно вышедшей работе (см.: S. Novek. Slady kultův, religijných. . . , стр. 178—186).

2. Генетическая связь их со скульптурными изображениями женщин из памятников развитого и позднего триполья проявляется в целом ряде скульптурных деталей и орнаментации.

3. Совершенно отчетливо устанавливаются черты общности между скульптурой из Луки-Врублевецкой и скульптурой из раннеземледельческих поселений юго-восточной Европы, южной Европы, Малой Азии и Среднего Востока.

4. Одним из самых характерных сюжетов пластики юго-восточной Европы, островов восточного Средиземноморья, Малой и Передней Азии является изображение женщины с руками, положенными на груди или под грудью. Натуралистическая трактовка этого сюжета не получила широкого распространения в памятниках раннеземледельческих племен Подунавья и триполья, но в схематическом оформлении он вполне отчетливо вырисовывается в пластике трипольской культуры, равно как и в пластике районов распространения линейно-ленточной керамики юго-восточной Европы. Таким образом, устанавливается основная и главная сюжетная общность пластики триполья с пластикой раннеземледельческих поселений на названных выше обширных областях.

5. Последнее заключение заставляет еще раз обратиться к объяснению происхождения одинаковых скульптурных сюжетов на столь отдаленных территориях. Трудно представить себе конвергентность возникновения одинаковых идей и их независимое отражение в одном и том же скульптурном образе. Кажется более правдоподобным предположить, что основной скульптурный сюжет — изображение женщины с положенными на грудь руками — был внесен в юго-восточную Европу вместе с другими культурными явлениями из областей Средиземноморья, тесно связанных, в свою очередь, культурно-историческими узами с древним Востоком. В земледельческой среде юго-восточной Европы женский скульптурный образ внешне несколько видоизменился, приобретая схематизированные черты, но продолжая отражать определенный религиозный культ.

6. Что касается мужских статуэток, встречающихся в пластике триполья значительно реже,¹ то, судя по гипертрофирован-

ным признакам пола, их также можно связать с тем же культом плодородия. Если верно наблюдение, что мужские фигурки исчезают в раннеземледельческих комплексах к западу и юго-западу от триполья,² то следует думать, что возникли они в самой трипольской среде, но не получили широкого распространения. Может быть, поэтому плечевые выступы на мужских фигурках являются лишь неосозванным переносом скульптурного приема, применявшегося при изготовлении женских изображений. Но об этом речь будет ниже.

Зооморфные изображения

Среди находок пластических фигурок в Луке-Врублевецкой скромное место занимают terracotta животных, количество которых значительно меньше, чем фигурок людей. Такая резкая количественная диспропорция между изображениями человека и животных характерна и для других трипольских памятников. Может быть, именно потому, что фигурок животных меньше, чем статуэток человека, они привлекали к себе меньше внимания со стороны исследователей. Пока еще нет ни одной обобщающей работы, освещающей зоопластику не только собственного триполья, но и раннеземледельческой скульптуры юго-востока Европы в целом. Такое же как будто положение установилось и по отношению к древнейшим изображениям животных из поселений восточного Средиземноморья и Переднего Востока. Следует, однако, сказать, что изучение зоопластики имеет не меньшее значение, чем, например, изучение антропоморфных изображений. Изучение фигурок животных, постоянно встречающихся в раннеземледельческих поселениях, не только поможет раскрыть некоторые элементы древнеземледельческих представлений, но и пролить свет на отдельные вопросы происхождения и развития скотоводства. Может быть, при мас-

12 мужских (см.: E. Bulanda. Kult Bogini-Matki. . . , стр. 5). В. Миков отмечает, что в болгарских раннеземледельческих поселениях найдено всего семь мужских фигурок на многие десятки женских статуэток. К тому же не все семь фигурок бесспорны с точки зрения принадлежности их к мужскому полу (см.: В. Миковъ. Идолната пластика предново-каменната епоха въ България, стр. 196—197).

² E. Bulanda. Kult Bogini-Matki. . . ; стр. 6.

¹ Э. Буланда дает, например, следующую пропорцию: на 110 женских фигурок встречается

содом сравнительном изучении зоопластики окажется возможным установить значение того или иного животного в хозяйстве, а также и качественный состав стад в отношении пород скота.¹ Решение этих вопросов принадлежит будущему, сейчас же мы обратимся к рассмотрению фигурок животных, встречаемых при раскопках в Луке-Врублевецкой.

Зоопластика в Луке-Врублевецкой занимает, как сказано, очень скромное место по сравнению с антропоморфными изображениями. Если не считать мелких фрагментов, принадлежащих по ряду признаков к фигуркам животных, а также неясных изображений, которые только условно могут быть причислены к зооморфным, то в нашей коллекции окажется всего 16 зоопластических фигур (табл. 113—116).

Глина, шедшая на изготовление терракот, ничем не отличается от глины, из которой выделывали сосуды. Это или хорошо отмученная масса, или имеющая значительную крупнозернистую примесь, состоящую главным образом из песка. Обжиг статуэток тоже неодинаков. Хорошо обожженные фигурки чередуются со статуэтками среднего или даже слабого обжига. Цвет статуэток варьирует от темных, почти черных тонов до светложелтого. Отделка поверхности статуэток в большинстве случаев свидетельствует об облицовке поверхности терракот мелкоструктурной глиной. Таким образом, технологическая характеристика статуэток животных вполне совпадает с теми описаниями, которые были даны для антропоморфных фигурок из Луки-Врублевецкой. В стилистическом отношении фигурки животных можно разделить на две группы: статуэтки схематического типа и статуэтки схематично-натуралистического типа. Эти различия отвечают передаче изображений в большей или меньшей степени приближения к натуре. Едва ли прав К. Маевский, считающий, что натурализм в зоопластике триполья — это явление постоянное и возникшее одновременно с зоопластикой. Если бы это действительно было так, то определение видов животных по терракотам не встречало бы затруднений. На деле же

¹ Попытки в этом направлении делались, например, Е. Цегак (см.: Н. Селак. *Plastyka eneolitycznej kultury.*...) и В. Л. Богаевским (см.: В. Л. Богаевский. *Орудия производства.*...).

такое определение не всегда возможно именно из-за схематизации и условности изображений.¹ В нашей коллекции зооморфных терракот достаточно определенно выявляются следующие животные: бык, свинья, коза, собака и птица. По количеству: быка передают девять фигурок, свинью — две, козу — одна, собаку — одна, птицу — одна, к неопределенным зооморфным статуэткам (может быть овцы) относятся две фигурки. Есть основание предполагать, что головки быков служили в качестве наделов на сосуды. Нельзя сказать, чтобы изображения быков были натуралистичны. Наоборот, их отличает схематизм и слабая проработка деталей. Однако определить их по форме рогов не составляет особого труда. Последние передаются или натуралистично, с характерной изогнутостью и некоторым наклоном вперед (табл. 113, е), или схематично, как широкие и короткие ответвления от головки узкомордого животного (табл. 113, д). Крайней степени схематизации изображения животных достигают на ручках сосудов.

Фигурки животных также могут быть разделены на орнаментированные и неорнаментированные. Мы можем отметить четыре приема орнаментации: широкие продольные желобки, округлые неглубокие ямки, короткие поперечные насечки и, наконец, обычные врезные линии.² На изображении свиньи с обломанными ногами имеет место орнаментация продольными широкими бороздками, чередующимися с рядами округлых ямок (табл. 114, б). У головки свиньи вокруг шеи идет ряд ямок и шейник из бороздок (табл. 114, а). Неопределенное животное (овца?) имеет однородный орнамент из ямок, огибающих грудь и нижнюю часть туловища животного; на спинке нанесены короткие поперечные штрихи (табл. 116, б). Точно такие же штрихи могут быть отмечены на спинке очень условно трактованной фигурки птицы (рис. 11, г). Врезной линейный орнамент нанесен на боку птицы, а в другом случае на головке быка.

Несмотря на малочисленность фигурок животных из Луки-Врублевецкой, они,

¹ Судя по общему впечатлению, фигурки животных из румынских местонахождений типа Руджированы или Кассисареле более схематичны, чем фигурки животных из трипольских или болгарских раннеземледельческих памятников.

² Все названные приемы орнаментации вполне совпадают с теми, которые применялись для орнаментации сосудов.

так же как и статуэтки человека, имеют определенное значение уже потому, что мы очень мало знаем о зоопластике раннего триполья вообще. В раннем трипольском памятнике — Озаринцах — М. Я. Рудинский собрал несколько фигурок, видимо бычков и баранов.¹ В остальных раннеземледельческих поселениях если и были находки статуэток животных, то сведения о них крайне недостаточны. Известно, например, что в Борисове, Сабатиновке, Городнице были находки терракот животных, но подробные сведения о них в публикациях отсутствуют.

Таким образом, коллекция из Луки-Врублевецкой представляет собой пока самое полное собрание зооморфных фигурок с раннетрипольского поселения. Сопоставляя зооморфные терракоты из Луки-Врублевецкой с пластическими изображениями животных из других более поздних трипольских памятников, нетрудно отметить отчетливо проявляющиеся родственные черты между зооморфной скульптурой, происходящей из разных по возрасту трипольских местонахождений, и зооморфными пластическими изображениями раннего триполья. Прежде всего выступает преувеличенная объемность скульптуры. Здесь имеется в виду чрезмерная массивность фигурок, непроработанность деталей. Вместе с тем наблюдается и схематичность изображений. Однако часто схематичность сочетается с натуралистичностью в передаче, по-прежнему-таки не в общем построении фигурки, а чаще в деталях. Например, фигурки свињи имеют реалистично выполненные рыльца при сильной схематизации туловища животного. То же можно сказать и о терракотах бычков, головки которых трудно приписать какому-либо другому животному, но формовка туловища часто отходит от натуралистического образа и передается схематично. Отвлеченность от реального образа доходит до крайней степени, когда вместо целостного изображения животного представлена лишь часть его. Так, например, на некоторых сосудах имеются налпы в виде головок бычков, наделенных вполне реалистическими чертами. Вместе с тем имеются и сосуды, на которых изображались барельефом только рога животных или налпы по краю венчика,

лишь очень отдаленно напоминающие головки животных.¹ Даже в объемной скульптуре можно констатировать случаи, когда вместо изображения животного, например тех же бычков, даются только рога, укрепленные на глиняном прямом стерженьке.²

В литературе уже указывалось, что в зоопластике трипольских памятников количественно преобладающее место занимают фигурки быка. На это указали, в частности, Е. Цегак, Б. Л. Богаевский, Ч. Амброжевич, К. Маевский, Э. Буланда. Сказанное ими вполне подтверждается и находками в Луке-Врублевецкой. Достаточно часто встречаются изображения мелкого рогатого скота, особенно барана, реже свињи и лошади. Количественное соотношение отдельных видов в пластике в известной мере соответствует и костным остаткам фауны. В главе о фауне мы привели процентные соотношения между отдельными видами животных в различных трипольских памятниках и показали, что бык выступает в трипольском хозяйстве как ведущее животное. Интересно, что изображение быка является основным сюжетом не только в объемной скульптуре, передающей отдельных животных, но и в барельефах, в налпах бычьих головок на сосудах, а иногда и в рисунках на посуде. Имеются даже сосуды в форме вымени коровы с пожками в виде сосков. Таким образом, ведущая роль быка в хозяйстве трипольского общества вполне подтверждается не только количественным преобладанием костей этого животного в трипольских поселениях, но и количественным преобладанием скульптурных и других изображений его.

Несколько по-иному стоит вопрос о соотношении хозяйственного значения свињи и изображения этого животного в пластике. Кажется странным, что изображения свињи в зоопластике триполья явление далеко не частое. Между тем костные остатки этого животного в большом числе и почти повсеместно встречаются в трипольских памятниках. Кроме Луки-Врублевецкой, где найдены две скульптуры свињи, можно указать

¹ В. Хвойко. Каменный век. . . , табл. XXIV, рис. 1, 3, 4, 8, 14, 15. — Т. С. Пасек. Периодизация. . . , стр. 47, рис. 17, 1, рис. 61, 8. — А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистое, стр. 103, рис. 25.

² Например, находка, сделанная М. И. Артамоновым при раскопках в Печорах на южном Буге.

¹ М. Рудинский. Поговородский выв. . . , фиг. 9.

еще на терракоты свиньи из Пьянижкова (три экземпляра)¹ и Кошиловцев² (две фигурки). В зарубежных памятниках скульптурные изображения свиньи также нечасты: в Бентешти³ найдена одна фигурка, в Руджиноазе⁴ тоже один экземпляр, как и во Фрумушице,⁵ и, наконец, в Винче⁶ найдено четыре терракоты свиньи.

Совсем мало понятным представляется несоответствие между находками изображений овцы и количеством костей овцы в памятниках раннего и развитого триполья. Скульптурные изображения барана-овцы не так уж редки в памятниках триполья, но кости этого животного представлены в остеологических собраниях в очень небольшом числе. И наоборот, костей козы в трипольских местонахождениях встречено множество, при очень ограниченном количестве изображений этого животного в скульптуре и рисунке. Терракоты козы найдены в единичных экземплярах в Луке-Врублевецкой, Пристерхюгеле, Глине⁷ и Видре.⁸ Кроме того, коза представлена и в росписи на сосудах из Крутобородинцев и Петрен. Чем объясняется такое несоответствие между количеством костных остатков и изображений козы и овцы — не вполне еще ясно, но представляется правдоподобным, что эта неясность вытекает из неразработанности методики определений костей мелкого рогатого скота, вследствие чего возможна идентификация костей барана и козы. Здесь мы склонны с большим доверием относиться все же к выводам, строящимся на археологических материалах, чем к остеологическим определениям.

При сопоставлении зоопластики триполья с зоопластикой из зарубежных памятников линейно-ленточной керамики устанавливаются общие черты, сближающие скульптуру животных у раннеземледельческих племен на всей территории юго-восточной

Европы. В стилистическом отношении эти общие черты проявляются прежде всего в преувеличенной объемности скульптуры, в схематичности образов, в пренебрежении к проработке деталей. В сюжетном отношении скульптурные изображения на всей большой территории юго-востока Европы передают, как правило, домашних животных. Так, например, в коллекциях из Руджиноазы Г. Думитреску отмечает постоянное присутствие изображений домашних животных.¹ То же говорит и М. Васиц применительно к зоопластике Винчи.² Несмотря на еще большую схематичность пластики из наддунайских памятников, по сравнению с пластикой триполья, затрудняющую определение видов животных, все же ведущая роль быка и мелкого рогатого скота в сюжетах скульптуры и здесь очевидна. Таким образом, связь трипольской пластики с дунайской в стилистическом и сюжетном отношении в общем направлении налицо. Мало того, имеют место и совпадения в выработке некоторых устойчивых деталей скульптуры тех или иных отдельных сюжетов. Так, например, узкомордые головки бычков — налпы на сосудах — можно проследить, хотя и в разной степени схематизации от поднепровских трипольских поселений до Ленггеля.³ Отдельно вылепленные рога быка, быть может, играющие роль амулетов, встречаются в памятниках Поднепровья, в памятниках Дунайского бассейна и далее в средней и западной Европе. А. Штефан обнаружил отдельно вылепленные рога в Кассиоареле и сооставил их с изображением рогов на золотой пластинке из Гумельницы, указав на широкий ареал подобных поделок, особенно на юге, а бассейне Эгейского моря.⁴ Ярким примером, показывающим связь зооморфной пластики Луки-Врублевецкой с наддунайскими памятниками, является небольшое скульптурное изображение животного с утраченными четырьмя ножками из нашего собрания. Интересно оно в том отношении, что на спинке фигурки почти во всю ее длину сделано

¹ M. Himpeг. Etude sur la civilisation prémycéenne. Swiatowit, t. XIV, 1930—1931, Варшава, 1933, табл. XXXVIII, рис. 1—3.

² E. Seňak. Plastyka eneolitycznej kultury. . . , табл. XII, рис. 5.

³ Dacia, III—IV, стр. 110, фиг. 21, рис. 2.

⁴ Там же, стр. 83, фиг. 30, рис. 5.

⁵ C. Mataş. Frumuşica, стр. 22, табл. XII, рис. 431.

⁶ M. Vasich. Preistoriska Vinča III.

⁷ Dacia, III—IV, стр. 232, фиг. 5, рис. 1.

⁸ Dinu Rosetti. Steinkupferzeitliche Plastik, табл. 27.

¹ Dacia, III—IV, стр. 84.

² M. Vasich. Preistoriska Vinča III, стр. 141.

³ M. Wosinsky. Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel, табл. XXIV, рис. 260; табл. XVIII, рис. 142.

⁴ Dacia, II, стр. 179, фиг. 40, рис. 17—20, стр. 187—188.

овальное углубление (табл. 116, е). Нечто подобное мы встречаем на териоморфных сосудах в Шипеницах¹ и Эрбжде,² а совсем аналогичное явление находим в пластике типа Гумельницы (Видра).³ Назначение углублений на спинке животных остается пока непонятным. Возможно, что они служили небольшими вместилищами для жертвенной крови животных.⁴ На ту же общность зооморфной скульптуры, происходящей из раннеземледельческих памятников юго-восточной Европы, указывают и находки фигурок птиц, выполненных в определенной моделировке, на столбчатой ножке. Они найдены в Луке-Врублевецкой, Кошиловцах,⁵ Городнице на Днестре,⁶ во Фрумушице,⁷ Кассиоареле,⁸ в пластике типа Гумельницы⁹ и Винчи.¹⁰ Несколько сомнительна фигурка птицы, происходящая из болгарского поселения Банята.¹¹ Не менее ярким примером тесной взаимосвязи (не генетической) наддунайской линейно-ленточной культуры с раннетрипольской является и птицеподобный сосуд из Луки-Врублевецкой. Таким образом, зооморфная пластика триполья проявляет ряд признаков, позволяющих рассматривать ее как вариант юго-восточноевропейской раннеземледельческой пластики в целом.

¹ G. Child. Schipenitz. . . , стр. 276 и табл. XVI, рис. 1.

² F. Laszlo. Stations de l'époque prémycénienne dans le Comitat de Hazamszék, рис. 86.

³ Dinu Rosetti. Steinkupferzeitliche Plastik. . . , табл. 26, рис. 7.

⁴ В совершенно иной производственной среде, у жителей Горбуновского торфяника, Д. Н. Эдинг отметил в скульптуре животных из дерева весьма любопытный факт. Им опубликованы три фигурки лошади, имеющие углубления на спине, совершенно аналогичные углублениям на спинках глиняных скульптур животных из раннеземледельческих памятников. Д. Н. Эдинг полагает, что углубления эти служили для жертвенной пищи (см.: Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Тр. Гос. Историч. музея, вып. X, М., 1940, стр. 48—49, рис. 36, 39).

⁵ H. Gehak. Plastyka eneolitycznej kultury. . . , табл. XIV, рис. 2.

⁶ M. Smiszko. Tunczasowe sprawozdanie. . . , стр. 71, рис. 5.

⁷ C. Matasă. Frumușica, табл. LVIII, рис. 432—434.

⁸ Dacia, II, стр. 182, фиг. 41, рис. 22.

⁹ Dinu Rosetti. Steinkupferzeitliche Plastik, табл. 26, рис. 9—12.

¹⁰ М. Василь. Преисториска Винча III, табл. СХХХI, рис. 615.

¹¹ П. Детева. Селящната могила Банята. . . , стр. 7.

Несколько больше затруднений мы встречаем, переходя дунайскую зону и пытаясь проследить родство наших зооморфных пластических изображений с зооморфной скульптурой предбалканской и собственно балканской территорий, где распространены древнеземледельческие поселения III—II тысячелетия до н. э. Затруднения эти вытекают из очень ограниченных сведений о зоопластике поселений Балкан. Создается впечатление, что к югу и юго-западу от триполья зоопластических изображений становится все меньше. Даже в таких обильных собраниях скульптуры, как Винча или Бутмир, скульптурные изображения животных занимают более чем скромное место. На сотни скульптурных антропоморфных фигурок в Винче приходится едва ли больше 20 статуэток животных.¹ Еще меньше изображений в коллекции из Бутмира. В сущности говоря, из Бутмира опубликованы только три фрагментированные фигурки животных, выполненные в схематизированной манере, и две-три сильно стилизованные терракоты.²

В восточном Прибалканье, в Болгарии, количество зооморфных изображений, судя по публикациям, тоже невелико. Из очень богатого культурными остатками поселения Коджа-Дермен³ происходит одна статуэтка, может быть свиньи, две фигурки быка и овцы⁴ и несколько териоморфных столиков, подобных найденному в долине Тонсуса (Франция).⁵ Так же бедно представлена скульптура животных из поселения близ Салманово,⁶ откуда происходят всего две фигурки, видимо овцы. Имеются терракотовые изображения животных и в некоторых других раннеземледельческих поселениях Болгарии: в Яса-Тепе, Баията, Дзве-Берган и других, но представлены они очень небольшим числом экземпляров.⁷ В неолитических

¹ М. Василь. Преисториска Винча III, стр. 141—144, табл. СХХVIII—СХХХIII.

² W. Rodimsky, M. Hoernes. Die neolitische Station von Butmir.

³ Р. Поповъ. Коджа-Дерменската могила при гр. Шуменъ, стр. 136, рис. 140, б.

⁴ Р. Поповъ. Идоли и животински фигури отъ предисторичната могила при Коджа-Дерменъ. Известия на Българското археологическо дружество, т. II, София, 1911, стр. 77—78.

⁵ Jégoue. L'époque néolithique dans la vallée du Tonsus. Rev. Archeol., т. XXXIX, Париж, 1901, стр. 335.

⁶ Р. Поповъ. Предисторическата Денева могила при Салманово.

⁷ П. Детева. Селящната могила Яса-

поселениях Македонии присутствие фигурок животных тоже нельзя считать характерным. В большой серии находок из Сервии есть, например, только одна головка, видимо собаки; ¹ южнее — в Фессалии, так же как и в Коринфе, терракоты животных представлены считанным числом экземпляров, как, впрочем, и в равнинных памятниках островов восточного Средиземноморья.²

Довольно бедны пластическими изображениями животных раннеземледельческие памятники Малой и Передней Азии (Троя, Алишар, Оуюк). Пожалуй, лучше всего териоморфная скульптура представлена в Месопотамии и Ассирии.³ Древнеземледельческая скульптура этих областей и Сузаны по стилистическим и сюжетным признакам ближе всего стоит к трипольской. В ней также главенствующее положение занимают домашние животные, в том числе бык, мелкий рогатый скот и, может быть, свинья. Совсем неплохим собранием терракот, по стилистическому и сюжетному сходству также очень близких к трипольским, представлена коллекция из Кюль-Тапа в Армении.⁴ Более далекие аналогии ведут нас в Анау.

Для установления сюжетной и стилистической общности зоопластики триполья с изображениями животных из раннеземледельческих памятников Средиземноморья и Переднего Востока большой интерес представляет лепное изображение животного (собаки?) в виде ручки от крышки сосуда, происходящей из трипольского поселения в Таргу-Окиа (молдавские Карпаты). «Агрессивность» позы животного и некоторые другие стилистические особенности фигурки позволяют присоединиться к заключению Р. Вульпе о местном происхождении скульптуры, проявляющей родство с изображениями собак из Петрен, но в то же время

носящей сильный отпечаток художественных традиций Востока.¹

Таким образом, пытаюсь найти черты общности териоморфной пластики в разных областях раннеземледельческой культуры, мы проследовали теми же путями, какими двигались раньше, устанавливая стилистическое и сюжетное сходство антропоморфной скульптуры из Луки-Врублевской с пластикой юго-восточной Европы, Балкан, Малой и Передней Азии. Можно ли сказать, однако, что пластика животных так же показательна в проявлениях родственных черт на всех отмеченных территориях ее распространения? Такое заключение было бы поспешным уже потому, что сопоставляются не равнозначные в смысле численности собрания. Вполне определенно мы можем говорить о сходных чертах, в том числе и о сюжетных, например о преимущественном использовании главным образом домашнего животного в зооморфной скульптуре юго-восточной Европы, что позволяет предполагать оживленные связи между племенами. Что же касается зоопластики на более обширной территории — Балкан, Малой Азии и Переднего Востока, то сблизить ее с трипольской или юго-восточноевропейской в целом можно лишь в стилистическом отношении. Действительно, скульптуры животных, особенно бычков и овец, с указанных территорий стилистически проявляют много общих черт с трипольскими фигурками. Так, например, отметим удивительное сходство в оформлении бычьей головки из Хан-Тепе,² с ее характерным треугольным очертанием, с головками бычкое триполья. Говорить же о взаимоотношениях и тем более о генетических связях раннеземледельческой пластики Ассирии и близкой к ней закавказской пластики (Кюль-Тапа) с трипольской, не являя связующих звеньев, пока преждевременно. Учитывая преобладание и там и тут среди других сюжетов изображений быка, можно предполагать, что культ быка, рано сложившийся на Переднем Востоке,³ прониц из восточного Средиземноморья в юго-восточную

Тепе... — П. Детевъ. Селищната могила Банята... — Р. Поповъ. Могила Деве-Берганъ... — J. H. Gaul. The neolithic period in Bulgaria..., табл. LXI—LXIII.

¹ W. Neurtley. Prehistoric Macedonia, стр. 246, табл. X, рис. 35, а.

² Wase a. Thompson. Prehistoric Thessaly, стр. 128. — С. W. Blegen. Korakou.

³ M. Mallowan a. J. Cruikshank Rose. Prehistoric Assyria, стр. 36, фиг. 48. — E. A. Spreiser. Excavations at Tepe Gawra, т. I, табл. XXXII.

⁴ В. В. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. Сов. археолог., т. XI, рис. 4.

¹ R. Vulpe. Figurine thériomorphe de la Cucuteni B. Jahrb. f. prähist. u. ethnogr. Kunst, т. XII, Берлин, 1938, стр. 57—65.

² T. J. Arne. Excavations at Shan Tepe, Iran, стр. 258, рис. 531.

³ Н. Д. Флиттнер. Земледельческие культы древней Месопотамии. Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1938.

Европу, где прочно укрепился и нашел свое отражение в скульптуре. Примерно в таком направлении объясняют наличие фигурок быка в триполье Е. Цегак и С. Носек.¹ Культурное значение быка еще долго удерживается в земледельческой среде и переходит к скифам и славянам.²

В заключение мы считаем уместным остановиться на вопросе о времени и месте приручения лошади. На первый взгляд этот вопрос не имеет прямого отношения к теме работы. Однако приняв во внимание находки костей лошади в Луке-Врублевецкой, а также наше стремление рассматривать материал Луки-Врублевецкой на широком сравнительном фоне, постановка этого вопроса имеет свое оправдание. В главе об остатках фауны из Луки-Врублевецкой даны основные сведения о находках костей лошади в трипольских памятниках. Сведения эти довольно ограничены для всех трипольских местонахождений, за исключением Городска и Усатова, где отмечается обилие костных остатков лошади. В Подунавье в энеолитических поселениях кости лошади встречаются очень редко³ и могут быть отмечены в двух болгарских местонахождениях — Мадара и Под-Града. В памятниках средневропейского энеолита имеют место находки костей лошади, но опять-таки в очень небольшом числе.⁴ Они встречаются, например, в северо-западной Германии в брауншвейгских поселениях, в Кельн-Линдентале, не говоря уже о швейцарских свайных поселениях. Впрочем, и на таких территориях, как Передняя и Малая Азия, где очень рано сложилась земледельческая культура, находки костей лошади на поселениях тоже малочисленны.

В. И. Громова, специально занимавшаяся изучением костных остатков лошади на трипольских местонахождениях, еще в ранней своей работе отметила, что на костяке

¹ H. Cebak. *Plastika eneolitycznej kultury...*, стр. 198. — S. Nosek. *Stady kultów religijnych...*, стр. 186.

² Л. А. Диндес. *Русская глиняная игрушка*. М.—Л., 1936, стр. 19. — Г. О. Булашова. *Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях*, выд. I. *Космогонические украинские народные воззрения и верования*. Киев, 1909, стр. 299. — Дм. Шеппинг. *Мифы славянского язычества*. М., 1849.

³ G. Childe. *The Danube in prehistory*, стр. 46, 62, 73, 89, 103.

⁴ H. Reinerth. *Die jüngere Steuzeit der Schweiz*. Ayrceburg, 1926.

лошади «меньше, чем на костяке всех других животных, сказалось влияние приручения, благодаря незначительной перемене в образе жизни и функционировании мышц, работой которых в значительной мере определяется форма костей».¹ Основываясь на остеологических данных и небольшом количестве костей, происходящих из трипольских памятников, В. И. Громова склоняется к мысли, что «собственной домашней лошади трипольцы не имели». Осторожности ради В. И. Громова не решает этого вопроса вполне определенно, ссылаясь на возможные коррективы в связи с теми методическими оговорками, которые касаются сбора материала, происходящего из трипольских поселений.²

Находки костей лошади, сделанные на трипольских памятниках уже после выхода в свет работы В. И. Громовой, не продвинули решения вопроса о том, имеем ли мы в триполье дело с дикой или домашней лошадкой.

Если основываться только на данных определения костей, то и сейчас едва ли можно сказать больше, чем сказала В. И. Громова почти четверть века тому назад и вновь подтвердила в недавно вышедшей монографии в следующих словах: «Отличия костей домашних лошадей от диких не известны, да вряд ли существуют в абсолютной форме...».³ Вместе с тем В. И. Громова несколько уточняет и вопрос о времени приручения лошади в Европе, полагая, что отсутствие домашней лошади в памятниках раннего триполья следует считать «недостаточно доказанным, чтобы строить выводы на соответствующем материале».⁴ В другом месте своей работы автор отмечает: «В Европе домашняя лошадь установлена с энеолитических культур, т. е. с времени 2500—1500 лет до н. э.».⁵ Что касается территории южного пояса, то В. И. Громова допускает возможность наличия домашней лошади в Египте еще до прихода сюда гиксов (около 1600 лет до н. э.), причем повлечение ее здесь могло произойти

¹ В. И. Громова. *Материалы к познанию фауны...*, стр. 101.

² Там же, стр. 85—86.

³ Вера Громова. *История лошадей (рода Equus) в Старом Свете*. Тр. Палеонтолог. инст., т. XVII, М.—Л., 1949, вып. I, стр. 191; вып. II, стр. 146, 159.

⁴ Там же, вып. I, стр. 191.

⁵ Там же, стр. 233 (примеч.).

вследствие заимствования лошади у народов южной Европы.¹

Из сказанного вытекает, что вопрос о времени начального приручения лошади в Европе, если основываться на палеозоологических данных, остается открытым.

Попытаемся подойти к этому же вопросу, используя для освещения его археологический материал. Б. Л. Богаевский после работы В. И. Громовой и ранней работы Д. Н. Анучина² обратился к изучению вопроса о времени приручения лошади на юго-западе СССР, пользуясь уже известными тогда изображениями лошадей из трипольских памятников.³ Б. Л. Богаевский направил свое внимание на изучение экстерьера изображенных в росписи лошадей и двух скульптурных головок. По Б. Л. Богаевскому, «... лошадь вошла в круг знакомства обитателей степей юга СССР эпохи расписной керамики на определенной хозяйственной стадии жизни общества, хорошо знавшего уже собаку, мелкий скот (овца, коза, свинья) и крупный (корова, бык двух пород)».⁴ И дальше: «В изображении княга в росписи и пластике мы должны видеть не простое изображение дикой лошади, но в прирученном, хотя еще и не одомашненном виде».⁵ Хотя видовое определение лошадей по рисунку или скульптуре едва ли можно считать достоверным ввиду стилизованности и схематичности изображений, нельзя не признать, что Б. Л. Богаевский остроумно провел свое исследование и пришел к любопытным заключениям, несмотря на то, что располагал малым материалом. Слабым местом его работы является слишком индивидуальное восприятие тех или иных черт на изображениях лошадей и шаткие сопоставления с княгом или куланом.

¹ Там же, стр. 233.

² Д. Н. Анучин считал, что следы домашней лошади в Европе вполне явственны только с эпохи бронзы (см.: Д. Н. Анучин. К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России. Журн. Мин. народн. просвещ., 1896, стр. 232).

³ Б. Л. Богаевский. Изображение лошади в половецком обществе Днестро-Днепровского района. Сообщения ГАИМК, № 1, 1931, стр. 20—25. — Б. Л. Богаевский. Орудия производства... стр. 229—236.

⁴ Б. Л. Богаевский. Изображение лошади... стр. 23.

⁵ Там же и в его же работе «Орудия производства...» (стр. 329—338).

Заслуга же Б. Л. Богаевского состоит в том, что он привлек в своей работе, кроме остеологических данных, известные в то время и дополненные собственными музейными разысканиями рисунки и скульптуру лошадей трипольского возраста. Изображения лошади и по сей день представляют собой довольно редкое явление среди пластических и живописных изображений животных в триполье. Б. Л. Богаевский пользовался пятью-шестью изображениями коней из Бильче-Злото, Кошиловцев и Сушковки.

Сейчас известно несколько больше изображений лошадей. Из давно открытых можно указать на рисунок лошади на одном из петренских сосудов.¹ Это изображение в стилистическом отношении стоит очень близко к изображению пары лошадей из Фрумушицы.² Глухие, но все же достоверные сведения имеются о находках фигурок коней и в таких ранних памятниках, как Борисовка и Городница, а также из раскопок С. С. Гамченко в б. Балтском уезде. Таким образом, к тем изображениям коней, которые имелись в распоряжении Б. Л. Богаевского, сейчас можно прибавить по крайней мере еще пять-шесть подобных находок в памятниках трипольского типа или близких к ним по времени, например в Дурачеве (Польша). Конечно, такое прибавление не слишком увеличивает число находок изображений лошадей в триполье, но все же делает их заметными среди других изображений животных.

Не принимая во внимание трудно определяемых или непонятных терракот (например тапир из Видры или жаба из Винчи), которых, кстати сказать, не так уж и много, отметим, что для раннеземледельческих памятников очень широкого ареала характерно присутствие терракот, изображающих почти исключительно домашних животных. Изображения быка, овцы, козы, свиньи, собаки являются самыми распространенными и традиционно устойчивыми сюжетами.

О том, что для зооморфной пластики триполья характерны изображения домашних животных, писал В. И. Равдоникас.³

¹ Э. Р. Штерн. Домосторическая греческая культура... табл. XI, рис. 2,а.

² С. Mataszy. Frumuşica, табл. X, рис. 310.

³ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. II. М.—Л., 1947, стр. 247.

Г. Чайльд,¹ Э. Буланда² и другие. Э. Буланда, например, прямо подчеркивает, что в трипольской пластике изображались только домашние животные. С этим заключением трудно не согласиться, не распространяя его, однако, на изображения птиц, представляющих, видимо, свою определенную сферу верований, связанных со сменой времен года (птица как предвестник весны).

Если действительно трипольская терiomорфная пластика передает в основном только домашних животных, то, кажется, нет оснований делать исключения для изображений лошадей. Следовательно, при таком подходе вопрос о времени приручения лошади получает хотя и косвенное, но конкретное освещение. Можно думать, что поскольку изображение лошади нашло свое место в росписи и пластике триполья, постольку лошадь действительно вошла в быт ранних земледельцев и скотоводов триполья. Однако на этапах раннего и развитого триполья степень использования лошади в хозяйстве, видимо, была еще невелика. Об этом красноречиво говорит редкость находок костей лошади на поселениях. Лошадь, как сказал Б. Л. Богаевский, была скорее в прирученном, а не в одомашненном состоянии.³ Этим, быть может, и объясняется и редкость изображения лошади по сравнению с другими животными, например быком или бараном. Не укрепившись еще достаточно прочно в земледельческо-скотоводческом быту, лошадь не нашла отчетливого отражения в верованиях. Это произошло значительно позднее.

В связи со сказанным естественно возникает ряд вопросов. Один из них касается не только уточнения времени приручения лошади, но и места приручения.

Среди палеонтологов нет еще единства взглядов по вопросу установления ареалов расселения лошадей и видов, ставших исходными для одомашнения. В. И. Громова полагает, что в позднем плейстоцене остатки лошадей в Западной Европе очень многочисленны.⁴ В южной же Европе (Испании, Италии, Греции) плейстоценовые лошади совершенно не известны.⁵ Только позднее, уже

в эпоху голоцена «европейские лошади, первоначальные жители более высоких широт, более влажного климата и более облесенного ландшафта... заселили Европу до ее южных окраин».¹ Остатки лошадей голоценового времени представлены очень слабо, и существование исконо диких лошадей в современной геологической эпохе в Западной Европе и Польше палеонтологически не доказано.² В общем, как говорит В. И. Громова, «состав населения лошадей Европы к моменту предполагаемого одомашнения (развитой неолит или бронзовая эпоха) не выяснен».³ «Сейчас кроме степного тарпана намечается факт существования в лесной полосе Европы (только центральной) лошади более крупной... возможно потомка плейстоценовых лошадей Европы».⁴ С. Н. Боголюбский считает, что южная Европа может быть включена в ареал видов рода *Equus*, являвшихся исходными для одомашнения.⁵ Что касается диких лошадей не исконо европейских, т. е. тарпана, то он доживает до средневековья и позже в средней и западной полосе Европы.⁶ Таким образом, намечаются две ветви в родословной лошадей, обитавших в Европе: одна ветвь ведет в плейстоцен и представлена центральноевропейской лесной лошадью, другая восходит к пришлому виду — тарпану, не стоящему в генетической связи с плейстоценовыми лошадьми и не являющемуся исходным видом для доместикиции. Таковы палеонтологические данные, на основании которых можно предположить, что

¹ Там же, стр. 153.

² Там же, вып. I, стр. 193.

³ Там же, вып. II, стр. 159.

⁴ Там же.

⁵ С. Н. Боголюбский. О путях к овладению домашних животных. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.—Л., 1940, стр. 26—27 (карта).

⁶ Д. Н. Анучин. К вопросу о диких лошадях... — Небезынтересно также сообщение Геродота о том, что в истоках Гипаниса (Буга) водятся дикие белые кони. С. М. Середонин считает указание Геродота вероятным, так как в новороссийских степях дикие лошади водились еще в XVIII в. (см.: С. М. Середонин. Историческая география. Пгр., 1916, стр. 22). В показаниях Геродота следует учитывать некоторый налет легендарности, например в указании на масть лошадей, может быть, ассоциируемую с конями бога солнца. Тем не менее нет оснований отрицать правильность сообщения Геродота, однако сейчас можно говорить о том, что оно касается не вообще исконо европейских лошадей, а скорее всего тарпана.

¹ G. Child. Schipenits. . . , стр. 287.

² E. Bulanda. Kult Bogini-Matki. . . , стр. 5.

³ Б. Л. Богаевский. Изображение лошади. . . , стр. 23.

⁴ Вера Громова. История лошадей. . . , вып. I, стр. 147.

⁵ Там же, вып. II, стр. 125.

именно центральноевропейская лошадь подверглась одомашнению раннеземледельческими племенами.

Археологические данные не противоречат палеонтологическим. Обращает на себя внимание интересный факт: в трипольских памятниках мы встречаемся с костными остатками лошади и изображениями ее в скульптуре и росписи. Ни того, ни другого не наблюдается в балканских памятниках типа Винчи, Старчево или Бутмира, а также и в более южных местонахождениях Македонии, Фессалии и островов Средиземноморья. Видимо, не случайно, что в сводке В. И. Громовой и в других источниках нет указаний на остатки лошадей в раннеземледельческих памятниках Балканского полуострова. Здесь нет также и изображений лошадей в пластике или в росписке.

В еще более южных памятниках (Малой Азии и Среднего Востока) могут быть отмечены редкие находки костей лошади при отсутствии изображений этого животного в скульптуре или живописи, т. е. здесь имеет место то же явление, которое характерно для западной и средней Европы. Только со второй половины II тысячелетия в южных ареалах и в юго-восточной Европе положение резко меняется и лошадь становится одним из ведущих хозяйственных животных. Этот процесс внедрения лошади в хозяйство ранних земледельцев и скотоводов отражен в таких позднетрипольских памятниках, как Усатово, Городск и, вероятно, Под-Града (Болгария).

Следовательно, область распространения трипольской культуры остается каким-то изолированным очагом от каких бы то ни было центров, где можно предполагать источник заимствования опыта одомашнения лошади или самих домашних лошадей. Можно думать, что domestикация лошади происходила в лесной зоне центральной и юго-восточной Европы на основе местного вида крупной лесной лошади, ставшей исходным видом для прирученной лошади трипольской эпохи. Одомашнение лошади произошло на юго-востоке Европы у обществ, уже обладавших опытом ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства, примерно в то же время, когда происходил параллельный процесс domestикации лошади в центрах древних цивилизаций Востока. В самом же факте одомашнения лошади на юго-востоке Европы можно видеть даль-

нейшее развитие опыта приручения домашних животных (овцы, козы и, возможно, быка), который созрел в южном поясе раннеземледельческих культур и был перенесен в Европу.

Вопрос о времени и месте приручения лошади — большой и специальный вопрос. Мы решились поставить его в разделе пластики Луки-Врублевской только потому, что считаем, что в решении этого вопроса нельзя миновать и данных, вытекающих из рассмотрения скульптуры.

Значение скульптурных изображений в мировоззрении ранних земледельческо-скотоводческих племен юго-востока Европы

Одной из видных проблем в изучении верований древних обществ является раскрытие значения женского образа в памятниках скульптуры, живописи или графики как показателя определенных идеологических представлений.

Женские изображения являются древнейшими сюжетами первобытного искусства. Они возникли еще в эпоху верхнего палеолита. Над истолкованием значения их работал ряд исследователей, причем большинство авторов видело в этих фигурках отражение идеи плодородия, исходя из преувеличенных объемных пропорций отдельных частей тела — груди, живота, седалищных частей, которыми часто отличаются женские палеолитические статуэтки. Не раз также обращало на себя внимание удивительное сходство палеолитических фигурок с раннеземледельческими фигурками Ближнего Востока, восточного Средиземноморья и юго-восточной Европы. Сходство палеолитических фигурок с раннеземледельческими отмечается в наличии стеатопигических признаков, в спокойном положении тела (стоящие и сидящие статуэтки), а главное — в положении рук, помещенных часто на груди или под грудью. Тем не менее нет никаких серьезных оснований предполагать, что палеолитические фигурки находятся в каком-либо культурно-историческом родстве с раннеземледельческими женскими изображениями. Но факт возникновения их в среде первобытных охотников важен и поучителен в том отношении, что указывает на очень древнюю традицию изготовления женских скульптурных изображений, а следова-

тельно — на некоторые элементы общности верований у столь отдаленных во времени обществ.

В советской литературе существуют два истолкования палеолитических женских скульптурных изображений: одно из них принадлежит С. Н. Замятинну, другое — П. П. Ефименко. Обе точки зрения коренным образом отличаются от буржуазных истолкований, для которых характерны модернизация и идеалистичность в понимании существа и происхождения женского образа в палеолите.

С. Н. Замятин полагает, что наличие в палеолитических собраниях фигурок, наделенных чрезмерной полнотой, и стройных, «сухощавых» фигурок заставляет взять под сомнение значение их как символов «плодородия». ¹ Свои сомнения в разрешении вопроса в таком плане С. Н. Замятин подкрепляет и невозможностью объяснить, почему женские статуэтки исчезают в том же верхнем палеолите, а не доживают до более поздних ступеней его развития. С. Н. Замятин предлагает интерпретировать женские палеолитические статуэтки как атрибуты, связанные с магическим охотничьим ритуалом. Эта гипотеза безусловно представляет интерес уже потому, что основывается на очень тонком анализе фактов, например при блестящей интерпретации изображений на Лоссельском барельефе. Однако С. Н. Замятин едва ли прав, сводя свое объяснение значения статуэток только к функциям, связанным с охотничьей магией, и не раскрывая при этом существа охотничьей магии. Представляется вполне оправданным предположение, что лоссельский сюжет передает магический акт, направленный на удачу в охоте. Таким образом, гипотеза С. Н. Замятина является обоснованной, но объясняющей лишь частное применение определенных магических действий, связанных с охотой.

В более широком плане значение палеолитических статуэток раскрывает П. П. Ефименко. ² Критикуя буржуазные представления о значении статуэток, П. П. Ефименко предлагает свое решение этого вопроса. Автор исходит из двух существенных

предпосылок — экономической и социальной организации ориньяко-солжотрейского общества, причем особо выделяет такие факторы, как наличие матриархально-родового строя и возникновение оседлости. И то и другое способствовало возвышению роли женщины, появлению культа прародительниц, покровительниц окружающей природы. П. П. Ефименко вовсе не снимает и гипотезы С. Н. Замятина, включая его положения в свою систему взглядов как разъяснение одного из частных явлений. Важно также и то, что П. П. Ефименко не отрицает значения женского образа в кругу представлений о плодородии, о довольстве и благосостоянии. Таким образом, в женских статуэтках палеолита П. П. Ефименко видит отражение не одной какой-то идеи, а воплощение ряда представлений, связанных с образом женщины. Это положение автором подтверждается и на этнографическом материале. Гипотеза П. П. Ефименко поэтому остается лучшей из всего того, что было предложено для объяснения женских изображений верхнего палеолита. Не разбирая специально вопроса о происхождении женского образа в раннеземледельческих верованиях, П. П. Ефименко все же связывает появление его в памятниках триполья, Анау и Суз, равно как и в кругу «средиземноморской» раннеземледельческой культуры с тем важным значением, которое заняла женщина в самом земледельческом хозяйстве. ¹

Итак, скульптурные изображения женщин, возникшие при охотничьем хозяйстве, в среде с крайне низким уровнем развития производительных сил, уже в позднем палеолите как бы отмирают с тем, чтобы вновь возродиться на другой хозяйственной основе, в другой среде — раннеземледельческих и примитивно-скотоводческих племен, населявших южную половину Европы, Малую Азию, Средний Восток и Среднюю Азию. При этом внешние формы скульптурных изображений женщин эпохи палеолита и скульптуры энеолита в ряде признаков вполне совпадают (положение рук: на груди, под грудью, обращенных кверху, статопригнность и т. д.). Нам представляется, что аналогичные черты палеолитических и энеолитических статуэток вытекают из одного

¹ С. Н. Замятин. Раскопки у с. Гагарина. Сб. «Палеолит СССР», Изв. ГАИМК, вып. 118, М.—Л., 1935, стр. 67, 71.

² П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 416—425.

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 421. — Эту точку зрения сейчас разделяет и ряд зарубежных авторов — К. Маевский, С. Носек, Дж. Томсон и другие.

и того же круга идей, возникших в одном случае на охотничьей ступени, а в другом — на земледельческо-скотоводческой, когда духовная деятельность людей, как говорил Маркс, была как бы непосредственно вплетена в материальную жизнь общества. Культурные идеи, связанные с плодородием, так же характерны для охотничьих племен, как и для раннеземледельческих. Это и понятно, ибо в обоих случаях мы имеем дело с примитивным, непосредственным, хотя и искаженным отражением условий материальной жизни первобытного общества.

Обратимся к пластике раннеземледельческих племен.

Нельзя сказать, что женские изображения, так широко представленные в памятниках раннеземледельческих племен на очень больших и далеко расположенных друг от друга территориях, оставались в тени и исследователи не делали попыток к их объяснению. Наоборот, скульптурами раннеземледельческих памятников занимались многие исследователи, давшие такое значительное число публикаций женских изображений, что они с трудом поддаются исчерпывающему учету. Нужно, однако, отметить, что если большинство публикаций женских фигурок и сопровождается указаниями на значение их в древних верованиях или в быту, то это делается попутно, без сколько-нибудь развернутой аргументации, почему тот или иной автор предлагает те или иные объяснения. Из всех многочисленных работ по раннеземледельческой пластике юго-восточной Европы и различных толкований значения женского образа в верованиях древнеземледельческих племен нужно отметить особым вниманием работу А. Скриленко.¹ В сущности говоря, А. Скриленко первая заложила основы классификации пластических изображений трипольского типа, показала связь их со скульптурой южной Европы, островами восточного Средиземноморья и еще шире — с Передним и Средним Востоком. Не чуждым для нее оказались и вопросы значения женских изображений, причем ее объяснение женских фигур как отражения идеи плодородия безусловно имело прогрессивный характер, так как в то время — конец XIX в. и начало XX в. и позднее — в науке господ-

ствовали различные, подчас и необоснованные трактовки женских скульптур как, например, детских игрушек (Н. И. Веселовский, Айлио), изображений невольников или жён, которые должны были сопровождать умершего в загробный мир, и т. п. Таким образом, А. Скриленко действительно оказалась пионером в постановке научных проблем, связанных с изучением пластики триполья.

Нет надобности останавливаться на критике таких ненаучных положений, которые, например, высказал Айлио или другие авторы, искавшие объяснение для женских фигурок, например в сексуальных склонностях древних земледельцев.

К. Гадачек, Е. Цегак и другие предполагают, что женские фигурки триполья связаны с культом мертвых, что они являются заместителями погребальных жертв или изображением самих усопших. Такие объяснения вытекали из неверной интерпретации глиняных площадок, где были найдены статуэтки, как погребальных сооружений. Кстати, Блинкенберг и А. Эванс примерно так же трактуют женские терракоты южной Европы. В. Думитреску склонен рассматривать фигурки людей из раннеземледельческих памятников юго-востока Европы как образы божеств-охранителей. Д. Розетти отрицает возможность истолкования женских статуэток как объектов, отражающих культ предков (Гернес), и предлагает рассматривать их как материнское божество. В таком же направлении высказывается и А. Штефая. Э. Р. Штерн, В. В. Хвойко, Г. Обермайер и многие другие не высказывают определенных суждений о женских фигурках и называют их слишком обобщенным термином — идолы.

Среди советских исследователей большой интерес к пластическим изображениям из раннеземледельческих памятников юга и юго-запада СССР всегда проявляли Е. Ю. Кричевский и Т. С. Пассек. Е. Ю. Кричевский высказал ряд мыслей по вопросу о значении статуэток для характеристики некоторых социальных проблем, например установления матриархальных начал в древнеземледельческом обществе. Он же специально занимался вопросом смыслового значения орнаментации на женских статуэтках.¹

¹ А. Скриленко. Глиняные статуэтки домикенской культуры...

¹ В этом направлении, впрочем, так же как и в вопросе о происхождении триполья, Е. Ю. Кричевский сделал ряд грубых методологических оши-

Что же касается значения самих статуэток, то Е. Ю. Кричевский полагал, что фигурки людей восходят к древним анимистическим воззрениям, представляя собой культ предков.

Т. С. Пассек использовала пластические изображения людей для решения антропологических и этнических вопросов. Она отмечает, что вопрос о значении статуэток остается нерешенным.¹ В этом отношении Т. С. Пассек как будто разделяет взгляды Н. Макаренко. Однако Т. С. Пассек дает пояснение для определенной группы статуэток, находящихся в модельках трипольских жилищ. В другой своей работе Т. С. Пассек высказывается за принадлежность трипольских статуэток к объектам, связанным с магическими действиями и представлениями о плодородии. Последним своим суждением Т. С. Пассек примыкает к большой группе исследователей, именно так и определяющих значение женских изображений и не только эпохи триполья. Как сказано, в давние годы А. Скриленко высказала мысль, что трипольские женские фигурки отражают идею плодородия, столь характерную для земледельческих племен Передней Азии и Средиземноморья в более позднее время, чем триполье. Многочисленные женские изображения в связи с отраженной в них идеей плодородия рассматривают также Э. Майер, В. Шмидт, Браун, Г. Чайльд, Дж. Томсон, Маллован, Розе, Р. Попов, М. Гимнер, К. Маевский, Ю. Неуступный, В. Миков, Э. Буланда, С. Носек и другие исследователи. У большинства из названных авторов интерпретация женского пластического образа дается попутно (кроме К. Маевского, Э. Буланды и Дж. Томсона) даже и в тех случаях, когда они ищут истоки женских божеств в уже сложившихся религиях древних рабовладельческих обществ. По отношению к этим более поздним божествам женские фигурки рассматривались как пробразы сумерийской матери, великой богини, финикийской Астраты, Иштарь, Афродиты, Алахит, Кибелы и т. д. и т. п.

Разные авторы пользуются наиболее близким им материалом — от пластики триполья до переднеазиатской раннеземледельческой

пластики энеолита и эпохи бронзы. В большинстве случаев они предпочитают ограничивать свои задачи классификацией скульптурных изображений, их детальным стилистическим анализом, изучением иконографии, сравнительным изучением и, наконец, установлением круга распространения статуэток.

К числу серьезных недостатков в области изучения раннеземледельческой скульптуры следует отнести односторонность приемов изучения. Буржуазные археологи не пошли дальше построенной типологических схем, не перешагнули заколдованного круга эстетствующих характеристик и преувеличенных миграционистических построений. При попытках объяснения значения женских скульптур исследователи, как правило, не прибегают к помощи этнографических источников. Лишь Г. Чайльд, Э. Буланда и Дж. Томсон, хотя и ограниченно, но все же пользуются этнографическими сравнениями.

Из последних советских исследований, затрагивающих вопросы трипольской пластики, упомянем работу М. Е. Фосс, в которой автор, пользуясь анализом орнамента на фигурках, успешно пытается проследить размещение раннеземледельческих племен, применявших определенные виды и системы орнаментации.

Работы советских ученых помогли археологам стран народной демократии применить принцип историзма в изучении пластики. Так, например, Э. Буланда, устанавливая значение женских раннеземледельческих скульптур, исходит из матриархально-родового строя у ранних земледельцев и, опираясь на этнографические параллели, связывает эти статуэтки с аграрным культом. Примерно в том же направлении идет свою работу и К. Маевский. Справедливость требует сказать, что если у К. Маевского имеет место тенденция к переоценке значения влияний, то Э. Буланда, пока еще несколько робко следуя советской методике, увлекается далекими этнографическими сопоставлениями, упуская возможности привлечения данных европейской этнографии.

Таково вкратце положение современной науки в отношении изучения значения пластических женских изображений, имеющих столь широкое распространение и составляющих многочисленные собрания.

В одной из статей, посвященной археологическому материалу Луки-Врублевецкой, нам уже приходилось затрагивать вопрос

бок, пытаясь опереться на порочное «учение» Н. Я. Марра о семантике и автохтонизме исторического процесса.

¹ Т. С. Пассек. Периодизация. . . , стр. 94.

о скульптурных изображениях людей и животных, встреченных при раскопках этого раннеземледельческого поселения. Из группы терракот наше внимание тогда привлекли главным образом женские скульптуры, но не столько для решения вопроса о значении их, сколько для объяснения причин фрагментарности статуэток, находимых при раскопках.¹ В другой статье мы сделали попытку использовать собрание терракот из Луки-Врублевцевой для наметки путей решения более общих вопросов и, в частности, о значении трипольских женских скульптурных изображений.² С тех пор прошло уже достаточно времени, накопился новый, свежий материал, позволяющий пойти дальше того, что было сделано раньше.

Из того, что было изложено выше, для нас ясны внешние особенности статуэток, приемы изготовления их, равно как условия нахождения. Каково же было назначение глиняных женских фигурок? С каким кругом представлений должен был связываться женский образ?

При рассмотрении скульптуры из Луки-Врублевцевой на фоне скульптуры раннеземледельческих племен других территорий нам удалось как будто установить самый распространенный сюжет в трипольской пластике — определенное положение рук на груди у статуэток. Выявление этого жеста в трипольской пластике, как мы уже говорили, усложнялось сильной схематизацией и условностью изображений, тем не менее сейчас трудно оспаривать передачу именно этого жеста на большинстве статуэток триполья. Это позволяет определять значение женских фигурок с определенными на грудь руками, как отражение определенных верований, связанных с культом плодородия. Такое определение само по себе не требует специальных объяснений и находит свое подтверждение в поздних скульптурах женских божеств со сложенными на груди руками. Но кроме того, имеется еще группа статуэток (о них тоже уже была речь), вылепленных из глиняного теста, в котором обнаружена примесь цельных или

дробленных зерен пшеницы. На этих терракотах следует остановиться более подробно, ибо они лучше всего освещают значение женских статуэток и дают основание для выявления самого характера ритуала, при котором они использовались.

Обнаружив отпечатки зерен на статуэтках из Луки-Врублевцевой, мы естественно попытались проследить на доступных нам материалах аналогичное явление и среди статуэток, происходящих из других трипольских местонахождений. Поиски наши оказались пока тщетными, все же мы не можем утверждать окончательно, что глиняное тесто статуэток из других местонахождений не содержит, скажем, мелко истолченного зерна, примесь которого на глаз не заметна. Тем более, что в одном случае удалось выявить статуэтку с несомненным отпечатком зерен на корпусе. Статуэтка происходит из Замбраска, довольно сильно стилизована и имеет на поверхности беспорядочно расположенные отпечатки зерен.¹ Другая статуэтка с отпечатками зерен и соломы происходит из болгарского раннеземледельческо-скотоводческого поселения Рачев.² Очень скупо сведения об этой важной находке как-то затерялись среди описаний большой керамической коллекции этого поселения. Небезынтересно, что инкрустация из зерен была обнаружена также и на сосудах.³

¹ V. Dumitrescu. La plastique anthropomorphe en argile de la civilisation néolithique Balkano-Danubienne de type Gumelnita, стр. 85, табл. 13, 7.

² Jégoum. L'époque néolithique dans la vallée du Tonus (Thrace), стр. 335.

³ В связи со сказанным нельзя не вспомнить краткого сообщения М. Шмидта, сделанного на XIII сессии Доисторического конгресса антропологии и археологии в 1900 г. в Париже. М. Шмидт доложил конгрессу об открытии Сараувом, «инкрустаций» из зерен на ютландской доисторической керамике, а также на сосудах из различных скандинавских собраний. Крайняя скудость доклада Шмидта и еще более краткого сообщения Сараува не дает возможности составить представление об этой оригинальной категории памятников (см.: M. V. Schmidt. Poteries préhistoriques avec céréales incrustées, découvertes par M. Saraauw. Congr. Intern. d'Anthrop. et d'Arch. Préhist., XII session, Paris, 1900. — L'Anthropologie, т. XIII, 1902, стр. 63—64. — Sitzungsber. d. Altertumsgesellsch. Prussia, т. 22, 1909, стр. 502). Отпечатки зерен пшеницы однозернянки и двузернянки были замечены на сосуде из поселения Банята (см.: П. Дете в в. Селянската могила Банята. . . , стр. 3). В последние годы находки керамики с отпечатками зерен значительно умножились и им посвящена довольно большая литература.

¹ С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевцевая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР. Сов. археолог., т. XI, М.—Л., 1949.

² С. Н. Бибиков. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен юго-востока Европы. Сов. археолог., т. XV, М.—Л., 1951.

Прежде всего особенно важно отметить, что обнаруженные отпечатки зерен всегда связаны именно с пластическими изображениями женщин. И это, конечно, не случайно.

Обратившись к этнографическим данным, легко убедиться в том значении, которое придается изображению женщины в самых различных пережиточных явлениях, связанных с культом плодородия. При этом распространенность таких культов особенно вырисовывается в обществах земледельческо-скотоводческих, начиная от Америки¹ (племена Мексики, выращивающие маис) до Евразии. Г. Чайльд, например, прямо указывает на случаи культовых приношений женских пластических фигур в современных обществах Индии и в странах Средиземноморья.² А какой богатейший этнографический материал представляет русская этнография! В славянской среде при исполнении обряда весенне-летних или даже осенних земледельческих праздников требовалось участие главным образом девушек или женщин, чаще девушек, в убранство которых иногда входят хлебные растения (коледа), причем нередки случаи, когда живые участницы подменяются чучелами или куклами, обряженными в девичье или женское платье, березой, украшенной девичьим одеянием и т. д. Интересно, что эти празднества связаны именно с земледельческим бытом, с определенными цикламиготавливаемых весенних или летних работ или, наоборот, хотя и значительно реже, с законченным земледельческим циклом.³

Русским земледельческим праздникам посвящено немало описательных и аналитических работ, выявивших идею, лежащую в основе многих из этих праздников, — идею умирающего и воскресающего бога растительности. Фрезер раскрыл содержание этой идеи в верованиях огромного числа племен, но до Фрезера в славянском мире на очень широком этнографическом мате-

риале осветили ее Дм. Шеппинг¹ и А. Афанасьев.²

Вместе со специальными празднествами, происходящими в определенное время года, у некоторых народов имели место эпизодические жертвоприношения при испрашивании плодородия. Так, например, абхазы, как сообщает исследователь быта абхазов Н. С. Джанашиа,³ во время засухи устраивали религиозное шествие к реке с куклой, опускали ее в воду и испрашивали дождя. Имеет место и другой обряд у тех же абхазов, связанный с испрашиванием плодородия. Наряженную куклу с пенем бросают в воду, причем куклу готовят девушки. Аналогичный обряд во время засухи отмечен и у чувашей, когда изготовленные из теста или дерева фигурки людей относили в овраг или в поле. Не во всех случаях литературные и архивные источники указывают нам на половую или возрастную атрибуцию кукол. Общее впечатление таково, что весенние и летние праздники предполагали главным образом изготовление девичьего изображения. Это тем более интересно, что здесь, видимо, имеются в виду молодые плодоносящие силы, силы, находящиеся еще в потенции, так же как они коренятся в зерне, готовом произвести обильный урожай.

Таким образом, женский образ получает свою конкретизацию в раннеземледельческих обществах, благополучие которых в значительной мере зависело от произрастания той растительности, которую они культивировали на своих полях. Этим, однако, не ограничивается круг представлений, связанных с образом женщины, ибо само произрастание растительности зависело от космических сил — дождя, солнца, засухи и других явлений, что придавало известную множественность значению женского образа в земледельческой среде, в конечном счете отражающему идею плодородия. Прав был Е. Ю. Кричевский в своем объяснении ornamentации керамики земледельческих пле-

¹ Г. Паркс. История Мексики. М.—Л., 1949, стр. 31.

² Г. Чайльд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 184.

³ Б. Л. Богаевский собрал материал по изображениям женщин в восточном Средиземноморье и показал их роль в культовых обрядах — танцах и других ритуалах, связанных с культом плодородия (см.: Б. Л. Богаевский. Крит. и Мифы. М.—Л., 1929, стр. 155, 161, 171, 173).

¹ Дм. Шеппинг. Мифы славянского язычества.

² Отсылая к работам Фрезера, Шеппинга и Афанасьева, мы обращаем внимание читателя на серьезные идеалистические пороки в их исследованиях. Нам в данном случае интересуют не концепции их, а тот фактический материал, которым пользовались названные авторы.

³ Н. С. Джанашиа. Абхазский культ и быт. Христианский восток, т. V, в. III, Пгр., 1917, стр. 161—162.

мен,¹ хотя в этой же работе он сделал ряд серьезных ошибок, пытаюсь опереться на эклектические, вульгарно материалистические положения Н. Я. Марра. Оставляя в стороне спорное утверждение о перенесении сюжета культовой раскраски человеческого тела на статуэтки и сосуды, тем более спорное, что орнаментировались и фигурки животных, Е. Ю. Кричевский правильно расшифровывает обычные орнаментальные мотивы — спираль, зигзаг, волны, так часто встречающиеся в трипольской керамике и пластике. Он связывает их с космогоническими образами, в том числе и солнцем. Добавим, кстати, что именно так можно трактовать лучистый орнамент на статуэтках. Однако важно и другое — связь этого орнамента с женскими изображениями. Связь эта, конечно, не случайна и прослеживается на изображениях ранней и относительно поздней ступеней развития земледельческих обществ, с тем лишь различием, что ранние пластические фигуры наделены врезной орнаментацией, а более поздние — расписной. Из сказанного не следует, что система орнаментации на этих фигурках тождественна; речь идет только о сходных элементах в орнаментальных мотивах. Примером отголоска древнего отождествления женского образа с солнцем могут служить представления, сохранившиеся в восточнославянской среде,² равно как и у других народов, в частности у мигрелов.

Итак, сочетание женского изображения с астральной символикой представляется особенно интересным, так как показывает определенную связь женского образа с космическими элементами. Здесь прежде всего следует обратить внимание на существование отличия в оформлении статуэток и их орнаментации. Образ женщин в пластике Луки-Врублевской передается в различных формах и положениях частей тела — замена рук коническими отростками, руки, опущенные к низу живота, рука внизу и по-

ложенная на плечо и т. д. Но самое существенное — это наличие крыльев на спине у двух статуэток. Надо сказать, что статуэтки птиц нередко встречаются в пластике триполья (Лука-Врублевская, Фрумушица, Городакца, Глина, Гумельница и т. д.); анализ этого образа может послужить специальной темой исследования. Изображения людей, снабженных имитацией крыльев, для триполья явление уникальное, но переключающееся с изображениями человеко-птиц в переднеазиатской или средиземноморской пластике. Факт таких находок вводит нас в мир представлений о предвестниках весны, о небе, так же как, вероятно, сюжет поднятых кверху рук, поддерживающих сосуд (Лука-Врублевская, Извоар, Фрумушица, Ленгнел и другие), или просто статуэток с поднятыми руками в виде обычной скульптуры, а иногда в виде палпов на сосудах (Сушковка, Чока, Брно, Степановичи, Бутмир, скульптура Подунавья).¹

Некоторые статуэтки из Луки-Врублевской, как было уже сказано, содержат в себе примесь зерен пшеницы. Пытаясь дать объяснение столь интересному явлению, мы входим в область новых фактов, тоже вполне гармонирующих с символикой плодородия, а следовательно, и с женским образом.² Начнем опять-таки с этнографических свидетельств о пережиточных явлениях, отступающих существе идеи плодородия в обрядах, связанных с зерном. Не имея намерения давать исчерпывающий обзор и анализ этнографических материалов об обрядовых действиях, связанных с зерном, все же из основных из них мы считаем необходимым остановиться, для того чтобы объяснить присутствие зерен пшеницы в глиняных фигурках Луки-Врублевской.

В земледельческой среде обрядовому значению хлеба придается огромное значение. Зерно, каша, хлеб являются постоянными и неизменными спутниками празднеств, имеющих отношение к земледелию или, шире, к идее астрального сочетания неба и земли, земного — мужчины и женщины.

¹ Е. Ю. Кричевский. Орнаментация глиняных сосудов. . .

² А. С. Фамицин. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 197, 281. — Г. О. Булашов. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях, вып. I, стр. 295. — Дм. Шепинг считает, что солнце первоначально тоже отождествлялось с женским образом, позднее трансформировавшимся в мужской образ (см.: Дм. Шепинг. Мифы славянского язычества, стр. 145).

¹ Адоративный жест на одной из статуэток из Богородично П. Детевъ пытается объяснить передачей родильных мук (Годишникъ на народния археологически музей Пловдивъ, кн. I, София, 1948, стр. 172).

² Интересно, что в болгарском языке существительное «зерно» («зърно») обозначает и сосок женской груди. (Дифференцированный болгарско-русский словарь. Составитель Мичатек, 1910).

Зерно, каша и хлеб выступают в обрядах как атрибуты, символизирующие благоденствие, обилие, плодородие. Можно привести сотни этнографических примеров в подтверждение сказанного. Ограничимся лишь несколькими фактами. Обрядовое употребление зерен, а также каши и хлеба можно разделить на две основные группы: 1) зимне-весенние обряды, в основном совпадающие с временем солнцеворота, — рождественские праздники (святки); 2) свадебные обряды, тоже относящиеся к зимне-весеннему сезону. Как более редкое явление можно отметить употребление зерен и каши в обрядах, сопровождающих роды, крестины и похороны. Последнее в общем не противоречит древним верованиям, нормы которых вполне допускают единство представлений о жизни и смерти, а следовательно, и возможное единство в культовых обрядах.

Один из знатоков этнографии славян Н. Ф. Сумцов, специально занимавшийся обрядовым значением хлеба в славянском мире, и видный авторитет славянской мифологии А. Афанасьев собрали и во многих случаях дали объяснения целому ряду этнографических обрядовых явлений, в которых видное место принадлежит зерну — хлебу. Старые авторы (Сумцов, Добровольский, Смигирев), а затем и советский исследователь В. И. Чичеров прямо отмечали особенную насыщенность аграрными обычаями и обрядами зимне-весеннего сезона (святки). К числу таких относится, например, обряд сжигания дубового колена, осыпанного зерном.¹ Заметим, что обряд этот совершался в сочельник, т. е. в квинту рождества, или в дни солнцеворота и был распространен у южных славян (сербов, черногорцев и других). В «бадный» день в дом приносили дубовую колоду, обмазывали ее по краю медом, посыпали зерном и клали в печь. Любопытно, что колоду привозили из лесу на шести-восьми пврах быков (тоже отражение овраделенной символики). Затем, по окончании предобеденной молитвы, во время которой у всех членов семьи горело в руках по свече, домохозяин брал у всех свечи, соединял их в один пучок и гасил, опуская зажженным концом в зерна. В последнем действии тоже, видимо, имеет место своя символика: огни — солнца — плодородия. Обряд сжигания бадняка сопровож-

¹ Н. Ф. Сумцов. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885, стр. 32.

ждался мольбами о плодородии в стадах и жатвах и изобилии в доме.¹ У карпатских русинов вместо колоды сжигался своз хлеба. Этнографические свидетельства не донесли до нас фактов, раскрывающих само значение колоды. Однако не исключено, что «бадняк» принимает, без сомнения, значение домашнего благого бога очага.²

Той же идеей плодородия пронизаны и другие некогда существовавшие обряды — хождение на Новый год по хатам и осыпание зерном (Украина), осыпание зерном дорогого гостя при встрече (Болгария), осыпание овсом (овсень), посыпание поседа зерном при захоронении под полом хаты (Украина), жертвоприношение земле каши или хлеба (в первую неделю поста на Украине, 9 марта в Болгарии), обряды при основании нового поселка и устройстве дома на Украине, при жертвоприношениях хлеба домашнему очагу (б. Галиция, Витебская губ.) и др. Не можем не отметить и обряда растирания в порошок благовещенских просфор и смешивания его (т. е. порошка) с зерном, предназначенным для посева. Указали мы на этот обряд и для того, чтобы обратить внимание на форму христианской просфоры, хотя и отдаленно, но напоминающую антропоморфную фигурку.

Особенно выразительны и широко распространены обряды употребления зерен, каши и хлеба при свадебных церемониях. Здесь приходится отметить действительно очень широкую распространенность этого обряда, например осыпания молодых зерном. Молодых осыпают зерном, ячменем, пшеницей, горохом, орехами, маком и т. п. Этот обычай характерен для многих народов Европы, но встречается он и в Индии (осыпание рисом). В восточнославянском мире обряд осыпания зерном принимал иногда сдвоенную форму — осыпания и окропления водой, последнее, как думает Н. Ф. Сумцов, — наиболее древняя форма обряда.³ При анализе обряда осыпания зерном молодых не остается сомнений в том, что в нем со всей отчетливостью раскрывается основная идея плодородия.

¹ А. Афанасьев. Песнические воззрения славян на природу. М., 1886, т. II, стр. 42, 48; т. III, 1869, стр. 733—734.

² Дм. Шенниг. Мифы славянского язычества, стр. 188.

³ Н. Ф. Сумцов. Хлеб в обрядах и песнях, стр. 37.

Вместе с тем эта идея не ограничивается рамками земного бракосочетания молодых, ведущего к увеличению чадородия и пожеланию домашнего благополучия во всех его проявлениях, но и включает представления аграрно-космического порядка. Как пишет А. Афанасьев, «... обряд посыпания, совершаемый у нас на первый день нового года, а у сербов на рождество, знаменует весеннее осеменение матери-земли, вступающей в брачный союз с просветленным небом, причем хлебные зерна служат эмблемой оплодотворения семян, дождя и солнечных лучей». И дальше: «Заметим, что на старинных свадьбах новобрачных осыпали овсом, ячменем и укладывали спать на необмолоченных снопах. Для того чтобы земля припесла добрый урожай, поселяне, отправляясь засеять, надевают на себя подвенечную сорочку».¹ В старину у рязанских крестьян на свадьбах перед отправлением молодых под венец их усаживали на войлоке, в котором завернуты снопы ржи и овса.² Вот почему имеют место совпадения свадебных обрядов с обрядами испрашивания плодородия и с обрядами рождественскими. В. И. Чичеров, давший монографический анализ зимнего периода русского земледельческого календаря XVI—XIX вв., специально остановился на «аграрно-брачных» обрядах, игравших очень существенную роль в верованиях славян.³ В этом круге представлений земледельческого религиозного мировоззрения, видимо, только и возможно найти истолкование женских фигур с зерном, найденных в Луке-Врублевецкой.

До сих пор мы искали объяснения для отдельных элементов пластики триполья, пользуясь видимыми признаками — женские фигурки, зерна пшеницы, замешанные в глиняное тесто, из которого лепились статуэтки, некоторые сюжеты орнаментации и др. Выявилась, как нам кажется, определенная взаимосвязь женского образа с идеей плодородия. Но есть еще один элемент в этом кругу представлений, выраженный в системе

орнаментации, но могущий быть подтвержденным и другими характерными чертами пластики триполья, — это понятие о солнце — огне. В наших этнографических экскурсах мы уже затрагивали вопрос о роли огня в обрядовых действиях, но чтобы вскрыть следы этого рода представлений в раннеземледельческой пластике, нам придется привлечь некоторые другие археологические и этнографические свидетельства.

Как это не покажется странным, но до сих пор нет еще строгого учета условий нахождения пластики фигур в раннеземледельческих памятниках. Ввиду такому положению, едва ли сейчас исправимому для старых исследований, является низкий уровень методики раскопок. Наиболее полные сведения о размещении скульптур при раскопках можно почерпнуть лишь у Т. С. Пассек, обращавшей внимание на необходимость вести наблюдения в этом направлении для решения вопроса о значении скульптур. По данным Т. С. Пассек, статуэтки встречаются у печи, около жертвенника, в пределах жилых площадок, а также вне жилищ — «среди скопления костей животных, раковин и фрагментов керамики», т. е. среди бытовых отбросов. Глухие сведения об этом же содержатся в украинских публикациях и польских изданиях (Гимпер, Маевский). В Луке-Врублевецкой подавляющее большинство статуэток встречено в пределах жилищ и только ничтожная часть — за пределами жилых сооружений. Таким образом, для статуэток является характерной близость их местонахождения к очагу или к выбросам из очагов. В данной связи важно отметить еще одну черту — неоднородность фигурок по степени совершенства их выделки, что может быть связано с различием в назначении их. К большой группе статуэток худшей выделки относятся и скульптуры с примесью зерна. На них лежит отпечаток поспешности и небрежности в формовке и орнаментации. Создается впечатление, основанное к тому же и на слабом обжиге керамического теста, что это были скульптуры, сделанные наспех, что служили они короткое время, а затем оставались без внимания.

Из сказанного можно сделать два существенных вывода. 1) Статуэтки бросались в огонь, причем тотчас после формовки, без предварительной просушки их, когда зерна пшеницы, находясь во влажной гли-

¹ А. Афанасьев. Повитческие воззрения славян на природу, т. III, стр. 746—747.

² В. Н. Добровольский. Культ зернового хлеба в поверьях крестьян Рязанской губернии. Изв. Отд. русск. языка и словесн. Анад. Наук, т. XI, кн. IV, 1906, стр. 122.

³ В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. Кратк. сообщ. Инст. этнограф., вып. VIII, 1949, стр. 69—80.

нистой среде, еще не успевали разбухнуть. Последнее нетрудно установить по величине и форме отпечатков зерен. После этого религиозно-магического акта статуэтками больше не пользовались. Они предавались забвению или уничтожались. Думаю, что так поступали не только со статуэтками с зерном или замешанными на муке. Скорее всего такое же назначение имело большинство скульптурных фигурок, во всяком случае наиболее многочисленная группа слабо обожженных или поспешно выделанных. 2) Действие это происходило в определенное время года, видимо в зимне-весенний период.

Первое едва ли нуждается в специальных пространственных объяснениях вследствие очевидности самого факта и к тому же может быть подкреплено рядом этнографических свидетельств. Вышеупомянутые культы, связанные с плодородием (за исключением обсыпания молодых зерном при свадебных обрядах), чаще всего сочетаются с применением огня — сжигание «бадняка», осыпание зернами, гашение пламени свечей в зерне, «кормление» огня зерном и мукой. Добавим еще интереснейший обряд осыпания пеплом зерна и окропления его водой перед посевом (Славония) и, наконец, сжигание или потопление в реке женских изображений, практиковавшееся в весенне-летнее время (изгнание зимы у восточных славян, сопровождавшееся сжиганием чучела, сжигание изображения «бабы» у словенцев, сжигание «мары» у украинцев при встрече весны, бросание в реку «машлатки» у болгар в Иванов день и т. п.).

Второе заключение (по поводу времени изготовления женских изображений) также находит свое разъяснение в этнографических источниках. Нет нужды заниматься длинным перечнем примеров, из которых можно сделать один вывод, что весенне-летние праздники, равно как и осенние, не проводятся в помещениях. Для таких празднеств избираются иные места — у реки, в роще, в лесу, в поле, но не дома, не в жилищах. И наоборот, праздники зимне-весеннего цикла связаны с домом, хатой, избой.

В какие же сроки происходят эти зимне-весенние празднества, связанные с будущим урожаем, браком и т. п.? В русском земледельческом календаре XVI—XIX вв., сообщает В. И. Чичеров, имеют место магические обрядовые действия, «вередко со-

державшие мотивы брака и связанные с ними заклатья урожая, попытки предугадать судьбу. В октябре-декабре подобные обряды справлялись в дни, на которые приходились имена святых, особенно почитавшихся женщинами и девушками... различные праздники богородицы, Параскевы, Кузьмы и Демьяна и др. Особый цикл наиболее усиленных празднеств приходится на Солицеворот — Спиридоний поворот (25 декабря), т. е. поворот к весне.¹ Думаем, что наши статуэтки изготовлялись в осенне-зимний сезон, а принимая во внимание южное расположение поселения — ближе к декабрю. Этим объясняется нахождение статуэток в золе очагов и в очагах, расположенных в тесных и душных полуземлянках, обстановку которых в самых непривлекательных тонах, но живописно обрисовал Чайльд.² Зимнее время определяло выполнение обряда в пределах жилища при использовании огня вместо воды, участвующей в весенне-летних празднествах (потопление кукол, хождение к реке и т. п.).

Во всем сказанном важно именно употребление огня при совершении обряда, причем, конечно, не для обжига статуэток (во всяком случае статуэток с зерном или мукой), а в чисто ритуальном его значении, в значении символа солнца — плодородия.³ Образом солнца-огня проникнуты, как показывалось на этнографических примерах, в первую очередь обряды, связанные с плодородием. Но солнце отождествлялось также и с образом женщины, что находит свое подтверждение в этнографических фактах, в том числе и в восточнославянской среде.

Не берем с уверенностью произвести полную атрибуцию женских изображений

¹ В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв., стр. 72. — См. также: В. Н. Добровольский. Культ зернового хлеба..., стр. 125.

² Г. Чайльд. Прогресс археологии, стр. 91.

³ Ритуальная связь женского скульптурного образа с огнем очага хорошо показана в одной из находок, сделанной в Тейшебаши (раскопки Б. Б. Пиотровского). Здесь был найден почти вертикально стоящий плоский идол, в позе адорации, очень схематично выполненный. Значительная часть лицевой поверхности идола оказалась законченной. Перед идолом находился очаг, и тут же был врыт в землю сосуд, содержащий следы золы (см.: В. С. Сорокин. Древние идолы города Тейшебаши. Изв. АН Армянск. ССР, № 5, 1951, общественные науки, стр. 71—73).

из Луки-Врублевской, но все же полагаем, что по некоторым скульптурным признакам их можно отождествлять с девушками. Но сушность, конечно, не в этих формальных признаках, а в той идее плодородия, которую отражают трипольские статуэтки. Дело в том, что мы их связываем с зимне-весенними праздниками, т. е. с тем периодом, когда магические действия с зерном имеют цель вызвать плодородие, когда то же значение приобретает обряд осыпания зерном молодых. В этих обрядах как бы подчеркиваются потенциальные возможности к плодоношению. Быть может, поэтому женские фигурки в трипольской пластике скорее воплощали в себе образ женщины-девушки, связанный с солнцем и идеей воскресающей растительности. Такое толкование находит подтверждение в ведущей роли девушек при весенних и летних праздниках, известной нам по этнографическим данным.¹ Небезынтересно также, что культовые куклы у греков носят название «коре», т. е. девушка, так же как «богиня» плодородия у хорутов (словенцев) и украинцев (бассейн р. Савы) Донда значит «кукла».² Мифологические источники раскрывают перед нами один из главнейших образов из пантеона «богинь» плодородия славян — Живу — Живцу — Дзеву — Деву в виде девушки,³ но не женщины.

Напомним, кстати, исследование М. П. Грязнова о минусинских каменных изваяниях, изображающих родовые божества. Аппелз их привел М. П. Грязнова к мысли, что изваяния изображают именно дев-прародительниц, родоначальниц,⁴ так же как и в бурятских религиозных представлениях образ девушки выступает в качестве онгона — покровителя плодovitости, прародительницы и т. п.⁵

¹ Ср.: И. Срезневский. Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848, стр. 20, 21, 26. — Г. О. Булашов. Украинский народ в своих легендах. . . , вып. 1, стр. 299.

² Дм. Шепшиг. Мифы славянского языка, стр. 47.

³ Там же, стр. 27, 37.

⁴ М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. Сов. археолог., т. XII, 1950.

⁵ С. В. Иванов. Происхождение бурятских онгонов с изображением женщины. Родовое общество. Тр. Инст. этнограф. АН СССР, ноя. сер., т. XIV, М., 1951, стр. 119—131.

Чтобы приблизить сказанное о значении женских пластических изображений к установлению внешней обрядовой стороны магического ритуала, приведем отрывок из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Вот как описывает С. П. Крашенинников один из эпизодов ноябрьского праздника у камчадалов: «По прошествии одного или полутора часа (после внесения в юрту березы, — С. В.) брошено в юрту восемь тюленьих кож, в которых навязана была юкола, сладкая трава и пузыри с тюленьим жиром, а за ними брошены и четыре рогожи, которые даваны были с кормом посылаемым за березою, и в них находились березовые обрубки в запас остаточный. Рыбу из тюленьих кож, сладкую траву и жир камчадалы разделили по себе, кожи послали под лесницею, а из березовых обрубков начали делать остроголовых болванчиков, Камуда называемых, в образе тех, бесов кои в женской их пол вселяются во время плясания. . . , сделав 55 болванчиков, посадили их рядом и сперва вымазали брусницею лице им, после того поставили перед них в трех посудах толченой сараны, и перед каждого положили маленькую ложку; таким образом стояло кушанье несколько времени, а как болванчики, по мнению камчадалов, уже довольны были, то сарану съели сами, а болванчикам, надев на головы травяные колпаки и навязав сладкой травы и тонича на шею, связали их в три пучка, и каждый пучок по два человека с вошлем и плясанем в огонь бросали, а с ними вместе жгли и щепы, которые при делании их нарублены».¹

Надо подчеркнуть, что ноябрьский праздник камчадалов пронизан той же идеей смерти и воскрешения, но выросшей в другой обстановке.

Описание ритуала у камчадалов, приведенное С. Крашенинниковым, показывает праздник, связанный с культом очищения, началом нового цикла, культом плодородия. Кроме того, процитированное место дает представление о внешней, обрядовой стороне. Все это при учете неолитического уровня развития камчадальского общества делает понятным, почему эта параллельная аналогия привлечена

¹ С. Крашенинников. Описание земли Камчатки, ч. III и IV. СПб., 1819, стр. 125—127.

нами для возможной живой реконструкции обрядовых действий в триполье. Именно параллельная, так как об установлении каких бы то ни было генетических связей или культурно-исторических влияний между камчадалами и равнинецземледельческими обществами говорить более чем рискованно. В обрядовых действиях этого праздника имеют место небезытересные детали, сообщенные С. Крашенинниковым: во-первых, большое число болванчиков, участвующих в церемонии, во-вторых, характерная остроголовость их, связанная с определенным обрядовым действием, т. е. надеванием на голову колпачков из травы, и, наконец, в-третьих, бросание фигурок в огонь. Три названных признака, отмеченных в камчадалском культе, выглядят совершенно параллельными чертами, установленными для статуэток из Луки-Врублевецкой. Аналогия с камчадалскими верованиями оправдывается близостью по уровню своего социального развития обществ камчадалского и раннетрипольского: в одном случае охотничьего, а в другом — земледельческо-скотоводческого. Близость уровня их общественного развития определила и сходство в проявлениях их духовной деятельности, т. е. идеи плодородия и отражение этой идеи в обрядах. Если в свете сказанного пойти несколько дальше, то, вероятно, будет найдено объяснение и находкам стульчиков для статуэток, миниатюрных сосудов и других небытовых предметов.

Мы касались выше главным образом той группы статуэток, на которых были замечены оттиски зерен. Однако имея их в виду, мы все же не суживаем данной интерпретации и для значительно большей группы фигурок женщин из Луки-Врублевецкой. Во всяком случае к ним вполне могут принадлежать и те фигурки, в которых предположительно (а в одном случае наверняка) выявляются признаки примеси к глиняному тесту толченых зерен. Больше того, к этой же группе статуэток, несущих определенные обрядовые функции, связанные с идеей плодородия, возможно, также относятся и все другие, небрежно и поспешно выполненные фигурки.

Было бы необоснованным считать, что все глиняные фигурки женщин имели одну и ту же функцию в древних магических ритуалах. Т. С. Пассек вполне убедительно

показала, что использование женских статуэток происходило и в другом направлении.¹ Судя по находкам изображений женщин в модельках жилищ, где они представлены сидящими на специальном возвышении у печи (Попудная, Чичеркозовка), их назначение могло быть и несколько иным. В данном случае они скорее выполняли роль хранительниц домашнего очага, родоначальниц. О такой функции женских скульптурных изображений достаточно отчетливо говорят этнографические материалы, в том числе и на северо-востоке Азии. Следовательно, те авторы, которые интерпретировали женские скульптурные фигурки как предметы, связанные с культом предков, делали это не без оснований (Кричевский, Равдоникас, Думитреску, Гернес, Миков). В сущности говоря, их объяснения не имеют принципиального отличия от объяснений женских статуэток как отражения культа плодородия, источника благосостояния. В скульптуре из Луки-Врублевецкой мы смело можем выделить группу терракот, которые изготовлялись не для кратковременного пользования, — о них не забывали, их не уничтожали. Имеются в виду крупные фигурки, изящно отделанные и покрытые плотным, богатым орнаментом. Врезные линии орнамента часто инкрустированы белой пастой. Их скорее можно рассматривать как изображения, служившие охранителями дома, изображения родоначальниц, покровительниц очага, ибо, как образно сказал А. Афанасьев, в древних представлениях «очаг есть источник обилия, плодородия, богатства».²

Далее, среди трипольских статуэток имеются совсем миниатюрные женские фигурки из Луки-Врублевецкой, Владимирки и других поселений, которые можно понять как амулеты.³ Интересен один амулет, изображающий фигурку человека. Вероятнее всего женщины, найденный на юге Украины. Цилиндрическая головка амулета снабжена отверстием для нити, руки, намеченные очень схематично, уло-

¹ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 96.

² А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, стр. 32.

³ Т. С. Пассек. Новые открытия Трипольской археологической экспедиции. Вестн. древн. истор., № 4(9), 1939, стр. 186—191.

жены на груди.¹ Такие амулеты, видимо, должны были способствовать деторождению у женщин или служить охранителями от злых духов. Известно, например, что у ряда северных народов (гиляки, коряки, чукчи и другие) в наборе амулетов имелись «охранители» в виде женских изображений. Однако те же женские фигурки олицетворяли культ плодородия. У чукчей бытовали и амулеты, вызывающие плодovitость. Изготавливались они в виде новорожденных детей.² В прошлом у бурят существовал обычай: девушки клялись под кровать куколку с тем, чтобы обеспечить плодородие.³

Итак, вполне определенно можно установить, что женские изображения в трипольском обществе отражали культ плодородия, культ предков, родоначальниц, охранителей домашнего очага. Они служили и амулетами, вызывавшими плодovitость женщин и охранявшими от злых духов, посягающих на благосостояние семьи, рода. Но правы ли те исследователи, которые считали, что женские или иные фигурки использовались в погребальном ритуале? По отношению к трипольским памятникам эта точка зрения как будто не находит поддержки. Ш. Гадачека, Е. Цегак и других упрекают в том, что, исходя из неверной интерпретации глиняных площадок как погребальных сооружений, они рассматривают встретившиеся на них фигурки в качестве предметов погребального церемониала; при этом одни видят в терракотах заместителей жертв, другие самих жертвователей или даже слуг, рабов, жев, сопровождающих умерших в загробный мир. Конечно, подобные объяснения не могут сейчас рассматриваться всерьез. Но сама постановка вопроса о связи женских статуэток с погребальным культом бесспорно заслуживает внимания и признания. Мы пока еще не знаем форм и обрядов погребений на ранней и развитой ступенях триполья (кроме культовых погребений в жилищах). Это большой пробел в наших знаниях. Но уже достаточно хорошо известен погребальный ритуал позднейшего триполья. Мы обязаны

Т. С. Пассек полной сводкой материалов о позднейшем триполье, составленной ею по неопубликованным материалам или по очень кратким публикациям.¹ Оказывается, что на заключительных этапах триполья в погребениях не раз отмечены в разных пунктах находки стилизованных фигурок людей (женщин).

В селе Усатово в курганной группе, расположенной на территории современного села, в кургане № 2, под кромлехом была найдена женская глиняная статуэтка вместе с двумя сосудами. В другом, тоже курганном могильнике в окрестностях Усатова, в кургане № 1, в камнях кромлеха также была обнаружена схематизированная женская фигурка, а в яме № 5 этого же кургана — женская глиняная статуэтка вместе с фрагментами горшочка. В кургане № 2 того же могильника в яме погребения № 6 удалось обнаружить четыре терракотовые фигурки, расшифрованные Т. С. Пассек как антропоморфные.² Кроме Усатова, женская статуэтка найдена при раскопках кургана № 7 в Серезлиевке на Херсонщине. Фигурка лежала у кисти правой руки детского костяка. Две антропоморфные глиняные статуэтки известны также из села Красногорки (Херсонщина), где они были найдены в грунтовой могиле при погребении ребенка. Расшифровка этих двух находок тоже дана Т. С. Пассек (в описи Херсонского музея они значились как игрушечные сандалии).³ Наконец, в 1952 г. при раскопках одной из могил в Выхватинском могильнике, относящемся к позднетрипольскому времени, Т. С. Пассек обнаружила три женские стилизованные фигурки.

Перед нами, таким образом, ряд фактов, с полной очевидностью свидетельствующих, что в позднейшем триполье антропоморфные и в том числе женские статуэтки безусловно входили в состав атрибутов погребального культа. Вместе с тем в том же Усатове женские изображения найдены и при раскопках на самом селище, что,

¹ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, табл. XVII, рис. 8, а, б.

² В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. II. Л., 1939, стр. 59, 70.

³ В. Серошевский. Якуты, т. I. СПб., 1896, стр. 673.

¹ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 189—216.

² Там же, стр. 193—199. — Е. Ф. Лагодская. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой. Сов. археолог., т. VI, стр. 241—244, 257.

³ Т. С. Пассек. Периодизация... стр. 202, 208.

конечно, не может не указывать на функциональные различия в пользовании ими.¹

Все названные поселения, где были встречены антропоморфные терракоты в погребениях, стоят в прямой генетической связи с более ранними памятниками трипольской культуры. Следовательно, ритуал положения статуэток в погребения имеет свои источники в предшествующих ступенях развития триполья, более ранних, чем усатовская ступень. Но поскольку обряд погребения в более ранних, чем Усатово, памятниках нам не известен, наш вывод может быть высказан лишь как более или менее вероятная догадка. Однако большая вероятность ее подкрепляется и другими археологическими материалами. Если даже не принимать в расчет очень широко распространенных в Европе многочисленных каменных стел эпохи неолита или бронзы и более поздних времен, служивших надгробиями и изображавших женщин в спокойной позе с положенными под грудь или на живот руками,² то лучшим подтверждением тому, что статуэтки связывались с погребальным культом, является скульптура Киклад. Известны группы погребений на Кикладских островах и материковой Греции, в которых постоянно встречаются мраморные женские фигурки. Интересно также и одно из погребений в Аттике, снабженное целым набором статуэток,³ как и погребение в Ульском кургане.⁴ В Микенах со времени раскопок Шлимана постоянно отмечают находки женских фигурок при погребениях. Множество женских изображений происходит из могил древнего Египта, Халда и т. д. Напомним, что и в комплексах Мингечаура, хотя и более поздних, чем неолитические, тоже встречены в погребениях антропоморфные фигурки. Даже в древнеславянском погребальном ритуале имели место какие-то отголоски обрядов положения в курганы из-

браженный человека («божка»), может быть, восходящие к очень ранним ступеням истории племенных земледельческих образований. Например: захоронение глиняной статуэтки в кургане № 23 в урочище Гнадюка в бассейне Случи недалеко от Мирополя (раскопки С. С. Гамченко¹), бронзовой фигурки с уложенными ниже груди руками в кургане Черная могила в Чернигове;² в Гнездовских курганах найдены глиняные фигурки очень архаического облика,³ в кургане у села Вельска (Владимирская область) обнаружена небольшая глиняная статуэтка человека.⁴

Таким образом, перед нами еще один из возможных аспектов верований ранних земледельцев, связанный с использованием женских фигурок в погребальном ритуале.

Каково же значение женских фигурок в погребальном ритуале? Оставляя в стороне устаревшие домыслы ряда исследователей, объяснявших погребальные статуэтки как заместителей жертв, статуэток жен, вложниц, рабов, как портретные изображения умерших, детские игрушки, куклы и т. п., обратимся к некоторым предположениям, представляющим научный интерес. В. Микоа, как и многие другие авторы, связывает присутствие фигурок в могилах с проявлением культа мертвых, не расшифровывая, однако, идейного содержания самого культа.⁵ Хорнблоуэр, признавая за статуэтками изображения, связанные с культом плодородия, объясняет присутствие их в могилах желанием обеспечить умершего питанием и заботой в потустороннем мире. В том же направлении высказывается и Хипец, выделивший в погребальных статуэтках изображения богинь плодородия, долженствующих покровительствовать умершему. М. Э. Матье, возражая Хорнблоуэру, пишет: «Нахождение женских статуэток в могилах стоит, как мне кажется, в тесной связи с культом предков и с верой в воз-

¹ Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского историко-археологического музея... стр. 262.

² М. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst...

³ Здесь мы не имеем возможности привести большое число фактов из области античного погребального ритуала, при исполнении которого предполагалось обязательное положение а погребение глиняных статуэток.

⁴ Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки... стр. 5.

¹ С. Гамченко. Раскопки в бассейне р. Случи (между Мирополем и с. Ульха). Тр. XI археолог. съезда, т. I, М., 1901, стр. 377.

² В. А. Рыбаков. Древности Чернигова. Матер. и исслед. по археолог. СССР, № 11, стр. 45, рис. 17.

³ Изв. Археолог. комиссии, вып. 15, 1905, стр. 66.

⁴ Там же, стр. 133, рис. 63.

⁵ В. Микоа. Идолжата пластика преднова-коменната епоха... стр. 213.

возможность получения непосредственной помощи от умершего предка живым потомкам». ¹ М. Э. Матье видит в статуэтках магические атрибуты, способствующие умножению потомства и, в частности, прекращению бесплодия у женщин. ² И. Снегирев рассматривает женские изображения как обобщенный образ, связанный с представлениями о матери-земле. ³ Дж. Томсон, рассматривая значение женских статуэток в разных аспектах и на различных ступенях развития древнего общества, признает множественность их назначения. Фигурки, по его мнению, оказывали помощь во всех превратностях жизни, включая и смерть, поэтому они часто встречаются и в погребениях. ⁴

Изложенные точки зрения по поводу назначения погребальных статуэток касаются фигурок, встреченных в могилах обитателей южных широт. Тем не менее эти суждения представляют определенный интерес для объяснения присутствия фигурок и в погребениях позднего триполья, и в том же Ульском кургане.

К только что сказанному добавим один весьма любопытный и поучительный археологический факт, целиком подтверждающий единство религиозных представлений о явлениях жизни и смерти. При раскопках наусов в Пянджикенте (VII в. н. э.) в 1948 г. был найден обломок оссуария, т. е. глиняного вместилища для костей умершего. ⁵ На крышке оссуария — изображение сидящей женщины с уложенными под грудь руками (рис. 73, 9). Жест скульптуры и моделировка ее не оставляют сомнений в том, что перед нами обрз «богини плодородия», столь распространенный в раннеземледельческих обществах южных областей Старого Света.

Исследователи, на наш взгляд, правильно оценивают то значение, которое вкладывалось в обряд положения фигурок

женщины в могилы, именно в том смысле, что идея о плодородии в этом ритуале занимала свое главенствующее место. Нет оснований предполагать, что сопровождение погребенного фигурками женщин преследовало цели заботы об обеспечении погребенного. Наоборот, в этом проявлялась забота о живущих, забота о продолжении потомства, его благополучии. Этот магический акт, созвучный идее плодородия, представлениям об обратимости, связан также с ритуалом погребений в доме и с теми этнографическими свидетельствами, в которых сочетаются идеи смерти и плодородия. На единство представлений и обрядов, связанных с рождением и смертью, не раз обращалось внимание в этнографической литературе. Слитность представлений о смерти и рождении, тождественность обрядов, объединяющих круг этих идей, отражающих их единство, в котором смерть является источником жизни — это очень характерная черта древних верований и обрядности. ¹ Любопытно, что идея смерти и воскрешения четко прослеживается одинаково как у земледельческих народов, так и у охотничьих и далеко не ограничивается рамками представлений о растительном мире, распространяясь и на мир животных. Отражение этих идей находит свою конкретизацию в организации празднеств, падающих на сезоны, заканчивающиеся или начинающиеся трудовые циклы (весна—осень).

В связи со сказанным о единстве представлений о смерти и воскрешении, возможно, получает свое объяснение странный, на первый взгляд, факт очень редких находок статуэток в целом виде, на что мы уже обращали внимание. Еще А. Скриленко, в руках которой побывало немалое количество пластических изображений женщин трипольского времени, отметила: «Почти все они находятся во фрагментарном состоянии, что, конечно, препятствует точному подразделению на те или другие виды». ² Позднее на это обратил внимание и С. С. Гамченко. ³ Н. И. Веселовский сообщает, что в Ульском кургане глиняные статуэтки «все были найдены разбитыми на несколько кусков и,

¹ М. Э. Матье. Коптские и египетские магические женские статуэтки. Тр. Отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. 1, Л., 1939, стр. 176.

² Там же, стр. 174.

³ И. Снегирев. К проблеме культа матери-земли в архаическом Египте. Стеклограф. изд., вып. 2, Л., 1929.

⁴ G. Thomson. Studies in Ancient Greek Society. The prehistoric Aegean. Лондон, 1949, стр. 237—248.

⁵ Раскопки производились экспедицией ИИМК АН СССР совместно с Таджикским филиалом АН СССР под руководством А. Ю. Якубовского.

¹ Дм. Шепинг. Мифы славянского языка, стр. 26, 37.

² А. Скриленко. Глиняные статуэтки, стр. 145.

³ С. Гамченко. Трипольська культура на Україні, стр. 36.

хотя все они собраны тщательно, из них не составилось ни одной целой фигуры и не оказалось ни одной головы». Н. И. Веселовский не отрицает того, что статуэтки были разбиты преднамеренно, хотя и не соглашается с культовым значением этого факта. Он, так же как и Айлио, полагает, что глиняные фигурки выполняли роль игрушек.¹

Можно без преувеличения сказать, что публикации буквально пестрят сообщениями о находках статуэток, обнаруженных во фрагментарном виде. Поврежденные женские изображения часто встречаются и в кикладской скульптуре.² Милонас в одном из погребений эпохи бронзы около Старого Фалерона в Аттике нашел группу сломанных статуэток, из которых полностью составила только одна.³ Милонас и К. Маевский связывают это явление с апотропаическим культом.

Мы не занимались исчерпывающим подсчетом соотношений фрагментов статуэток с целыми, однако смеем думать, что этот подсчет будет близок к тому, что нами замечено и наиболее полно опубликованном памятнике — Бутмире. На почти сотню фрагментов статуэток там найдено только шесть небольших стилизованных фигурок в целом виде.⁴ Из Винчи опубликовано 427 пластических фигур, изображающих человека, однако только 27 из них найдено в целом виде и 19 составлено из фрагментов.⁵ То же отмечается и в не столь больших собраниях пластических фигур из других раннеземледельческих памятников. В Фрумушице найдено более 60 фрагментов фигурок и ни одной целой;⁶ в Драгушени, например, из 43 фигурок человека только одна была целая, в Кассиоареле обнаружены 24 сломанных фигурки,⁷ в Трояне — 6 обломков терракот,⁸ в Городище на Пруте — 5 сломанных фигурок.⁹

Что касается памятников, расположен-

¹ Н. И. Веселовский. Алябастровые и глиняные статуэтки. . . , стр. 5, 9.

² К. Маевский. Figuralna plastyka. . .

³ M y l o n a s. Excavations of Gagos kosmos. Amer. Journ. Archaeol., XXXVIII, 1934, стр. 275.

⁴ W. Radimsky, M. Hoernes. Die neolithische Station von Butmir, ч. I и II.

⁵ М. Василь. Прейсториска Винча III.

⁶ С. Матася. Фрумушица, стр. 75.

⁷ Dacia, III—IV, стр. 140—143; Dacia, II, стр. 178.

⁸ Там же, X, стр. 22.

⁹ Там же, стр. 153—154.

ных на нашей территории, то в Грушевцах, например, найдено 45 фрагментов статуэток,¹ в Сушковке — 29,² в Евминке — 23 обломка, в Кадиевцах — 18,³ в Томашевке — 8,⁴ около Могилева-Подольского — 8 обломков и одна целая фигурка,⁵ в Старой Буде — 5 фрагментов (собрание Государственного Эрмитажа), в Кудринцах — 4 (собрание Музея антропологии и этнографии АН СССР). На площадке № 1 в Коломыйцине не найдено ни одной целой статуэтки, хотя в фрагментарном состоянии обнаружено 9 фигурок.⁶ В 1948 г. М. И. Артамоновым под валом на городище Большие Вали в Немировском районе Винницкой области была вскрыта трипольская яма и в ней обнаружено скопление культурных остатков трипольского времени, в их числе 51 обломок и 3 целые антропоморфные фигурки. В Луке-Врублевецкой более чем на 267 фигурок человека целыми оказались 2 фигурки и почти целыми 7.

Кажется странным, что при относительно хорошей сохранности материалов на площадках, где часто удается собрать целые сосуды из находимых здесь фрагментов, очень редко оказывается возможным подобрать статуэтки из обломков, обнаруженных в одном и том же пункте раскопок. Во всей коллекции из Луки-Врублевецкой имеется три-четыре фигурки, составленные из отдельных частей.

Чем же следует объяснить столь высокую, а часто и стопроцентную фрагментарность статуэток? Едва ли это можно рассматривать как случайное явление. Трудно допустить, чтобы скульптурные изображения занимали в жилище такое место, где их сохранности грозило бы неосторожное обращение обитателей жилищ, невольно уничтожавших предметы поклонения. Нет никаких оснований, ввиду массовости находок, предполагать, что фигурки уничтожались, например, враждебными племенами, как это установлено, скажем, для мезолитических чуринг. Приходится думать, что

¹ Коротке звітчення. . . за 1925 р.

² Трипільська культура на Україні, вып. 1, стр. 29.

³ Коротке звітчення. . . за 1926 р.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — Имеются еще сведения о находках статуэток в Раецкой могиле — 5 обломков, в Белогрудовке — 2 обломка и т. д.

⁶ Наукові записки ІІМК АН УРСР, кн. 2, Києв, 1937, стр. 89.

фигурки или уничтожались преднамеренно, или же после использования предавались забвению и по мере очистки землянок от скопившейся золы и отбросов выбрасывались из жилищ. Последнее менее вероятно, особенно для тех землянок, которые были сплошь заполнены бытовыми отбросами, выносившимися из жилья, видимо, очень редко. Зато первое предположение находит свое обоснование в уже приведенных и могущих быть значительно расширенными этнографических свидетельствах. Напомню, например, что во всех случаях весенних празднеств женские изображения уничтожались путем сожжения, бросания в реку, или разрывания на части и разбрасывания иногда с последующим сжиганием (погребение карнавала, изгнание смерти, обряд костромы). Действия эти очень широко представлены в пережитках культа у европейских народов; об аналогичном проявлении говорит С. П. Толстов,¹ касаясь культа Сиявуша, когда происходит ежегодное уничтожение изображений божеств и замены их новыми фигурками. Это «умерщвление божества» отнюдь не является уничтожением духа, замечает Фрезер, напротив, оно знаменует начало нового и более мощного проявления этого духа, связанного с началом нового цикла посева и выращивания семян.² Таким образом, кажется возможным искать объяснения фрагментарности раннеземледельческих фигурок человека на юго-востоке Европы в кругу представлений, связанных с идеей умирающего и воскресающего божества. Кстати сказать, те же формы идеи воскрешения животных являются неотъемлемыми чертами культов и у племен северо-восточной Азии.

Некоторые исследователи уже в раннеземледельческих женских изображениях видят божества плодородия, богинь-земли, богинь-матерей и т. д. Этому противоречат факты, отмеченные для древних верований.

Обратимся к группе этнографических свидетельств, связанных с культом онгонов — леканов. Думается, что привлечение этого вида источников вполне закономерно именно потому, что культ этот сохраняется наиболее древние реликты первобытных верований.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 205.

² Д. Фрезер. Золотая ветвь, вып. III. Умирающие и воскресающие боги растительности. Л., 1928.

Не принимая во внимание типологического сходства между трипольскими фигурками и группой онгонов, или леканов, народов Сибири, проявляющегося иногда в изготовлении безруких существ, с остроконечными головами и сходящимися в виде спеленутых «куколкой» ногами, а также и в ряде других признаков, проследим основную мысль некоторых исследователей, занимавшихся онгонами. Все они единодушно заявляют, что взаимоотношения между онгонами и людьми, создавшими их, складываются не на началах обожествления онгонов и преклонения перед ними, а на договоре между человеком и духом, вселенным в онгонов. Последний подвергается избиению, нападкам и прочим ущемлениям, если не выполняет своих функций.¹ Это не божества, а нечто иное, представляющее более древнюю форму верований, которые не предполагают резкой грани между небесными и земными существами.

Резюмируя вопрос о назначении женских фигурок, можно установить, что центральное место в верованиях древних земледельцев и скотоводов занимал культ плодородия в различных его обрядовых проявлениях. В свете изложенного различные точки зрения, высказанные исследователями по поводу назначения женских скульптур раннеземледельческих племен, с принятыми выше оговорками, не воспринимаются нами как противоречивые суждения, а входят в общее русло, направляющее к правильной интерпретации женских скульптурных изображений.

Несколько слов о значении мужских статуэток. Все исследователи, в той или иной мере касавшиеся вопросов изучения пластики триполья, отмечают редкость мужских статуэток. По мере удаления от центров распространения собственно трипольских памятников на запад и юго-запад

¹ Д. К. Зеленин. Культ онгонов Сибири. М.—Л., 1936. — В. Г. Богораз-Тан. Чукчи. — Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. — Н. Харузин, например, пишет: «Туземцы Африки, мела или полинезийцы, краснокожий Америки, или самоец, остяк, вогул, алтайский инородец и пр. одинаково требуют за свое почитание фетиша услуг от последнего и в случае неисполнения своей просьбы бьют его и лишают жертв: разубедившись в его сверхъестественных свойствах, они иногда бросают его или уничтожают как ненужный предмет» (Н. Харузин. Этнография, т. IV. СПб., 1905, стр. 93).

к Балканам мужские фигурки почти исчезают. Б. Л. Богаевский полагает, что мужские статуэтки «встречаются чаще в кругу дунайско-балканских и днестро-днепровских культур».¹ Примерно так же думают Уэс и Томпсон.² Нам представляется, что такой широкий ареал сравнительно многочисленных находок мужских статуэток должен быть сокращен. Их распространение может быть очерчено в пределах территорий между Днестром, Карпатами и левыми притоками Дуная (в пределах юго-восточной Европы). На Балканах, равно как к югу, так и к северу от Балканского полуострова, и в восточном Предбалканье находки мужских статуэток в раннеземледельческих поселениях встречаются редко. Например, в болгарских раннеземледельческих поселениях найдено всего семь мужских фигурок, причем добрая половина их сомнительна с точки зрения принадлежности к мужскому полу. Возможно также, что присутствие мужских статуэток в трипольских памятниках, начиная с раннего триполья, составляет определенную специфику трипольской пластики.

Не всегда у трипольских пластических фигурок мужчин столь резко выделены признаки пола, как это можно отметить для статуэток из Луки-Врублевцевой и Сабатиновки. Гипертрофированность мужского начала на статуэтках из названных двух памятников позволяет отнести их к тому же проявлению культа плодородия, с которым мы связываем и женские изображения. Широко известно, что в дренних средиземноморских античных культах, имеющих прямое отношение к культу плодородия, мужской признак занимал в верованиях существенное место. Характерно, что в славянском земледельческом мире культ мужского образа получил также весьма широкое распространение и хорошо представлен в обрядах Ярилы, бытовавших от Украины до Поволжья. Большой интерес представляет культ Германа у народов юго-восточной Европы, справедливо отождествляемый с культом Ярилы и стоящий довольно близко к культам в честь Адониса, Диониса, Озириса в дреннем мире. По внутреннему содержанию и обрядности культ Германа,

пожалуй, ближе всего стоит к трипольским обрядам. Вот как выглядят некоторые черты проявления этого культа в описании Костова.¹ В селе Карагач с чисто болгарским населением во время засухи готовилась трапеза, та же, что и для поминок. Затем в скрытом месте изготовляли из желтой глины фигурку мужчины, укладывали ее в деревянный гроб, украшали цветами и зажигали свечи. В конце церемонии фигурку бросали в озеро или зарывали в песок. После «погребения» участники обряда пьют и едят, как на поминках. В селе Акча-ер (район Свищево) в засушливое время тоже изготовляют глиняную фигурку мужчины — Германа, укладывают ее в гроб, поют похоронные причеты и даже совершают над ней христианские обряды. Иногда фигурка Германа окропляется водой (Ломско). Тот же культ Германа, кроме Болгарии, распространен в Сербии и Румынии (культ Калоян). Любопытно, что в селе Троян фигурку делают из дерева, но обмазывают ее глиной, погребая затем в день Георгия (23 апреля).²

Костов опубликовал четыре мужских статуэтки из собрания Болгарского этнографического музея, происхождение их точно документировано (рис. 78). Статуэтки заслуживают того, чтобы на них было обращено самое пристальное внимание. Первая фигурка, передающая мужчину, происходит из села Углен. Лепка ее грубая, лицо сформировано приемом «шипка», достаточно хорошо знакомым по трипольской пластике. Одна рука (левая) у статуэтки положена на живот, другая опущена к низу живота. Мужской признак гипертрофирован по отношению к пропорциям тела. Ноги расчленены. Размер фигурки 20×9,5 см.³ Вторая фигурка происходит из того же села. В композиционном отношении она в общем мало отличается от первой. Размер ее 24×13 см.⁴ Третья мужская статуэтка из села Червенец более натуралистична, с проработанными чертами лица. Руки фигурки расставлены в стороны от туловища, с опущенными книзу предплечьями. Размер скульп-

¹ Ст. Костовъ. Култ на Германа у българите. Известия на Българското археологическо дружество, т. III, вып. 1, София, 1912, стр. 109—121.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, рис. 90, а.

⁴ Там же, рис. 90, б.

¹ В. Л. Богаевский. Мужское божество на Крите. Изд. АН СССР (отд. отт.), 1930, стр. 174—175.

² W a s e a. T h o m p s o n. Prehistoric Thesaly, стр. 232.

птуры 24×6 см.¹ Наконец, четвертая статуэтка, также из села Червен-брег, изображает мужчину со слабо моделированным лицом. Руки у фигурки уложены под грудь. Размер статуэтки 21×9 см.²

Рис. 78. Современные глиняные мужские фигурки из Болгарии.

При рассмотрении болгарских современных фигурок обращает на себя внимание сходство их с трипольскими. Сходство это проявляется в стилистическом и сюжетном отношениях. Укажем на схематизм лепки (у трех фигурок), примитивность построения туловища, непропорциональность отдельных частей тела.

Бросается в глаза и преувеличенность мужского признака пола, вполне соответствующая тому же, что наблюдается на статуэтках из Луки-Врублевецкой или Сабатиновки. Крайне интересно, что на месте глаз у статуэтки из Углен (первая из описанных у Костова) вставлено два ржаных зерна.¹ Данный факт нельзя не поставить в связь с тем приемом использования зерен, о котором подробно говорилось при разборе женских статуэток. И последнее явление, тоже небезынтересное и связанное со своей символикой культа плодородия и материнского начала, — это то, что фигурки Германа изготовляют женщины в возрасте 60—40—35 лет.

Из сказанного вытекает: 1) что культ Германа—Ярилы является отражением культа плодородия, испрашивания дождя, предопределения хорошего урожая и 2) что фигурки Германа имеют сюжетное сходство с пластическими женскими фигурками раннеземледельческих племен со свойственным им определенным жестом, символизирующим плодородие (руки под грудью и другие жесты, а также и иные элементы сходства, например, выделка фигурок из глины, схематизация, применение для инкрустаций зерна). Можно предполагать, что женский образ, отражающий идею плодородия, позднее был заменен мужским образом с сохранением тех же скульптурных элементов (положение рук), которые были характерны для женского изображения.

Таким образом, болгарские современные мужские фигурки объясняют значение мужских терракот триполья. Последние безусловно относятся к атрибутам, связанным с культом плодородия, и обрядовое употребление их, быть может, аналогично описанному для болгарских фигурок Германа или русского Ярилы.

Постановка вопроса о значении фигурок животных, встречающихся в памятниках триполья, несколько затрудняется относительной малочисленностью материала. Нами уже отмечалось, что зооморфная пластика очень слабо представлена в находках из раннеземледельческих поселений. Вопрос о назначении скульптуры животных почти не разработан. Можно согласиться с теми исследователями, которые признают, что глиняные фигурки, изображающие живот-

¹ Там же, рис. 91, а.

² Там же, рис. 91, б.

¹ Там же, стр. 110.

ных, имели культовое значение (Цегак, Антонович, Маевский, Буланда, Носек). Е. Цегак, опираясь на культ быка в древнем мире, где с образом быка ассоциируются творческие силы природы, полагает, что бык и в культе триполья играл ведущую роль.¹ К. Маевский также считает, что статуэтки животных имели, подобно женским изображениям, прямое отношение к культу плодородия.² Э. Буланда связывает образ быка в триполье с культом богини плодородия и рассматривает звериные статуэтки как изображения культовых животных, посвященных богине плодородия.³ Названные авторы особенно выделяют быка в зооморфной скульптуре триполья. Численное превосходство изображений быка в трипольской пластике над изображениями всех других животных указывает на особое внимание трипольцев к быку как к ведущему хозяйственному животному. Здесь уместно вспомнить известную костяную пластинку из Бильче-Злото, передающую головку быка, на которой пунктирной техникой выгравировано женское изображение с очень характерным жестом — поднятыми вверх руками.⁴ Головку быка и изображение на ней женщины едва ли можно рассматривать как случайное совпадение сюжетов, продиктованных лишь художественными намерениями.⁵ В. Н. Даниленко сообщил нам, что при раскопках раннего (доплощадочного) комплекса в Сабатиновке II (раскопки 1949 г.) им была обнаружена лобная часть головы быка, на которой восседала женская фигурка. К группе фактов, указывающих на ритуальное значение образа быка и связь

его с женскими изображениями, относится и уникальное захоронение каменного изваяния головы быка в кургане № 2 (яма № 6), погребенного вместе с женскими схематичными фигурками усатовского типа. Они были обращены «по направлению движения к огню-охре».¹

Показательна в этом смысле и другая находка, сделанная в Луке-Врублевецкой. В жилище № 5 под глиняной обмазкой пола очага и известковой плитой была обнаружена голова быка — лобная часть вместе с рогами. Преднамеренность захоронения головы быка и связь его с очагом не вызывают сомнений. Уже само по себе нахождение головы быка под очагом указывает на ритуал, целиком связанный с культом плодородия.

Исключительно интересно повторяющееся в находках сочетание женского образа с быком (Бильче-Злото, Сабатиновка, Усатово). Допуская, что в данном случае женское изображение отражает культ растительного плодородия или более широко — идею, включающую увеличение и благополучие семьи, рода, изображению же быка соответствует сложный комплекс идей, восходящих в конечном счете на трипольском этапе к верованиям, связанным со скотоводством.

Что касается статуэток других животных — свиньи, барана, собаки и фигурок птиц, то, видимо, их изготовление тоже приурочивалось к определенным праздникам, в которых наиболее четко выступает культ плодородия. Свинью и козу² фольклорные источники определенно ставят в ряд животных, отражающих и культ плодородия, и культ урожая.³ «Как животное необыкновенно плодучее, свинья поставлена в близкую связь с творческими силами весенней природы. Вместе с тем мифы приписали ей то же влияние на земледелие и урожай, какое принадлежит грозным тучам».⁴ Может быть, поэтому так охотно трипольцы

¹ E. Cehak. *Plastyka eneolitycznej kultury...*, стр. 193.

² K. Majewski. *Chronologia i styl...*, стр. 15. — K. Majewski. *Studia nad kulturą Trypilska*, стр. 18.

³ E. Bulanda. *Kult Bogini-Matki...*, стр. 9.

⁴ E. Cehak. *Plastyka eneolitycznej kultury...*, табл. XVII, рис. 1.

⁵ Попытка объяснить эту находку была сделана Б. Л. Богаевским. Он ставит ее в связь с критскими изображениями магических игр с быками, причем рассматривает эту находку как раннее звено в истории этих игр, восходящих к материнскому роду и перешедших в отцовский род, но с заменой женского образа мужским (см.: Б. Л. Богаевский. *Орудия производства...*, стр. 216—217. — Б. Л. Богаевский. *Мянотавр и Пасифая на Крите в свете этнографических данных*. Сб. «С. Ф. Ольденбургу Академия Наук СССР», Л., 1934, стр. 101—102).

¹ Е. Ф. Лагодовская. *Раскопки Одесского историко-археологического музея...*, стр. 251—253, 257, рис. 21, 23.

² Л. А. Дивцес. *Русская глиняная игрушка*, стр. 19.

³ Б. Л. Богаевский собрал интересный материал по культовому значению образа свиньи в античном мире (см.: Б. Л. Богаевский. *Орудия производства...*, стр. 161—168).

⁴ А. Афанасьев. *Повторческие воззрения славян...*, т. I, стр. 767—768.

пользовались амулетами из клыков кабана, приписывая им качества охранителей и способность вызывать плодородие.

Этнографические источники не дают ярких примеров, позволяющих подойти к дешифровке зооморфных глиняных фигурок, как это было отмечено для женских и мужских статуэток. Тем не менее можно привести большое число фактов, указывающих на безусловную связь изображений животных с культом плодородия.

В костелах Литвы к Юрьеву дню (26 ноября) заказывали восковые фигурки лошадей, коров и овец, которые возлагались на алтарь;¹ гуцульские пастухи изготавливали из сыра «баранчиков» (овец, коз, лошадей) и давали их детям «на поминовение усопших и за здоровье людей и животных».² С идеей плодородия связываются также изображения коров и овец, сделанные из теста, которые раздаются колядовщикам.³ Видимо, такое сочетание имеет свое символическое значение, представляющее, с одной стороны, животноводческий культ, а с другой — земледельческий. На единство культовых представлений земледельческого и скотоводческого порядка указывает и другой любопытный факт. При рождественском осыпании зерном часто само действие производит пастух. «В первый день рождества между заутренней и обедней в крестьянскую хату является пастух и бросает три горсти овса». «Пастух бросает зерна — бабы ловят их в подол и дают потом скоту, чтобы он был хорош и давал хороший приплод». «В приговорах пастухов проводится параллель между ростом засеваемого зерна и благодействием хозяина и его семейства и домашнего скота».⁴ Между прочим, и в древнегреческом ритуале, связанном с празднеством в честь богини плодородия Деметры-Персефоны, тоже нетрудно разглядеть черты слитности представлений о двух хозяйственных основах — животноводстве и земледелии, причем не менее интересно и то, что праздник Деметры целиком женский праздник, в нем участвуют только женщины.

¹ Там же, т. II, стр. 255.

² В. Шухевич. Гуцульщина, ч. II. Наукове товариство ім. Шевченка у Львові, Матер. до укр.-руськ. етнолог., т. IV, Львов, 1901, стр. 216—217, рис. 114.

³ А. Афанасьев. Повитческие поверия славян. . . , т. II, стр. 255.

⁴ В. Н. Добровольский. Культ зернового хлеба. . . , стр. 110.

В начале праздника женщины бросают в пещеру мясо свиньи, хлебные лепешки и сосновые ветки. После трехдневных очистительных обрядов эти приношения извлекаются из пещер. Существовало поверье, что если смешать зерно, предназначенное для посева, с лепешками и остатками мяса, извлеченными из пещер, то это обеспечивает обильный урожай. «У разных народов, — пишет Н. Ф. Сумцов, — существует обыкновение готовить из теста изображения быков, овец, свиней или части животных — рогов, копыт». В Болгарии к баднему вечеру (канун рождества) пекут пироги с изображениями домашних животных.¹ 11 марта здесь готовят большой хлеб-боговицу и украшают его фигурками лошадок, овец, рогов, хвостов, изготовленных из теста.² Украинцы, русские и германцы на рождество пекли из теста различных животных, украшали ими столы, посылали знакомым.³ Печенье на «семик» — «козуль», в день Герасима (6 марта) — грачей, 9 марта — жаворонков, бросание весной в воду изображений куличков из теста, украшение кулича изображениями овец, украшение каравая птичками, а у чехов круглого хлеба (в доме жениха) тоже птичками и т. д. и т. п.,⁴ видимо, восходят к древнему культу плодородия, вошедшему и в христианскую обрядность. В. Н. Добровольский сообщает, что «в святочное время пекут из ржаной или просяной муки овечек, лошадок, коровок и дают скоту, чтобы скот хорошо водился». Сказанное В. Н. Добровольским касается и обряда у крестьян б. Рязанской губернии.⁵ Интересен факт, сообщаемый Н. Ф. Сумцовым: в некоторых местностях России в ноябре или декабре пекут хлеба и придают им форму рогов или копыт и кормят ими животных.⁶ Н. Ф. Сумцов не только

¹ Н. Ф. Сумцов. Хлеб в обрядах и песнях, стр. 120.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 61—64, 120—121. — В. Ястребова. Свадебные обрядные хлеба в Малороссии. Киевская старина, т. IX, 1897, стр. 281—288. — Д. К. Зеленин. Культ оягоав. . . — Л. А. Дьяков. Русская глиняная игрушка. . .

⁵ В. Н. Добровольский. Культ зернового хлеба. . . , стр. 110.

⁶ В связи со сказанным невольно вспоминаются находки глиняных изображений частей животных, особенно рогов, в трипольской пластике. Однако ареал таких находок значительно более широк, включая и южную Европу. Этнографические наблю-

собрал факты, но и предложил свою гипотезу, объясняющую присутствие изображений животных в обрядах, связанных с хлебом. По его мнению, в пастушеский период (предшествующий земледельческому) в жертву приносились животные. С возникновением земледелия в жертву стали приносить хлеба. Можно заметить постепенность перехода, когда хлебу вначале придавалась форма животных. Это были как бы заменители истинных животных. Обрядовые хлеба, по Н. Ф. Сумцову, произошли из обусловленной экономическими соображениями замены жертвенных животных их изображениями из теста.¹

Концепция Н. Ф. Сумцова не раз звучала при объяснении трипольской пластики, даже применительно к изображениям человека (Цегак, Козловский, Христеску). В целом взгляды Н. Ф. Сумцова на происхождение изображений устарели уже потому, что исторический переход от охоты к скотоводству и земледелию он рассматривает в плане простого трансформизма, не допуская существования на ранних исторических ступенях земледелия и скотоводства как взаимно дополняющих друг друга хозяйственных занятий.

Можно согласиться с жертвенным смыслом фигурок животных, но только не в плане трактовки их как заменителей жертв. Представляется правдоподобным видеть в них ту же функциональную направленность, связанную с культом плодородия, причем сами фигурки животных играли роль магических атрибутов. В каком виде фигурки животных использовались в обряде трипольцев, мы не знаем, но их связь с зимне-весенним периодом кажется наиболее вероятной. Вспомним, что в современных обществах празднества, более всего связанные с культом плодородия, падают на зимне-весенний период. Кстати укажем, что наши трипольские фигурки животных были найдены в пределах жилищ, т. е. так же как и антропоморфные изображения. Это лишний раз под-

дены тоже не ограничиваются славянским миром. Имеются указания, например, что горные таджики перед первой пахотой пекут печенье в форме глаз, ушей, копыт и т. д. и кормят ими животных (см.: А. Семенов. Этнографические очерки Заравшанских гор Каратегина и Дорваза. М., 1903).

¹ Н. Ф. Сумцов. Хлеб в обрядах и песнях, стр. 119. — Н. Ф. Сумцов. Положения и сочинению «Хлеб в обрядах и песнях», теис 10.

черкивает их связь с зимне-весенними празднествами. Может быть, изготовление фигурок животных тоже совпадает с периодом солнцеворота, когда в славянской среде происходят празднества в честь «скотского бога» — Карчуна-Карачуна, т. е. 25 декабря.

Если для антропоморфной скульптуры объяснение фрагментарности фигурок находит свое обоснование, то для зооморфных изображений заключение о предполагаемом уничтожении фигурок ждет еще своего доказательства. Можно только сказать, что, несмотря на малочисленность зооморфных изображений по сравнению с антропоморфными, все же значительный процент их находится во фрагментарном состоянии. Возможно, что с зооморфными статуэтками поступали так же, как и с антропоморфными фигурками. Напомним в связи с этим соображения Д. Н. Эдингга, касающиеся интерпретации деревянных фигурок лося с углублением на спинке из Горбуновского торфяника. Д. Н. Эдингг полагает, основываясь на внимательном изучении изображений, что после совершения обряда жертвоприношения фигурки лося ломались и выбрасывались в воду или топкое место.¹

Значение зооморфных терракот а древне-земледельческом ритуале было не так велико, как женских фигурок. Об этом свидетельствует самый факт малочисленности находок скульптур животных. Может быть, это надо поставить в связь с тем, что применительно к славянской мифологии говорят Л. А. Динцес: «Весь мир животных и птиц играл сопутствующую роль, группируясь вокруг понятия неба-солнца и кормилицы-земли, великой матери».² На некоторые аналогии из области культов охотничьих племен севера указал нам А. П. Окладников. Оказывается, в верованиях северных народов до недавнего времени женский образ символизировал владычицу зверей, хозяйку леса. Образ женщины, перенесенный из матриархальной среды, где женщина занимала особое по отношению к мужчине место в хозяйственной и социальной жизни, в патриархальный быт, сохранил свое превалирующе-

¹ Д. Н. Эдингг. Резная скульптура Урала, стр. 49.

² Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка, стр. 20.

щее значение не только над мужским образом, но и над образом зверя.¹

Для уяснения некоторых верований у раннеземледельческих племен юго-востока Европы мы главное внимание обратили на анализ скульптуры и особенно пластических изображений женщин. Значит ли, что религиозное мировоззрение ограничивалось только сферами, связанными с культом плодородия в широком смысле слова, в который вливаются представления об урожае, об увеличении стад, о благополучии в семье, роде, браке, деторождении и т. д. и т. п.? Видимо, имели еще место и другие формы и оттенки верований, нашедшие отражение в иных обрядностях. Мы еще не знаем, какие ритуальные действия производились на известных трипольских «жертвенниках». Не исключено, однако, что ими пользовались повседневно и особенно в периоды зимне-весенних празднеств. В раннетрипольских памятниках «жертвенников» пока не обнаружено. Их или не было вовсе, или бытовали деревянные «жертвенники». Позднее, в связи с упрочением и широким внедрением приемов глинобитной техники в сооружении жилищ, деревянные «жертвенники» сменились глинобитными. Мы не можем с уверенностью говорить о том, что в раннетрипольских жилищах существовали какие-то специализированные места для отправления культа, зато вполне можем утверждать, что с очагами в жилищах связывались определенные ритуальные представления и обрядности. Уже указывалось, что очаг, символизирующий солнце и благополучие, служил, например, для «сжигания» глиняных фигурок женщин. Под очагом в жилище № 5 оказалось захоронение части головы быка, безусловно имевшее ритуальный смысл.

Кроме этих археологически засвидетельствованных фактов, есть и другие, несколько расширяющие наши сведения о религиозных представлениях древних земледельцев. В жилище № 1 в процессе раскопок было найдено два почти целых черепа собак (без нижних челюстей), перекрытых довольно хорошо обожженной глиняной плит-

кой. Преднамеренность захоронения, равно как и ритуальный смысл его вполне очевидны. В первой публикации этого захоронения для его объяснения мы привели этнографические параллели.¹ Не повторяя сказанного, отметим, что у ряда отсталых народов, сохраняющих анимистические черты в идеологии, черепа собак и других животных служили своего рода оберегами, вместилищами злых духов и т. п. Б. Л. Богаевский довольно подробно проанализировал значение изображений собак на известных сосудах из Шипениц и других трипольских памятников и пришел к заключению, что образ собаки отражает идею охраны и сбережения жилья, а более широко — охраны благосостояния,² т. е. изображении собак целиком относятся к апотропаическому культу. К сказанному Б. Л. Богаевским, использовавшему довольно ограниченный круг источников, можно добавить следующие соображения. Значение образа собаки в живописи и пластике трипольцев отличается от значения образов, передающих других домашних животных. Судя по костям собаки, собранным в Луке-Врублевецкой, собака не являлась животным, мясо которого употреблялось в пищу. Кости собак, как правило, не разбиты, а сохранились в целом виде или без следов преднамеренной разбитости. Таким образом, прямого экономического значения собака в трипольском обществе не имела. Но роль собаки в хозяйстве трипольцев, видимо, была велика, иначе образ ее не вошел бы в «пантеон» пластических и живописных изображений триполья. Исключив собаку из состава животных, представляющих мясной запас, допустимо сделать вывод, что собака могла использоваться для охраны семейно-родовых богатств — жилья, стад, посевов. Возможно, что собаке принадлежала большая роль и в охоте. Эти важные функции собаки в хозяйстве древних земледельцев и скотоводов обеспечили ей надлежащее место в идеологических, культовых представлениях трипольцев. В свете сказанного кажется правдоподобным, что захоронение черепа собак в жилище № 1 Луки-Врублевецкой может быть объяснено жела-

¹ Н. Харузин, анализируя этнографические материалы по верованиям, замечает, что животные сравнительно редко признавались фетишами. Это замечание Н. Харузина вытекает из сопоставления с антропоморфными «фетишами» (см.: Н. Харузин, *Этнография*, т. IV, стр. 96).

¹ С. Н. Бибиков, *Дотрипольское поселение Луки-Врублевецкая*.

² Б. Л. Богаевский, *Орудия производства...*, стр. 190—203.

нием обитателей его охранить свое жилище от злых начал.

О большом значении образа собаки в верованиях у первобытных обществ отчетливо говорят не только этнографические, но и другие археологические факты. В Спиголице (Моравия), в памятнике, близком по времени к триполью, было обнаружено погребение человека вместе с собакой. В Усатове в кургане № 11 была найдена вертикально стоящая плита с рельефным изображением собаки. В том же кургане находились и погребения людей. О замечательном погребении в Иорданове Силезском (б. Иорданс-мюль) сообщает Г. Обермайер. Здесь в могиле на глубине 1.4 м лежал согнутый скелет быка с отделенным от позвоночника черепом, положенным перпендикулярно к продольной оси скелета. На черепе быка находился скелет собаки, на котором был обнаружен череп и другие кости ребенка. Ниже уровня дна ямы на расстоянии 30 см встретилось углубление, заполненное костями животных и, что особенно интересно, на краевых камнях в углублении лежали четыре симметрично расположенных черепа собак.¹ В Крыму дважды отмечались специальные захоронения собак в комплексах, относящихся к Кизил-Кобинской культуре. В одном случае погребение собаки встречено в ямке на поселении в районе Белогорска, а в другом — при погребении в могильнике в Инкермане. Не менее интересное погребение собаки встречено при раскопках жилого комплекса II—IV вв. н. э. (время «полей погребений») у села Ерковцы Переяславского района Киевской области. А. Д. Столяр сообщил нам подробности условий залегания костяка собаки на этом памятнике. В раскопе I под печью была обнаружена прямоугольная яма размерами 2.8×1.67 м. В яме, в материковой породе, вырезана ступенька, азывающаяся примерно на 30 см над полом ямы. На этой ступеньке находилась передняя часть скелета собаки. Другая, задняя половина скелета лежала на засыпи самой ямы. В яме были обнаружены обломки керамики и мелкие обломки костей животных. А. Д. Столяр считает вероятной взаимосвязь печного сооружения и находящегося под ним захоронения собаки. Это заключе-

ние кажется бесспорным. Со своей стороны добавим: величина ямы и наличие в ней остатков инвентаря и костей, положение собаки, частично на засыпке ямы, заставляют поставить вопрос, не имеем ли мы здесь дело с захоронением человека. Незначительное количество костей в самой яме указывает на возможность здесь трупосожжения, которое в процессе раскопок могло остаться неуловленным. Как бы ни детализировать выводы, следующие из раскопок в Ерковцах, остается ясной связь захоронения собаки с очагом и, возможно, с погребением под очагом. Несколько иначе выглядят культовые захоронения собак хазарского времени, найденные в Саркеле. М. И. Артамонов обнаружил здесь на участке хазарского некрополя три погребения собак, хотя и захороненных в специальных ямах, но вероятнее всего связанных с находящимися тут же человеческими погребениями. Несколько в ином плане, а именно — в жертвенном его значении, может быть объяснена и другая находка костяка собаки. И. И. Ляпушкин, изучая зольник курганного типа в Пожарной балке (Полтавский район Полтавской области, раскопки 1949 г.), нашел в специально вырытом объемистом углублении земляной кубической жертвенник, под которым залегал череп лошади с некоторыми другими ее костями. Перед жертвенником, на полу, на слабо зольистом пятне, лежал целый костяк собаки. И. И. Ляпушкин датирует свою находку скифским временем (VI в. до н. э.).

Изображения собак в значительном числе известны в памятниках эпохи бронзы на Кавказе¹ — это или индивидуальные изображения (амулеты), или изображения, входящие в сюжетные композиции (пряжки). Значение образа собаки в родоплеменном обществе древнего Кавказа еще не разработано. Однако можно предполагать, что и здесь образ ее занимал свое определенное место в верованиях. Изображения собак играли роль в погребальном культе, служили оберегом и нашли свое отражение в мифологии.

Культ собаки, в связи со специфическими условиями быта, естественно получил широкое распространение и у племен севера и северо-востока Азии. Здесь мы опять-таки

¹ Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, стр. 57.

¹ А. А. Миллер. Изображения собак в древностях Кавказа. Изв. Российск. Акад. истор. матер. культ., т. II, 1922, стр. 287—324.

встречаемся с многозначностью образа собаки, почти всегда оттеняющей ее положительную для человека качества. Вспомним, например, захоронения в забайкальских памятниках глазовского и китойского этапов, отмеченные в раскопках А. П. Окладникова. На жертвенное значение собак указывает находка группы пробитых черепов собак, сделанная на Нижней Оби в замечательном памятнике у Сале-Харда.

Не только археологические материалы воскрешают перед нами культовое значение собаки в разные периоды истории народов. Этнографические источники донесли до нас не менее интересные данные, определенно указывающие на выдающуюся роль собаки в верованиях древних обществ. В народных поверьях и сказаниях собака выступает как хтоническое животное и как животное, оберегающее человека и его имущество от злых начал. В старых украинских поверьях образ собаки расценивается в качестве посредника между богом и человеком при появлении земледелия. В тех же поверьях отмечается, что того, к кому приблизилась собака, ожидает благополучие и богатство.¹ Хтоническая значимость образа собаки подчеркивается, например, в погребальном культе эскимосов Гренландии. Эскимосы верят, что душа ребенка после смерти нуждается в проводнике в царство теней, поэтому они кладут в могилу ребенка череп собаки,² долженствующий представлять собой животное, лучше всего, по их представлениям, выполняющее роль проводника. Приведенные примеры убедительно подчеркивают значение собаки в древних культах.

Таким образом, возвращаясь к трипольским изображениям собак, естественно думать, что если образ собаки был перенесен из трипольского быта в культ, то роль ее в живом быту трипольцев была велика. Видимо, только этим и можно объяснить проникновение образа собаки в идеологические представления, проявленные в обрядах, например в захоронениях черепов собак в жилище и в изготовлении пластических фигурок собак, возможно изображающих охранителей.

Итак, мы рассмотрели пластинку из Луки-Врублевской с разных точек зрения и на фоне широкого распространения раннеземледельческой скульптуры. Пытаясь проследить пути развития пластинки в триполье, мы, естественно, произвели стилистические и сюжетные сравнения скульптуры из Луки-Врублевской как исходной для ранних памятников со скульптурой раавитого и позднего триполья до отдельных этапов культуры. В результате намечались определенные морфологические черты, позволяющие выделять более ранние и более поздние элементы в пластике триполья. Следуя по этому пути дальше, мы перешли к сопоставлению трипольской пластинки со скульптурой юго-восточной и южной Европы, Малой Азии и Переднего Востока, возвратившись затем к находкам на нашей территории, но уже со стороны восточного Причерноморья. Сопоставление скульптуры ранних земледельцев в пределах столь широкого ареала определило стилистическую общность пластинки у племенных групп данной обширной территории. Черты сходства проявились не только в отдельных стилистических особенностях и смене одних форм другими или в отдельных морфологических признаках, но, что еще важнее, в сходстве сюжетов. Схематизированные женские фигурки триполья, имеющие вместо рук конические выступы, оказывается, отвечают широко распространенным в Средиземноморье и на Переднем Востоке фигуркам женщины с положенными на грудь руками. Такое совпадение сюжетов отнюдь не может быть истолковано как конвергентное явление, так как оно согласуется и с другими признаками материальной культуры. Скульптурный сюжет женщины с положенными на груди руками в юго-восточной Европе появляется внезапно и в уже сложившейся стилистической форме. Следует думать, что он появился здесь из областей, где раньше всего возникли центры древних земледельческих цивилизаций. В среде ранних земледельцев юго-восточной Европы фигурка женщины получила свое широкое распространение и дальнейшее оформление. На протяжении почти всего триполья в женской скульптуре имеют место отдельные видоизменения деталей, но основной сюжет женских изображений с положенными на грудь руками, переданными в условной манере, остается неизменным.

¹ Г. О. Булашов. Украинский народ в своих легендах. . . , стр. 373, 415.

² Н. Харузин. Этнография, т. IV, стр. 280.

Мужские фигурки появились в триполье, вероятно, независимо от каких бы то ни было влияний со стороны. Они возникли, видимо, в местной среде.

Далее, мы рассмотрели зоопластику Луки-Врублевецкой, отметив стилистическую связь ее с зоопластикой из других трипольских поселений, равно как и поселений линейно-ленточной керамики. Пользуясь определенными скульптурными деталями, оказалось возможным выявить связь населения Луки-Врублевецкой с племенами Дунайского бассейна. Этот вывод согласуется и с данными керамики.

Анализируя литературные источники и археологический материал, нетрудно установить, что зооморфные фигурки раннеземледельческих племен почти всегда изображают домашних животных. Этот вывод имеет свое особое значение для триполья в связи с вопросом о времени и месте приручения лошади на юго-востоке Европы. Находки скульптурных и живописных изображений лошадей сейчас не так уже многочисленны в памятниках триполья. Поэтому можно предположить, что лошадь как животное, вошедшее в состав трипольских изображений, где преимущество всегда отдается домашним животным, начала входить в хозяйственный обиход трипольских обществ.

Помня о том, что в раннеземледельческих памятниках Балкан мы не встречаемся с костными остатками лошадей (за исключением Мадара и Под-Града в Болгарии), так же как и с изображениями лошадей, можно думать, что Балканы не были тем местом, откуда могла проникнуть лошадь в юго-восточную Европу. В неолитических и энеолитических поселениях средней полосы Европы имеют место очень редкие находки костей лошади, но нет изображений ее в искусстве.

Таким образом, юго-восточная и центральная Европа оказываются как бы изолированными от тех центров, откуда могла проникнуть лошадь. Следовательно, можно предположить, что приручение лошади произошло на месте из наличных форм, водившихся здесь в диком виде. Такое предположение в известной мере согласуется с данными палеонтологии, о чем мы довольно подробно уже говорили.

Таковы вопросы, рассмотренные нами в связи с пластикой из Луки-Врублевецкой, которые трудно было обойти молчанием.

Далее мы остановились на одной из важных проблем раннеземледельческой пластики, а именно — на ее значении в верованиях древних племен. Эта проблема охватывает три узловых темы: 1) значение женских изображений, 2) значение мужских изображений и 3) значение зоопластики. Среди этих тем центральное место занимает первая.

Пользуясь археологическим материалом и этнографическими источниками, мы попытались определить значение женского образа в верованиях древних земледельцев, установить обрядность, сопутствующую изготовлению женских фигур, и время их изготовления. В разрешении вопросов, связанных с дешифровкой значения женских терракот, во многом помогли этнографические источники. Женские глиняные фигурки мы связываем с культом плодородия в широком смысле его значения и в разных обрядовых проявлениях. В нашем понимании женские изображения имели многофункциональное значение. Их изготовляли главным образом в зимне-весенний сезон, когда особенно являются празднества, связанные с плодородием, в которых центральное место занимает женский образ. Не случайно поэтому в женских изображениях наличие следов примеси зерен пшеницы или муки, так же как не случайно и то, что фигурки женщины бросались в огонь. В этих обрядах четко выступает культ возрождающегося солнца, весенних животворящих сил природы, культ будущего урожая, воплощенный в образе женщины с положенными на груди руками. Символично в этом скульптурном сюжете отражается животворящая значимость женщины, дающей и поддерживающей жизнь. Но это одна из культовых сфер, в которых участвует образ женщины.

Женский образ имел и другие функции. По ряду данных можно установить и иные направления использования его. Судя по археологическим и этнографическим материалам, женский скульптурный образ стоит в тесной связи с культом предков, охранителей домашнего очага, родоначальник. Вместе с тем нельзя отрицать и участие женских скульптурных изображений в погребальном ритуале. Это тем более вероятно, что на ступени позднейшего триполья в числе погребальных атрибутов имеются и глиняные женские скульптуры. Кроме того, женские изображения, вероятно, служили амулетами-охранителями, амулетами,

приносящими плодородие, и т. д. В функциональной множественности направлений использования женского образа выступает синкретизм древних верований, заключенный в единстве образа.

Значение мужских терракот раскрывается примерно в том же плане. Гипертрофированные признаки пола у мужских статуэток, при сохранении других морфологических черт, близких к женским фигуркам, свидетельствуют о том же культовом значении мужских фигурок, т. е. о связи их с культом плодородия.

С идеей плодородия, ограниченной рамками благополучия и увеличения стада, связаны и зооморфные терракоты. Среди последних исключительно интересна пластинка из Бильче-Злото, изображающая голову быка с выгравированным на ней рисунком женщины. Находки женской фигурки на черепе быка в Сабатиновке и стилизованных фигурок женщин вместе с каменной скульптурой быка в Усатове говорят о какой-то идейной связи женского образа с изображением быка. Сюжетное единство в такого рода находках, очевидно, представляет две стороны одной и той же идеи плодородия, всеобщего и специально скотоводческого, хотя в то же время культ быка отражает значительно более сложные представления, вплоть до космических. В связи со сказанным стоит и находка черепа быка — лобной части с рогами — под очагом в жилище № 5. Эту находку нельзя отрывать от того же культа плодородия, благосостояния, изобилия в доме и стадах. Сама по себе фигурки животных, среди которых на первом месте стоит изображение быка, находят свое объяснение в обрядах, особенно в весенних, сопровождающих празднества в честь плодородия. Этнографические данные подтверждают это положение, расчлняя не только идеологическое значение их, но и содержательные обрядов.

По отношению к захоронению черепов собак, обнаруженному в жилище № 1, мы можем сказать, что этот ритуал скорее всего отражал стремление к сбережению жилья и живущих в нем от злых начал, а следовательно, и сбережение домашнего благополучия. Однако образ собаки наряду с апотропанскими чертами мог содержать в себе и элементы хтонического культа.

Анализируя скульптуру из Луки-Врублевской, мы неоднократно пользовались дан-

ными славянской этнографии, особенно когда речь шла о дешифровке значения женских изображений с примесью зерен и изображений мужских. Славянская обрядность, отражающая древнюю традицию культа плодородия, во многом созвучна с трипольской обрядностью в том виде, как она устанавливается на археологическом материале. Этим объясняются наши частые экскурсы в область славянской этнографии. Советские слависты (Н. С. Державин, Ю. В. Готье и другие) постоянно обращаются к трипольским памятникам, когда речь заходит об этногенезе восточных славян. Вряд ли кто-нибудь из историков имеет в виду прямую преемственную связь между трипольскими и раннеславянскими племенами, как думал в свое время В. В. Хвойко, но столь высоко развитая земледельческая культура триполья не могла исчезнуть бесследно, не передав своих традиций племенам, выросшим на ее основе или сменявшим ее. Земледельческие традиции триполья, видимо, все же вошли в культуру ранних славян. Это предположение хотя и не вызывает больших сомнений, но остается теоретическим. Археологический материал, впрочем, так же как и этнографический, пока еще не дает возможности проследить раннеземледельческие традиции триполья в среде древнейших славянских племенных образований. Может быть, в этом отношении кое-какие связующие нити поможет установить изучение элементов верований.

Мы не имеем в виду слишком обобщенных сопоставлений, например культа плодородия у трипольцев с культом плодородия у славян, хотя и в первом и во втором случае имеет место одно и то же воплощение самой идеи плодородия — в женском образе. Л. А. Динцес, специально занимавшийся изучением некоторых мотивов украинских вышивок, выделил в них древний сюжет изображения женщины, сопровождавшийся деревом, не оставляющий сомнений в том, что этот образ целиком отражает культ плодородия. Он же установил черты сходства в женской одежде IV—II вв. до н. э., бытовавшей в северном Причерноморье, с одеянием великой богини Киевской Руси. С другой стороны, Л. А. Динцес сопоставил киевскую куклу с древней богиней скифо-сарматского мира (Табити). Некоторые общие черты древнерусского искусства со скифо-сарматским были установлены

Б. А. Рыбаковым.¹ А. П. Иванова полагает, что местное искусство Боспора тоже сыграло свою роль в сложении древнерусского искусства.²

Еще недостаточно данных для того, чтобы проследить в деталях прямую гетерическую связь между раннеземледельческими женскими изображениями, богиней Скифии и древнеславянскими женскими образами. Трудность решения этой задачи усложняется возможными «сплетениями» элементов перовангий, вызванными смещением и расхождением племен в скифо-сарматское время, влиянием античной колонизации северного Причерноморья и другими явлениями.³ В более широком плане изучением женского образа занимался В. А. Городцов, установивший связь дако-сарматского искусства с русской народной вышивкой.⁴ Сейчас можно сказать, что истоки значения женского образа безусловно лежат в древнейшем раннеземледельческом мировоззрении, восходящем еще к эпохе триполья. Аналогичное заключение можно также сделать и в другом направлении. Н. Ф. Сумцов еще в 1885 г. высказал интересную мысль: «Повидимому, судя по этнографическим сборникам, обрядовое употребление хлебных зерен в настоящее время сохранилось преимущественно у славян южных и восточных, болгар, сербов, малороссов и великороссов и почти не встречается у славян западных, поляков и чехов».⁵ Высказанному положению Н. Ф. Сумцов придавал весьма существенное значение, иначе он не включил бы его специальным параграфом в очень сжа-

тые тезисы диссертации.¹ Доверяя Н. Ф. Сумцову в его выводе, основанном на этнографических источниках, можно сделать и другой вывод, основывающийся на археологическом материале, а именно — о сходстве обрядового употребления зерна у южных и восточных славян с обрядовым употреблением зерна у раннеземледельческих племен. Это сопоставление имеет свое значение именно потому, что опирается на частный самобытный случай: с одной стороны, на находку зерен в статуэтках, раскрывающую обрядовую сущность их, с другой — на то, что обрядовое употребление зерна (кроме свадебных обрядностей) локализуется в определенной славянской среде.

Итак, наше сопоставление дает еще одно звено в линии установления преемственных черт в верованиях раннеземледельческих племен юго-восточной Европы с определенными современными славянскими этническими образованиями. Но вопрос этот получает еще большее освещение, как только мы обратим внимание на карту распространения женских пластических фигур в пределах Европы. Оказывается, что наиболее широкое распространение их может быть отмечено в южной и юго-восточной полосе: Балканы с островами и далее к востоку, включая территорию западного и северо-западного Причерноморья, в том числе Югославию, Болгарию, Румынию и правобережную Украину. В Чехословакии и Польше (за исключением южных областей), так же как в средней полосе Европы, распространенность глиняных скульптур в раннеземледельческих поселениях значительно ослабевает и ни количественно, ни качественно не идет ни в какое сравнение с пластикой южных областей.² Это заключение имеет не менее существенное значение, чем первое. Распространение женских изображений получает какие-то реальные географические границы. Это еще раз подтверждает наше положение, что изображения женщины отражают культ плодородия, созревший в достаточно развитой земледельческой среде, тогда

¹ Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. Сов. этнограф., № 1, 1948.

² А. П. Иванова. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора. Сов. археолог., т. XV, 1951.

³ Л. А. Диндес. Историческая общность русского и украинского народного искусства. Сов. этнограф., V, 1941. — Л. А. Диндес. Русская глиняная игрушка. — Л. А. Диндес. Древние черты в русском народном искусстве. История культуры древней Руси, М.—Л., 1951, стр. 465—491. Мы предупреждаем читателя от исторического отношения к ряду теоретических положений Л. А. Диндеса. Одаренный исследователь не сумел в своих работах избежать и преодолеть влияния порочных вульгарно-материалистических взглядов Н. Я. Марра.

⁴ В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. Гос. Историч. музея, вып. 1, 1926.

⁵ Н. Ф. Сумцов. Хлеб в обрядах и песнях, стр. 49.

¹ Н. Ф. Сумцов. Положения к сочинению... тезис 2.

² Нет никаких оснований предполагать, что здесь, в средней полосе Европы, женские глиняные фигурки заменялись, например, деревянными. Этому противоречит близкое сходство лесных ландшафтов центральной и средней Европы с древним лесным ландшафтом Поднепровья.

как к северу, где земледельческий уклад носил более аграрно-отсталый характер, подобных находок значительно меньше или нет вовсе.

Мы не обошли молчанием данные кавказской и среднеазиатской этнографии и привели этнографические параллели, взятые из среды северных народностей. Дело в том, что у кавказских народов, как и у среднеазиатских, надревле находящихся в оживленных сношениях с древневосточными цивилизациями, еще до недавнего прошлого сохранялись черты верований, связанные с культом плодородия, и в частности с образом женщины. Истоки этих культов во многих своих звеньях лежат в древневосточных верованиях и занесены сюда из территориально близкого южного ареала раннеземледельческих культур. Элементы культа плодородия, вошедшие в древнеславянские верования, видимо, имеют те же истоки, но появились на юго-востоке Европы другим путем, через Переднюю и Малую Азию и Балканы. Вместе с тем и преломление идей, связанных с культами плодородия, произошло через разные этнические образования, приобретая свои оттенки, свои формы обрядности, которые в отдельных своих чертах дожили до современности, в том числе и в славянской среде. Здесь необходимо еще раз со всей отчетливостью подчеркнуть, что такие общие черты в верованиях трипольцев и славян ни в коем случае не говорят о генетическом родстве этих различных

этнических образований, к тому же разделенных огромным промежутком времени.

У северных народов, долгое время находившихся в культурно-исторической изоляции и развивших иные формы хозяйственного устройства, возникновение аналогичных форм верований с другими обрядовыми явлениями можно объяснить сходством общих условий материальной жизни охотничьих и раннеземледельческих племен, духовная деятельность которых развивалась в обстановке постоянной заботы об увеличении охотничьей добычи, продуктивности скота, урожая, об увеличении самого рода. В раннеземледельческих обществах, равно как и в охотничьих, очень рано сложились определенные формы верований, искаженно отражающие уже складывающиеся у первобытного человека понятия об окружающей его действительности, о цикличности в природе, о рождении и смерти, о зависимости явлений и др. В этих верованиях и сопровождающих их магических обрядах равно видны как зависимость первобытного человека от стихийных сил природы, так и его попытки преодолеть эту зависимость. Обряды и празднования сопровождают производственную деятельность человека. Образ женщины становится в центре религиозных представлений и обрядности, связанных с плодородием, и очень долго удерживается в верованиях земледельческо-скотоводческих обществ.

Глава VI

КРАТКИЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ ЛУКИ-ВРУБЛЕВЕЦКОЙ

Перед нами прошел почти весь археологический материал из Луки-Врублевецкой, рисующий различные стороны материальной и духовной культуры древних земледельцев и скотоводов, — жилища, орудия труда, утварь, формы хозяйства, а также предметы, позволяющие воссоздать элементы верований. Наша публикация и разбор материальных остатков культуры Луки-Врублевецкой имели целью ввести в научный обиход ряд новых для триполья археологических материалов, что само по себе должно иметь значение, особенно для будущих обобщающих исследований. Вместе с тем мы преследовали и другую цель — осветить археологический материал в историческом разрезе, показать его в различных аспектах, во всех его связях с культурами широкого ареала энеолитических племен, при этом, хотя мы и не ограничивали себя только пределами юго-восточной Европы, но все же основной упор делали именно на эту территорию. Помня о том, что материал из Луки-Врублевецкой представляет в несоизмеримо большей полноте, чем другие известные собрания, ранний этап развития трипольского общества, мы не сочли себя вправе миновать ряд больших проблем, вставших в связи с изучением этого материала. В нашем изложении не все вопросы освещены в одинаковой мере, не все проблемы, вытекающие из анализа материала, разработаны с одинаковой полнотой. Это и понятно, ибо остатки культуры древних земледельцев и скотоводов Луки-Врублевецкой количественно и качественно очень различны, что собственно и определяет большую или меньшую воз-

можность раскрытия отдельных научных положений.

Мы не случайно уделили мало внимания абсолютной и относительной хронологии памятников триполья в связи с датировкой Луки-Врублевецкой, считая, что эти вопросы достаточно подробно и четко разработаны советскими исследователями Е. Ю. Кричевским и Т. С. Пассек применительно к триполью. Хронологизация же зарубежных раннеземледельческих поселений дана в ряде специальных статей и сводных работ (Кричевский, Чайльд, Шроллер, Нестор, Роска и другие).

Культурно-историческое положение Луки-Врублевецкой определяется вполне надежно по данным стратиграфии, прослеженной на памятниках типа Извоар I, Трайан, Дарабан и им подобных.

В советское время изучение трипольской культуры шагнуло далеко вперед по сравнению с дореволюционной русской археологической наукой. Огромные собрания археологического материала, добытые трудами дореволюционных и советских исследователей, позволили Т. С. Пассек создать периодизацию, точнее хронологизацию, памятников триполья, без которой немислимо сколько-нибудь плодотворно разрешать трипольскую проблему, уже потому, что без хронологизации памятников теряется всякая историческая перспектива исследований. Исключительно важные результаты получены Трипольской экспедицией, работавшей под руководством Т. С. Пассек в чести изучения собственно материальной культуры. Стали более ясными такие круп-

ные проблемы, как планировка поселений, устройство жилищ и хозяйственных сооружений. Намечены пути к установлению форм хозяйства и условий быта ранних земледельцев, сделаны попытки восстановить общественное устройство трипольского общества и некоторые черты верований.

Можно ли, однако, сказать, что наши знания о ранней земледельческой и скотоводческой культуре юга и юго-запада СССР достигли уже такого предела, когда новые исследования будут пополнять их лишь сведениями частного порядка, детализировать в общем уже решенные исторические вопросы? Такая точка зрения была бы ошибочна. История трипольской культуры во многих своих частях остается еще именно проблемой, и важность разработки ее становится все более очевидной. В самом деле, еще не может считаться выясненным кардинально важный вопрос о происхождении трипольской культуры. Во многом неясными остаются вопросы взаимоотношения триполья с другими раннеземледельческими обществами средней, центральной и юго-восточной Европы. Не произведен достаточный научный анализ формы хозяйства, значения земледелия, скотоводства, охоты и собирательства на разных ступенях развития культуры. Почти совсем не исследованы конкретные вопросы общественного мировоззрения, в том числе и религиозного, у раннеземледельческих племенных групп. Во всем сказанном следует подчеркнуть, что неразработанность этих и других вопросов относится в первую очередь именно к ранним этапам триполья. Отсюда делается понятным то внимание, с которым мы отнеслись к раннетрипольскому памятнику Луки-Врублевецкой как к исходному для понимания исторического развития триполья в целом. Этим и определяется наше стремление к посылному решению или к постановке сложных проблем, вытекающих из анализа археологического материала Луки-Врублевецкой.

В настоящей работе не рассматривается очень важный вопрос об исторических судьбах трипольской культуры, так как он послужил темой исследования А. Я. Брюсова, который на большом фактическом материале, пользуясь конкретно-историческим анализом явлений, предложил свое решение этого запутанного вопроса.¹ Исследование А. Я.

Брюсова завершает изучение дальнейших путей развития трипольской культуры и в этом смысле как бы продолжает тему нашей работы.

Не возвращаясь больше к аргументации основных выводов, данных в каждой главе настоящей работы, остановимся в самых кратких и общих чертах только на некоторых итоговых положениях.

Прежде всего установим нашу точку зрения на один из главных вопросов — на происхождение трипольской культуры. Вопрос этот уже давно перерос в науке в крупную историческую проблему. Определены два основных направления, объясняющих происхождение трипольской культуры: 1) трипольская культура появилась на правобережной Украине в результате перемещений сюда племен из областей древневосточных земледельческих цивилизаций; 2) трипольская культура есть результат местного, автохтонного развития дотрипольских племен. Этой последней гипотезы придерживается и ряд советских авторов, все же признающих серьезную роль восточного Средиземноморья в сложении и развитии трипольской культуры. Справедливость требует сказать, что сторонники первой гипотезы для подтверждения своих взглядов удачно пользуются сравнительным методом, особенно сопоставлениями керамики (преимущественно расписных и чернлощенных сосудов), но не замечают местных черт, вошедших в качестве составных элементов в трипольский культурно-исторический пласт. Сторонники второй гипотезы учитывают роль средиземноморских влияний в сложении трипольской культуры, но ищут истоки происхождения ее в местной племенной среде.

Как бы тщательно ни были проанализированы археологические данные, всякие попытки протянуть прямую генетическую нить от мезолитических или неолитических дотрипольских культур к триполью оказываются тщетными. Такие попытки опровергаются сравнительно-типологическими данными (например анализом керамики), стратиграфическими наблюдениями и даже самим географическим размещением памятников. Известно, например, что памятники с линейно-ленточной керамикой, которые ставятся в генетическое родство с трипольскими, не переходят границы реки Эбруч мен Европейской части СССР в неолитическую эпоху.

¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории пле-

и численно все больше увеличиваются к западу от нее, занимая главным образом области, где трипольские памятники отсутствуют вовсе. Если опираться только на европейский материал, то трипольская культура выглядит каким-то изолированным явлением, так как она не имеет твердо установленных генетических звеньев, связывающих ее с местными дотрипольскими культурами. И это не случайно и не может быть отнесено, скажем, за счет слабой изученности в археологическом отношении некоторых европейских территорий.

Материал Луки-Врублевецкой дает ряд оснований поставить проблему происхождения триполья в ином плане.

В конце IV или на рубеже III тысячелетия до н. э. в южном ареале раннеземледельческих культур произошло пока еще необъяснимое явление (может быть стоящее а какой-то связи с расселением индоевропейцев), вызвавшее перемещение племен, продвигавшихся через Малую Азию. Отсюда одни племена двигались по направлению к средней и центральной Европе, возможно по Дунайскому коридору, другие устремились на юго-восток Европы, заняв территории междуречья Дуная и Днестра.¹ В дальнейшем эти племена постепенно осваивали обширные плодородные пространства юго-восточной Европы и, развивая здесь свою культуру в общении друг с другом, стали как бы аборигенным населением. Совершенно очевидно, что переселение это было вызвано теми же причинами давления избытка населения на производительные силы, о которых писал К. Маркс применительно к древним государствам Греция и Риму и по отношению к древним вынужденным эмиграциям племен с плоскогорий Азии. «То же самое давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства древнего мира... Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще поныне у индейских пле-

мен Северной Америки. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они взаимно лишали друг друга территории, необходимой для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные приключения великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы».²

Мы особенно подчеркиваем формулировку К. Маркса — «давление избытка населения на производительные силы», которая резко противопоставляет точку зрения Маркса — Энгельса пресловутой мальтузианской «теории» о роли перенаселения в истории общества. Маркс и Энгельс гневно заклеймили Мальтуса, как защитника интересов буржуазии, как фальсификатора науки.³

Вместе с тем следует также обратить внимание на то, что К. Маркс, говоря о вынужденных эмиграциях в «варварских» обществах, имеет в виду не только великие переселения, но распространяет эти явления, например, на индейцев Северной Америки, т. е. на общества с иным эволюционным укладом и с иными масштабами передвижений.

Трудно допустить, чтобы заселение юго-востока Европы пришлыми племенами происходило одновременно и в короткий срок. Скорее это была постепенная инфильтрация племенных групп с различными этнографическими признаками. Возможно, что этнографические своеобразия этих племенных групп и породили различные оттенки в материальной культуре ранних земледельческо-скотоводческих племен южной и юго-восточной Европы. Однако не следует думать, что здесь, на юго-востоке Европы, пришлые из южного пояса племена попали на территорию, лишенную населения. Наоборот, они столкнулись здесь с коренными охотничьими племенами, издавна населившими эту территорию и обладавшими своими сложившимися формами экономического и социального укладов.

Как же факты указывают нам путь к установлению взаимодействия или столкновения пришлой ранней земледельческо-скотоводческой культуры с местной, охот-

¹ Е. Ю. Кричевский и Г. Чайльд, пользуясь археологическим материалом (чернолощенная керамика), в общих чертах наметили возможные пути этих передвижений, и их заключения убедительны.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. Вынужденная эмиграция. М., 1952, стр. 333.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 313. — К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. II, стр. 208, 229.

ничьей? Начнем с последних. На обширных пространствах Подолии, впрочем, так же как и в других областях юго-восточной и отчасти центральной Европы, вплоть до прихода сюда земледельческо-скотоводческих племен южного ареала обитали охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ племена, довольно густо населявшие Среднее Поднестровье. В экономике и быту они сохранили целый ряд архаических черт, близко стоящих к позднепалеолитическим традициям, хотя хронологически, по сравнению с другими племенами иных территорий, бытование их относится к развитому неолиту. Лесные просторы Поднестровья с богатыми дичью угодьями, благоприятствовавшими к тому же и лесному, и прерывному собирательству, обеспечивали местному населению определенный жизненный минимум.

Появление на юго-востоке Европы переселенцев из южных широт через Балканы, принесших сюда новые виды хозяйства — земледелие и скотоводство, вызвало коренную ломку охотничьего уклада и завершилось ассимиляцией местного охотничьего населения пришлым земледельческо-скотоводческим. Произошло как бы столкновение двух различных по своему качеству экономических укладов — прогрессивного, производящего хозяйство с отсталым, во многом еще присвояющим хозяйством. Это обстоятельство привело к победе первого над вторым и к утере самобытного облика культуры местными племенами. Мы не знаем первых, самых начальных этапов этого процесса, они не выявляются на археологических памятниках, возможно, потому, что изменения в материальной культуре местного населения происходили в довольно короткое время. Здесь следует иметь в виду то, что процесс переоформления местных хозяйственных форм мог происходить быстрее, чем процесс ассимиляции, ибо продвижение и внедрение в местный быт производящих форм хозяйства и отдельных производственных навыков могли идти быстрее, чем расселение пришлых племен, принесших эти новые формы хозяйства.

В остатках материальной культуры Луки-Врублевецкой ясно прослеживается проявление двух типов культур — местной и пришлой. К числу местных хозяйственных традиций относится в первую очередь охота, которая в экономике раннетрипольского общества играла весьма большую роль и ко-

торая лишь постепенно утрачивала свое значение по мере увеличения роли скотоводства. В Луке-Врублевецкой соотношение костяных остатков диких и домашних животных почти равное. Старые местные традиции наглядно выступают в формах и технике домостроительства, а именно — в постройке полуземлянок, неправильных в плане, с изрытыми ямами полом, или длинных домов. Они вовсе не характерны для земледельческо-скотоводческих племен южного ареала, зато вполне созвучны восточноевропейским позднепалеолитическим жилищам. Сильный отпечаток позднепалеолитических традиций носит на себе и кремневый инвентарь Луки-Врублевецкой, причем в ряде форм и приемов обработки кремня и даже в процентных соотношениях отдельных форм он близко стоит к материалам из позднейших палеолитических памятников Поднестровья.

Итак, значительная хозяйственная роль охоты в раннем триполье, переживание древнейших форм в домостроительстве и архаические особенности в кремневом инвентаре дают возможность уловить в археологическом материале Луки-Врублевецкой местные дотрипольские черты, т. е. проследить действительно местные истоки этих элементов культуры, уходящие в предшествующие ступени развития общества.

Что же можно отнести за счет привнесенных элементов культуры? Отвечая на этот вопрос, очень важно учесть одно странное, на первый взгляд, обстоятельство. Хотя мы и имеем дело с наиболее ранними памятниками эпохи триполья, тем не менее мы сразу же сталкиваемся с развитыми и устойчивыми формами материального производства, равно как и с элементами верований. Уже на раннем этапе триполья мы встречаемся с культивированием по крайней мере двух видов растительности — пшеницы и проса. Есть основание предполагать, что пшеница была представлена двумя формами — мягкой и твердой. Не исключено также, что уже ранним трипольцам было знакомо и культивирование ячменя и даже, быть может, некоторых огородных культур. Разведение домашнего скота также стояло на довольно высоком уровне. Как показывают определения фауны из Луки-Врублевецкой, в раннем триполье присутствует в вполне одомашненном состоянии крупный и мелкий рогатый скот — бык, коза, овца. Вместе с тем получило широкое распростра-

невие и разведение свиней. В некоторых направлениях использовалась в хозяйстве и собака. Можно думать, что и лошадь тоже начала входить в состав домашних животных, причем domestикация лошади происходила путем освоения местных диких форм. Об этом мы довольно подробно говорили выше. Далее, обращает на себя внимание удивительное разнообразие и совершенство домашнего инвентаря в памятниках раннего триполья и в первую очередь керамики. Мы отмечаем целые серии развитых форм сосудов, наделенных богатой и композиционно разнообразной орнаментацией, усиленной применением инкрустации и даже окраски сосудов.

Фактом большого научного значения остается и применение специального керамического горна для обжига сосудов. Постоянными, начиная с раннетрипольских памятников, являются и находки медных изделий, причем не только в виде украшений, но и в качестве орудий производства (рыболовные крючки, шилья). Столь же постоянны находки скульптурных женских изображений, обычно встречающихся в большом числе в трипольских памятниках. Во всем сказанном важно одно, что все названные элементы культуры появляются в юго-восточной Европе в и з а п н о. Внезапность появления здесь земледелия и скотоводства в сложившемся виде, развитых форм керамики, изделий из меди, своеобразной скульптуры и определенных форм каменных орудий, ни в какой степени генетически не связанных с предшествующими этапами развития общества на этой территории, может указывать на привнесение всех этих элементов культуры из стран древних цивилизаций Востока. Именно в Месопотамии, Сирии, Египте, Анатолии и на Балканах мы встречаемся с земледельческо-скотоводческими поселениями, с рядом культурно-исторических признаков, во многом соответствующих трипольским. Правда, признаки эти не означают тождества и прослеживаются чаще не в деталях, а в общем направлении, например в формах сосудов, расписной или углубленной орнаментации, в использовании инкрустации или рельефной орнаментики. Много общего выявляют и каменные орудия, в особенности трапециевидные «наконечники мотыг».

Нужно сказать, что наряду со сходством материальной культуры поселений восточ-

ного Средиземноморья, Среднего и Переднего Востока с раннетрипольскими имеют место и весьма ощутимые различия, проявляющиеся при сопоставлении той же керамики, которые объясняются, видимо, периферийным положением трипольских памятников по отношению к памятникам южного ареала. Южные племена, попавшие в иную среду, оторвавшись от своих культурных центров, развивали свои формы материального производства, уже отличные от тех, которые сложились у них на родине. Изменения эти в новых условиях жизни и быта достаточно быстро сказались на формах и приемах домостроительства, на одежде, утвари, внутренней домашней обстановке и т. п. Именно этим можно объяснить иногда очень определенные различия между материальной культурой триполья и культурой древних земледельческо-скотоводческих поселений южного пояса.

Совсем другая картина раскрывается перед нами при изучении скульптуры. Здесь прежде всего следует указать на устойчивость скульптурных изображений женщин, исключительно широко распространенных в раннеземледельческой среде южных широт и южной половине Европы. Разбирая скульптуру, мы проследили, откуда пришел женский скульптурный образ в юго-восточную Европу, каковы те изменения, которые произошли в трактовке этого образа, как натуралистическое изображение перешло в схему. Если в других остатках материальной культуры можно отметить иногда и очень заметные изменения в процессе развития триполья, то этого нельзя сказать о скульптуре. Она изменяется, но не настолько, чтобы можно было говорить об утере основных сюжетных признаков. Факт этот определенно указывает на устойчивость верований древних земледельцев и скотоводов, верований, вращавшихся вокруг идеи плодородия и не изменявшихся на всем протяжении триполья. Таким образом, скульптура Луки-Врублевецкой дает возможность уяснить ряд элементов верований трипольцев, но, что не менее важно, анализ скульптуры в целом и отдельных деталей ее позволяет привлечь этот вид археологического источника для решения проблемы происхождения триполья.

Итак, трипольская культура Днестро-Днепровского междуречья является результатом ассимиляции местных охотничьих пле-

мен пришлыми племенами южного ареала. На ранних этапах триполья еще прослеживаются местные элементы культуры, вошедшие в триполье и выражающиеся в сохранении значительной роли охоты в хозяйстве, в формах домостроительства, в архаических приемах обработки кремня. Земледелие, скотоводство, керамическое производство, использование меди составляют те элементы культуры, которые были принесены на юг-восток Европы племенами из южного ареала. То же самое можно сказать о формах верований. Мы имеем в виду культ плодородия, отраженный в женском скульптурном образе, терракотах животных, обрядовом захоронении черепа быка под очагом и, наконец, жертвенное захоронение ребенка в доме, под полом. Очень возможно, что в числе принесенных на юг-восток Европы культов был культ боевого топора или секиры, распространенный среди ранних земледельческо-скотоводческих племен Средиземноморья.

В процессе развития триполья местные элементы совершенно затушевываются, происходят изменения в облике культуры — усиливаются производящие формы хозяйства за счет постепенного и неуклонного снижения роли охоты и повышения значения земледелия и скотоводства, меняются формы домостроительства — углубленные в землю жилища исчезают, уступая место глинобитным наземным сооружениям (площадкам). Вероятно изменяется и планировка самих поселений — устанавливается расположение домов по кругу или концентрическими кругами. Видоизменяется техника обработки кремня и камня. В технике обработки кремня получает развитие двусторонняя обработка орудий, особенно наконечников стрел и топоришков с пришлифовкой, стираются архаические черты в формах орудий и первичной обработке кремня. Почти совсем исчезают орудия из мягких пород камня.

Если мы правильно поняли материал из Луки-Врублевцкой как материал, отражающий столкновение или соединение материальной культуры двух хозяйственных укладов — охотничьего и земледельческо-скотоводческого, то с неизбежностью возникает далеко не легко разрешимый вопрос — каков же был внутренний строй родового раннетрипольского общества?

Можно безошибочно сказать, что уровень развития производительных сил в эпоху

равного триполья был еще очень невысок, хотя производящие формы хозяйства и занимали ведущее положение в общей хозяйственной системе. Тем не менее определенная примитивность, скажем, тех же орудий труда, самое начало внедрения металла в производство свидетельствуют о невозможности представить себе трипольское общество вне рамок первобытно-общинного строя. Скудность жилищ на поселении Лука-Врублевцкая, размеры и планировка их полностью подтверждают то, что мы имеем здесь первобытно-общинный родовой поселок. Но можно ли, однако, считать, что родовое общество раннего этапа триполья строилось на матриархальных основах, как полагает ряд советских исследователей, а вслед за ними некоторые зарубежные авторы?

Авторы этой гипотезы — Е. Ю. Кричевский и Т. С. Пассек, опираясь на ведущую роль в триполье земледельческого мотыжного хозяйства, носившего, как утверждал Е. Ю. Кричевский, «огородный» характер, и на относительную неразвитость животноводства, определяют общественный строй триполья как матриархально-родовой. Масовость находок статуэток женщины, по мнению авторов рассматриваемой гипотезы, свидетельствует об этом общественном укладе. Нам представляется, что такой вывод при привлечении нового материала может быть пересмотрен. Прежде всего, мотыжное земледельческое хозяйство едва ли носило «огородный» характер. Дело в том, что сам термин — «огородный» тип хозяйства — применительно к триполью взят у Ф. Энгельса. Но Ф. Энгельс говорит об огородничестве у индейцев Америки, причем об огородничестве с системой орошения и с культивированием действительно огородных культур, особенно маиса (кукуруза), и, что не менее существенно, при отсутствии у индейцев таких видов диких животных, которые могли быть одомашнены и использованы в качестве тягловой силы при обработке полей.¹ Культура маиса требует посадки каждого зерна в отдельности или двух зерен в одну лунку, дает высокие урожаи и может быть при обработке даже небольших площадей высоко продуктивной. Другое дело, когда речь идет о посевах колосковых зла-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1949, стр. 178—177.

ковых культур. Здесь следует учитывать количественно меньшую в весовом отношении урожайность на единицу площади. Посадка маиса и посевы колосковых злаковых культур вовсе не эквивалентны с точки зрения величины площади, используемой для получения одинакового урожая. Самый приблизительный подсчет минимальной площади посевов, например для трипольского поселения Коломыйщина, где, как предполагает Т. С. Пассек, проживало не менее 500 человек,¹ с учетом минимальной нормы потребления хлебных культур по этнографическим данным и в условиях экстенсивного земледелия показывает площадь в несколько сот гектаров.² Если согласиться с Е. Ю. Кричевским, Т. С. Пассек и Г. Чайльдом, что основным питанием трипольцев служила растительная пища, то количество используемой под посевы площади еще больше возрастет.

Из сказанного следует, что указание Ф. Энгельса относительно возделывания растений в западном полушарии вовсе не применимо к трипольскому обществу, где главенствующее положение занимают колосковые злаковые культуры, и нет никаких оснований предполагать даже самые примитивные формы орошения полей. Кроме того, здесь уже имелись домашние животные, прежде всего бык. Перед нами в триполье определенный тип экстенсивного полевого мотыжного земледелия, быть может, с первыми зачатками земледелия, с использованием тягловой силы крупного рогатого скота. Уместно еще раз подчеркнуть, что сравнительно большие площади, необходимые под посев колосковых культур, вряд ли могли быть обработаны вручную. Видимо, обработка полей производилась с помощью быков, волокущих примитивную (без лемеха) соху. О возможном использовании тягловой силы быков в земледельческом хозяйстве триполья глухо говорят и археологические источники.³ Имеются в виду

скульптуры бычков с расписными полосами, передающими, быть может, детали упряжи. Кроме того, в трипольском поселении Копиловцы был найден сосуд в виде изображения быка. Примечательно, что этот сосуд имел две бычьих головы (одна из них оказалась отбитой). Ш. Гадачек, а вслед за ним В. П. Кравец не без оснований склонны объяснять эту находку как схематическое изображение пары волов в упряжке.¹ Интересной находкой является также парное изображение головок бычков с ярмом, найденное в Крежнице Яру в Польше.² Правда, находка эта относится к более позднему времени (культура колоколовидных кубков), но она отражает уже прочно укрепившееся в земледельческом быту использование тягловой силы быков, истоки которого следует искать в предшествующих этапах хозяйственного развития общества.

В гипотезе Е. Ю. Кричевского есть и другое уязвимое место — это недооценка хозяйственной роли скотоводства в триполье. На этом вопросе мы уже останавливались специально и пришли к противоположному выводу, закрепляющему за скотоводством в триполье, начиная с ранних этапов, очень существенное место в хозяйстве, что не могло не сказаться на внутрисемейных и родовых взаимоотношениях общества.

Трипольское скотоводство, несмотря на его примитивность, все же неуклонно прогрессировало и, как можно думать, уже на средних этапах развития триполья находилось в хозяйственной гармонии с земледелием. Последнее доставляло запасы зимних кормов, дополняемых, вероятно, заготовкой трав и молодых ветвей лесной растительности, идущих на корм скоту в зимнее время.

На ранних этапах триполья скотоводческое хозяйство не получило еще такого широкого развития, какое отмечается для развитого и позднего триполья.

В советской и зарубежной литературе большим распространением пользуется гипотеза Е. Ю. Кричевского, Т. С. Пассек и Г. Чайльда, рассматривающая трипольское

¹ Т. С. П а с с е к. Периодизация. . . , стр. 150.

² Подсчет произведен Т. А. Сорокиной на основании этнографических и археологических данных, которые приведены в ее дипломной работе «О хозяйстве в Триполье», защищенной в мае 1950 г. в Ленинградском Государственном университете им. А. А. Жданова.

³ В. П. К р а в е ц. Глиняные трипольские модели сапожек и челна в коллекциях Львовского исторического музея. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 129—131.

¹ Ch. H a d a c z e k, La colonie industrielle de Koszyłowce. Album de fouilles. Львов, табл. XX, рис. 173, 174. — Ch. H a d a c z e k. Osada przemysłowa w Koszyłowcach. Львов, 1914, стр. 38. — В. П. К р а в е ц. Глиняные трипольские модели. . . , стр. 130.

² S. N o s e k. Ślady kultow religijnych. . . , стр. 184.

и аналогичные ему общества юго-восточной Европы как специфически земледельческие. Согласно этой гипотезе, именно земледелие являлось основной и ведущей отраслью хозяйственной деятельности. Г. Чайльд, например, приписывал племенам Подунавья почти вегетарианский образ жизни. Истоки таких представлений лежат в ошибочной интерпретации археологического материала. Но главное все же не в этом. Существование этих ошибочных представлений лежит в северных теоретических предпосылках, в отождествлении путей развития обществ в западном и восточном полушариях.

Всем, занимающимся трипольской культурой, представляется совершенно бесспорным отнесение этого большого исторического этапа в истории юго-восточной Европы к неолиту и ранней бронзе или, по Ф. Энгельсу, — к «средней ступени варварства».¹ Но как только исследователи переходят к характеристике хозяйства трипольцев, формам домостроительства, социальному устройству или мировоззрению трипольцев, сразу же возникают аналогии, приведенные Ф. Энгельсом и Л. Морганом из жизни и быта племени западного полушария. Между тем, Ф. Энгельс, рассматривая этот этап, сразу же предупреждает: «Но с наступлением варварства мы достигли такой ступени, когда приобретает значение различие в природных условиях обоих великих материков. Характерным моментом периода варварства является приручение и разведение животных и возделывание растений. Восточный материк, так называемый Старый свет, обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих — только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим, — маисом. Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межовые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для

каждого из обоих полушарий».¹ И далее: «Средняя ступень. На востоке начинается с приручения домашних животных, на западе — с возделывания съедобных растений при помощи орошения и с употребления для построек адобов (высушенного на солнце кирпича сырца) и камня».² В дальнейшем изложении Ф. Энгельс со всей последовательностью классика марксизма рассматривает конкретные исторические явления, происходившие в Америке и Старом Свете.

Напомним слова Ф. Энгельса, сказанные им по поводу направления исторического процесса, происходившего в восточном полушарии на «средней ступени варварства»: «На востоке средняя ступень варварства началась с приручения животных, дающих молоко и мясо, между тем как культура растений, повидимому, еще очень долго в течение этого периода оставалась здесь неизвестной. Приручение и разведение скота и образование крупных стад, повидимому, послужили причиной выделения арийцев и семитов из прочей массы варваров. У европейских и азиатских арийцев названия домашних животных еще общие, названия же культурных растений — почти всегда разные.

«Образование стад привело к пастушеской жизни в пригодных для этого местах: у семитов — на травянистых равнинах Евфрата и Тигра, у арийцев — на травянистых равнинах Индии, Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, Доиа и Диепра. Впервые приручение животных было достигнуто, повидимому, на окраинах таких пастбищных областей. Позднейшим поколениям кажется поэтому, что пастушеские народы произошли из местностей, которые в действительности не только не могли быть колыбелью человечества, но, напротив, были почти необитаемы для их диких предков и даже для людей, стоявших на низшей ступени варварства. Наоборот, после того как эти варвары средней ступени привыкли к пастушеской жизни, им никак не могло притти в голову добровольно вернуться с лугов, расположенных в долинах рек, в лесные районы, в которых обитали их предки. И даже когда семиты и арийцы были оттеснены дальше, на север и запад, они не могли направиться в западно-азиатские и европей-

¹ Периодизация Ф. Энгельса—Л. Моргана по ступеням — дикость, варварство, цивилизация — терминологически значительно устарела. Мы употребляли здесь этот термин для связи с последующими выдержками из работ Ф. Энгельса и Л. Моргана.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Избранные произведения*, т. II, М., 1949, стр. 176.

² Там же, стр. 176.

ские лесистые места раньше, чем возделывание злаков не дало им возможности прокармливать свой скот, особенно зимой, на этой менее благоприятной почве. Более чем вероятно, что возделывание злаков было вызвано здесь прежде всего потребностью в корме для скота и только впоследствии стало важным для питания людей».¹

Таким образом, Ф. Энгельс прямо указывает на недопустимость смешения двух исторических путей развития человеческих обществ, имевших место в Америке и Старом Свете. Ф. Энгельс со всей убедительностью показывает, что в Старом Свете скотоводство является одной из древнейших хозяйственных форм и даже предполагает, что заселение лесных областей западной Азии и Европы семитами и арийцами могло произойти не раньше того времени, как они научились возделывать злаки, что дало им возможность прокармливать свой скот в этих менее благоприятных условиях. И, наконец, Ф. Энгельс указывает на те последствия, которые были рождены новым хозяйственным укладом, т. е. переходом к скотоводству. Одним из важнейших последствий был переход от материнского к отцовскому роду.²

И. В. Сталин определенно выделяет приручение животных и первобытное скотоводство как ранние формы хозяйственной деятельности, предшествующие возделыванию растений и земледелию. Приведем слова И. В. Сталина, сказанные в связи с наброском схематической картины развития производительных сил от древних времен до наших дней: «Переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам и в связи с этим переход от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству; переход от каменных орудий к металлическим орудиям (железный топор, соха с железным лемехом и т. п.) и, соответственно с этим, переход к возделыванию растений и к земледелию; дальнейшее улучшение металлических орудий обработки материалов, переход к кузнечному делу, переход к гончарному производству и, соответственно с этим, развитие ремесла. . .».³ И далее, противопоставляя рабовладельческий строй первобытно-

общинному, И. В. Сталин указывает: «Вместо каменных орудий теперь люди имели в своем распоряжении металлические орудия, вместо нищенского и примитивного охотничьего хозяйства, не знавшего ни скотоводства, ни земледелия, появились скотоводство, земледелие, ремесла, разделение труда между этими отраслями производства. . .».¹

Приведенные указания Ф. Энгельса и И. В. Сталина, имеющие огромное общетеоретическое значение и прямо касающиеся проблемы происхождения земледелия и скотоводства, как это ни покажется странным, не нашли своего отражения в работах, связанных с изучением трипольской проблемы. И это не случайно, а стоит в связи с влиянием на советскую археологическую науку «стадиальной теории» Н. Я. Марра. Ведь именно «стадиальная теория» Н. Я. Марра схематизировала и уравнивала исторический процесс общественного и хозяйственного развития, уводила в сторону от конкретного изучения исторических явлений, отвергала различия в путях развития человеческих обществ, отрицала роль и значение передвижений человеческих коллективов. Не имея никакой опоры в марксистском мировоззрении, «стадиальная теория» Н. Я. Марра оказалась по своему духу враждебной марксизму.

Некоторые советские исследователи трипольской проблемы, догматически используя отдельные формулы марксизма, все же пошли за Н. Я. Марром. Взяв у Ф. Энгельса те положения, которые относятся к истории племени западного полушария, они некритически перенесли их для объяснения некоторых общественных закономерностей на восточное полушарие. Отсюда происходят ошибки Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пассек по вопросу происхождения трипольской культуры, как им представляется, автохтонной по своей основе, переоценка роли земледелия в форме огородничества, отожествление социальноэкономического строя трипольских племен и индейских племен Америки.

И. В. Сталин раскрыл всю несостоятельность «учения» Н. Я. Марра и вместе с тем указал путь, по которому должна развиваться научная мысль. Этот путь — творческое применение марксистско-ленинской теории.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1949, стр. 177.

² Там же, стр. 201—204.

³ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Госполитиздат, 1950, стр. 61.

¹ Там же, стр. 64.

В свете трудов основоположников марксизма-ленинизма следует пересмотреть и вопрос о матриархально-родовом строе у трипольцев. Если действительно скотоводство и земледелие триполья ведут свое происхождение из южного пояса Старого Света, где уже на «средней ступени» варварства произошла смена матриархального рода патриархальным, то нет достаточных оснований конструировать материнский родовой строй у трипольцев.¹

Нам уже приходилось высказывать свои соображения по поводу социального строя триполья в плане пересмотра укоренившейся точки зрения.² В защиту гипотезы, предполагающей наличие патриархальных первобытно-общинных отношений в трипольском обществе, мы выдвинули три основных тезиса: 1) большая роль скотоводства в трипольском хозяйстве, начиная с ранних этапов развития триполья; 2) лесной характер земледелия при использовании больших площадей под посевы, требующих значительной затраты мускульной энергии, во всяком случае, на первых циклах подготовки и обработки почвы; 3) накопление родовых богатств в трипольском обществе в виде скота и запасов зерна и охрана их от посягательств враждебных племен. Добавим к этому такие специфические мужские формы труда, как охота и рыболовство. Все названные отрасли деятельности выдвинули мужчину на передний план в хозяйственной жизни, приблизили его к основным источникам существования, что и обеспечило мужчине главенствующее общественное положение. Общественная же роль женщины значительно суживается. Женщина ведет собирательское хозяйство, участвует в полевых работах, является распорядительницей в домашнем хозяйстве. Видимо, поэтому женский скульптурный образ передает иногда женщину, сидящую у печи, как бы охраняющую очаг, или за тем видом занятий, который более всего сближает ее с домом, — женская фигурка за растиранием

зерна, женщина с ребенком на руках. Однако когда об этом писалось, еще не была уточнена характеристика археологического материала из Луки-Врублевецкой, еще не был решен вопрос о том, что этот материал указывает на смешение двух различных по своему качеству культур: местной — охотничьей и пришлой — земледельческо-скотоводческой. Следовательно, сейчас ограничиваться сказанным раньше едва ли возможно, так как сам вопрос о происхождении трипольской культуры ставится в иной плоскости.

Если действительно трипольская культура сложилась в результате ассимиляции местных охотничьих племен пришлыми земледельческо-скотоводческими племенами, активно воздействовавшими на экономику местных племен и изменившими облик их культуры, естественно сам вопрос о социальном устройстве трипольского общества следует рассматривать исторически, разделив его на две части: 1) каков был родовой строй у местных племен, 2) какова была социальная организация у пришлого населения.

Низкий уровень развития производительных сил у местного и пришлого населения предполагает в обоих случаях наличие первобытно-общинных отношений. Но пришлые племена стояли все же на более высокой ступени хозяйственного и культурного развития, обладая организованными формами активного, производящего хозяйства — земледелием и скотоводством; у них было развитое домашнее производство бытовых предметов, например керамическое производство, они знали если не добычу, то обработку меди. Нами уже подчеркивалось, что даже на раннем этапе триполья разведение домашнего скота занимало большое место в экономике общества и, конечно, способствовало увеличению и накоплению богатств в виде скота, дополняемых продуктами земледельческого труда. Энгельс, рассматривая сложение социальных отношений в Старом Свете на «низшей и средней ступенях варварства», пишет: «Здесь прирученные домашние животные и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения».¹ О том, что в трипольскую эпоху, начиная с ранних этапов развития, уже имело место накопление

¹ Нет надобности здесь входить в критику положения сторонников матриархально-родовых отношений в трипольском обществе, рассматривающих женские статуэтки как прямой показатель таких отношений. Достаточно подробный анализ значения женских скульптурных изображений, данный в главе о скульптуре, раскрывает перед нами сферу религиозных представлений.

² С. Н. Бибииков. Население Луки-Врублевецкая и его значение, стр. 147, 148.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1949, стр. 201.

богатств, красноречиво говорят археологические факты. Накопление богатств в трипольском обществе требовало определенной организации защиты их от возможных посягательств враждебных племен. Это обстоятельство заставляет прежде всего использовать природные факторы при выборе мест поселений. Мы видим, что трипольские поселения размещались главным образом на возвышенных участках, преимущественно на плато возвышенностей, огражденных оврагами и балками, но обеспечивающих население поселков посевными площадями и выпасом для скота. Например, на Днестре трипольские поселения тяготеют к возвышенным участкам, а раннетрипольские поселения иногда занимают низко расположенные приречные террасы, укрытые за возвышенностями и скалистыми обнажениями. Ярким показателем стремлений трипольцев обезопасить себя и свое имущество от внешних нападений служит массовое производство тех же боевых секир или молотов, а главное — сооружение оборонительных рвов на поселениях. Такие рвы были обнаружены в Кукутенах и Эрбжеде, но отнесение их к трипольскому времени оставалось под сомнением до тех пор, пока Т. С. Пассек не обнаружила рва на поселении Поливанов Яр бесспорно трипольского возраста, окончательно подтвердив наличие такого рода оборонительных сооружений уже в трипольское время.

Организация общества, пришедших из далеких южных областей и осваивавших новые территории, должна была отличаться высокой сплоченностью коллективов не только в хозяйственном отношении, но способных также организованно преодолевать трудности длительных и порой опасных передвижений и умело противостоять во враждебных столкновениях местным племенам. Пришлые коллективы вероятнее всего возглавлялись родовыми и племенными вождями. Такому обществу должны соответствовать более развитые формы социальной организации, чем охотничье-собираческому, да еще с такими архаическими чертами, какие прослеживаются в памятниках Поднепровья. Имея в виду комплекс признаков (большую роль скотоводства, большое участие мужского труда в земледелии, накопление родовых богатств и необходимость защиты их), свидетельствующих о ведущем положении мужского труда в хозяйстве, мы

склонны рассматривать родовую организацию пришлых племен как патриархальную, но, конечно, не в развитых ее формах. А. Я. Брюсов также склоняется к этой точке зрения.¹ С другой стороны, ряд исследователей справедливо полагает, что для палеолитического и неолитического общества характерной социальной организацией можно считать матриархальный родовой строй. Принимая во внимание архаичность организации производства у местных племен, можно предполагать наличие у них матриархально-родовых отношений. Теоретически возможно также предположить, что в процессе ассимиляции местных племен, под влиянием сильного воздействия культуры пришлых племен, матриархально-родовой строй охотничьих племен в конечном счете распался, как и сама экономическая организация общества, уступив место патриархально-родовым отношениям, строящимся на иных экономических началах — земледелии и скотоводстве.² Переход охотничьего хозяйства местных племен в земледельческо-скотоводческое происходил, видимо, в достаточно быстрых темпах, так как выражал активное влияние более прогрессивных производительных сил на более отсталые формы производства.

Таким образом, коренная ломка хозяйственного уклада, у местных племен выразившаяся в замене преимущественно присвоющих форм хозяйства формами хозяйства, в которых ведущую роль играли скотоводство и земледелие, должна была серьезно отразиться на внутрисоциальных взаимоотношениях. В сущности говоря, произошло изменение экономики общества в рамках первобытно-общинного строя, определившее всю дальнейшую перспективу исто-

¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. стр. 213.

² Когда мы говорим о воздействии культуры пришлых племен на культуру местных племен, это не значит, что здесь речь идет только о прямом и непосредственном воздействии. В этом вопросе существенное место занимают опосредствованные связи. Имеются в виду, например, заимствования отдельных культурных приобретений без прямого соприкосновения местных и пришлых племен, а через соседские связи между местными племенами, уже воспринявшими те или иные, прежде всего хозяйственные, приобретения, с племенами, еще не знавшими таких приобретений. Этим связям и усвоению новых элементов культуры особенно способствовал обмен.

рического развития юго-восточно- и центральноевропейских племен.

Из сказанного не следует, что местное население не было подготовлено к восприятию новых форм хозяйства. Нужно считаться с тем обстоятельством, что облик местной культуры хотя и носил многие архаические черты, но ко времени прихода сюда племен из южных широт она все же была на неолитической ступени развития. Возможно поэтому, что в ходе иммагентного развития местные племена приобрели уже первоначальные навыки в приручении животных, — сначала собаки, а затем свиньи и, может быть, даже быка. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность их носила вероятнее всего уже усложненный характер, предполагающий заготовку продуктов собирательства впрок, что, быть может, значительно облегчило приобретение ими земледельческих навыков. Даже в сфере верований не все, принесенное из южных широт, могло быть чуждым местным племенам. Мы имели уже возможность показать на этнографических примерах, что выработка аналогичных форм верований происходит иногда у различных по своему экономическому состоянию племен. Может быть, культы плодородия, привнесенные земледельческо-скотоводческими племенами, были созвучны местным религиозным представлениям, а сам женский скульптурный образ был воспринят как атрибут, отвечающий местным представлениям о женском образе, восходящем еще к эпохе палеолита. Однако эти предположения не выходят за пределы более или менее вероятных догадок.

Одно из обстоятельств, касающихся сферы верований кажется бесспорным. Мы имеем в виду доживание некоторых элементов религиозных представлений и обрядностей трипольцев вплоть до современности, могущих быть отмеченными в среде славянских народов. Это прежде всего то, что относится к культам плодородия. Черты сходства религиозных представлений улавливаются с помощью археологического и этнографического материалов и представляют ту нить, которую нельзя миновать при рассмотрении вопроса этногенеза славян.

Из сказанного вовсе не следует, что общность в религиозном мировоззрении трипольцев и славян дает основание для прямых генетических построений. Эта общность прежде всего указывает на живучесть и цепкость идеологических представлений,

которые, несмотря на длительность промежутка времени, разделяющего трипольцев и славян, к тому же времени, насыщенного бурными историческими событиями, все же удержались и как реликты раскрываются в этнографических фактах.

Вопрос о том, почему культовые представления удерживались столь длительное время, требует специального анализа. Можно предположить, что ритуальные представления о плодородии и сам женский образ, тесно связанный с этой идеей, выросли в определенной производственной обстановке, а именно — в земледельческо-скотоводческой среде, которая в течение длительного времени коренным образом не изменялась. Общественный уклад также долгое время в основных своих чертах оставался прежним, т. е. первобытно-общинным, пережитки [которого, как известно, еще долго бытовали в той же славянской среде даже в классовом обществе. При отсутствии у древнего человека положительных знаний о законах движения в природе, цикличности и взаимосвязи между явлениями фантастические представления о причине и следствии прочно вошли в мировоззрение древнего человека и хотя искаженно, все же объясняли явления, и прежде всего те, с которыми ближе всего сталкивался человек и от которых зависело его существование. К таким представлениям относилось в первую очередь все то, что выражало материальные целеустремления, а именно — то, что вращалось вокруг идеи о плодородии — в поле, в стадах, в доме. Возникают культы, связанные с этой идеей, которые находят воплощение в женском образе и в других менее показательных ритуальных атрибутах.

Мы остановились на основной проблеме — происхождении трипольской культуры и вопросе о социальном строе трипольского общества — потому, что именно в этой области знаний многое остается неясным, многое освещается с ошибочных теоретических позиций. Те два направления в археологической науке, пытающиеся объяснить происхождение трипольской культуры, о которых говорилось выше, по существу не дают удовлетворительного решения вопроса. Одно из них, рассматривающее трипольскую культуру как пришлую из

области восточного Средиземноморья, опирается на узкий круг археологического материала и не учитывает или попросту не замечает местных культурных элементов; оно упрощает и схематизирует исторический процесс заселения юго-востока Европы, так же как и само развитие раннеземледельческого населения в ареалах размещения племенных групп. Другое направление хотя и признает большое влияние восточного Средиземноморья в сложении трипольской культуры, но является ошибочным, так как опирается на умозрительное заключение об автохтонном возникновении трипольской культуры. Эта гипотеза смыкается со «стадиальным учением» Н. Я. Марра. Сторонники этой гипотезы тщетно пытаются найти подоснову трипольской культуры в микролитическом мезолите и макролитическом неолите. Этот надуманный «эволюционизм», навеянный западноевропейскими схемами, отвергает неравномерность развития человеческих обществ, не учитывает той конкретной исторической обстановки, в которой складывалась та или иная культура. Всячески избегая исторически возможных ассимиляций, смещения культур и заимствований культурных приобретений, отстраняясь от изучения процессов передвижения обществ, сторонники вульгарного автохтонизма обедняют исторический процесс и сводят его к единой прямолинейной генетической линии развития племен и народов, идущей от одной ступени к другой. Сторонники вульгарного автохтонизма вносят путаницу в марксистскую периодизацию истории общества. Они отождествляют развитие и смену основных типов производственных отношений (категорий общесторических) с развитием и сменой археологических категорий. Они упрощенчески полагают, что в рамках первобытно-общинного строя смена одних археологических культур другими равнозначна смене форм производственных отношений.

Нас могут упрекнуть в том, что, отрицая автохтонный путь происхождения трипольской культуры, мы придаем слишком большое значение в ее сложении ассимиляции и игнорируем такие явления, как заимствования, влияния и проникновение отдельных элементов южных культур в северные широты. Дело в том, что мы рассматриваем процесс заселения юго-восточной Европы пришлыми из южных широт племенами как

явление не одноактное, подразумевая под этим длительную инфильтрацию южных племен и их культуры, постепенно внедрявшихся в местную юго-восточноевропейскую охотничье-собираТЕЛЬСКУЮ среду. Это не было оккупацией или экспансией южных племен. Разумеется, это не было и миграцией в том смысле, который вкладывается в это понятие некоторыми буржуазными археологами. В III—II тысячелетиях до нашей эры на юго-востоке Европы действительно происходило расселение южных племен и распространение их культуры среди местных охотничьих племен. При этом, здесь не имеется в виду полная смена населения, т. е. не предполагается уничтожение или изгнание местного населения пришлым, хотя и то и другое в какой-то мере безусловно могло иметь место. Скорее здесь происходило смешивание и скрещивание различных по своему происхождению и уровню развития племен, причем пришлое население необязательно должно было иметь численное превосходство над населением местным. В данном случае более высокие и организованные производительные силы сыграли решающую роль в прогрессе местных, во многом еще отсталых форм производства. Таким образом, трипольская культура не есть что-то качественно новое. Ее следует рассматривать как результат смешения, а вероятно, и скрещивания культур, пришедших из южных широт, с местными культурами.

Сказанное касается не только проблемы происхождения трипольской культуры. В археологической науке, особенно в тех ее областях, в которых исследуется уже послепалеолитическое время, очень большое внимание уделяется вопросам происхождения отдельных культур, их возникновению и развитию, поискам истоков их. Однако можно назвать еще очень немного культур, происхождение которых выявляется вполне бесспорно. Это в одинаковой мере относится и к европейскому и к азиатскому континентам. Такое положение в какой-то степени зависит от того, что в археологической науке прочно укрепились стратиграфический и типологический методы исследования, но ни тот ни другой не разработаны еще с достаточной полнотой и не всегда поэтому могут быть координированы. Мы часто стремимся определить происхождение культур в их преемственных связях по прямой линии развития и меньше уделяем

внимания сложению культур, т. е. не учитываем конкретных общественных взаимодействий и внутренних процессов развития обществ.

С выходом в свет гениальных работ И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» открылись широкие пути для разработки трудных, но исключительно важных вопросов сложения культурно-исторических общностей. Труды И. В. Сталина направляют наше внимание на раскрытие закономерностей развития человеческого общества, на установление движущих сил исторического процесса. Указания И. В. Сталина предостерегают от нигилизма по отношению к объективным закономерностям, от рассмотрения исторических явлений как хаотического нагромождения случайностей. Учение И. В. Сталина помогает археологической науке освободиться от ошибок, сковывающих изучение динамики исторических явлений. Сталинское положение о дроблении и расхождении, смешивании и скрещивании племен и народностей выводит археологическую науку из глухого переулка вулгарного автохтонизма, куда завел ее Марр, на простор подлинных, конкретных исследований.

Наличие двух культурно-исторических слагаемых — пришлых и местных — в ранне трипольских комплексах, казалось бы, можно рассматривать как результат заимствования местными племенами достижений южных племен. Тогда следует сразу же признать, что привнесенные элементы культуры должны занимать соподчиненное положение по отношению к основной, местной культуре. Но такое объяснение не подтверждается анализом фактического материала. Если стать на иную точку зрения и объяснять двойственность материальных остатков из Луки-Врублевецкой как результат проникновения (диффузии) южных элементов культуры в среду северных племен только с помощью опосредствованных связей, то доминирующее положение пришлых элементов культуры по отношению к местным останется непонятным в такой же мере. И, наконец, если объяснять появление пришлых элементов культуры в местной юго-восточноевропейской племенной среде следствием влияний, то такое определение носит еще более зфемерный характер ввиду крайней расплывчатости и неисторичности

самого определения влияний. О трансформации местных дотрипольских культур в трипольскую, даже при учете средиземноморских влияний, уже говорилось как о теории, приводящей к вулгарному автохтонизму.

Итак, все могущие быть предложенными пути для объяснения появления южных элементов культуры на юго-востоке Европы в III—II тысячелетиях до нашей эры не подтверждаются археологическими фактами и не могут быть обоснованы теоретически. Явления же заимствований, влияний и проникновений (диффузий) — категории маловесомые исторически и по своей природе имеют частное значение в сложении культур.

Основоположники марксизма-ленинизма в проблеме сложения исторических общностей ставят во главу угла иные, закономерные процессы — внутренние и внешние, составляющие своего рода единство, а следовательно, взаимно зависимые. В основе этих закономерностей лежат экономические законы, находящие свое внешнее отражение в тех же явлениях передвижений племен и народностей. Одним из таких основных законов, открытых К. Марксом, является закон давления избытка населения на производительные силы, действующий в обществах с низким уровнем развития производительных сил и переходящий затем в свою противоположность в обществах с развитыми классами и классовыми противоречиями. Этот закон К. Маркса применительно к обществам с низким уровнем развития производительных сил составляет тот механизм, который приводит в движение человеческие сообщества, порождает сегментацию коллективов, вызывает необходимость освоения новых территорий и т. п. В этой связи исключительно важно для исторической науки, а для наших построений в частности, указание И. В. Сталина о процессах дробления и расхождения, смешивания и скрещивания племен и народностей. Мы представляем себе эти процессы, конечно, не в границах первоначальных географических ареалов, не в рамках одних и тех же общественных образований. Само явление ассимиляции в свете учения И. В. Сталина понимается нами как производное от дробления и расхождения, смешивания и скрещивания. Совершенно очевидно выступают перед нами длительность и постоянство этих

процессов в древних обществах, с одной стороны, а с другой — взаимосвязь дробления с расхождением, смешивания со скреплением. Эти категории исторического процесса абсолютно конкретны, они вытекают из конкретных внутренних закономерностей развития общества и не оставляют за явлениями заимствований и влияний решающего значения в сложении исторических общностей. Вот те теоретические соображения, которые легли в основу наших выводов при анализе археологического материала.

Руководствуясь гениальными произведениями И. В. Сталина, мы попытались

осветить материальную культуру ранне-трипольского общества, его экономику и бытовой уклад, а вместе с тем и верования ранних трипольцев, порожденные материальными условиями их существования.

Труды И. В. Сталина, призывающие к конкретному изучению исторических явлений во всей сложности внутренних закономерностей развития общества и многообразии общественных взаимодействий, указывают ясную перспективу для решения проблемы происхождения и развития трипольской культуры.

Т а б л и ц ы 1—116

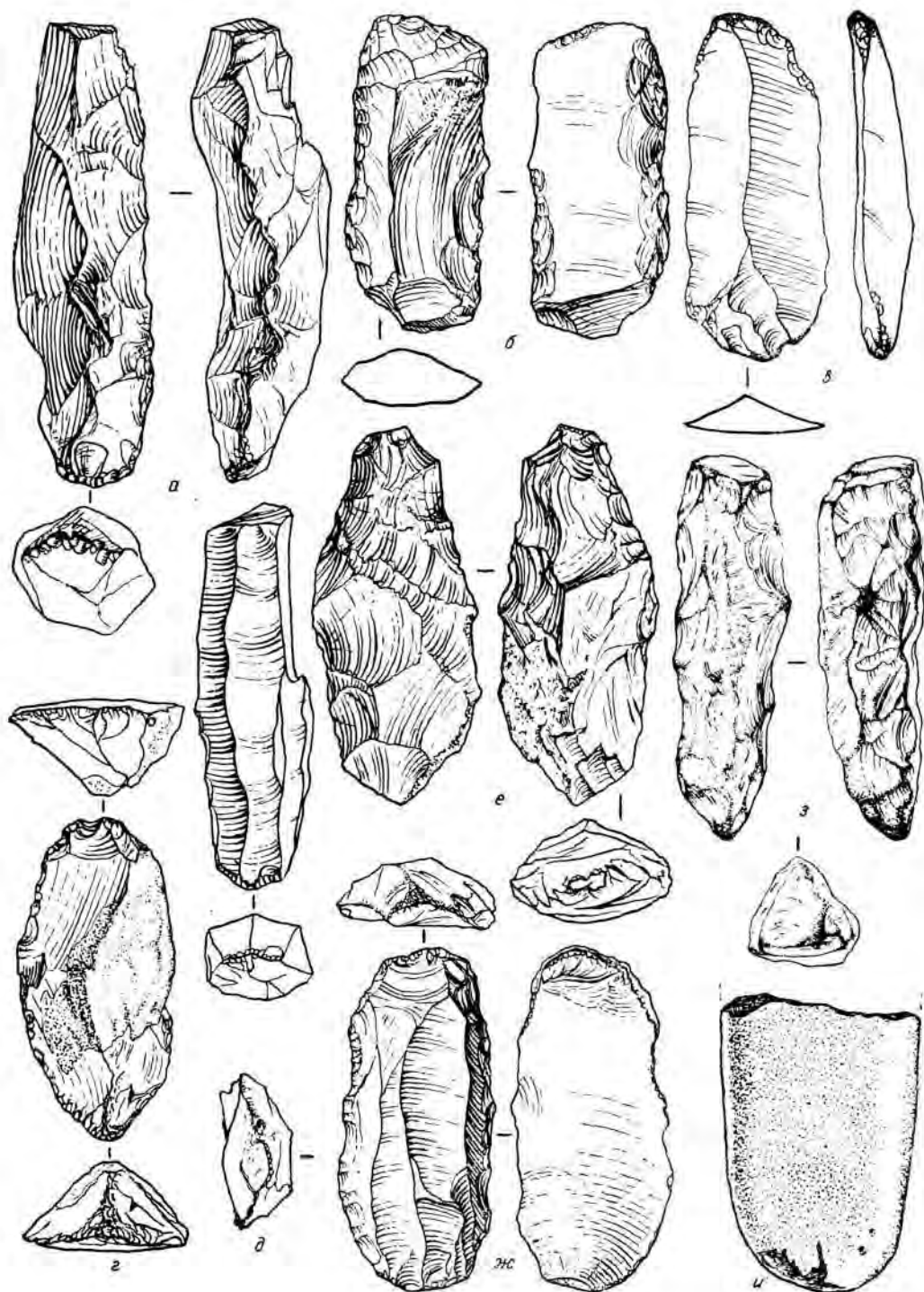

Табл. 1. Кремневые отжимники (а—г) и отбойник из гальки (и). ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

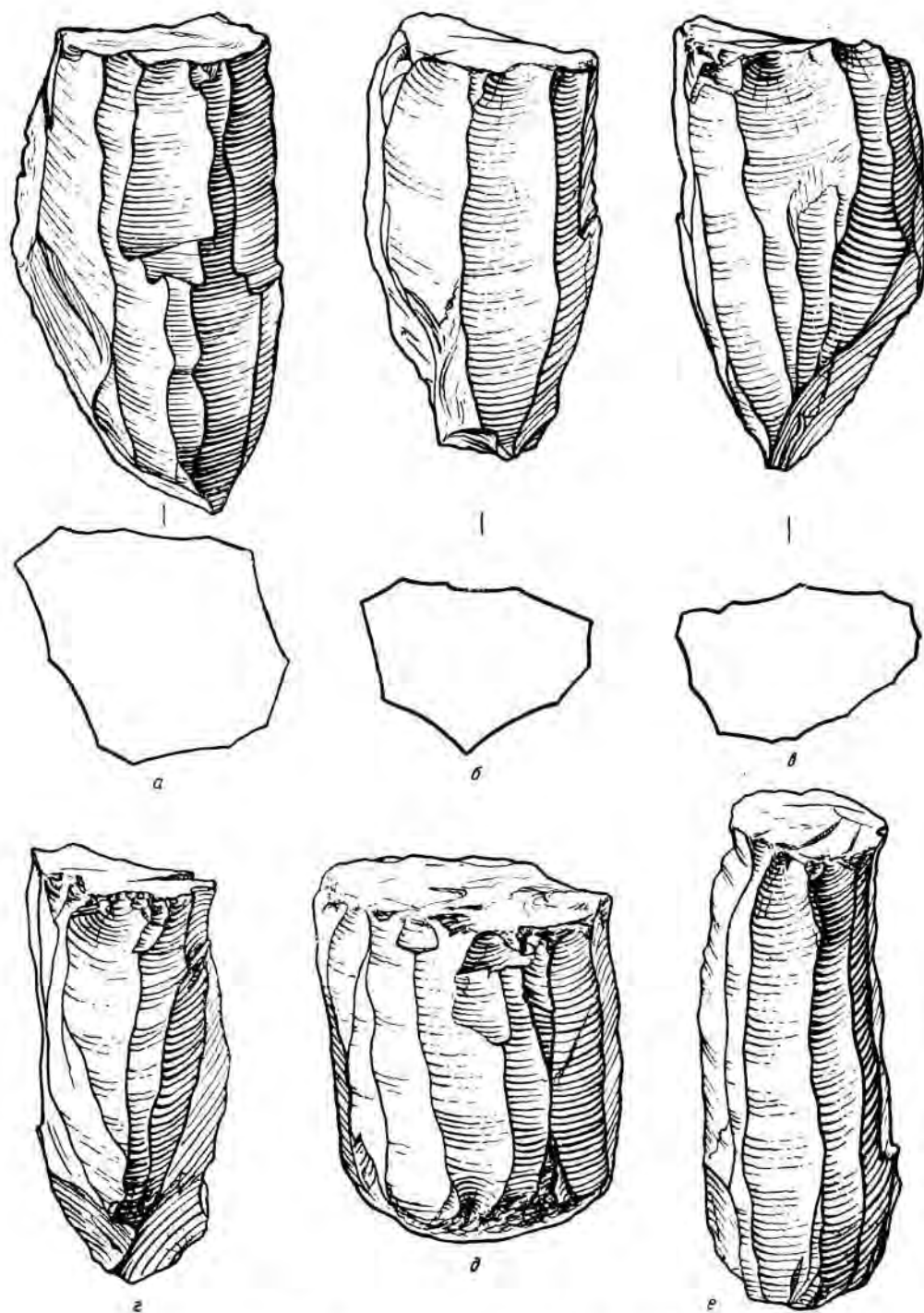

Табл. 2. Нуклеусы (ядрища). ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

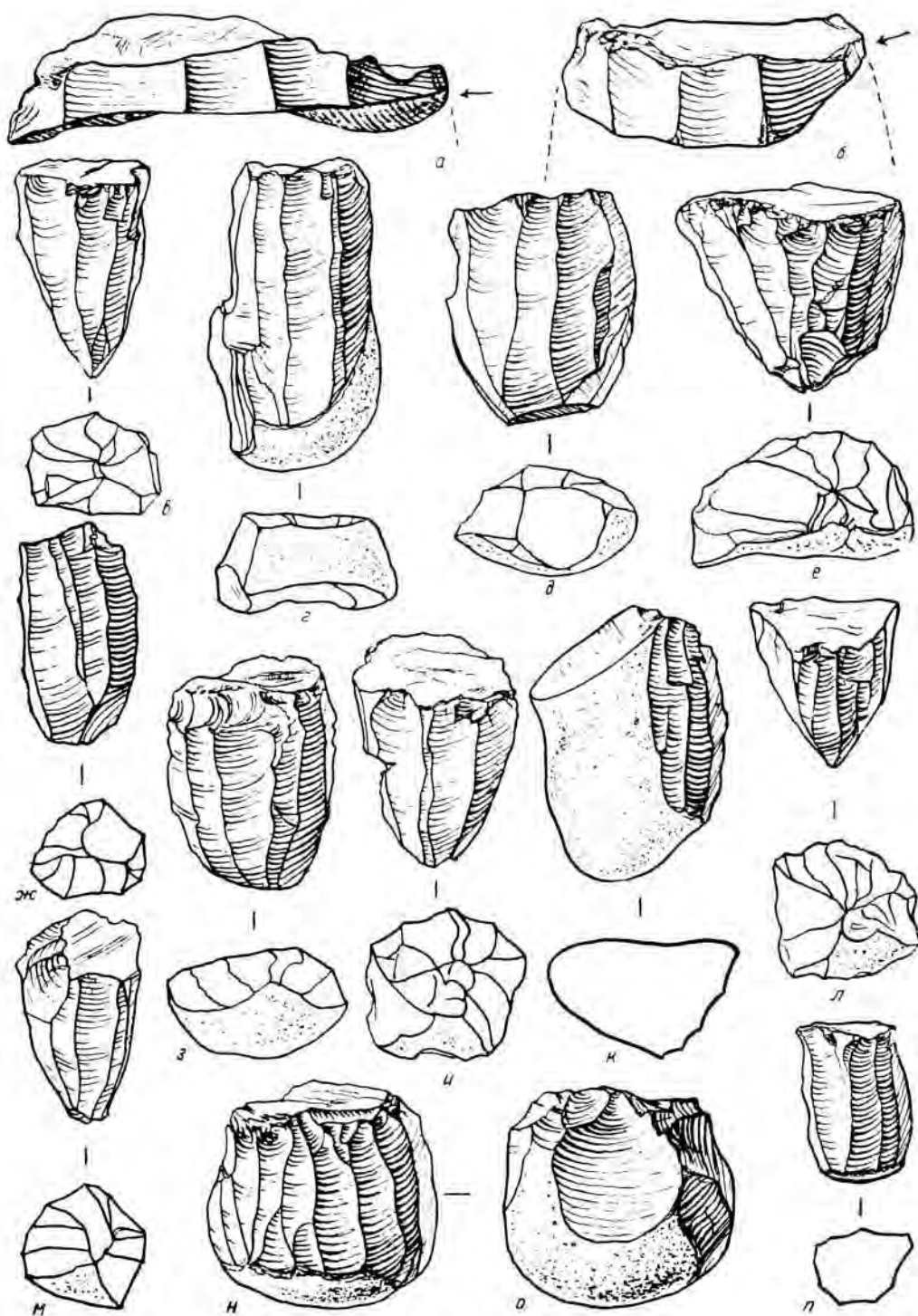

Табл. 3. Нуклеусы (ядрища). ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

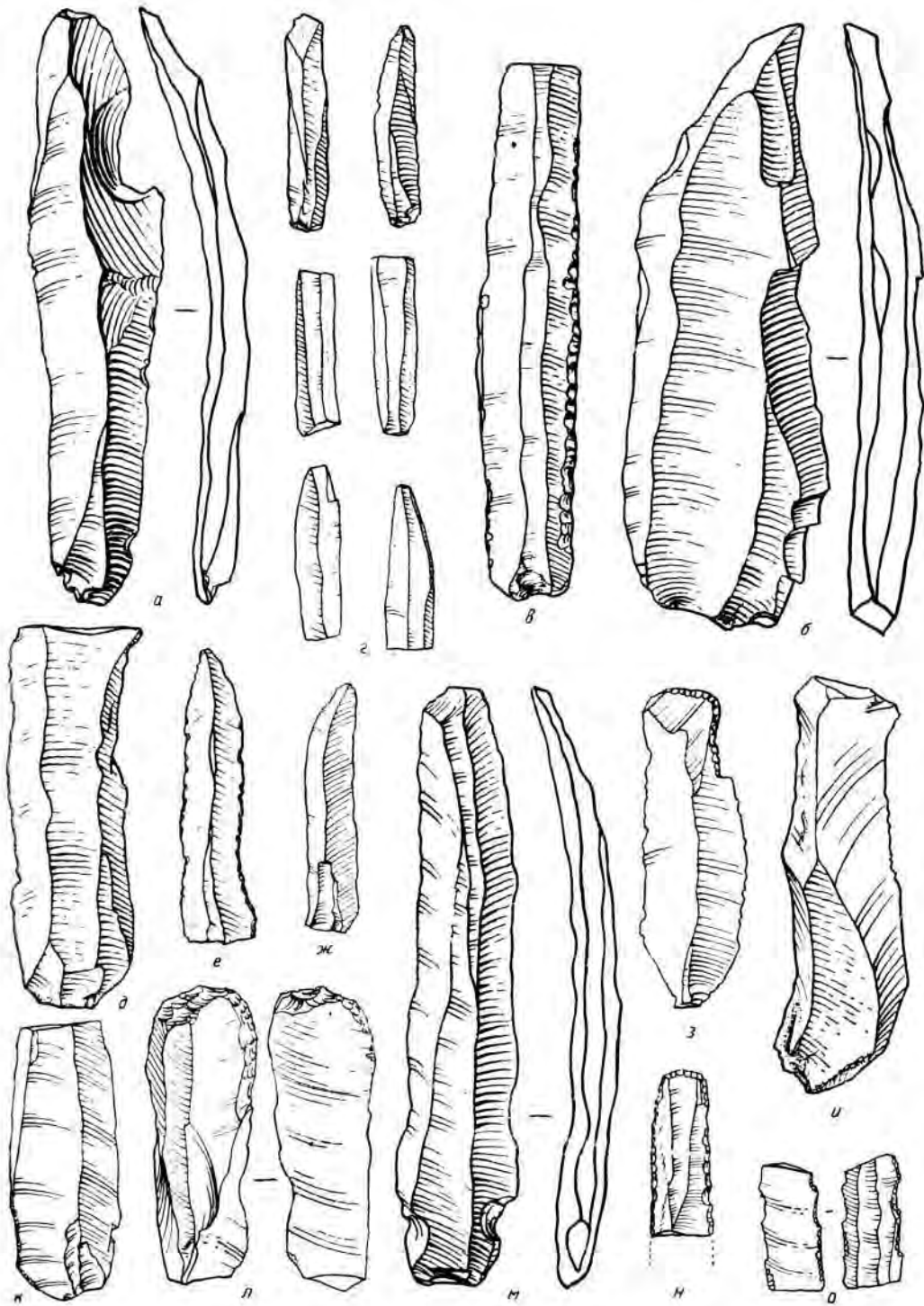

Табл. 4. Кремневые пластинки. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

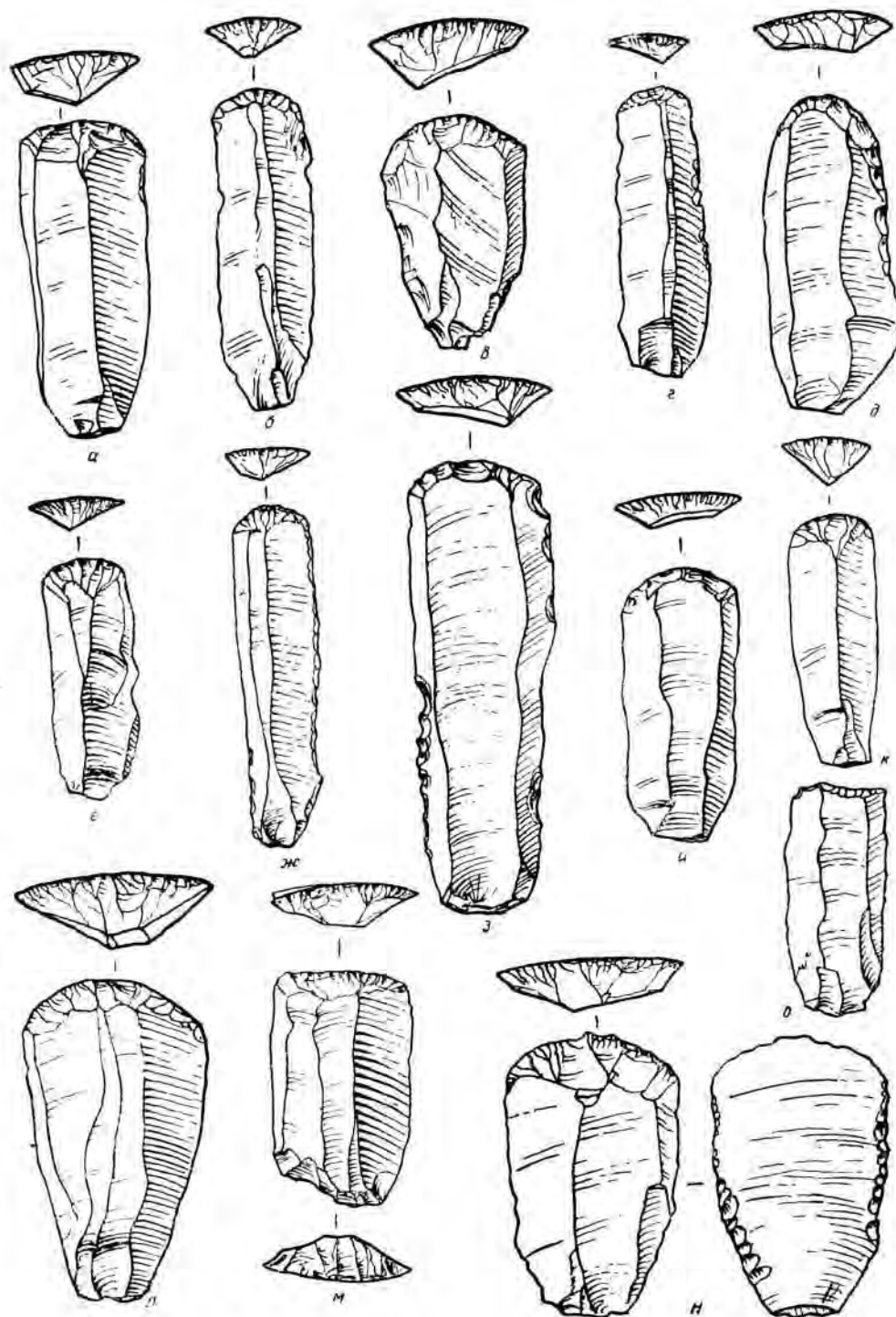

Табл. 5. Концевые скребки. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

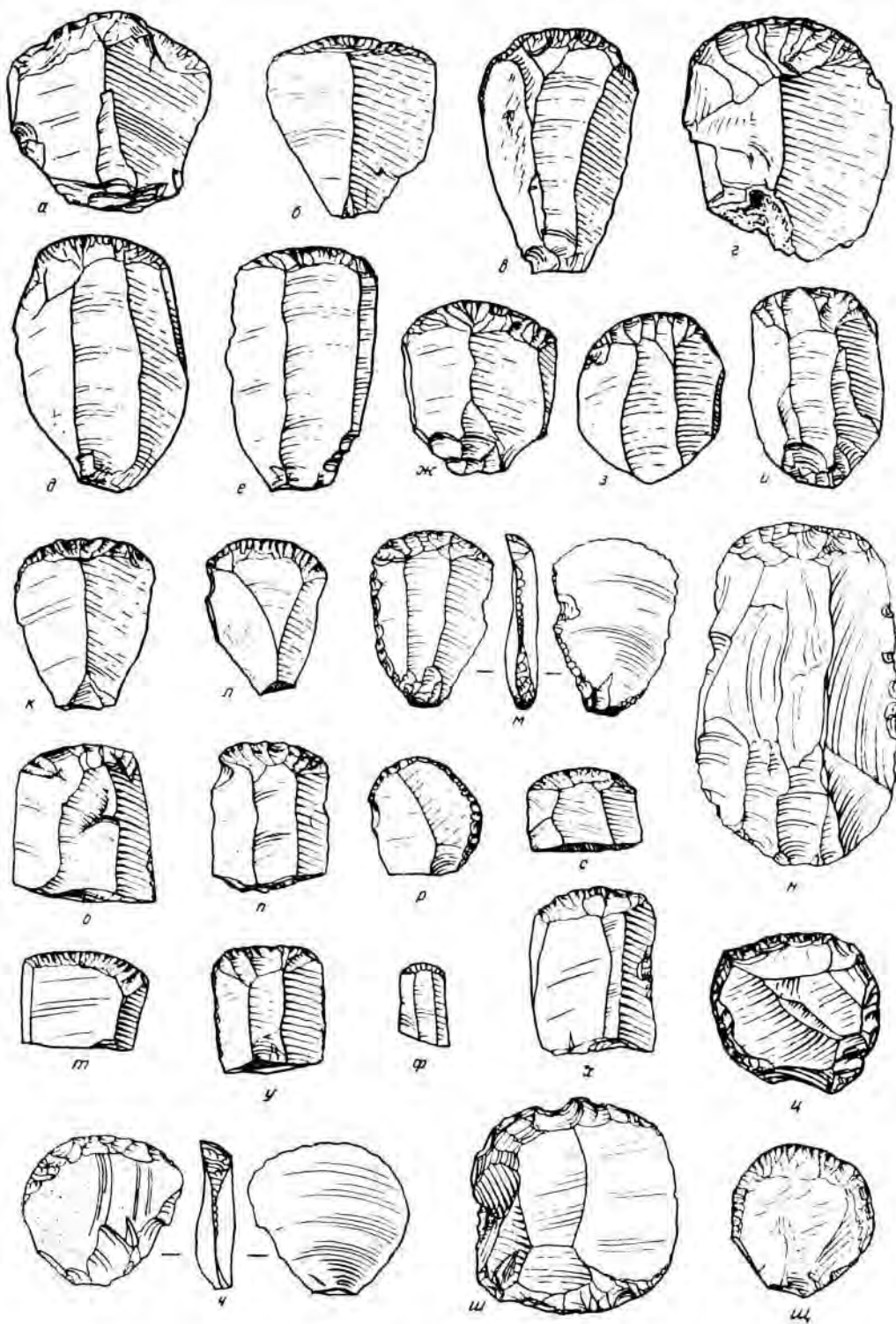

Табл. 6. Концевые скребки. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

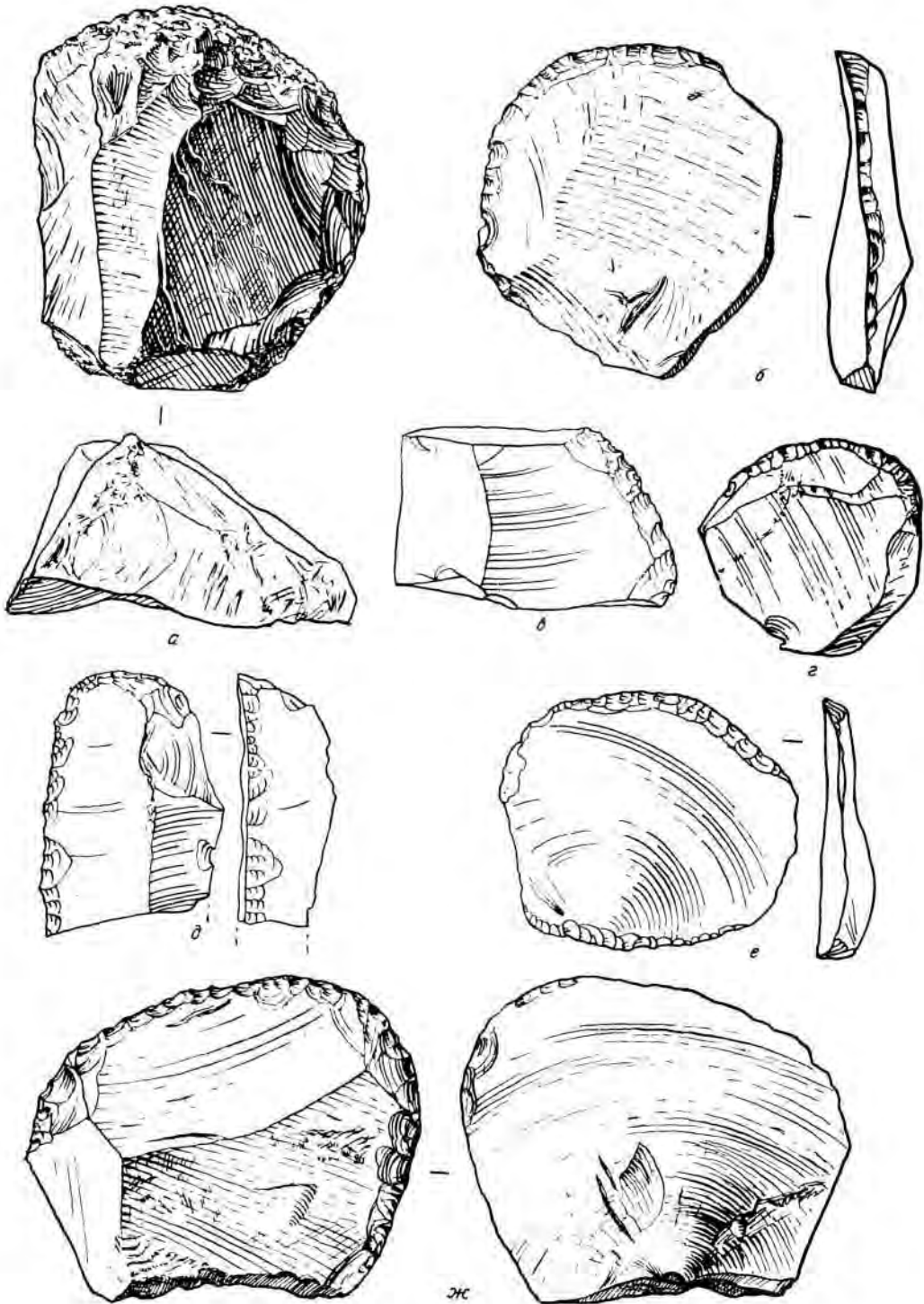

Табл. 7. Скребки на отщепках. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

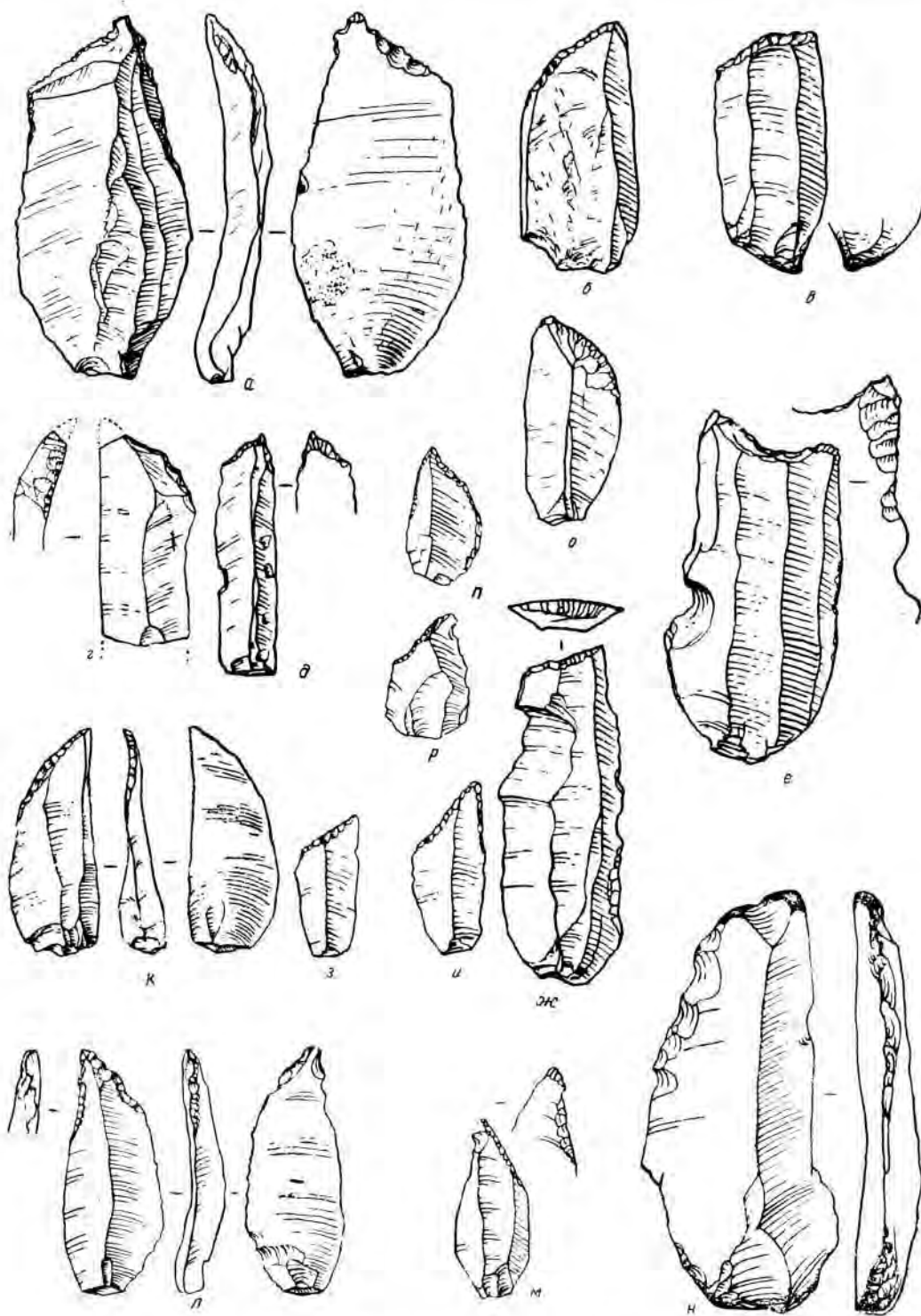

Табл. 8. Пластинки со скошенным краем. ($\frac{3}{4}$ nat. вел.).

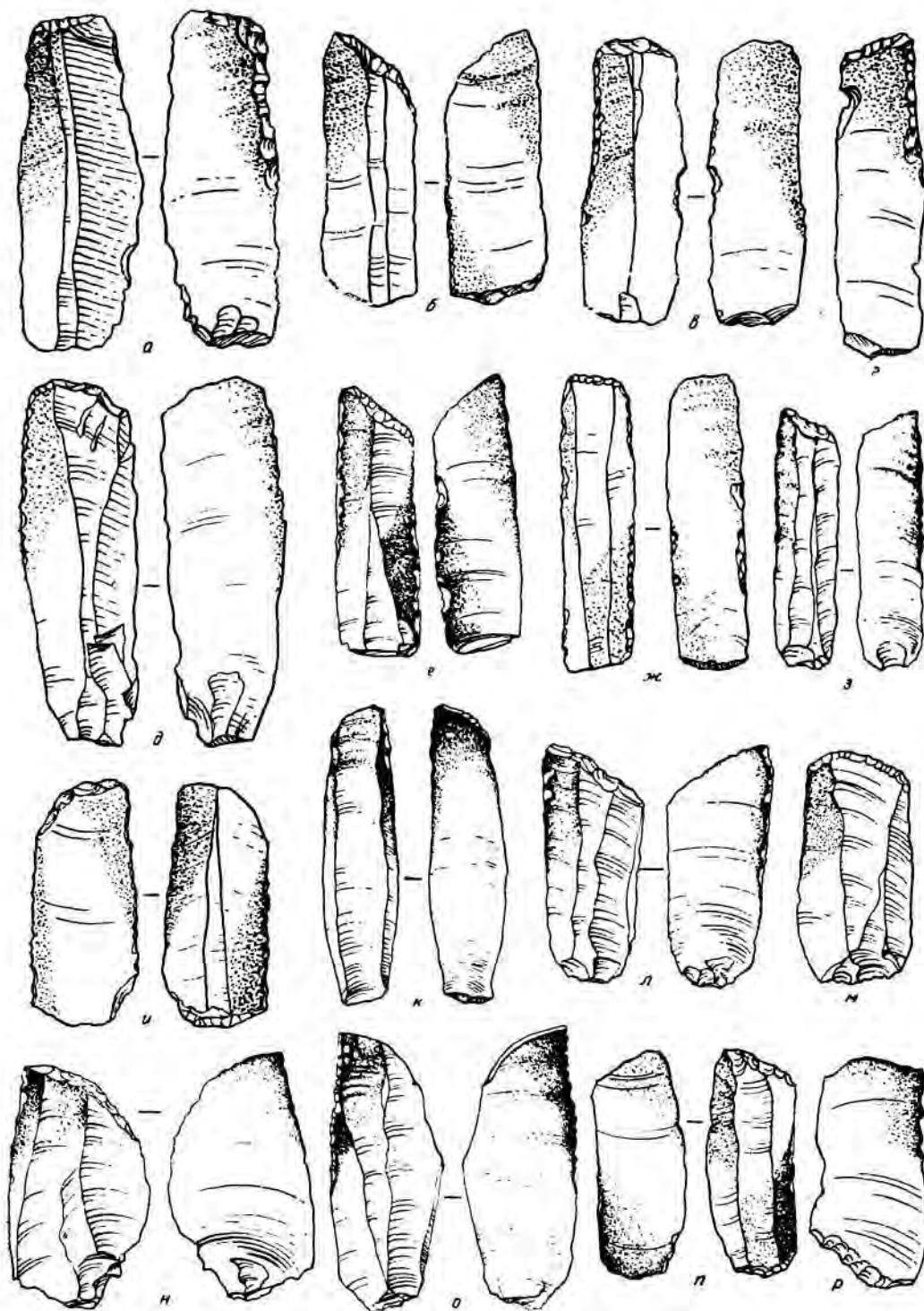

Табл. 9. Пластинки с угловой заполировкой (вкладыши для серпов). ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

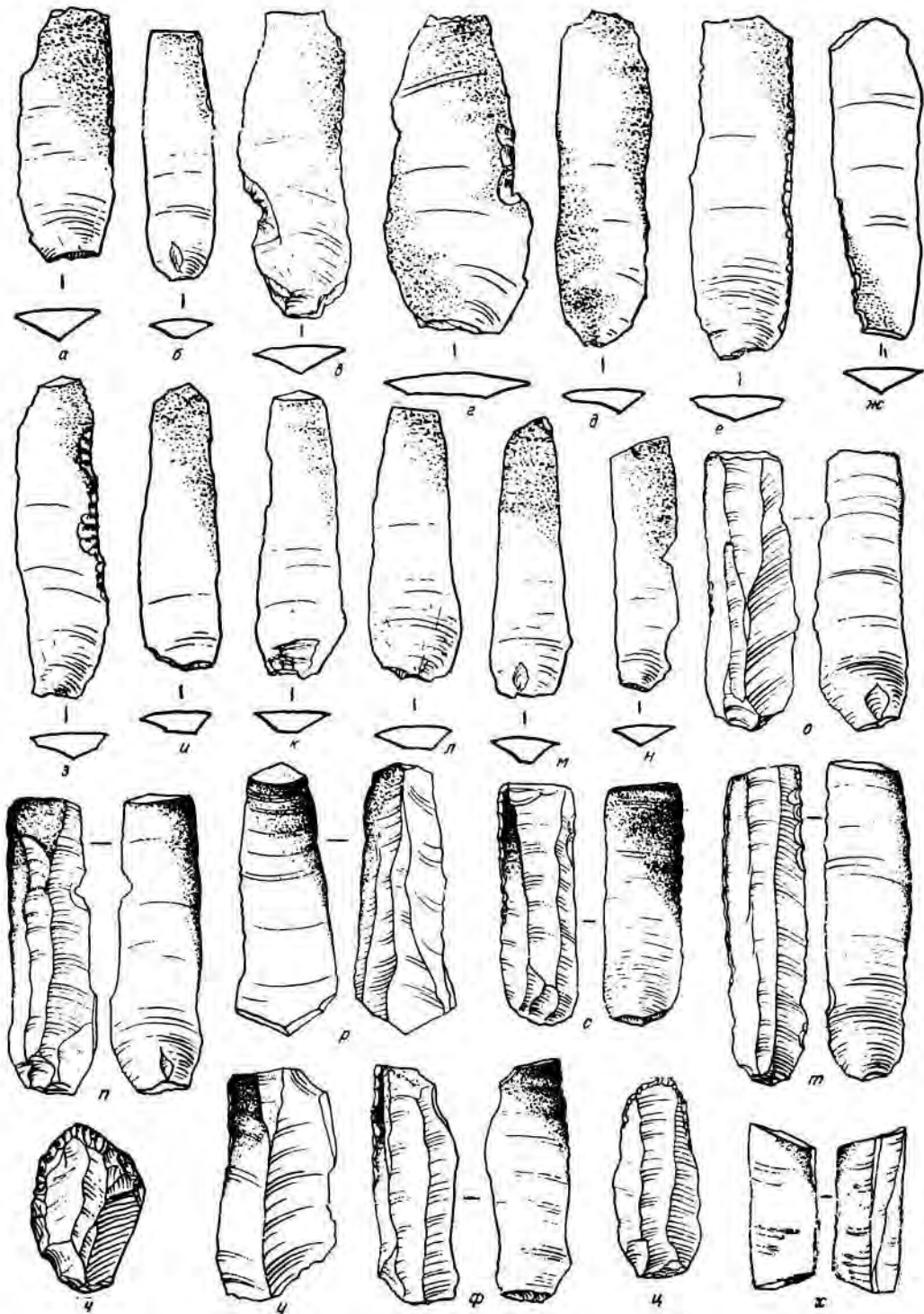

Табл. 10. Пластинки с угловой заполировкой (вкладыши для серпов). ($\frac{2}{4}$ nat. вел.).

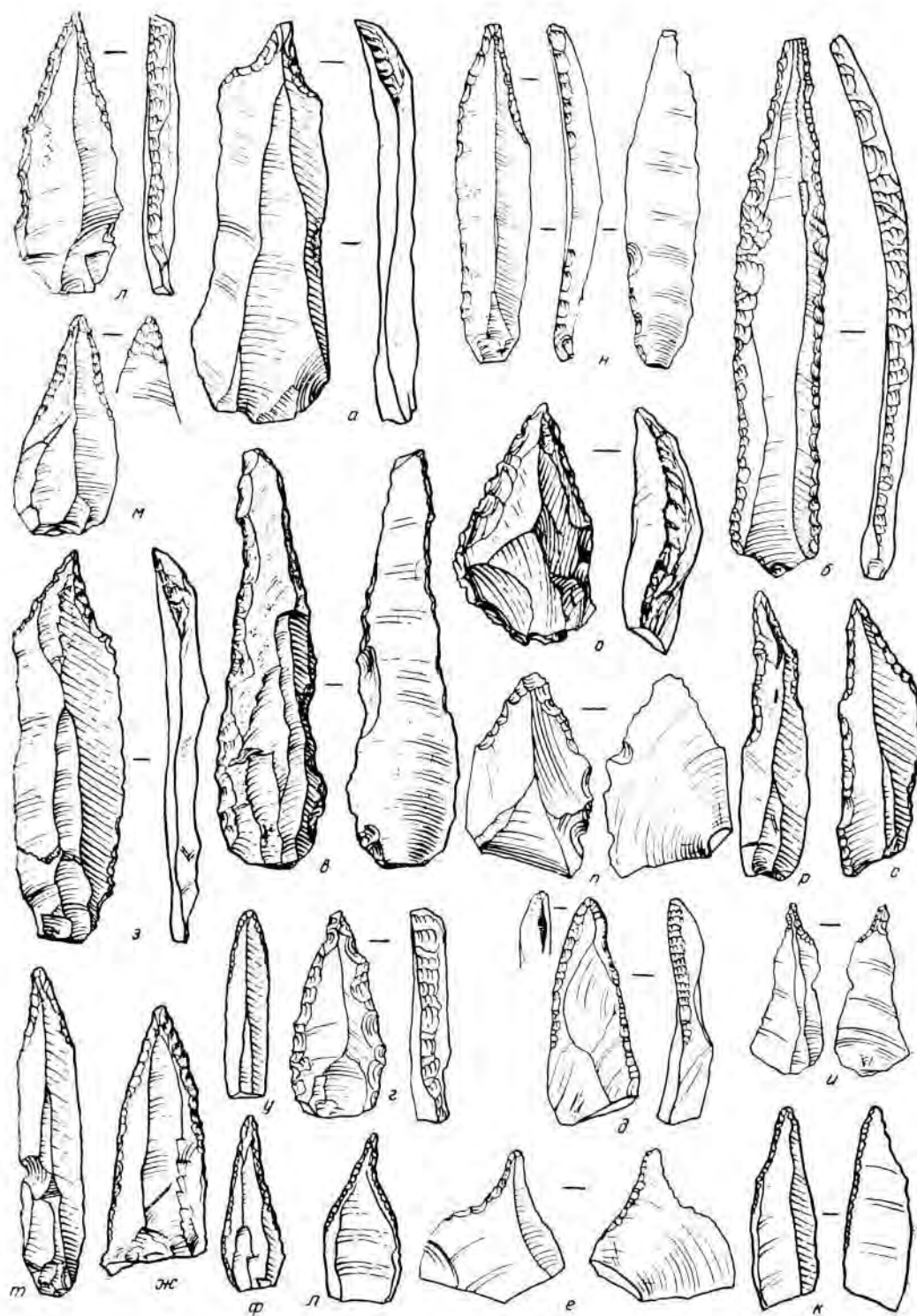

Табл. 11. Кремневые острия и сверла. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

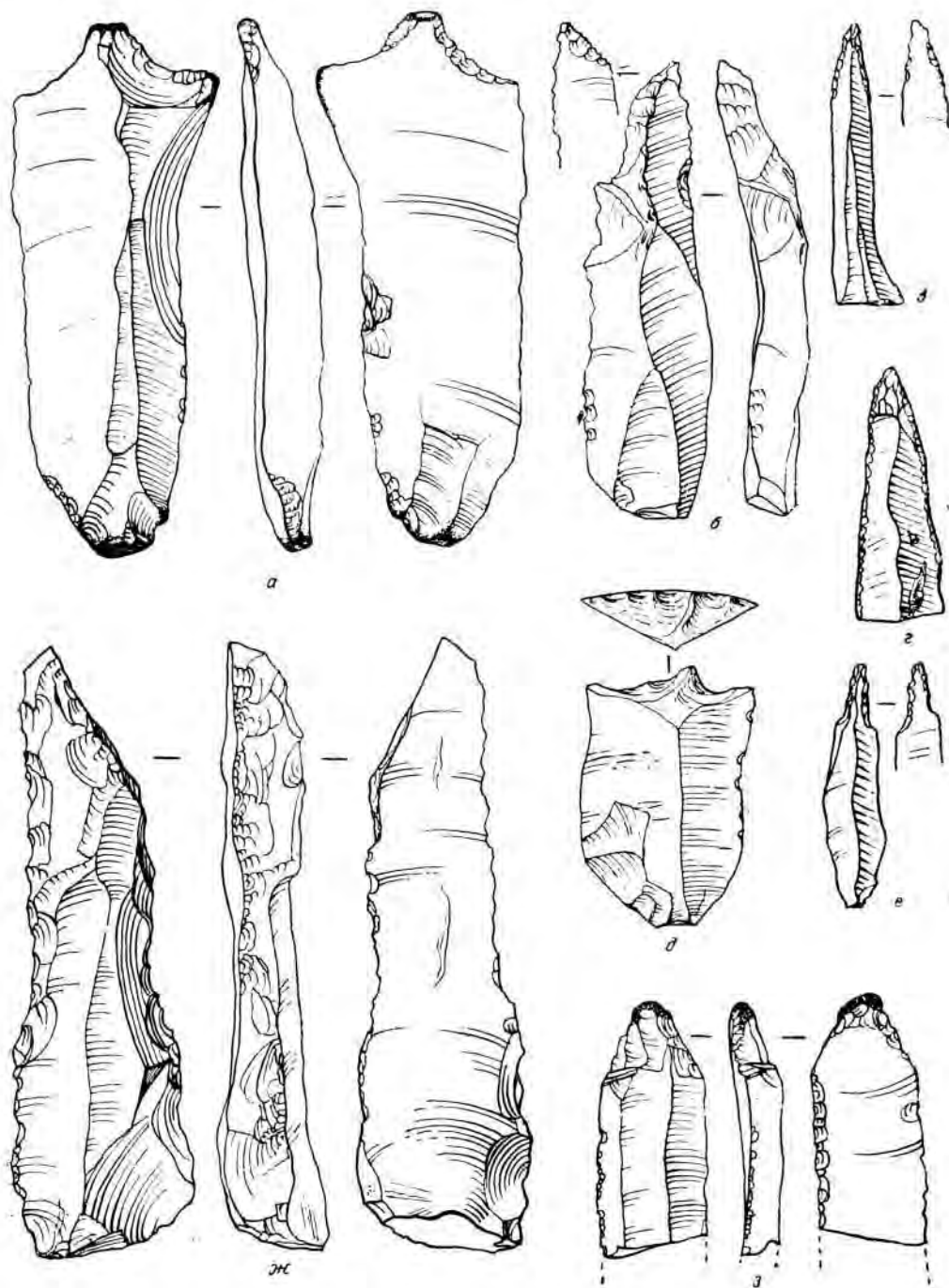

Табл. 12. Кремневые острия и сверла. ($\frac{3}{4}$ nat. вел.).

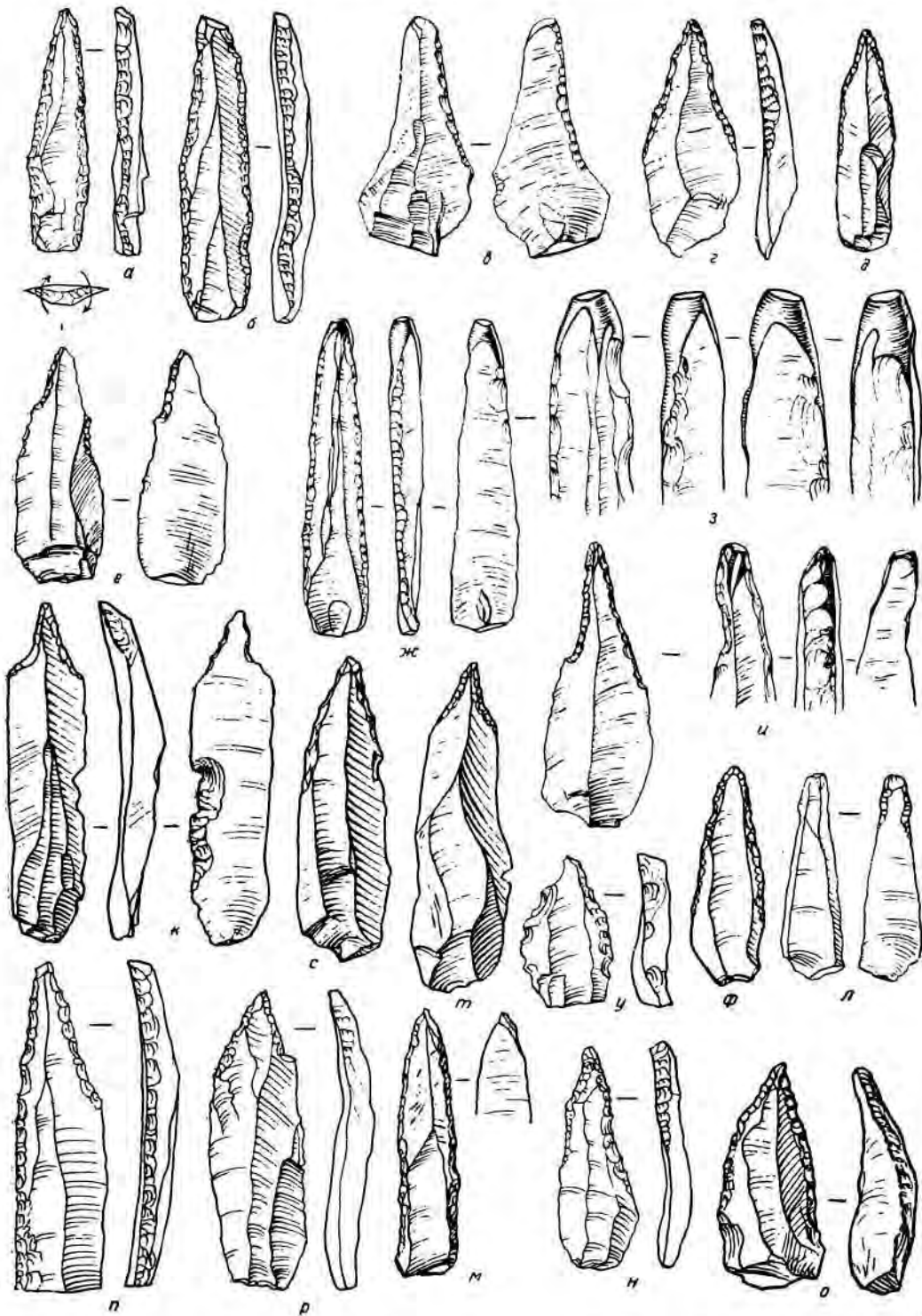

Табл. 13. Кремневые острия и сверла (а—ф); концы сверл со следами употребления (ж—п).
($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

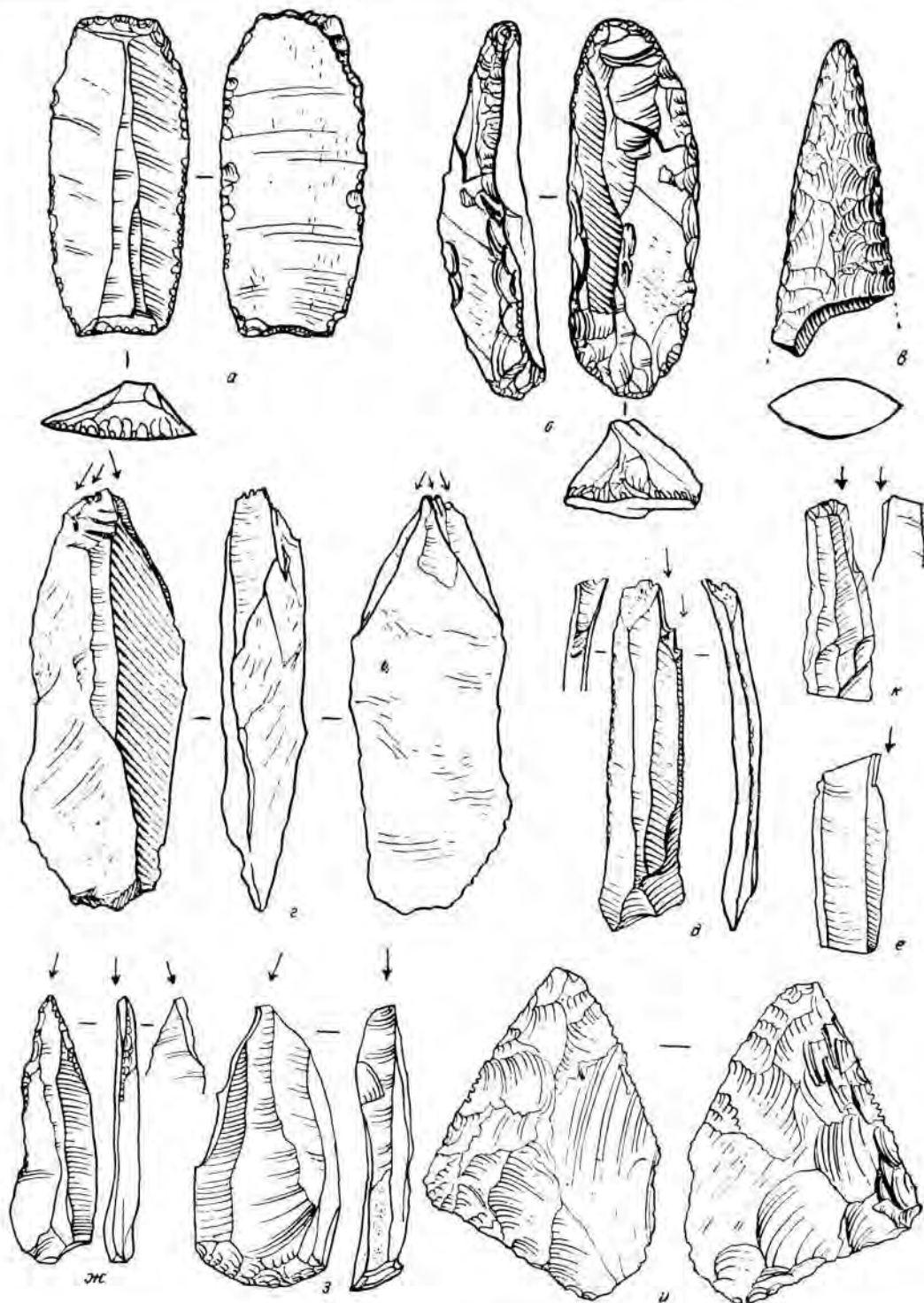

Табл. 14. Кремневые орудия. ($\frac{3}{4}$ nat. вел.).
 а, б — отжимники; в — наконечник метательного орудия; г—з, ж — резцы; и — кремневый вкладыш ножа.

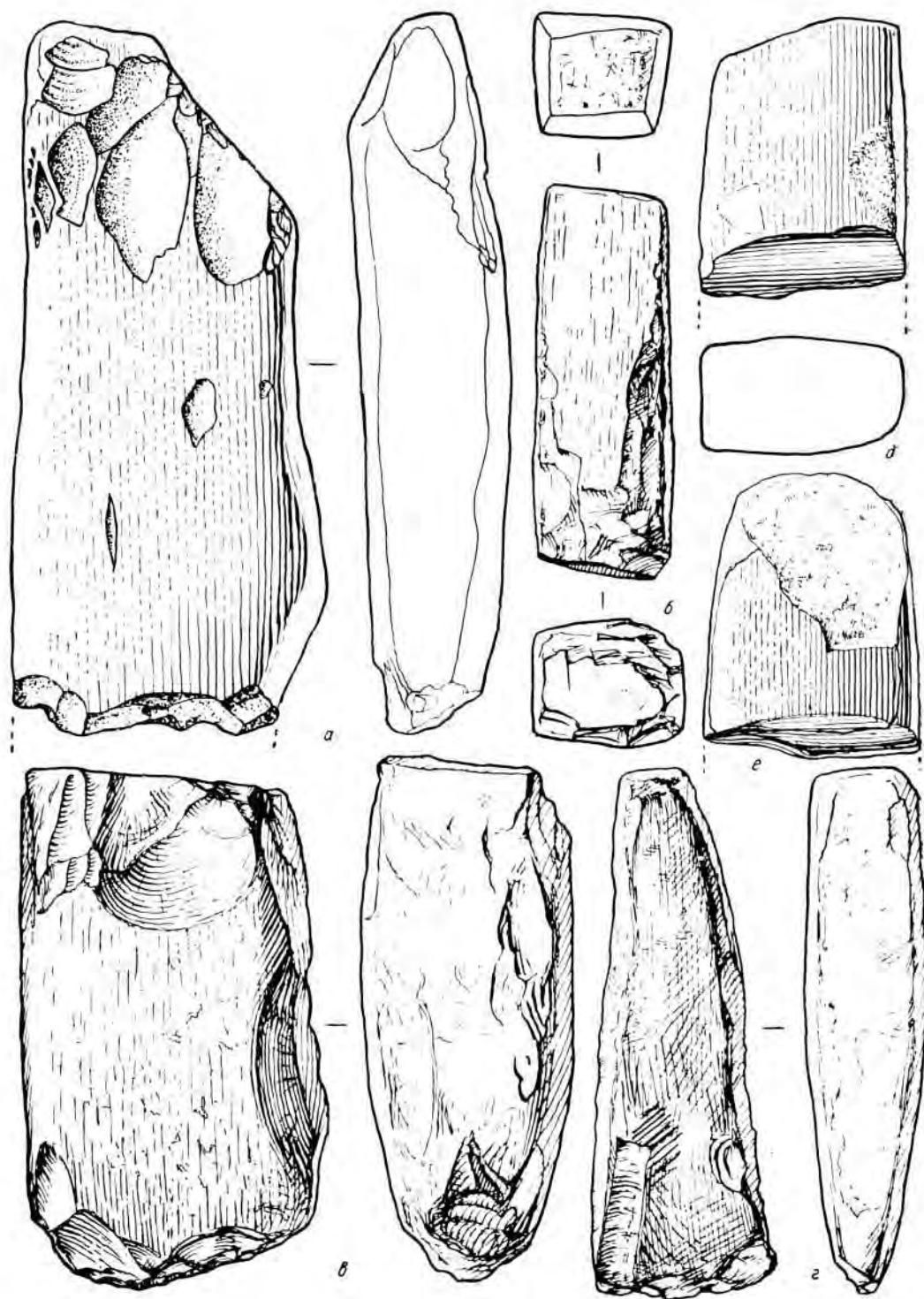

Табл. 15. Каменные орудия. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).
 а—в заготовки; г—е — орудия.

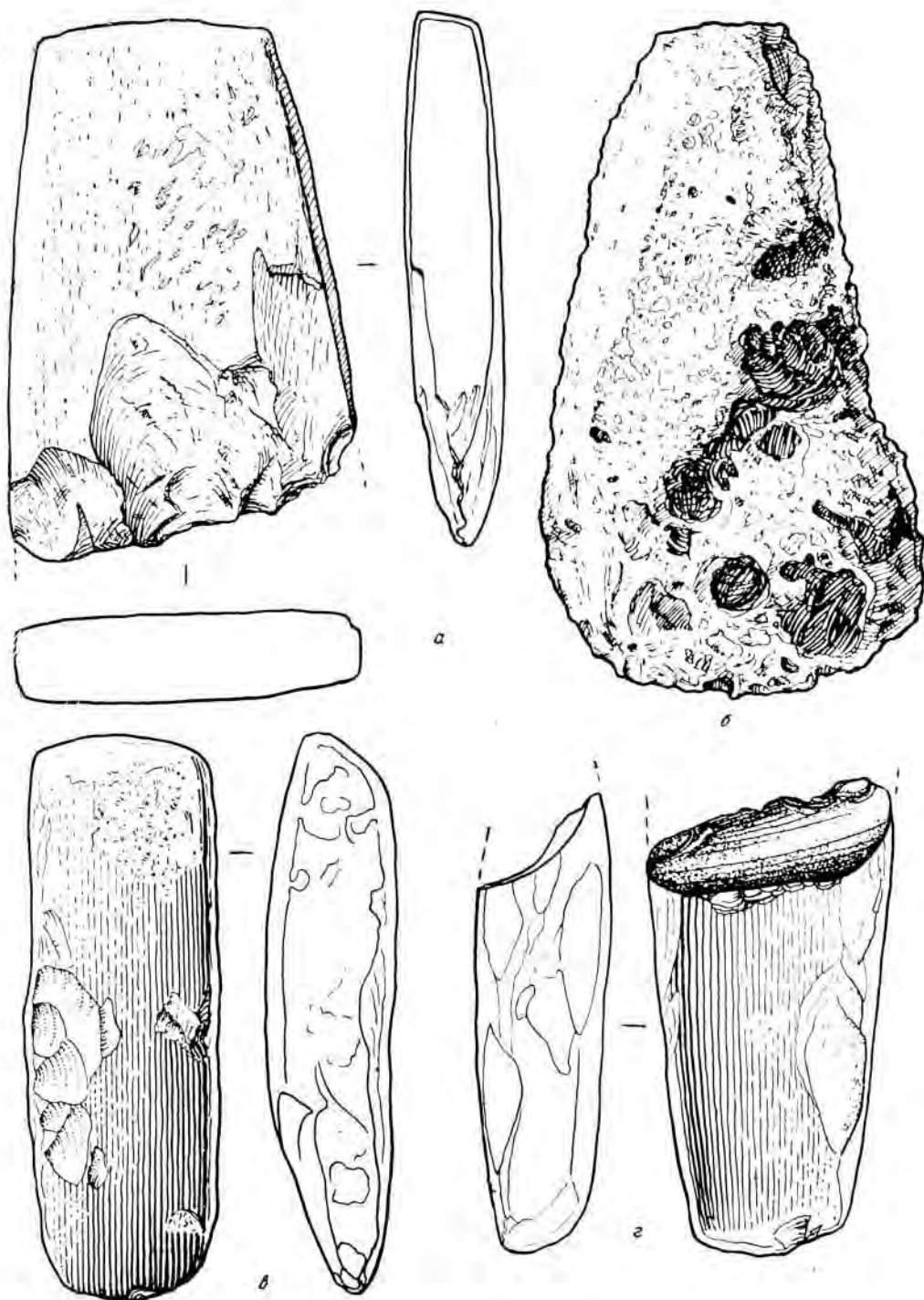

Табл. 16. Каменные орудия. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

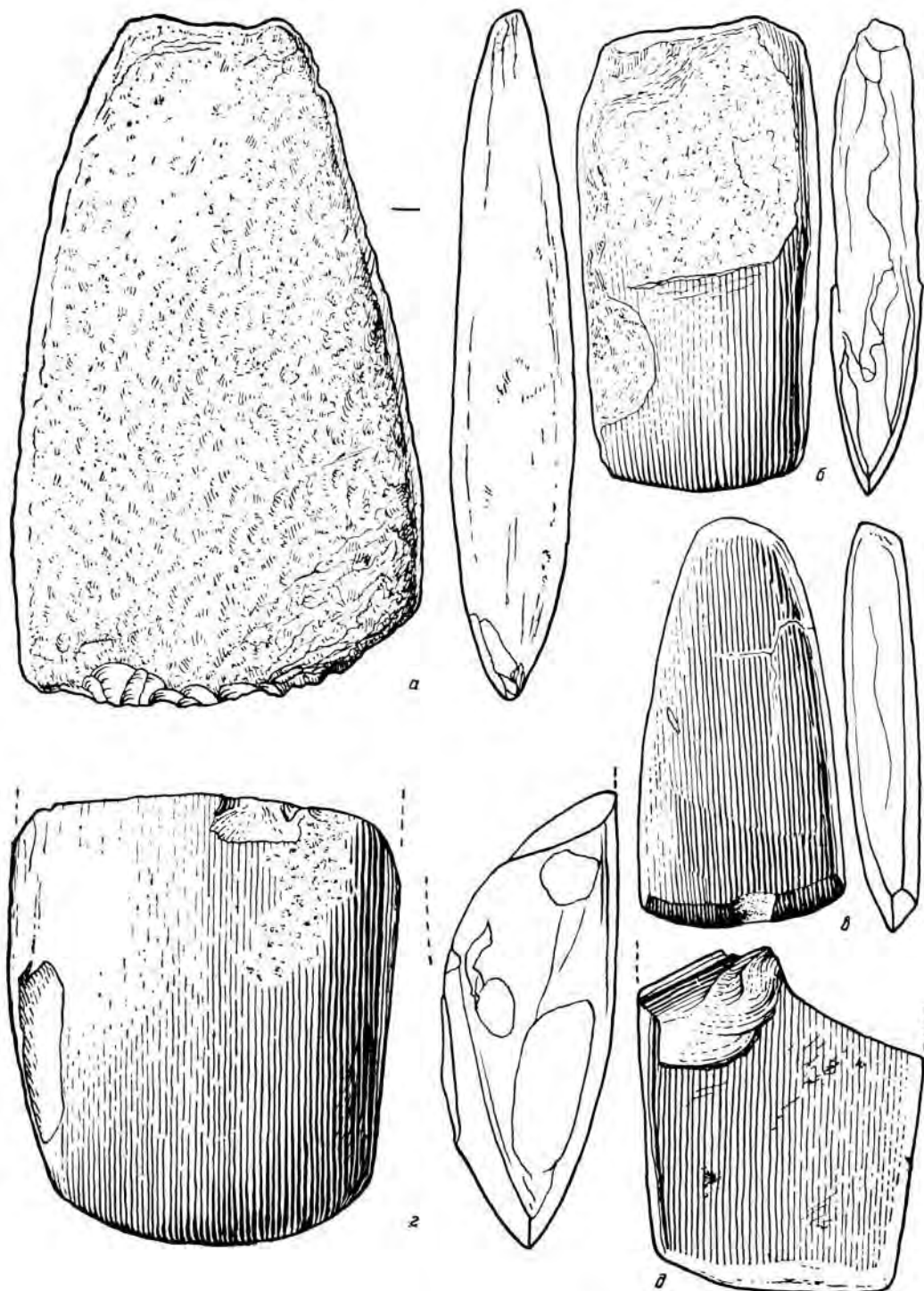

Табл. 17. Каменные орудия. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

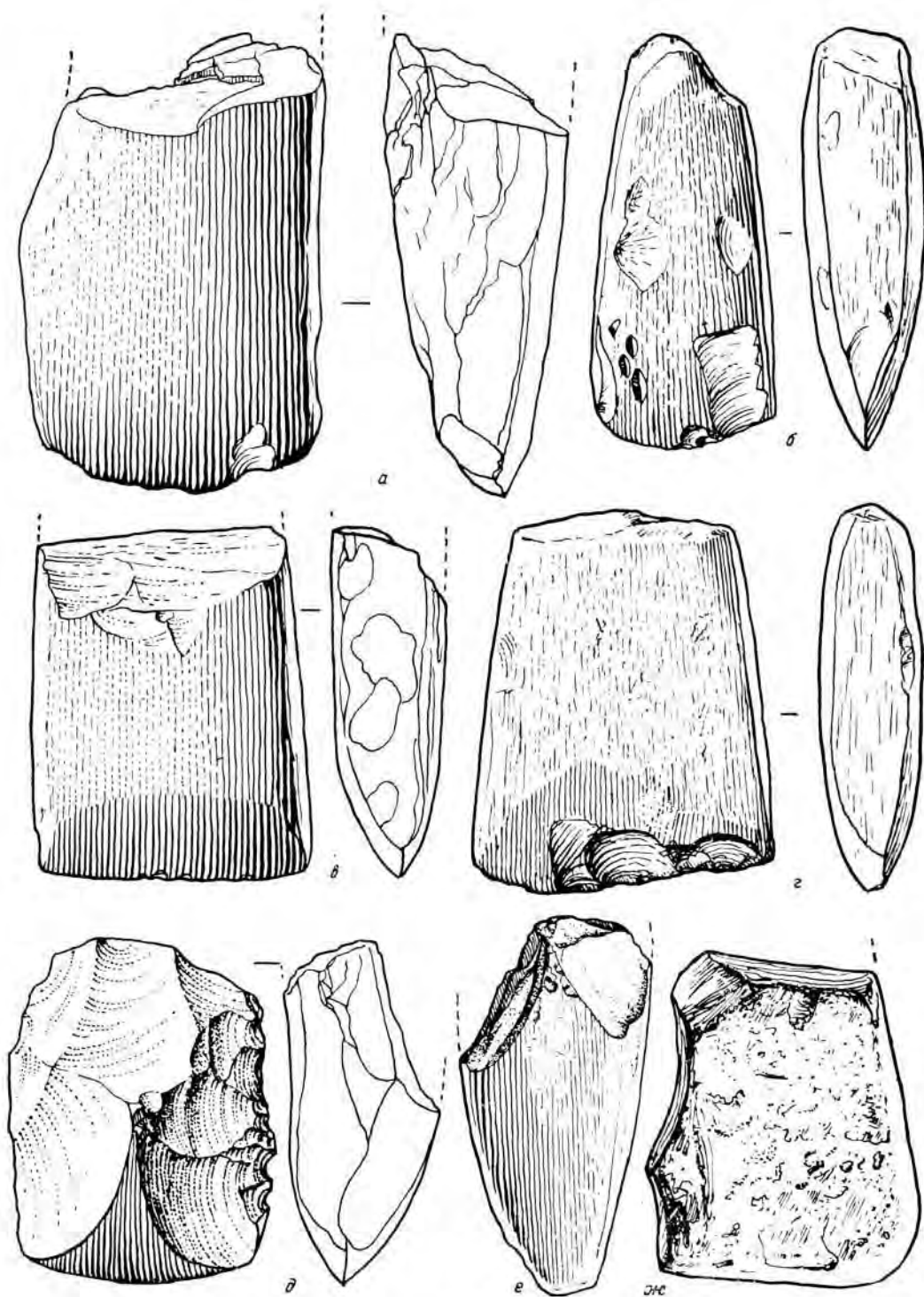

Табл. 18. Каменные орудия. ($\frac{3}{4}$ nat. вел.).

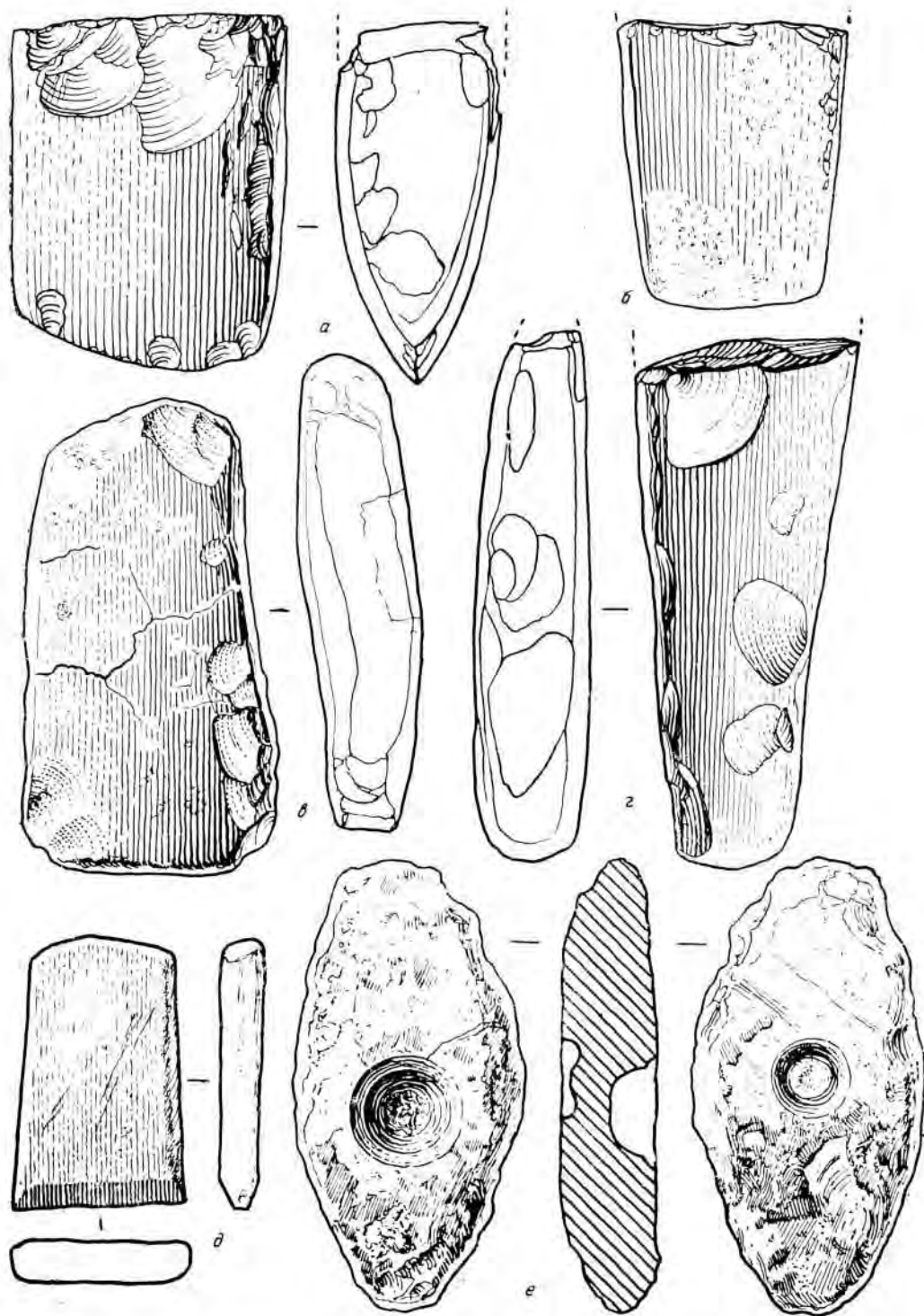

Табл. 19. Каменные орудия (а—д) и упорная плитка для ручной дрели (е). ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

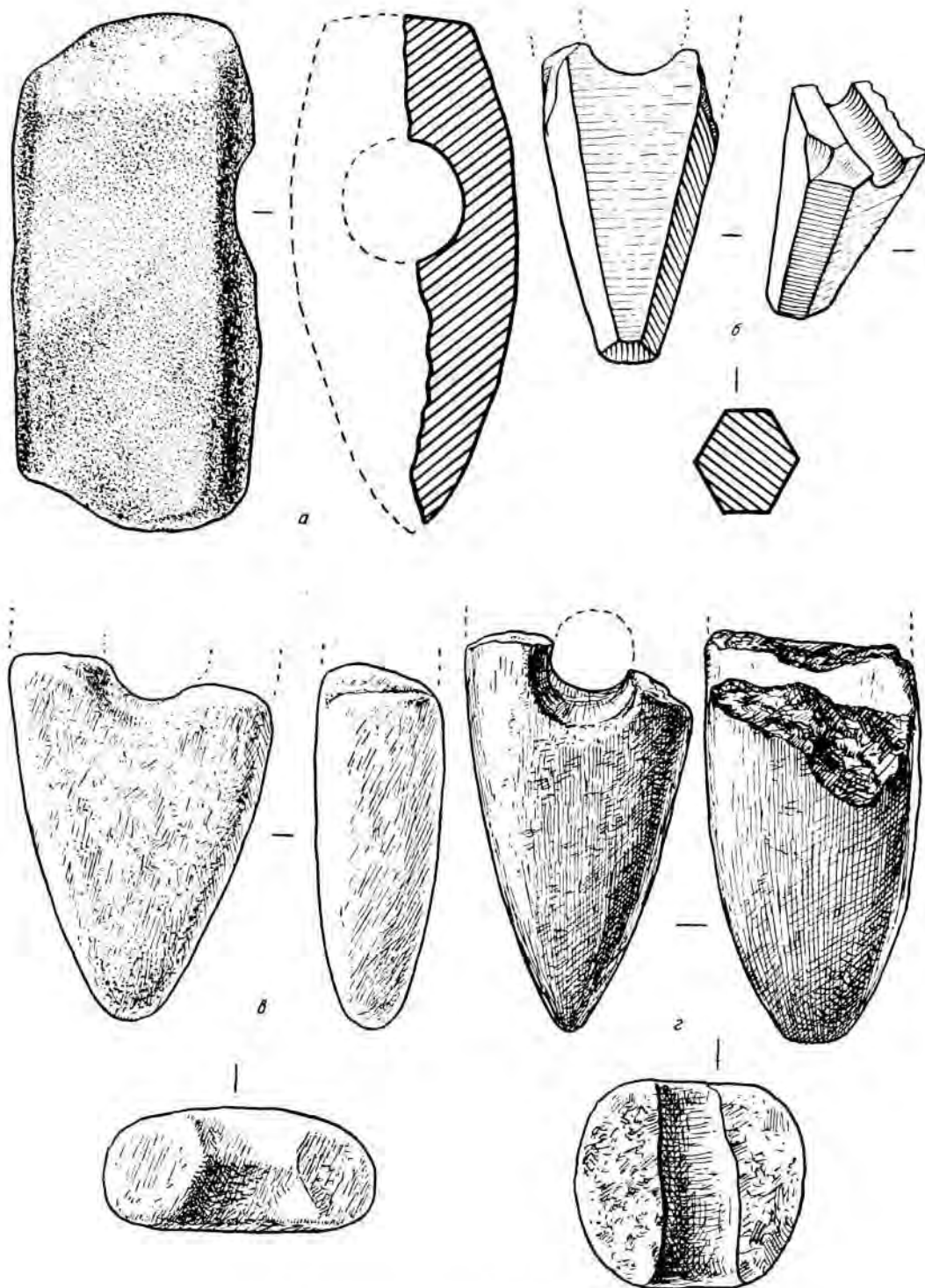

Табл. 20. Каменные топоры и молоты. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

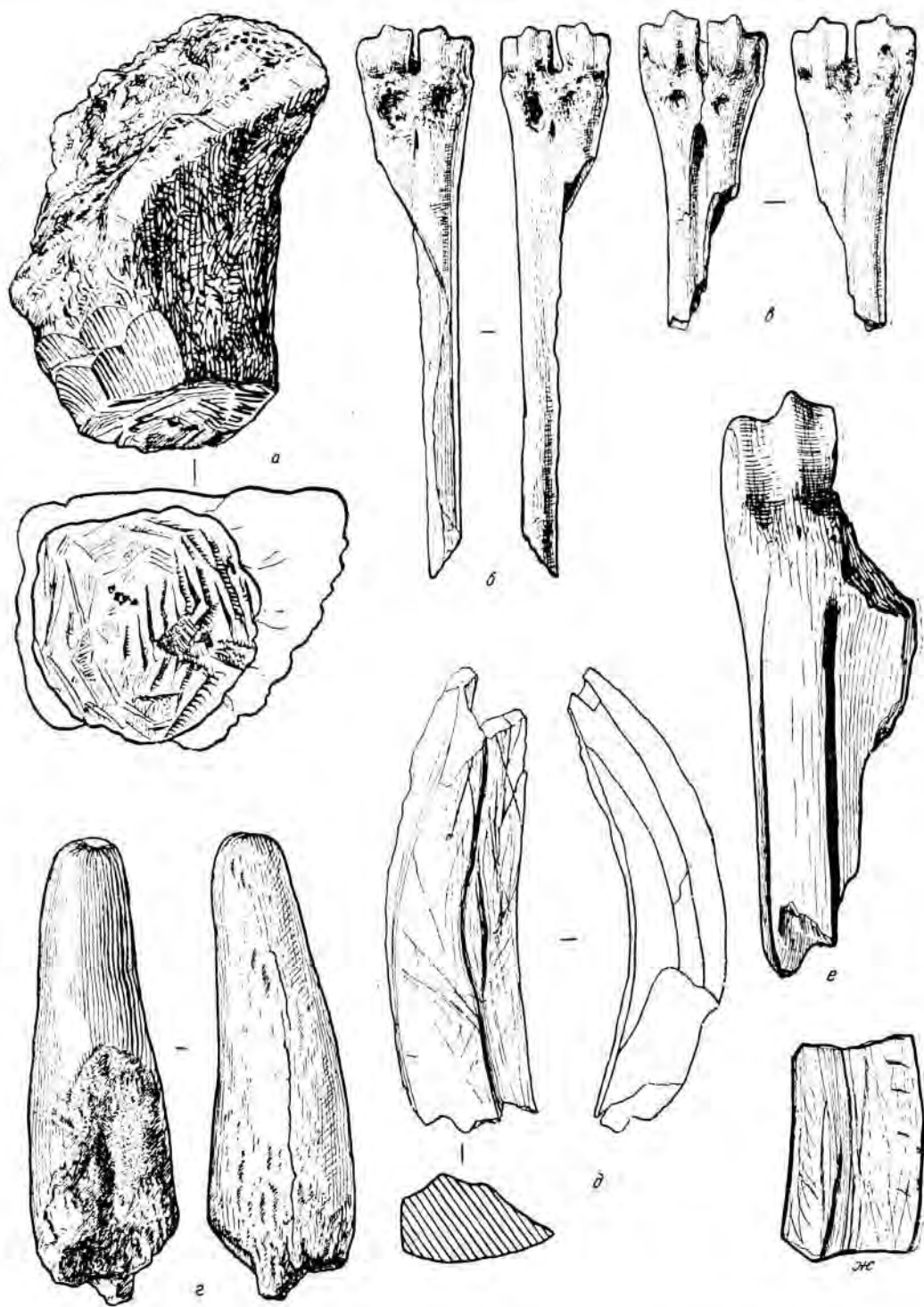

Табл. 21. Кости животных со следами разделки. ($\frac{3}{4}$ nat. вел.).

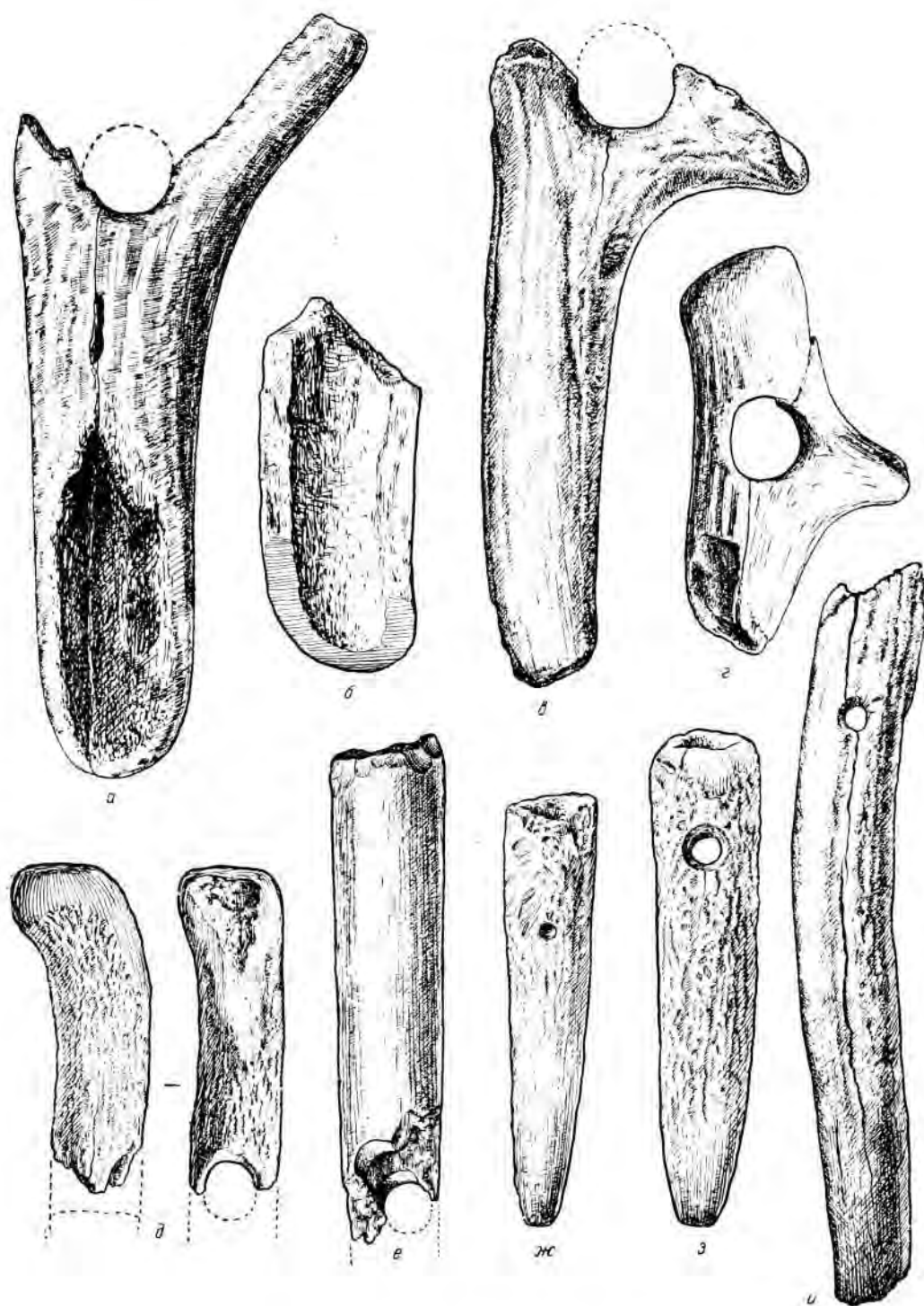

Табл. 22. Орудия из рога, ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

Табл. 23. Костяные шилья и проколки. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

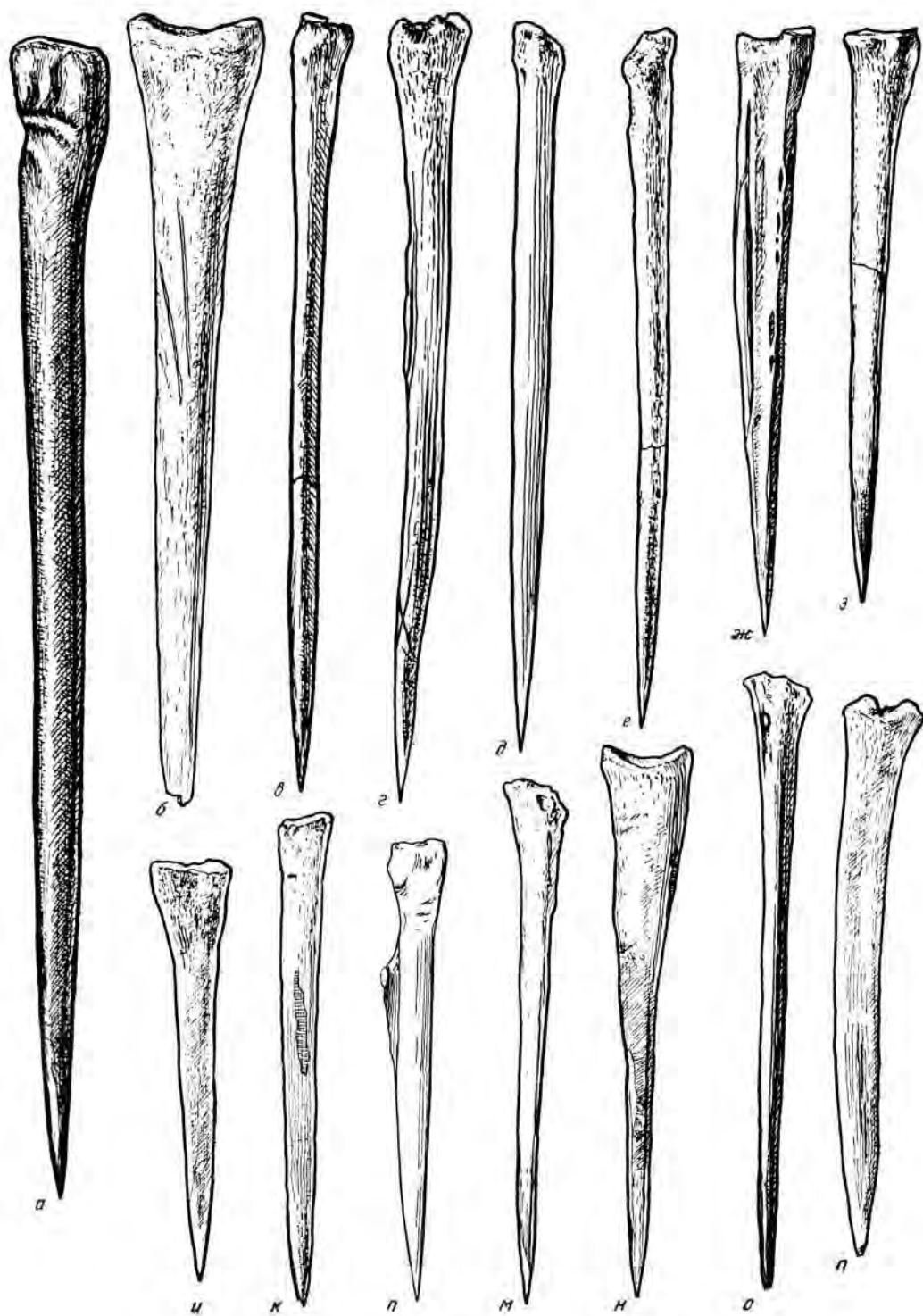

Табл. 24 Костяные шилья (б п) и костяной кинжал (а).

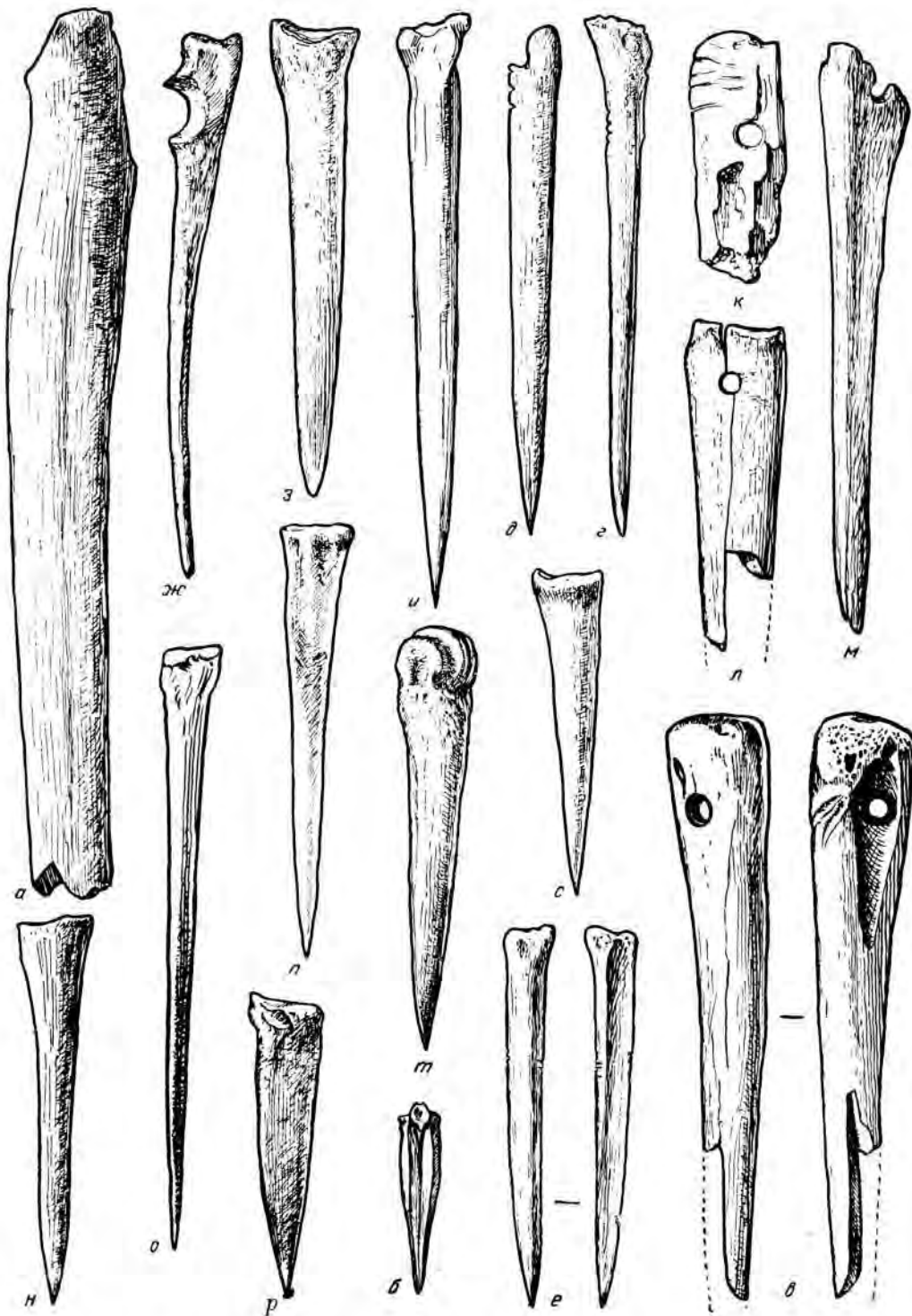

Табл. 25. Костяные шилья (z—т) и обломок кинжала (a). ($\frac{3}{4}$ nat. вел.).

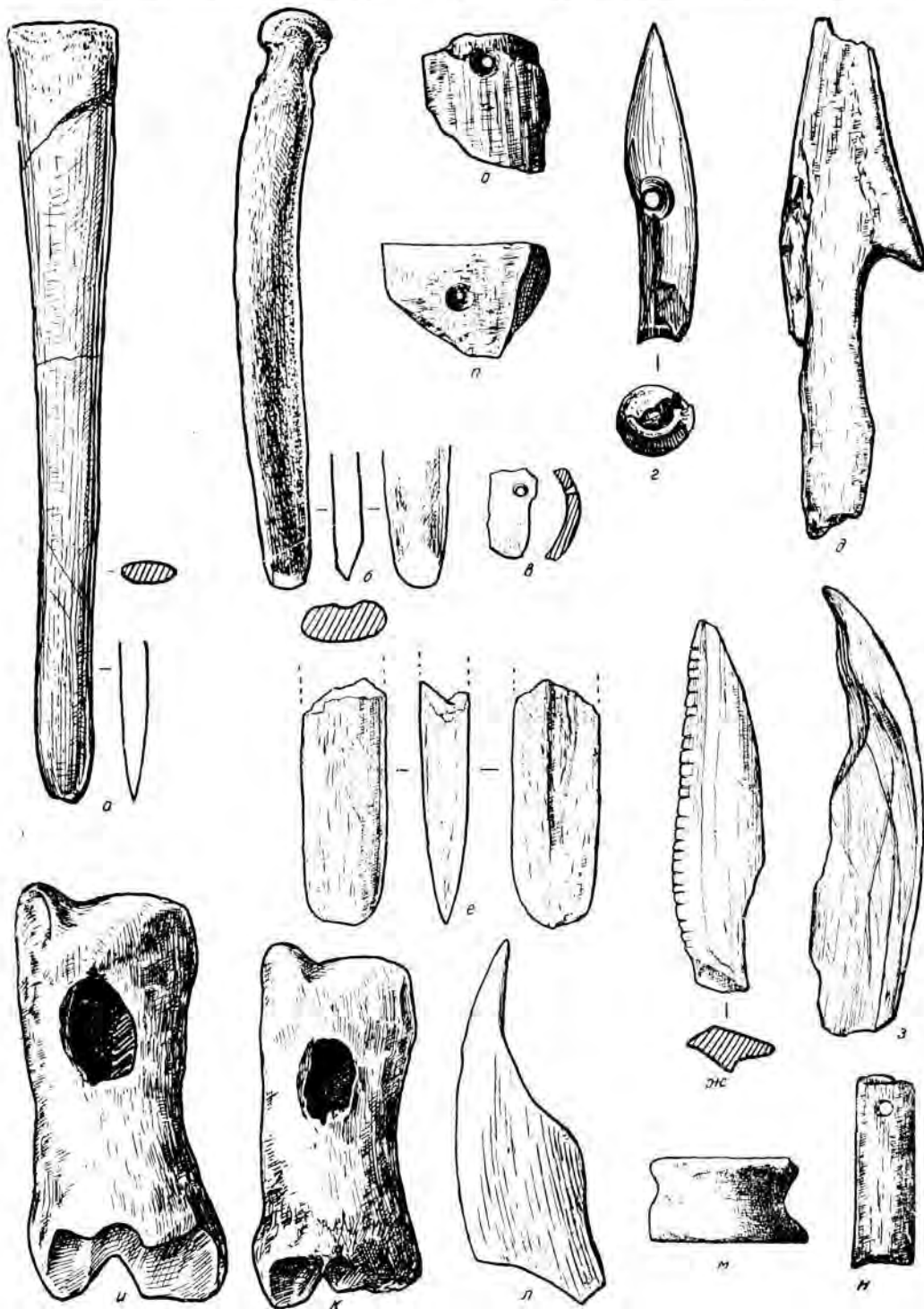

Табл. 26. Костяные изделия. ($\frac{3}{4}$ nat. вел.).

а, е — костяные лопатки (лощила); *б* — лопатка для орнаментации керамики (?); *в* — подвеска из ископаемой раковины *Urio*; *г* — гарпун (?); *д* — наконечник остроги; *е* — штамп из клыка кабана для орнаментации керамики; *ж, з* — острия из клыка кабана; *и, к* — фаланги быка с отверстием; *л* — сточенный астрагал; *м* — подвеска из рога; *н* — подвеска из клыка кабана.

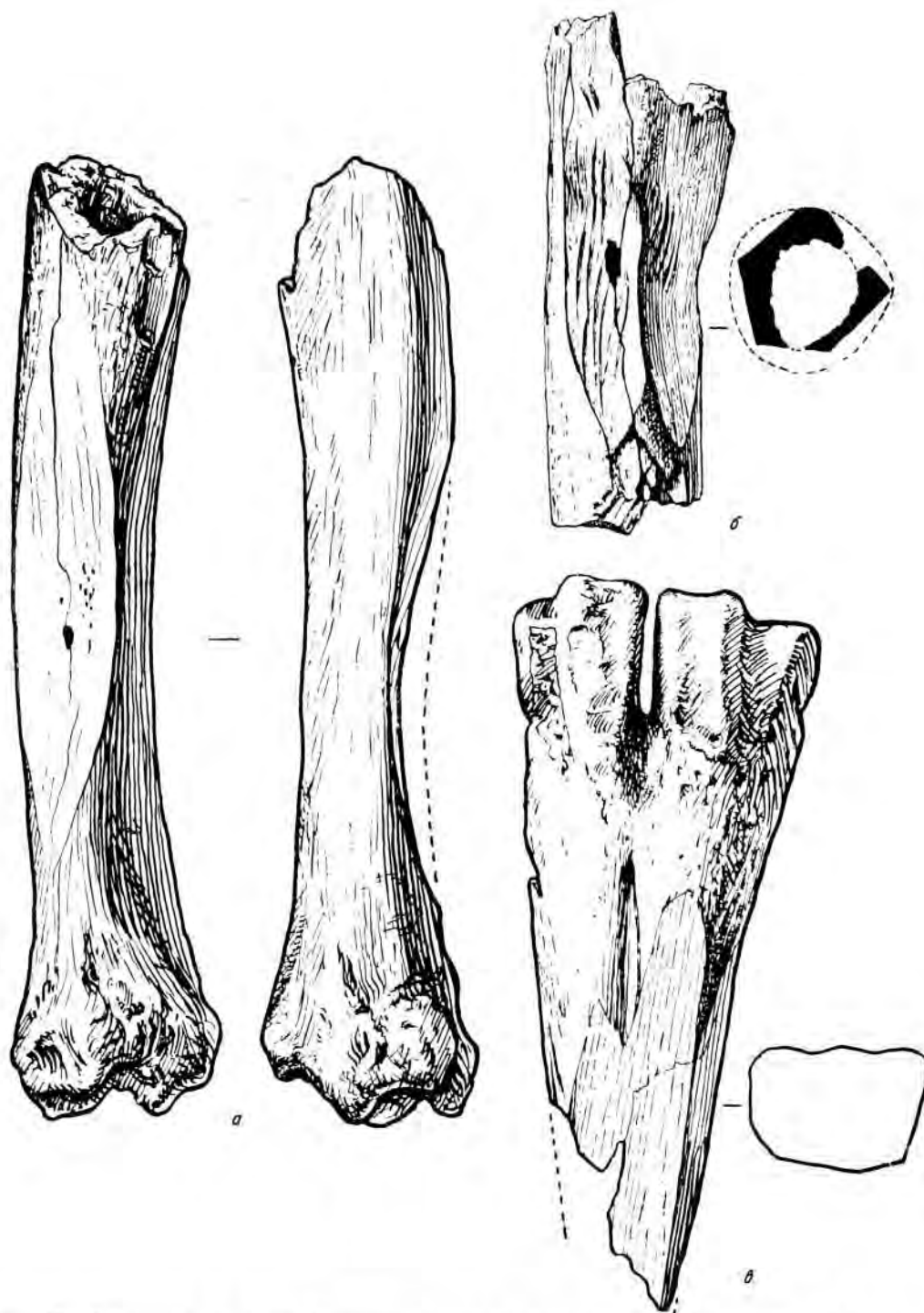

Табл. 27. Сточенные и зашлифованные длинные кости конечностей животных, ($\frac{3}{4}$ nat. вел.).

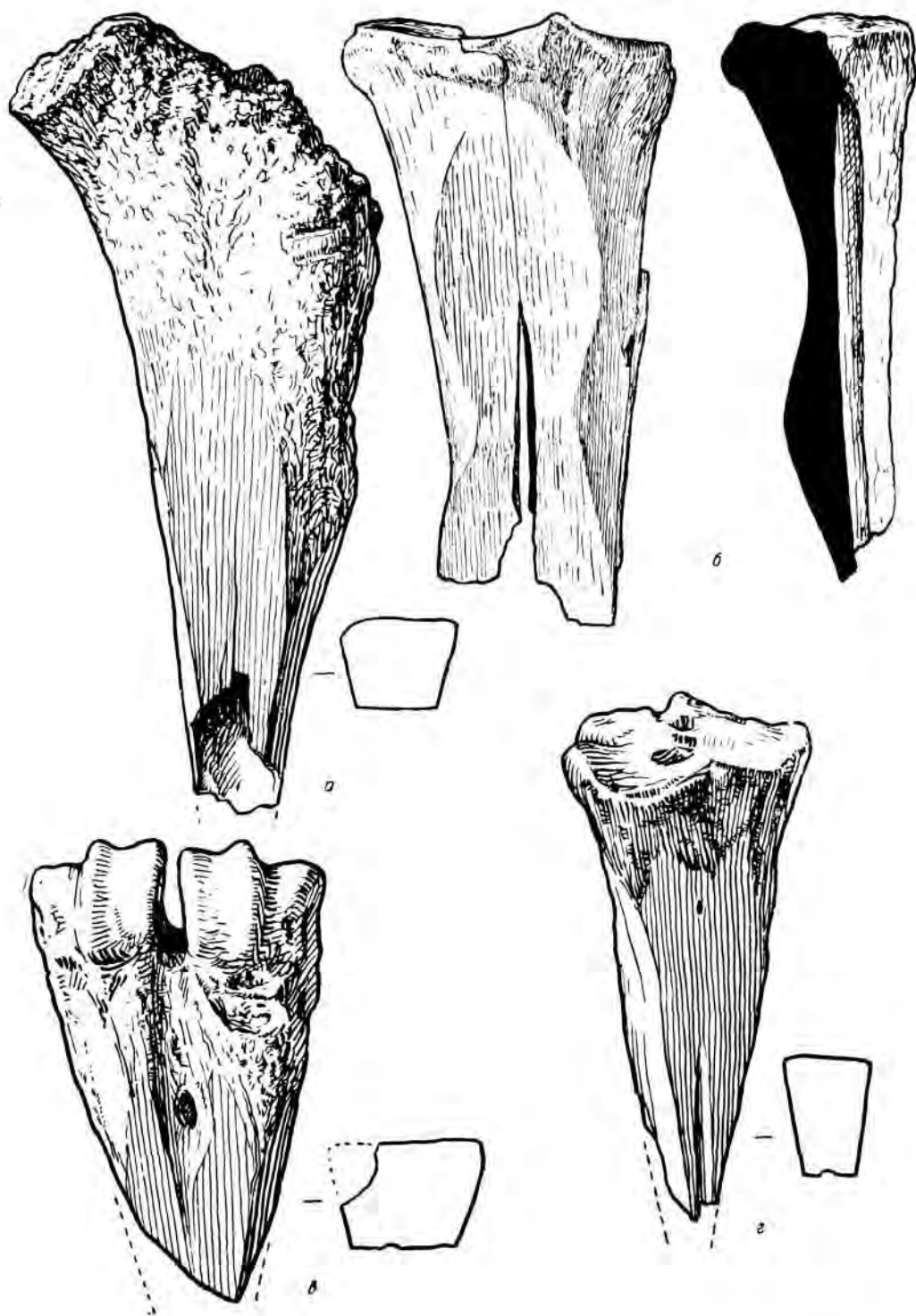

Табл. 28. Сточенные и зашлифованные длинные кости конечностей животных. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

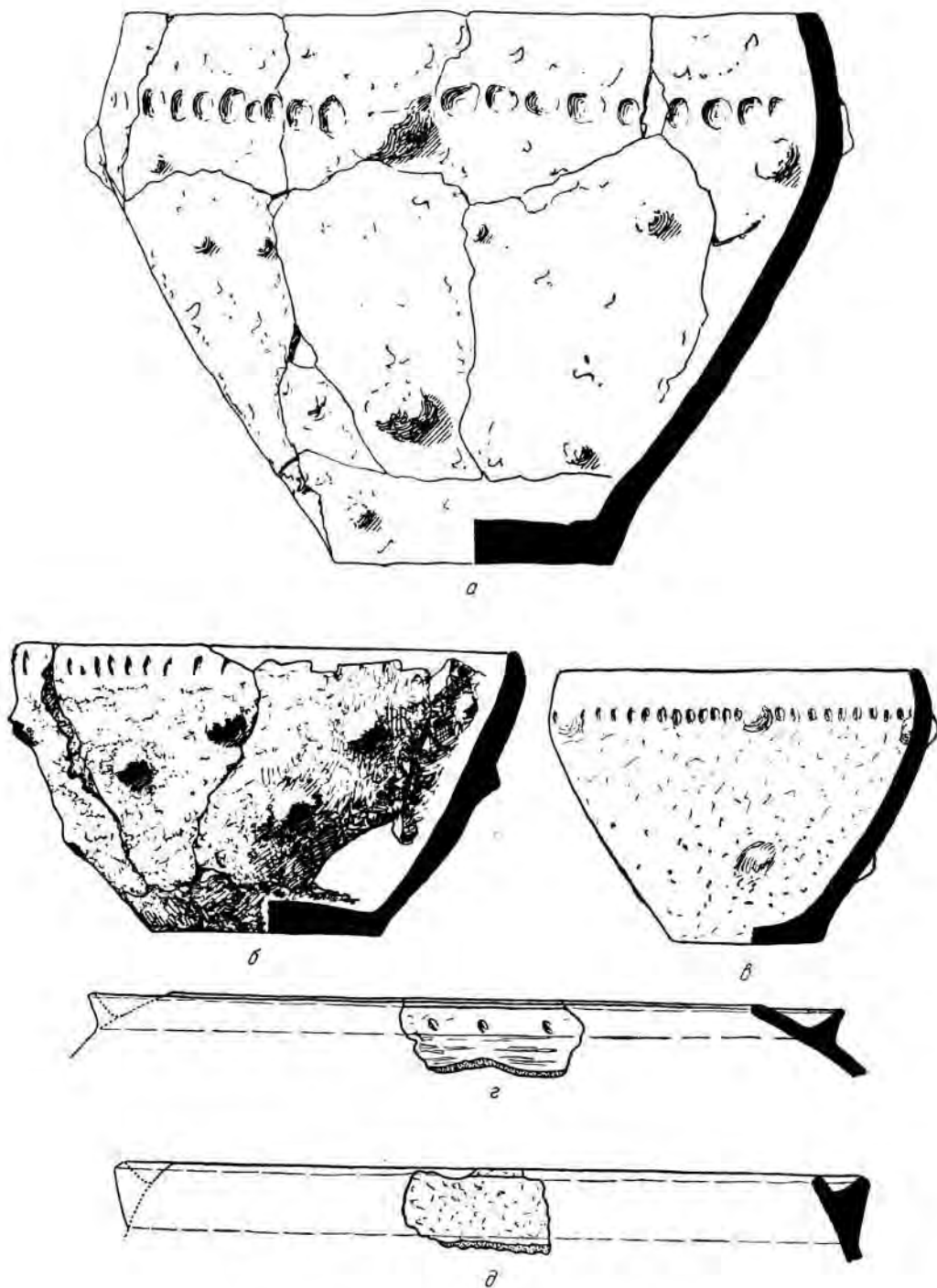

Табл. 29. Кухонная керамика. ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

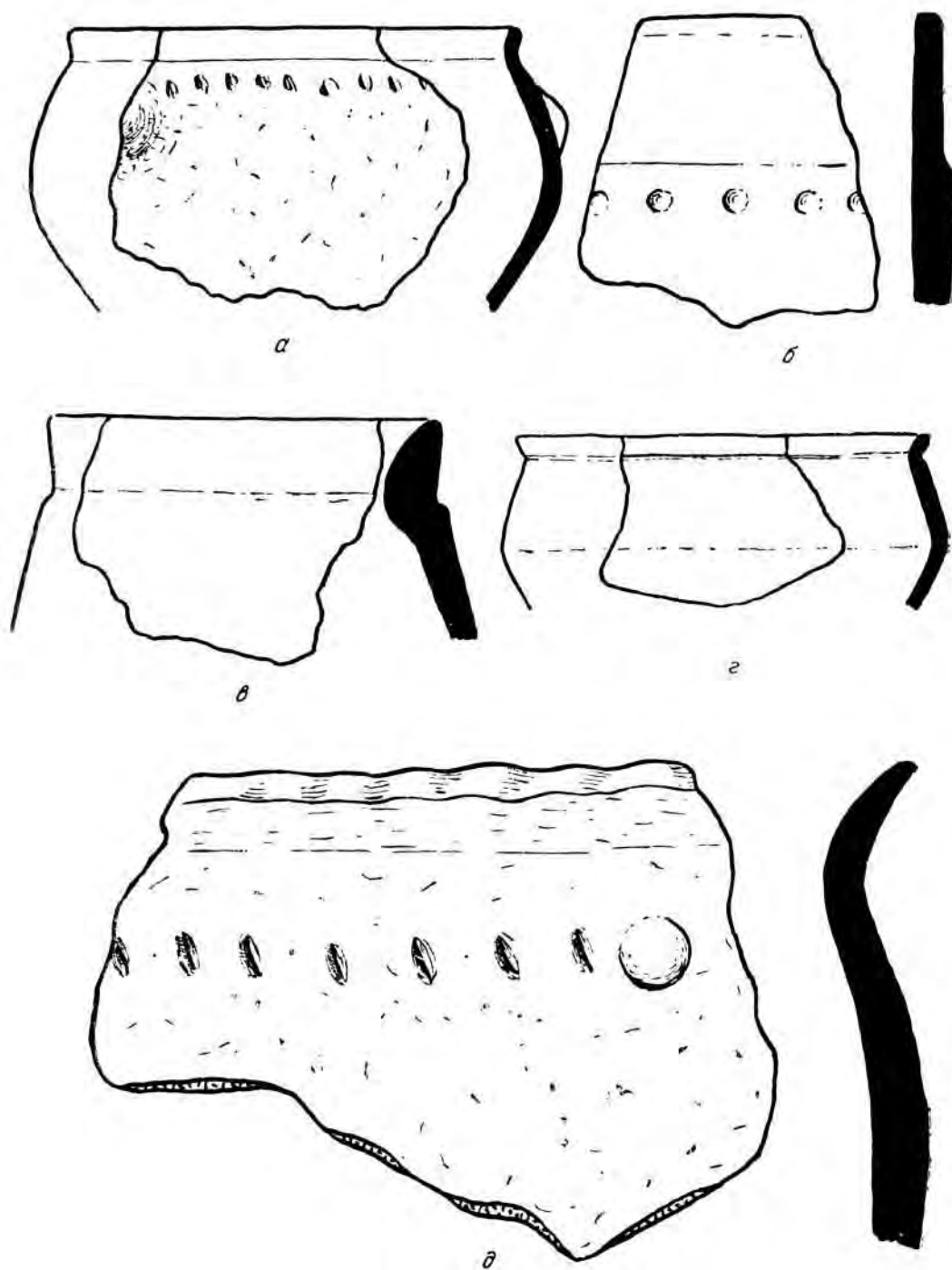

Табл. 30. Фрагменты кухонной керамики.
(а, б, г — ½ нат. вел.; в, д — нат. вел.).

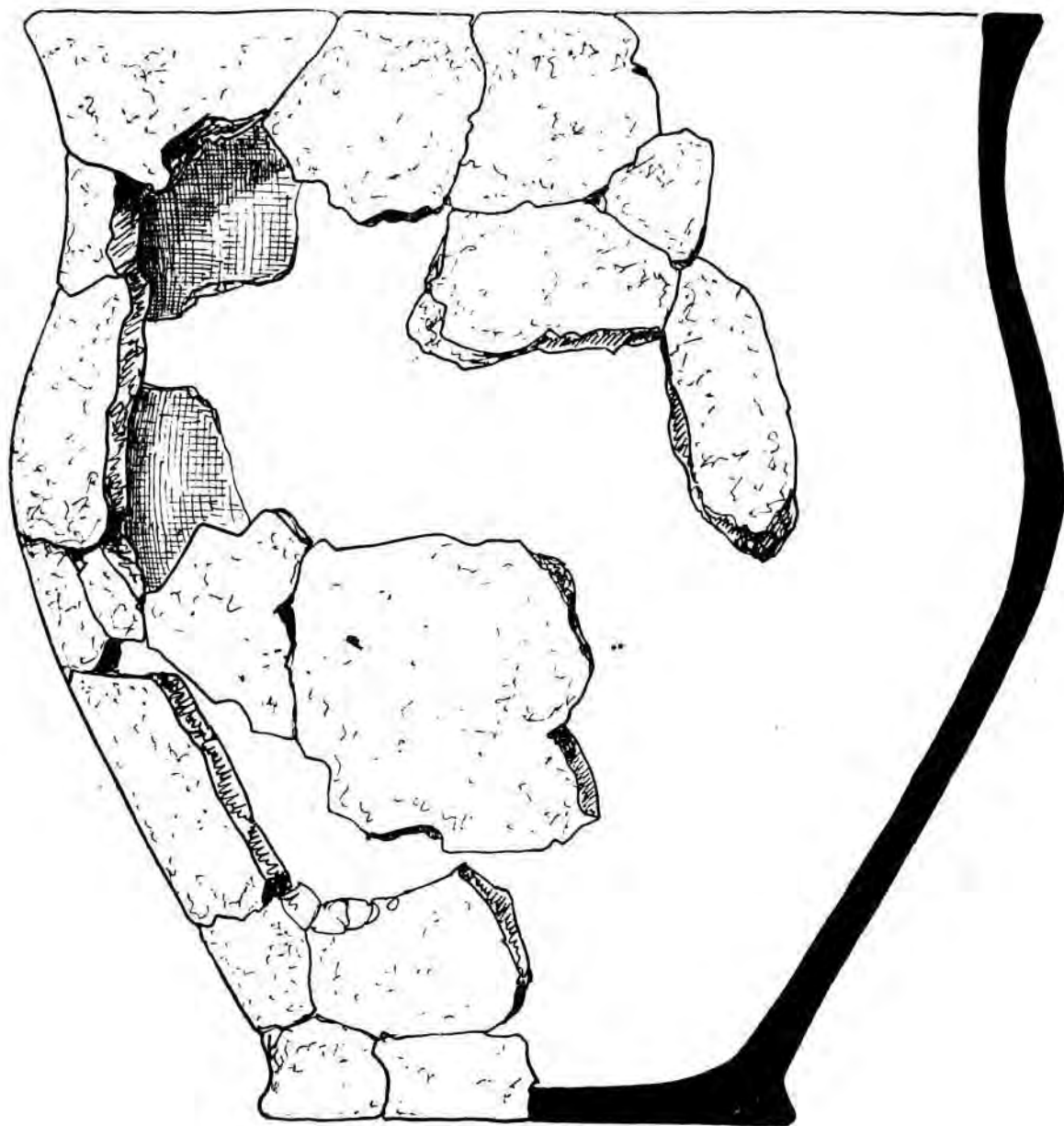

Табл. 31. Корчага. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.)

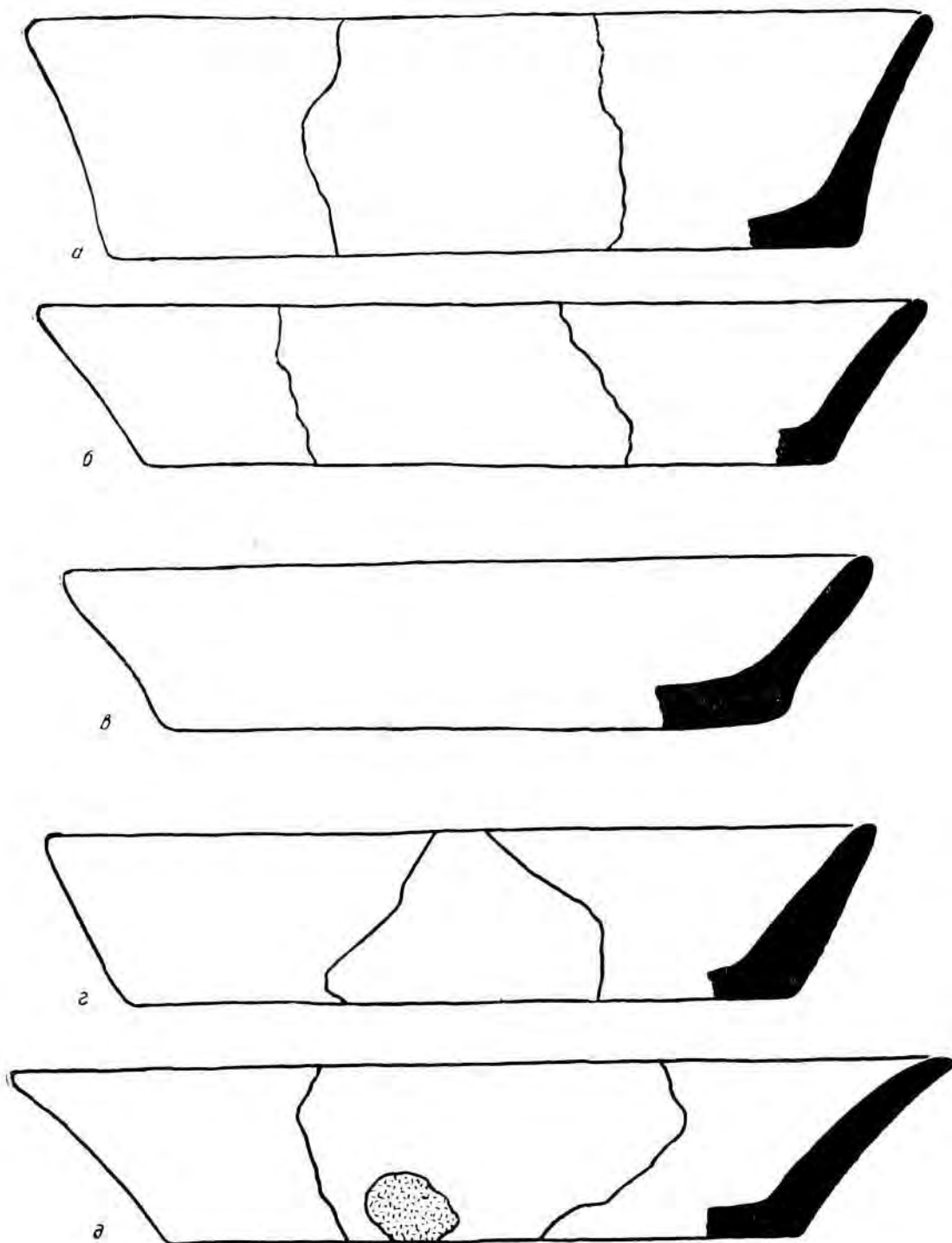

Табл. 32. Тазы. ($\frac{1}{2}$ nat. вел.).

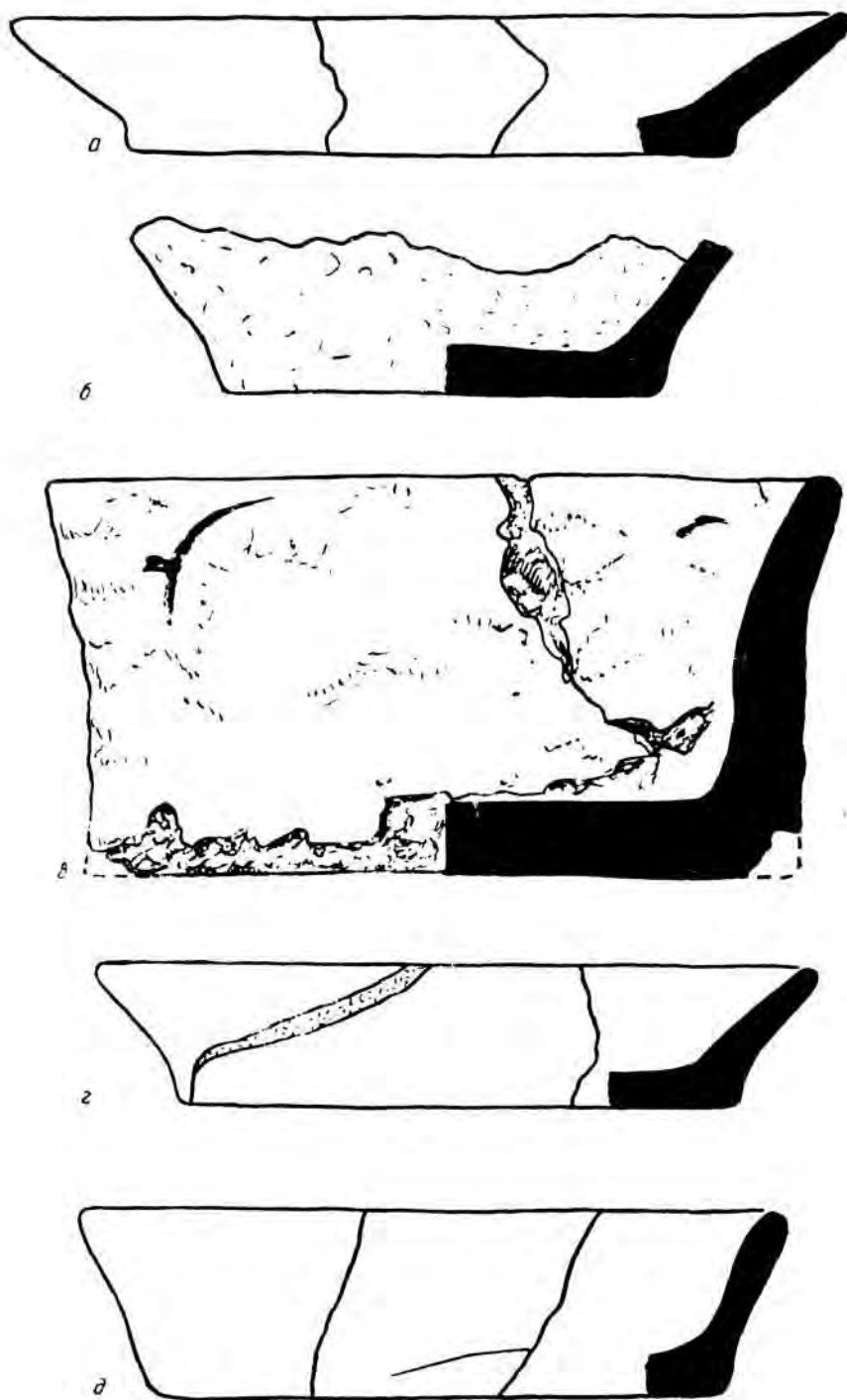

Табл. 33. Тазы и миски, ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

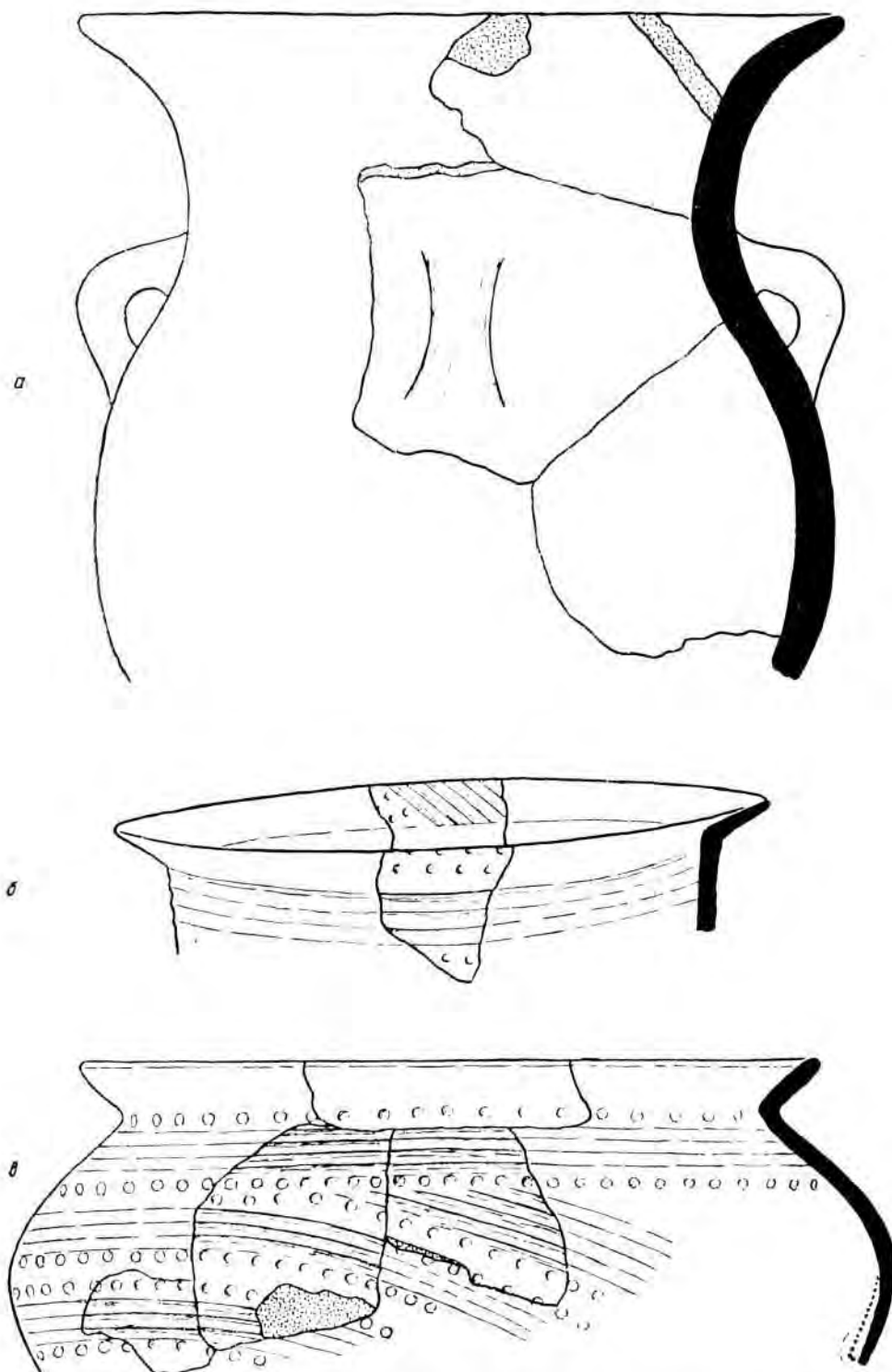

Табл. 34. Кувшиновидные или амфоровидные сосуды (а, б) и горшок (в). (1/2 нат. вел.).

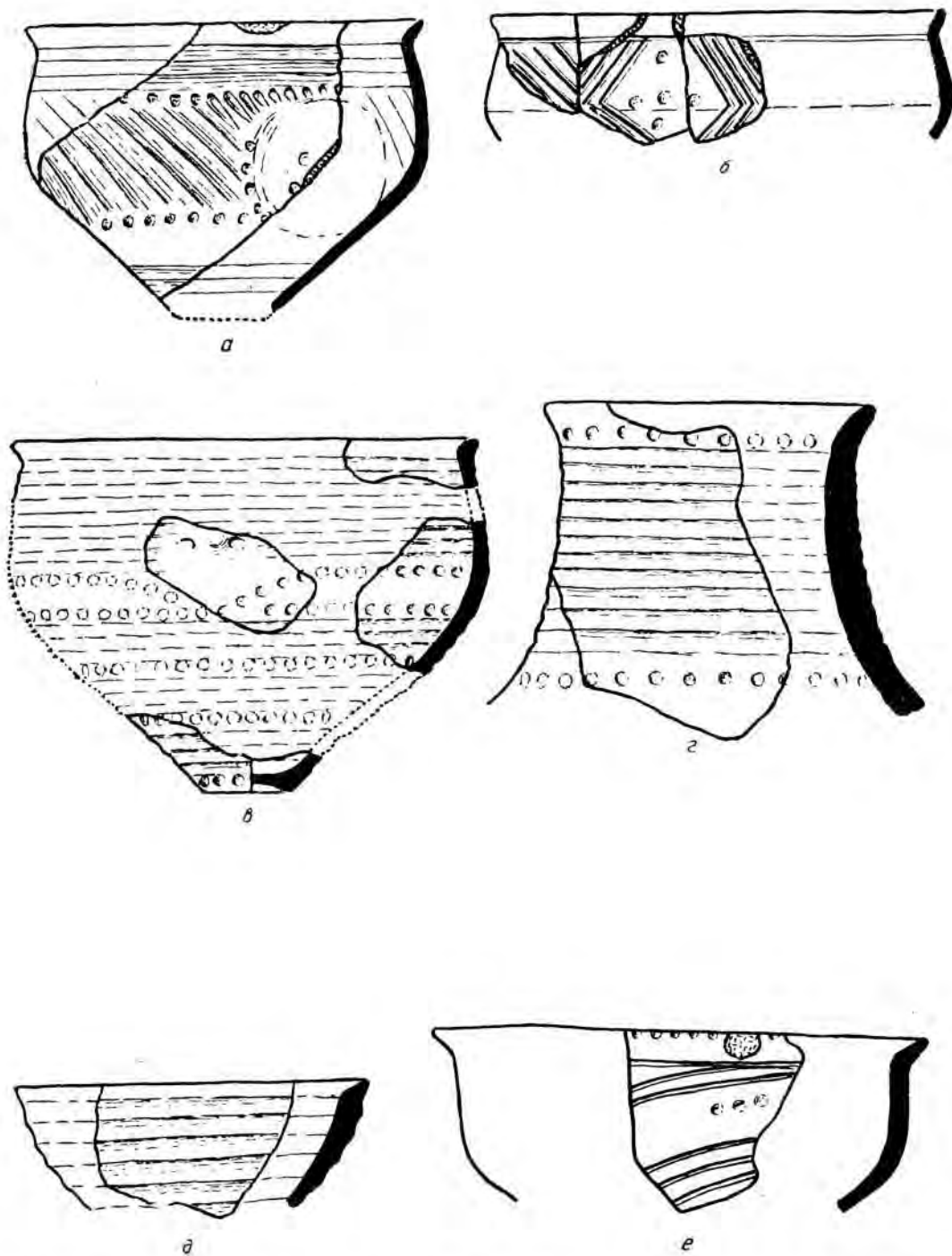

Табл. 35. Горшки (a—e), кувшиновидный сосуд (z) и глубокие миски (d, e). ($\frac{1}{2}$ nat. вел.).

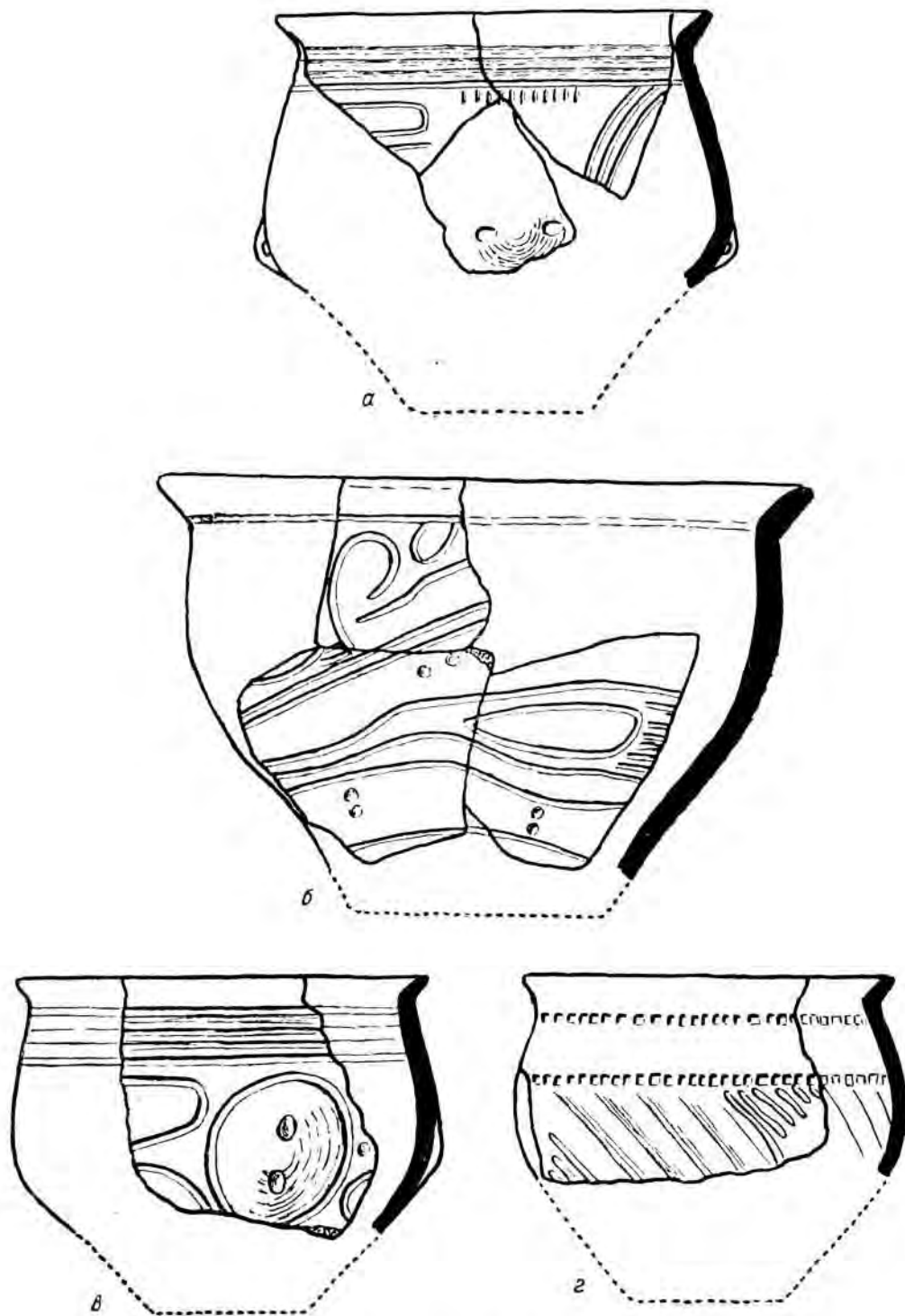

Табл. 36. Горшки. ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

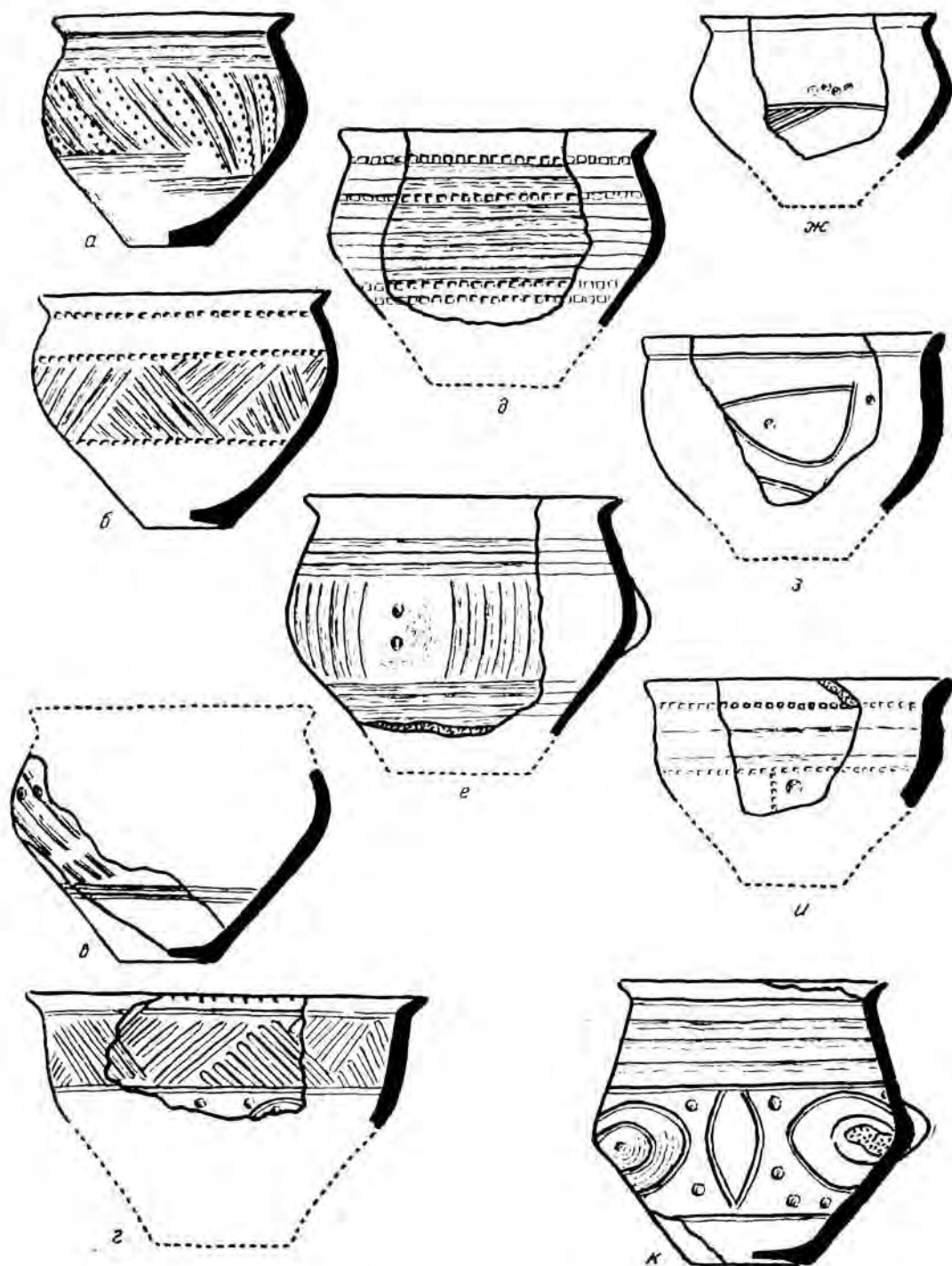

Табл. 37. Горшки. ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

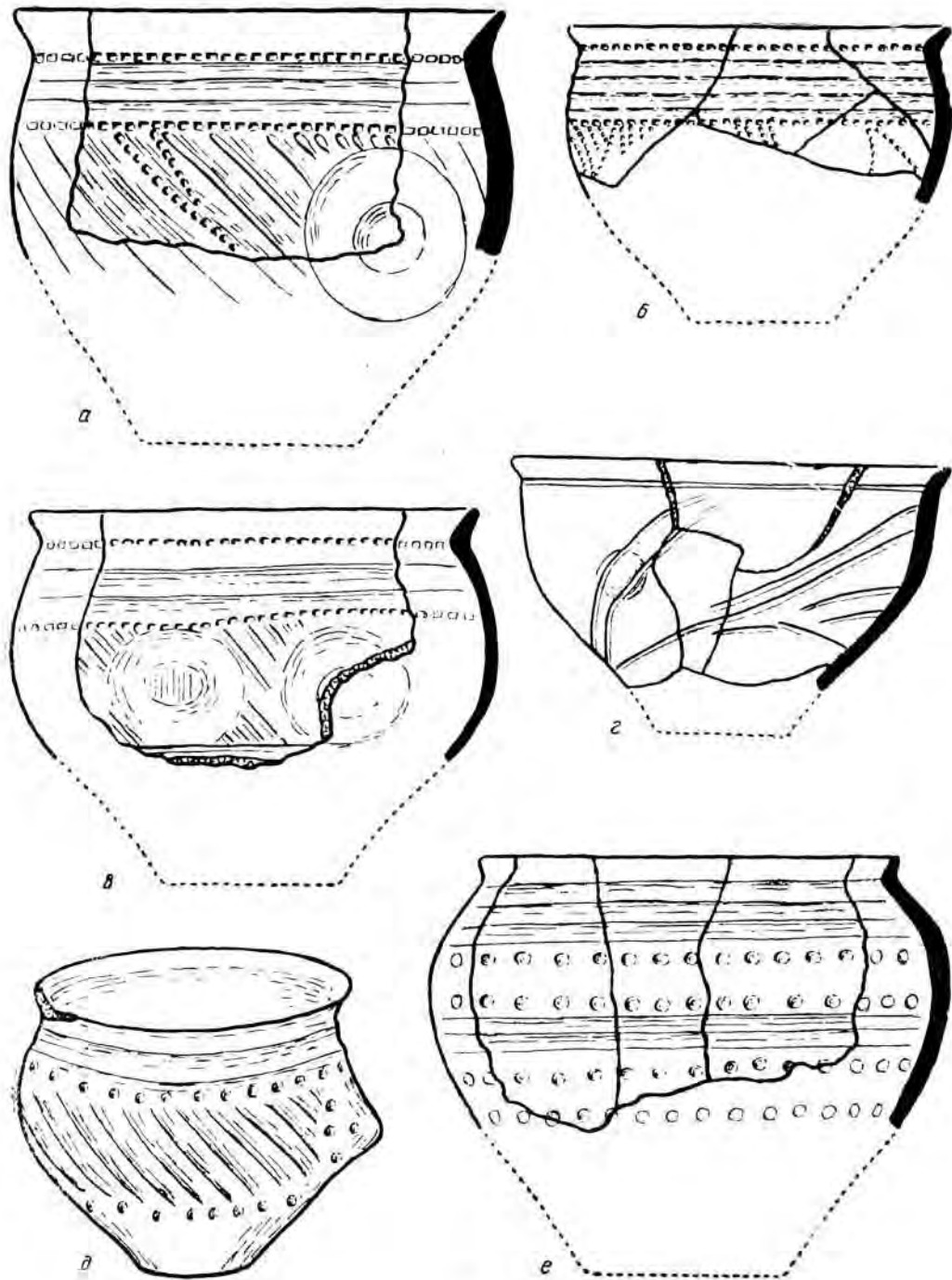

Табл. 38. Горшки. ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

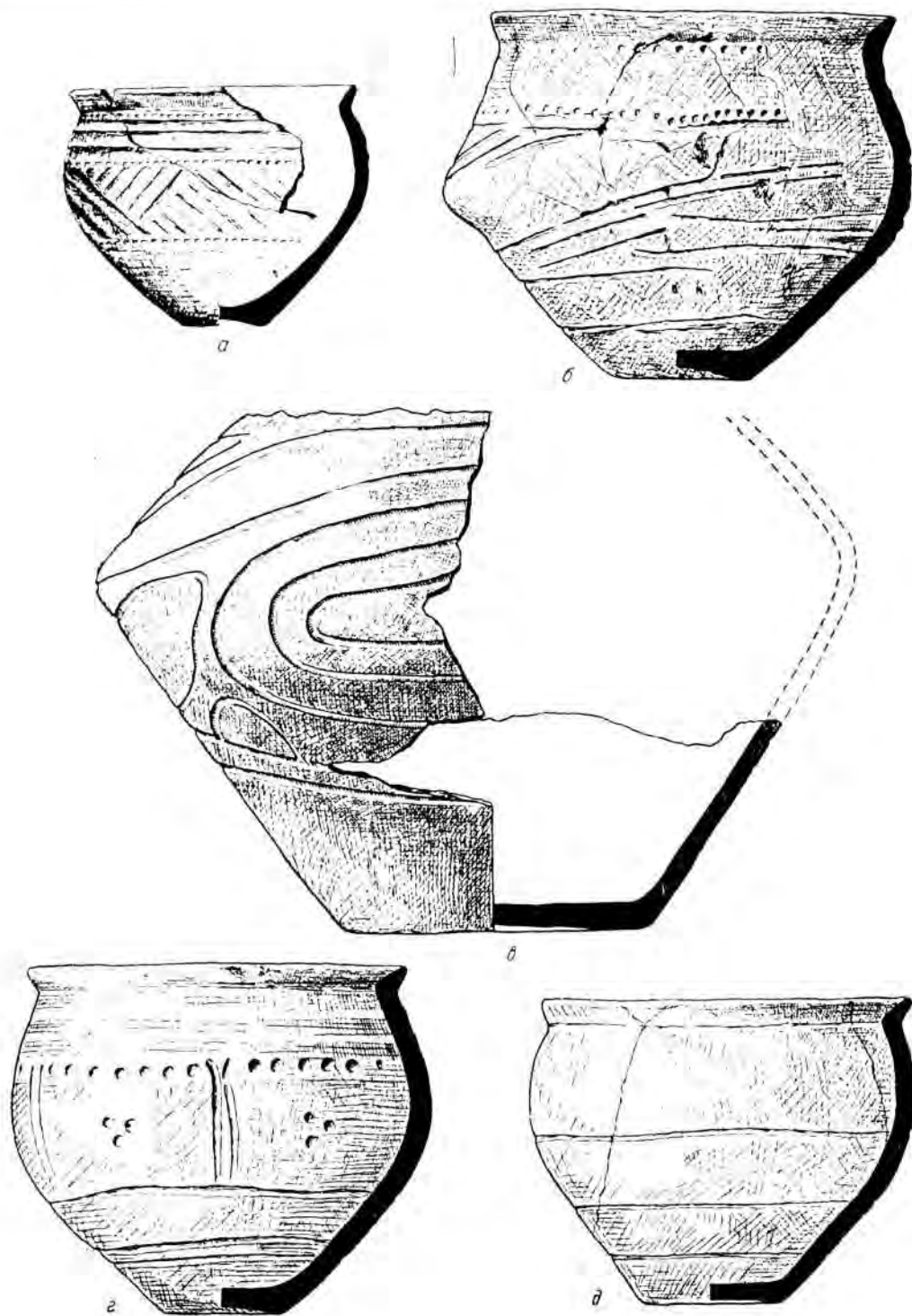

Табл. 39. Горшки (а, б, г, д) и реберчатый грушевидный сосуд (е). ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

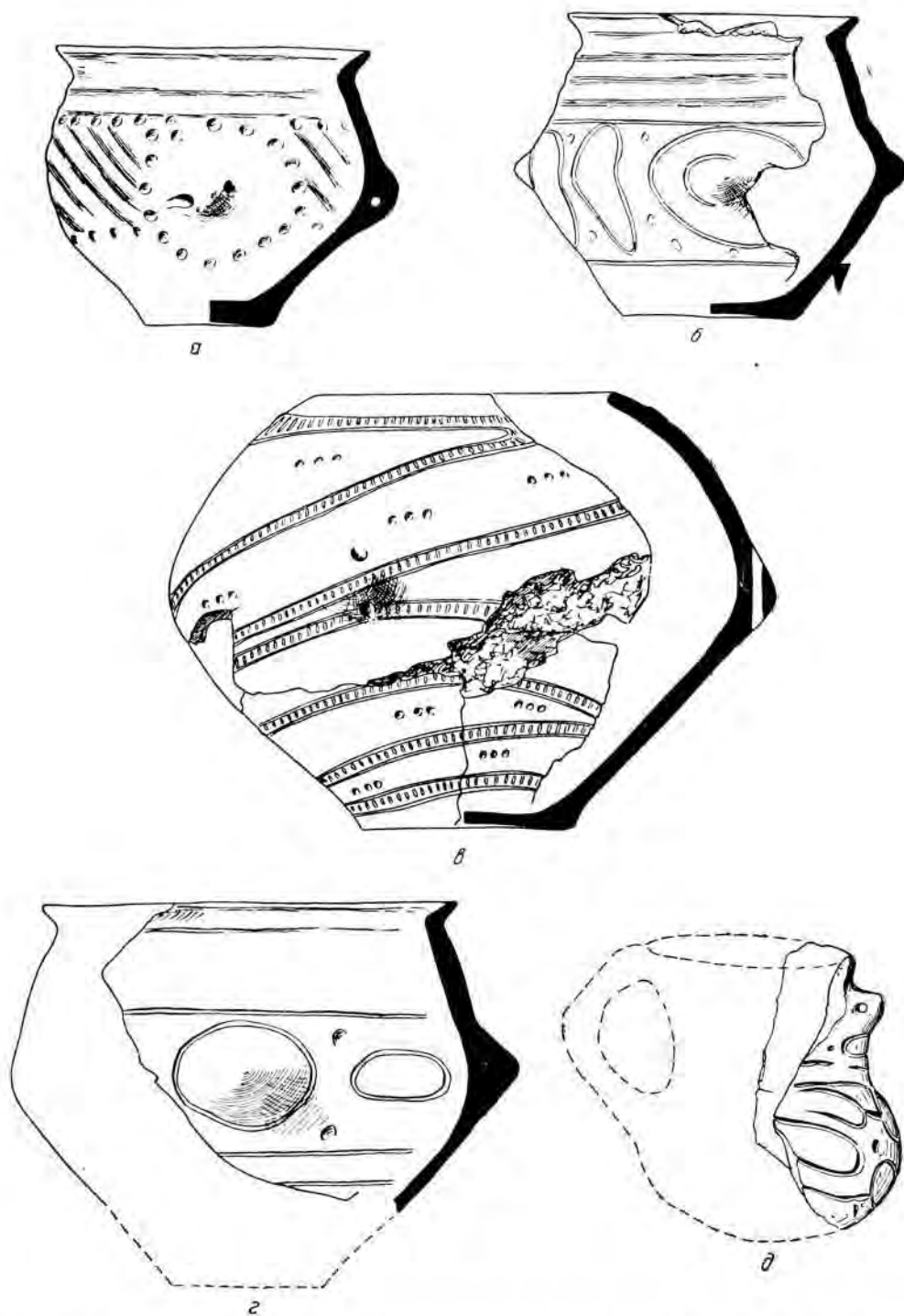

Табл. 40. Горшки (а, б, в), грушевидный сосуд (г) и сосуд типа аска (д). ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

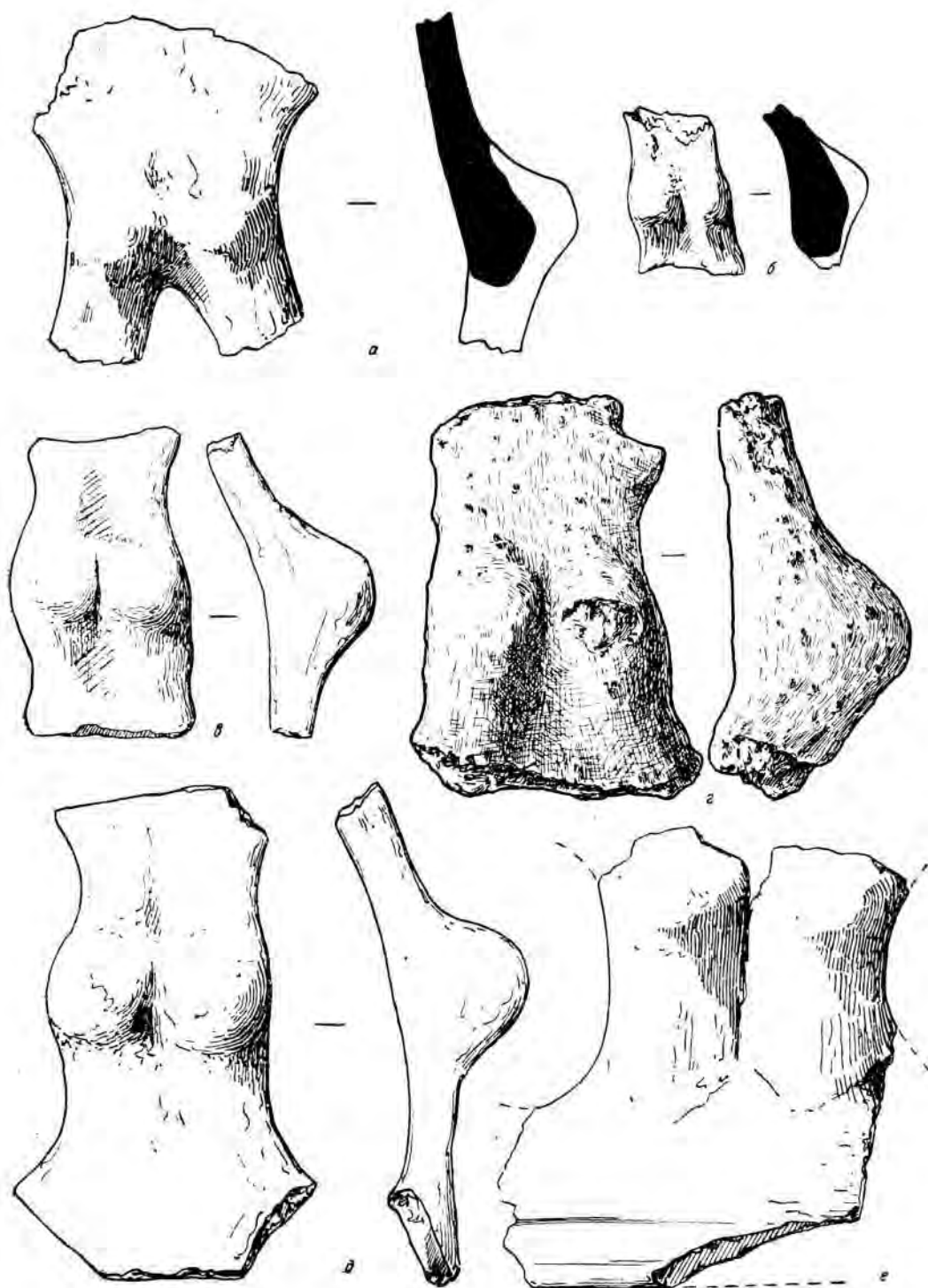

Табл. 41. Фрагменты антропоморфных подставок от сосудов. ($\frac{1}{4}$ нат. вел.).

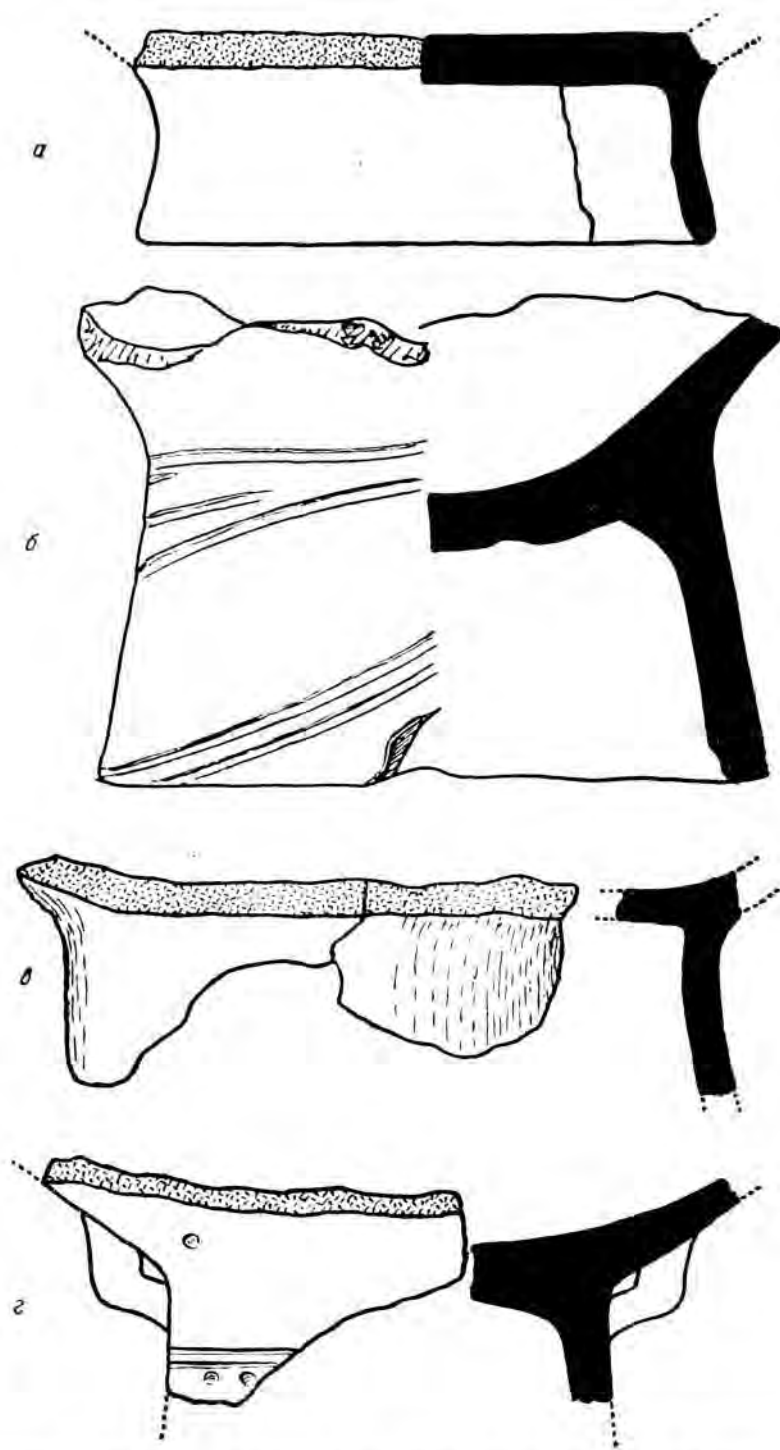

Табл. 42. Полые кольцевые подставки от сосудов. ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

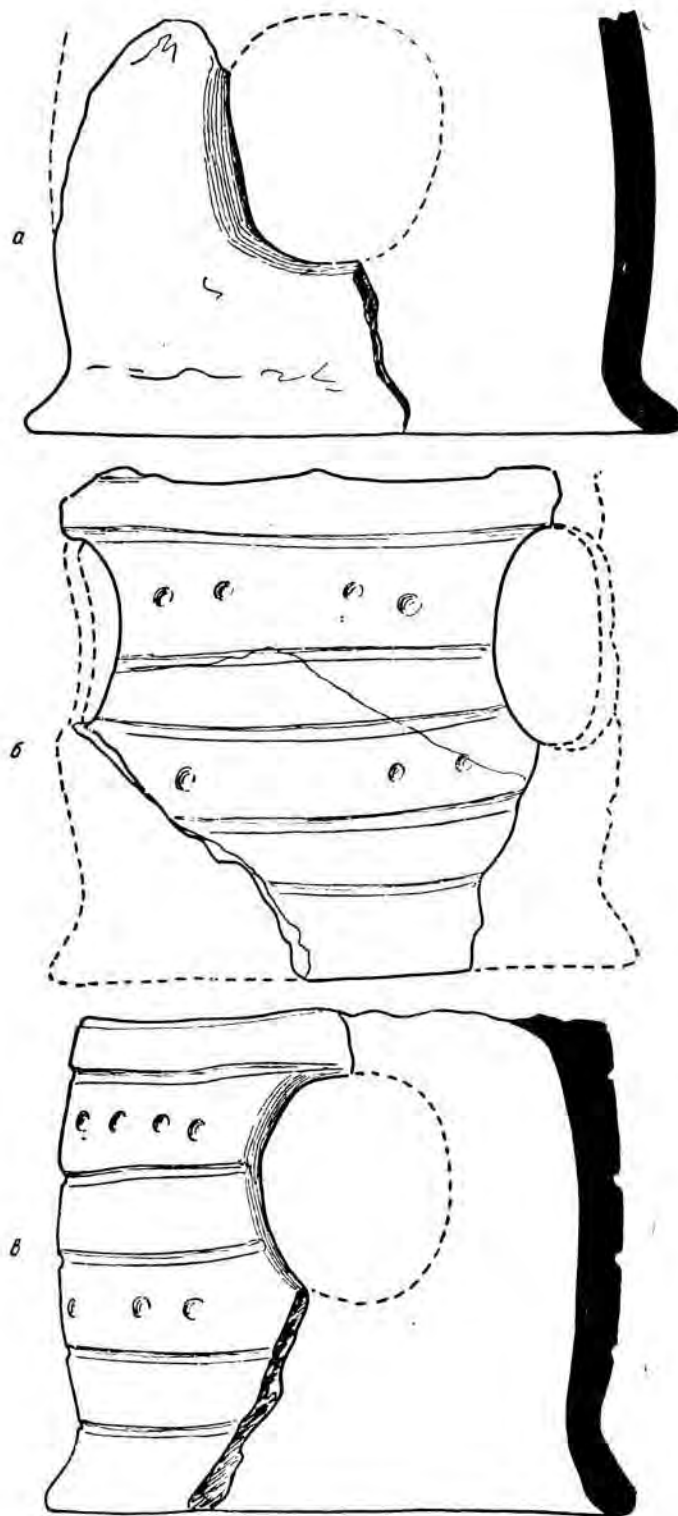

Табл. 43. Полые кольцевые подставки с боковыми отверстиями. ($\frac{4}{5}$ нат. вел.).

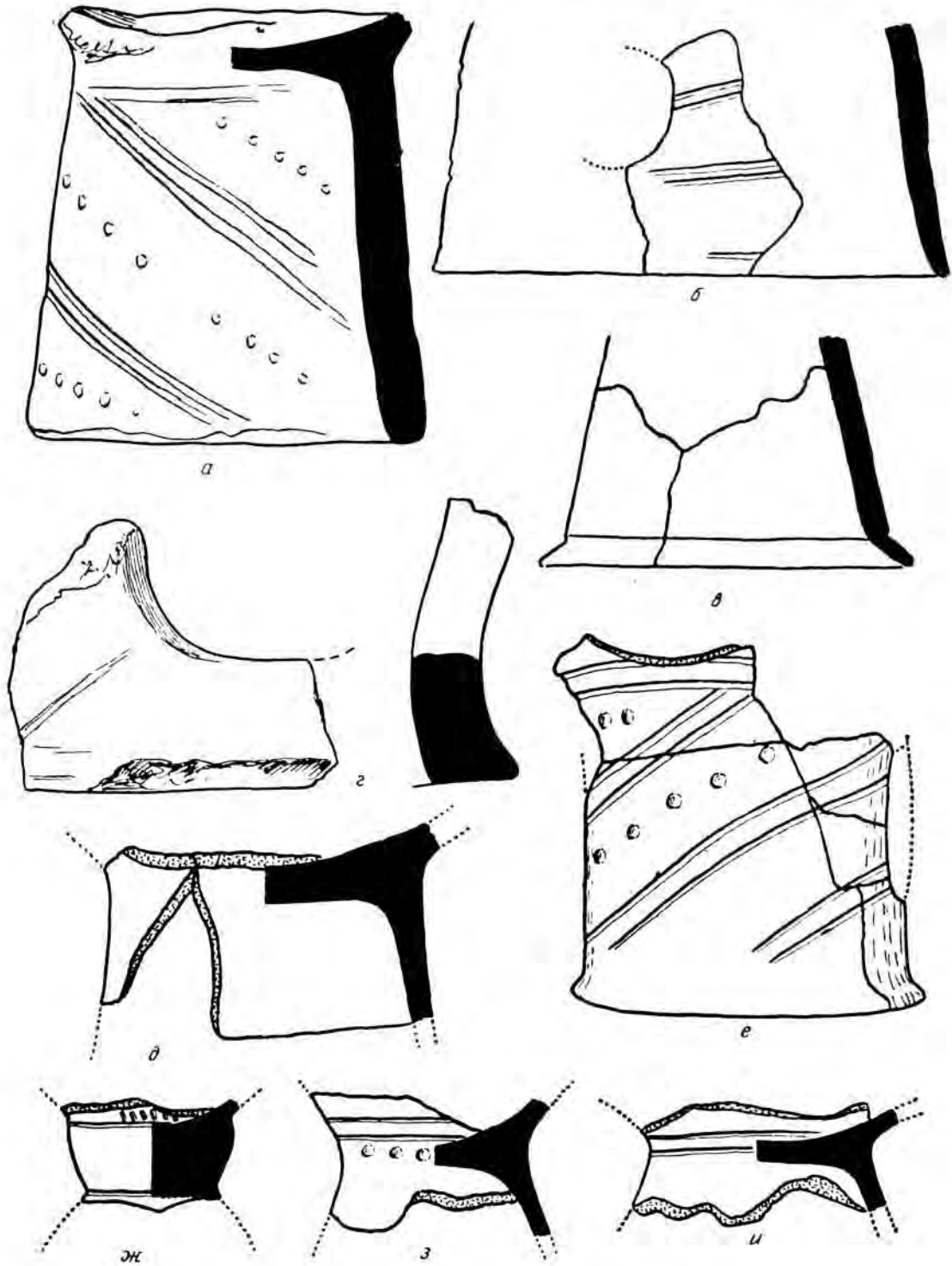

Табл. 44. Полые кольцевые подставки от сосудов. ($\frac{2}{3}$ нат. вел.).

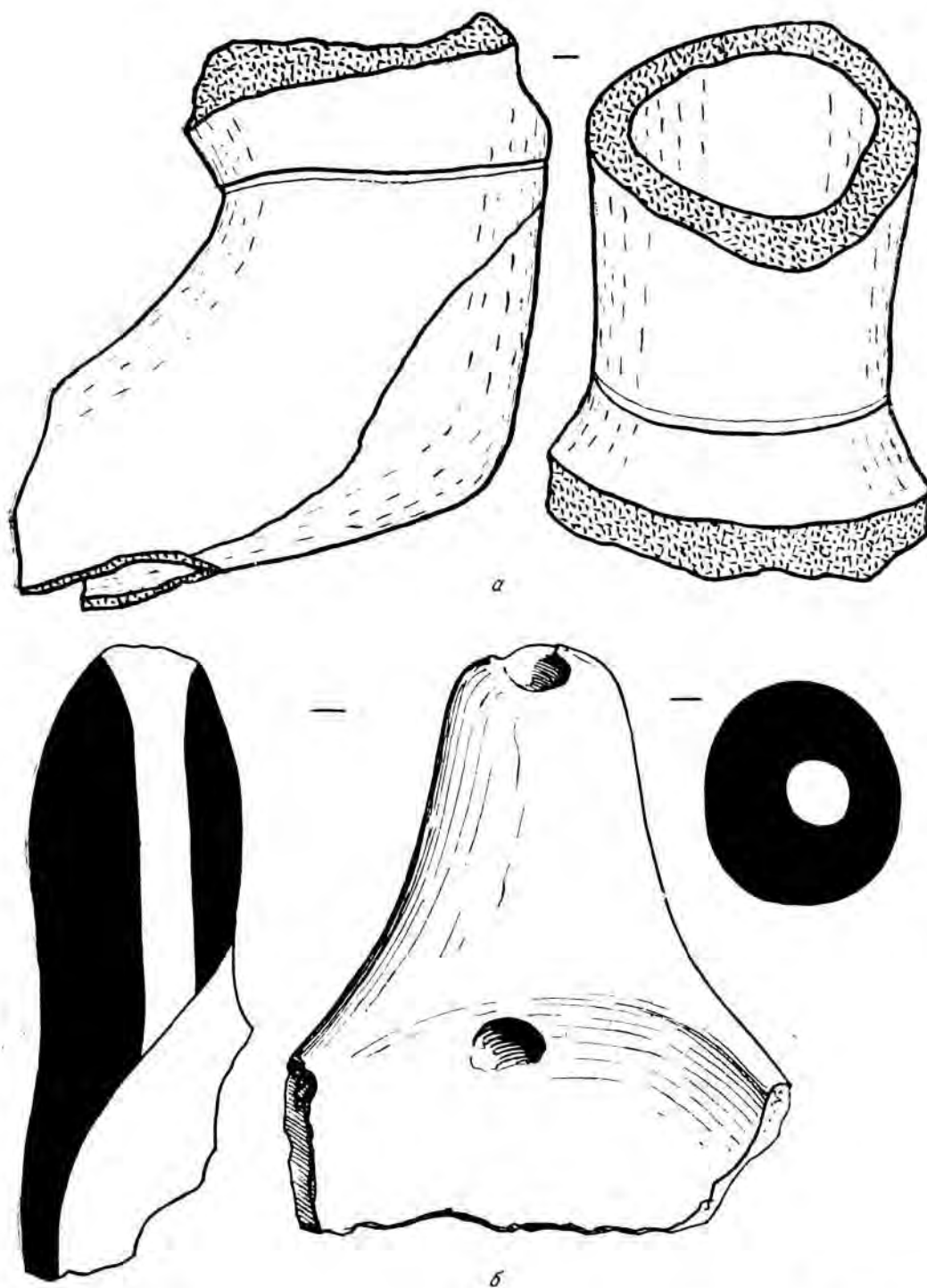

Табл. 45. Обломок зооморфного сосуда (а) и фрагмент светильника (б). (Нат. вел.).

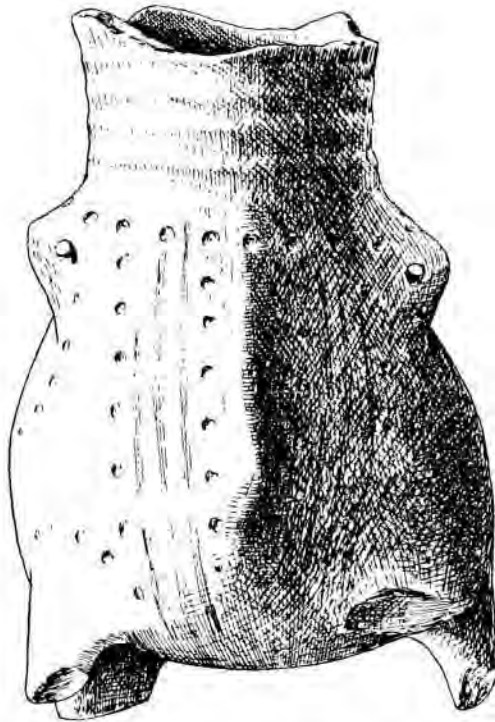
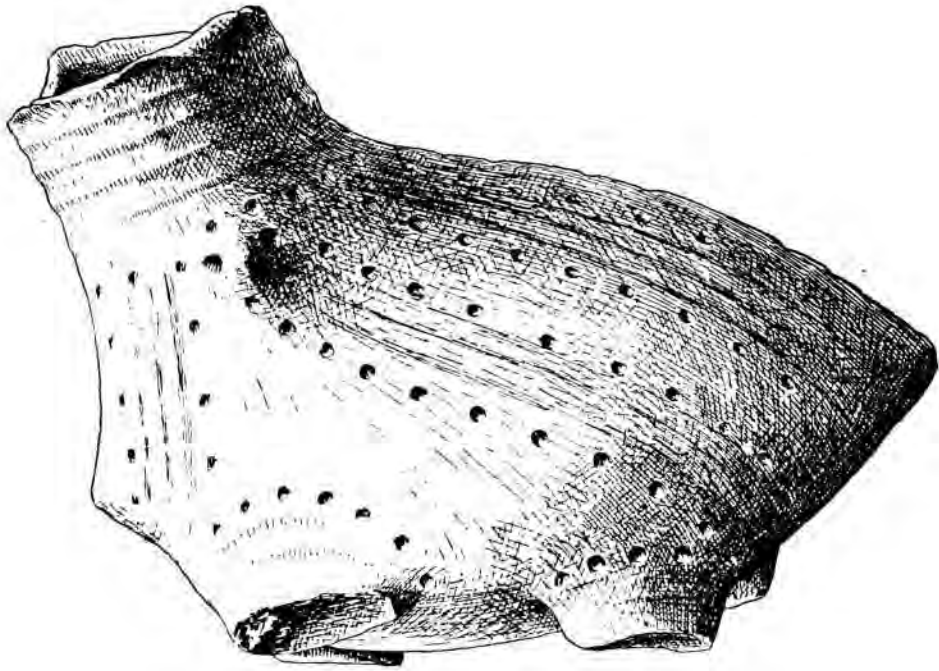

Табл. 46. Птицеподобный сосуд. ($\frac{4}{5}$ nat. вел.).

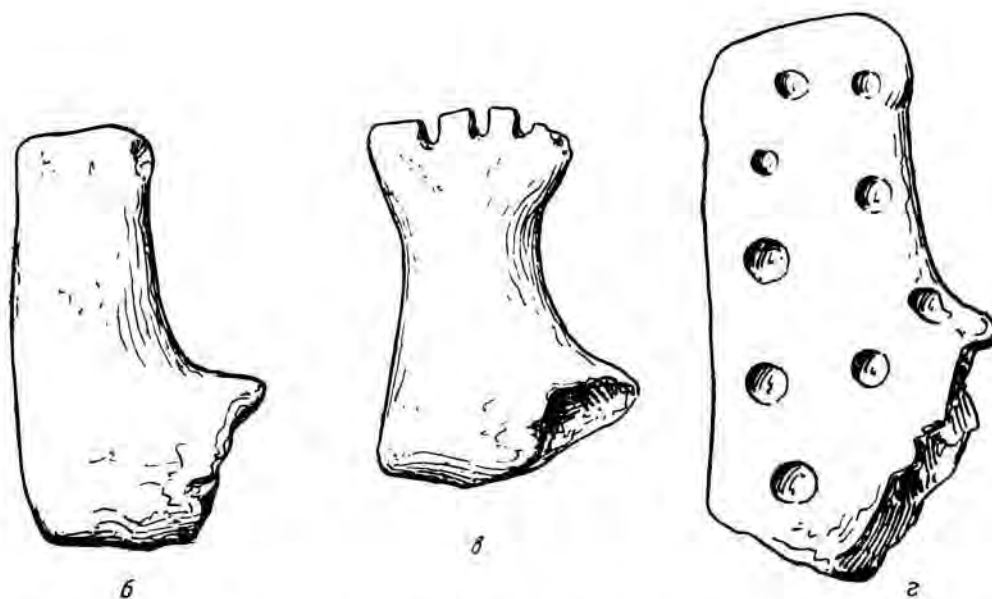
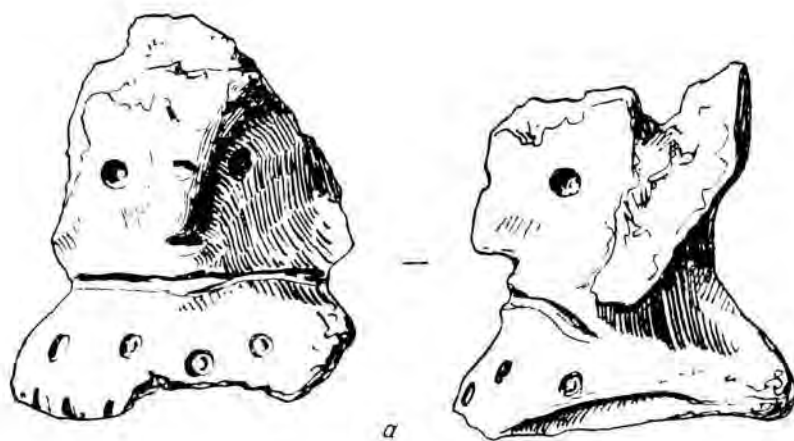

Табл. 47. Антропо- или зооморфная скульптурная ножка от сосуда (а) и фрагменты ручек от сосудов в виде рук человека (б—г). (Нат. вел.).

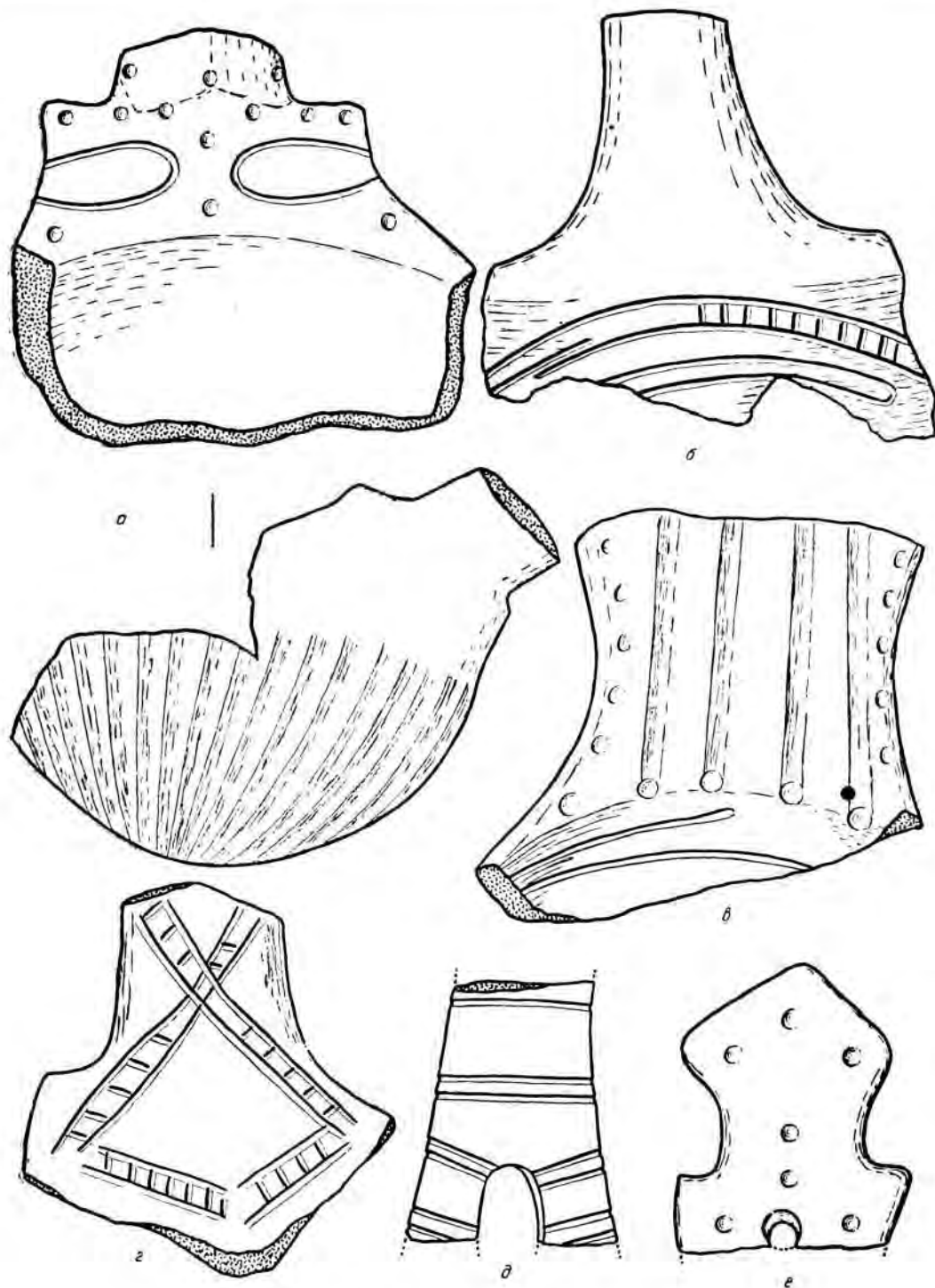

Табл. 48. Фрагменты ковшей. (¾ нат. вел.).

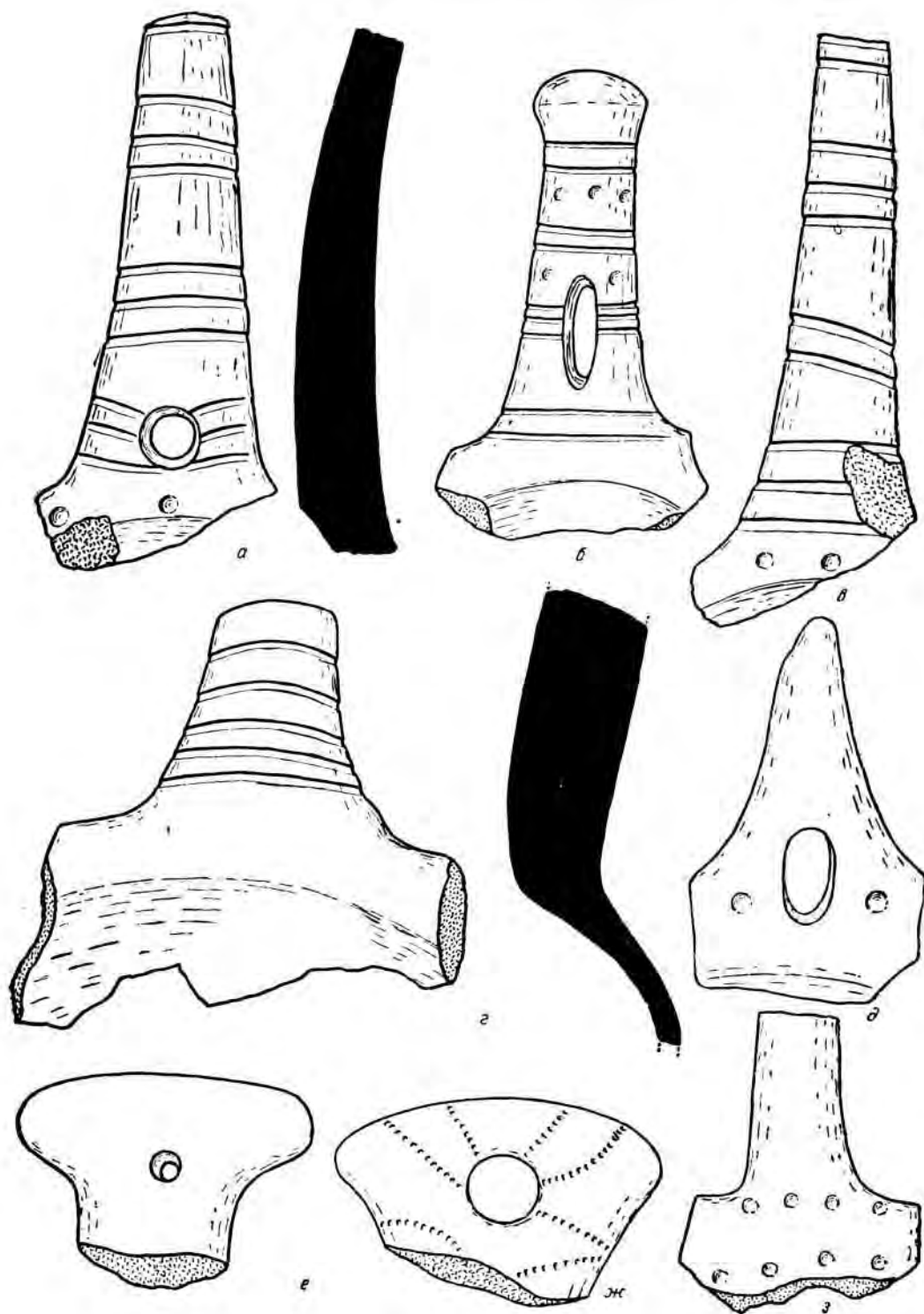

Табл. 49. Ручки от ковшей. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

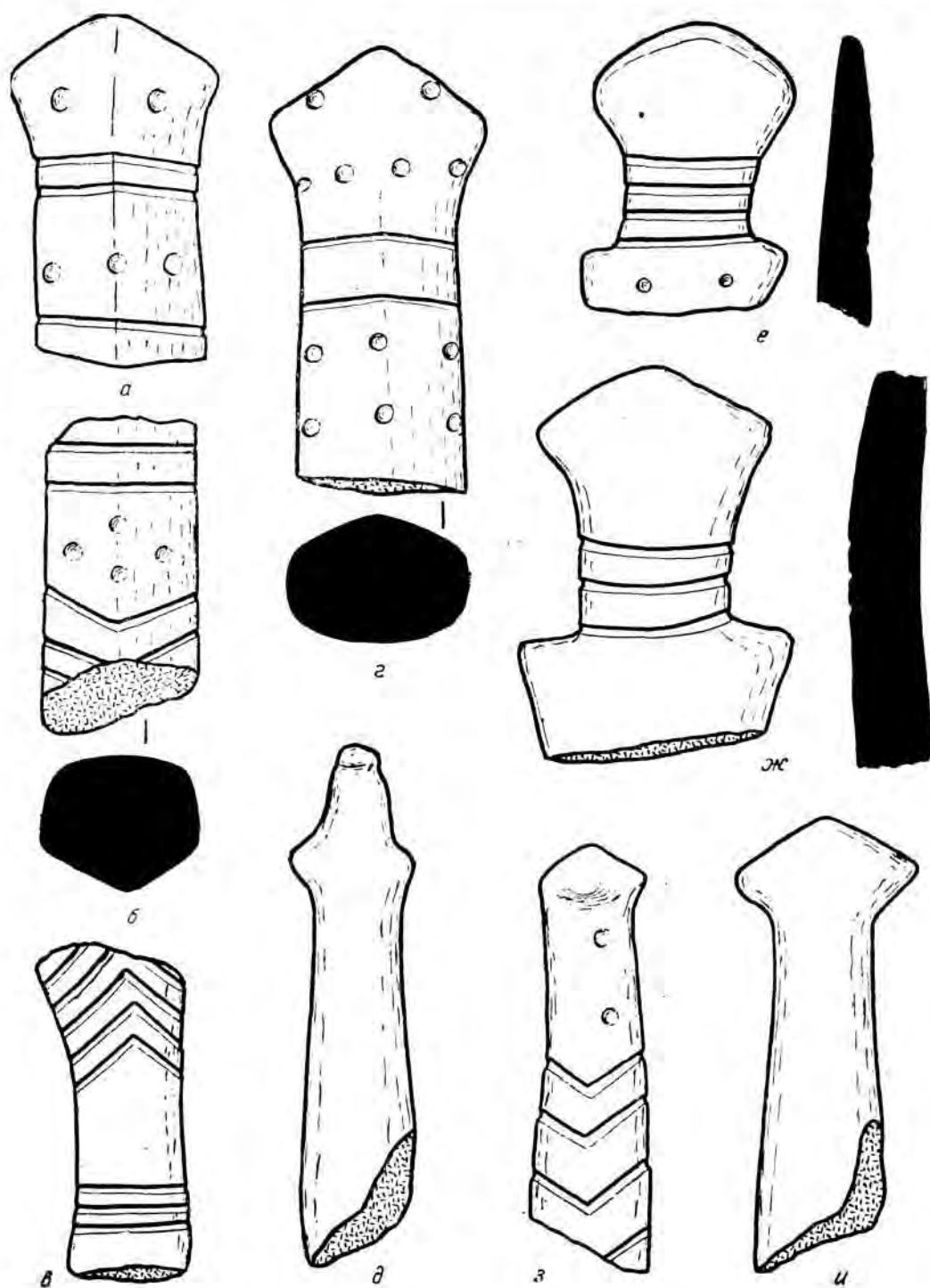

Табл. 50. Антропоморфные ручки от ковшей. (Наг. вел.).

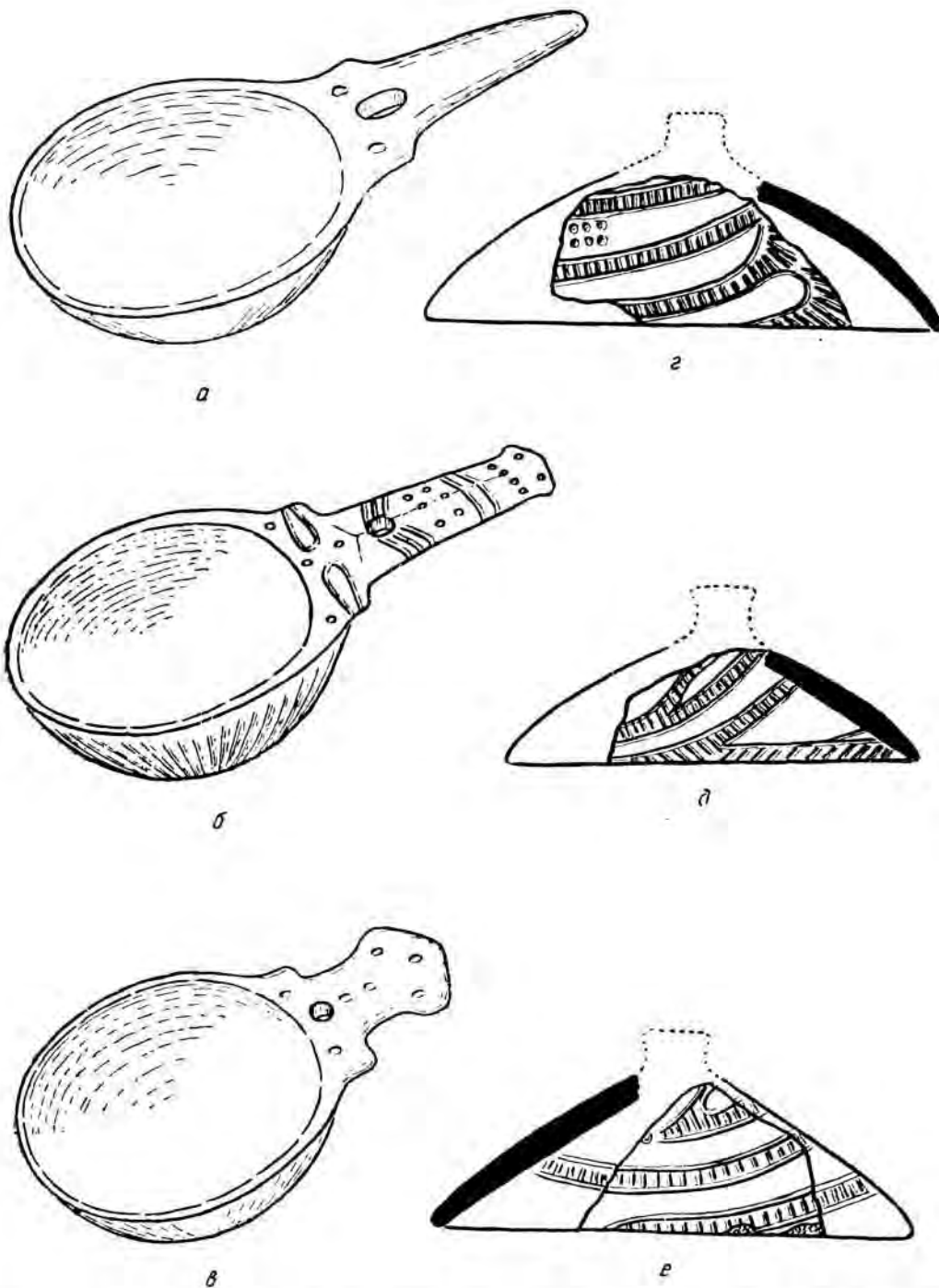

Табл. 51. Ковши (реконструкция) (а—в) и крышки от сосудов (z—e). ($\frac{1}{2}$ nat. вел.).

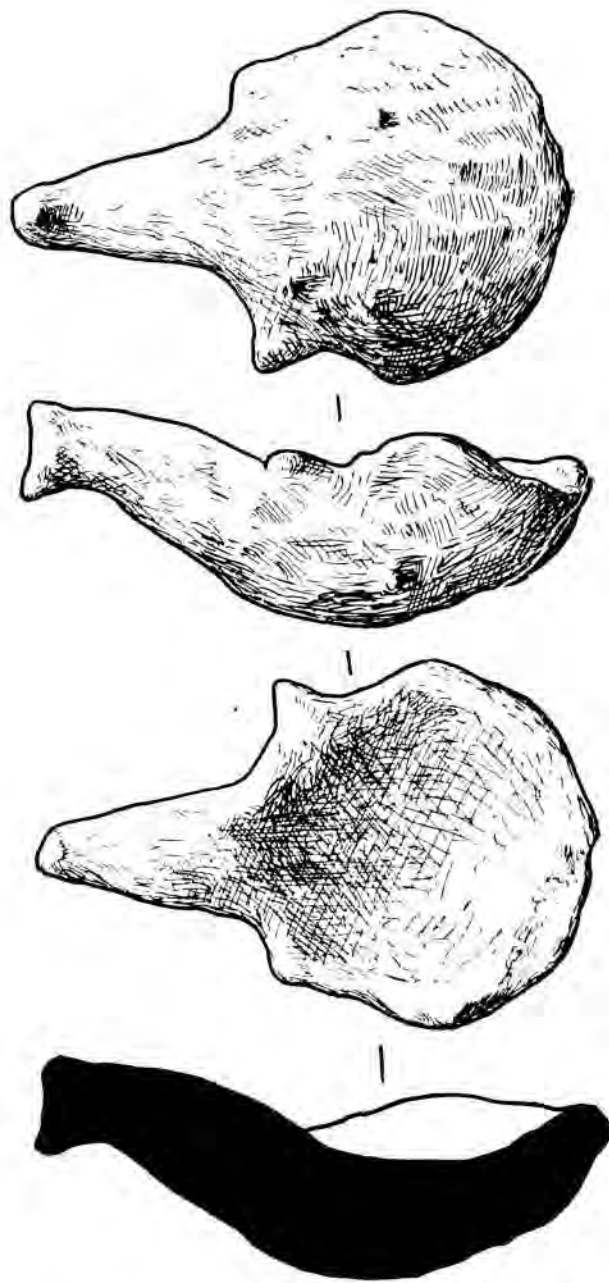

Табл. 52. Черпачок со скульптурной головкой птицы. (Нат. вел.).

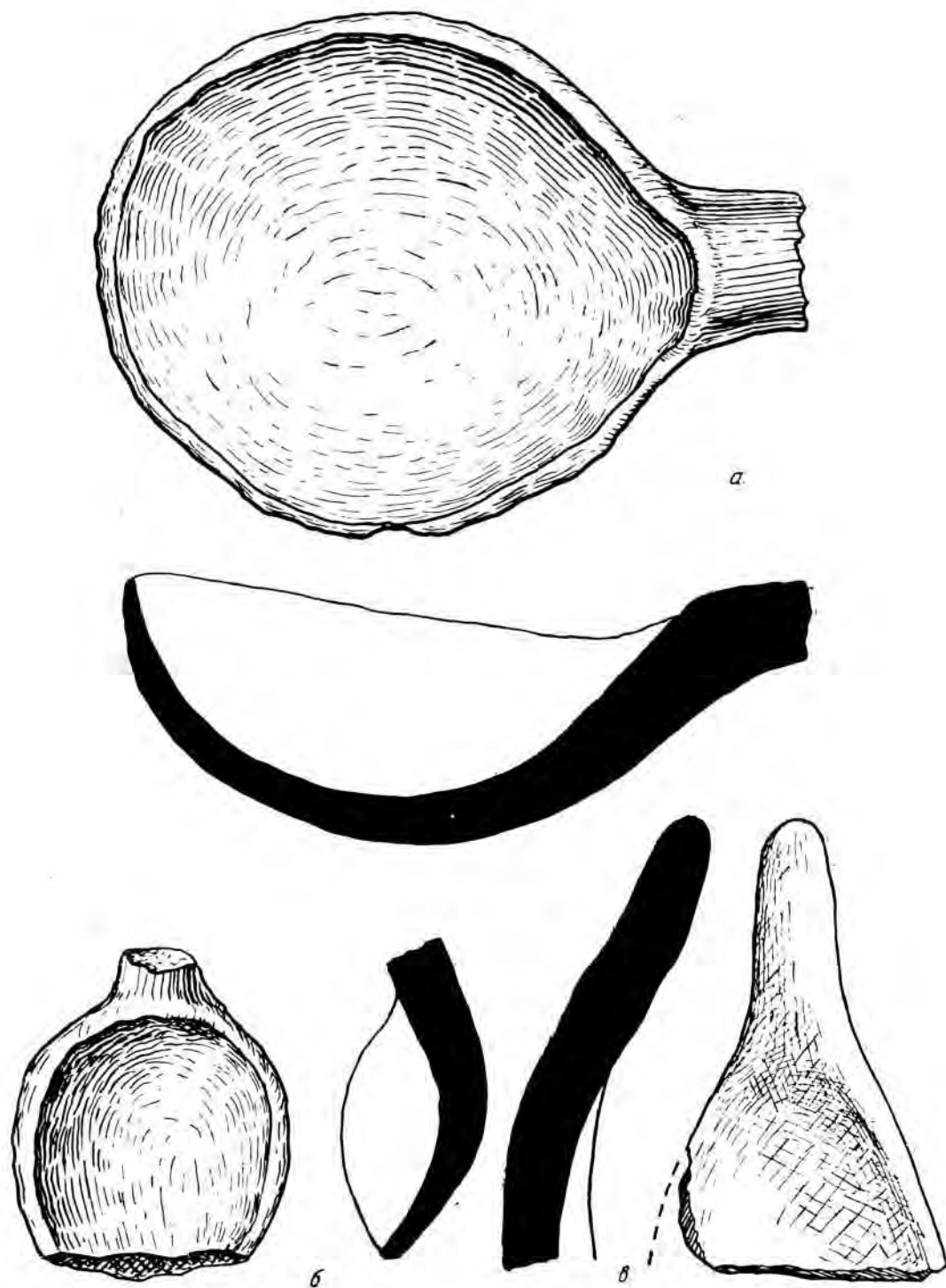

Табл. 53. Глиняные ложки. (Нат. вел.).

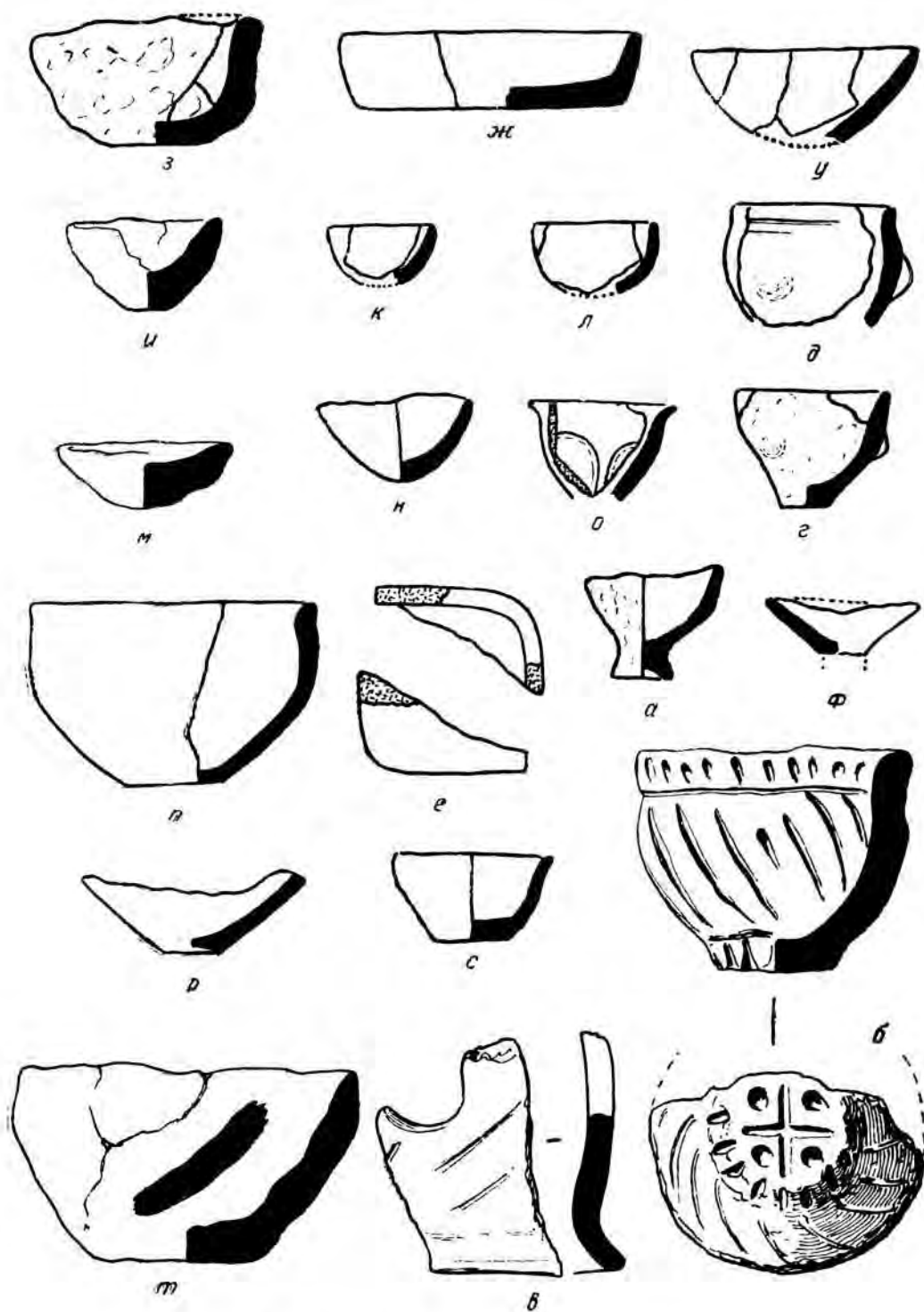

Табл. 54. Миниатюрные сосуды. (Несколько уменьшены).

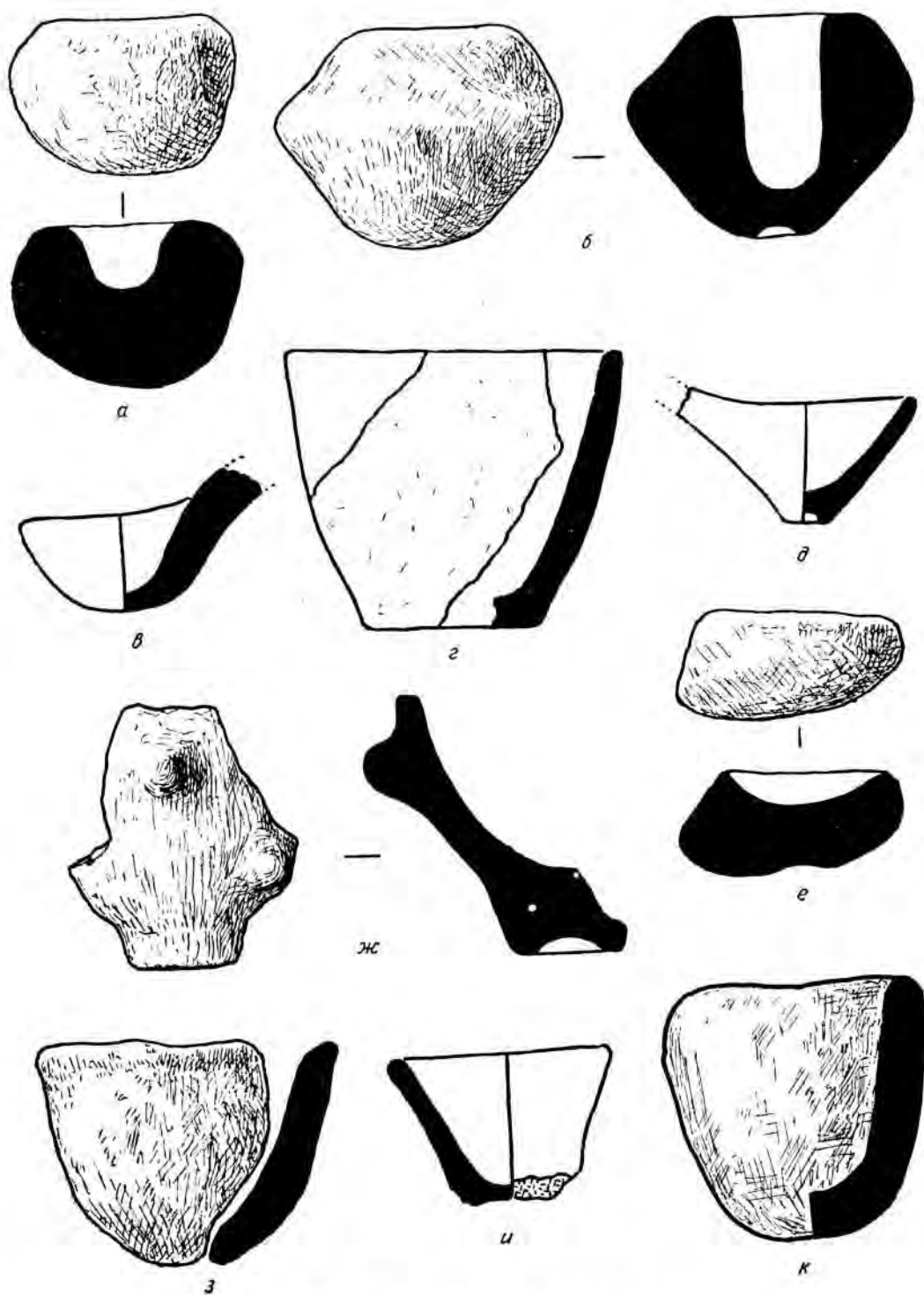

Табл. 55. Миниатюрные сосуды. (Нат. вел.).

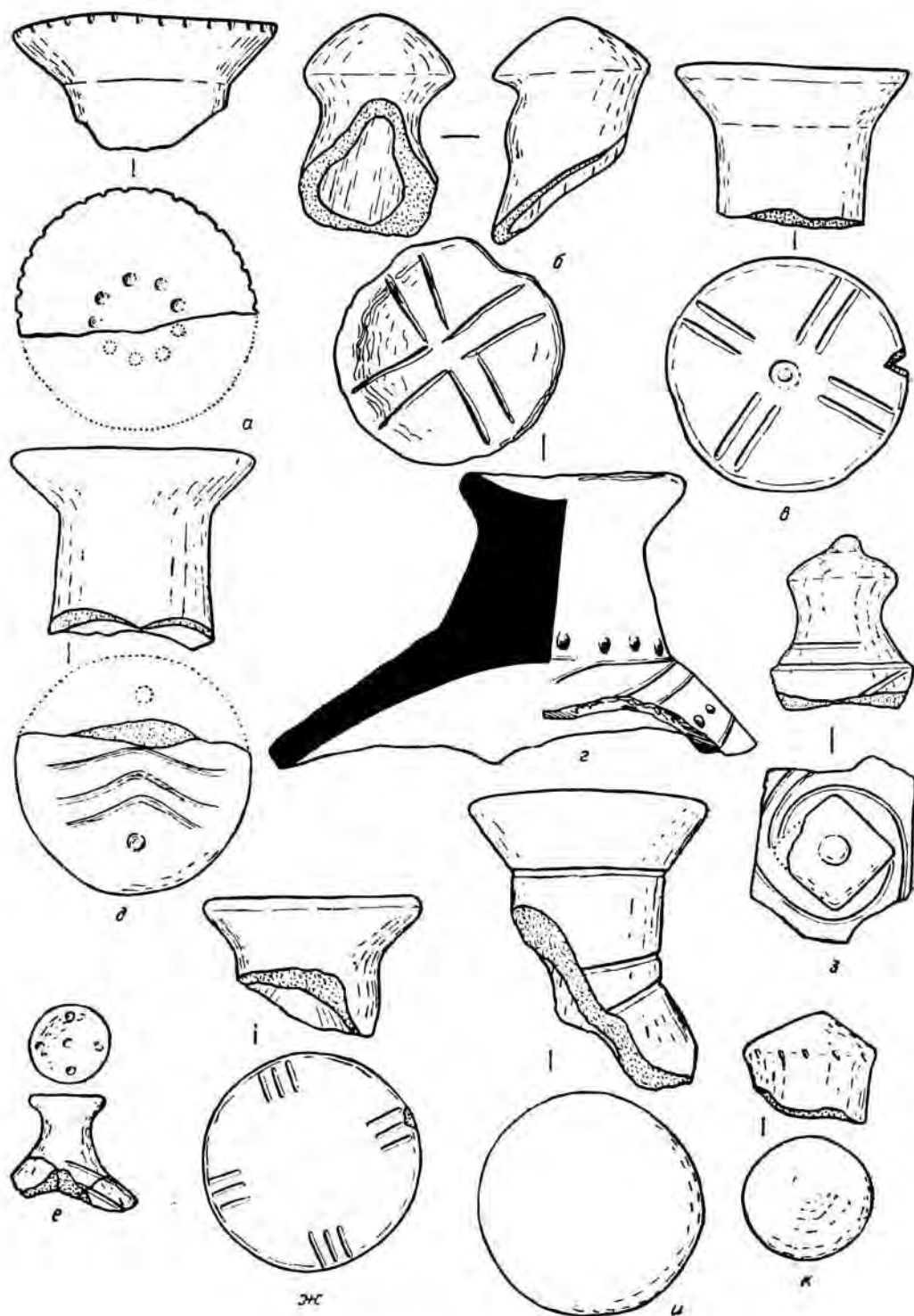

Табл. 56. Ручки от крышек. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

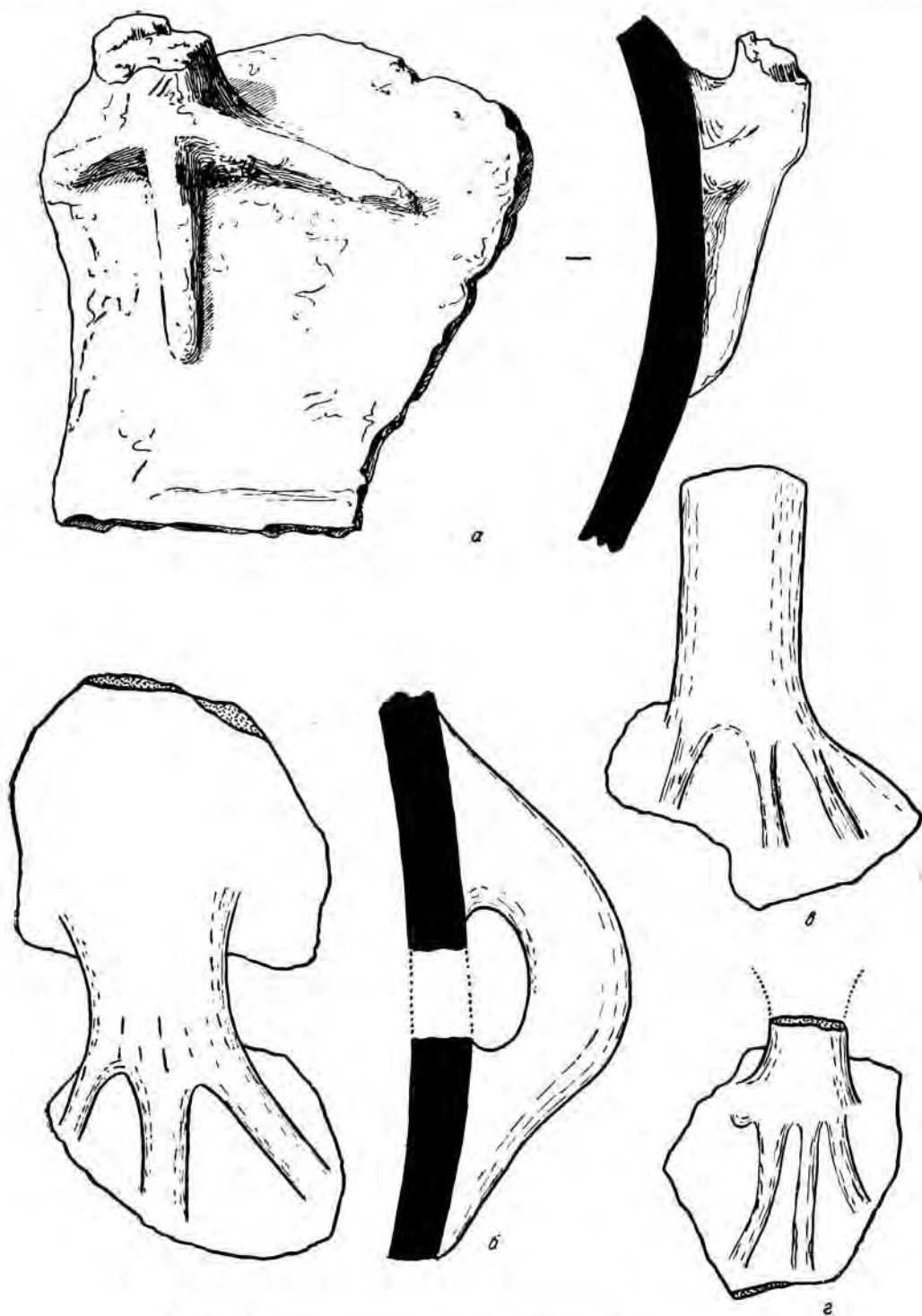

Табл. 57. «Лопчатые» ручки от сосудов. ($\frac{3}{4}$ nat. вел.).

Табл. 58. Ручки от сосудов. (Нат. вел.).

Табл. 59. Различные сосуды (а—ж) и фрагмент сосуда с рельефным изображением трехпалой кисти руки (з). ($\frac{3}{4}$ nat. вел.).

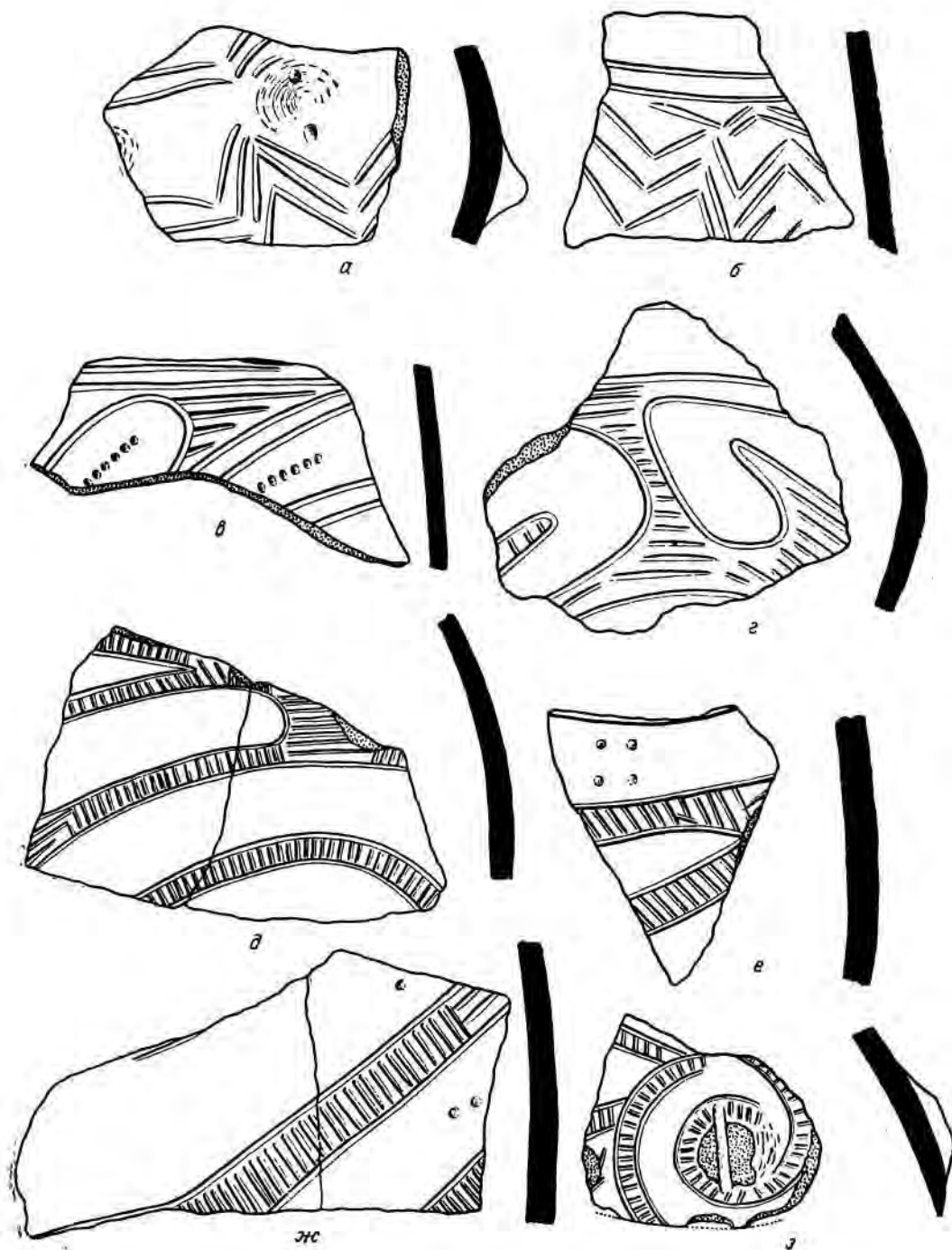

Табл. 60. Образцы орнаментации стенок сосудов. ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

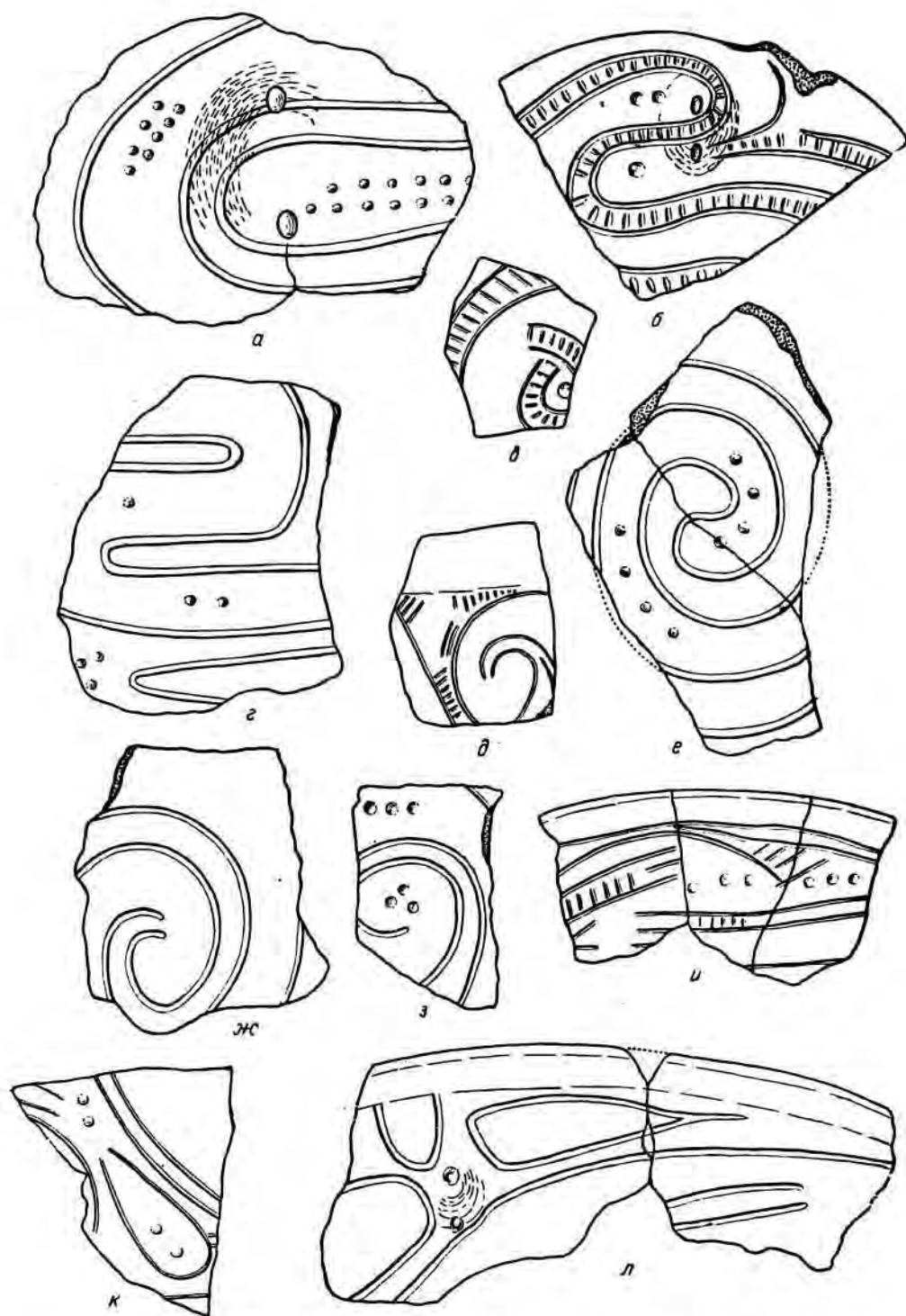

Табл. 61. Образцы орнамента стенок сосудов. ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

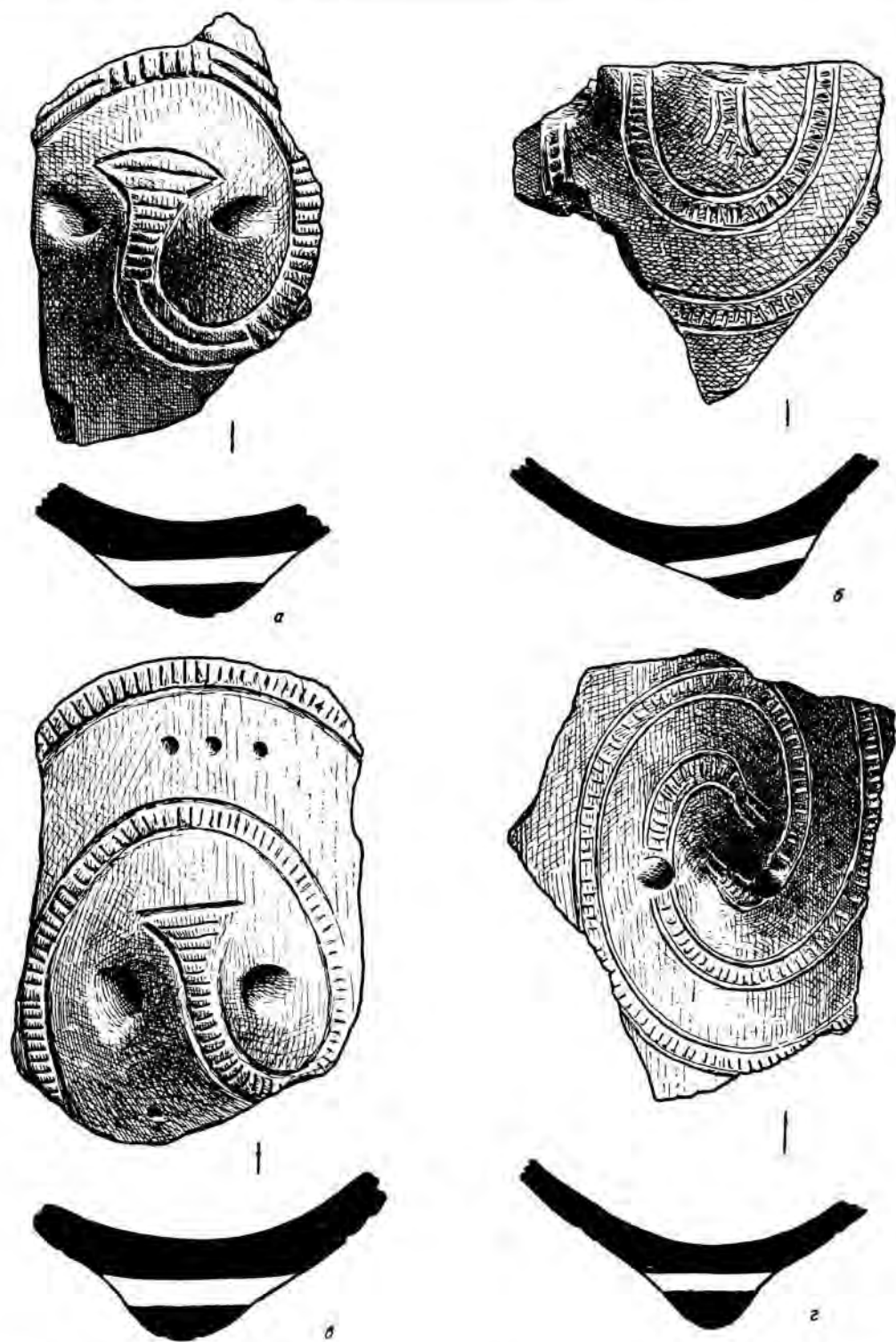

Табл. 62. Спиральная орнаментация с поперечной заштриховкой ленты. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

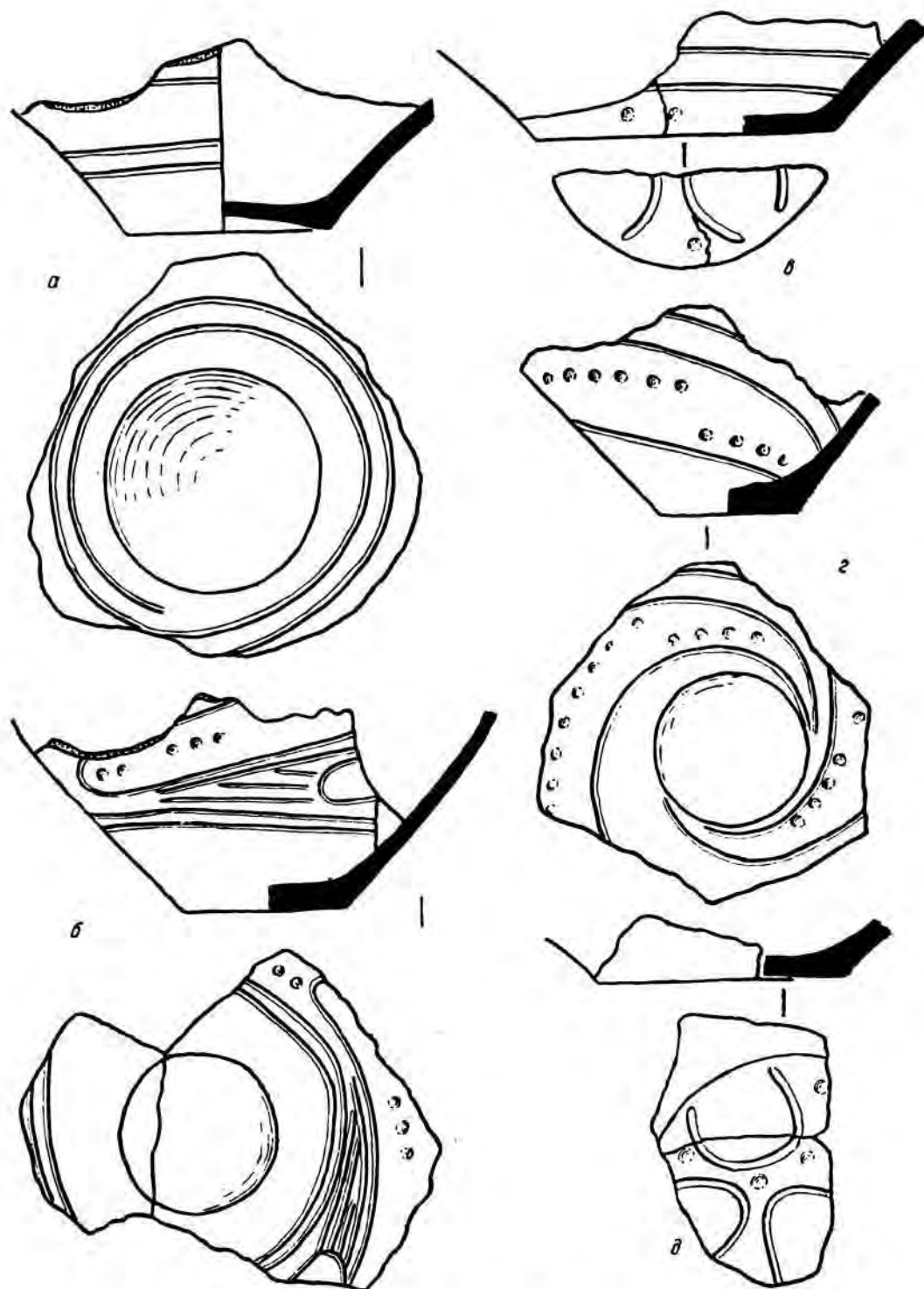

Табл. 63. Орнаментация донцев сосудов. ($\frac{2}{3}$ нат. вел.).

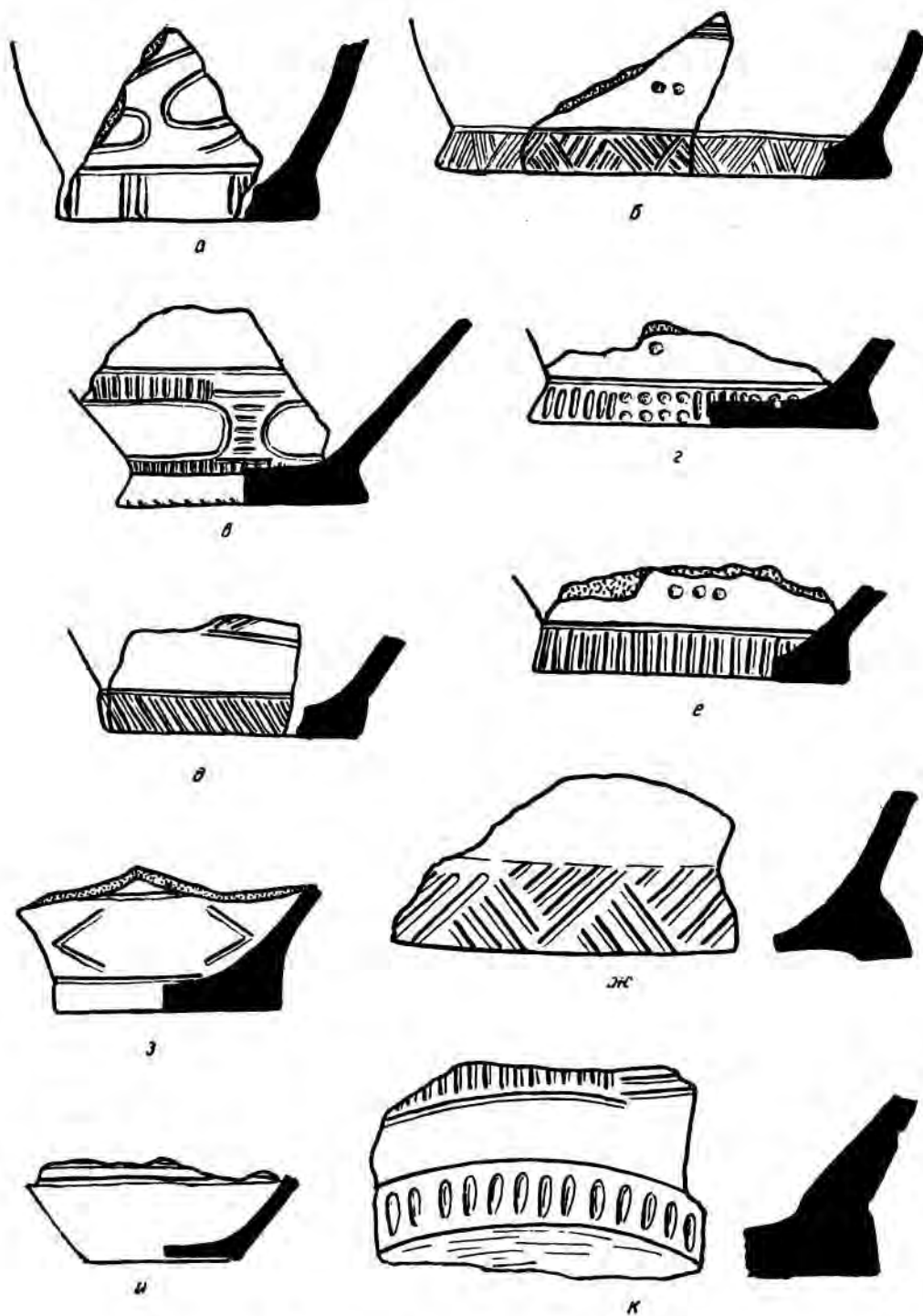

Табл. 64. Орнаментация донцев сосудов. ($\frac{2}{3}$ нат. вел.).

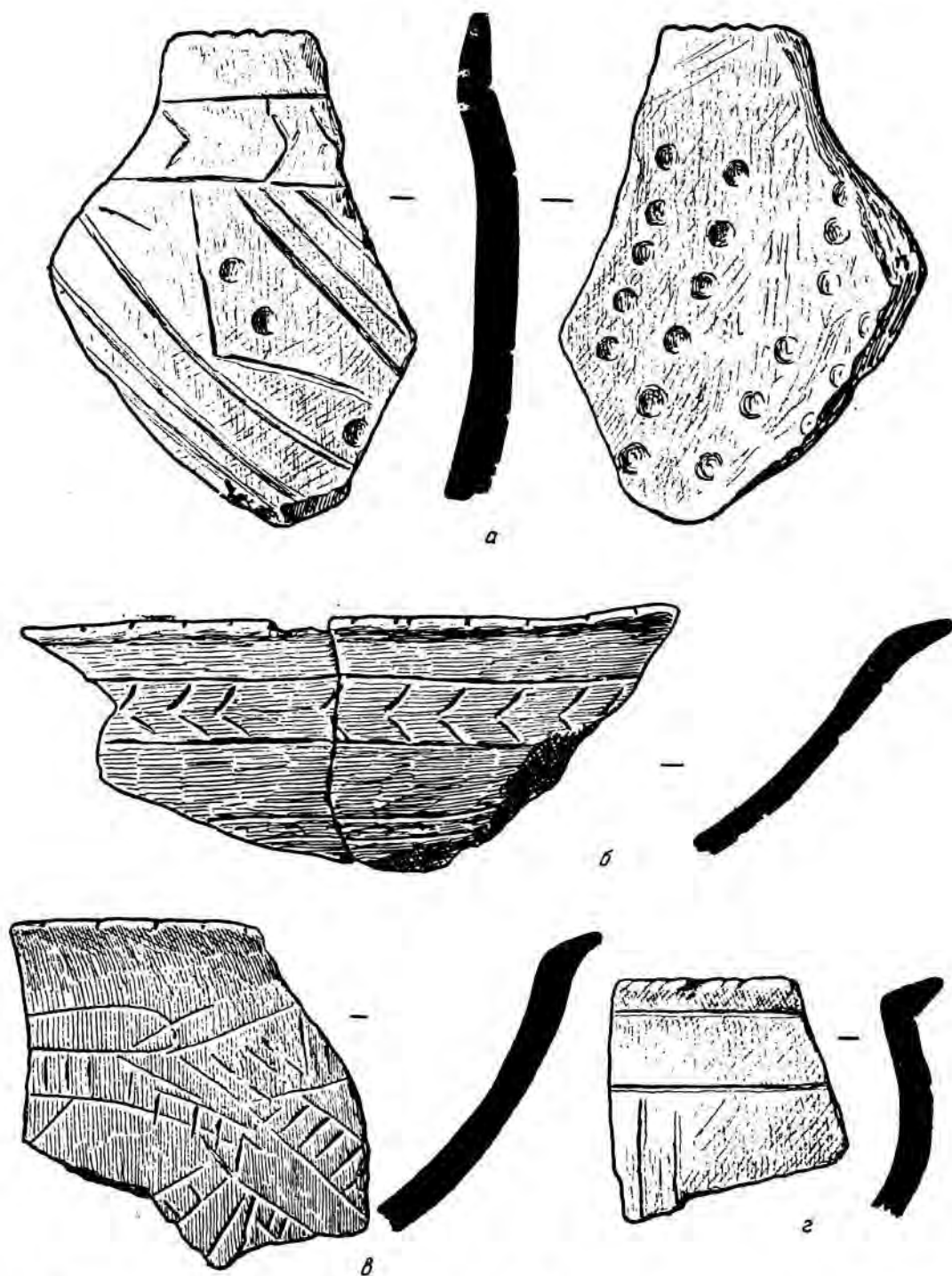

Табл. 65. Образцы орнаментации, не характерной для керамики Луки-Врублевещкой. (Нат. вел.).

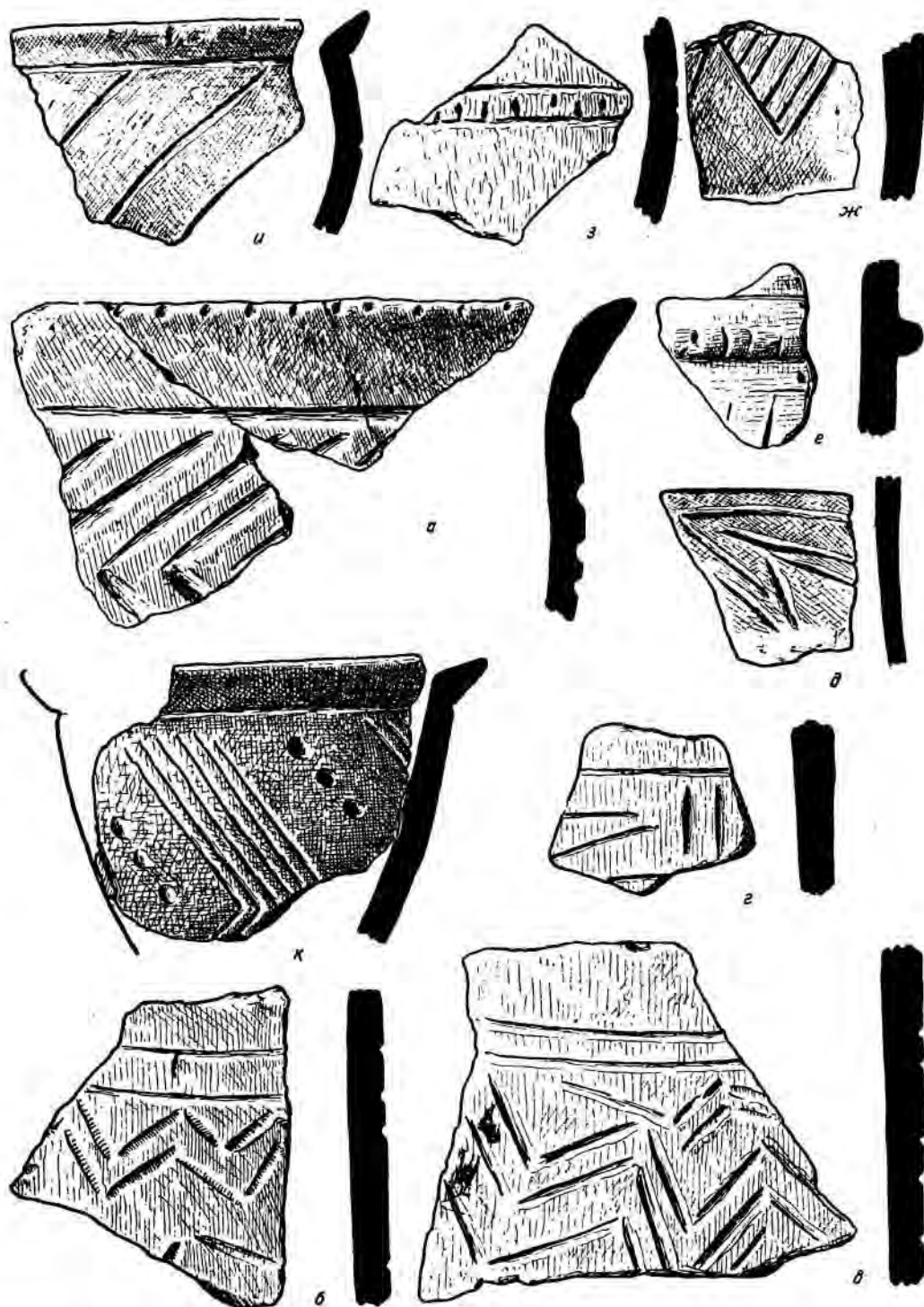

Табл. 66. Образцы орнамента, не характерной для керамики Луки-Врублевской.
($\frac{3}{4}$ nat. вел.).

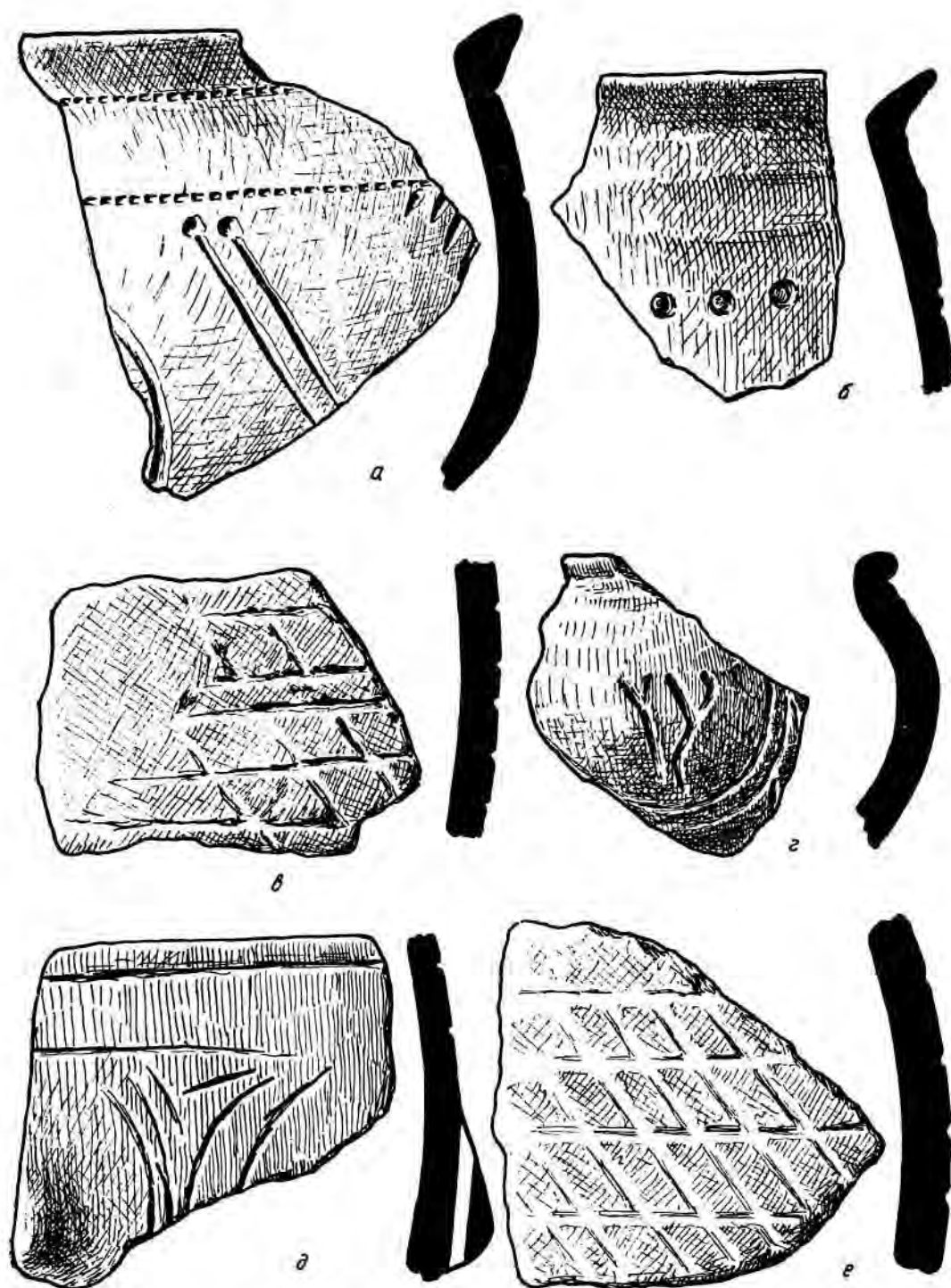

Табл. 67. Образцы орнамента, не характерной для керамики Луки-Врублевцевкой.
(Нат. вел.).

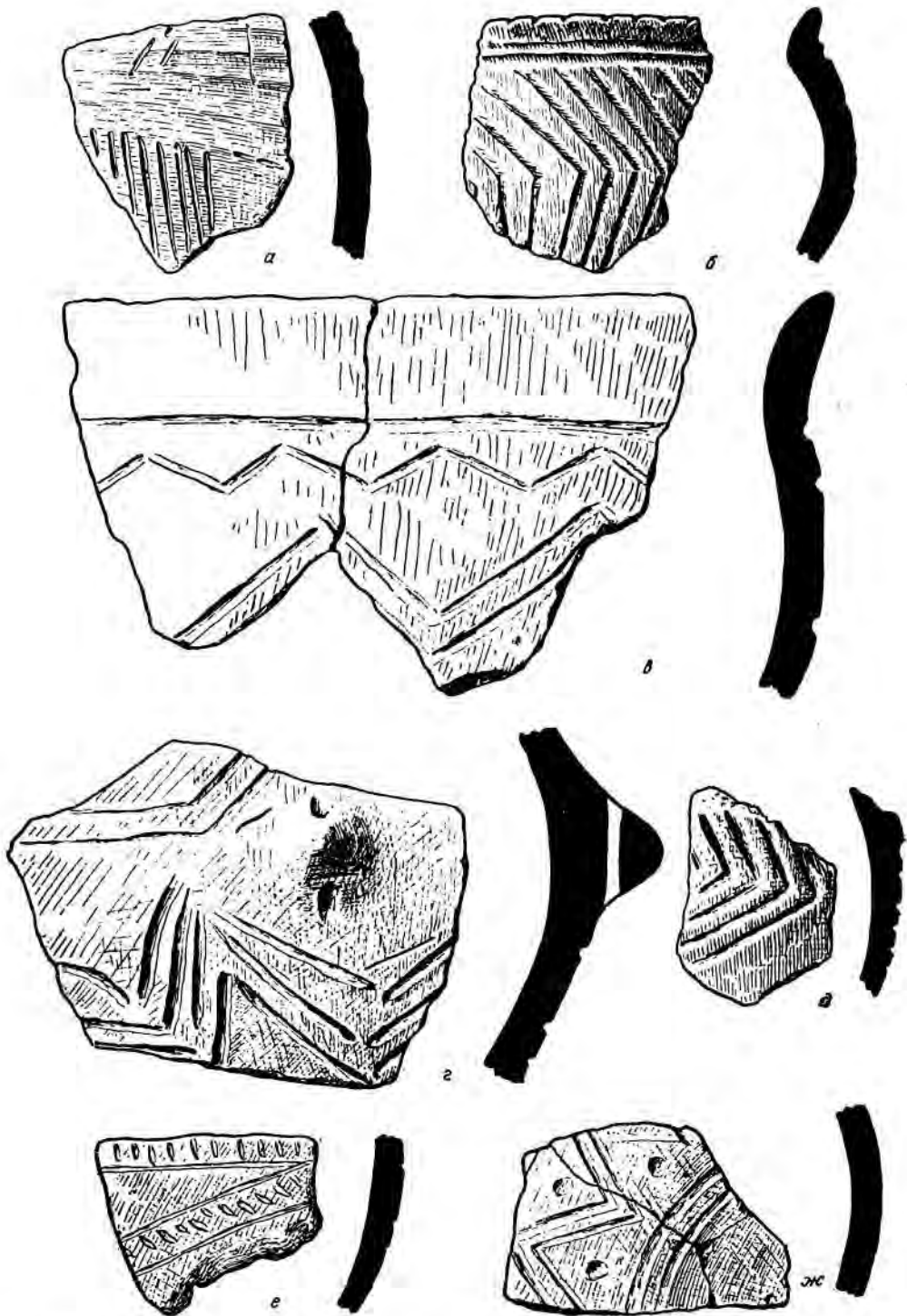

Табл. 68. Образцы орнамента, не характерной для керамики Луки-Врублевской.
($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

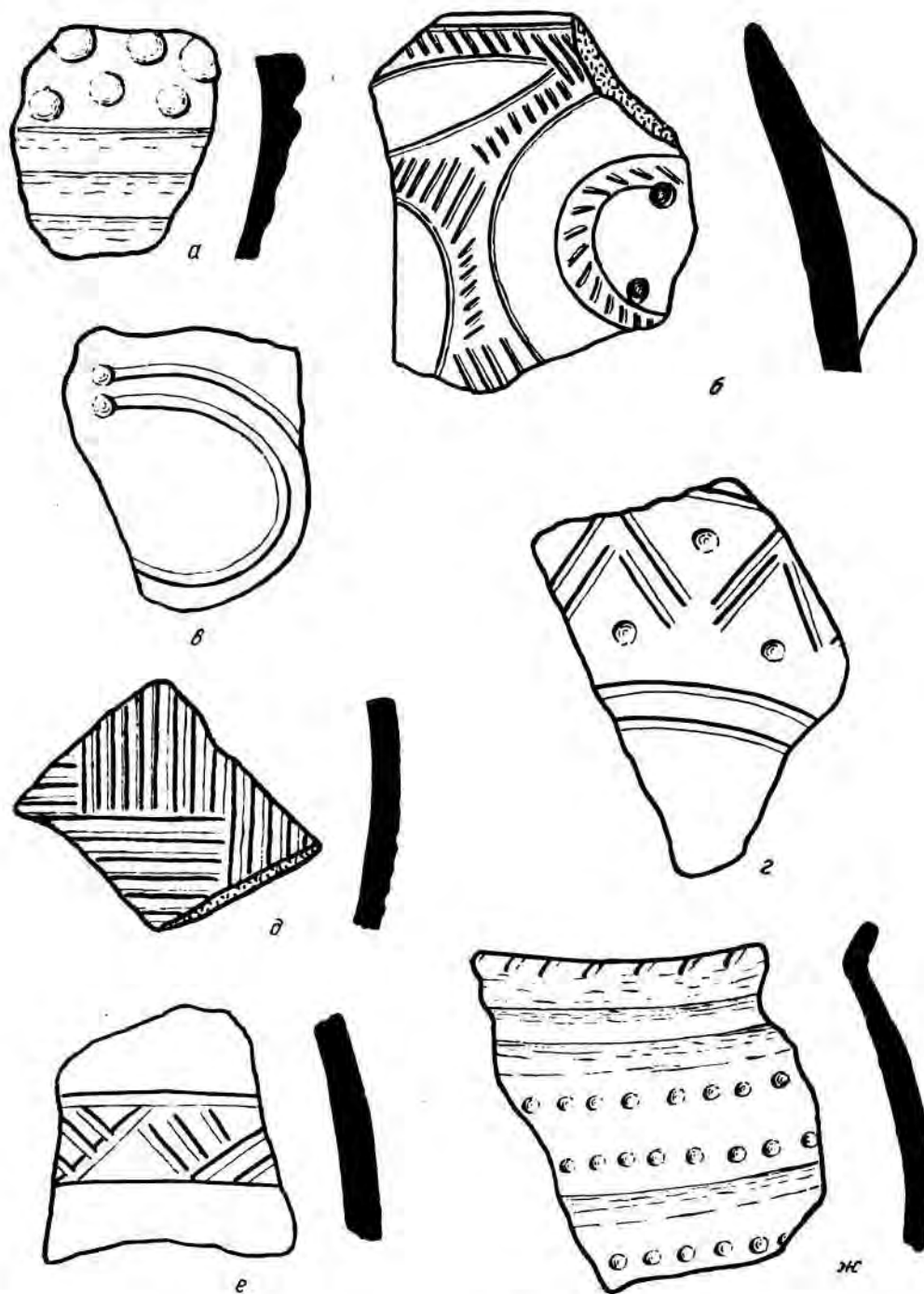

Табл. 69. Образцы орнамента, не характерной для керамики Луки-Врублевцевкой.
(Нат. вел.).

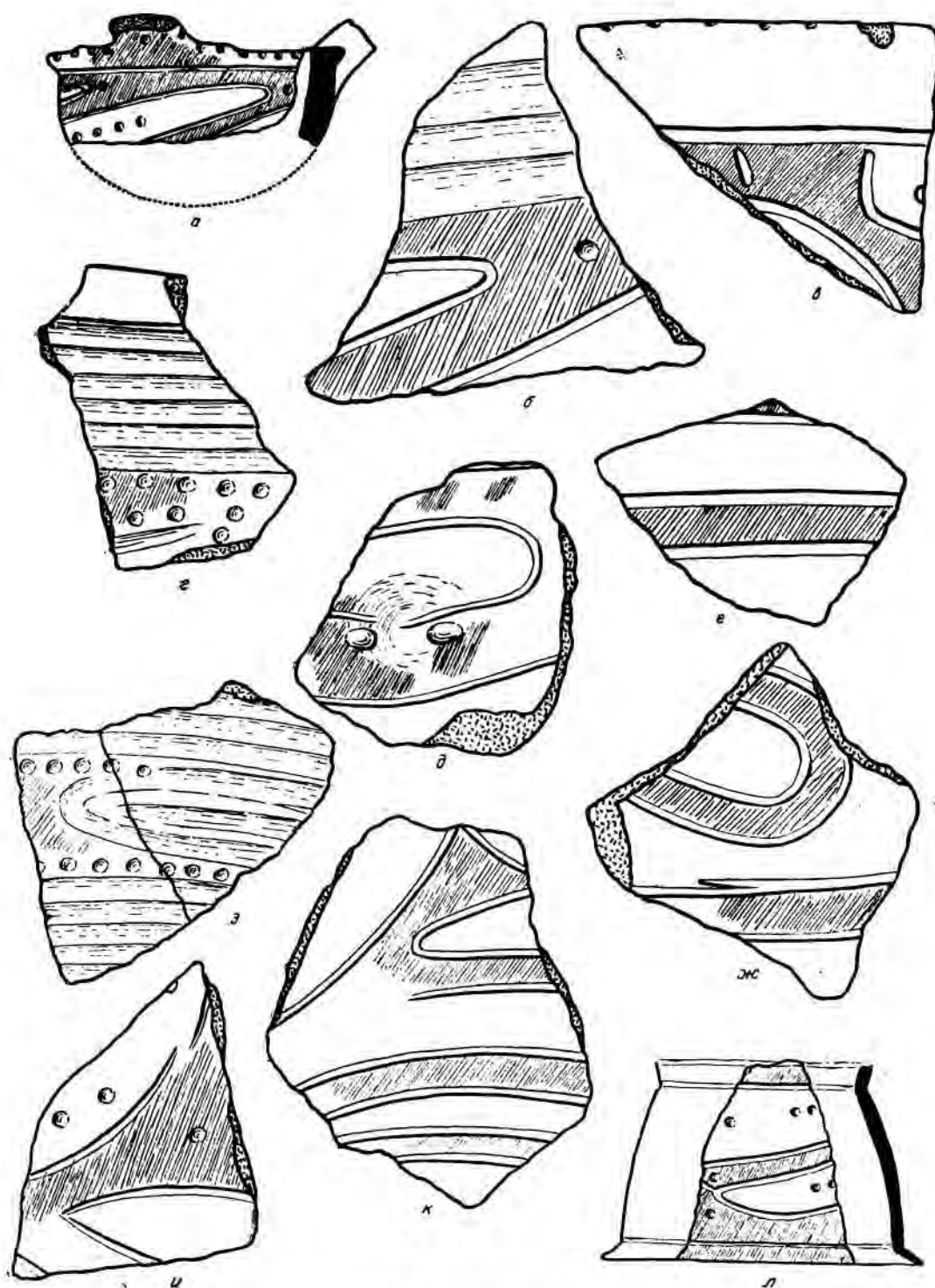

Табл. 70. Фрагменты окрашенной керамики (окрашенные участки заштрихованы).
($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

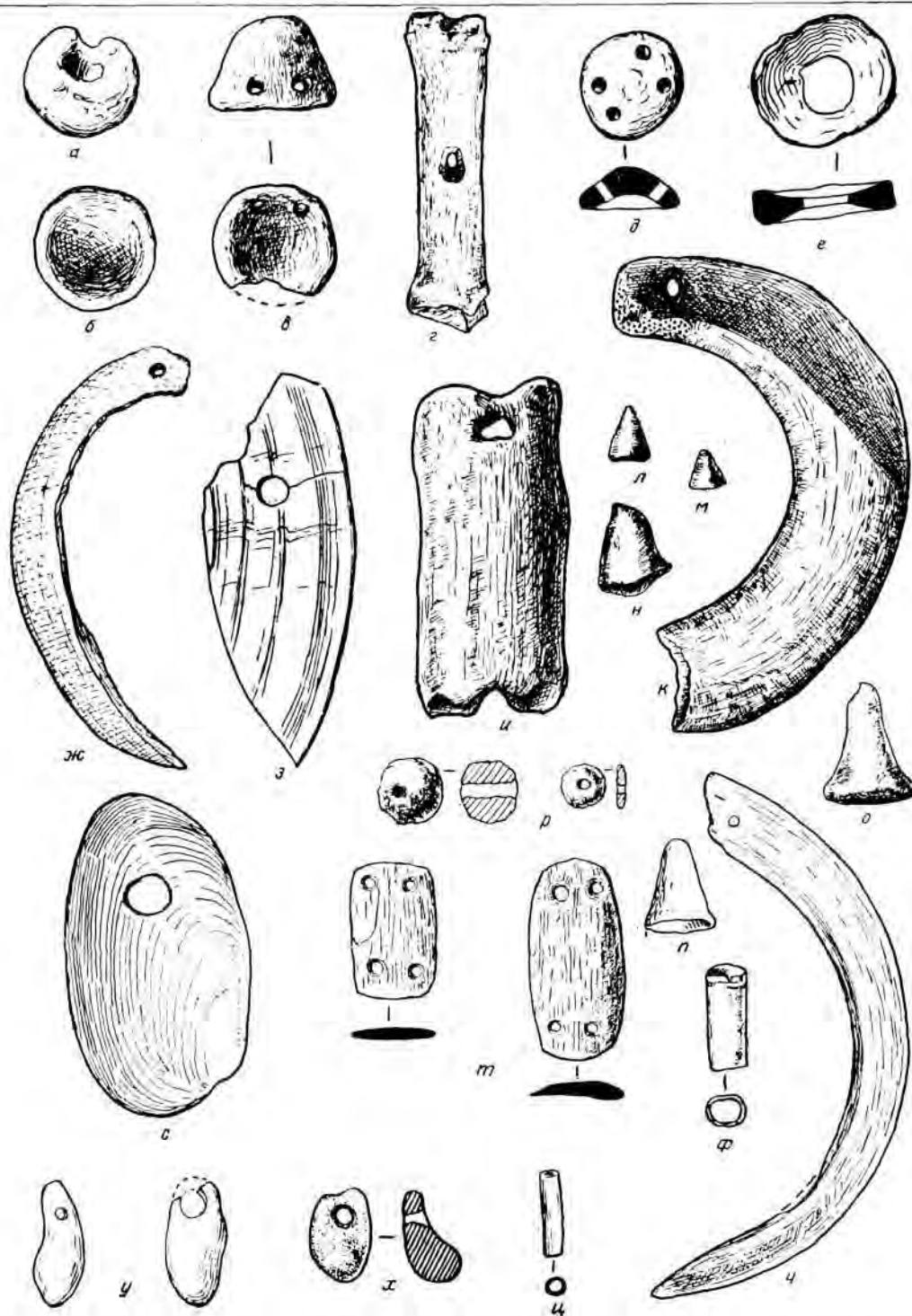

Табл. 71. (3/4 нат. вел.).

а—в, д — бляшки с отверстиями; г — фаланга свиньи с отверстием; е — позвонок сома с отверстием; жс, з, к, ч — подвески из клыков кабана; и — фаланга быка с отверстием; л—п — глиняные конусики; р — глиняные бусы; с — подвеска из раковины *Ulio*; т — пластинки из раковины *Ulio* с отверстиями; у, х — подвески из клыков оленя; ф, ц — пронизки из костей грызунов или птиц.

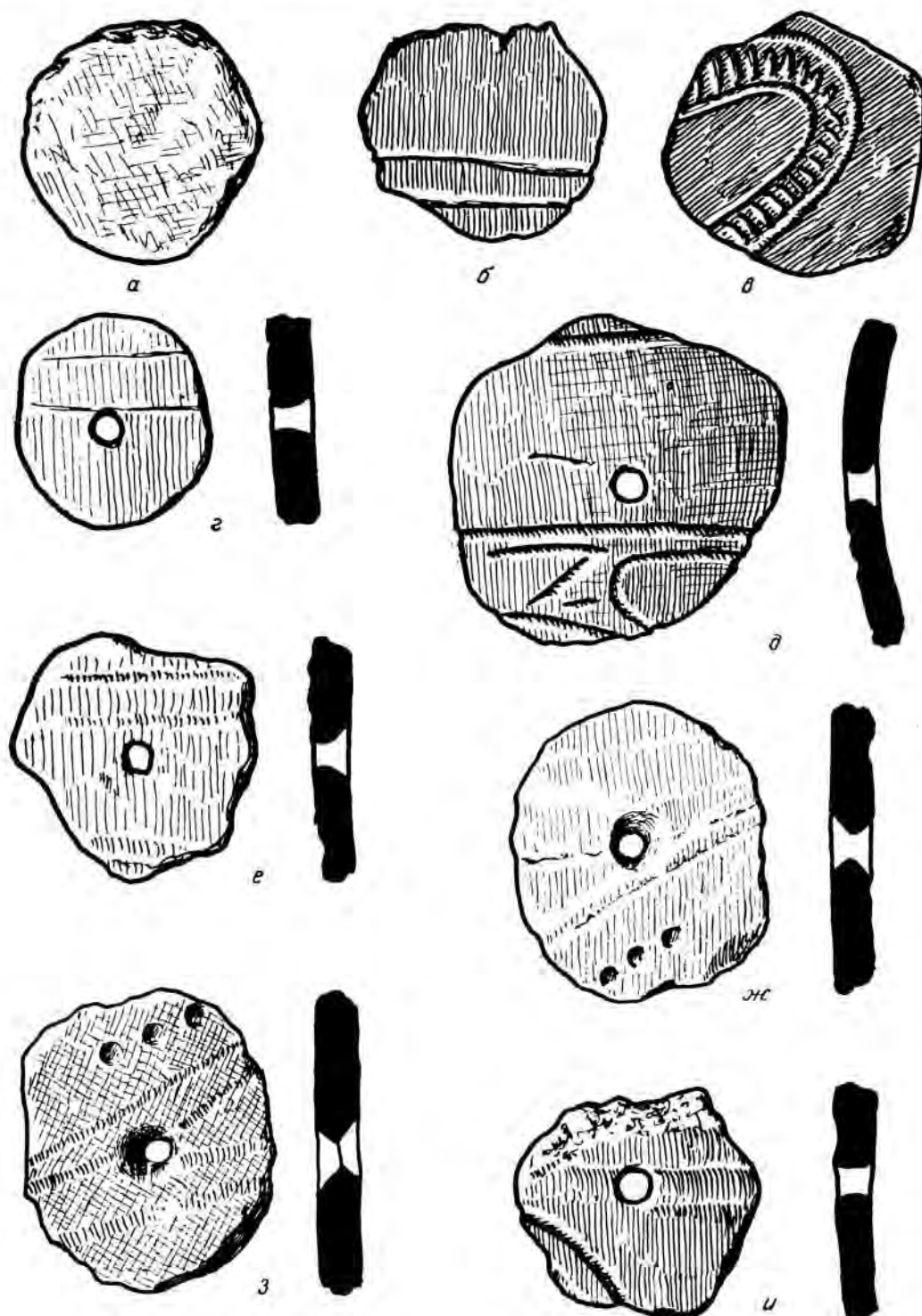

Табл. 72. Подвески из фрагментов орнаментированной керамики. (Нат. вел.).
 а—в — заготовки для подвесок; з—и — подвески.

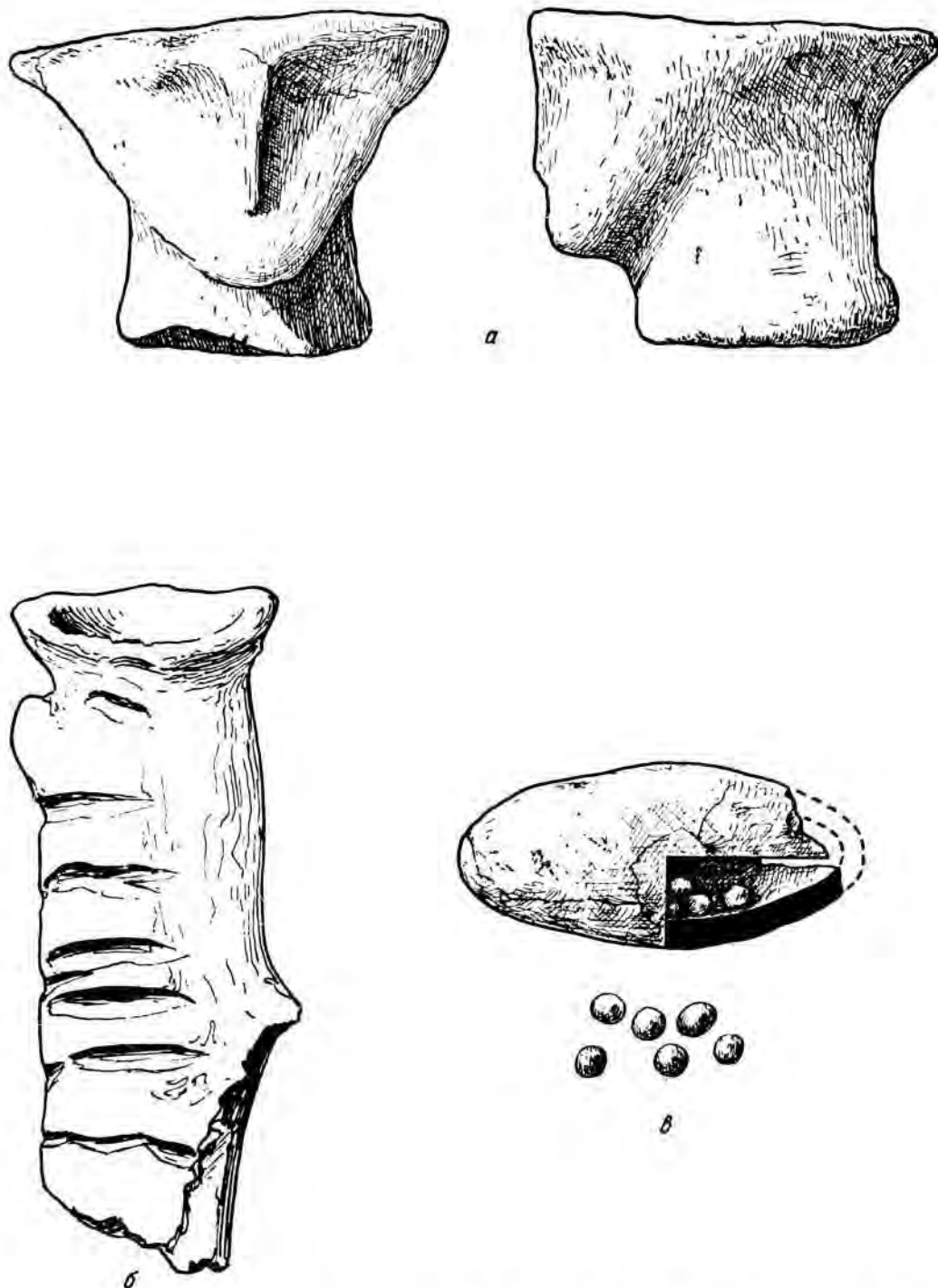

Табл. 73. Скульптурная головка от антропоморфного сосуда (а), деталь глиняного предмета неизвестного назначения (б) и погремушка из глины (с). (Нат. вел.).

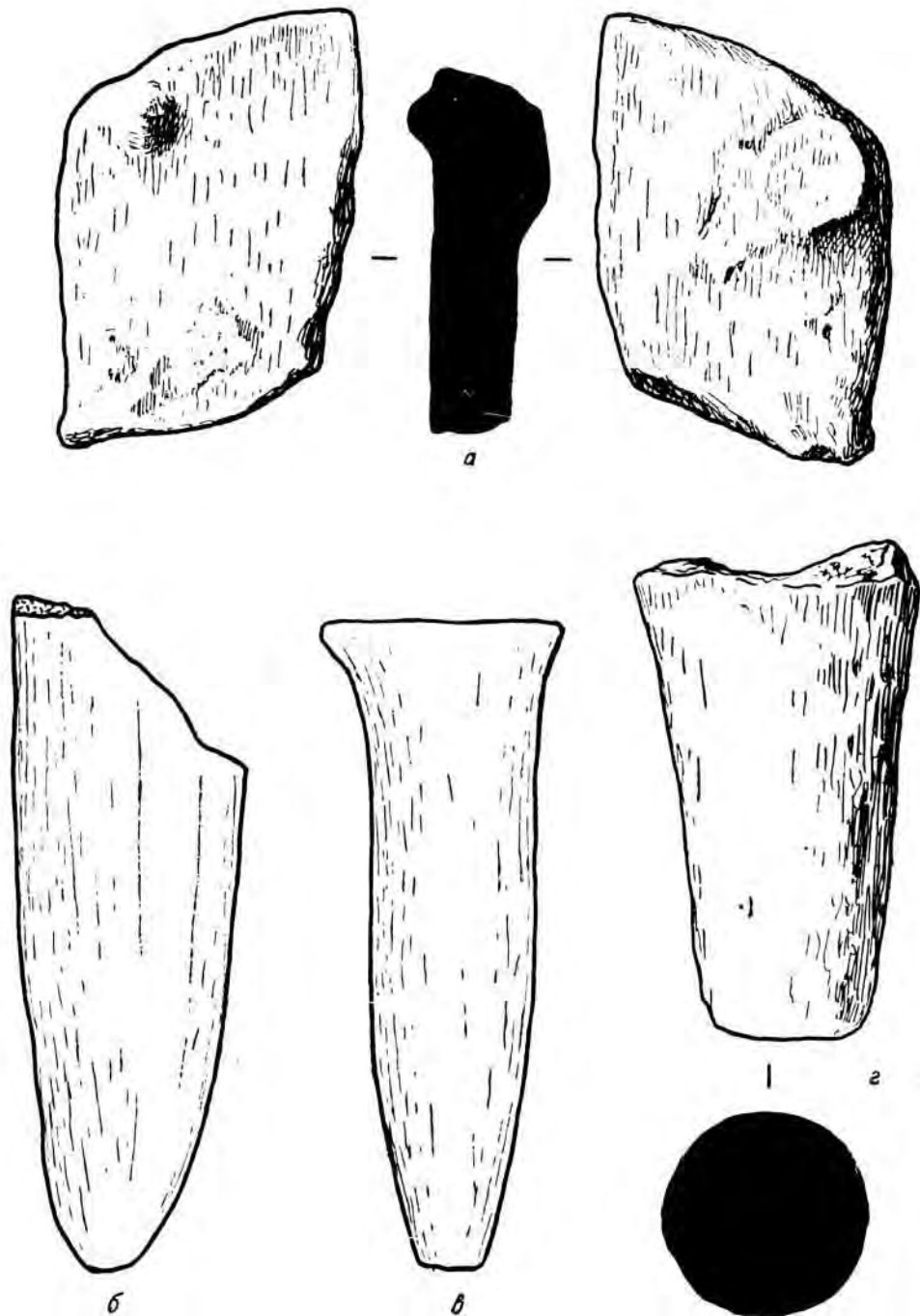

Табл. 74. Фрагмент глиняной модели жилища (а) и ножки от моделей жилищ (б—г).
(Нат. вел.).

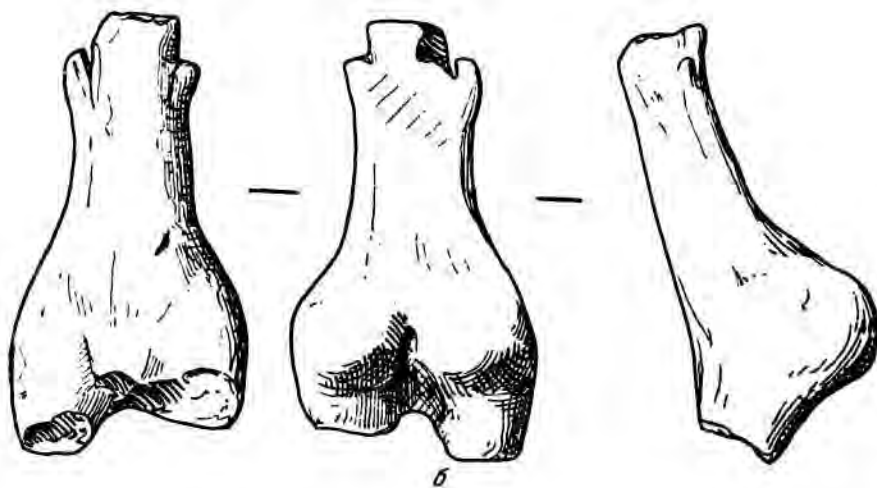
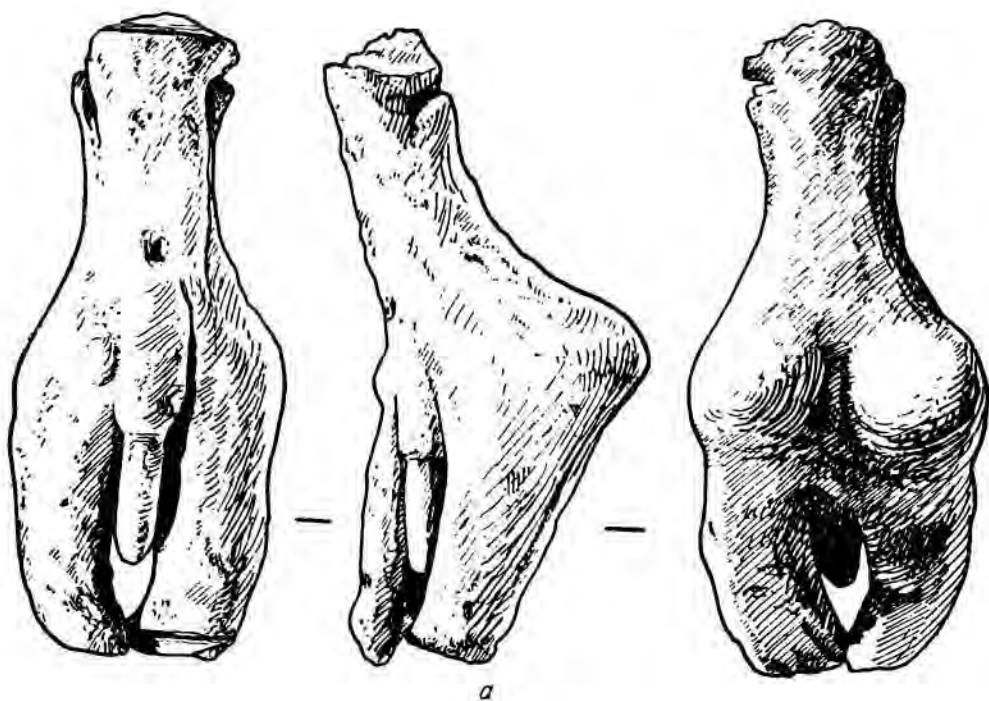

Табл. 75. Мужские статуэтки. (Нат. вел.).

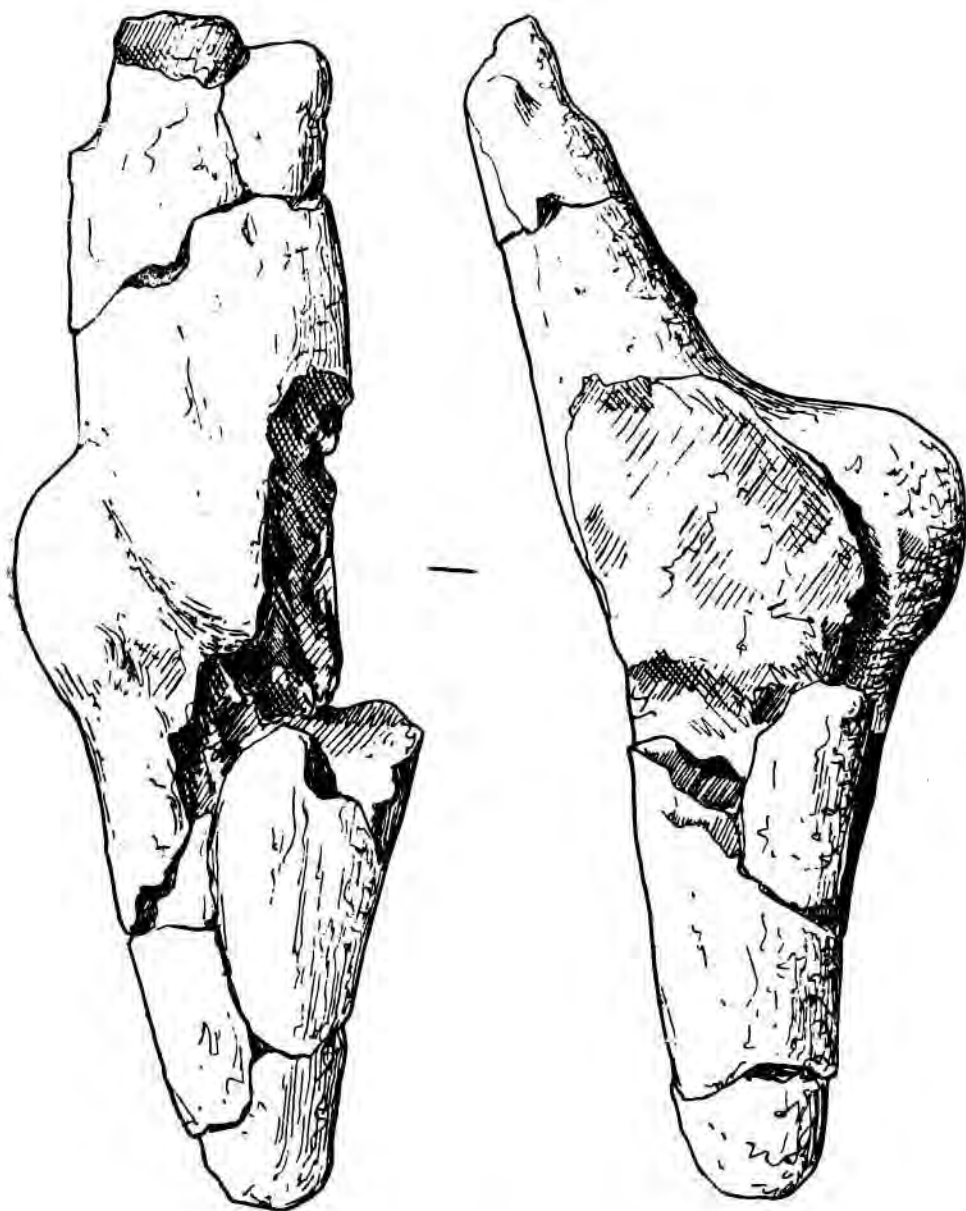

Табл. 76. Крупная статуэтка. (Нат. вел.).

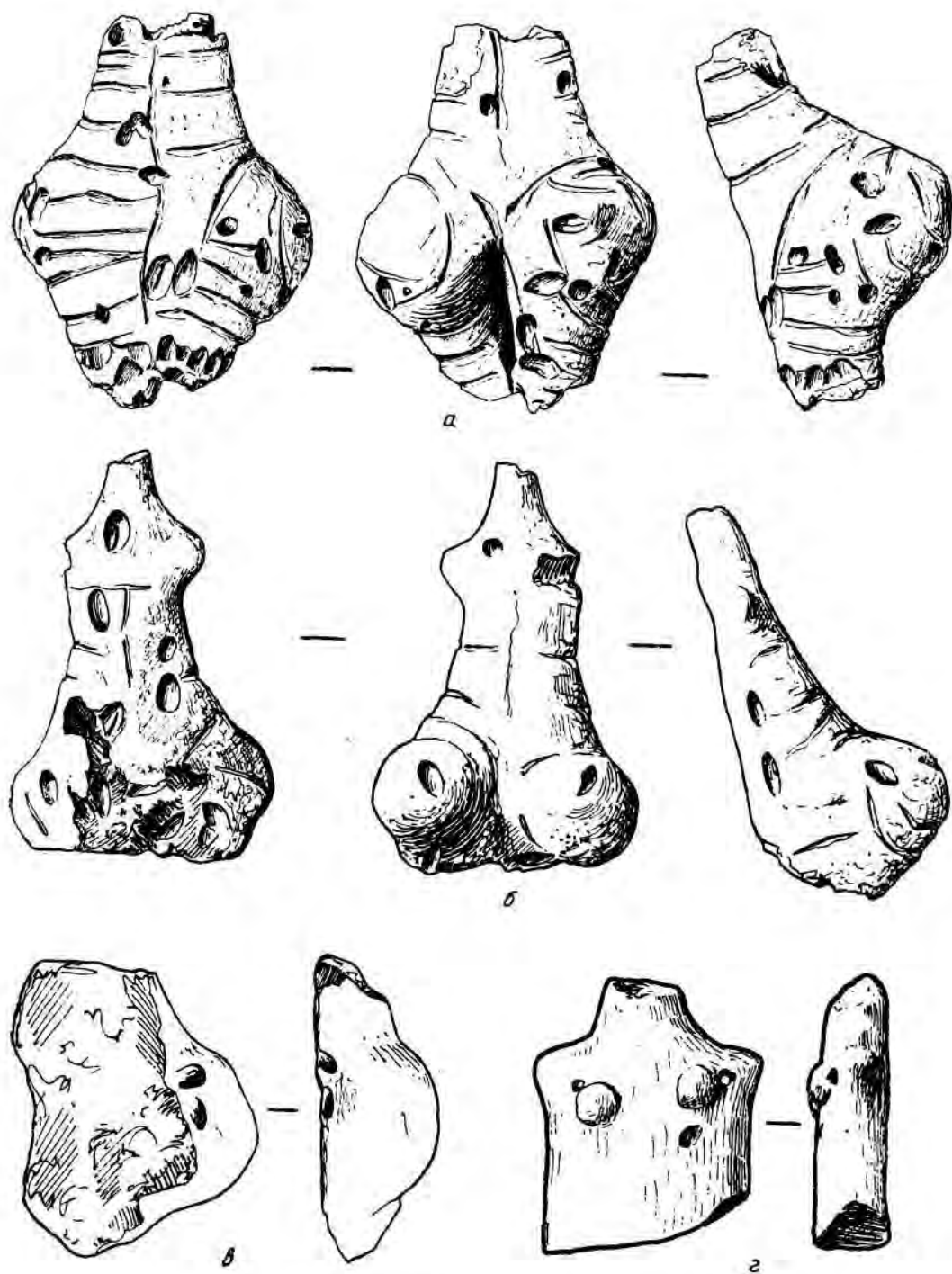

Табл. 77. Статуэтки с отпечатками зерен. (Нат.вел.).

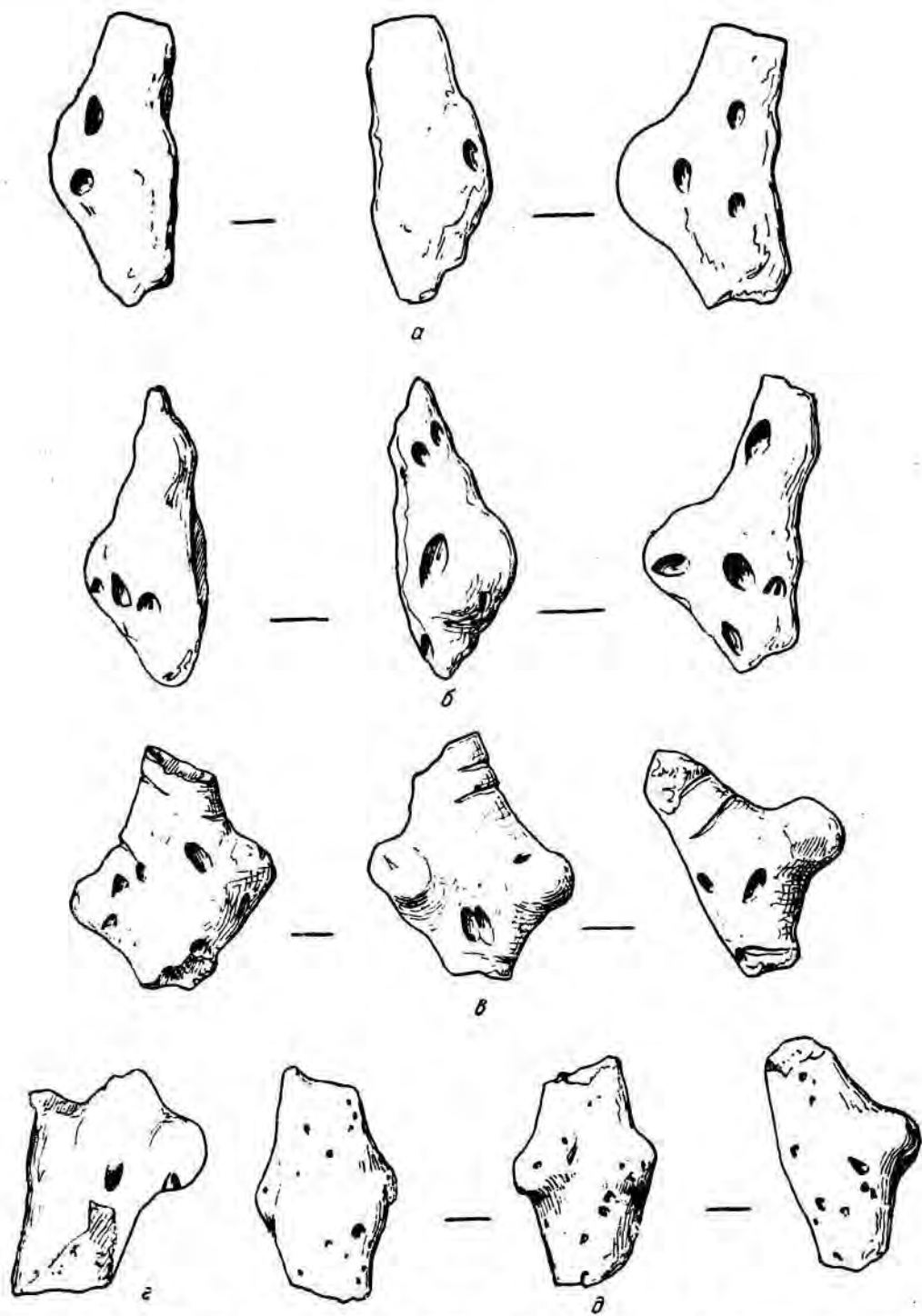

Табл. 78. Статуэтки с отпечатками целых (а—в) и дробленых (θ) зерен. (Нат. вел.).

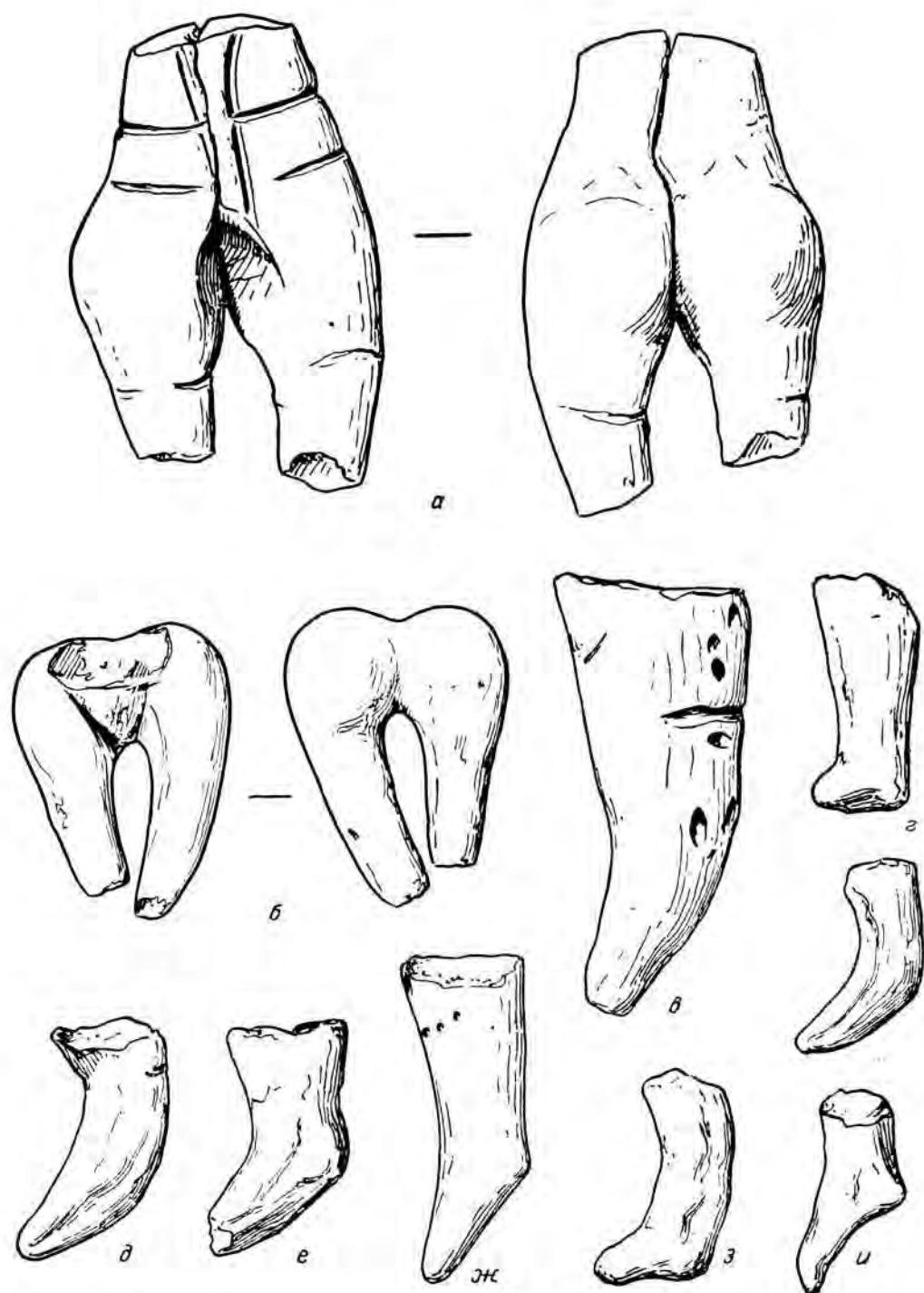

Табл. 79. Статуэтки с расчлененными ногами (а, б) и фрагменты ног статуэток (в—и).
(Нат. вел.).

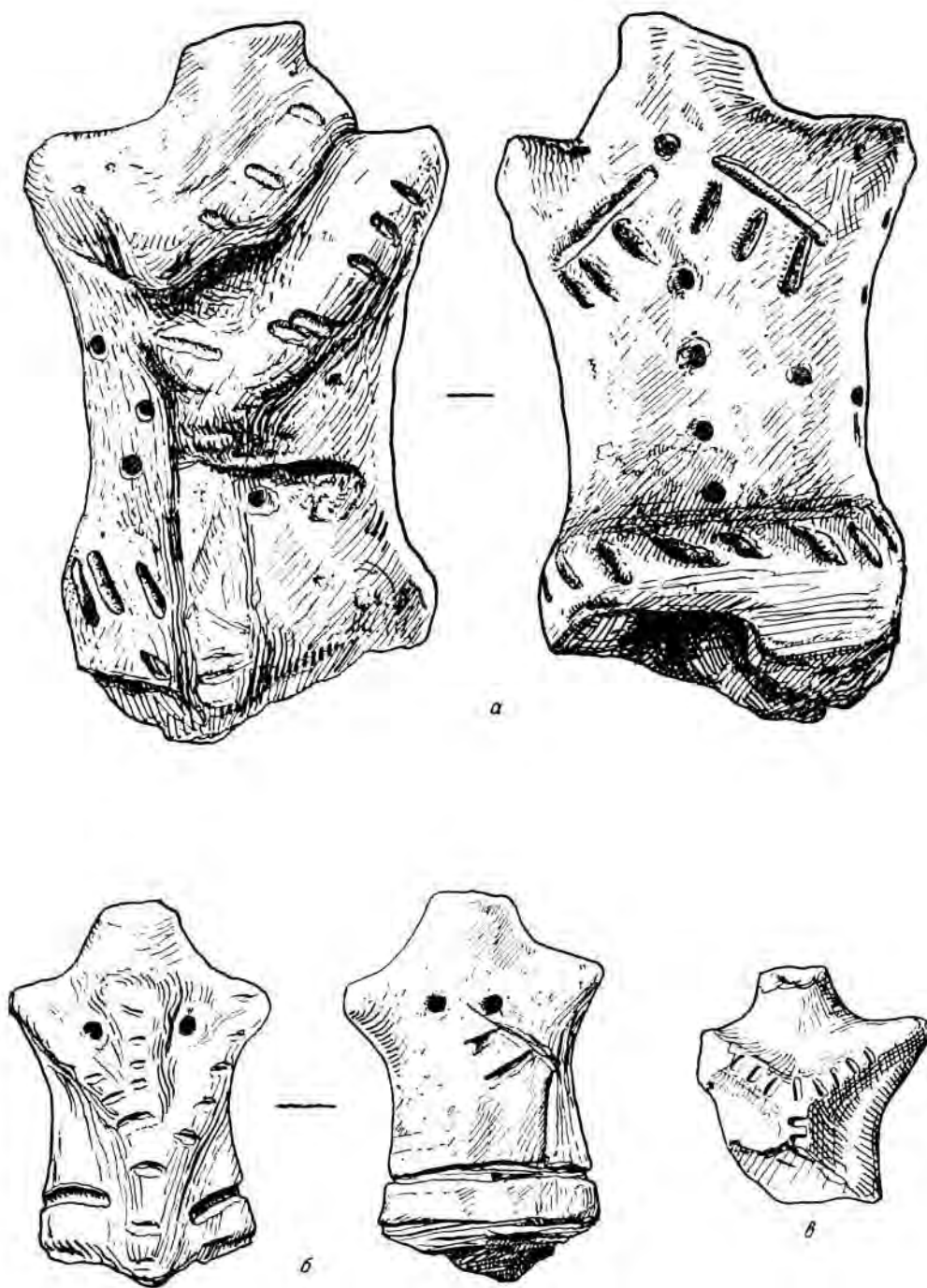

Табл. 80. Статуэтки с индивидуальными признаками. (Нат. вел.).

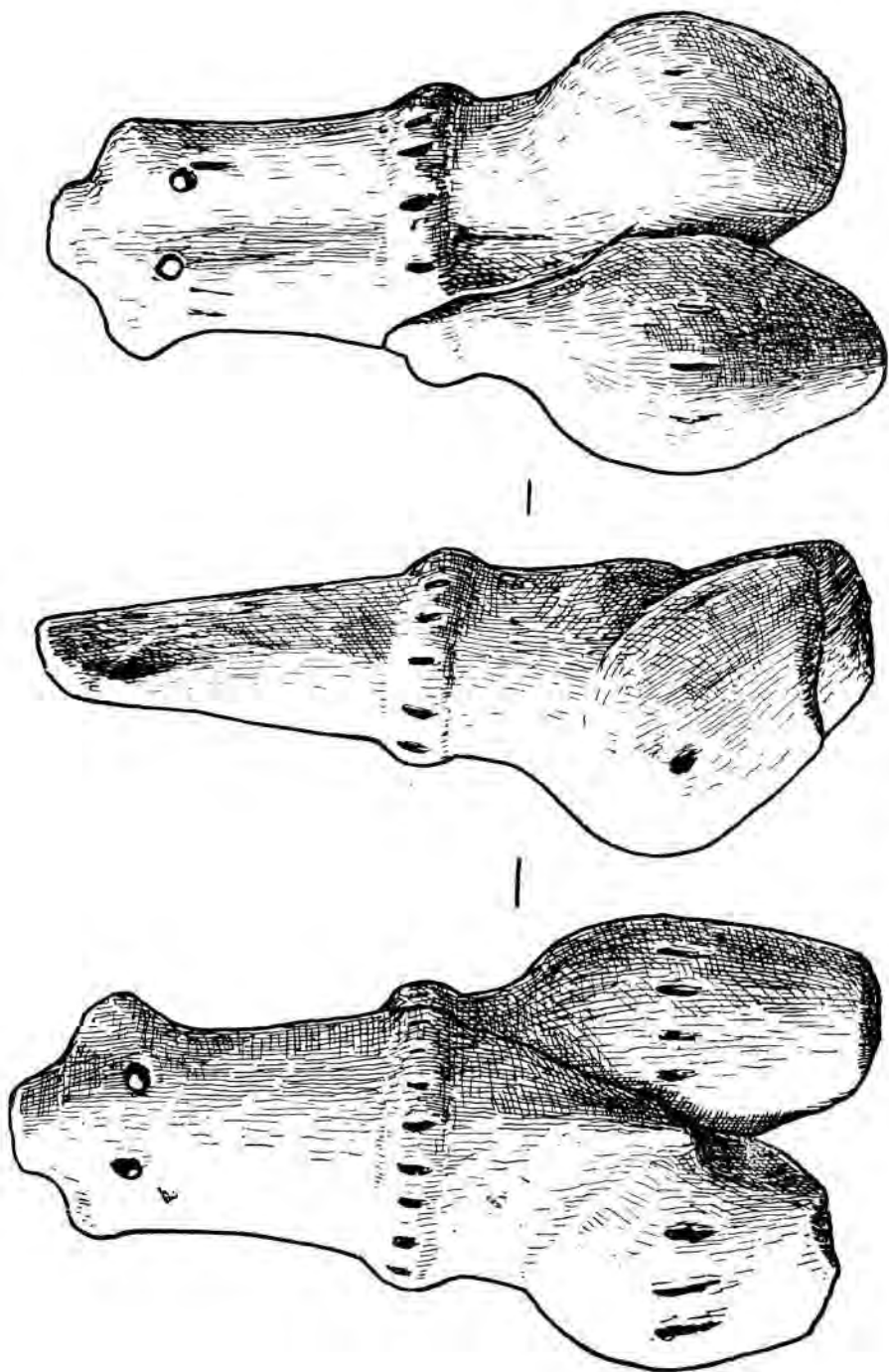

Табл. 81. Статуэтка с рельефным пояском. (Нат. вел.).

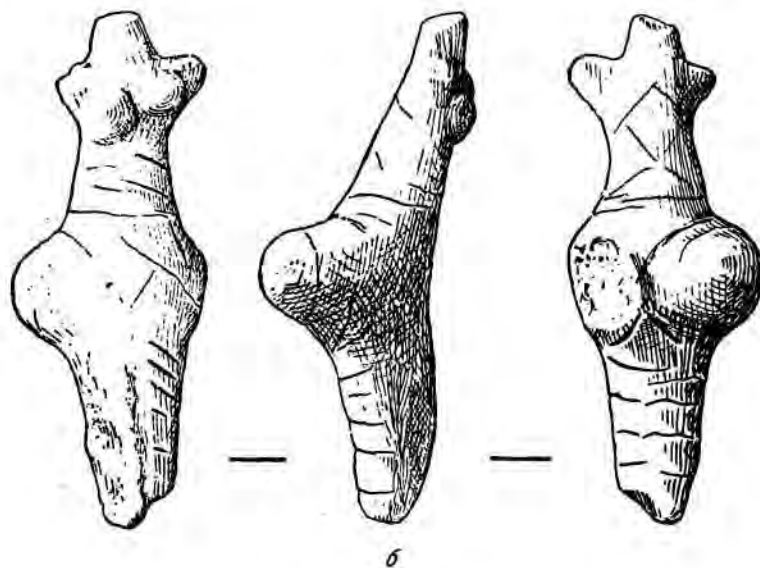
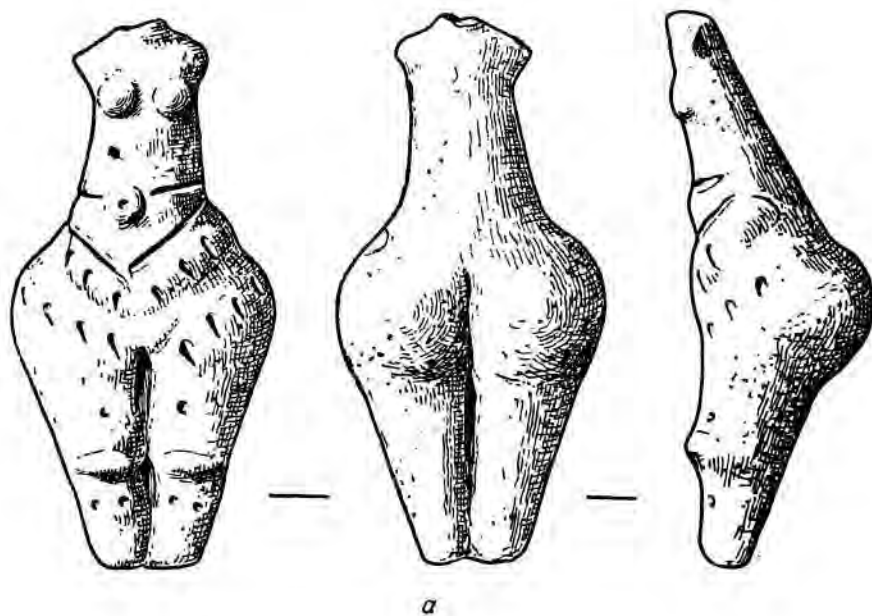

Табл. 82. Статуэтки с индивидуальными признаками. (Нат. вел.).

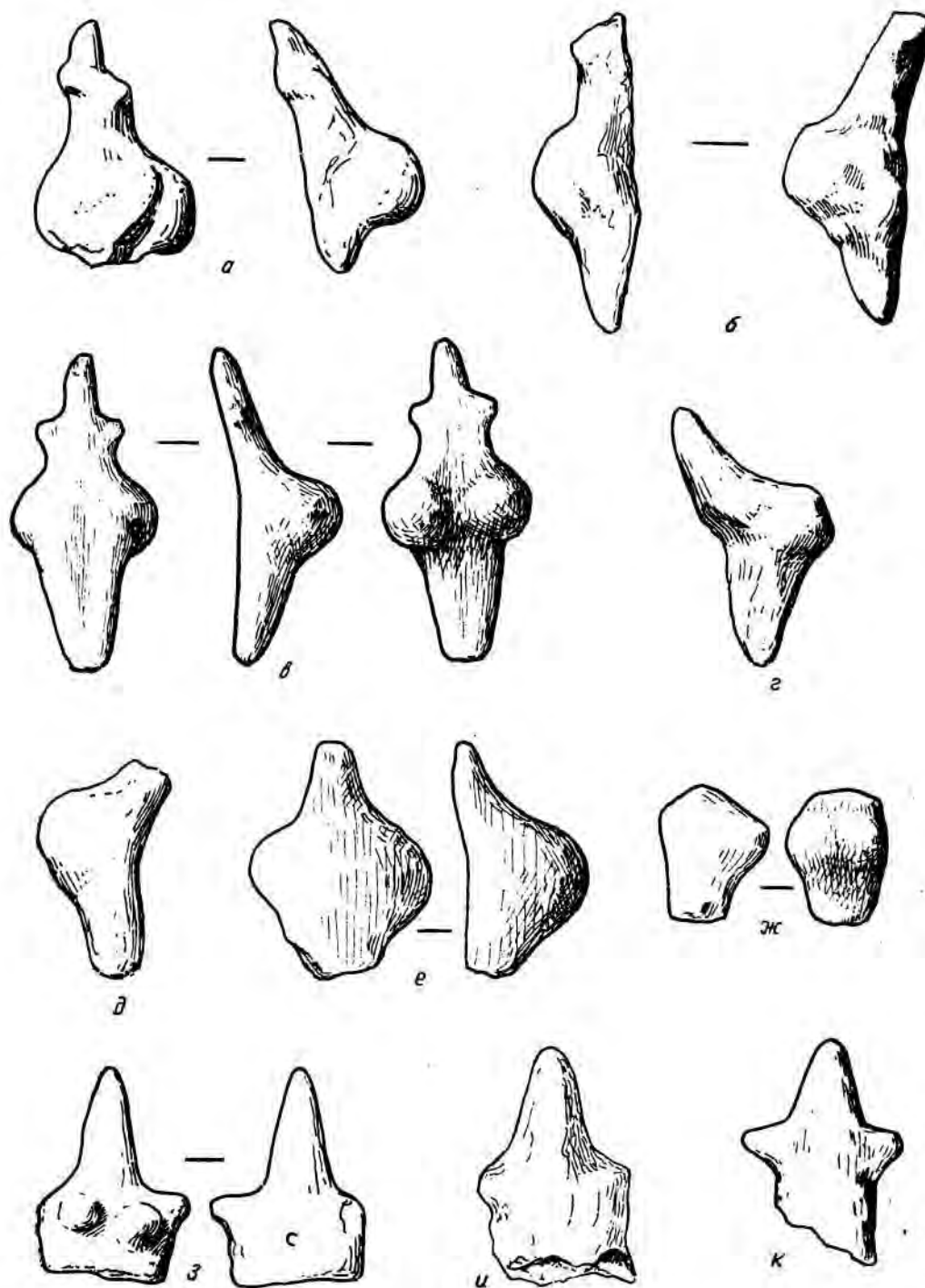

Табл. 83. Неорнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

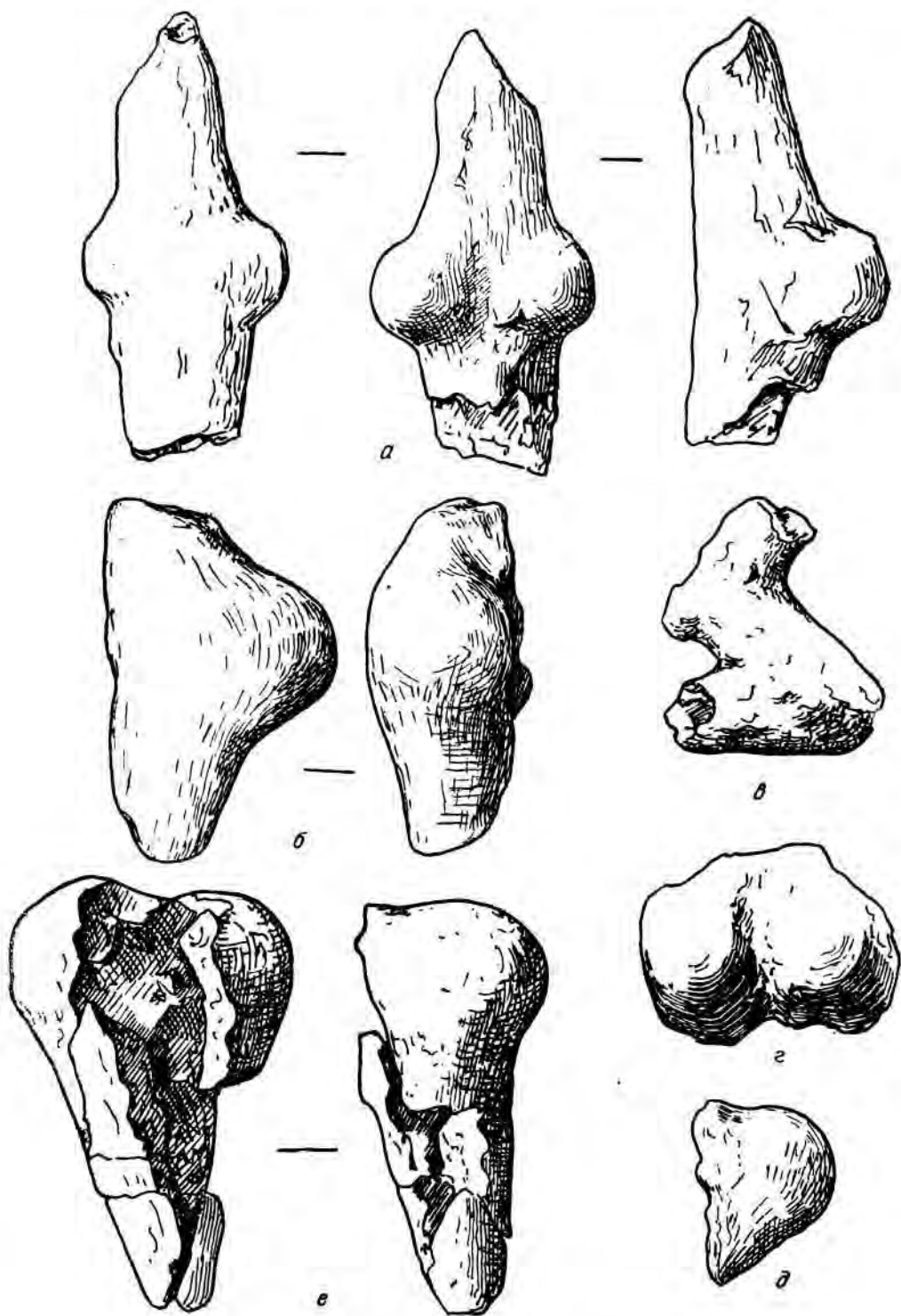

Табл. 84. Неорнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

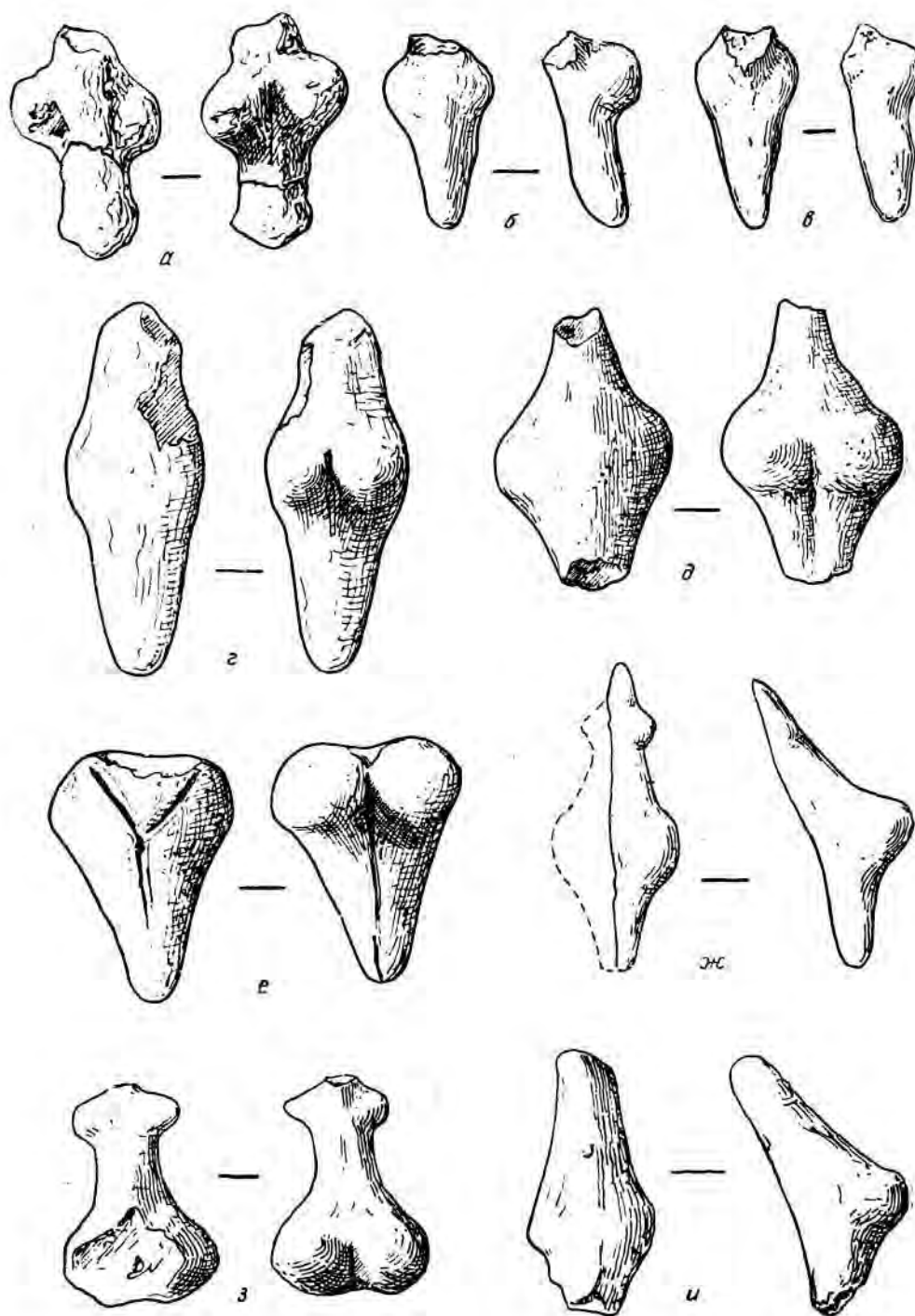

Табл. 85. Неорнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

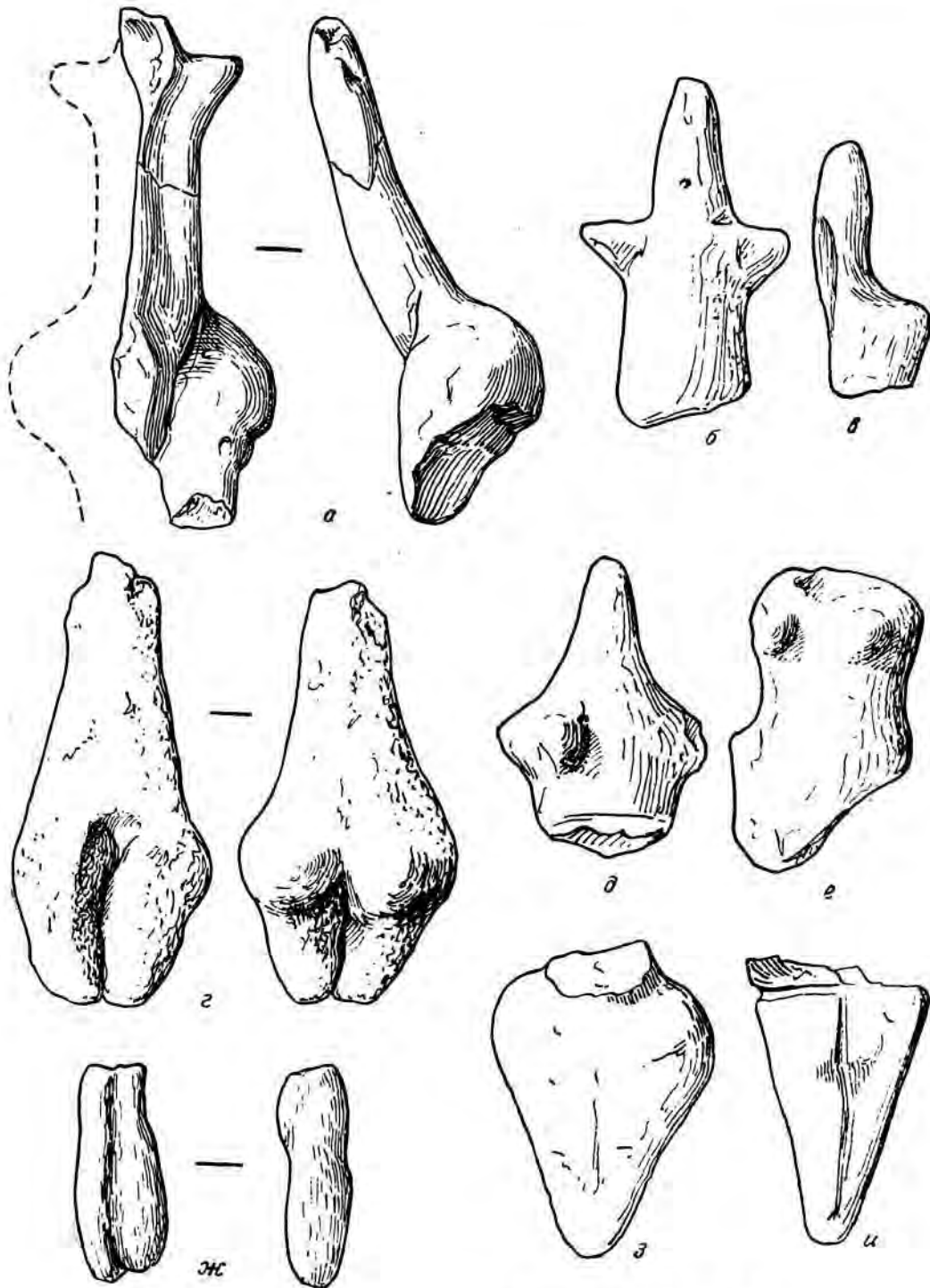

Табл. 86. Неорнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

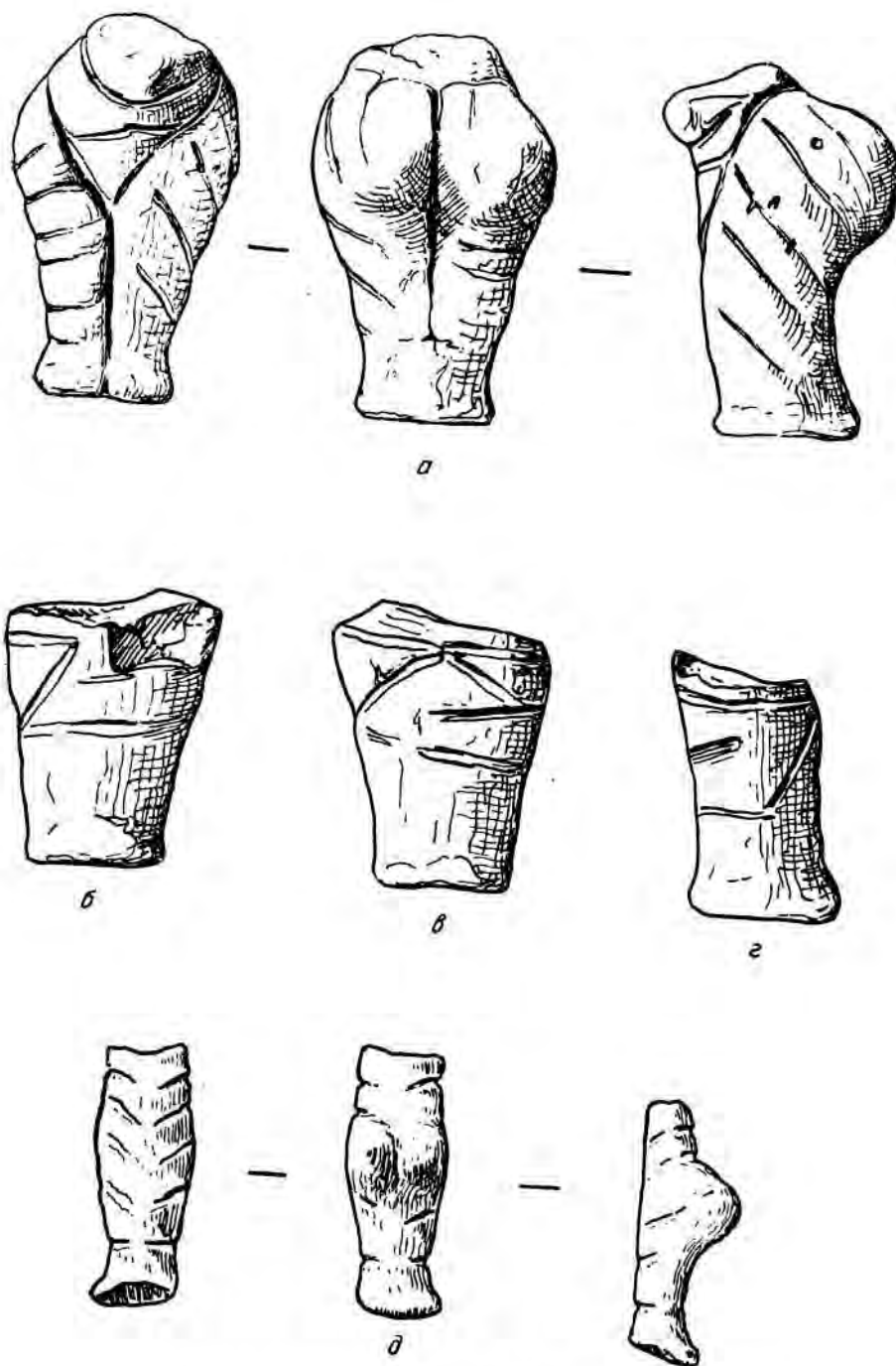

Табл. 87. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

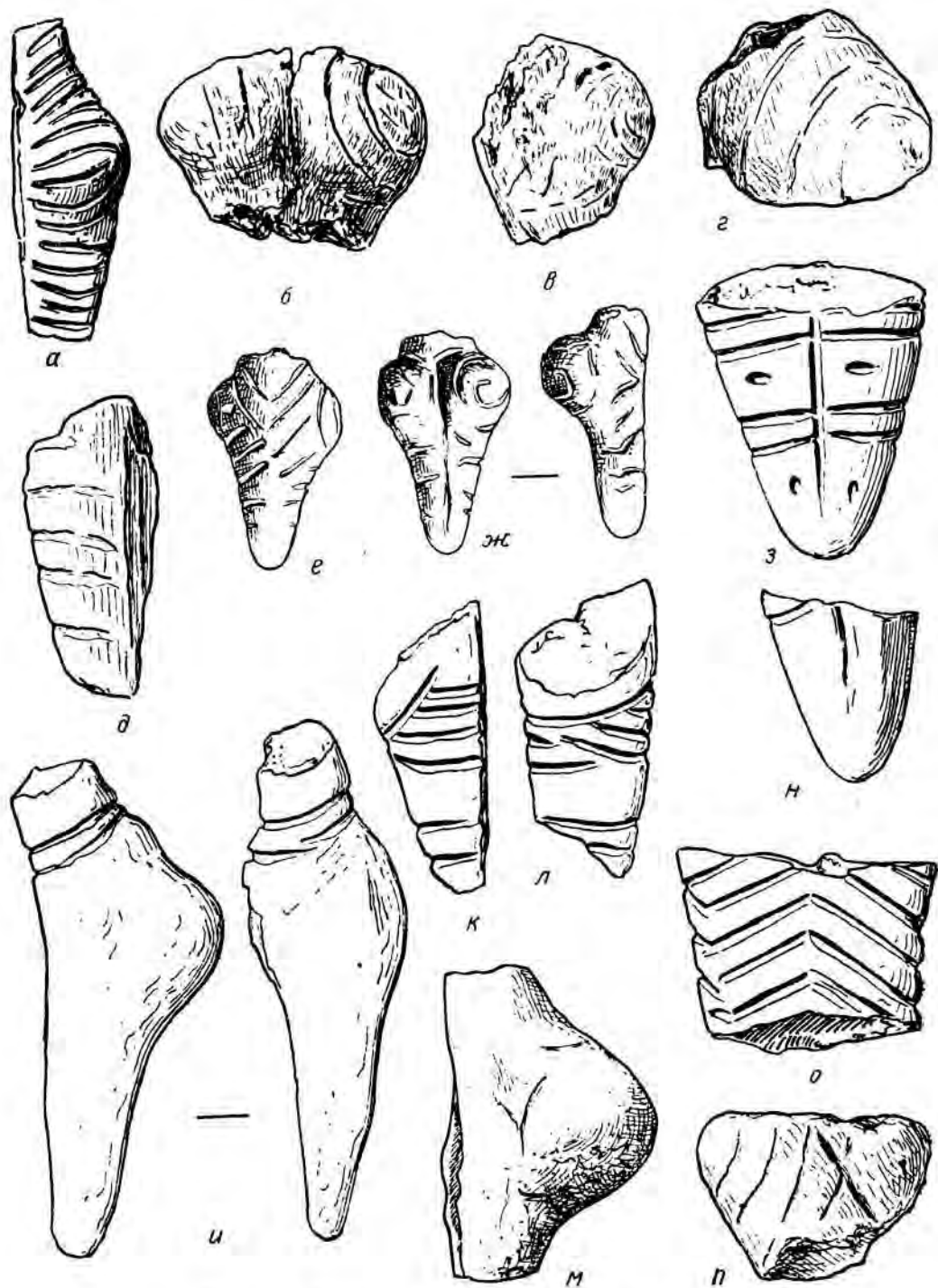

Табл. 88. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

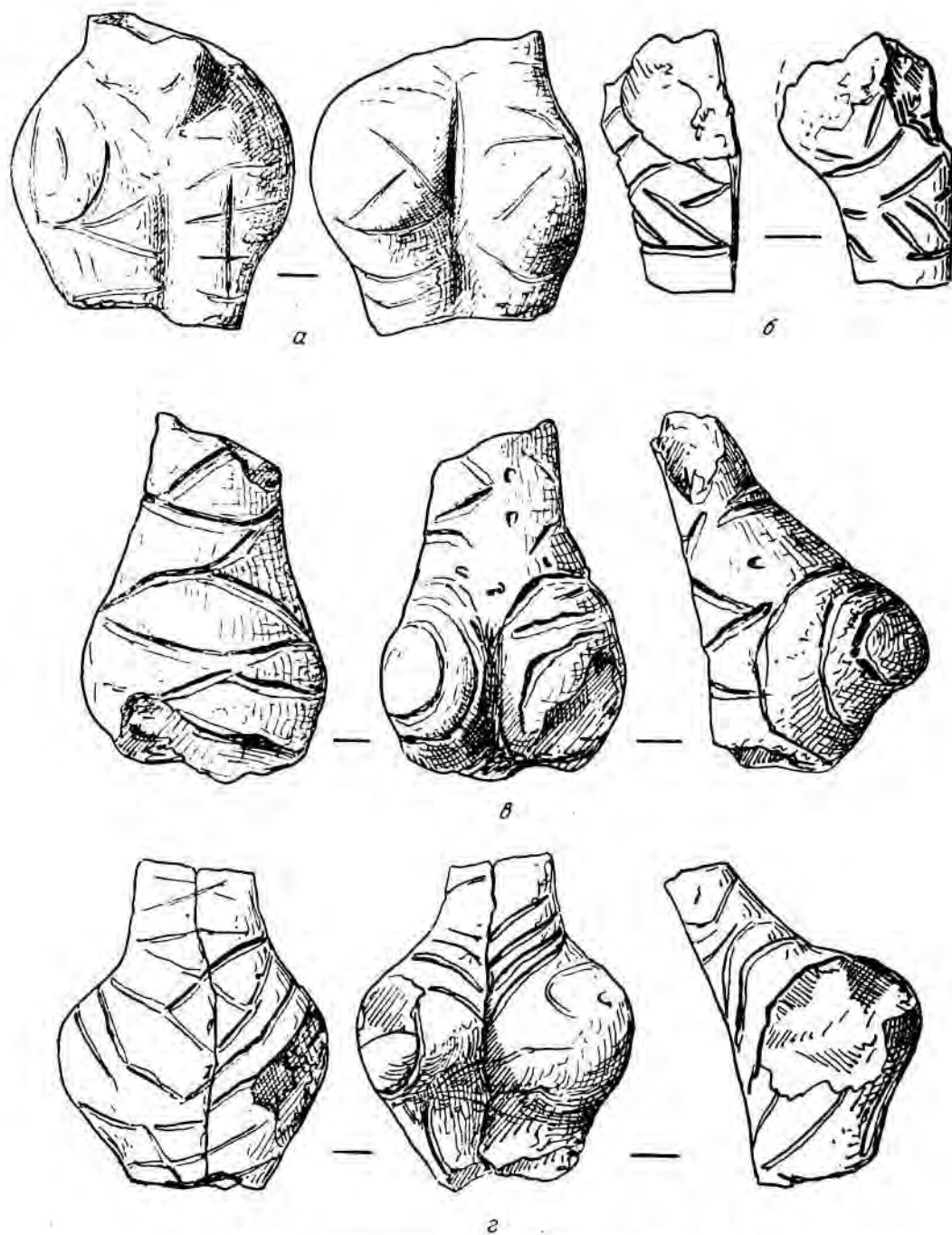

Табл. 89. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

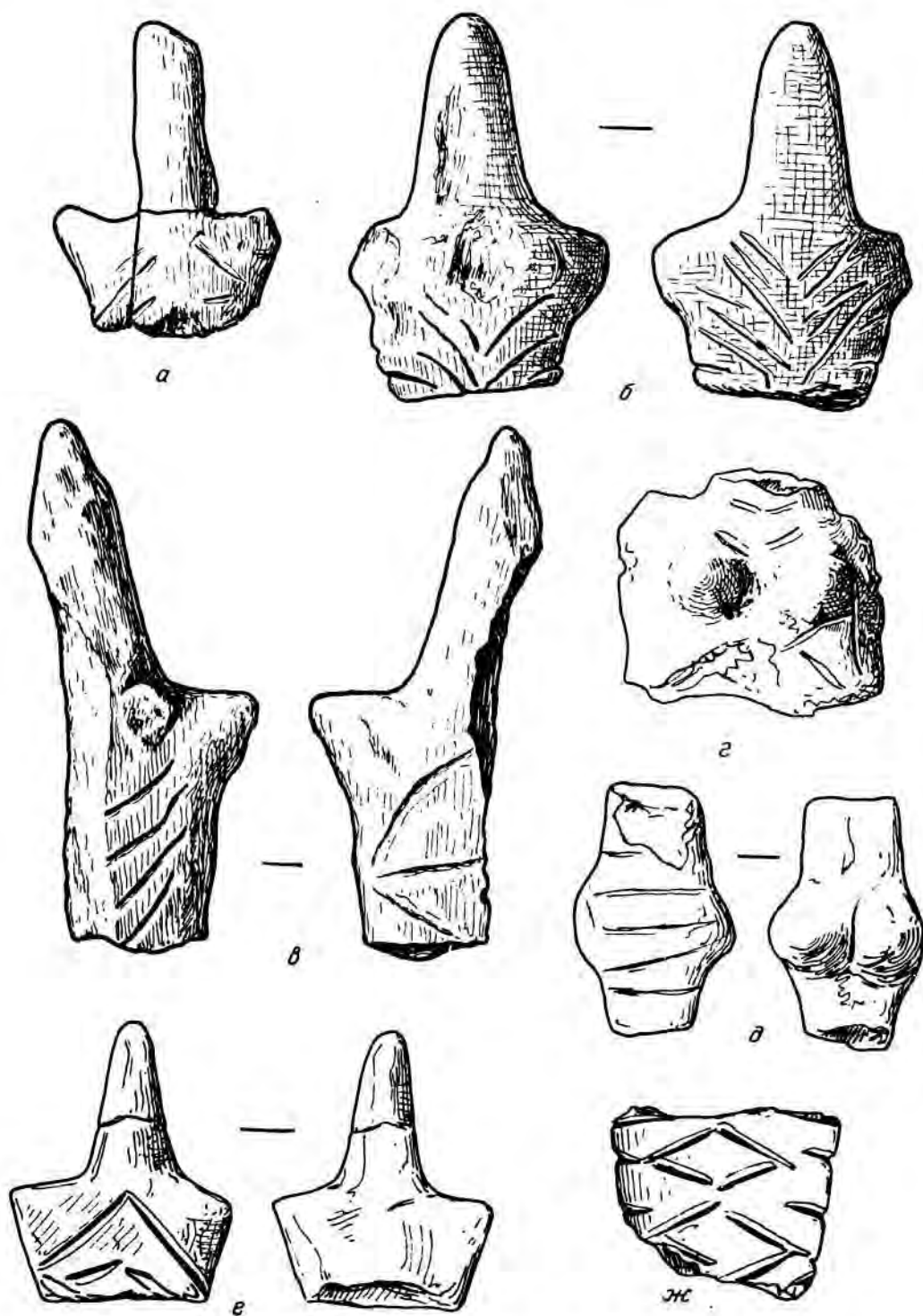

Табл. 90. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

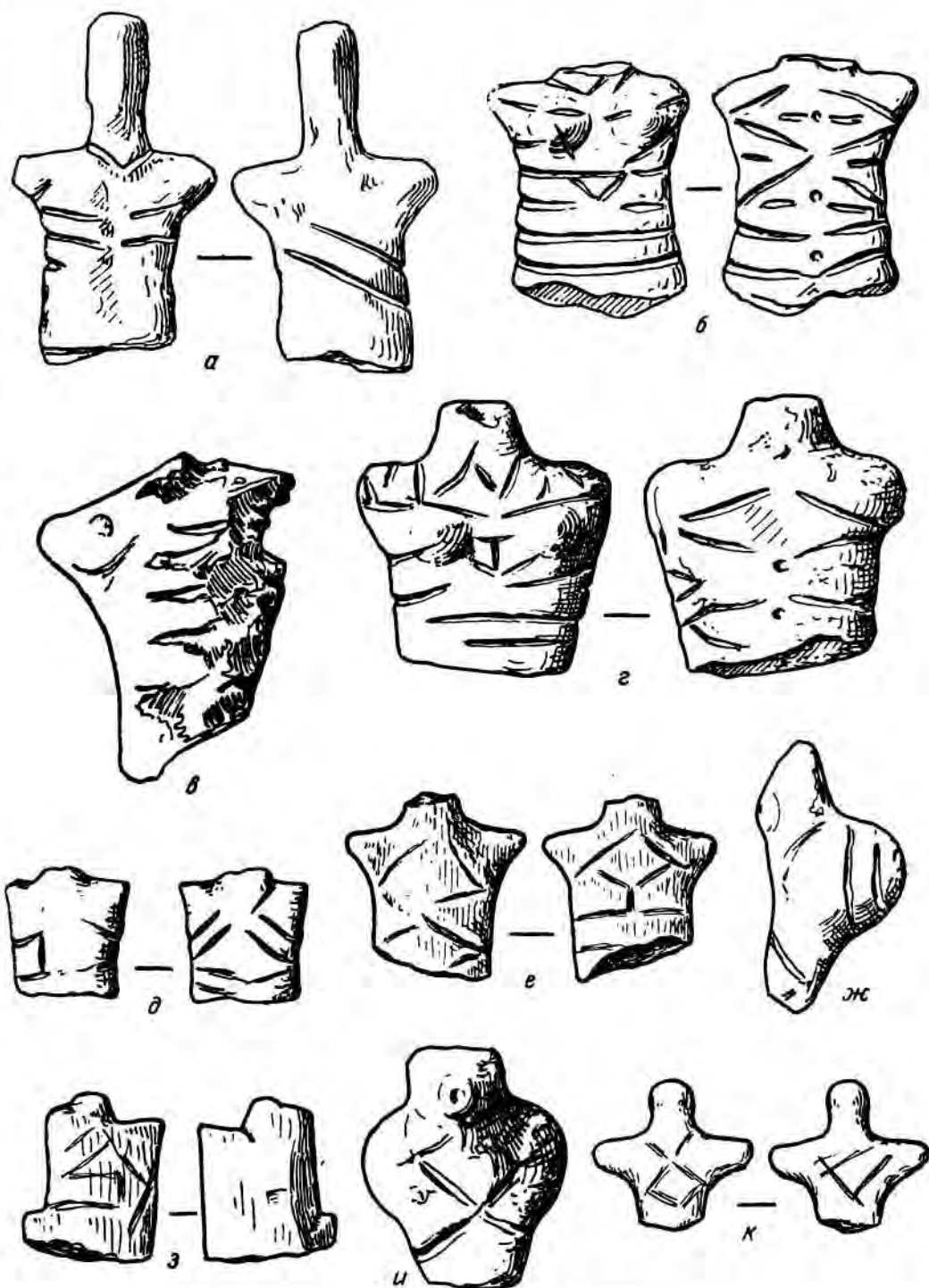

Табл. 91. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

Табл. 92. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

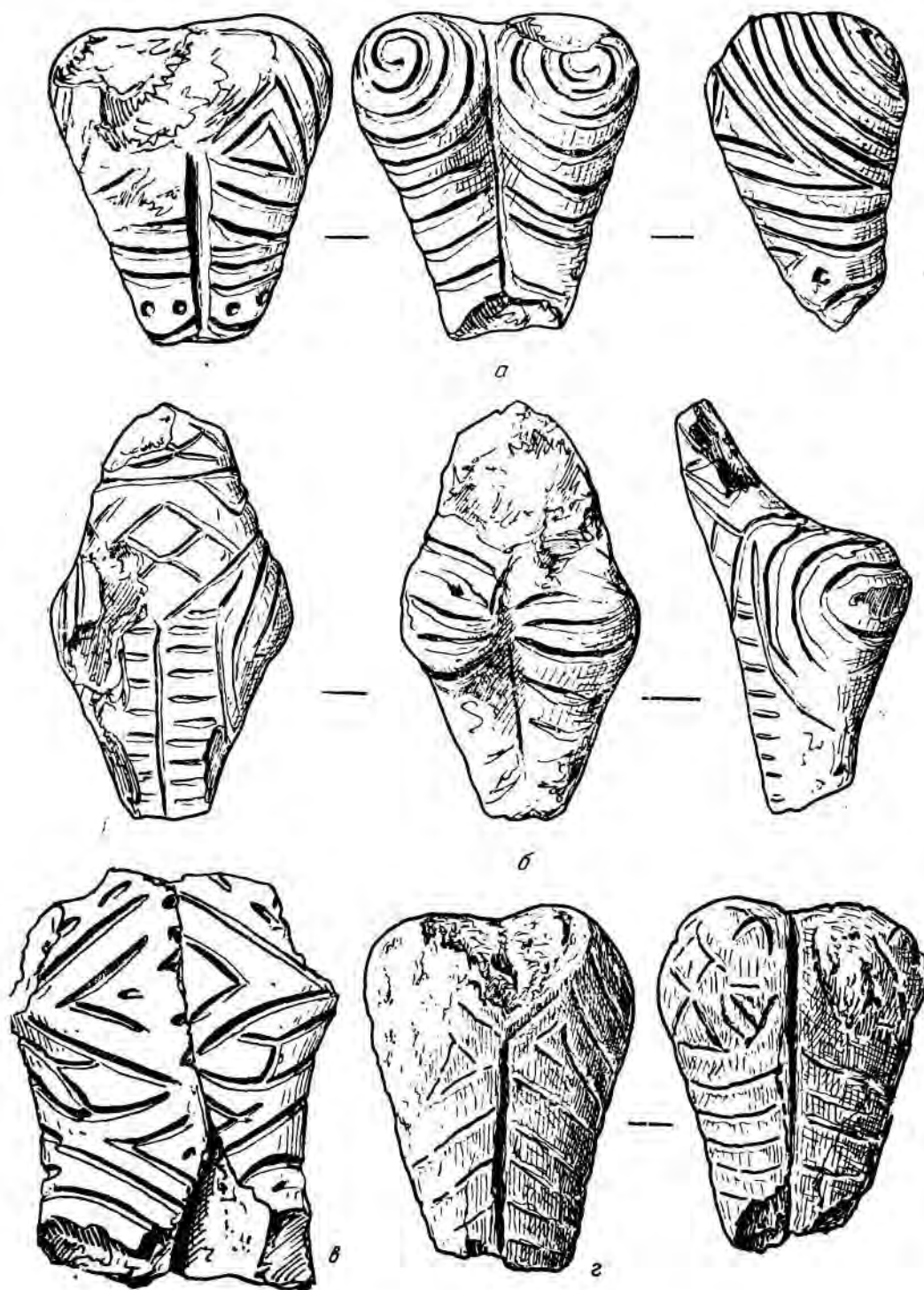

Табл. 93. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

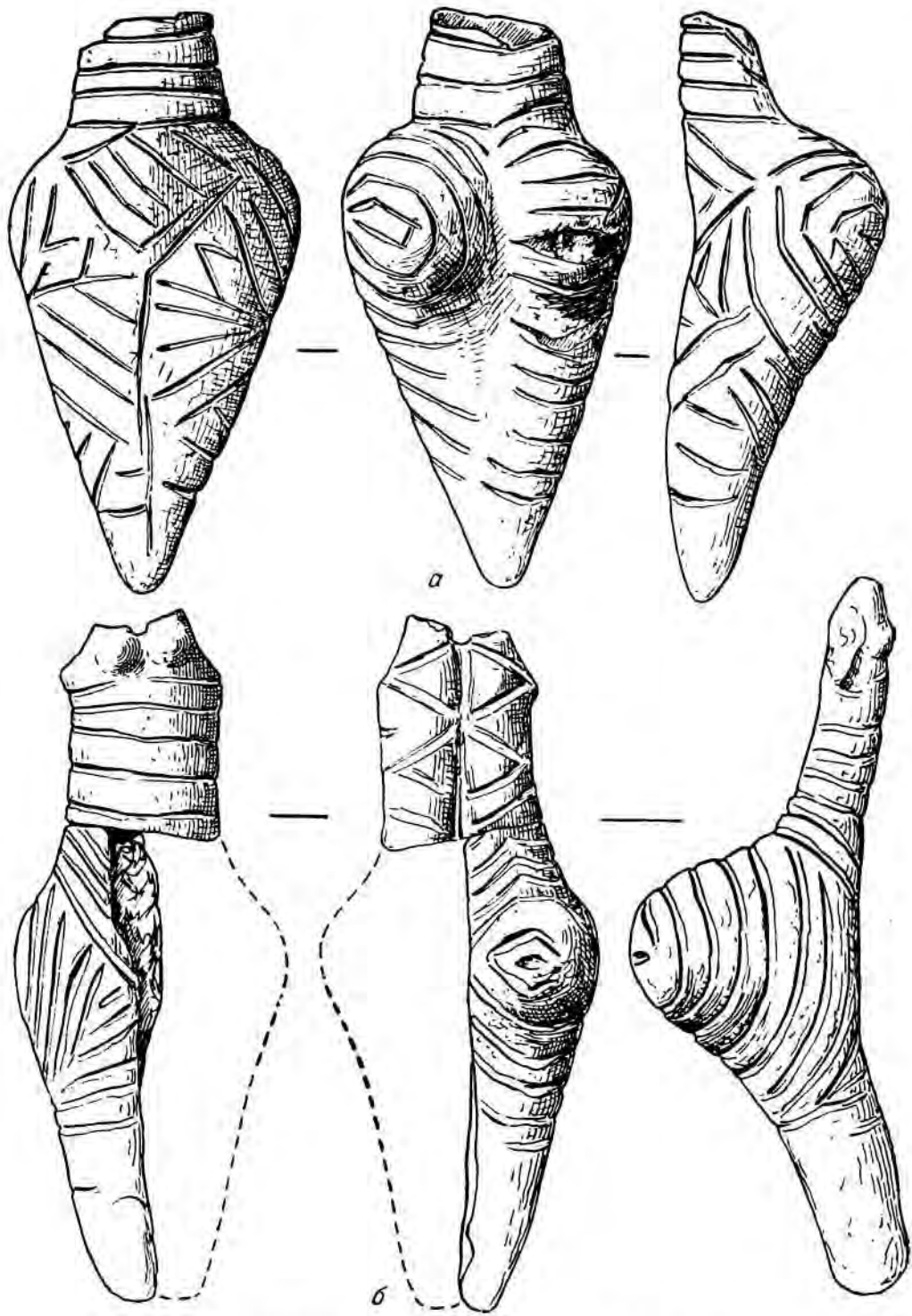

Табл. 94. Ориентированные статуэтки. (Нат. вел.).

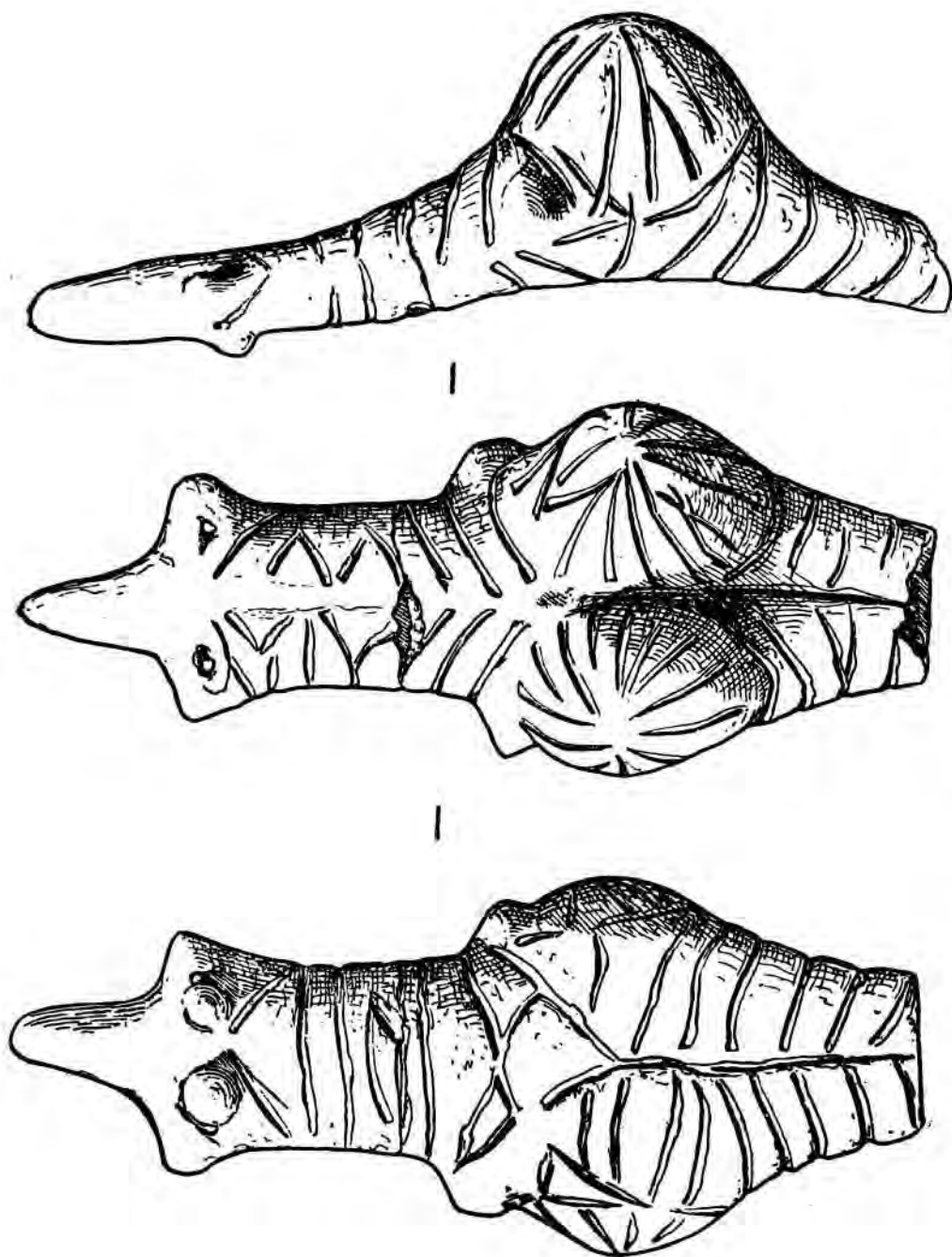

Табл. 95. Орнаментированная статуэтка. (Нат. вел.).

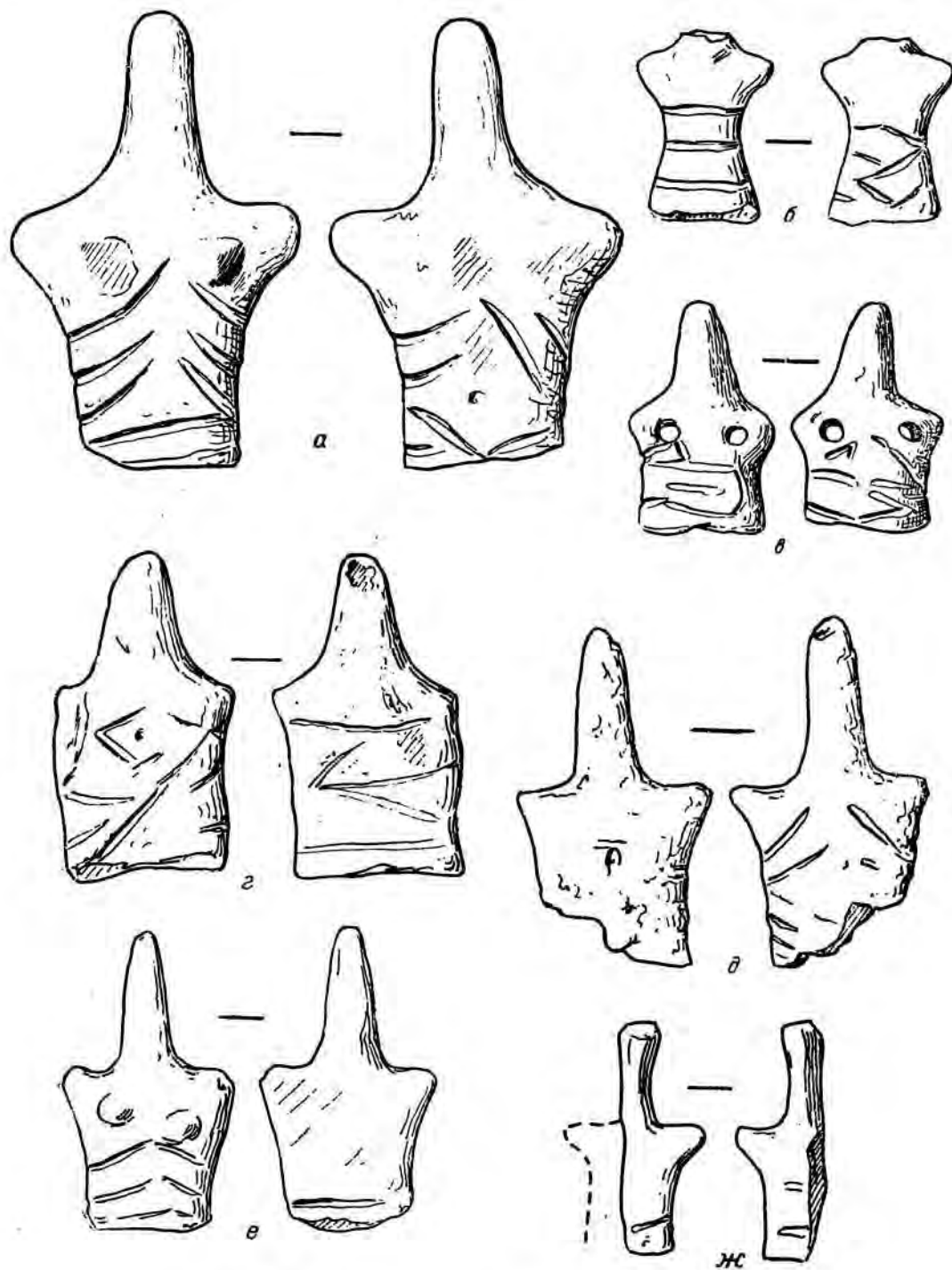

Табл. 96. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

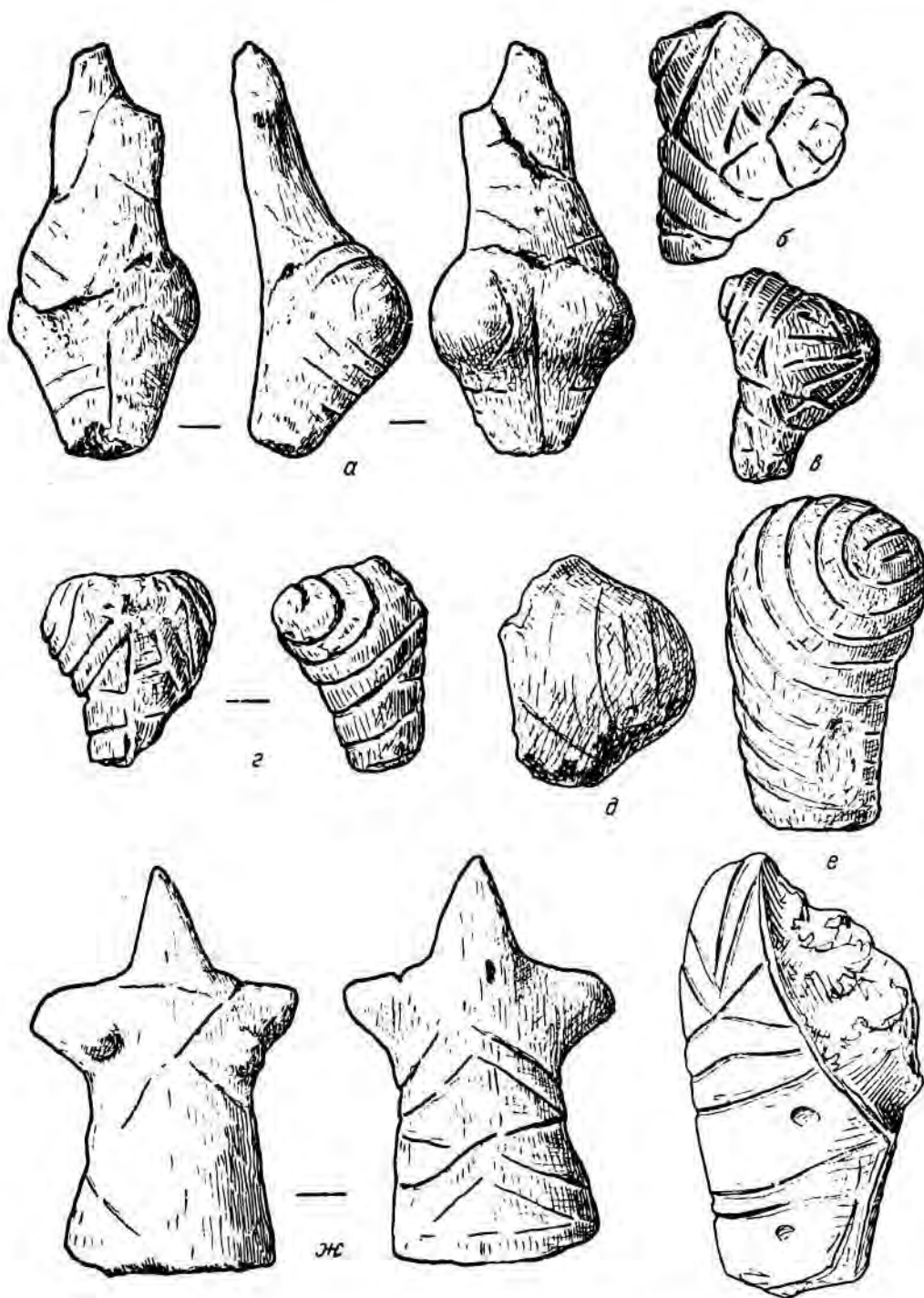

Табл. 97. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

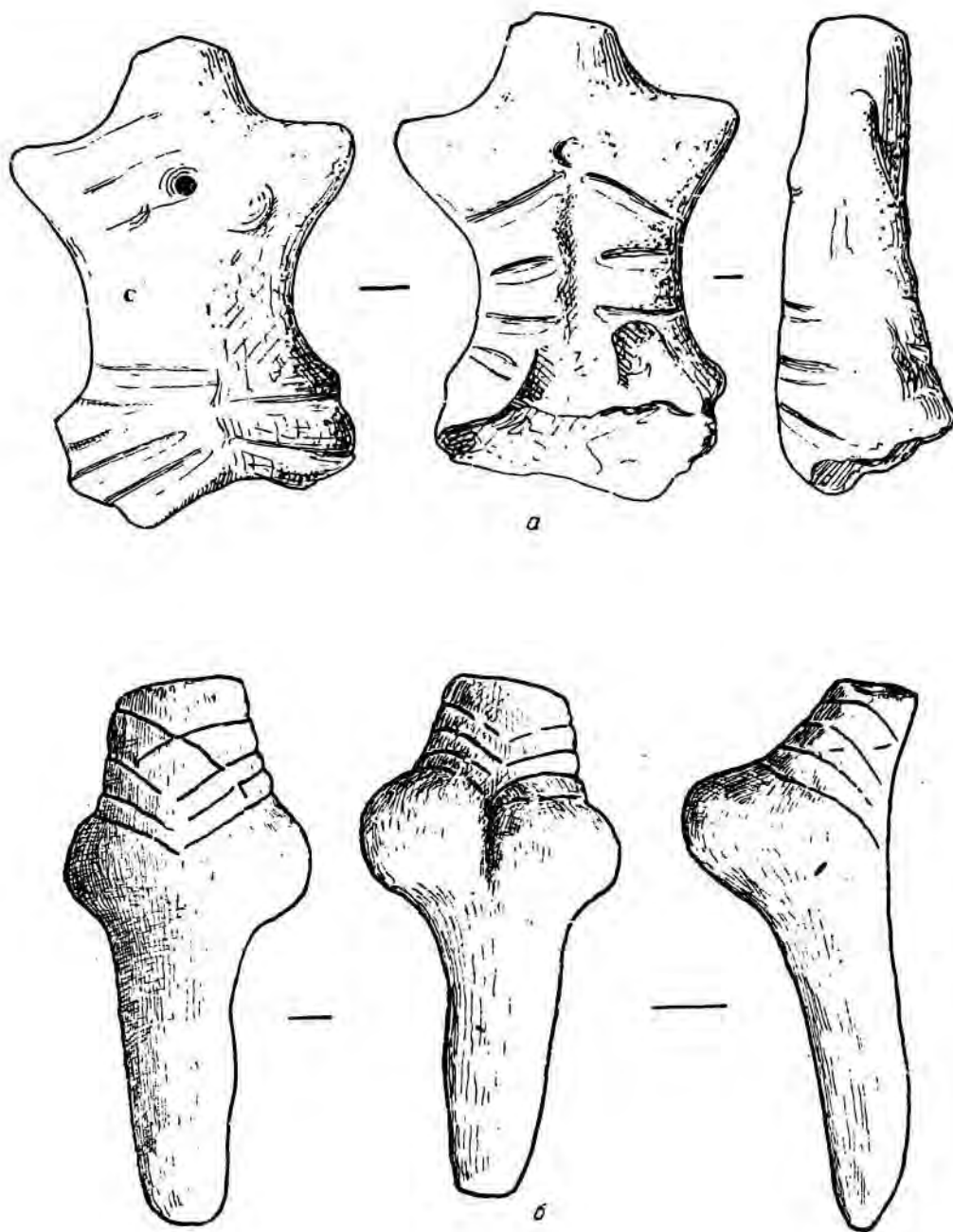

Табл. 98. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

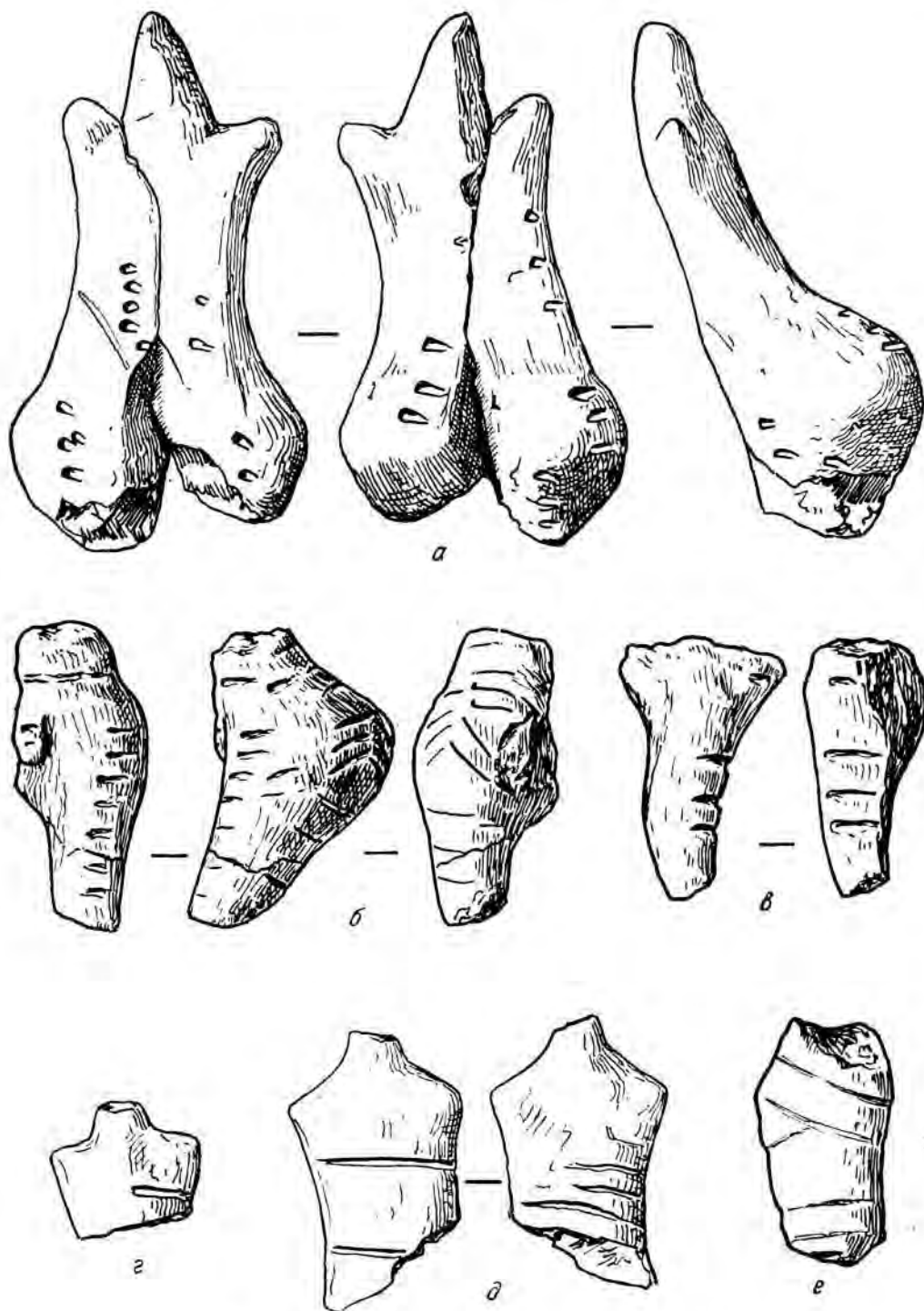

Табл. 99. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

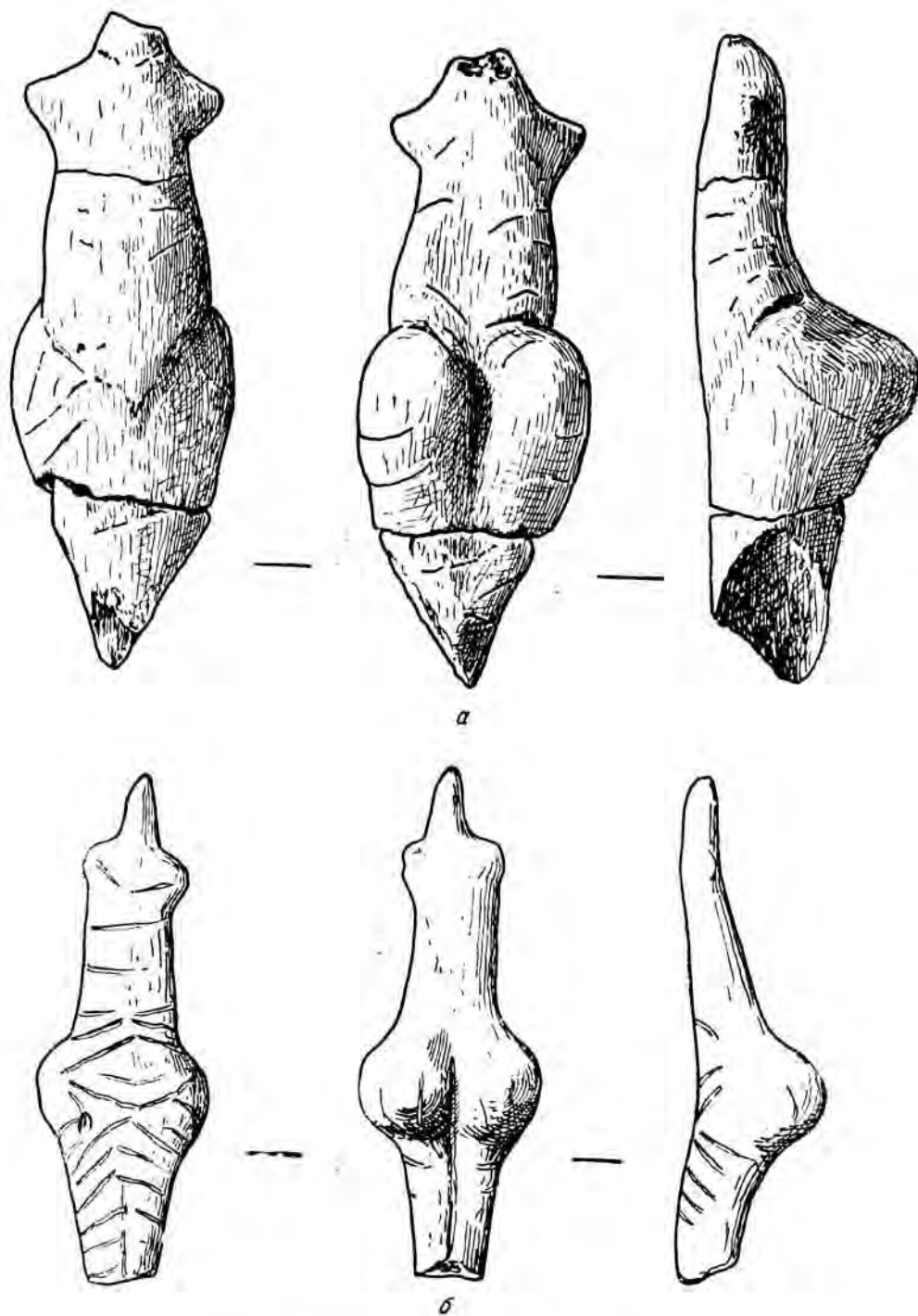

Табл. 100. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

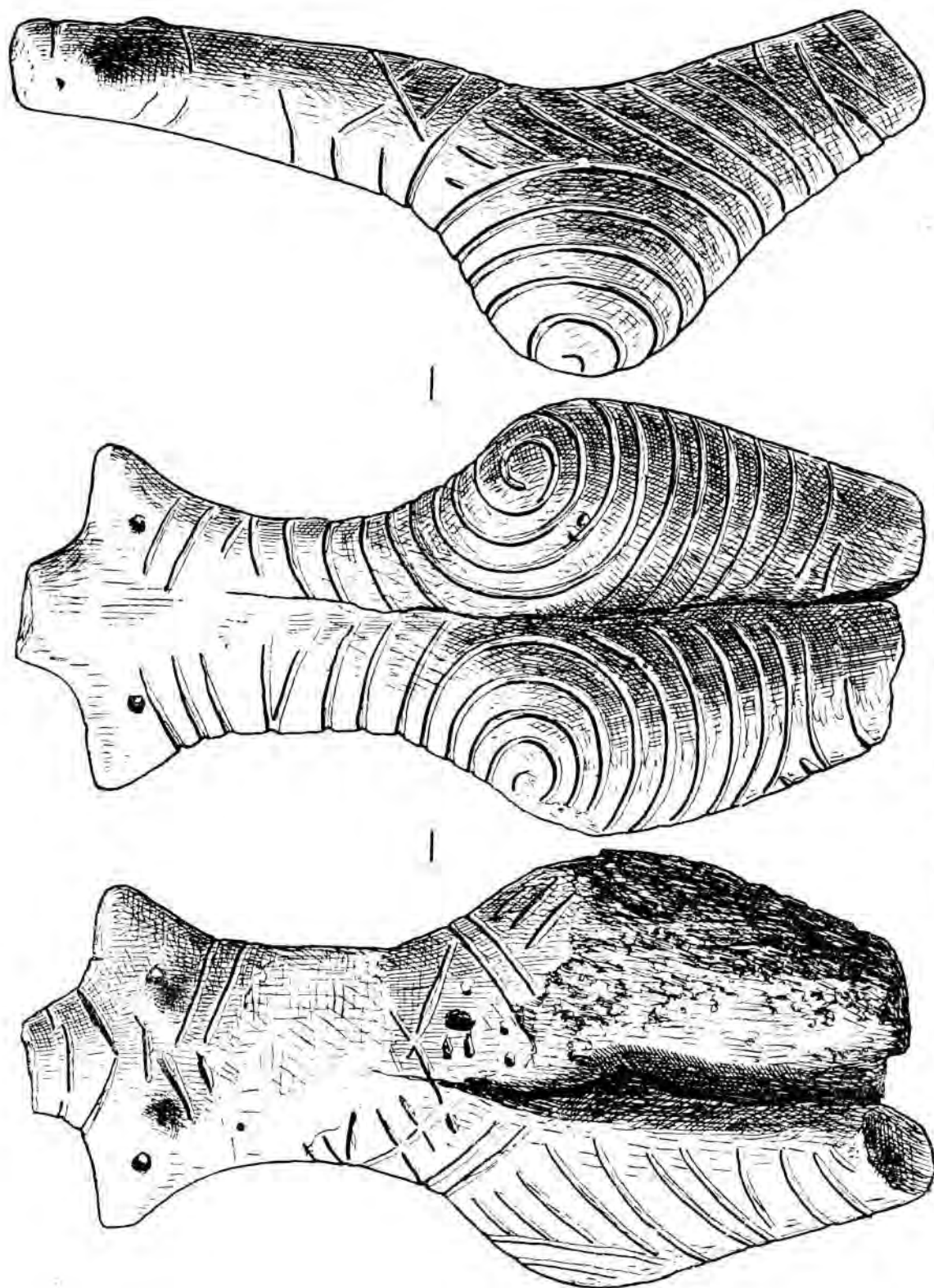

Табл. 101. Орнаментированная статуэтка. (Нат. вел.).

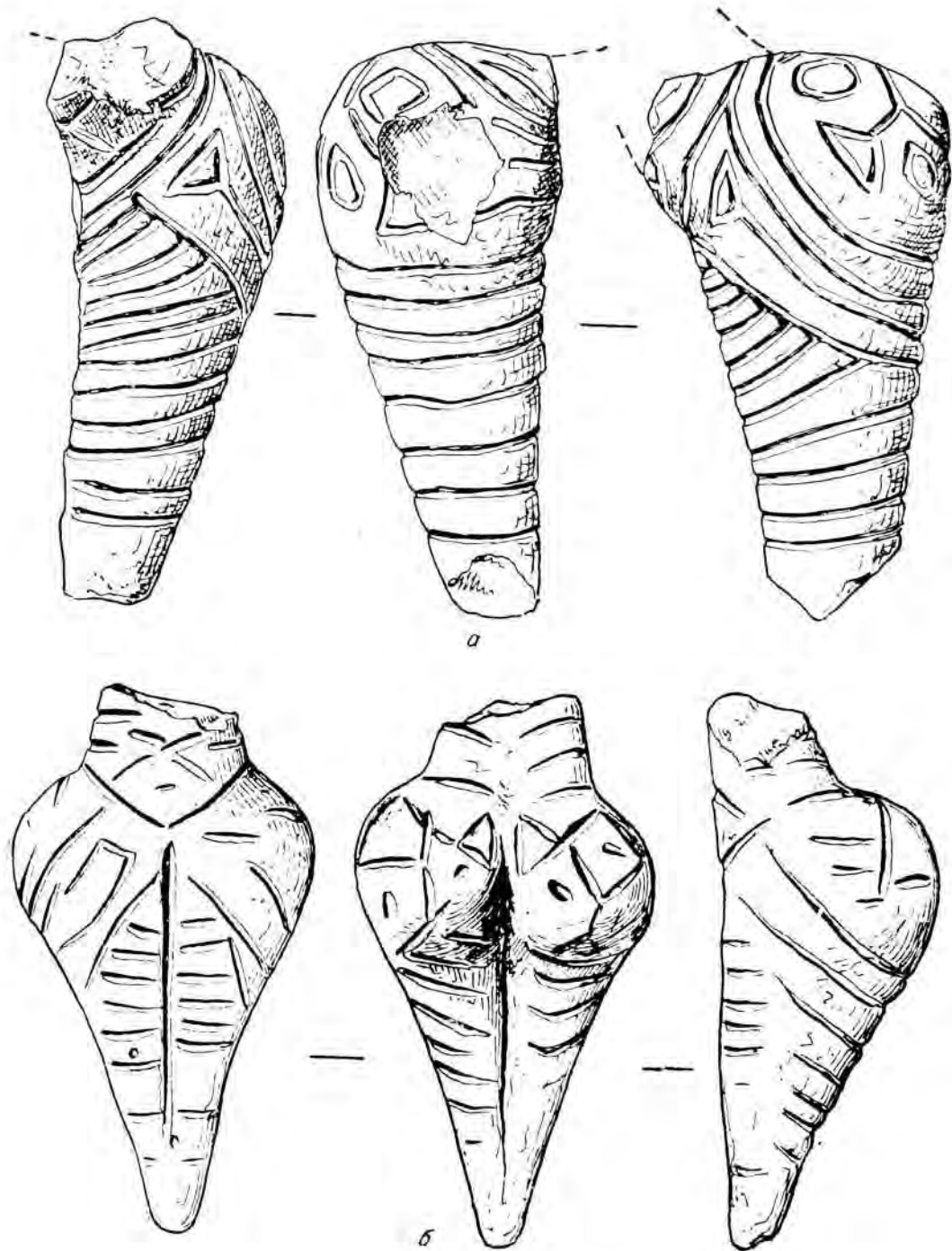

Табл. 102. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вкл.).

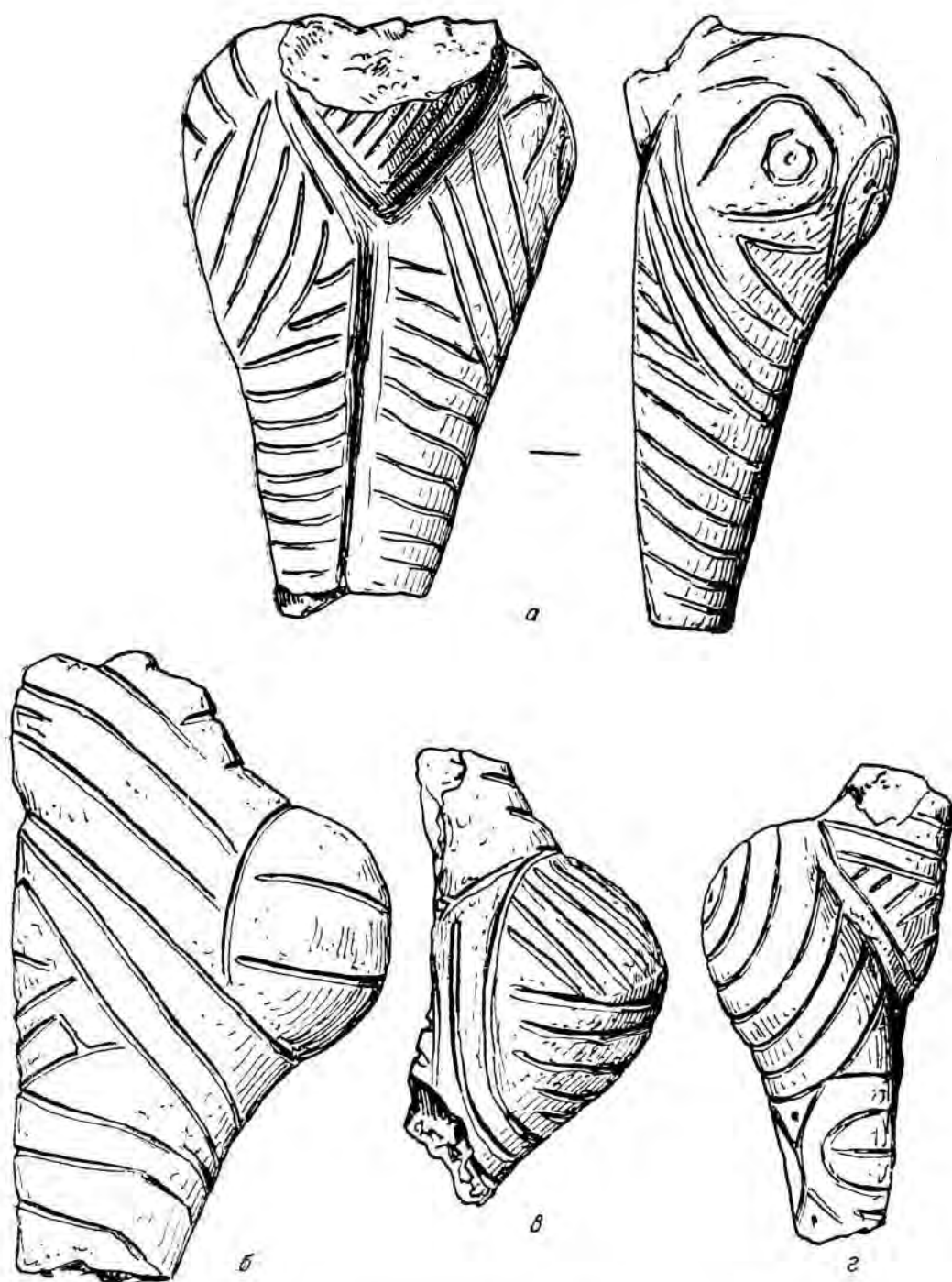

Табл. 103. Орнаментированные статуэтки. (Пат. вел.).

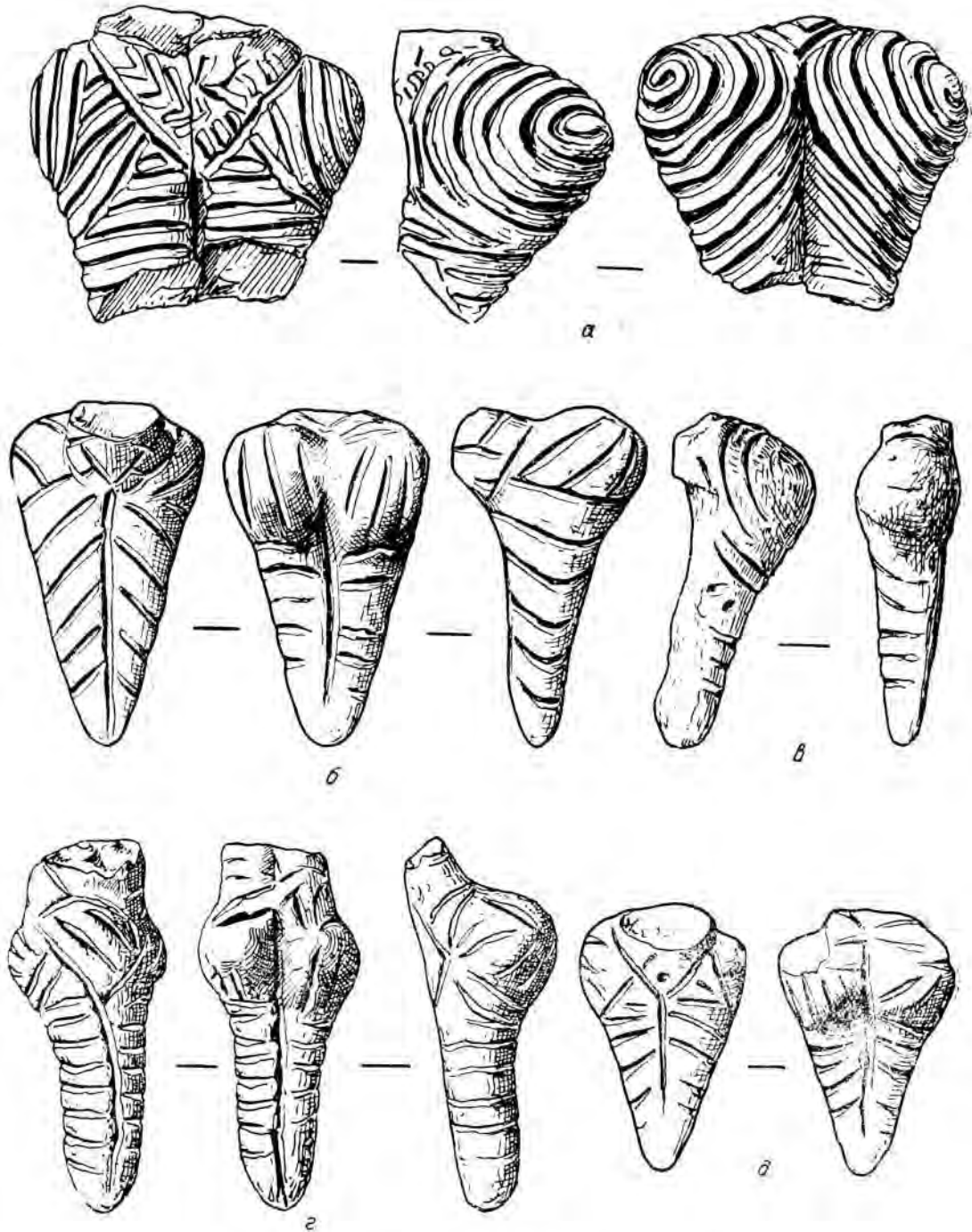

Табл. 104. Орнаментированные статуэтки. (Пат. вел.).

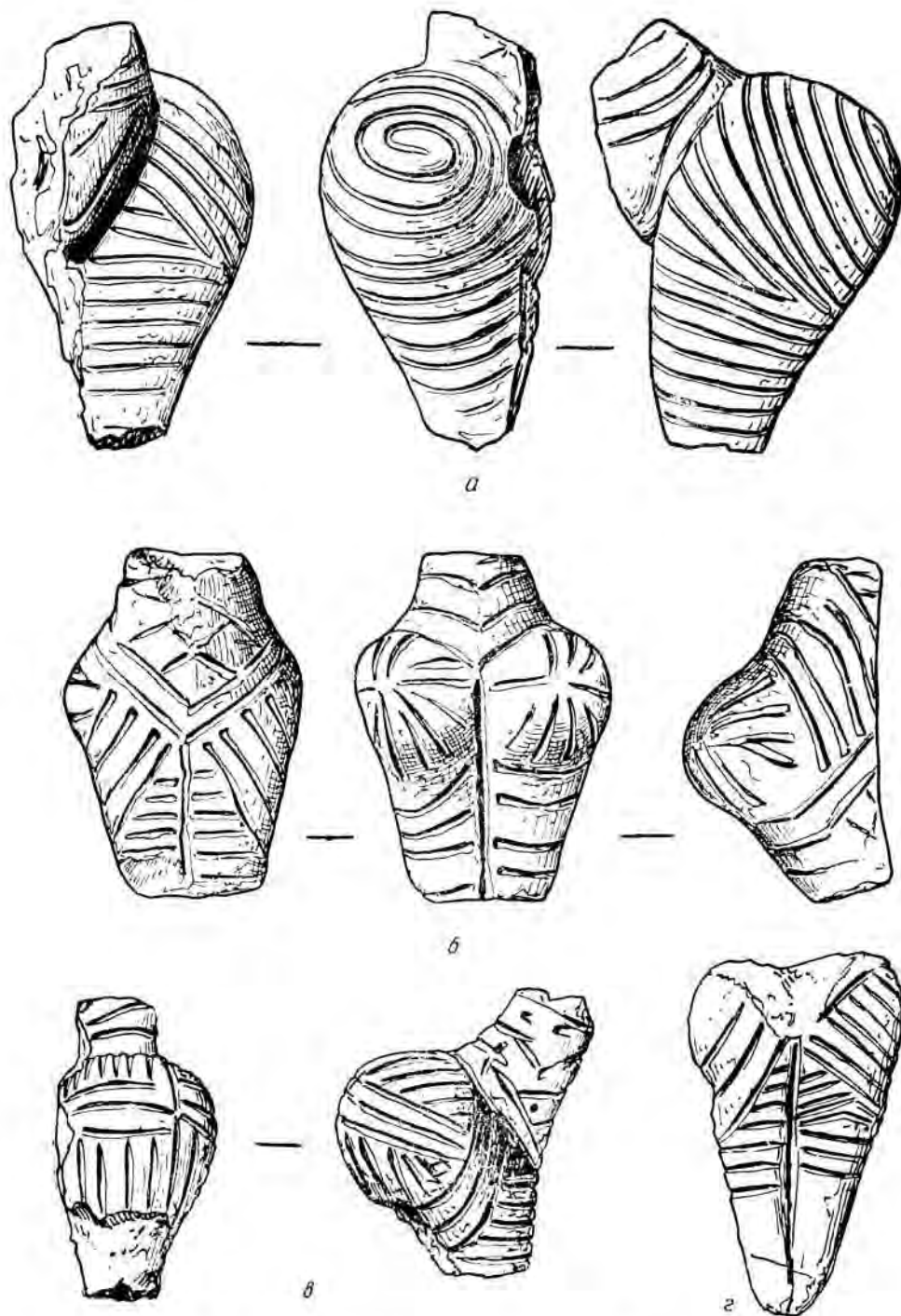

Табл. 105. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

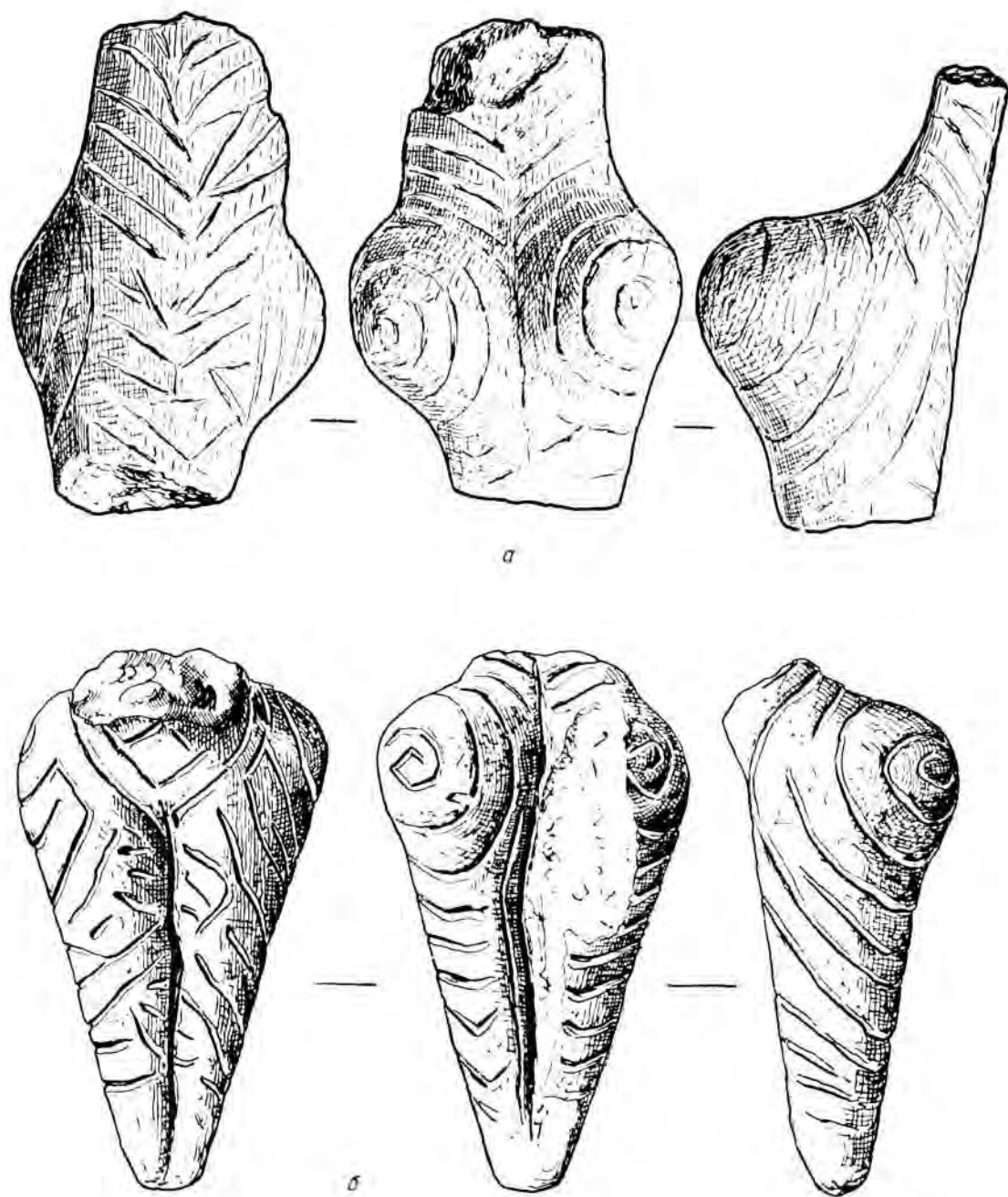

Табл. 106. Ориентированные статуэтки. (Нат. вел.).

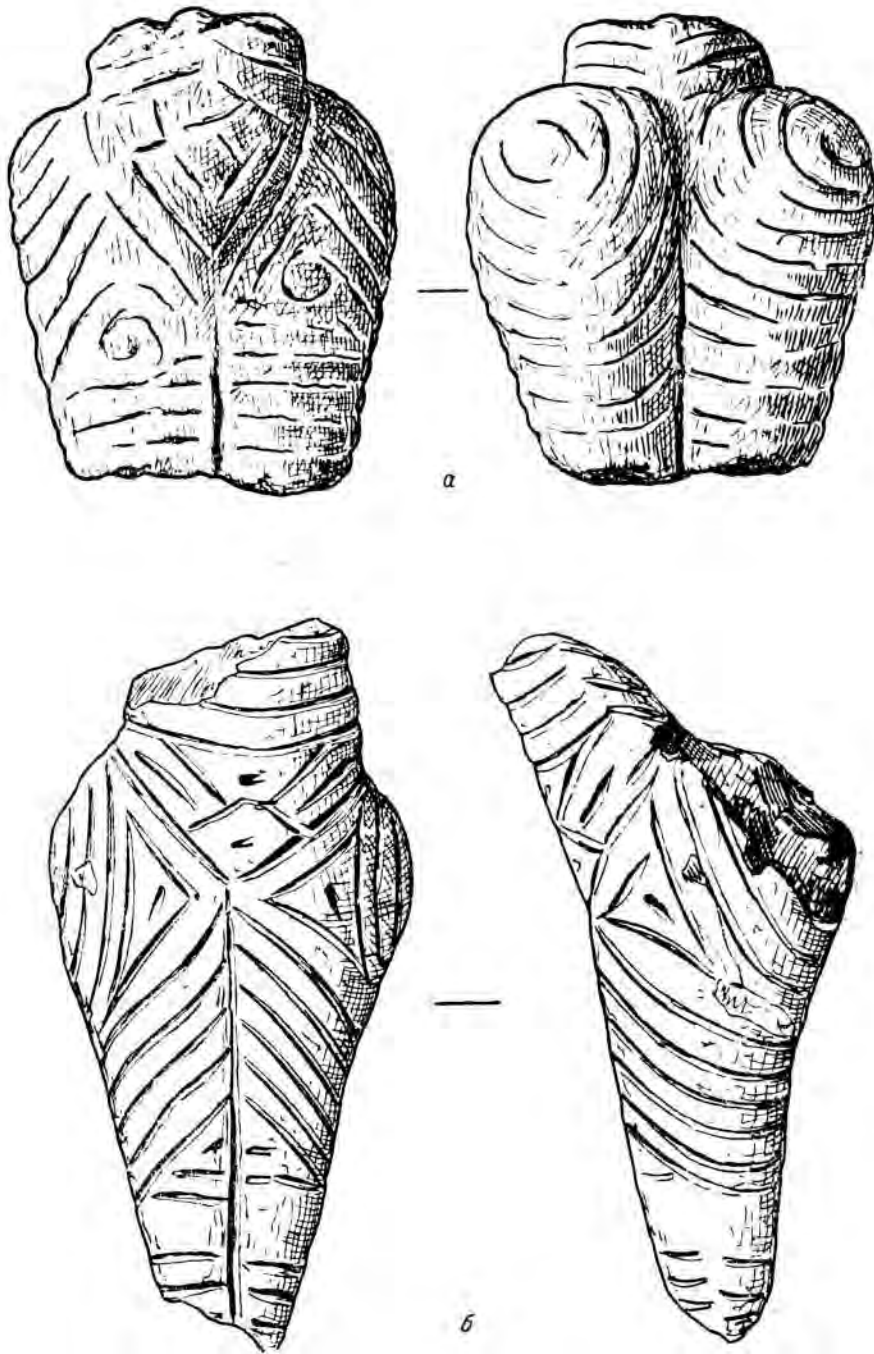

Табл. 107. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

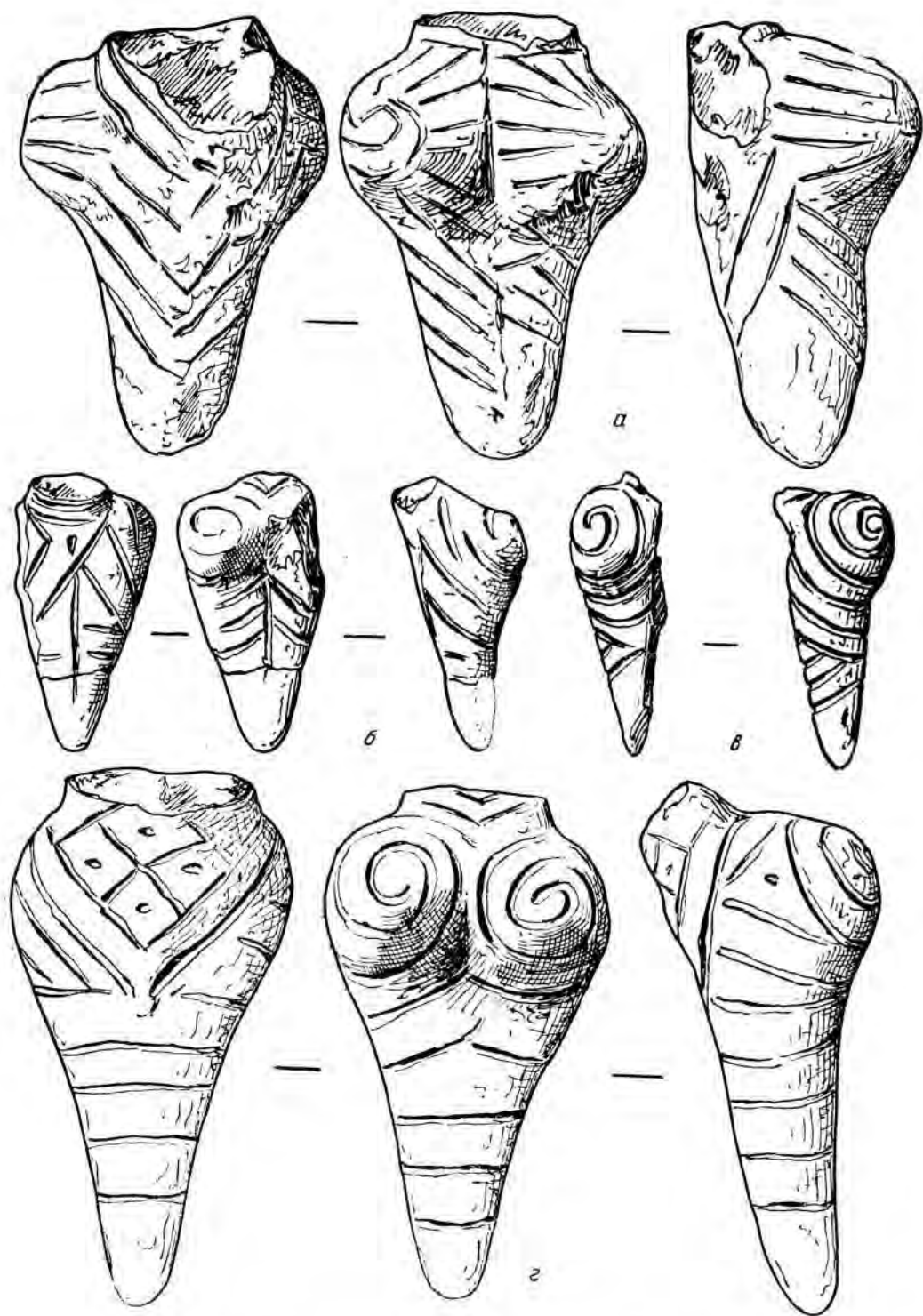

Табл. 108. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

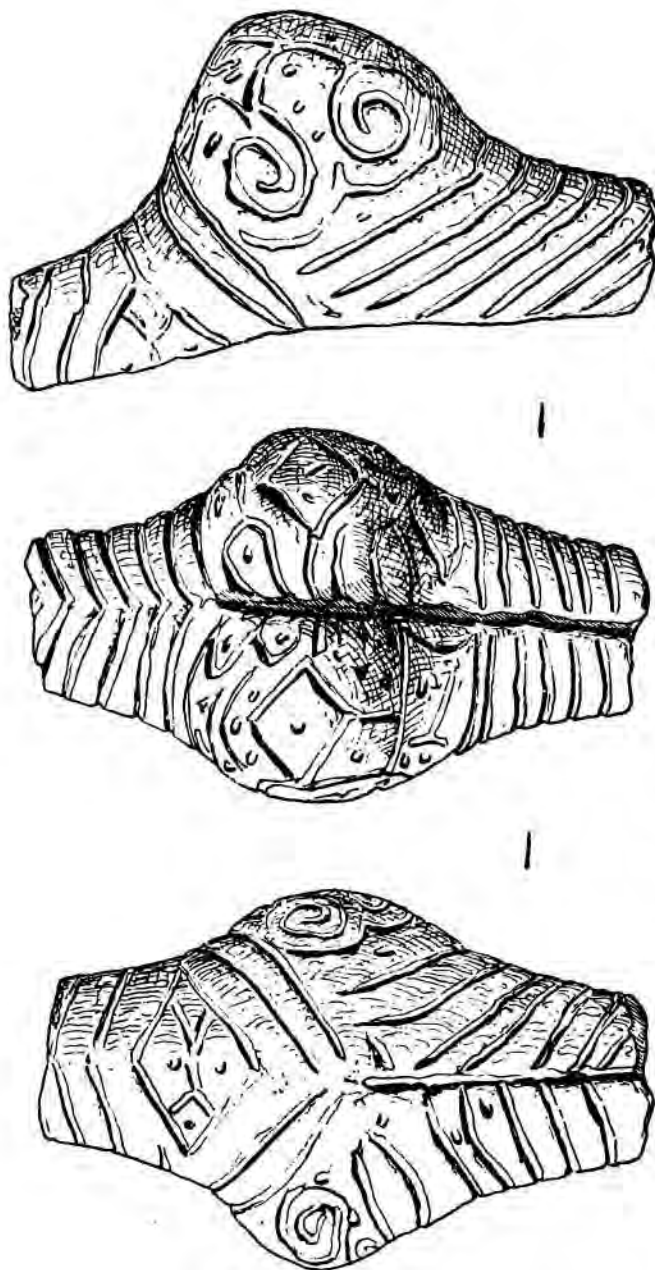

Табл. 109. Орнаментированная статуэтка. (Нат. вел.).

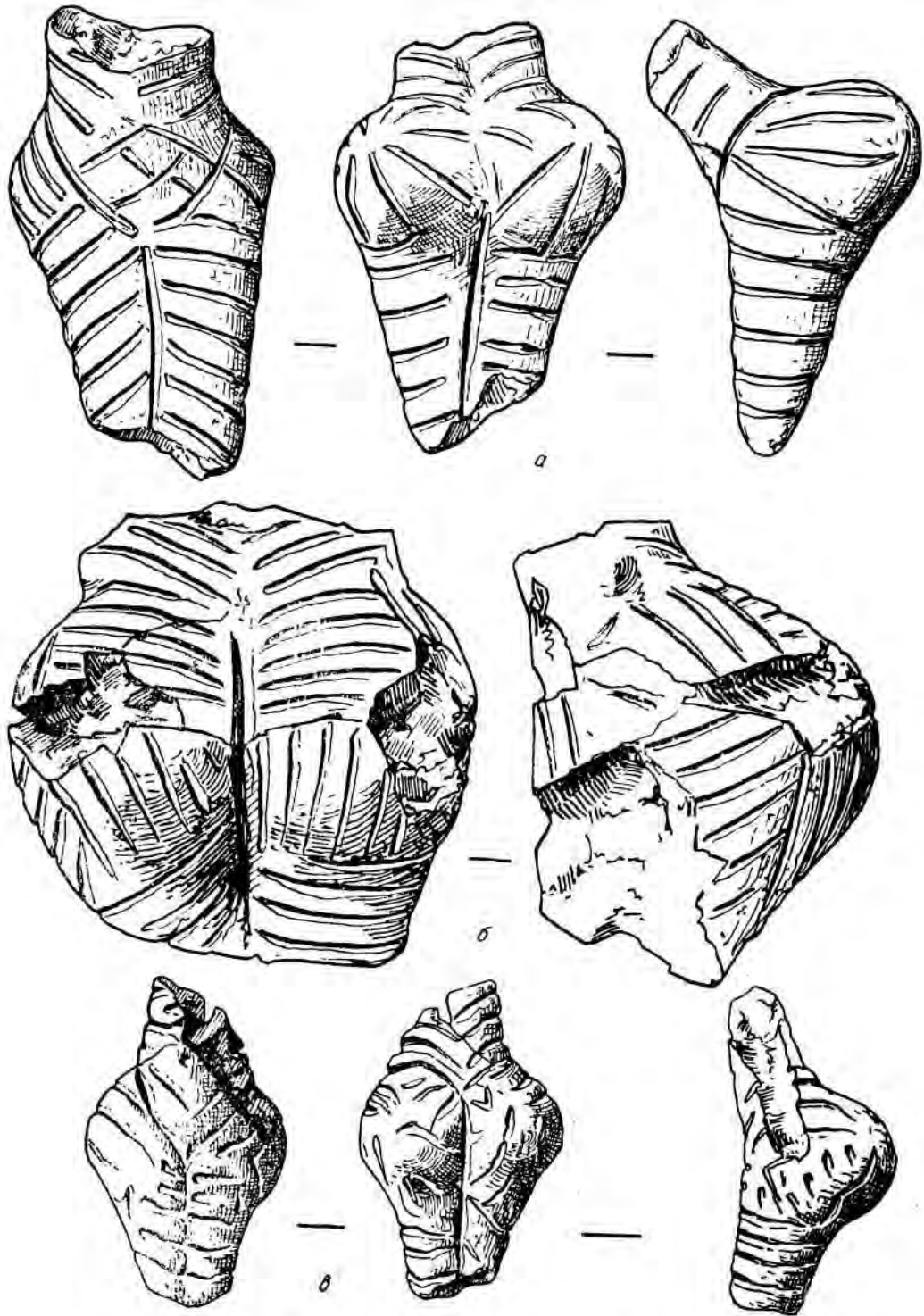

Табл. 110. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

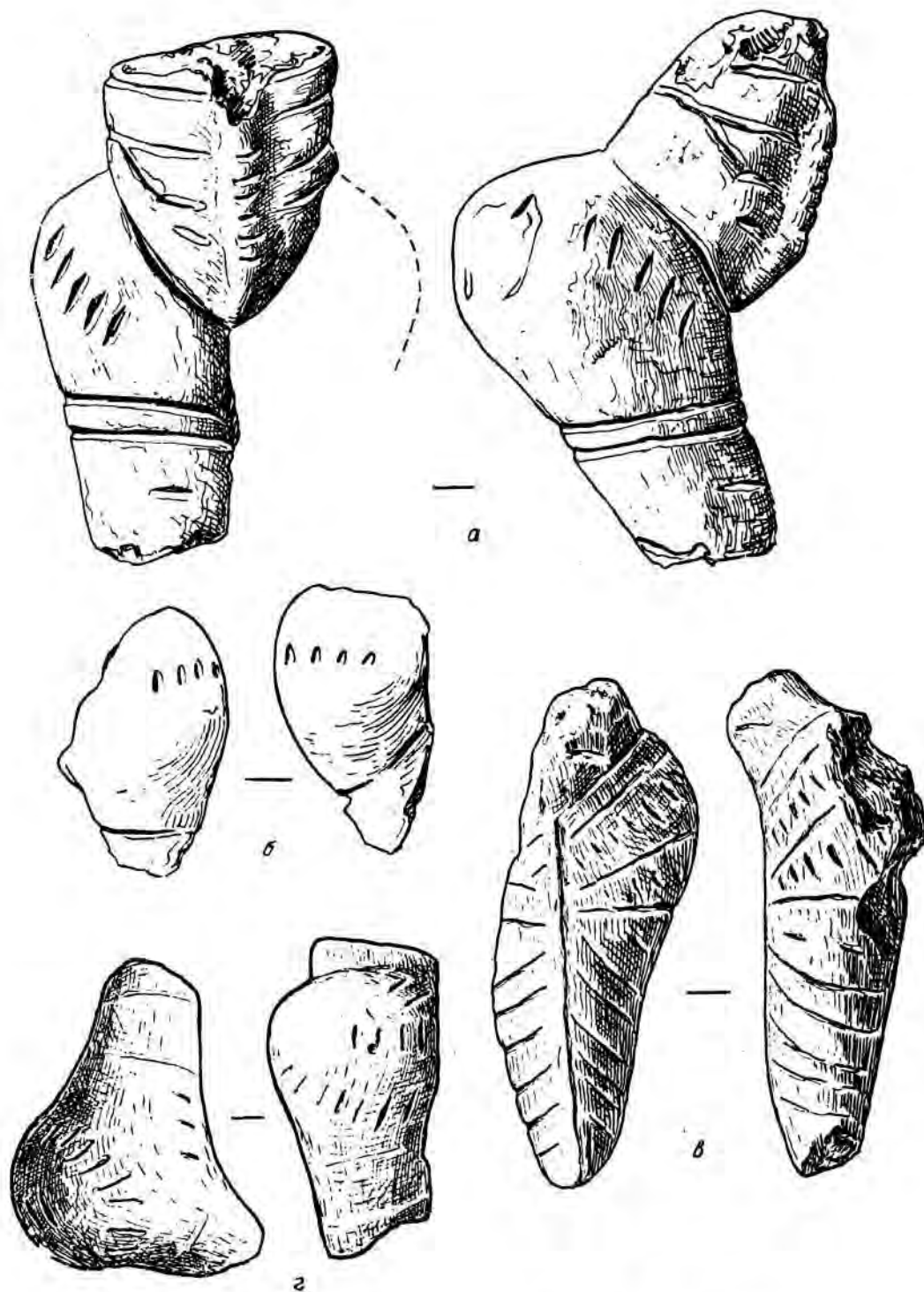

Табл. 111. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

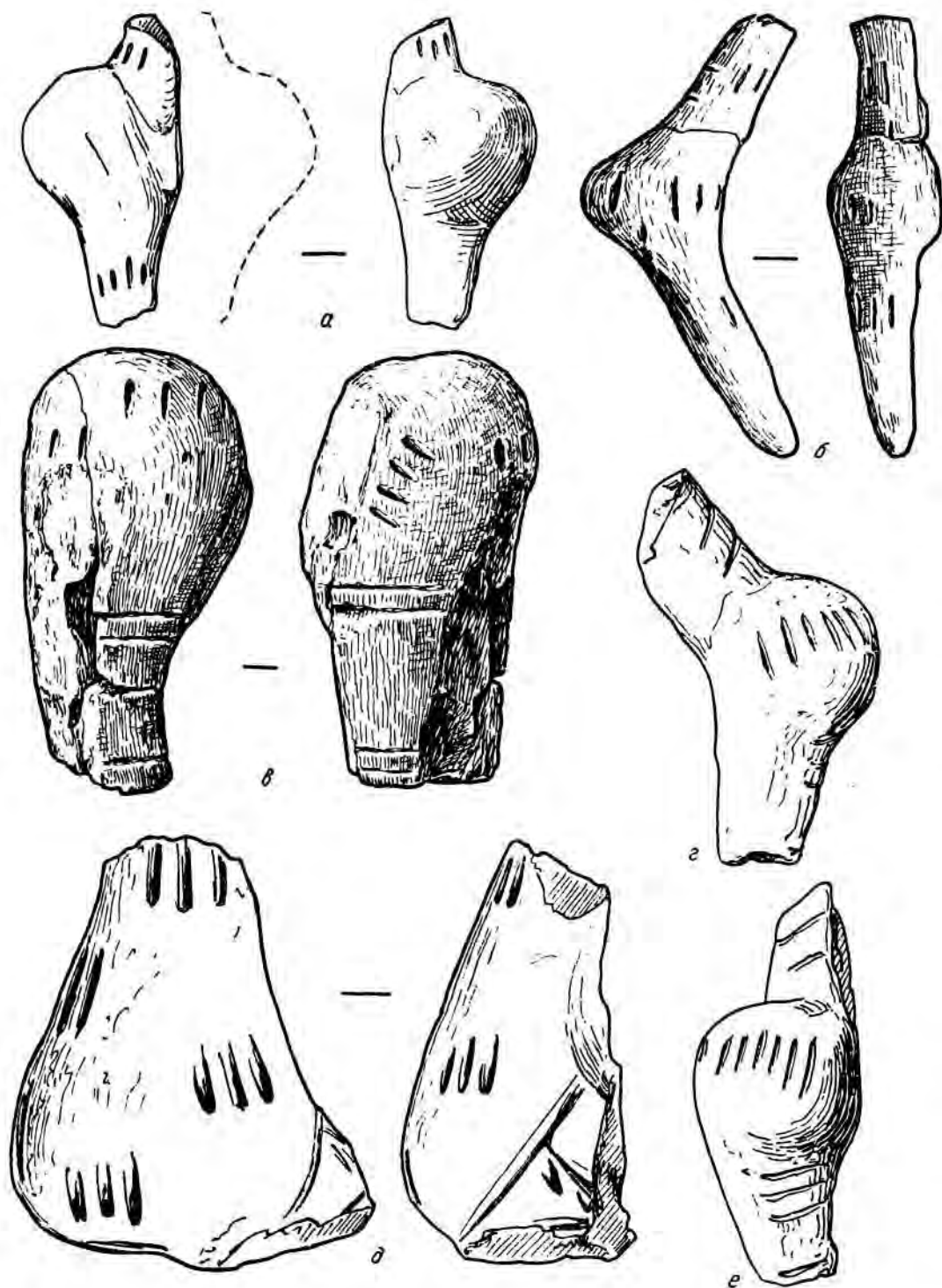

Табл. 112. Орнаментированные статуэтки. (Нат. вел.).

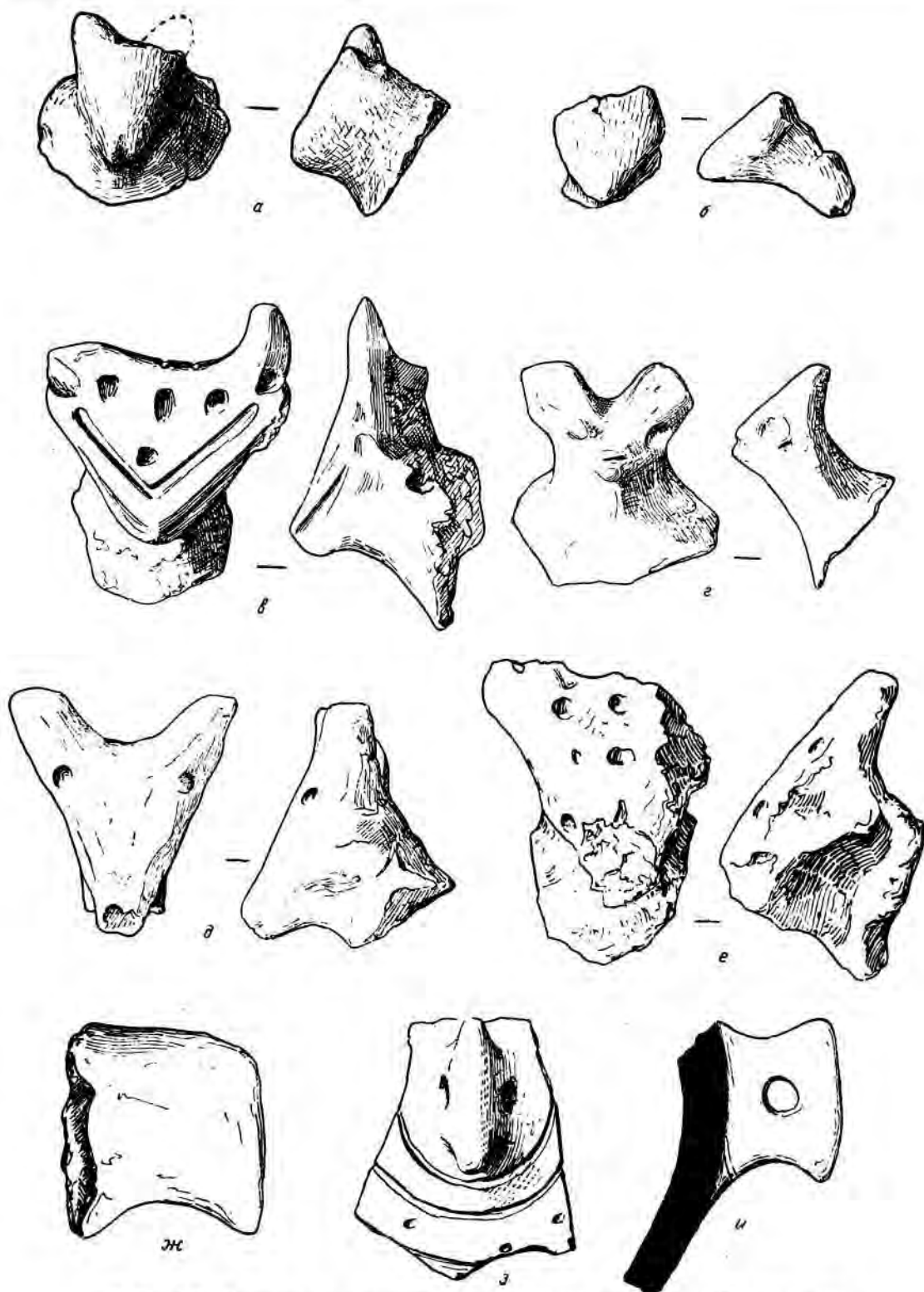

Табл. 113. Скульптурные головки бычков (валеры на сосуды). ($\frac{4}{5}$ нат. вел.).

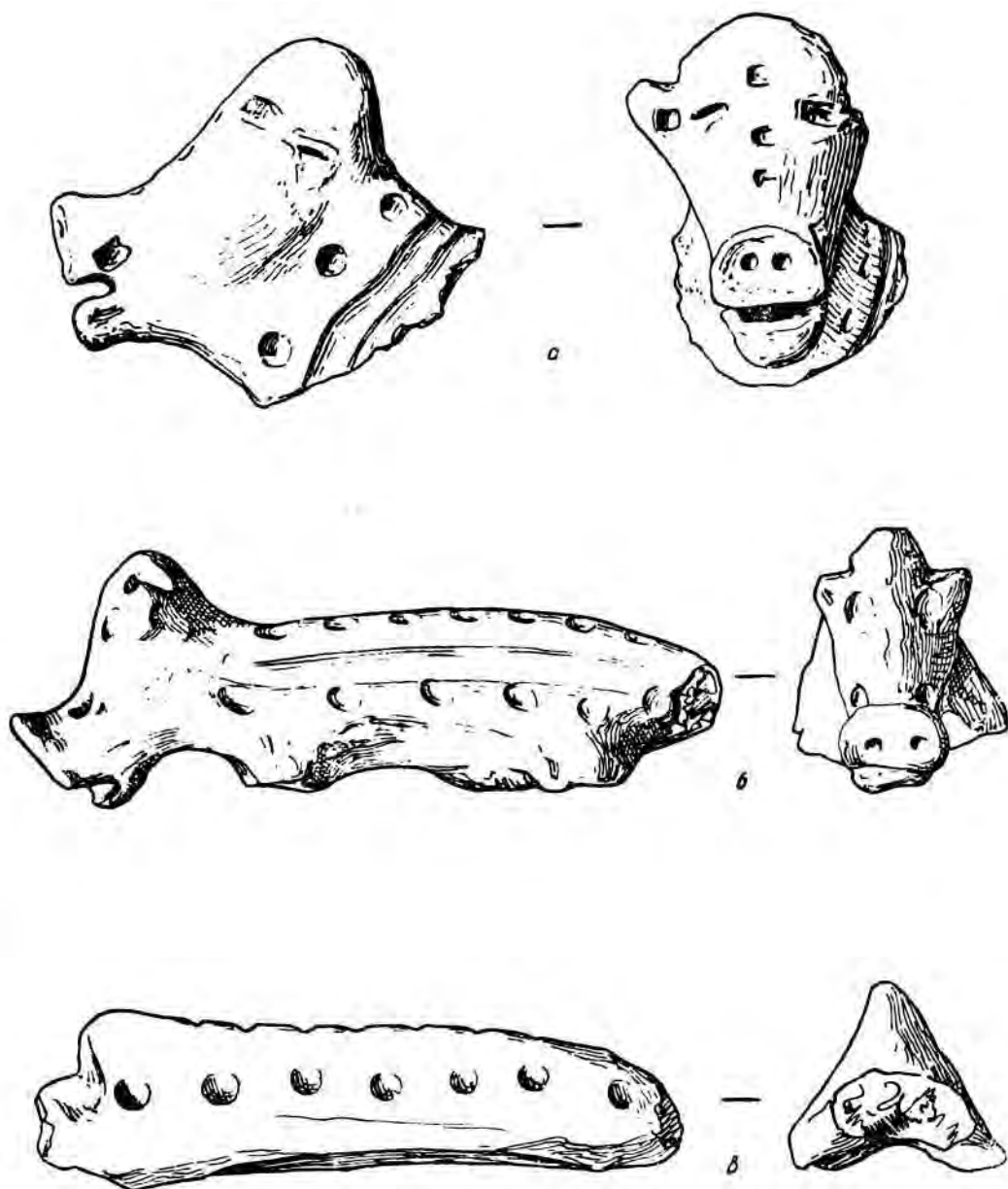

Табл. 114. Зооморфные скульптуры. (Нат. вел.).
а, б — изображение свиньи; в — неизвестного животного.

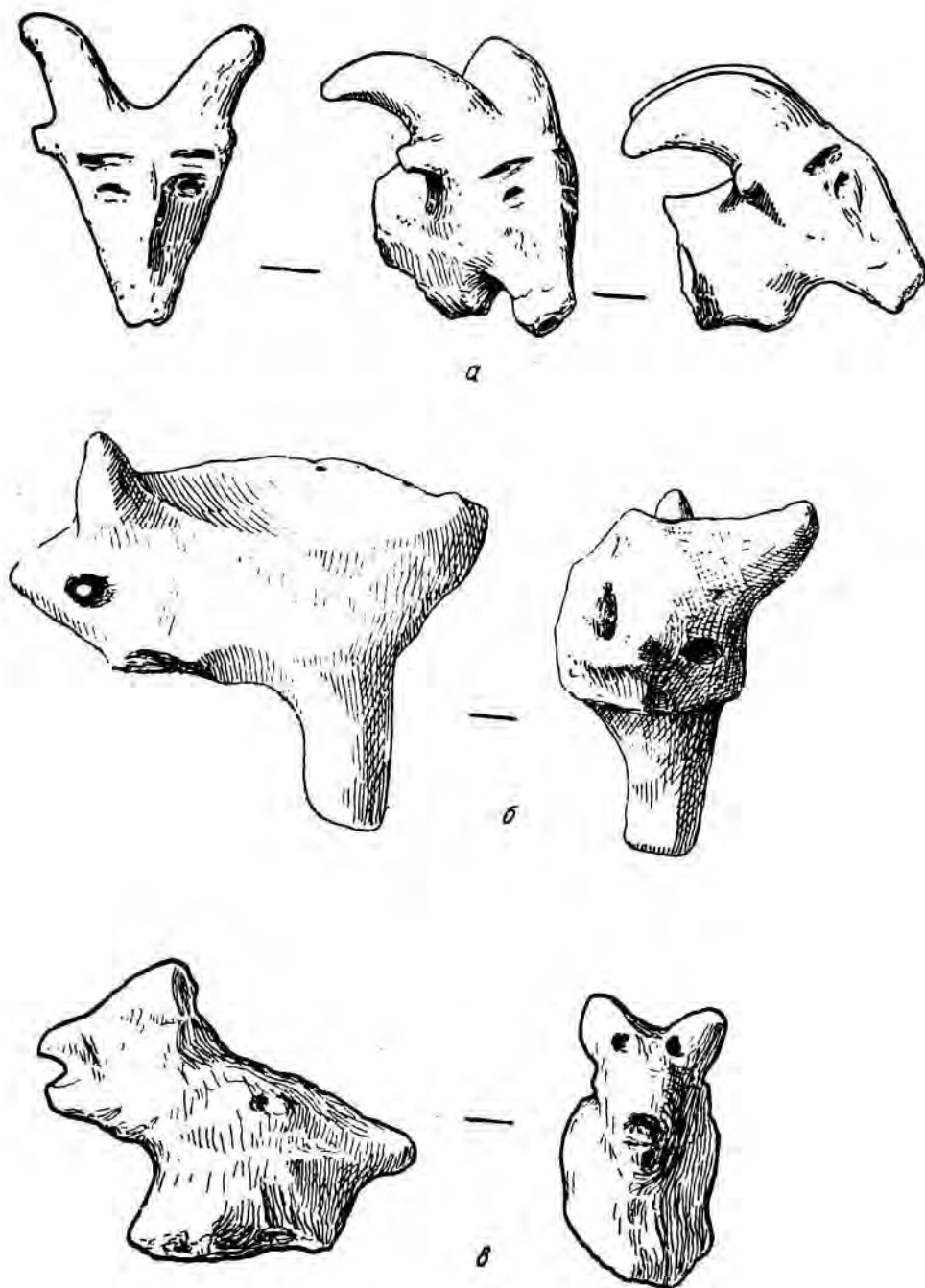

Табл. 115. Зооморфные скульптуры. (Нат. вел.).
а — изображение козы; б — быка; в — собаки.

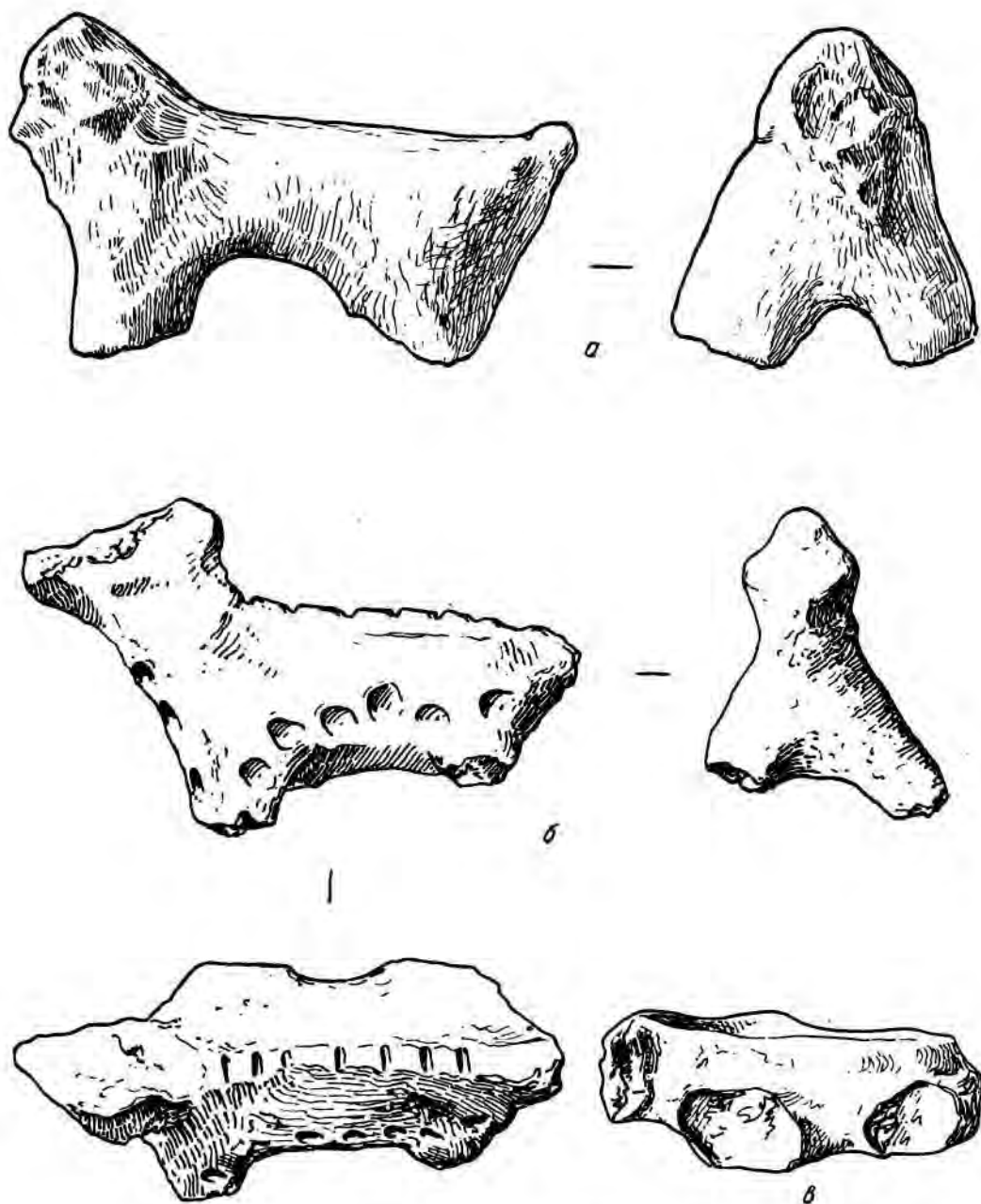

Табл. 116. Зооморфные скульптуры. (Нат. вел.).
 а, б — изображение овцы (?); в — фигурка неизвестного животного с углублением на спинке.

П р и л о ж е н и е

В. И. Бибикова

ФАУНА РАННЕТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЛУКА-ВРУБЛЕВЕЦКАЯ

Фаунистический анализ костных остатков из Луки-Врублевской является фактическим основанием для освещения одной из сторон хозяйственной деятельности населения раннетрипольского общества.¹

Мощный, перекрывающий культурные остатки, слой суглинка способствовал предохранению костей от процесса почвенно-химического выветривания. Результатом этого явилась хорошая сохранность костей, значительно отличающая их от материалов ряда других поселений триполья (например Коломыйщины, Городскв). Для материала из Луки-Врублевской характерна сильная раздробленность всех костей, особенно костей копытных животных домашних и диких видов.

Остатки таких животных, как бык, коза, овца, свинья, составляют около 98% от общего количества костей домашних животных, а остатки диких копытных — около 92% от общего количества остатков диких млекопитающих. Целые кости копытных в коллекции встречаются единицами. Сосредоточение костей в жилищах, сильная раздробленность их, особенно костей копытных животных и ряд других особенностей материала указывают на то, что перед нами кухонные остатки.

¹ Всего за шесть сезонов раскопок было извлечено свыше 8000 костных остатков, не менее чем от 409 индивидуумов различных видов наземных позвоночных животных. Кроме того, при раскопках встречено 348 костей различных видов рыб. Помимо этого в культурном слое обнаружено огромное количество раковин речной двустворки — *Unio pictorum*. Значительно реже встречаются крупные домики виноградной улитки *Helix pomatia* и раковинки мелкой наземной улитки *Helix* sp.

Результаты анализа костных остатков приводятся в табл. 1, данные которой дают представление о количественном соотношении костей и числе особей различных видов. Там же приводятся процентные соотношения домашних и диких млекопитающих и отдельных видов внутри каждой из этих двух групп.

Число особей за каждый год раскопок подсчитывалось по наибольшему количеству одноименных частей скелета с учетом отличающихся по своему индивидуальному возрасту или размерам костей противоположной стороны. Результаты же за все годы работ суммировались. При характеристике фауны Луки-Врублевской мы учитывали главным образом млекопитающих.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении данных табл. 1, это большое видовое разнообразие и некоторое преобладание диких животных при наличии домашних форм. В среднем за 6 лет раскопок дикие животные по количеству костных остатков составляют около 46%, а по числу особей — более 50%.

Колебания в соотношении домашних и диких млекопитающих по количеству костных остатков в различные годы раскопок (что иногда характеризует то или иное жилище) незначительны.

Подробный анализ фауны Луки-Врублевской мы начинаем с рассмотрения диких животных, что позволит составить представление о физико-географической среде, окружающей поселение.

Здесь сразу же нужно сказать, что настоящая работа в главной своей части представляет первый этап изучения фауны

ТАБ
Фауна млекопитающих из раскопок раннеэра

№ п. п.	Виды животных	Раскопки 1945 г. ¹				Раскопки 1946 г.							
		количество костных остатков	процентное соотношение видов по количеству костных остатков	минимальное число особей	процентное соотношение видов по числу особей	количество костных остатков	процентное соотношение видов по количеству костных остатков	минимальное число особей	процентное соотношение видов по числу особей				
Домашние млекопитающие													
1	Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i> L.)	67	—	9	—	265	35.6	7	19.5				
2	Коза (<i>Capra hircus</i> L.)	23 ³	—	5	—	71 ³	9.5	6	16.6				
3	Овца (<i>Ovis aries</i> L.)	—	—	—	—	—	—	—	—				
4	Свинья (<i>Sus scrofa domestica</i> L.)	48	—	6	—	387	51.9	19	52.8				
5	Лошадь (<i>Equus caballus</i> L.)	—	—	—	—	2	0.3	1	2.8				
6	Собака (<i>Canis familiaris palustris</i> Rdt.)	8	—	2	—	20	2.7	8	8.3				
Всего домашних животных и процент их от количества костей и особей всех млекопитающих		146	75.3	14	58.3	745	51.9	36	45				
Дикие млекопитающие													
Копытные													
1	Косуля (<i>Capreolus capreolus</i> L.)	2	42 — 87.5%	1	7 — 70%	95	624 — 90.3%	5	27 — 61.4%				
2	Олень (<i>Cervus elaphus</i> L.)	19		3		377		12					
3	Лось (<i>Alces alces</i> L.)	—		—		32		3					
4	Кабан (<i>Sus scrofa ferus</i> L.)	21		3		180		7					
Хищные													
5	Медведь (<i>Ursus arctos</i> L.)	2	5 — 10.4%	1	2 — 20%	9	44 — 6.8%	1	9 — 20.4%				
6	Барсук (<i>Meles meles</i> L.)	—		—		—		4		1			
7	Росомаха (<i>Gulo gulo</i> L.)	—		—		—		—		—			
8	Выдра (<i>Lutra lutra</i> L.)	—		—		—		—		—			
9	Куницы — лесная и каменная (<i>Martes martes</i> L. et <i>M. foina</i> Erxleb.)	—		—		—		6		2			
10	Хорек (<i>Putorius</i> sp.)	—		—		—		—		—			
11	Волк (<i>Canis lupus</i> L.)	—		—		—		10		1			
12	Лисица (<i>Vulpes vulpes</i> L.)	3		—		1		9		2			
13	Лесной кот (<i>Felis silvestris</i> Schreb.)	—		—		—		4		1			
14	Рысь (<i>Lynx lynx</i> L.)	—		—		—		2		1			
Грызуны													
15	Заяц (<i>Lepus</i> sp.)	—		1 — 2.1%		—		1 — 10%		9	22 — 3.1%	3	6 — 13.6%
16	Белка (<i>Sciurus vulgaris</i> L.)	1				1				4		2	
17	Бобр (<i>Castor fiber</i> L.)	—				—				9		2	
Насекомоядные													
18	Еж (<i>Erinaceus europaeus</i> L.)	—	—	—	—	2	2 — 0.3%	2	2 — 4.6%				
Всего диких животных и процент их от общего количества костей и особей всех млекопитающих		48	24.7	10	41.7	692	48.1	44	55.0				
Итого		194		24		1437		80					

¹ Определение костных остатков из раскопок 1945 г. произведено И. Г. Пидопличко. ³ Среди этих лими размерами резко отличающийся от костей домашнего быка из Луки-Врублевской и приближаю точное определение его. ² Среди материалов 1945—1948 гг. достоверно определенных остатков овцы

ЛИЦА 1

Шольского поселения Лука-Врублевская

Раскопки 1947 г.				Раскопки 1948 г.				Раскопки 1949-50 гг.				Всего за шесть сезонов раскопок			
количество костных остатков	процентное соотношение видов по количеству костных остатков	минимальное число особей	процентное соотношение видов по числу особей	количество костных остатков	процентное соотношение видов по количеству костных остатков	минимальное число особей	процентное соотношение видов по числу особей	количество костных остатков	процентное соотношение видов по количеству костных остатков	минимальное число особей	процентное соотношение видов по числу особей	количество костных остатков	процентное соотношение видов по количеству костных остатков	минимальное число особей	процентное соотношение видов по числу особей
193	38.0	9	28.1	417	39.9	12	27.8	375 ²	24.6	11	17.3	1317	30.7	42	22.3
503	9.8	6	18.8	162 ³	11.7	7	16.4	156	10.3	11	17.2	463	10.7	33	17.4
—	—	—	—	—	—	—	—	67	4.4	5	7.8	67	1.5	5	2.8
247	48.6	14	43.8	799	57.3	21	48.9	888	58.3	32	51.6	2364	54.9	93	49.2
8	1.6	1	3.1	9	0.6	1	2.3	3	0.2	1	1.5	22	0.5	4	2.1
10	2.0	2	6.2	7	0.5	2	4.7	30	2.2	3	4.7	75	1.7	12	6.8
508	57.3	32	53.3	1995	48.9	43	88.8	1514	58.7	64	52.5	4308	54.0	189	47.6
59	352 — 92.9%	4	19 — 68%	272	1401 — 93.9%	18	38 — 56%	223	933 — 89.4%	13	39 — 67.2%	641	3372 — 91.7%	31	130 — 62.5%
209		3		947		19		589		15		2091		57	
32		3		28		9		11		1		103		9	
52		4		154		9		180		10		537		33	
8	26 — 6.8%	1	8 — 28.5%	14	68 — 4.4%	3	21 — 30.8%	8	61 — 5.7%	2	10 — 17.3%	41	202 — 5.5%	8	50 — 24.1%
—		—		8		—		4		—		20		—	
—		—		—		—		—		—		4		—	
—		—		—		—		—		—		2		—	
1	1 — 0.3%	—	1 — 3.5%	22	24 — 1.6%	5	8 — 11.8%	3	52 — 4.8%	1	8 — 19.9%	30	100 — 2.7%	8	24 — 11.5%
—		—		1		—		1		—		1		—	
—		—		—		—		—		—		1		—	
—		—		—		—		—		—		2		—	
10	26 — 6.8%	1	8 — 28.5%	1	68 — 4.4%	1	21 — 30.8%	1	61 — 5.7%	1	10 — 17.3%	30	202 — 5.5%	8	50 — 24.1%
1		—		1		—		—		—		1		—	
—		—		—		—		—		—		1		—	
—		—		—		—		—		—		2		—	
10	26 — 6.8%	1	8 — 28.5%	1	68 — 4.4%	1	21 — 30.8%	1	61 — 5.7%	1	10 — 17.3%	16	100 — 2.7%	4	24 — 11.5%
—		—		—		—		—		—		4		—	
—		—		—		—		—		—		27		—	
—		—		—		—		—		—		24		—	
2	26 — 6.8%	1	8 — 28.5%	2	24 — 1.6%	2	8 — 11.8%	—	52 — 4.8%	—	8 — 19.9%	79	100 — 2.7%	4	24 — 11.5%
—		—		—		—		—		—		8		—	
—		—		—		—		—		—		2		—	
—		—		—		—		—		—		—		—	
1	1 — 0.3%	—	1 — 3.5%	4	24 — 1.6%	3	8 — 11.8%	35	52 — 4.8%	4	8 — 19.9%	49	100 — 2.7%	9	24 — 11.5%
—		—		—		—		—		—		14		—	
—		—		—		—		—		—		3		—	
—		—		—		—		—		—		—		—	
1	1 — 0.1%	—	1 — 3.5%	1	24 — 1.6%	1	1 — 1.4%	1	1 — 0.1%	1	1 — 1.7%	4	4 — 0.1%	4	4 — 1.9%
—		—		—		—		—		—		—		—	
—		—		—		—		—		—		—		—	
—		—		—		—		—		—		—		—	
879	42.7	28	48.7	1492	51.1	68	61.2	1067	41.8	58	47.5	3678	46.0	208	52.4
887		60		2887		111		2581		122		7988		397	

остатков имеется один фрагмент латерального кондилуса дистального конца плечевой кости, своими размерами соответствующий к размерам кости тура или зубра. Сильная фрагментированность этого остатка делает невозможным ее встречено.

из Луки-Врублевцевкой, т. е. этап, который включает в себе определение фаунистических остатков, видовую характеристику и некоторые сравнительные данные. Далее, нами даются некоторые выводы, связанные с характеристикой ландшафта Среднего Поднестровья в трипольскую эпоху. В следующей работе мы предполагаем рассмотреть материал из Луки-Врублевцевкой в плане его значения не только для решения естественно-исторических вопросов, но, что еще важнее, с точки зрения культурно-исторических проблем и в первую очередь в связи с проблемой происхождения домашних животных в юго-восточной Европе.

Фауна диких животных Луки-Врублевцевкой насчитывает в своем составе 18 видов (без птиц). Остатки млекопитающих, кроме ежа, принадлежат исключительно промысловым животным, которые добывались ради мяса и шкуры. Основными животными, попадавшими в черту поселения и дошедшими до нас в виде кухонных остатков, были копытные, 4 вида которых составляют более половины всех диких млекопитающих, занесенных первое место среди них. Наиболее обильно среди копытных представлены следующие: благородный олень (около 44%), дикая свинья (около 25%) и косуля (около 24%).

На втором месте как по числу особей, так и по количеству костных остатков стоят хищные животные, добывавшиеся главным образом ради шкуры. Среди них наиболее многочисленны остатки лисицы, затем идут куницы (лесная и каменная), медведь и барсук. Немногочисленны косточки волка, лесного кота, росомахи, выдры, рыси и хорька. Некоторые из хищных животных, например медведь и барсук, употреблялись жителями в пищу, на что указывает относительно большое количество остатков этих видов, разбитость костей и следы огня на некоторых из них.

На третьем месте стоят грызуны, представленные 3 видами — зайцем, белкой и бобр. Насекомоядные представлены одним видом — ежом.

Более подробная характеристика различных видов диких животных приводится ниже.

ПАРНОКОПЫТНЫЕ — ARTIODACTYLA

Этот отряд, имеющий в фауне Луки-Врублевцевкой 4 вида, представлен наиболее богато и как по количеству костных остат-

ков, так и по числу особей немногим уступает всей домашней фауне, взятой в целом. Так, если взять соотношение домашних и диких парнокопытных, т. е. основные, если не единственные виды, употреблявшиеся в пищу (крупный и мелкий рогатый скот, олень, домашняя и дикая свинья), то и по количеству костных остатков (45%), и по числу особей (46%) дикие формы лишь немногим уступают домашним. Такой высокий процент содержания в кухонных отбросах остатков диких копытных указывает на важную роль охоты в создании мясной базы для обитателей поселения. Многие кости несут следы огня и погрызов хищных животных — собак.

Косуля — *Capreolus capreolus*

По количеству костных остатков косуля стоит на втором после оленя месте, по числу же особей — на третьем, уступая оленю и дикой свинье. Большинство костей принадлежит взрослым животным, но имеются остатки и молодых особей.

Остатки косули из Луки-Врублевцевкой по географическому положению могут быть отнесены к европейской косуле — *Capreolus capreolus*. Это подтверждается и морфологическим изучением остатков. Из двух существующих ныне видов — европейская косуля и косуля сибирская — первая отличается меньшими размерами и имеет некоторые особенности в строении рогов и черепа. По размерам рогов и нижней челюсти остатки косули из Луки-Врублевцевкой относятся к европейскому виду. Так, наибольшая длина рогов по прямой у европейской косули Подолии составляет около 240 мм, у сибирской с территории левобережья Украины — 296 мм, а из Сибири — 312 и 325 мм.¹ Длина рогов косули из Луки-Врублевцевкой составляет 227—230 мм, что с несомненностью указывает на принадлежность остатков к европейскому виду. Промеры всего зубного ряда коренных нижней челюсти также показывают полное совпадение в размерах с видом *C. capreolus*. Длина зубного ряда на челюсти № 17-1889 (коллекция Института зоологии АН УССР) из Луки-Врублевцевкой составляет 63.2 мм, у европейской косули —

¹ А. Браунер. К какому виду принадлежит косуля южной России и Крыма? Зап. Симферопольск. общ. естествоиспыт. и любит. прир., т. V, Одесса, 1916, стр. 1—2.

ТАБЛИЦА 2

Размеры костей косули (в мм)

	<i>Capreolus capreolus</i>			<i>Capreolus pygargus</i>	
	Лука-Врублевская		по Гро- мовой ¹	№ 1355 Инст. зоолог. АН УССР	по Гро- мовой ¹
	крайние	среднее			
Лопатка					
Передне-задний промер головки	28.5—31.9 (5 экз.)	30.0	—	35.7	—
Передне-задний промер шейки	18.6—21.0 (6 экз.)	19.7	—	20.2	—
Передне-задний промер суставной поверх- ности	21.1—26.0 (7 экз.)	23.7	—	26.2	—
Ширина суставной поверхности	18.1—22.7 (7 экз.)	21.3	—	24.4	—
Плечевая кость					
Ширина нижнего конца	27.5—31.6 (13 экз.)	29.9	31.0, 31.0	31.4	32.0, 33.5
Лучевая кость					
Ширина верхнего конца	27.0—28.6 (7 экз.)	27.8	—	30.2	—
Передне-задний поперечник верхнего конца	16.1—16.6 (5 экз.)	16.3	—	—	—
Ширина нижнего конца	24.5—27.7 (3 экз.)	26.5	—	28.0	—
Пястная кость					
Ширина верхнего конца	21.4—24.0 (4 экз.)	23.2	—	25.3	—
Передне-задний поперечник верхнего конца	16.5—19.0 (4 экз.)	17.6	—	19.8	—
Ширина нижнего конца	23.9	—	—	23.9	—
Передне-задний поперечник нижнего конца	15.9	—	—	16.0	—
Бедренная кость					
Ширина верхнего конца	49.9	—	—	51.3	—
Большеберцовая кость					
Ширина нижнего конца	25.0—30.6 (11 экз.)	28.8	29.5, 30.0	31.0	29.5, 30.0
Передне-задний поперечник его	19.2—24.0 (10 экз.)	22.1	—	23.8	—
Пяточная кость					
Наибольшая длина	64.8—70.1 (3 экз.)	67.7	67.0, 68.6	72.0	67.3, 72.5
Таранная кость					
Наибольшая длина	29.7—33.5 (9 экз.)	31.5	31.5, 33.5	35.3	31.5, 35.0
Плюсневая кость					
Ширина верхнего конца	20.6—21.3 (3 экз.)	20.9	—	22.8	—
Передне-задний поперечник верхнего конца	21.2—22.8 (3 экз.)	21.8	—	26.0	—
Ширина нижнего конца	22.7—26.8 (3 экз.)	24.7	—	26.6	—
Передне-задний поперечник нижнего конца .	16.7, 18.0	—	—	17.9	—
I фаланга²					
Наибольшая длина	37.6—46.4 (5 экз.)	—	—	39.5, 43.3	—
Ширина верхнего конца	11.0—13.1 (5 экз.)	—	—	12.0, 12.8	—
Ширина нижнего конца	9.3—11.4 (5 экз.)	—	—	10.4, 11.4	—
Ширина посредине	7.9— 9.4 (5 экз.)	—	—	8.4, 9.0	—

¹ В. Громова. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа. Матер. и исслед. по археолог. СССР, № 8, стр. 115. ² Ввиду того, что признаки, отличающие изолированные фаланги (1-е и 2-е) передних и задних ног, не установлены, мы не разделяем их. Для современной сибирской косули первая цифра означает промер передней фаланги, вторая — задней.

Таблица 2 (продолжение)

	<i>Capreolus capreolus</i>			<i>Capreolus pygargus</i>	
	Лука-Врублевская		по Громовой ¹	№ 1355 Инт. зоолог. АН УССР	по Громовой ¹
	крайние	среднее			
II фаланга					
Наибольшая длина	29.2—33.1 (4 экз.)		—	26.4, 29.6	—
Ширина верхнего конца	10.6—13.4 (4 экз.)		—	11.6, 12.0	—
III фаланга					
Длина подошвенной пластинки	26.9		—	32.7	—
Наибольшая высота	18.9		—	16.4	—

60.0—63.3 мм, в то время как у сибирского вида колеблется между 66.6 и 71.5 мм при средней длине 69.3 мм.

Для возможности дальнейшего сопоставления остатков косули с материалами из других памятников ниже приводятся промеры всех имеющихся у нас остатков косули (табл. 2).

Данные табл. 2 показывают, что в некоторых признаках размеры сибирской косули перекрываются максимальными размерами европейской формы. Это подтверждает вывод В. И. Громовой о различии этих двух видов по размерам — лишь в средних величинах.¹

С другой стороны, данные табл. 2 показывают полное сходство размеров косули из Луки-Врублевской и из других близких к ней по времени памятников (Кривички, Сабатиновка) с размерами современной косули. Полное морфологическое сходство костей субфоссиальной и современной косули указывает на стойкость, хорошую выживаемость и большие потенциальные возможности этого вида животных.

«Любимые места обитания — разреженные с обильным подседом леса, перемежающиеся травянистыми полями».²

Наличие значительного количества остатков косули в Луке-Врублевской и других памятниках трипольской культуры (см. табл. 17) говорит о большой плотности заселения этой формой близлежащих к посе-

лению территорий. Морфологическое же сходство с современной формой говорит о сходстве биологическом.

Многие кости косули употребались на различного рода поделки (например проколки). Особенно часто шли в работу метаподий и из них почти исключительно плоские кости.

Олень благородный — *Cervus elaphus*

Благородный олень, представленный большим количеством костных остатков и значительным числом особей, являлся основным промысловым животным, добывавшимся ради мяса и шкуры. Остатки его составляют 57% общего количества костей диких млекопитающих. Из всей фауны этот вид в количественном отношении уступает только домашней свинье (табл. 1). В коллекции имеются все части скелета оленя вплоть до самых мелких и тонких косточек (например подъязычные, сесамойдные). Это указывает на то, что туши оленей доставлялись в поселение целиком.

Остатки оленя принадлежат в основном взрослым, но не старым животным. Имеется фрагмент простого тонкого рога на высоком стебельке (№ 17-236 коллекция Института зоологии АН УССР), принадлежавший животному годовалого возраста. Костей телят в возрасте до 1 года не встречено.

Кости оленя из Луки-Врублевской, морфологически не отличаясь от современного европейского оленя, все же несколько крупнее костей последнего. Это характерно не только для оленя из этого поселения, но, как показывают данные табл. 3, более

¹ В. И. Громова. Остатки млекопитающих, . . . , стр. 115.

² Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов и А. П. Кузякин. Определитель млекопитающих СССР. М., 1944, стр. 230.

ТАБЛИЦА 3
Промеры пястной кости оленей (в мм)

	Лука-Врублевецкая		Сабатинская (№ 18673 (28) ЗИН АН СССР)	Мадара (по Р. Попову)	Клин-Коба, Крым (№ 15876 (6) ЗИН АН СССР)	Клин-Коба, Крым Тарде- вузе (№ 15877 (16) ЗИН АН СССР)	Шаян-Коба, Крым Мушка (№ 15880 (1) ЗИН АН СССР)	Сюрень II, Крым (№ 15884 (10) ЗИН АН СССР)	Cervus elaphus braueri, Крым (ЗИН АН СССР)		Cervus elaphus, Велозем. (ЗИН АН СССР)		Среднее для субфосси- льных оленей	Среднее для современных оленей
	крайние	среднее							♂	♀	♂	♀		
Ширина верхнего конца . . .	41.2—53.7 (11 экз.)	45.2	—	47.0	48.4	43.4	50.0	—	46.2	87.8	36.4	36.5	46.7	39.2
Передне-задний попереч- ник верхнего конца . . .	31.0—35.9 (9 экз.)	32.8	—	31.0	35.3	31.3	35.6	34.6	31.6	28.2	26.9	27.1	33.4	28.4
Ширина нижнего конца . . .	44.0—47.3 (9 экз.)	46.0	52.0	—	—	—	—	—	44.7	40.0	38.9	39.0	46.8	40.6
Передне-задний попереч- ник нижнего конца . . .	29.6—32.2 (9 экз.)	30.8	34.0	—	—	—	—	—	28.8	26	26.8	26.5	30.8	27.0

крупные размеры характерны и для других субфоссильных оленей. Так, например, ширина верхнего конца пястной кости на 11 экземплярах костей из Луки-Врублевецкой колеблется от 41.2 до 53.7 мм при средней для всех взятых субфоссильных оленей 46.7 мм, в то время как у современных оленей этот промер колеблется в пределах 36.4—46.2 мм при средней 39.2 мм, включая и более крупного крымского оленя типа *Cervus elaphus braueri*. Более мелкие размеры современного оленя по сравнению с субфоссильным также хорошо выявляются и на промерах других костей. Данные табл. 3—5 ясно указывают на процесс мельчания благородного оленя в историческое время.

Некоторым подтверждением сделанного являются также следующие промеры: длина ряда собственно коренных (M_1-M_2) нижней челюсти по коронкам у оленя из Луки-Врублевецкой колеблется от 81.5 до 88.8 мм (4 экземпляра) при средней 85.5 мм. Длина этих же зубов у оленя из трипольского поселения Мадара¹ в основании коронок составляет 83 мм (взята сумма диаметров всех трех зубов по таблице 11 из работы Р. Попова). Длина же их по коронкам, про-

меренная по фотографии 9 той же работы, составляет около 87 мм. Тот же промер на челюсти современного оленя (№ 1217 коллекции Института зоологии АН УССР) дает 78.8 мм. Более мелкие размеры по сравнению с оленем из Луки-Врублевецкой показывает и олень из греко-скифского города Ольвия.

ТАБЛИЦА 4

Размеры розеток рогов благородного оленя (в мм)

	Лука-Врублевецкая (№ 17-587 Инст. зоол. АН УССР)	Ольвия (4 экз. Инст. зоол. АН УССР)	
		крайние	среднее
Наибольший диаметр	85.0	69—91	82.7
Наименьший	74.0	48—85	68.2

Для сравнения с материалами из других местонахождений ниже приводятся промеры ряда костей оленей (табл. 5).

Большое количество костей оленя в Луке-Врублевецкой, а также обильные находки их во всех других поселениях трипольской культуры (см. табл. 17) указывают на значительную плотность заселения и многочисленность этого вида. Таким образом, об олене можно говорить как об основном и наиболее

¹ Р. Поповъ. Материалы за предисторията на Мадара. Издания на народните археологическа музей № 27. Мадара, разкопки и проучвания. Кн. I, София, 1934, стр. 26.

ТАБЛИЦА 5
Размеры костей благородного оленя (в мм)

	Лука-Врублевская		Сабатинькина (ЗИН АН СССР)	Мадара (по Р. Попову)	Сервис	
	крайние	сред- нее			<i>elaphus braueri</i> , Крым (№ 16122, ЗИН АН СССР)	<i>elaphus</i> , Беловент, (№ 12863 ЗИН АН СССР)
Лопатка						
Передне-задний поперечник головки	60.9—68.7 (8 экз.)	65.2	±61	—	54.4	61.2
Передне-задний поперечник суставной поверх- ности	46.7—52.5 (9 экз.)	50.1	48.5	—	41.3	44.6
Передне-задний поперечник шейки	39.6—49.8 (8 экз.)	44.3	37.2	—	35.0	35.2
Наименьшая ширина суставной поверхности . .	43.0—51.2 (9 экз.)	47.7	46	—	37.1	42
Плечевая кость						
Ширина нижнего суставного валика	50.1—64.5 (28 экз.)	57.8	55, 58.7	—	47.6	53.2
Ширина нижнего конца	56.0—75.2 (25 экз.)	64.6	59.5, 63.7	—	51.0	57.7
Лучевая кость						
Ширина верхнего суставного конца	55.9—73.7 (20 экз.)	64.6	—	—	52.4	57.7
Ширина верхней суставной поверхности	53.9—66.5 (20 экз.)	60.4	—	—	49.2	51.5
Передне-задний промер верхнего конца	29.9—37.0 (20 экз.)	34.4	—	—	28.9	31.0
Ширина нижней суставной поверхности	47.4—59.6 (11 экз.)	51.5	—	50.0, 52 (шир. конца)	—	—
Пястная кость						
Ширина верхнего конца	41.2—53.7 (11 экз.)	45.2	—	47.0	37.8	36.4
Передне-задний поперечник верхнего конца . .	31.0—35.9 (9 экз.)	32.8	—	31.0	28.2	26.9
Ширина нижнего суставного конца	44.0—47.3 (9 экз.)	46.0	52.0	—	40.0	38.9
Передне-задний поперечник нижнего суставного конца	29.6—32.2 (9 экз.)	30.8	34.0	—	26.0	26.8
Большеберцовая кость						
Ширина нижнего конца	47.6—58.0 (24 экз.)	54.0	55.3	53.0—57.0 (5 экз.)	46.3	48.0
Плюсневая кость						
Ширина верхнего суставного конца	40.4—44.0 (6 экз.)	41.0	—	41.0	34.5	35.7
Передне-задний поперечник верхнего конца . .	41.5—46.2 (6 экз.)	44.2	—	45.0	36.7	40.4
Ширина нижнего суставного конца	49.0—57.0 (7 экз.)	51.8	—	46.5—52.0 (3 экз.)	39.4	41.7
Передне-задний поперечник нижнего суставного конца	31.9—36.3 (7 экз.)	33.2	—	32.0	26.2	28.4

Таблица 5 (продолжение)

	Лука-Врублевская		Сабатиновка (ЗИН АН СССР)	Мадара (по Р. Попову)	Севрус	
	крайние	сред- нее			<i>Storhus bruneri</i> , Крым (№ 10122 ЗИН АН СССР)	<i>Storhus</i> , Беловенк. (№ 12663 ЗИН АН СССР)
Пяточная кость						
Полная длина	121.5—140.4 (11 экз.)	128.6	—	99.0	—	—
Наибольшая ширина (на уровне суставной по- верхности для задней фасетки таранной кости)	32.8—41.3 (9 экз.)	36.5	—	38.0	—	—
Таранная кость						
Полная длина	56.6—67.4 (16 экз.)	62.5	58.2—65.6 (5 экз.)	57.0—61.0 (5 экз.)	53.0	55.7

характерном компоненте фауны юго-восточной Европы в трипольское время.

«Характерные места обитания оленя — нагорные (кавказский олень, марал) и равнинные (Беловежская пуца) леса. Питается олень разнообразной растительной пищей — молодыми побегами и корой деревьев и кустов, травой, различными ягодами, плодами, грибами».¹

Многочисленность и повсеместное распространение оленя с несомненностью указывают на сильное облесение юго-восточной Европы в течение всего периода существования трипольской культуры и в более позднее время.

Лось — *Alces alces*

В коллекции имеется всего 103 кости лося не менее чем от 9 особей. Представлены все части скелета. Никаких подделок из костей лося не встречено. Лось не являлся для жителей Луки-Врублевской основным промысловым животным и добывался исключительно ради мяса, более или менее случайно. Незначительная роль в промысле такого крупного зверя, повидимому, обуславливалась малой плотностью популяции лося и одиночным образом жизни этого животного.

¹ Н. А. Бобринский и др. *Определитель*. . . , стр. 233.

«Лось — настоящий лесной зверь. Илюбленные места его кормежки — осинники и болотистые долины лесных рек. Питается в основном „древесным сеном“ (листьями, побегами и молодыми ветвями деревьев), корой, сочной болотной растительностью и ее корневищами».¹

Малочисленность остатков лося или даже полное отсутствие их, отмеченные для всех памятников триполья (Сабатиновка I и II, Усатово, Андреевка, Паволочь, Городок и другие), указывают на существование мало подходящих для лося стадий в прошлом на юго-востоке Европы.

Некоторым подтверждением наличия иных условий существования лося на юге в трипольское время служит одна морфологическая особенность костей лося из Луки-Врублевской по сравнению с современным. Проявляя большое сходство в размерах ряда костей с современным лосем, лось из Луки-Врублевской резко отличается значительно более мелкими размерами копытных фаланг. Если 1-е и 2-е фаланги лося из Луки-Врублевской, как видно из данных табл. 6, несколько превышают в средних размерах соответствующие кости современного лося и лося из неолитических стоянок северной части ареала, то размеры копытных фаланг лося из Луки-Врублевской значительно

¹ Н. А. Бобринский и др. *Определитель*. . . , стр. 235.

ТАБЛИЦА 6
Размеры костей лося (в мм)

	Лука-Вруб-левская	Порожск, Тренильце, раск. № 11527 (1) ЗИН АН СССР	Вышгород, город XIII в. н. э. (Отм. памят. археол. инст. зоол. АН УССР)	Ленинградская обл. Тосненский р-н. (№ 17-629 ЗИН АН СССР)	В сред-нем для вида	Петербургская губ. (№ 63-463 ЗИН АН СССР)	Архангельская обл., с. Кубенно, неолитическая стоянка (возможна приваза более поздних культур), раск. В. И. Смирнова (ЗИН АН СССР)										
							№ 21797 (9)	№ 21797 (5)	№ 21797 (6)	№ 21797 (7)	№ 21797 (8)	Среднее на 5 янв. № 21797 (5-9)	№ 21797 (11)	№ 21797 (12)	Среднее на 2 янв. № 21797 (11-12) 1		
Передне-задний про-мер суставной по-верхности лопатки	54,8, 56,7	—	—	53,2	→57 ←	60,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ширина верхнего конца лучевой ко-сти	71,1	—	—	70,7	→74,5 ←	78,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ширина нижнего конца большебер-цовой кости	67,4, 71,6	64,6	—	63,5	→67,9 ←	72,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Наибольшая длина таранной кости . .	74, 78,9	—	80,7	71,2	→74,6 ←	78,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Наибольшая длина I фаланги	81,4, 84,5, 86	—	87,3	77,4, 83,1 (передн.) (задн.)	→81,3 ←	79, 85,8 (передн.) (задн.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Наибольшая длина II фаланги	57,6, 64, 68,7	—	70,4	56,7, 64 (передн.) (задн.)	→61 ←	58, 65,5 (передн.) (задн.)	60,5	63	59,2	67	60	61,9	—	—	—	—	—
Длина подошвенной пластинки копыт-ной фаланги	77,3, 80,8	—	—	84, 91,3 (передн.) (задн.)	→92,5 ←	94,8 (передн.) (задн.)	±100	—	—	—	—	—	±80	±85	±82	—	—

1 Оба промера взяты очень приближенно, так как фаланги сильно разрушены.

уступают по длине таковым у современной формы. Так, среднее длины копытных фаланг южного лося составляет около 79 мм, в то время как у современного среднее длины передних и задних фаланг — около 93 мм. Подобное различие является, по видимому, следствием реакции на иной характер почвы южных лесов времен триполья по сравнению с почвой тайги. Эта морфологическая особенность, проявляющаяся в строении копытных фаланг, наряду с общей фаунистической характеристикой, позволяет предполагать наличие в эпоху триполья лесов лиственного типа, с твердым грунтом, в отличие от северных таежных, с мягким и болотистым грунтом, требующим большей площади опоры.

Как известно, помимо «... местных кочевков, лося часто совершают дальние переселения, появляясь в местах, где они отсутствовали десятилетиями, благодаря этому южная граница ареала лося подвержена сильным колебаниям».¹ Тем не менее находки лося как в трипольское, так и в более позднее время далеко к югу от современной границы ареала вряд ли могут объясняться исключительно такими забегами.

Анализ остеологического материала из ряда хронологически различных поселений дает картину постепенного изменения ареала лося. Остатки лося отмечаются в ряде более поздних памятников, располагавшихся значительно южнее современного его ареала. Так, остатки лося имеются в скифском поселении Шарповка.² Большое количество остатков лося указывается для городища Пересечное I—II вв. н. э., для Донецкого городища XI—XIII вв. н. э. (около Харькова), для городища Райки XII—XIII вв. н. э. на Киевщине.³ Многочисленные остатки лося имеются в Вышгородском городище XII—XIII вв. н. э., в городище на горе Киселевке в Киеве.⁴ Из этого беглого перечня археологически датированных местонахождений остатков лося видно, что этот вид на территории Украины стал исчезать недавно. По видимому, это следует связы-

вать с деятельностью человека, изменившего стаии в сторону, неблагоприятную для обитания лося (разрежение и вырубка лесов, распашка и т. д.).

Дикий кабан — *Sus scrofa ferus*

Кабан в фауне Луки-Врублевецкой занимает одно из первых мест; остатки его представлены 537 костями не менее чем от 33 животных. По числу особей из диких животных он уступает только оленю, а из домашних — свинье, крупному и мелкому рогатому скоту.

В коллекции имеются все части скелета кабана. На многих костях обнаружены насечки, зарубки, стесы и шлифовка. Довольно многочисленны поделки из костей этого животного.

Все найденные остатки кабана принадлежат в основном взрослым и даже старым особям. Не отличаясь морфологически от современной европейской формы, кабан из Луки-Врублевецкой значительно превосходит ее в размерах (табл. 7 и 8).

Как видно из табл. 7 и 8, средние размеры костей кабана из Луки-Врублевецкой значительно больше максимальных размеров костей современной формы. Так, среднее длины последнего коренного верхней челюсти кабана из Луки-Врублевецкой составляет 43.1 мм при ширине 24.5 мм, в то время как у современного европейского кабана эти величины составляют, соответственно, 39.8 мм (включая и более мелкую восточнобалканскую форму) и 22.8 мм. Эта разница еще ярче вырисовывается в размерах костей посткраниального скелета (табл. 8). По своим размерам дикая свинья из Луки-Врублевецкой сходна с кабаном из близкого к Луке-Врублевецкой по времени памятника Мадара.

Однако если взять относительные величины, то между кабаном из Луки-Врублевецкой и из поселения Мадара замечается некоторое различие. Так, индекс массивности последнего коренного верхней челюсти (т. е. отношение ширины зуба к длине его) у первого составляет 56.9%, у второго — 54.1%. Такая же разница наблюдается между современным диким кабаном с территории Вольны (индекс 58.8) и современной восточнобалканской дикой свиньей (индекс 55.5). Разность индекса массивности у обеих ископаемых форм и у соответствующих им современных форм составляет 1.6% для

¹ Н. А. Бобринский и др. Определитель. . . , стр. 235.

² Определение фауны проведено нами.

³ І. Г. Підолічкo. Огляд палеонтологічних знахідок за 1917—1937 рр. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР, вип. I, 1938, стр. 118, 141, 143.

⁴ В. И. Зубарева. Фауна Киева 1000 лет назад. Природа, № 8, 1940, стр. 82—86.

ТАБЛИЦА 7
Размеры челюстных костей и зубов *Sus scrofa*

	Лука-Брублевская				ferus (современная)				ferus (субос-сыльская), Мадара (по Р. Попову)	domestica (современная, по Р. Попову)	domestica, Мадара (по Р. Попову)	
	ferus		domestica		Вошь	Кавказ		восточная-скан (по Р. Попову)				
	крайние	сред-нее	крайние	сред-нее		AN SCOR	125 Инст.					
					по Гро-мовой			по Гро-мовой				
Верхняя челюсть												
P ¹	длина	—	8.6	7.6—9.4 (4 экз.)	8.6	10.5	10.9	—	10.0	—	—	
	ширина	—	3.8	3.4—4.7 (4 экз.)	3.8	6.0	5.0, 5.5	—	4.0	—	—	
P ²	длина	—	12.8	12.2—12.5 (3 экз.)	12.8	15.0	13.0, 13.0	—	13.5	—	—	
	ширина	—	6.7	6.5—6.9 (3 экз.)	6.7	9.0	7.5, 7.5	—	7.5	—	—	
P ³	длина	—	12.8	12.0—12.2 (3 экз.)	12.8	15.0	15.0, 14.5	—	14.0	—	—	
	ширина	—	9.3	8.9—9.6 (3 экз.)	9.3	11.0	11.0, 10.0	—	11.0	—	—	
P ⁴	длина	13.4—15.1 (4 экз.)	12.4	11.2—13.3 (5 экз.)	12.4	14.5	13.5, 14.0	—	14.5	—	—	
	ширина	12.6—15.9 (3 экз.)	13.4	12.4—14.3 (6 экз.)	13.4	14.5	15.0, 14.0	—	14.5	—	—	
M ¹	длина	17.2—21.0 (6 экз.)	16.8	14.0—17.5 (26 экз.)	16.8	19.0	17.5, 16.5	—	15.5	—	—	
	ширина	15.7—18.1 (6 экз.)	19.0	11.6—14.6 (25 экз.)	19.0	16.5	16.0, 15.0	—	16.0	—	—	
M ²	длина	22.5—27.9 (9 экз.)	20.7	17.4—22.9 (28 экз.)	20.7	25.0	24.5, 28.0	—	25.0	—	—	
	ширина	17.4—22.4 (9 экз.)	16.7	13.9—17.7 (28 экз.)	16.7	19.5	19.5, 19.5	—	19.5	—	—	
M ³	длина	42.4—44.4 (3 экз.)	28.7	27.3—30.6 (10 экз.)	28.7	41.0	41.0	—	41.0	65.0	42.0—45.0 (7 экз.)	
	ширина	23.8—25.2 (4 экз.)	18.4	16.6—20.6 (11 экз.)	18.4	24.0	28.0	—	24.0	20.0	23.0—24.0 (7 экз.)	
Индекс массивности M ³ (отноше-ние ширины зуба к длине)											60.6	59.0
											58.5	56.5
											—	—
											63.9	64.1

Таблица 7 (продолжение)

	Луна-Бугазевская				ferus (современная)				ferus (субфоссилярная), Мадара (по Р. Попову)	domestica (современная; по Восточной Азии; по Р. Попову)	domestica (Мадара (по Р. Попову)
	ferus		domestica		Волынь (по Громоной)	Кавказ		Восточная Азия (по Р. Попову)			
	крайнее	среднее	крайнее	среднее		по Громоной	по Громоной				
Нижняя челюсть											
Длина симфиза											
P ₃	133.9	—	59.0—77.6	66.5	109.0	106, 112	89.0	88.0	—	—	—
	16.6	—	10.7—11.4 (3 экз.)	10.9	14.5	12.0, 12.5	15.1	13.0	—	—	—
P ₃	9.2	—	4.5—5.6 (3 экз.)	4.9	6.0	6.5, 6.5	7.9	6.5	—	—	—
	17.9, 14.8	—	11.8—13.8 (11 экз.)	12.3	16.0	14.5, 14.0	14.8	17.5	—	—	—
P ₄	7.3, 11.9	—	6.9—6.9 (11 экз.)	6.8	8.5	7.6, 7.5	8.5	7.5	—	—	—
	15.4, 17.9	—	13.7—14.4 (19 экз.)	13.4	16.5	16.5, 16.8	16.9	15.5	—	—	—
P ₄	10.7, 14.4	—	7.4—9.8 (19 экз.)	8.5	10.5	9.5, 10.0	12.6	10.0	—	—	—
	17.0—26.2 (5 экз.)	19.7	14.9—17.8 (88 экз.)	16.4	18.0	18.0, 16.0	—	16.5	—	—	—
M ₁	11.3—16.8 (5 экз.)	12.6	9.4—11.5 (83 экз.)	10.4	12.0	13.0, 12.5	—	18.0	—	—	—
	22.7—25.1 (4 экз.)	24.0	19.0—23.1 (33 экз.)	20.6	24.5	23.0, 23.5	—	23.5	—	—	—
M ₂	16.6—19.9 (4 экз.)	17.7	11.3—18.8 (35 экз.)	13.6	15.5	17.5, 16.0	—	16.5	—	—	—
	87.6—46.0 (6 экз.)	42.6	25.7—31.7 (16 экз.)	28.8	42.0	44.0, 43.5	—	40.0	—	—	—
M ₂	17.9—27.8 (6 экз.)	21.8	13.3—17.0 (18 экз.)	15.4	19.0	19.5, 19.0	—	17.5	—	—	—

ТАБЛИЦА 8

Размеры костей взрослых животных *Sus scrofa*

	Лука-Врублевская				<i>ferus</i> (современная)			<i>domestica</i> (современная)
	<i>ferus</i>		<i>domestica</i>		Киевск. обл. ♂ (Инст. зоолог. АН УССР)	Кавказ (по Громовой)	Гродненская обл. (по Гро- мовой)	Киев (Инст. зоолог. АН УССР)
	крайние	сред- нее	крайние	сред- нее				
Лопатка								
Малый поперечник суставной впадины	34.9—39.1 (7 экз.)	36.3	12.7—32.8 (3 экз.)	21.9	33.0	31.5	26.0	33.5
Наименьшая ширина шейки	31.6—36.7 (8 экз.)	34.2	11.2—28.3 (30 экз.)	18.8	31.8	30.5	28.0	28.7
Полная ширина нижнего конца	49.0—54.3 (6 экз.)	51.1	28.5, 42.6	—	46.7	45.0	39.0	41.0
Плечевая кость								
Передне-задний поперечник	88.6	—	—	—	82.2	81.0	72.0	71.0
Ширина нижнего конца	50.6—59.0 (7 экз.)	55.0	38.2, 41.2	—	55.7	51.5	45.3	50.5
Ширина нижнего суставного валика	35.9—44.4 (9 экз.)	39.8	26.5, 29.7	—	37.5	40.0	38.5	34.3
Лучевая кость								
Ширина верхнего конца	37.0—44.2 (10 экз.)	40.3	25.0—28.3 (11 экз.)	26.7	38.1	35.5	35.0	33.9
Передне-задний поперечник его	26.2—30.7 (8 экз.)	28.0	17.1—19.4 (11 экз.)	18.6	27.1	24.5	24.0	24.2
Ширина нижнего конца	42.8—51.8 (10 экз.)	48.0	—	—	46.0	42.5	39.0	42.7
Локтевая кость								
Наибольшая ширина верхнего конца (у нижнего края <i>incisura</i>)	28.0—34.2 (11 экз.)	31.0	17.5—24.5 (20 экз.)	19.6	29.0	29.0	26.0	24.2
Таз								
Наибольший поперечник . . . . . <i>acetabulum</i>	39.2, 41.0	—	26.0—30.5 (12 экз.)	28.1	40.2	40.1	36.5	36.2
Бедренная кость								
Ширина верхнего конца	81.8	—	—	—	75.4	72.5	65.0	64.2
Ширина <i>facies patellaris</i>	27.9—30.5 (4 экз.)	28.8	—	—	27.7	27.5	25.5	25.8
Ширина нижнего конца	64.0, 65.7	—	—	—	60.0	55.5	53.5	56.5
Большеберцовая кость								
Ширина верхнего конца	69.6	—	—	—	64.5	59.0	55.0	57.1
Ширина нижнего конца	36.5—46.1 (19 экз.)	39.7	24.6—29.7 (9 экз.)	27.4	39.8	36.5	34.5	36.2
Передне-задний поперечник ниж- него конца	30.5—39.9 (19 экз.)	34.0	20.6—25.5 (7 экз.)	22.8	34.2	31.5	30.0	33.0
Пяточная кость								
Полная длина	94.0—113.4 (7 экз.)	104.6	—	—	106.5	100.5	91.0	95.1

Таблица 8 (продолжение)

	Лука-Врублевская				ferus (современная)			domestica (современная)
	ferus		domestica		Киевск. обл., о (Инст. зоолог. АН УССР)	Кавказ (по Громовой)	Гродненская обл. (по Громовой)	Киев (Инст. зоолог. АН УССР)
	крайние	среднее	крайние	среднее				
Наибольшая ширина на уровне суставной поверхности для задней фасетки астрагала	25.4—31.3 (12 экз.)	28.4	20.7—22.7 (4 экз.)	21.7	27.6	23.0	23.0	25.7
Таранная кость								
Полная длина	50.5—57.0 (18 экз.)	54.1	34.6—39.0 (4 экз.)	37.6	53.9	49.0	47.5	47.1
Ширина верхнего валика	24.3—28.1 (17 экз.)	26.3	17.3—19.8 (5 экз.)	19.0	26.5	25.5	24.5	24.0
Ширина нижнего конца	31.5—35.3 (15 экз.)	32.6	21.0—25.2 (4 экз.)	23.3	33.6	30.5	30.0	31.9

волынской свиньи и 1.4% для свиньи восточнобалканской. Разность же этих индексов у ископаемых форм с этих двух территорий составляет 2.8%, а у современных свиней — 3%. Таким образом, в этих индексах проявляется сходство между ископаемым и современным диким кабаном Волыни, так же как и сходство между ископаемой и современной формами балканской свиньи. Вместе с тем балканская и волынская формы имеют свои отличия. Следовательно, здесь могут быть отмечены различные исходные формы участвовавшие в пороодообразовании балканской и волынской домашних свиней.

Остатки кабана обычны и зачастую так же многочисленны, как и в Луке-Врублевской, и во всех других памятниках триполья (Сабатиновка I и II, Паволочь, Кринички, Сушковка и другие). Этот вид, как и благородный олень, вследствие своей многочисленности также представлял основной компонент фауны времен триполья. Физико-географические условия того времени обеспечивали количественное постоянство этого вида, в силу чего кабан, как и благородный олень, являлся основным объектом охоты для жителей поселений. Кроме того, кабан мог преследоваться также из-за вреда, наносимого им окружающим поселения полям и огородам.

«Угодья, обитаемые кабаном, разнообразны; он живет и в низменных лесах,

и в густых зарослях камыша и кустарника по берегам рек, озер и болот, и в горах. . . Близость воды — необходимое условие существования кабана».¹

Такое разнообразие условий обитания не позволяет использовать этот вид для восстановления физико-географических условий прошлого. Повидимому, единственным фактором минувшего, о котором можно говорить по наличию остатков кабана в том или ином поселении, является глубина снежного покрова в 30—40 см, хорошо лимитирующая распространение этого вида.²

ХИЩНЫЕ — CARNIVORA

В своем составе этот отряд содержит 11 видов и представлен главным образом ценными пушными формами — лисицей, куницами, выдрой, медведем и другими. Большая часть костей хищников, за исключением костей медведя и барсука, не несет следов разбитости, характерных для кухонных отбросов. Эти формы в пищу не употреблялись и попадали в черту поселения, повидимому, более или менее редко. В силу этого можно считать, что пушной промысел был развит значительно сильнее, чем показывают имеющиеся сборы костей.

¹ Н. А. Бобринский и др. Определитель. . . , стр. 225.

² А. Н. Формозов. Снежный покров в жизни млекопитающих и птиц СССР, М., 1946, стр. 123—124.

Медведь — *Ursus arctos*

Медведь в фауне Луки-Врублевской представлен довольно обильно. При раскопках собран 41 фрагмент костей медведя, по крайней мере, от 8 особей. Имеются остатки животных различного возраста и размеров. Костей очень молодых животных не встречено, кроме одной находки плюсневой кости (mit II) с непроросшим еще дистальным эпифизом.

Медведь добывался ради шкуры и мяса. Первое подтверждается наличием среди остатков значительного количества костей дистальных частей конечностей (метаподии и фаланги). Об употреблении же медведя в пищу говорит большое число остатков из различных отделов скелета, а также значительная разбитость костей. Многие кости медведя имеют следы погрызов. Почти на всех метаподиях отгрызены эпифизы. Погрызены также пяточные, локтевые, лучевые и другие кости. На некоторых костях сохранились следы обработки.

Судя по размерам клыков и других костей скелета, медведь Луки-Врублевской, будучи идентичен с медведем из Мадара, очень близок к современному *U. arctos*. Морфологически он также не отличается от современного (табл. 9).

ТАБЛИЦА 9

Размеры клыков медведя (в мм)

	Лука-Врублевская (№ 24319 (1) ЗИН АН СССР)	Мадара (по Р. Попову)	
		№ 1	№ 2
Высота коронки (по прямой)	37.0	—	—
Длина коронки . . .	±26.0	27.0	28.0
Ширина »	18.0	16.0	17.5

Находки костей медведя известны во многих, если не в большинстве памятников триполья (Коломыйщина, Кадиевцы, Сабатиновка II, Паволочь и др.). Р. Попов также отмечает широкое распространение его в памятниках всего энеолита Болгарии. Как известно, медведь — типичный обитатель больших лесов. Таким образом, наличие остатков этого вида с несомненностью указывает на распространение в трипольскую эпоху лесных массивов далеко на юг от современной границы лесов.

Барсук — *Meles meles*

Барсук представлен 20 косточками не менее чем от 7 особей и занимает четвертое место среди остатков хищных животных из Луки-Врублевской. Большую часть остатков (13 из 20) составляют фрагменты краиниального скелета — главным образом фрагменты нижних челюстей.

Ня по размерам, ни морфологически барсук из Луки-Врублевской не отличается от современного *Meles meles meles*, что хорошо подтверждается данными табл. 10, которые показывают, что даже в таких незначительных сериях, какие имеются в коллекции, средние почти полностью совпадают.

ТАБЛИЦА 10

Размеры хищнического зуба нижней челюсти барсуков (в мм)

	Лука-Врублевская		Современный (Инст. зоолог. АН УССР)		Мадара (3 зуба; по Р. Попову)
	крайние	среднее	крайние	среднее	
Длина коронки .	15.4—17.8 (4 экз.)	16.3	14.0—17.7 (10 экз.)	16.2	15.0
Ширина » . . .	7.2—7.8 (4 экз.)	7.5	6.7—8.1 (10 экз.)	7.6	7.0

Барсук мог добываться ради шкуры и целебного жира. Мясо его, повидимому, также употреблялось в пищу, о чем свидетельствует нахождение сильно обожженного фрагмента большеберцовой кости.

Росомаха — *Gulo gulo*

В коллекции имеются 4 фрагмента костей росомахи — 2 дистальных конца правой и левой плечевых костей от 2 особей, фрагмент проксимального конца левой бедренной кости и фрагмент суставной части левой локтевой кости. По размерам плечевой кости остатки росомахи, как видно из данных табл. 11, очень близки к костям рыси, по строению же они резко отличаются.

Округло-овальное надкондилусное отверстие, *foramen supracondyloideum*, плечевой кости росомахи расположено не выше верхней границы резко очерченной в форме слабого полуовала (почти полукруга) лок-

ТАБЛИЦА 11
Размеры плечевой кости росомахи и рыси (в мм)

	<i>Gulo gulo</i>					<i>Lynx lynx</i>			
	Лука-Врублевская (№ 2314 (I) ЗИН АН СССР)	современная (ЗИН АН СССР)			Лука-Врублевская (№ 17-33 Инст. зоол. АН УССР)	современная			
		Архангельская губ.		Бассейн р. Яны, № 14701		Верхняя Анандырь, 9 № 31058	Ленингр. обл., 9 (№ 15638 ЗИН АН СССР)	Витебск. губ., 3 (№ 9475 ЗИН АН СССР)	Клевский зоосад (№ 5068 Инст. зоолог. АН УССР)
		№ 10083	№ 10084						
Ширина дистального конца	80.8	89.9	84.5	86.5	85.4	27.6	84.7	85.3	22.8
Передне-задний промер его	16.5	21.1	19.1	20.2	19.4	18.4	20.4	22.3	15.7
Расстояние от нижней точки гребня медиального мыщелка до нижней границы надблокового отверстия	18.5	20.6	17.6	18	17	—	—	—	—
То же, до верхней границы надблокового отверстия	16.2	22.8	18.9	20	20.5	—	—	—	—
Индекс массивности дистального конца (2 : 1)	53.6	52.8	55.3	55.3	54.8	66.6	58.8	63.1	68.9

тевой ямки (*fossa olecrani*). Наружный гребень, идущий от латерального кондилуса на диафиз кости, у росомахи выражен резко. Внутренний кондилус — относительно короткий и массивный. У рыси надкондилосное отверстие сильно вытянуто вдоль оси кости от уровня верхней границы нерезко ограниченной и вытянутой локтевой ямки. Наружный гребень выражен слабо и значительно удлинен.

Вся кость росомахи по сравнению с таковой у рыси короткая и массивная. Эта особенность проявляется во всех деталях строения дистального конца. В этом отношении показателем индекс массивности, т. е. отношение передне-заднего диаметра к ширине кости. На 5 костях росомахи, включая и кость из Луки-Врублевской, он составляет 52.8—55.3, а на 4 костях рыси колеблется в пределах 58.8—68.9.

Имеющийся фрагмент верхнего конца бедренной кости также хорошо отличается в деталях строения от кости рыси. Верхний вертлуг на кости росомахи значительно тоньше, чем у рыси, особенно верхний конец его. Передняя часть его как бы скошена, в то время как у рыси она резко выдается вперед и вверх. Малый вертлуг у росомахи расположен на краю задней стенки бедра при переходе ее во внутреннюю и выражен очень резко в виде небольшого острого и высокого выроста; у рыси он расположен почти на середине задней стенки у окончания гребня верхнего вертлуга.

Сильно разрушенный фрагмент локтевой кости мы относим к росомахе более или менее провизорно. Несмотря на несколько меньшие размеры ископаемой кости по сравнению с современной и незначительные морфологические отличия (внешняя половина нижней части суставной поверхности полулунной вырезки на кости из Луки-Врублевской несколько уже, чем округло расширяющаяся поверхность кости современной росомахи), эта кость более всего имеет сходство с костью росомахи, отличаюсь по типу строения от локтевой кости других представителей куных и кошачьих.

Наличие росомахи — этого лесного жителя — еще раз подтверждает вывод о большем облесении Среднего Подиестровья в трипольское время по сравнению с современным. Сдругой стороны, эта находка представляет интерес и в зоогеографическом отношении, расширяя к югу сравнительно далеко оторванный от основных площадей распространения радомысльский островок ареала (Житомирская и Винницкая области) данного вида.

На основании этого мы можем говорить о резком отступании южной границы сплошного ареала росомахи (а в связи с этим и сплошных лесов) за сравнительно короткий отрезок времени (4—5 тысяч лет). Следы этого процесса наблюдаем в находке росомахи в Луке-Врублевской и в изолированной области распространения в районе г. Радомысля.

о значительном развитии пушного промысла в трипольское время.

Тесная привязанность лесной куницы к старым дуплистым лесам также указывает на значительную облесенность территории Среднего Поддестровья в трипольское время.

Хорек — Putorius sp.

В коллекции имеется всего одна косточка — фрагмент плечевой кости с обломанным проксимальным концом, без большой уверенности относимая к этому роду. В соответствии с данными о значительном распространении лесов во время существования поселения можно предположительно говорить о принадлежности кости скорее хорьку черному (*Putorius putorius*), нежели хорьку степному.

Волк — Canis lupus

В коллекции имеется небольшое количество костей волка, представленного главным образом дистальными частями конечностей и фрагментами черепа. Попадание костей волка в кухонные остатки случайно. Ни морфологически, ни размерами волк из Луки-Врублевецкой не отличается от современной формы.

Лисица — Vulpes vulpes

В фауне Луки-Врублевецкой лисица представлена очень обильно. Как по количеству костных остатков (79 фрагментов), так и по числу особей (14 экземпляров) она занимает первое место среди хищных животных. Остатки костей лисицы состоят в основном из челюстей и метаподиев. Кроме того, имеется небольшое количество фрагментов других частей скелетов (таз, локтевая, большеберцовая и другие).

В силу своей многочисленности лисица являлась одним из основных промысловых животных, добывавшихся ради шкуры.

О размерах лисицы на Луки-Врублевецкой можно составить представление по данным табл. 14. Ни морфологически, ни размерами она не отличается от современной южноукраинской лисицы.

Лесной кот — Felis silvestris

К этому виду относятся 8 косточек от 4 особей. Принадлежность их именно

ТАБЛИЦА 14

Размеры зубов нижней челюсти лисицы (в мм)

	Лука-Врублевецкая		Современная (Инст. зоолог. АН УССР)		
	крайние	среднее	крайние (10 экз.)	среднее	
P ₁	длина . . .	8,6	—	3,4—4,4	3,9
	ширина . . .	2,7	—	2,3—2,7	2,5
P ₂	длина . . .	8,1—8,9 (4 экз.)	8,5	7,2—9,2	8,2
	ширина . . .	3,2—3,3 (4 экз.)	3,3	2,9—3,5	3,2
P ₃	длина . . .	9,0—9,8 (5 экз.)	9,3	8,4—10,0	9,0
	ширина . . .	3,2—3,7 (5 экз.)	3,5	3,0—3,6	3,3
P ₄	длина . . .	9,5—9,9 (4 экз.)	9,7	8,8—10,5	9,5
	ширина . . .	4,0—4,8 (4 экз.)	4,4	3,6—4,3	3,9
M ₁	длина . . .	14,8—16,0 (7 экз.)	15,3	14,2—17,0	15,1
	ширина . . .	5,7—6,4 (7 экз.)	6,0	5,7—6,6	5,9
M ₂	длина . . .	6,8—7,8 (6 экз.)	6,8	6,4—7,8	6,9
	ширина . . .	4,6—5,5 (6 экз.)	5,3	4,9—5,9	5,3

к дикому виду устанавливается на основании промеров зубов двух нижних челюстей (табл. 15).

Как видно из данных табл. 15, отличия дикого лесного кота от домашней кошки очень незначительны и проявляются главным образом в несколько большей массивности зубов домашней формы по сравнению с дикой. При почти равных средних значениях ширины зубов длина их у домашней кошки уступает длине соответствующих зубов дикой формы.

Размеры зубов кота из Луки-Врублевецкой несколько больше самых больших размеров зубов современного дикого кота.

Наличие в фауне Луки-Врублевецкой остатков дикого кота еще раз подтверждает вывод о наличии лесов, являющихся характерными местами обитания этого вида. Дикая кошка в настоящее время в большом количестве водится в плавнях Днестра, в лесах западных областей Украины и Молдавской ССР, т. е. в районах, территориально близ-

ТАБЛИЦА 15
Размеры зубов лесного кота (в мм)

	Лука-Врублевская (Ист. зоолог. АН УССР)		Современные кошки (Ист. зоолог. АН УССР)				
	№ 17-2133	№ 17-2132	<i>F. silvestris</i>		<i>F. domestica</i>		
			крайние	сред- нее	крайние	сред- нее	
P_4 {	длина . . .	7.9	7.6	6.7—7.8	7.1	6.6—7.5	6.9
	ширина . . .	3.9	3.8	3.1—3.4	3.2	2.9—3.3	3.1
M_1 {	длина . . .	8.9	8.6	7.8—8.6	8.2	7.0—8.1	7.5
	ширина . . .	4.0	4.0	3.3—3.7	3.5	3.2—3.5	3.4

них к месту расположения исследуемого памятника.

Рысь — *Lynx lynx*

Этот вид представлен 2 определенными косточками (дистальный конец левой плечевой кости и котевая фаланга). Обе кости принадлежали довольно крупному взрослому экземпляру, что видно из промеров (табл. 11).

«Рысь — типичный лесной житель, живущий в глухих высокоствольных лесах. . .»¹ Наличие остатков ее в фауне Луки-Врублевской — один из основных показателей развития крупных лесных массивов в окрестностях поселения.

ГРЫЗУНЫ — RODENTIA

Этот отряд в фауне диких млекопитающих Луки-Врублевской занимает четвертое место. Представлен он тремя пушными видами — зайцем, белкой и бобром.

Заяц — *Lepus* sp.

Значительное количество костных остатков зайца (49 костей от 9 особей), сильная раздробленность их и наличие костей, принадлежавших животным различных возрастов, с несомненностью указывают на то, что этот вид добывался не только ради теплой и легкой шкурки, но и употреблялся в пищу. Кости скелета двух видов зайцев (белки и русака) не отличимы друг от друга. В силу этого определение материалов из

¹ Н. А. Бобринский и др. Определение. . ., стр. 159.

Луки-Врублевской до вида невозможно. Общефаунистическая картина также не позволяет сделать каких-либо утвердительных выводов в этом отношении. Известно, что заяц беляк более тесно связан с лесными угодьями, чем заяц русак. Большая облепленность окрестностей поселения в период раннего триполья до некоторой степени позволяет предположительно думать о наличии в фауне Луки-Врублевской остатков зайца беляка. В настоящее время в этом районе водится исключительно заяц русак.

Кроме Луки-Врублевской, остатки зайца имеются в Сабатиновке II и Паволочи (см. табл. 17).

Белка — *Sciurus vulgaris*

Большой интерес представляет наличие в фауне Луки-Врублевской значительного количества остатков белки, представленной 27 косточками не менее чем от 9 особей. Это указывает на принадлежность белки к основным промысловым животным.

Белка так же тесно связана с высокоствольными лесами, как и другие представители фауны Луки-Врублевской (куница лесная, бобр, рысь и другие).

Бобр — *Castor fiber*

Среди остеологических материалов Луки-Врублевской имеются 24 косточки бобра, но крайней мере от 6 экземпляров. Представлены все части скелета.

Несмотря на сильную фрагментарность костей, удалось сделать несколько промеров, подтверждающих вывод В. И. Громовой

о более крупных размерах бобра в прошлые времена и о постепенном мельчании его перед исчезновением.¹ Это видно при сравнении размеров костей бобра из Луки-Врублевцкой и бобра современного (табл. 16).

ТАБЛИЦА 16
Размеры костей бобра (в мм)

	Лука-Врублевцкая		Современный (Инст. зоолог. АН УССР)	
	крайние	средние	крайние	средние
Плечевая кость				
Ширина нижнего конца	31.4—33.6 (3 экз.)	32.5	29.0—31.5 (4 экз.)	29.6
Бедренная кость				
Ширина верхнего конца	42.7	—	38.8—42.0 (4 экз.)	39.3
Ширина на уровне trochanter tertius . . .	29.3	—	24.0—28.2 (4 экз.)	26.5

Бобр одно из самых стенотопных животных, т. е. животных, теснейшим образом связанных с узко определенными условиями обитания. Это выражено у него в сильной привязанности к лесным речкам. Бобр одинаково нуждается как в воде, так и в древесной растительности, являющейся и кормовой базой, и материалом для строительства «хаток», в которых бобры устраивают свои норы.

Наличие большого количества остатков бобра в фауне Луки-Врублевцкой, как и во всех других памятниках этой культуры (Сабатиновка II, Мадара, Павлочь, Киев, Коломийщина, Андреевка, Кадиевцы, Усатово), позволяет отнести этот вид в список основных промысловых животных триполья.

НАСЕКОМОЯДНЫЕ — INSECTIVORA

Этот отряд представлен всего одним видом — ежом обыкновенным.

Еж обыкновенный — *Echinaceus europaeus*

В коллекции имеются 4 половинки нижних челюстей этого вида, принадлежащие

¹ В. И. Громова. Остатки млекопитающих. . . , стр. 118.

4 особям. Сравнение с современным ежом затруднительно из-за фрагментарности остатков, но все же по внешнему виду каких-либо отличий не заметно.

«Излюбленные места обитания ежа — опушки лиственных лесов, светлые рощи, сады, кустарниковые заросли. Обыкновенен он местами и в открытой степи и в хлебных посевах».¹

ПТИЦЫ — AVES

В коллекции имеется всего 25 косточек 10 различных видов птиц, относящихся к 6 отрядам. Список их приводится в табл. 18.

Наибольшим количеством остатков представлен отряд дневных хищников, все три вида которого относятся к лесным птицам.

Канюк — *Buteo* sp.

Канюку принадлежат 2 косточки, ни морфологически, ни размерами не отличающиеся от современного *Buteo vulpinus*. Размеры их приведены в табл. 19.

Ястреб тетеревятник — *Astur gentilis*

Этому виду принадлежат 4 косточки от 2 особей. Проксимальная половина левой лучевой кости по форме и размерам очень сходна с лучевой костью самки тетеревятника № 82 из коллекции ЗИН АН СССР. Вся кость довольно сильно выпрямлена и несет резко очерченные желобки для сухожилий.

Имеющийся проксимальный конец левой локтевой кости по форме и размерам также показывает абсолютное сходство с самкой тетеревятника № 82, значительно уступающей в размерах обоим видам канюков. Так, ширина верхнего конца локтевой кости из Луки-Врублевцкой около 12 мм, а у современных — тетеревятника 13 мм, канюка 13.2 и 14.4 мм.

Суставной рельеф кости у тетеревятника выражен значительно резче, чем у канюков. Локтевой отросток на кости тетеревятника поднимается выше над суставной поверхностью, чем более короткий отросток на кости канюка.

¹ Н. А. Бобринский и др. Определитель. . . , стр. 38.

ТАБЛИЦА 47

Фауна гризюля

Вид	Кривички	Коритное	Щербатово герцога	Лобушка-Посад	Оушковая	Киев	Хатенья	Андреевка	Уатово	Торокск	Сабатновка II	Треновая	Сабатновка I	Павлочы	Мара	Пол-Град	Копня-Дермен	Марава	Тамката	Свет-Киряково	Фрумуца
Вид	79/131	3/1	18/6	22/4	82/7	7/8	+	+	+	20/2	160/10	16/2	53/2	322/6	+	+	+	+	+	+	+
Основная масса костей крупных размеров, равных костям серого украинского скота						1/1	++	++	++		90/6		9/1 18/2	1/1	++	++	++	++	++	++	++
Коза																					
Овца																					
Мелкий рогатый скот	8/5		4/2	7/8	12/8	7	+	-	-	18/2		4/1		88/4	-	-	-	-	-	-	-
Свинья домашняя	18/9			5/4	18/6	1/1	++	++	++	8/1	22/4		4/1	28/8	++	++	++	++	++	++	++
Лошадь	8/2		1/1	1/1	1/1 [?]	9/2	++	++	++	11/1	16/4	5/1	14/2	1/1	++	++	++	++	++	++	++
(небольш. разм.)	2/2			9/2		2/1	++	++	++			1/1		1/1	++	++	++	++	++	++	++
Собака		+					++	++	++	+	18/4			1/1	++	++	++	++	++	++	++
Косуля							++	++	++	+	84/5			1/1	++	++	++	++	++	++	++
Олень		9/2	2/1		14/8	17/8	++	++	++	+				12/8	++	++	++	++	++	++	++
Лось						87/8	++	++	++		8/2		4/1	1/1	++	++	++	++	++	++	++
Кабан	9/1	1/1				9/1	++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Тур							++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Саяга							++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Медведь						1/1	++	++	++					2/1	++	++	++	++	++	++	++
Барзук						1/1	++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Куница лесная						+	++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Куница каменная						+	++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Хорек							++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Волк							++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Лисаца							++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Кулан							++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Заяц							++	++	++						++	++	++	++	++	++	++
Бобр							+	+	+						++	++	++	++	++	++	++
Число особей											4/8			5/2							
											5/3			8/1							
											8/1										

1 В числителе — количество костей, в знаменателе — число особей.

ТАБЛИЦА 18
Фауна птиц из раскопок
раннеэтрипольского поселения
Лука-Врублевецкая

№ п. л.	Название вида	Количество	
		костей	особей
	Falconiformes (двояные хищники)		
1	Каюк (<i>Buteo</i> sp.)	2	1
2	Ястреб-тетеревятник (<i>Astur gentilis</i>)	4	2
3	Орлан белохвост (<i>Haliaeetus albicilla</i>)	2	1
	Lamellirostris (пластинчатоклювые)		
4	Гусь (<i>Anser</i> sp.)	2	1
	Galliformes (куриные)		
5	Тетерев (<i>Lyrurus tetrix</i>)	1	1
6	Перепел (<i>Coturnix coturnix</i>)	1	1
	Gruiformes (журавлиные)		
7	Коростель (<i>Crex crex</i>)	2	1
	Strigiformes (ночные хищники)		
8	Неясыть серая (<i>Syrnium aluco</i>)	4	2
	Passeriformes (воробьиные)		
9	Сойка (<i>Garrulus glandarius</i>)	1	1
10	Дрозд (<i>Turdus</i> sp.)	2	1
11	Неопределенные птицы	4	—
	Итого	25	12

Имеющийся целый сагро-metacarpus dex. (№ 17-2157 Института зоологии АН УССР) по деталям строения очень сходен с таким ястреба тетеревятника. Однако кость из Луки-Врублевецкой резко отличается значительно меньшими размерами. Так, полная длина ее составляет 55.3 мм, а у современного самца — 64.4 (№ 715 коллекции Института зоологии АН УССР).

Фрагмент правого сагро-metacarpus по цвету и сохранности поверхности сходен с выше отмеченной локтевой костью. Обе эти кости, повидимому, принадлежат одному экземпляру. По форме и размерам эта кость проявляет большое сходство с костью самки тетеревятника № 82 (ЗИН АН СССР), что видно из данных табл. 20.

ТАБЛИЦА 19
Размеры костей *Buteo* (в мм)

	Лука-Врублевецкая	Выше упомянутого (современный; № 298 Инст. зоол. АН УССР)
Бедренная кость		
Полная длина	70.5	70.8
Ширина верхнего конца	13.4	18.1
Ширина диафиза посередине	6.4	6.5
Ширина нижнего конца	14.1	15.0
Большеберцовая кость		
Длина (боковая) от нижней точки бокового кондилуса до нижней точки фибулярного гребня	61.0	61.8
Ширина диафиза посередине	5.7	5.8
Ширина нижнего конца	11.0	12.2
Передне-задний поперечник нижнего конца	7.4	8.1

ТАБЛИЦА 20
Промеры сагро-metacarpus
тетеревятника (в мм)

	Лука-Врублевецкая	<i>Astur gentilis</i> (современный; № 82 ЗИН АН СССР)
Ширина диафиза посередине	3.7	4
Ширина верхнего конца на уровне суставной поверхности для 2-й фаланги	10.1	11
Высота проксимального конца	14.8	18

Эта кость отличается от соответствующей кости обоих каюков, сходной по размерам с костью самок тетеревятника, более резко выраженной трехгранностью сечения диафиза mtc III.

Орлан белохвост — *Haliaeetus albicilla*

Имеющийся фрагмент правой фаланги 3-го пальца по форме и размерам полностью совпадает с фалангой орлана белохвоста. Своими размерами фаланги субфосильного и современного белохвостов превосходят фаланги *Haliaeetus leucorhynchus*, *Aquila nipalensis*, *Aq. heliaca*, *Pandion haliaeetus* и немно-

гим уступают фаланге *Gypaetos barbatus* (табл. 21).

ТАБЛИЦА 21

Размеры фаланг крупных хищников (в мм)

	<i>H. albicilla</i>		<i>Gypaetos barbatus</i>
	Луна-Врублевецкая	ЗИН АН СССР	(ЗИН АН СССР)
Наибольшие размеры дистальной суставной площадки	11.6	11.5	14.7
Ширина переднего края ее	7.5 ¹	8.2	9.5
Ширина диафиза посредине	13.2	13.5	16.2

Тонкий край фаланги белохвоста тянется в виде очень пологой дуги, в то время как у других форм (*Aquila nipalensis*, *Haliaeetus leucoriphus*) почти весь он тянется в виде прямой, параллельной внешнему (толстому) краю кости.

Имеющаяся когтевая фаланга крупного хищника по размерам и строению также может быть отнесена к орлану белохвосту.

Гусь — *Anser* sp.

Две сильно развитые косточки гуся имеют небольшие размеры и, по-видимому, принадлежат обыкновенному серому гусю.

Тетерев — *Lyrrurus tetrrix*

Этому виду принадлежит одна целая правая локтевая кость. По форме она тождественна с локтевой костью современного тетерева, хотя в размерах несколько уступает. Так, длина кости по прямой у тетерева из Луки-Врублевецкой составляет 74.5 мм, у современных самки — 77.5 мм (№ 15 ЗИН АН СССР) и самца — 77.3 мм (№ 16 ЗИН АН СССР). Вся кость слегка изогнута, особенно в проксимальной половине. Плоская внутренняя поверхность ее отделяется от боковых резкими гранями.

¹ Несколько меньшие размеры субфоссиальной кости по сравнению с современной объясняются стертостью ископаемой кости.

Перепел — *Coturnix coturnix*

Имеющийся фрагмент правой плечевой кости по строению дистального конца, форме диафиза и размерам сходен с плечевой костью современной перепелки. Ширина дистального конца кости из Луки-Врублевецкой 4.8 мм, передне-задний диаметр его 3.0 мм. У современной перепелки (№ 17 ЗИН АН СССР) эти размеры соответственно 5.2 и 3.2 мм.

Коростель — *Crex crex*

Имеющийся фрагмент правой плечевой кости принадлежит взрослой птице. По размерам и форме он сходен с костью современного коростеля. Ширина верхнего конца фрагмента 9.5 мм; ширина диафиза его 2.7 мм, а у современного 2.6 мм (экземпляр коллекции ЗИН АН СССР).

Целый правый *tarso-metatarsus* по форме и размерам показывает полное сходство с соответствующей костью современного коростеля (табл. 22).

ТАБЛИЦА 22

Размеры цевки коростеля (в мм)

	<i>Crex crex</i>	
	Луна-Врублевецкая	(современный: № 107 ЗИН АН СССР)
Наибольшая длина	41.0	42.5
Ширина дистального конца	6.0	6.0
Ширина проксимального конца	4.7	5.3

Неясыть серая — *Syrrium aluco*

Неясыти принадлежат 4 косточки от 2 особей. Три из них — правая плечевая кость, фрагмент бедренной кости и левая большеберцовая, — судя по индивидуальному возрасту и цвету, относятся к одному молодому экземпляру. Плечевая кость взрослого экземпляра по размерам и строению имеет большое сходство с соответствующей костью неясыти серой. Вытянутый гребень проксимального расширения начинается на уровне верхней трети гребня. Сильным изгибом диафиза эта кость резко отличается от плечевых костей всех дневных хищников, сходных с неясытью по размерам.

Сойка — *Garrulus glandarius*

Имеющаяся левая плечевая кость по размерам и форме показывает полное сходство с одноименной костью современной сойки (табл. 23).

ТАБЛИЦА 23

Размеры плечевых костей сойки (в мм)

	Лука-Врублевская	Современная (№ 46 ЗИН АН СССР)
Наибольшая длина	39.8	40.2
Ширина проксимального конца	±12.0	12.2
Ширина дистального конца	9.1	9.8

Дрозд — *Turdus*

Целая правая плечевая кость взрослой птички в форме и размерах имеет полное сходство с плечевой костью певчего дрозда — *Turdus pilaris* (табл. 24).

ТАБЛИЦА 24

Размеры плечевых костей дроздов (в мм)

	<i>Turdus</i> sp. Лука-Врублевская	<i>Turdus pilaris</i> (современный; № 133 ЗИН АН СССР)
Наибольшая длина	30.9	30.4
Ширина проксимального конца	10.6	10.7
Ширина дистального конца	8.2	8.2

Имеющийся правый *tarso-metatarsus* (без дистального конца) принадлежит какой-то птичке из отряда воробьиных. По форме эта кость напоминает цевку дрозда, но она крупнее цевки *T. musicus* (№ 418 ЗИН АН СССР) и *T. philon* и мельче *T. pilaris* (№ 133 ЗИН АН СССР).

Кроме того, в коллекции имеются еще 4 косточки птиц, ближе неопределенных из-за фрагментарности.

Приведенный список птиц, несмотря на малочисленность находок, уже сам по себе указывает на значительное облесение окрестностей поселения. Такие виды, как ястреб тетеревятник, орлан белохвост, тетерев, нея-

сыть серая, тесно связаны с высокоствольными лесами. Наличие их остатков в фауне Луки-Врублевской еще раз подтверждает вывод, сделанный на большом остеологическом материале по млекопитающим, — о значительном облесении всего района Среднего Поднестровья в эпоху раннего триполья.

РЫБЫ — PISCES

Этот класс позвоночных животных представлен в Луке-Врублевской значительным по сравнению с другими трипольскими памятниками количеством костей. Кости рыб определены старшим научным сотрудником Института рыбного хозяйства УССР Г. П. Шпет. В коллекции имеются 348 целых костей и их обломков, из которых всего лишь 28 фрагментов не поддаются определению. Принадлежат они примерно 40 особям. Очень богато представлены карповые (сазан, вырезуб, марена), среди которых особенно много остатков вырезуба. Кости карповых принадлежат рыбам, достигавшим значительных размеров. Так, крупнейшие из сазанов имели вес 12—15 кг, из вырезубов некоторые 4 кг, а одна из марен не менее 6 кг. Довольно много встречается остатков сома, ряд костей которого принадлежит экземпляру около 20 кг весом. Всего 6 косточками представлена щука, относительно мелких размеров. Одна кость принадлежит очень крупному судаку, весившему не менее 5 кг.

Рыбы по количеству костных остатков составляют около 8.5% от общего количества остатков диких животных, а по числу особей — свыше 15%. Наличие такого большого количества остатков рыб, при учете найденных при раскопках медных рыболовных крючков, указывает на рыболовство как на одну из существенных отраслей хозяйства у населения раннетрипольского поселения Луки-Врублевская.

БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ

Кроме описанных выше позвоночных животных, при раскопках было обнаружено огромное количество раковин пресноводной двустворки (*Unio pictorum*) различного индивидуального возраста. Абсолютное большинство остатков представлено разрозненными створками. Однако встречаются, хотя

ТАБЛИЦА 25

Промеры черепа быков (в мм)

	Луна-Врублевская		Вос. Восточное сирое-рося, Лодзкая (по Громовой)	Вос. минуса, Германия (по Громовой)	Серый украинский скот	
	№ 17.1406 (Инст. Зоолог. АН УССР)	вз. под очка в здании № 5 (ЛОИИМК)			№ 16378 (ЗИН АН СССР)	№ 16377 (ЗИН АН СССР)
Анатомическая мозговая ось — расстояние от заднего (при горизонтальном положении черепа — нижнего) края затылочного отверстия до середины прямой, соединяющей верхние края глазниц (промер 1 по Громовой) ¹	182	—	—	—	182	209
Заглазничная длина лба — от середины межрогового гребня до середины прямой, соединяющей верхние края глазниц (промер 4 по Громовой)	180	±180	216	—	153	184
Боковая длина лба — от верхнего края основания стержня до верхнего края глазницы (промер 5 по Громовой)	158	±160	160	—	173	198
Наибольшая длина височной ямки — от верхне-переднего угла ямки до задне-нижнего (промер 8 по Громовой)	114	±112	—	—	147	157
Ширина височной ямки — передне-задний поперечник ее (промер 9 по Громовой)	92	—	34	—	51	40
Глубина височной ямки (промер 10 по Громовой)	40	± 45	28	—	30	40
Наибольшая ширина лба — между наиболее выступающими в стороны (верхне-наружными) краями глазниц (промер 12 по Громовой)	208	±240	205	185—205	222	249
Наименьшая ширина лба — в височном сужении (промер 13 по Громовой)	176	±200	158	150—170	172	215
Ширина лба на межроговом гребне — между основаниями роговых стержней (промер 14 по Громовой)	ок. 147	190	127	—	149	181
Наибольшая ширина затылка — между вершинами надушных бугров (промер 16 по Громовой)	203	—	196	—	219	267
Наименьшая ширина затылка — между вершинами височных ямок (промер 17 по Громовой)	129	±170	121	108—137	136	187
Наибольшая высота затылка — от середины лобной поверхности межрогового гребня до заднего (при горизонтальном положении — нижнего) края затылочного отверстия (промер 18 по Громовой)	136	—	150	162—182	146	169
Наименьшая высота затылка — от той же точки до переднего (при горизонтальном положении черепа верхнего) края затылочного отверстия (промер 19 по Громовой)	102	—	110	100—127	114	181
Ширина затылочного валика — расстояния от переднего его края (от середины лобной поверхности межрогового гребня) до заднего, непосредственно над protuberantia (промер 20 по Громовой)	80	—	—	—	—	—
Размах концов роговых стержней	—	±700	—	—	473	760

¹ В. И. Громова. Первобытный бык или тур (*Bos primigenius* Boj) в СССР. Ежегодн. Зоолог. музея АН СССР, т. XXXII, вып. 3, 1931, табл. 1.

и очень редко, раковинки закрытые, обычно принадлежащие молодым экземплярам.

Значительно реже, чем двустворки, встречаются крупные раковинки виноградной улитки (*Helix pomatia*) и совсем редко — раковинки улитки обыкновенной (*Helix sp.*).

Наличие таких остатков указывает на собирательство как на одну из сторон хозяйственной деятельности раннетрипольского общества.

Самый беглый просмотр списка фауны из Луки-Врублевецкой указывает на сильную облесенность окрестностей поселения, как и вообще всего района Среднего Поднестровья. Последнее хорошо иллюстрируют данные табл. 17. Обширные лесные массивы, перемежавшиеся полянами и приречными лугами, создавали благоприятнейшие условия для охоты на многочисленных и разнообразных зверей и птиц.

Расположение поселения на берегу крупной реки позволяло населению заниматься рыболовством и выловом двустворок, употреблявшихся в хозяйстве для различных целей.

Однако несмотря на огромную роль охоты, рыболовства и собирательства, прослеживаемую при анализе фауны раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая, домашние животные к этому времени приобрели важнейшее значение. Как показывает исследование костных остатков из Луки-Врублевецкой и других памятников, близких к ней хронологически (например Греновка, Сабатиновка II), к этому времени уже полностью сложился характерный для Европы состав домашней фауны. Почти во всех поселениях встречены следующие виды: бык, коза, овца, свинья, собака и лошадь (табл. 17). Анализ отдельных видов домашних животных Луки-Врублевецкой и выяснение удельного веса каждого из них в экономике поселения даются ниже.¹

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Бык домашний — *Bos taurus*

По количеству костных остатков и по числу особей бык занимает второе место

¹ Обзор домашних животных Луки-Врублевецкой здесь приводится в самых кратких чертах. Подробный анализ предполагается в специальной работе.

в списке фауны домашних животных Луки-Врублевецкой. Это отличает раннеземледельческое поселение Лука-Врублевецкая от более поздних памятников триполья — Сушковки, Криничек, Павлочи и других, где наблюдается значительное преобладание быка над всеми другими видами домашних животных (см. табл. 17).

Бык из Луки-Врублевецкой представлен сильно развитыми костями всего скелета. Из крупных костей конечностей имеется только одна целая пястная кость (№ 17-1321 колл. Института зоологии АН УССР).

Несмотря на значительные размеры коллекции, вследствие сильной фрагментарности костей не представляется возможным сделать промеры серий костей. Наиболее полно представленные фаланги пальцев составляют серии всего лишь 18—19 экземпляров.

Среди остатков быка преобладают кости взрослых животных, но имеется много костей, принадлежащих не вполне взрослым особям — примерно в возрасте 1½—2 лет. Отмеченные особенности материала позволяют рассматривать домашнего быка Луки-Врублевецкой в основном как мясное животное.

Домашний бык в Луке-Врублевецкой представлен исключительно рогатой породой, значительной по своим размерам. Роговые стержни и трубчатые кости иногда значительно превышают размеры соответствующих костей рогатого скота типа *Bos taurus brachyceros* (рис. 1 и 2). Многие кости конечностей сходны по размерам с костями серого украинского скота (рис. 3).

Как видно из данных табл. 25, череп быка из Луки-Врублевецкой своими пропорциями резко отличается от черепа *Bos brachyceros*. Череп первого относительно короче и шире, чем у *B. brachyceros*. Так, выражаясь фигурально, форма лба у быка из Луки-Врублевецкой приближается к квадрату, а у *B. brachyceros* — к прямоугольнику; короткая сторона этого прямоугольника соответствует длине лба, а длинная — ширине его. Отношение наименьшей ширины лба (промер 8) к заглазничной длине его (промер 2) у первого составляет около 98%, у второго — 70%.

Размеры костей (череп и трубчатые кости) домашнего быка из Луки-Врублевецкой и некоторых других памятников видны из данных табл. 25 и 26.

ТАБЛИЦА 26

Размеры костей быков (в мм)

	Bos taurus, Лука-Врублевская		Серия украинский скот			Bos taurus, крупная форма ¹	Bos taurus primigenius ²	Bos taurus		
	крайние	средние	№ 1627 (Илот. воюлог. АН УССР)	° (по Long)	° (по Long)			Кривизны ²	Супп. форма ²	Дюбушана-Посад ³
Роговые стержни										
1. Обхват стержня у основания (перпендикулярно к осям)	148,7—244,0 (9 экз.)	182,0	—	—	—	182—192,3	807	120—155	—	141,5
2. Наибольший диаметр основания	52,6—86,0 (11 экз.)	64,0	—	—	—	42—64,3	108	43—55	—	46,5
3. Наименьший диаметр основания	40,8—66,5 (11 экз.)	49,7	—	—	—	89—51,3	85	34—43	—	41,5
4. Длина по хорде	121,0—276,0 (6 экз.)	201,0	—	—	—	—	—	—	—	—
5. Длина стержня вдоль большой кривизны	145,0—406,0 (6 экз.)	294,0	—	—	—	290—330,3	444	145—210	—	—
Индекс сплюснутости основания (3:2)		77,7					78,7			89,3
Нижняя челюсть										
Высота на уровне заднего края симфизиса	37,0, 37,8	—	39,1	—	—	—	—	—	—	—
Высота впереди P ₂	53,0, 55,0	—	50,0	—	—	—	43—60	—	42	—
Высота клювовидная	209,0	—	228	—	—	—	—	—	—	—
Высота суставная	155,5	—	173	—	—	—	—	—	—	—
Ширина суставного кондилуса	47,8—56,0 (5 экз.)	50,6	53,3	—	—	—	—	—	—	—
Зубы										
длина	18,5—21,2 (4 экз.)	19,8	—	—	—	—	—	—	14—16,5	—
ширина	12,0—15,0 (4 экз.)	13,1	—	—	—	—	—	—	—	—

¹ В. И. Громова. Остатки млекопитающих . . . , стр. 120—121. ² В. И. Громова. Матер. к позн. фауны трипольск. культа, табл. I—X. ³ Данные приводятся В. И. Громоной по Рюггеберу под названием *Bos taurus primigenius*.

Таблица 26 (продолжение)

	<i>Bos taurus</i> , Лука-Врублевская		Серый украинский скот			<i>Bos taurus</i> , крупная форма ²	<i>Bos taurus</i> , ртмидеитис ¹	<i>Bos taurus</i> брахурос ²	<i>Bos taurus</i>			
	крайние	среднее	№ 5627 (Инст. воолог. АН УССР)	♂ (по Громс)	♀ (по Громс)				Крынични ²	Сущновка ²	Любушка-Посоа ²	
P_3	длина	22.4	18.8	—	—	—	—	—	17.5—18.5	—	—	—
	ширина	13.9	13.7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
M_1	длина	26.0	22.2	—	—	—	—	—	23—24	—	—	—
	ширина	15.4	14.4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
M_2	длина	30.1	25	—	—	—	—	—	25—30	—	—	—
	ширина	14.8	15.5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
M_3	длина	42.8	40.4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	ширина	16.2	15.5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лопатка												
Наибольший поперечник суставной впадины												
Наименьший поперечник суставной впадины												
Плечевая кость												
Ширина нижнего конца вдоль оси валика												
Поперечник нижнего конца												
Поперечник нижнего суставного валика												
Лучевая кость												
Ширина верхнего конца												

Таблица 26 (продолжение)

	Вос тагича. Луна-Врублевская		Серый уларикский скот		Вос тагича. крупная форма:	Вос тагича. средняя форма:	Вос тагича. мелкая форма:	Вос тагича брасуе- рос:	Вос тагича		
	крайние	сред- нее	№ 5627 (Мест. воодог. АН УССР)	Вос тагича (по Дром- ру)					Вос тагича (по Дром- ру)	Кря- нчик:	Суш- новка:
Бедренная кость											
Ширина верхней суставной поверх- ности	69,9, 75,0	—	84,5	—	—	—	—	—	—	—	—
Передне-задний поперечник головки (4 экз.)	54,0—57,0 107,5	55,9	59,8	—	—	—	—	—	—	—	—
Ширина нижнего конца	—	—	125	—	—	—	—	—	—	—	—
Передне-задний поперечник ниж- него конца	ок. 110,0	—	144	—	—	—	—	—	—	—	—
Плечевая кость											
Ширина верхнего конца	47,9—59,6 (7 экз.)	55,8	58,6	68	ок. 48	69	41—47	47,5—57,9	—	—	—
Ширина диафиза посредине	26,8, 33,3	—	34,5	—	32	41	28—26	22,6—29,6	—	—	—
Ширина нижнего конца	55,0, 59,5	—	64	71,5	ок. 67	77,5	—	—	—	—	—
Передне-задний поперечник верх- него конца	46,8—55,5 (7 экз.)	51,7	51,8	60	—	—	—	—	—	—	—
Передне-задний поперечник диафиза Передне-задний поперечник ниж- него конца	30,2, 33,8 31,2, 31,7	—	35,7	—	—	—	—	—	—	—	—
		—	36	40,5	—	—	—	—	—	—	—
Плечевая кость											
Полная длина	142,0—160,0 (5 экз.)	146,4	157,5	165	—	173—196	124—135	145,7	—	—	—
Наибольшая ширина	46,6—54,0 (5 экз.)	46,0	50,5	56	—	—	—	—	—	—	—
Передне-задний поперечник на уровне processus coracoideus	51,9—61,3 (6 экз.)	56,7	59	58	—	—	—	—	—	—	—
Таранная кость											
Длина по наружному краю	54,0—74,9 (7 экз.)	69,0	75,8	82,5	—	88—89	62—65	69,7	73,5—80,5	—	—
Длина по внутреннему краю	51,3—66,0	63,8	69,8	—	—	—	—	63—75	72—78	—	—
Ширина верхнего отдела	37—51,7	46,6	51,5	59	—	51—58	—	45,2—53	47—51,5	—	—
Ширина нижнего отдела	35,1—50,6	44,6	52,5	55	—	52—56	37—40	45,9—51,1	47,1—51	—	—

Таблица 26 (продолжение)

	Вос таявца, Луна-Бруолевецкая		Серия украинский спот			Вос таявца, крупная форма:	Вос таявца, притягива- ния:	Вос таявца, высше- го:	Вос таявца			
	крайние	сред- нее	№ 5627 (Инт. зодот. АН УССР)	° (по Гром- ов)	° (по Гром- ов)				° (по Гром- ов)	Ква- дратки:	Суп- новна:	Лубушка- Посад:
1-я фаланга												
Наибольшая высота фаланги	54.0—78.0 (18 экз.)	65.4	66.5 ⁴	—	—	67—71	—	56—58	60—71.5	—	54	
Наибольшая ширина верхней су- ставной поверхности	29.0—38.0 (18 экз.)	32.7	38	—	—	34—35	—	90—92	30.5—34.3	—	25.8	
Ширина по середине когти	23.2—33.5 (18 экз.)	27.7	32	—	—	28—26	36—39	28—29	29.7—33.5	—	24.5	
Ширина дистальной суставной по- верхности	24.6—35.2 (18 экз.)	30.2	35	—	—	31—33	—	—	29.3—35.3	—	—	
2-я фаланга												
Наибольшая длина	42.6—49.6 (19 экз.)	47.4	46.9 ⁴	—	—	40—48	—	38	42—44.8	45.3	—	
Ширина проксимального конца	27.7—35.1 (19 экз.)	32.0	34.6	—	—	29—34	36—38	30	31—34.2	32.1—35	—	
Ширина дистального конца	22.0—31.7 (19 экз.)	26.6	33	—	—	24—29	29—31	20	25—31	27—29	—	
3-я фаланга												
Длина подошвенной пластинки по диагонали	67.0—79.2 (5 экз.)	73.8	72 ⁴	—	—	71—80	85—105	58—60	70—87	—	—	
Ширина ее посредине	24.2—30.5 (7 экз.)	27.7	28.2	—	—	25—34	28—37	18.4	25—30.5	—	—	
Ширина суставной поверхности по- средине	21.6—27.5 (10 экз.)	24.3	28.8	—	—	—	28—31	15.2	24.7—30.4	—	—	
Наибольшая высота	32.8—44.0 (9 экз.)	39.1	40	—	—	35—38	49—60	24	34—41.5	—	—	

⁴ Передняя конечность.

Как видно из табл. 26, бык из Луки-Врублевецкой по размерам сходен с быком из трипольского памятника Кринички. В обоих памятниках наблюдается почти

ли это результатом различных условий содержания скота или проявлением многопородности или же, наконец, отражением процесса индивидуальной и половой измен-

Рис. 1. Лобная часть черепа крупного домашнего быка из Луки-Врублевецкой, залегавшего под очагом 6 в жилище № 5, (ЛОИИМК).

полное совпадение крайних и средних значений в промерах всех костей быка. В то же время бык из Луки-Врублевецкой несколько

чivosti — это вопросы, требующие для своего разрешения специальных исследований.

Рис. 2. Мозговая часть черепа домашнего быка из Луки-Врублевецкой. (Колл. Инст. зоолог. АН УССР, № 17-1405).

уступает (иногда только в средних размерах) быку из Сушковки. С другой стороны, бык из Любушки-Посада своими более мелкими размерами резко отличается от быков из всех трех выше названных поселений. По размерам он приближается к таким мелким современным породам, как Владимирская, Ярославская.

В настоящее время невозможно решать вопрос об истинной причине наличия двух различных по размерам форм быка (мелкой и крупной) в составе фауны домашних животных трипольских поселений. Является

Рис. 3. Левая пястная кость домашнего быка из Луки-Врублевецкой. (Колл. Инст. зоолог. АН УССР, № 17-1321).

Мелкий рогатый скот — *Caprovinae*

Мелкий рогатый скот, судя по количеству остатков, не играл в питании жителей раннетрипольского поселения Лука-Врубле-

ТАБЛИЦА 27

Размеры роговых стержней мелкого рогатого скота (в мм)

	<i>Capra hircus</i>							<i>Ovis aries</i>			
	Луна-Врублевская		Краничи, триполье ¹	Латраген ¹	сваине постройа, Швейцария ¹	современная, Швейцария ¹	тип <i>prisca</i> , Кузнецкая обл. ²	Луна-Врублевская (ЗИН АН СССР)		<i>palustris</i> Rut ¹	<i>palustris</i> Anat ¹
	крайние	среднее						24306 (1)	34306 (2)		
Длина вдоль большой кривизны (вдоль переднего ребра, следуя его изгибу)	190—290	226	ср. 180	240	230	303	390	46	48	125—132	—
Длина по хорде	142—250 (3 экз.)	182	ср. 150	115	210	240	280	36	35	78—100	97—117
Обхват основания стержня	82—164 (6 экз.)	121	—	—	—	—	145	69	± 70	—	—
Наибольший поперечник основания стержня	30—67 (19 экз.)	48	39	51	34	45.5	37	26	27	37—42	25—27
Наименьший поперечник основания стержня	17.7—44.6 (19 экз.)	30.7	24	—	25	31.8	38	18.5	17.5	18	14—16

¹ В. И. Громова. Матер. к позн. трипольск. культ., стр. 99.

² В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I, 1940, табл. 5.

вещка существенной роли. По количеству костных остатков и особей он во много раз уступает и свинье, и крупному рогатому скоту, занимая третье место в домашней фауне поселения. Большинство костей, как видно из данных табл. 1, принадлежит козе, хотя в коллекции имеется и некоторое количество остатков овцы.¹ Меньше по сравнению с козой количество остатков овцы или даже полное отсутствие их отмечается для ряда трипольских поселений — Колодисто,² Сабатиновки II (см. табл. 17). В Петренах, по определению В. Д. Ласкарева, «. . . найдено мало овечьих костей»;

¹ Определение костей этих двух видов произведено по роговым стержням и фрагментам черепа, лучевым, таранным и пястным костям и по фалангам пальцев. Неопределенными остались мелкие фрагменты черепа и трубчатых костей, челюсти, фрагменты позвонков и разрозненные зубы. Они распределялись между козой и овдой соответственно с количеством достоверно определенных костей.

² А. А. Спицын. Раскопки глиняных влощадок близ с. Колодистого Киевской губернии. Изв. Археолог. комисси, вып. 12, 1904, стр. 100, 109, 112.

при этом он подчеркивает «козеобразный характер остатков костей».¹

Наличие или отсутствие овцы в том или ином поселении и различное количественное соотношение с козой объясняется, повидимому, какими-то специфическими хозяйственными особенностями, характерными для различных поселений. В одних местах могло преобладать козоводство, в других больший интерес представляло разведение овец.

Почти все кости мелкого рогатого скота принадлежат взрослым животным. Это позволяет рассматривать козу и овцу как животных, разводившихся не только ради мяса, но и ради шерсти.

Коза — *Capra hircus*

Коза из Луки-Врублевской, судя по строению роговых стержней, принадлежала к породе типа *Capra prisca*. Некото-

¹ Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII археолог. съезда в Екатеринославле, т. I, 1907, стр. 32—33.

рые роговые стержни достигают значительных размеров. Так, пара роговых стержней с лобной частью черепа (№ 17-242 Института

характера и составляет, там, где можно это определить, около $\frac{1}{7}$ части окружности (рис. 4 и 5).

Все эти признаки резко проступают на крупных стержнях и менее резко на мелких. Небольшое количество крупных стержней, значительные размеры их и резкость морфологических деталей позволяют относить их к самцам.

Размеры роговых стержней и некоторых костей конечностей коз приведены в табл. 27 и 28.

Как видно из табл. 27, крупные роговые стержни по своим размерам приближаются к стержням крупных коз типа *Capra prisca* из более поздних памятников и к роговым стержням *C. aegagrus*. Отношение наибольшего поперечника основания стержня к полной длине его у коз, включая и коз из Луки-Врублевецкой, составляет 14.6—23.1%. Для овец же этот индекс значительно выше: у торфяной овцы он равен 31.8 и 32.8%,¹ а у короткорогих овец из Луки-Врублевецкой — 56.5%. Если роговые стержни коз из Луки-Врублевецкой значительно отличаются

Рис. 4. Роговые стержни домашней козы из Луки-Врублевецкой. Вид спереди. (Колл. Инст. зоолог. АН УССР, № 17-242).

зоологии АН УССР) имеет длину вдоль большой кривизны около 290—300 мм. Интересно, что почти все крупные стержни представлены парами (левый и правый стержни одного животного) вместе с лобной частью черепа. У всех имеющихся пар оба стержня, как правило, обломаны в вершинной части на одном уровне. Возможно, что крупные стержни служили для хозяйственных надобностей, например как подставки для просушивания горшков.

Здесь небезынтересно вспомнить находку пары рогов благородного оленя с мутовкообразно расставленными вершинами и заточенным нижним концом штанги. Оба рога лежали у очажного пятна и, возможно, также служили хозяйственным целям.

В поперечном разрезе стержни довольно сильно уплощены и вытянуты в переднезаднем направлении. Переднее ребро, нередко начинаясь у основания стержня, быстро переходит в более или менее острое ребро, тянущееся вверх до самой макушки. Скрученность стержней положительного

Рис. 5. То же, что и на рис. 4. Вид сбоку.

и в абсолютных и в относительных размерах от овечьих, то этого нельзя сказать о костях конечностей. Из данных табл. 28 ясно видно, насколько незначительны были размеры коз и овец в Луке-Врублевецкой.

¹ В. И. Громова. Матер. к позн. трип. култ., стр. 97.

ТАБЛИЦА 28

Размеры костей конечностей мелкого
рогатого скота (в мм)

	Сапра Нісус, Лука-Врублевецкая		Ovis aries
	крайние	среднее	
Плечевая кость			
Ширина нижнего конца	28.3, 28.4	—	26.5, 26.8
Лучевая кость			
Длина кости	142, 143	142.5	—
Ширина верхнего конца	28.3—35.6 (7 экз.)	31.8	31.5
Ширина диафиза	16.0—24 (3 экз.)	18.9	—
Ширина нижнего конца	26.6—27.8 (3 экз.)	27.1	—
Пястная кость			
Длина кости	—	—	12.3
Ширина верхнего конца	—	—	19.9, 21.7
Передне-задний диаметр верхнего конца	—	—	11.8, 12.5
Ширина диафиза	—	—	23.7
Передне-задний диаметр диафиза	—	—	14.5, 16.1
Ширина нижнего конца	—	—	10.2, 10.6
Передне-задний диаметр нижнего конца	—	—	15.8
Большеберцовая кость			
Длина кости	—	—	19.9
Ширина верхнего конца	—	—	3.9
Передне-задний промер верхнего конца	—	—	37.4
Ширина диафиза	—	—	13.2, 14.9
Передне-задний промер диафиза	—	—	11.8, 12.9
Ширина нижнего конца	22.2—25.0 (4 экз.)	23.5	23.4—25 (3 экз.)
Передне-задний промер нижнего конца	15.8—18.6 (4 экз.)	17.5	18.1—19.0 (3 экз.)
Плюсневая кость			
Ширина верхнего конца	20.6	—	—
Передне-задний попе- речник верхнего конца	19.4	—	—
Ширина диафиза	17.7	—	—
Передне-задний попе- речник диафиза	9.8	—	—
1-я фаланга			
Полная длина	39.0	—	33.3
Ширина верхнего конца	12.5	—	12.4
Ширина диафиза	8.8	—	9.8
Ширина нижнего конца	10.1	—	11.2

Овца — *Ovis aries*

Достоверно определяемых костей овцы в коллекции имеется всего 16. Принадлежат они по крайней мере 5 особям. Наибольший интерес представляют остатки черепа: правая и левая лобные кости с коротенькими, сильно дивергирующими рожками, принадлежащие двум взрослым экземплярам; фрагмент правой половины лобной части черепа со сбитым у основания, ясно треугольного сечения роговым стержнем, окружность которого около 140 мм. Сохранившаяся теменная кость типична для овцы с лобно-теменным швом в виде треугольника. Межроговое пространство широкое и седлообразное. Фрагмент правой лобной кости с небольшим вздутием на месте рогового стержня. Правая и левая лобные кости с частями глазниц, без признаков роговых стержней, повидимому от одной особи.

Таким образом, из этого перечня черепных фрагментов видно, что в Луке-Врублевецкой содержались рогатые (3 особи) и комолые (2 особи) овцы. Следует указать, что рогатые особи не отличались крупными рогами, так как имеющиеся сильно дивергирующие роговые стержни тонки и коротки (табл. 27).

Фрагмент черепа с основанием рогового стержня в 140 мм принадлежал скорее всего самцу. Судя по размерам костей посткраниального скелета (табл. 28), овцы в Луке-Врублевецкой, так же как и козы, были небольших размеров.

Домашняя свинья — *Sus scrofa domestica*

По количеству костных остатков и по числу особей свинья занимает первое место в фауне домашних животных Луки-Врублевецкой. Более 50% остатков домашних животных относится к этому виду. Основная часть материала принадлежит полузрелым свиньям и поросётам различных возрастов, начиная от сосунков, — например одна нижняя челюсть (№ 24308[11] коллекции ЗИН АН СССР) принадлежит поросёнку в возрасте 2 месяцев.

Судя по размерам зубов и костей конечностей, свинья в Луке-Врублевецкой была представлена мелкой формой. Так, длина и ширина последнего коренного верхней челюсти (27.3—30.5×16.6—20.6 мм) полностью перекрывается соответствующими

размерами домашней торфяной свиньи (24—46×15—21 мм) и размерами самок домашней примитивной свиньи (25—30×13—20 мм).¹

Короткий симфизис нижней челюсти также позволяет сближать свинью из Луки-Врублевецкой, как и свинью из Криничек, с торфяной свиньей. Длина симфизиса у свиньи из Луки-Врублевецкой колеблется в пределах 59—77.6 мм, а у *Sus scrofa palustris*² она составляет 62—75 мм.

При сравнении последнего коренного верхней челюсти бросается в глаза отличие свиньи из Луки-Врублевецкой от свиньи из близкого к ней по времени памятника Мадара, проявляющей большое сходство с современной восточнобалканской формой. Индекс массивности этого зуба у свиньи из Мадара составляет 59.1%, а у современной восточнобалканской — 60.6%; у свиньи же из Луки-Врублевецкой он составляет 63.7%. Сравнивая по этому признаку диких свиней из этих трех пунктов, мы видим сходную картину. Кабан из стоянки Мадара (54.1%) близко стоит к дикой восточнобалканской свинье (55.5%), а кабан из Луки-Врублевецкой (56.9%) проявляет сходство в очертаниях зуба с современным кабаном с территории Волыни и Кавказа (58.5%).

На основании этого можно высказать предположение о различных расах свиньи в Мадара и в Луке-Врублевецкой, являющихся, возможно, следствием различия исходных для домашних свиней этих двух поселений диких местных форм. Повторяем, что это положение может быть выдвинуто провизорно. Для постановки таких вопросов необходимо, конечно, тщательное монографическое исследование серийного материала из ряда памятников. Для возможности в дальнейшем вести работу в этом направлении и приводятся в табл. 7 и 8 размеры зубов и костей конечностей домашней свиньи из Луки-Врублевецкой.

Большое количество остатков свиньи и преобладание костей молодых особей позволяет рассматривать свинью как животное, разводившееся в Луке-Врублевецкой исключительно ради мяса.

Несмотря на большой процент костей свиньи в остатках из Луки-Врублевецкой, следует, однако, заметить, что если этот вид и преобладает количественно, то все же по выходу полезной продукции он значительно уступал быку и в смысле экономического эффекта свинья стояла, конечно, на втором после быка месте даже в таком раннем памятнике триполья, каким является Лука-Врублевецкая.

Собака — *Canis familiaris palustris*

В коллекции имеется 75 косточек собаки по крайней мере от 12 особей; представлена она главным образом черепами и их фрагментами. Имеется 4 почти совершенно целых черепа. Много целых нижних челюстей. На фрагментах нельзя установить преднамеренного разбивания черепов и других костей скелета. Таким образом, ясно, что собака в пищу не употреблялась.

Все 4 целых черепа, фрагменты других черепов и нижние челюсти принадлежат взрослым, но отнюдь не старым животным. Остатков молодых собак не встречено (рис. 6—8).

Великолепная сохранность черепов позволяет точно установить в Луке-Врублевецкой наличие одной мало вариабельной породы. Череп собаки из Луки-Врублевецкой сравнительно короткий, с округлой мозговой коробкой и слабо развитым теменным гребнем. В срединной своей части последний так слабо развит, что скорее следует говорить об отсутствии, чем о наличии его. Он как бы замещен длинными лобными полукруглыми гребешками, в свою очередь так же слабо развитыми. Гребешки тянутся вдоль срединного теменного шва вплоть до верхней затылочной кости, не сходясь друг с другом на средней линии черепа. Мозговая коробка отделяется от лицевой части широким заглазничным перехватом. Слабо вдавленный посредине лоб относительно узок и невысок, с умеренно развитыми лобными вздутиями и короткими тупыми надглазничными отростками. Морда короткая и довольно широкая. Зубы умеренно развиты. Весь череп отличается слабым развитием мышечного рельефа.

По своим абсолютным и относительным размерам (табл. 29 и 30) черепа собак из Луки-Врублевецкой не отличаются от черепов типичной торфяной собаки во всех ее

¹ Данные взяты из работы Е. Г. Андреевой «Фауна Кюндраковского городища» (Пробл. происхожд., эволюц. и породобразов. домашн. животн., т. 1, 1940, стр. 366).

² В. И. Громова. Матер. к позн. трип. культ., стр. 100.

ТАБЛИЦА 29

Размеры черепов домашних собак (в мм)

№ промера		<i>Canis familiaris palustris</i> , Лука-Врублевская (Инст. зоолог. АН УССР)				Гримо-скифский город Ольвия		<i>Canis familiaris</i> , Камерун, № 9314 (ЗИН АН СССР)	<i>Canis familiaris tadogen- sis</i> ¹	<i>Canis familiaris scyrisi- cus</i> Копр, № 5807 (ЗИН АН СССР)
		№ 17-239	№ 17-240	№ 17-2397	№ 17-2438	<i>Canis palustris ta- dogenis</i> , № 5086 (Инст. зоолог. АН УССР)	<i>Canis palustris</i> , № 5088 (Инст. зоолог. АН УССР)			
1	Общая, или теменная, длина: от gnathion (от переднего края praemaxillae) до наиболее выдающейся назад точки затылочного бугра стреловидного гребня (до protuberantia occipitalis externa)	143.7	—	160.0	—	163.7	—	159.1	158.5	176.5
2	Кондиллярная длина: от gnathion до задних краев затылочного сочленового мыщелка	136.8	—	150.1	—	155.6	—	147.5	152.3	166.5
3	Основная длина: от gnathion до нижнего переднего края затылочного отверстия . .	129.9	—	141.7	—	146.6	—	139.2	146	153
4	Ось основания мозговой части черепа: от нижнего края затылочного отверстия до сфеноидального шва ² . . .	21.0	24.6	23.8	—	—	—	± 24	± 22	± 30
5	Ось основания лицевой части черепа: от сфеноидального шва до gnathion ³	106.8	—	116.6	—	—	—	± 114	124	127
6	Анатомическая ось мозговой части черепа: от верхнего края затылочного отверстия до середины линии, соединяющей середину концов надглазничных отростков (линия Юорта) ⁴	78.3	78.8	84.3	—	81.5	79.3	78.5	78.4	86
7	Анатомическая ось лицевой части черепа: от точки на середине линии, соединяющей середину концов надглазничных отростков, до gnathion ⁴	81.3	—	93.1	99	94.5	—	90.3	92	104
8	Морфологическая ось мозговой части черепа: от верхнего края затылочного отверстия до nasion (т. е. точки соединения носовых с лобными)	85.2	88.0	92.8	—	88.0	87.0	87.5	87.8	98

¹ Определение проф. А. А. Браунера.² В этом черепе наблюдается аномалия: M¹ dex. совершенно отсутствует и альвеолы его заросли. Вследствие этого M¹ vip. иначе поставлен в челюсти, отчего промеры его по длине и ширине одинаковы и отличаются его от нормально поставленного в челюсти зуба. Может быть следствием ранней утраты этого крупного зуба и является бросающееся в глаза искривление лицевой части черепа (см. рис. 6).³ Для характеристики пород значения не имеют.⁴ Промер более точный, чем промеры 8 и 9.

Таблица 29 (продолжение)

№ промера		<i>Canis familiaris palustris</i> , Лука-Врублевская (Инст. зоол. АН УССР)				Грено-сифский город Ольвия		<i>Canis familiaris</i> , Камерун, № 9314 (ЗИН АН СССР)	<i>Canis familiaris indogen- eis</i> ?	<i>Canis familiaris aegypti- cus</i> , Каир, № 5807 (ЗИН АН СССР)
		№ 17-239	№ 17-240	№ 17-237	№ 17-243	<i>Canis palustris la- dogenis</i> ?, № 5086 (Инст. зоол. АН УССР)	<i>Canis palustris</i> 1 № 5093 (Инст. зоол. АН УССР)			
9	Морфологическая ось лицевой части черепа: от nasion до gnathion	68.3	—	76.0	84	81.0	—	74.3	77	91.5
10	От nasion до наиболее выдающейся назад точки затылочного стреловидного гребня	74.0	76.7	93.0	—	91.0	86.2	92	90	96
11	Орбитная длина лицевой части от gnathion до ближайшего переднего края орбиты (более точно выражает морфологическую длину лицевой части черепа, чем морфологическая ось лицевой части)	60.1	—	67.3	76	70.5	—	68	67.5	79
12	Длина костного нёба: от gnathion до задней вырезки костного нёба	70.8	—	ок. 80.0	84.6	82.7	—	78.9	82	89
13	Расстояние от нижнего края затылочного отверстия до костного нёба	57.5	60.8	ок. 62.0	—	62.7	67.2	60.5	64	68
14	От заднего края нёба до заднего конца fissura nasopalatina	51.0	61.0	ок. 58.0	58.5	—	—	56	±60	61
15	От переднего края затылочного отверстия (nasion) до переднего края орбиты (как в промере 11)	84.5	88	88.5	—	—	—	86.2	91	99
16	От верхнего края нижнеглазничного отверстия до переднего края орбиты (как в промере 11)	18.5	22.8	18.8	24.5	18.8	18.6	20	±23	22.5
17	От верхнего края нижнеглазничного отверстия до gnathion	42.0	—	50.2	51	51.5	—	48.8	±48	55.5
18	Длина носового шва: от поздри до конца шва	45.0	49.9	49.0	—	51.4	—	50.4	—	61.5
19	Наибольшая длина носовых: от nasion до конца одной из носовых костей	51.7	—	55.8	—	58.0	—	56	52	66
20	Наибольшая ширина носовых костей спереди: расстояние между наружными краями концов носовых костей	12.0	±14.0	14.8	±17	12.4	—	15.5	—	15
21	Длина теменной кости по средней линии	27.5	21.8	21.3	—	21.5	20.5	—	—	±25
22	Длина лобной кости по средней линии	47.8	49.8	52.3	±55	51.0	42.5	±55	—	58

Таблица 20 (продолжение)

№ промера		<i>Canis familiaris patustris</i> , Лука-Врублевская (Инст. зоол. АН УССР)				Грено-скифский город Ольвия		<i>Canis familiaris</i> , Камерун, № 9314 (ЗИН АН СССР)	<i>Canis familiaris</i> (адорен- та)	<i>Canis familiaris acgypti-</i> cus, Каир, № 5807 (ЗИН АН СССР)
		№ 17-239	№ 17-240	№ 17-2297	№ 17-2433	<i>Canis patustris la-</i> <i>dogensis</i> , № 5086 (Инст. зоол. АН УССР)	<i>Canis patustris</i> , № 5085, (Инст. зоол. АН УССР)			
23	Высота лобного треугольника: расстояние от точки соеди- нения лобных полукруж- ных гребешков на стрело- видном шве до середины линии, соединяющей сре- дину концов надглазных отростков	65.0	ок. 67.0	ок. 70.0	—	54.0	—	50	66.5	46
24	Ширина щипца между на- ружными краями ячеек крайних резцов	20.5	—	22.5	19	24.3	ок. 23.8	22.5	±23	28.8
25	То же, между наружными краями ячеек клыков	28.0	—	31.9	33	34.4	ок. 30.0	32.5	—	34
26	То же, для P^1	26.8	28.5	29.0	31	34.0	ок. 29.8	33	30	32
27	То же, для хлщного зуба (P^4) на возвышении, образую- мом передним краем этого зуба	49.2	±48.0	48.6	49	56.6	50.2	53	48	53.5
28	Наибольшая ширина морды (промер сверху параллельно коронке зуба) или у ячеек P^4 или у ячеек M^1 , во там, где морда наиболее широка	55.1	57.0	58.0	55	62.8	58.8	56	56	60
29	Наибольшая ширина лѣба: между передними краями первых коренных (M^1) . . .	50.5	49.0	53.0	53	57.2	54.5	50	51	53.5
30	Межглазничная, или межор- битная, ширина: наимень- шее расстояние между вну- тренними краями орбит . . .	30.2	30.5	31.5	35.8	—	—	31.5	29	36
31	Наибольшая ширина лба: расстояние между концами надглазничных отростков	43.0	41.8	46.0	50	44.5	45.8	43.5	43	50
32	Заглазничная ширина, или височная уасть: наиболее узкое место между надглаз- ничными отростками и ве- ничным швом	33.6	36.9	36.1	39	36.5	33.0	32.5	32.5	39
33	Наибольшая ширина черепа (по теменно-височному шву)	53.2	54.4	54.7	—	—	—	53	54	56.5
34	Надслуховая ширина, или наибольшая ширина черепа выше слуховых отверстий, т. е. выше того острого канта, который служит про- должением верхнего ребра скуловой кости (промер веточек, лучше промер 35)	51.6	53.5	54.3	—	—	—	49.5	±51	58

Таблица 29 (продолжение)

№ промера	<i>Canis familiaris palustris</i> , Лука-Врублевская (Инст. зоолог. АН УССР)				Гречо-снпфский город Ольвия		<i>Canis familiaris</i> , Каневун, № 9314 (ЗИН АН СССР)	<i>Canis familiaris ladogensis</i>	<i>Canis familiaris acgypticus</i> , Канр, № 5307 (ЗИН АН СССР)
	№ 17-239	№ 17-240	№ 17-2297	№ 17-2433	<i>Canis palustris ladogensis</i> № 5086 (Инст. зоолог. АН УССР)	<i>Canis palustris</i> № 5093 (Инст. зоолог. АН УССР)			
35	Наименьшее расстояние между острыми кантами (надслуховыми), служащими продолжением верхнего ребра скуловой дуги и лежащими над слуховыми отверстиями (промер берется в лыемне)								
	53.0	54.2	57.6	—	60.7	57.7	54.5	59	63
36	Наибольшая затылочная ширина: расстояние между processus mastoidei, находящимися в точке пересечения надслухового канта и нижнего конца верхнего затылочного гребня (считается основанием затылочного треугольника)								
	54.5	±55.0	57.0	—	60.9	59.4	57	60.5	58
37	Высота затылочного треугольника: расстояние от середины верхнего края затылочного отверстия до наружного затылочного бугра								
	24.0	23.2	—	—	24.0	23.4	28.5	23.1	29
38	Высота морды на уровне промежутка P ₁ —P ₂								
	ок. 22.0	ок. 24.0	24.5	±30	ок. 25.5	—	25.5	27	28
39	Высота морды на уровне задней стенки нижнеглазничного отверстия								
	31.5	33.0	34.2	35	39.6	ок. 39.4	31	33	39
40	Высота между nasion и небом								
	39	41	±43	44	—	—	38	39.5	45
41	Высота морды от костного неба до середины лба (т. е. середины линии, соединяющей надглазничные отростки)								
	48.5	51.0	52.0	52.5	49.6	46.5	47.4	48	52
42	Наибольшая высота черепа: упор на яремные отростки на P ⁴ и M ¹ (а не на клыки)								
	61.8	62.4	64.5	—	—	62.3	64.5	62	72
43	Высота мозговой части черепа от основной части затылочной кости (pars basilaris ossis occipitalis), на линии слуховых отверстий, до левой стреловидного гребня								
	50.4	53.5	56.0	—	48.0	49.2	52	50.5	56
44	Высота черепа от основной части затылочной кости, на линии слуховых отверстий, до основания стреловидного гребня								
	37.2	42.5	45.0	—	44.4	44.2	43	45	47
45	Длина слухового пузыря								
	20.4	—	19.5	—	19.1	21.6	18.5	20	20
46	Наибольшая ширина слухового пузыря								
	15.6	—	15.0	—	19.1	17.9	18.3	14.3	14.3

Таблица 29 (продолжение)

№ промера		<i>Canis familiaris palustris</i> , Лука-Врублевская (Инст. зоолог. АН УССР)				Грено-сифский город Ольвия		<i>Canis familiaris</i> , Камерун, № 9314 (ЗИН АН СССР)	<i>Canis familiaris ladogensis</i> ¹	<i>Canis familiaris desruptus</i> , Камер. № 5807 (ЗИН АН СССР)
		№ 17-239	№ 17-240	№ 17-2297	№ 17-2433	<i>Canis palustris ladogensis</i> ¹ № 5086 (Инст. зоолог. АН УССР)	<i>Canis palustris</i> № 5093 (Инст. зоолог. АН УССР)			
47	Наибольшая ширина затылочного отверстия	15.0	16.4	17.5	—	17.7	19.2	17.5	17	18
48	Высота затылочного отверстия	13.1	14.6	14.5	—	17.7	15.9	15	15	17
49	Длина зубного ряда (P+M) по ячейкам	51.0	55.5	53.0	56.7	58.9	57.6	54.5	57	59
	Длина лицевой зуба:									
50	по ячейке	14.5	14.7	15.3	17	17.2	18.1	14	15	16
51	по коронке	16.0	17.2	16.4	17.5	—	18.9	14.6	16	17.1
52	Длина обонх коренных по ячейкам	17.0	15.5	15.0	17	17.1	14.7	15.3	15	16
53	Длина M ¹ по ячейке	12.4 ²	10.1	9.2	10.5	10.0	9.2	9	8.6	11.5
54	Длина M ¹ по коронке	—	—	11.2	—	12.8	—	—	9.8	12.7
55	Ширина M ¹ по коронке	12.9	13.9	13.5	—	16.0	14.8	—	15	14.5
	Длина M ² :									
56	по ячейке	—	5.8	5.5	6.3	—	5.2	5.4	—	6
57	по коронке	—	6.7	6.0	7.2	—	5.8	6.3	—	6.5
	Ширина M ² :									
58	по ячейке	8.0	9.2	8.5	9	10.3	8.7	7.7	—	8.5
59	по коронке	—	9.6	8.8	9.9	—	9.2	8.4	9	9.5

ТАБЛИЦА 30

Отношение некоторых промеров черепов собак к основной длине (в %)

	Торфяная собака (по Штудеру) ¹	<i>Canis familiaris palustris</i> <i>ladogensis</i>	<i>Canis palustris</i> , среднее из 4 авт. (по Браунеру) ¹	<i>Canis familiaris palustris</i> , Лука-Врублевская (Инст. зоолог. АН УССР)		<i>Canis familiaris</i>		Карельская лайка № 5823 (ЗИН АН СССР)
				№ 17-239	№ 17-2297	Камерун № 9314 (ЗИН АН СССР)	Камер. № 5807 (ЗИН АН СССР)	
Основная длина черепа (в мм)	133—137 (редко 152)	145	136	129.9	141.7	139.2	178.5	174
Наибольшая ширина по теменно-височному шву	98.2	37.2	—	40.9	38.6	38.0	81.6	81.6
Наименьшая ширина черепа между глазами	22	20	22	23.2	22.2	22.4	20.1	24.7
То же между надглазничными отростками	28.9	29.6	28.9	33.1	32.4	31.2	27.9	35.8
То же за надглазничными отростками (т. е. височная узость)	24.6	22.4	24.6	25.8	25.4	23.3	31.6	19.5

¹ А. Браунер. Собаки каменного века р. Амура. Тр. Геолог. комитета, нов. сер., вып. 100, 1923, табл. 2.

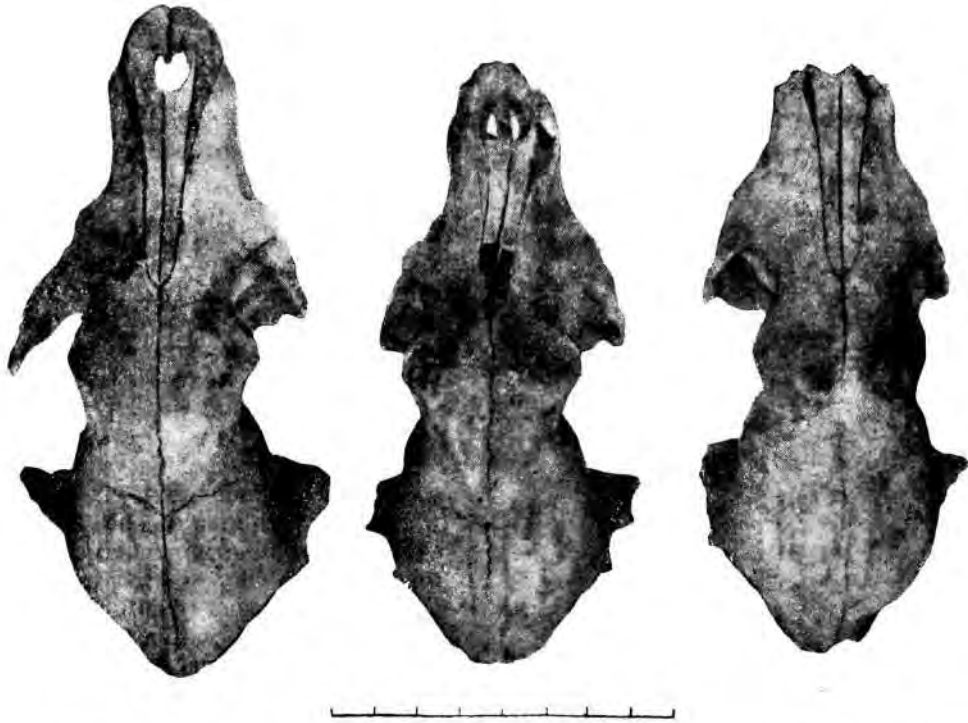

Рис. 6. Черепа домашних собак из Луки-Врублевской. Вид сверху. (Колл. Инст. зоолог. АН УССР, №№ 17-2297, 17-239, 17-240).

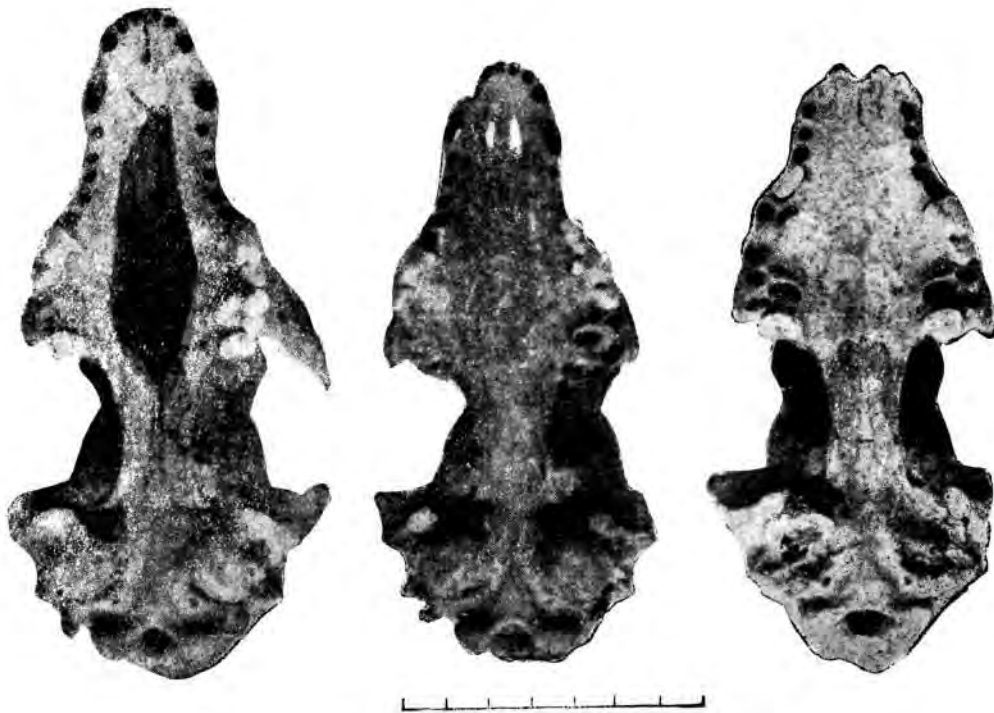

Рис. 7. То же, что и на рис. 6. Вид снизу.

вариететах, начиная от *C. familiaris palustris ladogensis*, через собак неолита средней и южной Европы, до торфяной собаки Италии включительно. Интересно вспомнить указание Иеттелекса о сходстве *C. familiaris palustris* с собаками из древнеегипетских

Рис. 8. То же, что и на рис. 6. Вид сбоку.

гробниц (мумии собак в Сиуте) и указание Штудера¹ о сходстве ее с собакой папуасов с архипелага Новая Британия. Кроме того, можно указать на паразитальное сходство всех черепов собак из Луки-Врублевецкой, черепа ладожской собаки (череп №1 Анучина) и черепов европейской торфяной собаки с имеющимся в коллекции Зоологического музея АН СССР черепом домашней собаки из Камеруна № 9314.² Как видно из табл. 29

¹ St u d e r. Beitrag zur Kenntniss der Hundegassen in den Pflaubauten. Arch. f. Anthropol., т. XII, 1879.

² По документации музея не удалось установить точное происхождение этого черепа. Остается даже невыясненным принадлежность его — к субфоссильным или современным собакам.

и 30, череп камерунской собаки полностью совпадает и в абсолютных и в относительных размерах с черепами торфяной. Незначительное морфологическое отличие проявляется в наличии хорошо выраженного, хотя и слабо развитого теменного гребня и коротких лобных полукружных гребешков, сходящихся друг с другом по средней линии немногим далее лобно-теменного шва.

Близко к указанным собакам стоит и современная североафриканская собака, отличающаяся несколько большими размерами черепа и относительной шириной заглазничного перехвата. Не останавливаясь здесь специально на сравнении с другими собаками — и современными, и ископаемыми, что требует специального исследования, укажем только на отличие карельской лайки, которую сближают с торфяной собакой, от указанных выше форм (табл. 30). На черепе карельской лайки бросается в глаза значительная ширина лба, резкий заглазничный перехват, смыкающиеся почти на уровне этого перехвата короткие лобные гребешки, узкая мозговая коробка с резко развитым теменным гребнем.

В полном соответствии со степенью развитости черепа стоят размеры и строение нижней челюсти. Размеры ее также не велики (табл. 31), озубление умеренно развито, мышечный рельеф слабый.

Проведенные сравнения ни в коей мере не могут быть положены в основу каких-либо выводов, они лишь раз подчеркивают необходимость монографического пересмотра собак в целях постановки и решения вопроса о происхождении домашних собак и их отдельных пород.

Незначительные размеры черепов собак из Луки-Врублевецкой указывают на породу небольших размеров, не отличающуюся мощностью сложения. Это было, повидимому, небольшое, легко сложенное, подвижное животное. Учитывая сделанный ранее вывод о большом развитии пушного и зверового промыслов, можно говорить о важной роли собаки — незаменимом помощнике на охоте. Кроме того, собака, повидимому, выполняла сторожевую службу.

Лошадь — *Equus caballus*

В коллекции имеются всего 22 кости от 4 особей. Все остатки принадлежат исключительно взрослым животным. Кости ло-

ТАБЛИЦА 31

Промеры нижних челюстей собак из Луки-Врублевецкой (в мм)

	Крайние	Среднее
Кондилоидная длина—от резцовых альвеол до кондилуса	105—124.7 (4 экз.)	118.6
Ангулярная длина—от резцовых альвеол до задней точки ангулярного отростка	125	—
Высота за клыками	14.7—19.2 (6 экз.)	16.9
Высота перед M_1 (хищный)	16.2—23.8 (6 экз.)	19.7
Высота венечная—от нижней точки ангулярного отростка до высшей точки венечного отростка	47—48.7 (4 экз.)	47.5
Длина клыка ¹	10—10.6 (3 экз.)	10.3
Ширина клыка	6—8	7.1
Высота коронки клыка	15.5—17 (3 экз.)	16.3
P_{m1} { длина	5	—
{ ширина	4	—
{ высота	3	—
P_{m2} { длина	7—9.5 (4 экз.)	8.2
{ ширина	4.1—5.1 (4 экз.)	4.7
{ высота	5.5—6.8 (4 экз.)	6.1
P_{m3} { длина	8.6—10.9 (5 экз.)	9.7
{ ширина	4.4—5.6 (5 экз.)	5.2
{ высота	6.1—8 (5 экз.)	6.9
P_{m4} { длина	9.9—11.7 (5 экз.)	10.6
{ ширина	5.5—6 (5 экз.)	5.8
{ высота	6.5—8 (5 экз.)	7.4
M_1 { длина	20.5—22.5 (4 экз.)	21.2
{ ширина	8.4—8.8 (4 экз.)	8.6
{ высота	9—13.5 (4 экз.)	12
M_2 { длина	7.5—9.5 (6 экз.)	8.2
{ ширина	6—7.2 (6 экз.)	6.4
{ высота	4—5.8 (6 экз.)	5
M_3 { длина	4.2	—
{ ширина	3.8, 4.0	—
{ высота	2.8	—

¹ Все промеры зубов берутся в основании коронки.

шадя отличаются значительно меньшей степенью разбитости по сравнению с костями других копытных животных. Так, найдена совершенно целая нижняя челюсть (рис. 9), почти полная бедренная кость, фаланга и др.

При определении принадлежности остатков лошади из Луки-Врублевецкой к домашней или дикой форме по морфологическим признакам мы руководствовались выводами В. И. Громовой, просмотревшей, по нашей просьбе, все имеющиеся материалы. Основываясь на промерах и особенностях строения ряда костей, В. И. Громова не считает возможным отнесение этих остатков к тар-

Рис. 9. Нижняя челюсть лошади из Луки-Врублевецкой. (Колл. Инст. зоолог. АН УССР, № 17-30)

пану и полагает более правильным определение их как остатков домашней лошади.

Лошадь из Луки-Врублевецкой по своим размерам принадлежит мелкой коренастой форме с крупной тяжелой головой (табл. 32). По абсолютным и относительным размерам имеющихся костей ее можно сблизить с тарпаном, лошадью Пржевальского и с мелкими лошадьми севера Сибири (с островов Ляховского, Котельного, с Таймыра), т. е. отнести к группе мелких коренастых лошадок.

Основная длина черепа, рассчитанная по длине нижней челюсти, умноженной на характерный для лошадей указатель Громовой 1.185, у лошади из Луки-Врублевецкой должна быть 509—510 мм. Отсюда, умножив ее на коэффициент Неринга 3.0, мы получаем рост лошади из Луки-Врублевецкой в 153 см, что позволяет отнести ее к группе мелких (по Дюрсту) лошадей.

Нижняя челюсть короткая, немногим более челюсти тарпана и лошади Пржевальского, низкая (отношение коронной высоты к длине составляет всего 50%), с короткой диастемой, широкой (передне-заднее из-

ТАБЛИЦА 32
Размеры костей Equus

	caballus Лука-Вруб- левская	Gmelini ¹ (№ 521 ЭИИ АН СССР)	Przewalskii ¹	
			крайние	среднее
Пястная кость				
1. Ширина нижнего конца в надсуставных буграх	48.5	45	—	—
2. То же, в суставах	49.5	47	45—49	—
Пяточная кость				
3. Полная длина	104.0	103.5	99—111.5	104.8
4. Длина тела	75	75	70—80	75.9
5. Наибольшая ширина	49	49	46—53	49.8
6. Ширина tuber calcanei	ок. 32	29.5	29.5—33	30.9
7. Поперечник его	46.5	46	44—50	47.6
8. Поперечник у прес. coracoideus	48.5	48	44—49	47.3
9. Длина нижней языковидной фасетки	16	11.5	14.5—15.5	—
10. Высота ее	9	10	10.5, 10	—
11. Длина верхней языковидной фасетки	22	22	24, 25.5	—
12. Высота ее	12	11	10.2, 11	—
13. Длина переднего отдела кубовидной фасетки	20	17.5	16.5	—
14. То же, заднего ее отдела	14.5	14	17.5	—
Индекс ширины пяточной кости к длине (5 : 3)	47.1	47.9	44.7—49	47.3
Индекс длины тела ее (4 : 3)	72.1	72.8	—	—
Индекс поперечника ее (8 : 3)	46.6	46.4	43.1—47.5	44.8
Индекс ширины tuber calcanei (6 : 3)	30.8	28.5	29.5	—
Индекс поперечника его (7 : 3)	44.7	44.4	42.7—50	45.5
Индекс нижней языковидной фасетки (10 : 9)	86.5	86.1	72.1, 64.8	—
Индекс верхней языковидной фасетки (12 : 11)	54.5	50	42.5, 43.9	—
Индекс кубовидальной фасетки (14 : 13)	70.3	80	106	—
Таранная кость				
1. Наружная длина	54	52.5	50.5—58	53.9
2. Внутренняя длина	55	54	52—58	55.2
3. Длина медиального гребня по хорде	56.5	58	48—59.5	55.4
4. Наибольшая ширина	58.0	59.5	58—63	59.4
5. Ширина нижней суставной поверхности	50.5	48	45.5—51	49.7
6. Ширина суставного блока (перпендикулярно к оси)	47.0	48.5	44—53	48
7. Наибольший поперечник	49.5	50	45—52	49.3
8. Поперечник нижней суставной поверхности	34.0	33.5	33, 34.5	—
Индекс ширины к длине (4 : 2)	105.4	110.2	102.3—113.5	107.5
1-я фаланга задней ноги				
1. Полная длина	77.0	71	74—84	—
2. Длина по средней линии передней поверхности	71.0	67.3	68—77.5	—
3. Ширина верхнего конца	54.0	53.7	49.5—54	—
4. Поперечник верхнего конца	37.0	35.5	36.5—39	—
5. Ширина нижнего конца	44.5	44.7	41.5—44.5	—
6. Поперечник нижнего конца	25.5	24	23—25	—
7. Ширина посредине кости	34.5	34	30.6—35	—
Индекс ширины верхнего конца (3 : 1)	70.1	75.6	63.4—68.9	—
То же, нижнего конца (5 : 1)	57.7	63	51.9—57.4	—
То же, срединной ширины (7 : 1)	44.7	47.9	37.8—44.6	—
Нижняя челюсть				
Полная длина	±480	400	398—419	409.5
Длина коренных	188	177	186—194	190
Длина диастемы	72	79.5	76—90	83
Кандилоидная высота	218	210	214—229	222
Высота позади M ₃	114	116	110—127	117
Высота спереди P ₂	55	45	51—55	53

¹ В. И. Громова. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете, ч. I. Тр. Палеонтолог. инст., т. XVII, вып. I, 1949.

меренце) восходящей ветвью и с резким уступом на нижнем крае ветви на уровне последнего коренного.

Все известные изображения лошади из Бильче-Злота, Петрен и других памятников передают тип кулана или же тип тяжелоголовой горбоносой лошади, напоминающей лошадь Пржевальского (Сушковка, Кошиловцы). Таким образом, данные апализов костных остатков и изобразительного искусства из трипольских поселений довольно согласно указывают на тип лошади сравнительно небольших размеров с крупной массивной головой.

Из близких по возрасту к Луке-Врублевецкой поселений — Сабатиновка II и Греновка¹ — тоже есть остатки лошади, морфологически сходные с остатками этого вида из Луки-Врублевецкой.

Малочисленность остатков лошади во всех трех поселениях раннего этапа триполья характерна и для более поздних памятников (Сушковка, Кринички, Любушка-Посад и другие) трипольской культуры. В наиболее крупной коллекции из поселения Кринички на 118 костей различных животных лошади принадлежат всего 3. Из 228 костей домашних животных в Сабатиновке II к лошади отнесены всего 16. В полном соответствии с небольшим количеством остатков лошади стоит и относительная редкость изображений этого вида.

Все сказанное указывает на то, что лошадь с ее ограниченными возможностями использования в оседлом хозяйстве земледельцев была далеко не эквивалентна по своему хозяйственному значению крупному рогатому скоту.

ВЫВОДЫ

1. Фаунистические остатки из Луки-Врублевецкой представляют наиболее полное собрание из раннеземледельческих поселений. Полнота и разнообразие видов животных позволяют осветить ряд актуальных вопросов естественно-исторического и культурно-исторического порядка. Прежде всего следует указать, что Среднее Поднестровье в раннетрипольское время представляло область, занятую высокоствольными лесами лиственного типа. Присутствие таких типич-

ных представителей леса в фауне поселения, как куница лесная, рысь, росомаха, белка, бобр, лось, подтверждают сказанное. На развитие лесов указывает также и наличие в составе найденных в Луке-Врублевецкой птиц — неясыти серой, ястреба тетеревятника, тетерева, избирающих обычно местом своего обитания крупные лесные массивы. Вместе с тем, в Среднем Поднестровье имели широкое развитие лесные поляны — излюбленные места оленей, косули и других копытных животных. Значительные размеры оленя и многочисленность остатков его, так же как и косули, указывают на развитие здесь благоприятных стадий для названных видов. Относительно мелкие размеры копытных фаланг лося из Луки-Врублевецкой, по сравнению с современными представителями этого вида, обитающими в таежных лесах и урехах, свидетельствуют о существовании здесь лесов по преимуществу лиственных, с твердым грунтом, в отличие от лесов таежного типа.

С фауной из Луки-Врублевецкой могут быть сопоставлены списки животных из других трипольских поселений, а также, насколько это возможно, и фауны из зарубежных раннеземледельческих поселений (см. табл. 17). Такое сопоставление позволяет сделать вывод, что в трипольское время сильно облесенной оставалась вся территория юго-восточной и центральной Европы. Лишь постепенно эта обширная территория утрачивала лесной покров под воздействием хозяйственной деятельности человека, в первую очередь вследствие расчистки лесных площадей под посевы.

2. Серьезное значение для решения вопроса о происхождении животноводства в юго-восточной Европе имеет собрание костей домашних животных из Луки-Врублевецкой. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что уже в раннем триполье мы встречаем все основные виды современных европейских домашних животных. В составе домашних животных Луки-Врублевецкой присутствуют бык, мелкий рогатый скот (козы и овцы), свинья и собака. К этому списку, по видимому, должна быть добавлена и лошадь.

Состав домашней фауны и появление ее в полностью сформировавшемся для Европы виде наводит на мысль о наличии широких связей ранних трипольцев с обитателями восточного Средиземноморья и

¹ Фауна из раскопок М. Л. Макаревич в 1947—1948 гг. была просмотрена нами.

даже более отдаленных южных областей. Это согласуется с выводом В. И. Громовой о возможной передаче домашних животных в Восточную Европу из восточной части Средиземноморья. Об этом в первую очередь говорят остатки мелкого рогатого скота (овцы, козы), достоверных предков которого мы не находим в юго-восточной Европе.¹ Напротив, бык, свинья и собака могли быть одомашнены еще в неолитическую пору на месте на основе местных диких видов. Возможно, что domestикация лошади тоже произошла на месте, хотя прямых указаний для положительного решения этого вопроса еще недостаточно.

Обращают на себя внимание некоторые биологические особенности домашних животных из Луки-Врублевецкой. Так, например, бык представлен здесь крупной породой, сходной с современным серым украинским скотом и ископаемым первобытным быком. Мелкий рогатый скот, наоборот, представлен не крупными формами, причем среди овец в Луке-Врублевецкой встречаются как рогатые, так и комолые особи. Собаки из Луки-Врублевецкой принадлежали широко распространенной в энеолите Европы торфяниковой породе — *Canis familiaris palustris*. Можно указать также, что лошадь была сравнительно мелкая по общим размерам тела и обладала крупной массивной головой.

3. Анализируя фауну из Луки-Врублевецкой с точки зрения ее значения в эконо-

мике древнего населения, можно сделать следующие замечания. Животная пища человека состояла из продуктов животноводства, охоты, рыболовства и речного собирательства. По своему экономическому значению охота и животноводство занимали почти равное положение в хозяйстве и являлись ведущими производственными формами, во всяком случае по отношению к рыболовству и собирательству.

Основное положение в стаде домашних животных занимал бык. Затем большая роль принадлежала свинье — животному, быстро размножающемуся, дающему запас мяса и довольно неприхотливому. Разведение мелкого рогатого скота не получило еще широкого развития. Возможно, что он использовался в основном для получения легких шкур и шерсти.

На раннем этапе развития триполья животноводство имело еще недостаточно продуктивный характер, что стоит в связи с преимущественно мясным направлением его, слабым использованием пастбищных ресурсов и недостаточной интенсивностью земледелия. Ввиду этого охота продолжала еще играть существенную роль в экономике общества, пополняя потребности населения в мясе.

В раннем триполье был широко развит пушной промысел, о чем говорят многочисленные остатки хищных животных и некоторых грызунов (лисица, куница, росомаха, выдра, бобр, белка, заяц и другие).

Дальнейшие исследования фауны Луки-Врублевецкой, при наличии такого важного эталона, как настоящее фаунистическое собрание, возможно позволят подойти к решению более общих вопросов, связанных с основной проблемой происхождения домашних животных на юго-востоке Европы.

¹ В. Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. . . , стр. 110—111. — С. Н. Боголюбский. О путях к овладению эволюцией домашних животных. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I, М.—Л., стр. 27—28.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<p>От автора . . . . .</p> <p>Введение . . . . .</p> <p style="padding-left: 2em;">Археологическое изучение Среднего Поднепровья (историческая справка) (9). Географическая обстановка в районе расположения Луки-Врублевской (12). Топография и стратиграфия памятника (14). Методика раскопок (17).</p> <p>Глава I. Жилища и хозяйственные сооружения . . . . .</p> <p style="padding-left: 2em;">Описание жилищ, их конструктивные особенности. Остатки материальной культуры, встреченные в жилищах (20). Конструктивное сходство жилищ Луки-Врублевской с жилищами ранних земледельцев и скотоводов Европы (67). Исторические корни домостроительства в раннем триполье (71).</p> <p>Глава II. Орудия труда ранних трипольцев . . . . .</p> <p style="padding-left: 2em;">Кремневые орудия. Характеристика кремневого материала. Классификация и описание кремневых форм и вопрос о назначении их (78). Каменные орудия. Классификация и описание орудий и вопрос о назначении отдельных форм (91). Исторические истоки техники обработки кремня и камня (96). Орудия из рога и кости. Классификация и описание. Назначение орудий из рога и кости (110). Изделия из меди. Описание медных предметов и аналогии к ним (119). Химический состав медных предметов (123). Происхождение медного инвентаря (124).</p> <p>Глава III. Керамика . . . . .</p> <p style="padding-left: 2em;">Вводные замечания к вопросу о трипольской керамике (125). Горн для обжига посуды (127). Типы сосудов. Кухонная и столовая (бытовая) посуда. Антропоморфные и зооморфные черты в керамике</p>	<p>5</p> <p>9</p> <p>20</p> <p>78</p> <p>125</p>	<p>(133). Система орнаментации керамики (148). Значение керамики для выяснения проблемы происхождения трипольской культуры (157).</p> <p>Глава IV. Остатки флоры и фауны . . . . .</p> <p style="padding-left: 2em;">Остатки флоры из Луки-Врублевской и других трипольских памятников (170). Вопрос о форме земледелия (175). Остатки фауны. Фауна трипольских местонахождений и ее значение (178). Фауна из Луки-Врублевской и ее место среди других фаунистических комплексов (184). Естественно-историческая среда в Поднепровье по данным флоры и фауны (187). Некоторые выводы. Охота, рыболовство и собирательство как основа хозяйственного уклада местных племен. Внедрение земледелия и скотоводства. Два источника происхождения хозяйственного уклада раннетрипольских племен (189).</p> <p>Глава V. Некоторые идеологические представления древних земледельческо-скотоводческих племен юго-востока Европы . . . . .</p> <p style="padding-left: 2em;">К постановке вопроса (193). Культовое захоронение ребенка в жилище № 5 и его значение (194). Украшения, обереги для людей и животных, предметы для игр (199). Обломки моделей жилищ (202). Скульптура. Классификация скульптуры. Женские и мужские статуэтки. Стиль и декорировка (104). Отличительные особенности скульптурных изображений по этапам развития триполья (215). Женские статуэтки триполья и фигурки женщин из поселений юго-восточной Европы, Балкан, Малой Азии, Переднего и Среднего Востока. Морфологическая и сюжетная связь. Моделировка рук в виде конических отростков и значение этого сюжета в пластике триполья (218). Зооморфные изображения и их стилистиче-</p>	<p>170</p> <p>193</p>
--	--	--	-----------------------

ская связь с фигурками животных широкого ареала расселения земледельческих племен (238). Скульптурные изображения животных и вопрос о времени и месте приручения лошади (244). Значение скульптурных изображений в верованиях ранних земледельческо-скотоводческих племен юго-восточной Европы. К постановке вопроса (247). Образ женщины (девушки) в пластике триполья и его значение в культе плодородия (250). Время изготовления антропоморфных фигурок (258). Участие женских фигурок в культе предков, погребальном ритуале, в культе, связанном с охраной и сбережением домашнего очага, амулеты-охранители (258). Значение мужских статуэток. Культ Германа и Ярилы (263). Культовое назначение фигурок (265). Выводы (271).	
Глава VI. Краткие итоги изучения археологического	
материала из Луки-Врублевцевкой	276
К постановке вопроса о происхождении трипольской культуры. Местные и средиземноморские черты культуры в археологическом материале Луки-Врублевцевкой. Сложение трипольской культуры как результат ассимиляции местных племен пришлыми племенами из восточного Средиземноморья (276). Экономический и социальный строй раннетрипольского общества (281).	
Таблицы 1—116	291
Приложение	
В. И. Библикова. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевцевка . . .	411

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР

Редактор Издательства *М. В. Медведев*. Технич. редактор *А. В. Смирнова*. Корректор *Н. М. Шилова*

РИСО АН СССР № 89—80 В. М. 24534. Подписано к печати 18/IV 1953 г. Бумага 84 × 108/16. Бум. л. 14^{3/8}. Печ. л. 46.25. Уч.-изд. л. 49.12 + 1 вкл. (0.24 уч.-изд. л.). Тираж 3000. Зак. № 496. Номинвал по прейскуранту 1952 г. 32 руб. 10 коп.

1-я тип. Изд-ва Акад. Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.